

A 949

57/64

УЧЕБНО-НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТЪ
4805

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОСТОЯНІИ РЫБОЛОВСТВА

ВЪ

РОССІИ.

ИЗДАНЫ

МИНИСТЕРСТВОМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

ТОМЪ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНОГО КОМИТЕТА МОН. С. П.

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF TORONTO

UNIVERSITY OF TORONTO

COLUMBIAN UNIVERSITY

UNIVERSITY OF TORONTO

UNIVERSITY OF TORONTO

UNIVERSITY OF TORONTO

UNIVERSITY OF TORONTO

UNIVERSITY OF TORONTO

UNIVERSITY OF TORONTO

А 9999

1805

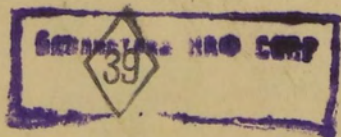

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

о

СОСТОЯНІИ РЫБОЛОВСТВА

ВЪ РОССІИ.

1802

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

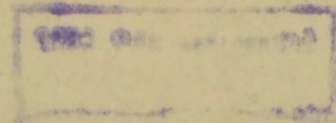
RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

ИЗСЛѢДОВАНІЯ
О
СОСТОЯНІИ РЫБОЛОВСТВА
ВЪ
РОССІИ.

ИЗДАНЫ
МИНИСТЕРСТВОМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

ТОМЪ VI.

РЫБНЫЕ И ЗВѢРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА БѢЛОМЪ И ЛЕДОВИТОМЪ МОРЯХЪ.

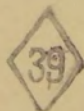
ОБЩИЕ ОТЧЕТЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ.

СЪ КАРТАМИ БѢЛАГО И СЪВЕРНАГО МОРЕЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1862.

К

ИЗДАТЕЛЬСТВО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОССИИ

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ. 20 Сентября 1862 года.

68497

РЫБНЫЕ И ЗВѢРИНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

ВЪ

БѢЛОМЪ И ЛЕДОВИТОМЪ

МОРЯХЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Послѣ успѣшнаго окончанія изслѣдованія рыболовства на Чудскомъ озерѣ и въ моряхъ Балтійскомъ и Каспійскомъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ предположило произвести подобныя же изслѣдованія въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Изслѣдованіе это возложено было на особую экспедицію, подѣ начальствомъ члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества г. Данилевскаго, изъ гг. Шульца, Никитина и Гульельми. Гг. Данилевскій и Никитинъ принимали предѣ тѣмъ участіе въ изслѣдованіяхъ Каспійскаго рыболовства, а г. Шульцъ, кромѣ того, Чудскаго и Балтійскаго.

Въ февралѣ 1859 года экспедиція выѣхала изъ Петербурга и, желая съ самаго начала получить понятіе о характерѣ рыболовства въ верховьяхъ рѣкъ сѣверо-двинской системы, раздѣлилась на двѣ части: гг. Шульцъ, Гульельми и Никитинъ отправились въ Архангельскъ прямымъ путемъ черезъ Олонецкую губернію, а г. Данилевскій избралъ путь на Москву и Вологду. Прибывъ въ половинѣ марта въ Архангельскъ, экспедиція занялась собираніемъ необходимыхъ свѣдѣній для составленія плана будущихъ развѣздовъ и занятій, а также осмотромъ зимняго рыболовства при устьяхъ Двины. Имѣя въ виду кратковременность сѣвернаго лѣта, экспедиція отправилась изъ Архангельска 11-го мая съ первымъ судномъ, вышедшимъ изъ Двины въ море, такъ что неоднократно встрѣчала на пути своемъ еще цѣлыя массы плавающихъ льдовъ, и посѣтивъ часть Онежскаго залива, именно: Сумскій посадъ, Сухой Наволокъ и селеніе Сороку, могущіе считаться, вмѣстѣ съ Кемью, главными центрами Поморья, откуда выходятъ промышленники, производящіе какъ Мурманскій промыселъ и торговлю съ Норвегіею, такъ и промыселъ Новоземельскій, всю Кандалакскую губу, часть Терскаго берега до села Кузомени и часть Зимняго берега въ окрестностяхъ селенія Зимней Золотицы, — возвратилась въ Архангельскъ 4-го іюля, успѣвъ близко ознакомиться съ сельдянымъ и семожьимъ ловами. Этотъ обзоръ Западной части Бѣлаго моря занялъ, однакоже, болѣе времени, нежели сколько предполагалось, потому что противные вѣтра и совершенное безвѣтріе удерживали экспедицію около двухъ недѣль въ окрестностяхъ селенія Умбы. По этому, необходимо было спѣшить отправкою на Печору, куда гг. Данилевскій и Никитинъ 12-го іюня выѣхали уже изъ Архангельска. Выписка изъ отчета г. Данилевскаго объ этой поѣздкѣ лучше всего покажетъ, съ какими вообще трудностями должна была бороться экспедиція для успѣшнаго исполненія возложеннаго на нее порученія.

«Во время самой поѣздки на Печору, — говоритъ г. Данилевскій, — пока мы ѣхали по небольшимъ рѣкамъ между Мезенью и Печорою, то подвигались впередъ съ тою скоростью, какая только возможна при ходѣ бичевою или на веслахъ, потому что, по узкости этихъ рѣкъ и из-

лучистому течению ихъ, вѣтра не могутъ здѣсь ни содѣйствовать, ни препятствовать ходу лодки; высота же воды была достаточная во все время плаванія по нимъ. Такимъ образомъ мы прибыли въ Мезень 22-го, пройдя въ 10 дней пространство почти въ 500 верстъ: вверхъ по Двинѣ (90 верстъ), вверхъ по Пинегѣ до города того же имени (около 120 верстъ), короткимъ волокомъ въ нѣсколько десятковъ сажень къ р. Кулой, внизъ по этой рѣкѣ до ея устья (слишкомъ 200 в.), моремъ между устьями Кулоя и Мезени (30 в.) и вверхъ по Мезени до города (20 в.). 24-го выѣхали мы изъ Мезени и, сдѣлавъ 760 в. рѣками Мезенью, Пёзою, Рочугою, Чиркою и Цильмою и 16 верстнымъ волокомъ между рѣками Рочугою и Чиркою, прибыли 12 августа въ Усть-Цильму на Печорѣ. Такъ какъ съ нами было довольно много вещей, то переѣздъ черезъ Пёзскій волокъ занялъ трое сутокъ, не смотря на то, что, за исключеніемъ времени, необходимаго на кормъ и отдыхъ имѣющихся здѣсь 4-хъ лошадей, вещи и лодки перевозились денно и ночью. Не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ волокѣ, такъ какъ онъ составляетъ лѣтомъ единственный путь сообщенія между Печорскимъ краемъ и остальною частью Архангельской губерніи и хотя въ промышленномъ отношеніи не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого значенія, но весьма важенъ въ отношеніи административномъ. На 16-ти верстномъ пространствѣ, раздѣляющемъ верховье Рочуги (*) отъ верховья Чирки (притокъ Цильмы), лежатъ въ 8 в. отъ первой два небольшихъ озера, соединенныхъ между собою узкимъ извилистымъ протокомъ, по здѣшнему вискою (**). Дорога между Рочугою и озеромъ пролегаетъ большею частью по возвышенному бору съ твердымъ песчано-глинистымъ грунтомъ и не представляетъ никакихъ препятствій для проѣзда даже въ тѣлегахъ или какомъ угодно колесномъ экипажѣ, если бы здѣсь таковыя имѣлись. Но близъ озера надо пробираться около полуверсты глубокимъ и топкимъ болотомъ, которое было нѣкогда мощено. Теперь этотъ мостъ сгнилъ, переломался и утонулъ въ болотѣ. Только кое гдѣ выдаются на поверхность его бревна, доставляющія точки опоры, на которыхъ можно удержаться, когда начинаешь уже слишкомъ глубоко проваливаться; за то въ другихъ случаяхъ, вытаскивая ногу, увязшую гораздо выше колѣнъ въ тину, запинаешься объ эти бревна, которыхъ сверху не видно, и падаешь въ болото, такъ что польза и вредъ отъ остатковъ этого моста находятся въ самомъ счастливомъ равновѣсіи. Когда уже идти по этому болоту составляетъ не малый трудъ, то каково же перевозить по немъ тяжести, хотя бы въ легкихъ самоѣдскихъ санкахъ, какъ это здѣсь и дѣлаютъ, потому что проѣхать на телѣгахъ по этому болоту рѣшительно невозможно, и каково же перетаскивать черезъ него лодки. Доѣхавъ до озера, спускаютъ въ него лодки, нагружаютъ ихъ санками съ привезенными на нихъ вещами и 3 версты ѣдутъ водою по двумъ озерамъ и соединяющей ихъ вискѣ. Лошади же идутъ въ обходъ по болоту, подобному описанному. На другомъ берегу опять выгружаютъ лодки и вытаскиваютъ ихъ на берегъ. Собственно эта половина волока, отъ озера до Чирки, и составляетъ всю трудность проѣзда, потому что болото, занимавшее въ первой половинѣ не болѣе полуверсты, занимаетъ здѣсь большую часть волока. Между тѣмъ облегчить переѣздъ черезъ Пёзскій волокъ почти ничего не стоитъ. Изъ второго

(*) Рочуга есть собственно начало Пёзы, но это послѣднее названіе получаетъ она только съ того мѣста, гдѣ Рочуга соединяется съ Самосарой, такъ что Пёза, подобно Двинѣ и многимъ другимъ рѣкамъ, по вкоренившейся не-правильности географической номенклатуры, есть рѣка безъ истока.

(**) Вискою называютъ на здѣшнемъ нарѣчій всякій протокъ, вытекающій изъ озера, куда бы онъ ни впадалъ: въ другое ли озеро, въ рѣку, или въ море. Нева, напримѣръ, и Волховъ по здѣшнему не рѣки, а виски.

озера вытекает рѣчка, впадающая въ Чирку. Прежде по ней ѣздили, только бурей ли, сильными ли разливами вѣшнихъ водъ или просто отъ времени завалило эту вѣску лѣсомъ, такъ что проѣздъ сдѣлался по ней уже давно невозможнымъ. Между тѣмъ прочистка ея не только сократила бы волокъ 5-ю верстами, самыми затруднительными для проѣзда, избавила бы отъ лишней выгрузки и нагрузки, но позволила бы еще избѣгнуть пороговъ на Чиркѣ, извѣстныхъ подъ именемъ Кременцовъ, по которымъ проѣздъ водою очень затруднителенъ и занимаетъ около сутокъ, потому что всѣ должны входить въ воду, а работники тащить лодку около двухъ или трехъ верствъ по каменистымъ мелямъ. Самая прочистка эта очень немного стоила бы и деньгами и трудомъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, крестьянинъ Мезенскаго уѣзда, Лампоженской волости, Григорій Леонтьевъ Ружинъ хотѣлъ сдѣлать прочистку эту за 1,000 р. ас., чтобы сплавать этимъ путемъ лѣсъ, но тогдашній исправникъ Философовъ, въ отвѣтъ на это предложеніе, сказалъ ему: «съ ума ли ты сошелъ,—если исправить проѣздъ по волоку, вѣдь дорога-то на Печору всѣмъ откроется». Вѣроятно, во избѣжаніе этого же зла, было отказано и послѣ того одному Усть-Цилемцу, бравшемуся за 700 р. с. прочистить эту вѣску. Если прочистить ее, то оставалось бы только замостить полуверстное болото, чтобы сдѣлать волокъ совершенно удобнымъ для переѣзда въ какомъ угодно колесномъ экипажѣ.

Послѣ сказаннаго понятно, что трое сутокъ вовсе не много для переправы черезъ волокъ 2-хъ лодокъ, около 40 п. вещей и сѣстныхъ припасовъ на 11 человѣкъ. Я не знаю даже, какъ бы мы справились съ этимъ переѣздомъ, если бы не было съ нами столько народа. Собственно на переѣздъ водою отъ Мезени до Усть-Цильмы употребили мы только 16 дней, т. е. дѣлали круглымъ счетомъ около 47 верствъ въ сутки, что очень много, если принять во вниманіе, что двѣ трети этого пространства надо было плыть противъ теченія.

Перегрузивъ наши вещи съ двухъ лодокъ на одну и нанявъ новыхъ работниковъ, отправились мы 15 августа внизъ по Печорѣ. Но, какъ только мы выѣхали на эту громадную рѣку, впали мы въ зависимость отъ вѣтровъ, враждебныхъ намъ въ теченіи всего этого года. 310 верствъ между Усть-Цильмою и Куюю, послѣднею деревнею на Печорѣ въ 80 или 90 верстахъ отъ впаденія ея въ море, на которые употребляютъ обыкновенно не болѣе 3 сутокъ, должны были мы плыть 12 дней. Постоянно дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, противъ котораго на веслахъ рѣшительно невозможно было идти въ нашей лодкѣ, которая, какъ и всѣ лодки на Печорѣ, устроены не столько для плаванія на рѣкѣ, сколько для выметыванія неводовъ, а потому тупоносы, плоскодонны и съ весьма низкими бортами, почему дурно идутъ противъ вѣтра и заплескиваются нѣсколько сильною волною. По цѣлому дню, а иногда и по два должны мы были выжидать на берегу, пока, нѣсколько стихнувшій вѣтеръ (совершенно онъ не прекращался и не перемѣнялъ своего направленія въ теченіе всего нашего 12-ти дневнаго плаванія внизъ по Печорѣ), позволить намъ продолжать нашъ путь. Такимъ образомъ прибыли мы 27 августа въ селеніе Кую, принадлежащее къ такъ называемому Пустозерску, который собственно составляетъ не отдѣльную какую либо деревню, а есть собирательное имя для означенія совокупности 17 деревень, расположенныхъ въ низовьяхъ Печоры на пространствѣ 120 верствъ отъ селенія Великовисочнаго до Куйскаго и составляющихъ отдѣльную волость, называвшуюся прежде Тельвысоцкою, а теперь Пустозерскою. Мѣсто же, означенное на картахъ подъ именемъ Пустозерска, слыветъ здѣсь подъ названіемъ городка безъ всякаго опредѣляющаго прилагательнаго. Изъ Куи мы предполагали посѣтить Болванскую губу—заливъ океана, лежащій къ востоку отъ устья Печоры, гдѣ производился

въ это время морской ловь семги. Но этому предпріятію не суждено было исполниться. 29 августа выѣхали мы изъ Куи опять таки при не совсѣмъ благопріятномъ вѣтрѣ. Отѣхавъ въ двое сутокъ 60 верстѣ, остановились мы на ночлегъ близъ мѣста, гдѣ стоялъ чумъ (*) одного пустозера, кочевавшаго со стадомъ оленей. Намъ нужно было собрать отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія о рыболовствѣ въ Болванской губѣ, а также посмотрѣть на ловъ рыбы въ тундряныхъ озерахъ. Сильный противный намъ сѣверный вѣтеръ и безъ этого заставилъ насъ простоять слѣдующій день у берега, и мы имѣли по этому полную возможность, не торопясь, ознакомиться съ здѣшнимъ озернымъ ловомъ и породами озерныхъ рыбъ. На третій день сѣверный вѣтеръ еще усилился и обратился въ настоящую бурю. Между тѣмъ мимо насъ проносились на всѣхъ парусахъ рыбачьи карбаса и лодки, шедшія изъ Болванской губы, потому что ловъ семги, бывшій какъ въ ней, такъ и вообще на Печорѣ все время неудачнымъ, не обѣщаль, при сильномъ вѣтрѣ, дувшемъ, уже нѣсколько дней, улучшиться и въ послѣдніе дни, остававшіеся до праздника Рождества Богородицы, обыкновеннаго срока прекращенія морскаго рыболовства. Такимъ образомъ, при дальнѣйшемъ упорствѣ пробраться въ Болванскую губу, для чего, можетъ быть пришлось бы ждать еще нѣсколько дней на берегу переменны вѣтра, предстояла возможность достигнуть ея уже по оставленіи ея промышленниками. Между тѣмъ мнѣ необходимо нужно было побывать еще въ другой мѣстности, лежащей къ западу отъ Печоры и извѣстной подъ неправильнымъ названіемъ Голодной губы, неправильнымъ потому что, какъ я имѣлъ случай впоследствии лично удостовѣриться, она не имѣетъ никакого соединенія съ океаномъ и отдѣлена отъ него полосой твердой земли не менѣе 20 верстѣ шириною, хотя и показывается на всѣхъ картахъ непосредственно соединенною съ моремъ. Это ничто иное, какъ озеро или заливъ Печоры, имѣющій около 15 верстѣ въ ширину и болѣе 70 въ длину, въ который переливается вода изъ западнаго рукава этой рѣки, такъ называемой Малой Печоры, четырьмя или пятью протоками. Эта мѣстность, имѣющая отдаленное сходство съ Ильменями, лежащими къ западу отъ низовьевъ Волги, могла, подобно симъ послѣднимъ, имѣть важное значеніе въ природныхъ условіяхъ размноженія и питанія здѣшнихъ рыбъ. Сверхъ того, она еще особенно интересовала меня тѣмъ, что въ ней ловились двѣ породы рыбъ: нагиши и сауреи, совершенно для меня неизвѣстныя и о которыхъ я не могъ составить себѣ понятія изъ рассказовъ здѣшнихъ рыболововъ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы рѣшились въ тотъ же день отправиться обратно въ Кую, не смотря на то, что время приближалось уже къ вечеру. Такъ какъ на этотъ разъ у насъ была хорошая морская лодка и попутный вѣтеръ былъ чрезвычайно силенъ, то эти 60 верстѣ, которыя мы плыли двое сутокъ, сдѣлали мы теперь не болѣе, какъ въ четыре часа. За то никогда и не случалось мнѣ прежде видѣть на рѣкѣ, даже на Волгѣ, такихъ волнъ. Своею вышиною, шириною и пологостью онѣ имѣли совершенный характеръ морскихъ. Черезъ день послѣ прибытія въ Кую, отправились мы въ Голодную губу, входъ въ которую находится верстахъ въ 60 отъ Куи. Эта поѣздка, которая заняла не болѣе четырехъ дней, совершилась благополучно и по возвращеніи изъ нея время уже было думать о возвратномъ пути, въ который мы и отправились 9-го сентября. И дѣйствительно, крайній срокъ для возвращенія уже наступилъ, или лучше, сказать, уже прошелъ. Между селеніемъ Носовыхъ на Цильмѣ, въ 70 верстахъ отъ впаденія ея въ Печору, и селеніемъ Сафоновыхъ на Пезѣ на пространствѣ 330 верстѣ нѣтъ ни одного жилища, за исключе-

(*) Шалашъ изъ бересты, составляющій жилище какъ самоѣдовъ, такъ и русскихъ, кочующихъ по тундрѣ съ оленями.

ніемъ избушки на волокъ, откуда, впрочемъ, перевозчики 1-го октября всегда уже уѣзжаютъ домой. Замерзнуть на этомъ пустомъ пространствѣ, какъ того заставляли опасаться наступившіе уже холода, и прожить нѣсколько недѣль подъ открытымъ небомъ, пока не отыщутъ оленей для переѣзда сухимъ путемъ на Мезень, откуда начинается почтовая дорога и становится возможною ѣзда на лошадяхъ, составляло не очень-то пріятную перспективу. Противные вѣтры и тутъ не приминули задержать насъ полторы недѣли на пути отъ Куи до Усть-Цильмы, не смотря на всѣ старанія ѣхать какъ можно скорѣе, и вся поспѣшность наша послужила только къ тому, что мы успѣли перебраться черезъ волокъ до отѣзда ямщиковъ и замерзли не въ пустомъ мѣстѣ, а въ деревнѣ Елкиной, въ 15 верстахъ за Софиной. За Елкиной опять начинается пустое ненаселенное пространство въ 90 верстъ. Дорогъ отъ этой деревни, какъ и отъ всѣхъ другихъ, лежащихъ на Пѣзѣ, нѣтъ никакихъ; нѣтъ даже и просѣкъ черезъ лѣса со всѣхъ сторонъ ее окружающихъ, и мы должны были дожидаться въ ней, пока не промерзнутъ болота и не придутъ на выручку олени, за которыми мы разослали людей въ разныя стороны. Промерзанія болотъ мы такъ и не дождались, потому что за нѣсколькими морозными днями послѣдовали оттепели, и передъ морозами нападало столько снѣга, что надо было много времени и нужны были сильные холода, чтобы проникнуть сквозь него. Олени же пришли черезъ двѣ недѣли и 15 октября, не смотря на то, что въ этотъ день началась сильная оттепель и шелъ даже дождь, отправились мы изъ Елкиной, основываясь на увѣреніи хозяевъ оленей, что для этихъ животныхъ нѣтъ непроходимыхъ мѣстъ ни въ какое время года. Намъ предстояло проѣхать 170 верстъ на перерѣзъ, лежащей на р. Мезени гораздо выше впаденія въ нее Пѣзы, деревнѣ Шалавѣ, откуда начинается уже почтовая дорога. Хотя мы уже имѣли случай до этого дѣлать небольшія поѣздки на оленяхъ въ тундрѣ и, слѣдовательно, были уже нѣсколько знакомы съ превосходными свойствами этихъ животныхъ, но все же, если бы я прежде видѣлъ это 170-ти верстное пространство, по которому теперь предстояло проѣхать, я, конечно, ни мало не усомнившись, сталъ бы утверждать, что человѣку, привыкшему переносить разнаго рода трудности пути, привыкшему ходить по лѣсамъ и болотамъ, можетъ быть и есть какая нибудь возможность пробраться по нимъ пѣшкомъ, но проѣхать на чемъ бы то ни было рѣшительно невозможно. А между тѣмъ мы проѣхали его въ 4 дня очень хорошо, спокойно и безъ большихъ затрудненій, проѣхали бы и скорѣе, если бы это позволяли дни, сдѣлавшіеся уже очень короткими. Не испытавши, трудно повѣрить, гдѣ могутъ проѣхать олени, это *земное крыло* по счастливому выраженію здѣшнихъ крестьянъ. Въ продолженіе всѣхъ 4-хъ дней шелъ почти безпрерывный дождь, и снѣгъ стаялъ. Надо было ѣхать безъ достаточно твердой точки опоры внизу, потому что болота распустились; безъ простора по сторонамъ, потому что въ густомъ лѣсу приходилось извиваться между деревьями; черезъ кусты же, мелкія и гибкія ели и сосны, пни, кочки, и во всѣхъ направленіяхъ перекрещивавшія лѣсъ свалившіяся большія старыя деревья, надо было оленямъ перескакивать. Если случались въ болотѣ окошки, по здѣшнему талицы — олени и черезъ нихъ перепрыгивали, а санки на быстромъ ходу не успѣвали погрузнуть въ бездонной тинѣ. Если рытвина или проходъ между густыми деревьями были такъ узки, что тройкѣ оленей нельзя было пройти въ рядъ, то они вытягивались гусемъ, какъ это позволяетъ имъ упряжь, подвижная на блокахъ; также точно, если въ какомъ нибудь ручьѣ съ глубокимъ русломъ, или оврагѣ, нельзя было троимъ бѣжать въ одной горизонтальной плоскости, они располагались лѣтницею, такъ что ноги одного приходились въ уровень со спиною или даже съ го-

ловою товарища, а все таки, не останавливаясь, бѣжали рысью и везли за собою санки. Единственное условіе проѣзда было, чтобы узкіе санки могли пройти: все равно, прямо или бокомъ. Съ крутыхъ обрывовъ скатывались мы какъ на салазкахъ, по тонкому гнущемуся льду рѣчекъ и озеръ мчались, спасаясь быстротою; олени же при всемъ этомъ не только никогда не падали, но даже никогда не оступались. Случалось, что постромка попадала въ щель, раздѣляющую оба копыта его, никто объ этомъ не заботился и не думалъ помочь оленю, который и на трехъ ногахъ, пока ему не удавалось освободить четвертой, бѣжалъ также скоро и ступалъ также вѣрно, какъ и на четырехъ. Между тѣмъ съ половины дороги оттепель до того усилилась, что мелкія рѣчки уже разошлись; мы переѣзжали ихъ или въ бродъ, или, если они были глубоки, по мосту, который на живую руку перекидывали черезъ нихъ, срубивъ двѣ толстыя ели и наметавъ поперекъ ихъ мелкихъ деревьевъ и сучьевъ — для оленей этого было достаточно. Къ счастью, двѣ большія рѣчки, черезъ которыя намъ нужно было переѣзжать: Пѣза и Ирасъ еще не разошлись; но и въ этомъ случаѣ онѣ задержали бы насъ лишь нѣсколько лишнихъ часовъ, необходимыхъ на то, чтобы срубить плотъ и по немъ переправиться. Здѣшніе жители, какъ самоѣды, такъ и русскіе, если ѣдутъ безъ клажи, не берутъ на себя и этого труда, да въ тундрѣ, гдѣ нѣтъ лѣса, и срубить не изъ чего плота, а прямо вѣзжаютъ въ рѣчку, не смотря ни на ширину, ни на глубину ея, ни на холодъ. Олени всегда выплываютъ и вытаскиваютъ за собою санки, только сѣдокъ, конечно, весь перемокнетъ. Но здѣшній житель боится простуды не больше самихъ оленей. Интересно было смотрѣть, какъ выпутывались изъ бѣды олени, когда имъ приходилось бѣжать по глубокому и топкому болоту: съ необыкновенною легкостью и силою, смаху выскакивали они изъ жидкаго мха и тины сильнымъ и дружнымъ прыжкомъ впередъ, но конечно, упавъ на землю, еще глубже погружались въ болото; вторымъ прыжкомъ сильнѣе перваго вырывались они изъ него, и такихъ прыжковъ они дѣлали нѣсколько сряду, съ каждымъ разомъ, однако, все глубже и глубже погружаясь, пока, наконецъ, какая нибудь кочка, колода или бревно, всегда разсѣяныя тамъ и сямъ по болоту, не давали имъ твердой точки опоры, которая снова доставляла имъ возможность сдѣлать опять рядъ такихъ же прыжковъ. Любопытно было также смотрѣть, какъ въ густомъ лѣсу избѣгали они быстрыми и ловкими движеніями головы, чтобы не задѣть своими вѣтвистыми рогами за сучья. При такой ѣздѣ самому надо только крѣпко держаться за санки и беречь ноги, чтобы не сломать ихъ о деревья, мимо которыхъ часто проѣзжали мы вплотъ. Съ нами было всего 26 оленей, и мы ѣхали длиннымъ цугомъ въ 9 санокъ, изъ которыхъ нѣкоторые были запряжены тройкою, другіе же парюю; свободные, запасные олени бѣжали по сторонамъ. Такимъ образомъ вечеромъ на четвертые сутки пріѣхали мы, наконецъ, въ Шаляву. Мезень, между тѣмъ, разошлась, и ниже этой деревни совершенно очистилась ото льда. Это подало намъ мысль отправить всѣ вещи водою. Мы и сами хотѣли отправиться на лодкѣ, но, къ счастью, другой лодки не могли достать. Въ тотъ же вечеръ разошлась Мезень и выше Шалявы; вода хлынула, какъ бы прорвавъ плотину, разлилась изъ береговъ и понесла густой и сплошной, хотя и тонкій, ледъ. Лодка наша съ людьми и со всѣми вещами едва не погибла, ее стало затирать льдомъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ проломило, и если бы это случилось не вблизи деревни и не рано вечеромъ, когда еще народъ не спалъ, то, безъ быстро поданной ей помощи, она непременно бы затонула. Снова выгрузивъ вещи, отправились мы въ Мезень. Пѣза, черезъ которую надо было намъ переѣзжать при самомъ ея устьѣ, еще не расходилась, но ледъ былъ на ней такъ тонокъ, что переправить черезъ него вещи было невозможно, и

надо было прорубать въ немъ узкую полосу для проѣзда на лодкѣ. Не прошло получаса послѣ нашего переѣзда, какъ тронулась и Пѣза и разоплась съ такою же силою, какъ нѣсколько прежде Мезень; такъ что лошади, доставившія насъ только до деревни Дорогой Горы, въ 5 верстахъ отъ Пѣзы, гдѣ разлившійся ручей снова насъ остановилъ и заставилъ пробираться черезъ него пѣшкомъ по остаткамъ снесеннаго моста, не могли уже вернуться на свою станцію и четверо сутокъ должны были ждать на правомъ берегу рѣки. Наконецъ, прибыли мы въ Мезень. Морозы все не устанавливались, рѣки покрылись, правда, снова льдомъ, но ненадежнымъ и угрожавшимъ вторично разойтись. По лѣтнему же тракту изъ Мезени въ Архангельскъ предстояло 14 переправъ черезъ Мезень, Пинегу и Двину. Ѣхать зимнею не установившеюся еще дорогою по непромерзшимъ болотамъ можно было бы только на оленяхъ, которыхъ, къ сожалѣнію, по близости нигдѣ не было, и мы должны были рѣшиться дожидаться, пока зимній путь хотя мало-мальски установится, а это случилось не ранѣе, какъ черезъ три недѣли. Зимній трактъ изъ Мезени въ Архангельскъ проходитъ на пространствѣ 50 верстъ между деревнями Лампожнею на Мезени и Немнюгою на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Кулой, такъ называемою Нижнею Тайболою, т. е. ненаселеннымъ лѣснымъ мѣстомъ. Хотя дорога черезъ эту Тайболу, въ сравненіи съ переѣханною нами отъ Елкиной до Шалявы, тоже, что шоссе въ сравненіи съ самою запущенною проселочною дорогою, потому что тутъ, по крайней мѣрѣ, продѣлана прямая, довольно широкая просѣка, и дороги не преграждаютъ ни кустарники, ни кочки, ни повалившіяся деревья, и она представляетъ гладкую горизонтальную поверхность; но пока не промерзнутъ мохъ и болота, чему помогаютъ тѣмъ, что высылаютъ крестьянъ утопывать дорогу сначала пѣшкомъ, а потомъ на легкихъ санкахъ, мостить ручьи и заваливать сучьями и валежникомъ самыя топкія мѣста, проѣздъ на лошадяхъ по ней невозможенъ. Это утопываніе и мощеніе зимней дороги не было, однако, еще совершенно окончено, когда, не имѣя терпѣнія долѣе выжидать, мы рѣшились по ней отправиться налегкѣ, оставивъ всѣ вещи въ Мезени до окончательнаго установленія зимняго пути. Двое сутокъ было употреблено нами на переѣздъ этихъ 50 верстъ, хотя изъ нихъ вовсе не протоптанныхъ было только семь, остальная же часть дороги была довольно хороша и только изрѣдка проваливались на ней лошади въ непромерзшій еще мохъ. Тутъ-то пришлось вспомнить и пожалѣть объ оленяхъ, которые и насъ и всѣ наши вещи такъ хорошо доставили не по такой дорогѣ и не черезъ такія препятствія. Съ пріѣздомъ въ Немнюгу прекратились всѣ затрудненія; наступившій же тутъ сильный морозъ устранилъ и послѣднія неудобства, состоявшія въ переправахъ черезъ Пинегу и Двину, такъ что на третій день къ вечеру 21 ноября прибыли мы въ Архангельскъ, гдѣ гг. Шульцъ и Гувельми давно уже ожидали насъ съ г. Никитинымъ, не зная, что и думать о такъ продлившемся нашемъ отсутствіи.»

Во время поѣздки г. Данилевскаго на Печору, г. Шульцъ совершилъ двѣ поѣздки: одну въ Онегу и прибрежныя мѣста, лежація между этимъ городомъ и Архангельскомъ, для изслѣдованія лова семги въ Онегѣ, а другую по Двинѣ и Вагѣ до города Вельска, съ тою же цѣлью. Въ декабрѣ гг. Шульцъ и Никитинъ отправились въ Сороку, чтобы присутствовать при тамошнемъ зимнемъ ловѣ сельдей, составляющемъ самую обширную и наиболѣе сосредоточенную отрасль рыбной промышленности на всемъ Бѣломъ морѣ, а г. Данилевскій на Кубенское озеро.

Возвратившись въ Архангельскъ, гг. Шульцъ и Никитинъ отправились, въ февралѣ 1860 года, на Зимній берегъ для ознакомленія съ тамошнимъ звѣринымъ промысломъ. Они посѣтили различныя

промысловыя избы, деревни: Золотицы, Инцы, Мегры, Майды и послѣ весьма опаснаго переѣзда по узкому припаю льда вдоль зимняго берега прибыли на Кедовскій промыселъ, гдѣ уже собралось до 3,000 тюленебойщиковъ.

Между тѣмъ, г. Данилевскій, посѣтивъ Кубенское озеро, не заѣзжая въ Архангельскъ, прямо отправился въ Мезень, для ознакомленія съ ловомъ тюленей. Въ Мезени онъ встрѣтилъ гг. Шульца и Никитина, которые прибыли туда вдоль морскаго берега, посѣтивъ замѣчательнѣйшія мѣста звѣринаго промысла. Ознакомившись съ промысломъ морскихъ звѣрей, бывшемъ въ этомъ году очень неудачнымъ на Восточномъ берегу моря, экспедиція возвратилась въ началѣ апрѣля въ Архангельскъ, откуда она выѣхала въ іюнѣ, чтобы, собравъ дополнительныя свѣдѣнія о Бѣломорскомъ рыболовствѣ и изслѣдовавъ промыслы по берегамъ русской Лапландіи, переѣхать въ Норвегію.

Посѣтивъ первоначально Соловецкій монастырь, для ознакомленія съ тамошнимъ тюленьимъ промысломъ и съ сельдянымъ ловомъ, хотя и не очень значительнымъ по количеству улововъ, но замѣчательнымъ по хорошему приготовленію сельдей, безспорно лучшему на всемъ Бѣломъ морѣ, — экспедиція отправилась на островъ Сосновецъ въ Онежскомъ заливѣ, гдѣ производится значительный ловъ бѣлуги. Выѣхавъ изъ Сосновца, экспедиція посѣтила на Терскомъ берегу деревню Поной, самое крайнее русское селеніе на Бѣломъ морѣ, замѣчательное значительнымъ семойнымъ ловомъ и зимнимъ промысломъ лисуновъ. Около двадцатыхъ чиселъ іюля экспедиція вошла въ океанъ.

На Мурманскомъ берегу экспедиція посѣтила главнѣйшія становища: Семь Острововъ и Гаврилово съ близъ лежащей Вороньей губой, ознакомилась съ организаціею тамошняго промысла и впервые увидѣла ловъ трески. Осмотрѣвъ на пути Мотовскую губу и становища у рѣкъ: Лицы, Ары и Уры, экспедиція въ августѣ прибыла въ Колу, для ознакомленія съ акульнымъ промысломъ. Изъ Колы, черезъ Гаммерфестъ и Тромсэ, экспедиція отправилась въ Дронтгеймъ, куда прибыла въ половинѣ сентября. Въ февралѣ 1861 года она посѣтила изъ Дронтгейма Лофоденскіе острова и осмотрѣла тамошній богатый ловъ трески и его прекрасное устройство. До поѣздки на Лофоденскіе острова еще въ январѣ гг. Данилевскій и Шульцъ сдѣлали поѣздку въ Бергенъ, центръ зимняго сельдянаго промысла, и по указанію хорошо знакомаго съ нимъ Русскаго Консула г. Грина, посѣтила главнѣйшіе пункты, гдѣ производится ловъ сельдей, едва ли не превосходящій важностью своей самый Лофоденскій тресковый ловъ. Въ іюнѣ гг. Данилевскій, Никитинъ и Гульельми отправились изъ Дронтгейма вокругъ Нордъ-Капа, черезъ Онегу и Архангельскъ въ Петербургъ, куда благополучно прибыли въ началѣ августа. Къ тому же времени прибылъ въ Петербургъ и г. Шульцъ, который ѣхалъ черезъ Норвегію, гдѣ осматривалъ рыбныя промыслы на южномъ берегу, а потомъ черезъ Данію и Германію.

Отчеты начальника экспедиціи за 1859, 1860 и 1861 годы и дополнительныя записки, помѣщенные въ концѣ, составляютъ настоящій VI томъ «Изслѣдованій о состояніи рыболовства въ Россіи».

ОТЧЕТЫ НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ РЫБНЫХЪ И ЗВѢРИНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ НА БѢЛОМЪ И
ЛЕДОВИТОМЪ МОРЯХЪ.

ОТЧЕТЪ ПЕРВЫЙ.

І. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

ОБЩЕЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ПРЕДМЕТА ИЗСЛѢДОВАНІЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

На Высочайше учрежденную экспедицію для изслѣдованія рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ возложено удовлетворительное разъясненіе слѣдующихъ трехъ задачъ или точекъ зрѣнія на наши сѣверные морскіе промыслы:

1. Опредѣлить рыбный запасъ и ежегодный уловъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ, рѣкахъ и озерахъ, а также вліяніе на тотъ и другой какъ естественныхъ условій мѣстности и климата, такъ и употребительныхъ способовъ лова. Задача — естественно-историческая и статистическая вмѣстѣ.

2. Разъяснить тѣ способы, которыми добываемое изъ нѣдръ водъ богатство распредѣляется между мѣстными жителями, занимающимися рыбною промышленностью, и сбывается ими. Задача — экономическая.

3. Наконецъ, описать и оцѣнить способы лова и приготовленія рыбы и ея продуктовъ. Задача — техническая.

Относительно Печорскаго края, который не будетъ уже болѣе посѣщенъ экспедиціею и гдѣ, вслѣдствіе однообразія какъ мѣстныхъ физическихъ условій, такъ и хозяйственнаго устройства рыболовства, это послѣднее производится по одному и тому же плану двумя волостями: Пустозерскою и Усть-Цилемскою, экспедиція можетъ представить полный отвѣтъ во всѣхъ трехъ отношеніяхъ. Но отъ нея, конечно, нельзя ожидать того же относительно Бѣлаго моря, гдѣ рыболовство до крайности разсѣяно и гдѣ мѣстныя условія, способы и времена лова, условія сбыта и самыя породы ловимыхъ рыбъ очень разнообразны. Къ тому же экспедиція посѣтила только одну половину его, именно: лежащую къ Ю. Ю. З. отъ линіи, проведенной между деревнею Кузоменью, при впаденіи рѣки Варзухи

въ море, у сѣвернаго угла входа въ Кандалакскій заливъ, и деревнею Зимнею Золотицею, находящеюся почти на серединѣ разстоянія между Архангельскомъ и мысомъ Вороновымъ, т. е. южнымъ угломъ входа въ Мезенскій заливъ. Хотя эта часть моря, меньшая по пространству, есть самая богатая по производимому въ ней рыболовству, однако на первый разъ она была осмотрѣна лишь поверхностно и не всѣ пункты ея, важные въ отношеніи рыбной промышленности, были посѣщены. Первая поѣздка экспедиціи по Бѣлому морю была сдѣлана преимущественно съ цѣлю общаго обзора мѣстности и ознакомленія съ главными чертами производимаго въ ней рыболовства. Тѣмъ не менѣе экспедиція считаетъ себя въ состояніи дать, въ главныхъ чертахъ, категорическіе отвѣты на три предложенныя ей задачи.

1. СТЕПЕНЬ РЫБНАГО БОГАТСТВА НАШИХЪ СѢВЕРНЫХЪ ВОДЪ.

Прежде всего я долженъ предостеречь отъ преувеличенныхъ понятій о рыбномъ богатствѣ Бѣлаго моря и Печоры. Сравнить ихъ съ Каспійскимъ моремъ и впадающими въ него рѣками рѣшительно невозможно. Чтобы яснѣе выразить мое воззрѣніе на этотъ предметъ, составившееся на основаніи нагляднаго изученія какъ нашего сѣвернаго, такъ и южнаго рыболовствъ, я скажу, что въ одинъ апрѣльскій день, при густомъ ходѣ красной рыбы въ Куру, на одномъ Божьемъ Промыслѣ наливается болѣе севрюгъ, осетровъ и шиповъ, чѣмъ семги на Печорѣ въ теченіи всей осени. Я ни мало не сомнѣваюсь, что на Волгѣ, ниже Астрахани, по всѣмъ ватагамъ, станамъ и тонямъ, во время весенняго хода рыбы, вытянуть въ сутки частичковой рыбы по меньшей мѣрѣ столько же, сколько добываютъ въ теченіе цѣлаго года такъ называемой бѣлой рыбы на всей Печорѣ. Говоря это, я основываюсь не только на видѣнномъ мною въ нынѣшнемъ году, который былъ очень неудовисть, но и на разказахъ самихъ жителей о золотыхъ прошедшихъ временахъ, богатство которыхъ народъ такъ склоненъ преувеличивать. Чтобы положенія мои не показались голословными, подтвержу ихъ примѣрами. При насъ у хутора, принадлежащаго зырянину Якову Кондратьевичу Чупрову (*), выселившемуся изъ Ижмы и поселившемуся на Печорѣ въ 80 верстахъ ниже Усть-Цильмы, при впаденіи въ нее рѣки Чукчи, утромъ 17-го августа былъ выметанъ мелкоячейный 100-саженный неводъ и имъ, какъ говорится, только процѣдили воду, т. е. не поймали буквально ни одной рыбы. Вечеромъ того же дня поймали тѣмъ же неводомъ десятка полтора зельдей(**) и одну щуку. Рыбаки, тутъ же бывшіе, закинули крупноячейный неводъ въ 120 сажень длиною и поймали только трехъ небольшихъ сижковъ. На другой день, не доѣзжая 10 верстъ до деревни Лемешекъ, рыбаки вытянули

(*) Чупровъ — богатый человѣкъ, имѣющій до 1,500 оленей и свой замшевый заводъ. Хуторъ его, съ большимъ двухэтажнымъ домомъ и разными хозяйственными заведеніями, замѣчательнъ тѣмъ, что онъ составляетъ крайній сѣверный предѣлъ распространенія хлѣбопашества на Печорѣ. Въ 1859 году произведенъ былъ первый опытъ посѣва ячменя, а такъ какъ этотъ годъ былъ во всей Архангельской губерніи необыкновенно урожайный, то опытъ удался превосходно. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи разказать здѣсь о причинѣ, побудившей этого истинно достойнаго человѣка выселиться изъ своей родины. Подобно большей части богатыхъ вжемцевъ, Чупровъ былъ одержимъ непреодолимою страстію къ пьянству. Чувствуя весь вредъ этой слабости и не имѣя между тѣмъ силы противиться окружающему его соблазну, онъ рѣшился оставить свою богатую Ижму и поселиться въ пустынномъ мѣстѣ, чтобы вдали отъ искушенія излѣчиться отъ своей пагубной склонности.

(**) Рыба, обыкновенно принимаемая за ряпушку и на видъ на нее похожая, но въ сущности отличная отъ нея. Она должна, какъ кажется, составить отдѣльный видъ въ родѣ сиговъ (*Coregonus*).

при насъ большимъ неводомъ только двухъ сижковъ. 19-го августа, 5 верстъ ниже Лемешекъ, опять-таки 120 саженымъ неводомъ, поймали одного омуля и крошечнаго сижка. Подъѣзжая уже къ Пустозерской волости, на одномъ рыбацкѣмъ стану, я попробовалъ купить тоню, и когда неводомъ въ 160 или 180 сажень вытащено было 30 фунтовъ сеговъ и омулей, то всѣ были удивлены такимъ счастливымъ ловомъ. Дѣйствительно, и до этого, и послѣ этого неводъ былъ закидываемъ нѣсколько разъ на моихъ глазахъ, но ни разу не удавалось рыбакамъ поймать и половины этого количества. Конечно, всѣ рыбаки жаловались на необыкновенно неудачный ловъ въ нынѣшнемъ году; въ прежніе года, говорили они, попадало въ каждую тоню не менѣе полусотни, и даже по сотнѣ омулей и сеговъ, т. е. до 4 и 5 пудовъ. Но самое понятіе, что такой ловъ обилень, показываетъ ясно, что Печора не можетъ считаться очень рыбною рѣкою. Во время экспедиціи для изслѣдованія каспійскаго рыболовства, подъ начальствомъ академика Бэра, намъ какъ-то случилось на одной тонѣ, не вдалекѣ отъ Астрахани, присутствовать при вытягиваніи невода. Количество пойманной рыбы всѣхъ насъ изумило: рыбаки, выбравъ рыбу изъ невода, объявили, что было поймано около 7,000 судаковъ и столько же лещей (прочую рыбу меньшей цѣнности: чехонь, воблю, тарань, бѣшенку выбрасывали вонь). «Что же вы жалуетесь на неуловъ?» сказали мы имъ. — «Если бы все такіе были уловы, батюшка», возразили рыбаки, «то нашему хозяину не на что было бы и кафтана себѣ спать.» Послѣ этого уже не можетъ быть и рѣчи о сравненіи Печоры съ Волгою, если даже и примемъ въ должное вниманіе, что невода на Волгѣ въ трое или въ четверо длинѣе и на столько же шире печорскихъ и что тамошніе рыбаки нѣсколько поискуснѣе печорскихъ въ своемъ дѣлѣ. Вообще количество рыбы какъ на Печорѣ, такъ и на Бѣломъ морѣ таково, что, доставляя въ достаточномъ количествѣ непосредственную пищу для прибрежныхъ жителей, даетъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность къ безбѣдному существованію посредствомъ сбыта остающагося за тѣмъ излишка; но здѣшнее рыболовство не можетъ составить предмета сосредоточенной, обширной промышленности. Единственное исключеніе составляетъ ловъ сельдей въ Сорочкой-губѣ, въ теченіе послѣдней половины ноября и въ декабрѣ. Въ настоящемъ отчетѣ я еще не могу представить подробностей объ этомъ ловѣ; по показанію же мѣстныхъ жителей, въ прошломъ 1858 году было продано покупателямъ изъ Вологодской и Олонецкой губерній сельдей на сумму не менѣе 150,000 руб. Впрочемъ, 1858-й годъ былъ годъ необыкновенно хорошій какъ по обилію лова, такъ и по сравнительнымъ цѣнамъ на сельдей. Если оцѣнить примѣрно 1,000 рыбъ (2 пуда) въ 1 р. с., то уловъ 1858 года составлялъ 150,000,000 штукъ сельдей, или 300,000 пудовъ. Такъ какъ на Волгѣ бѣшенка тянетъ кругомъ по фунту и въ 1857 году было ея поймано въ нижней Волгѣ не менѣе 125,000,000 штукъ, то уловъ сорочкихъ сельдей, по вѣсу, не составляетъ и 10-й доли улова каспійской бѣшенки. Общую массу бѣломорскаго улова, поступающаго въ торговлю, нельзя положить свыше 600,000 пуд., т. е. вдвое противъ улова сорочкихъ сельдей (именно: 200,000 пудъ на остальныхъ сельдей и 100,000 на семгу, навагу и прочую рыбу какъ Бѣлаго моря, такъ и Печоры). Общій вѣсъ каспійскаго улова нельзя оцѣнить менѣе, какъ въ 2½ раза противъ вѣса улова бѣшенки, или въ 7,500,000 пудовъ (примѣрно) рыбы въ свѣжемъ видѣ; при этомъ мы тоже не вводимъ въ расчетъ рыбы, потребляемой на мѣстѣ. Слѣдственно уловъ Бѣлаго моря и Печоры составляетъ не болѣе $\frac{1}{12}$ или $\frac{1}{13}$ улова каспійскаго.

Академикомъ Бэромъ было выставлено, какъ результатъ долговременныхъ его изслѣдованій надъ рыболовствомъ и физиологическими условіями питанія и размноженія рыбъ, то вполне раціональное

начало, что количество рыбнаго запаса въ данномъ водоемѣ опредѣляется количествомъ заключающихся въ немъ питательныхъ веществъ, если только рыбамъ не противуполагаются преграды, препятствующія ходу ихъ въ мѣста, удобныя для выметыванія икры. Хотя принципъ этотъ со всею строгостью примѣняется только къ замкнутымъ водоемамъ, каковы прѣсноводныя озера или, напримѣръ, Каспійское море, однакоже нельзя не признать, что имъ же обусловливается, если не совершенно исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно, количество рыбнаго запаса и въ такихъ водоемахъ, которые, подобно Бѣлому морю, находятся въ непосредственномъ соединеніи съ открытымъ океаномъ. Теорія миграцій, допускающая, что рыбы, по какому-то непобѣдимому инстинкту, періодически совершаютъ, подобно птицамъ, огромныя путешествія, нынѣ оставлена всѣми авторитетами ихтиологіи. Такъ относительно сельдей, на которыхъ собственно и основывалась эта теорія, возстали противъ нея еще въ прошедшемъ столѣтіи Андерсонъ и Блохъ, а въ новѣйшее время вполне опровергли ее Нильсонъ, Сундеваль и Валансиенъ. Относительно семги опытомъ доказано, что она возвращается метать икру въ тѣ рѣки, гдѣ вывелась. Здѣсь не зачѣмъ повторять доказательства, приводимыхъ вышепоименованными авторами; но въ своемъ мѣстѣ, именно когда буду говорить о породахъ рыбъ Бѣлаго моря, важныхъ въ экономическомъ отношеніи, я представлю факты изъ естественной исторіи рыбъ, несомѣстные съ теоріей миграцій. Пока же мы можемъ принять за доказанное, что породы рыбъ, даже появляющіяся періодически, всегда живутъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ ловятъ, въ большихъ или меньшихъ массахъ, во время появленія для метанія икры или для другихъ какихъ либо цѣлей, и скрываются остальное время въ сосѣдственныхъ глубинахъ. Но хотя рыбы и не имѣютъ того бродячаго или кочующаго характера, какой прежде приписывали имъ вообще и въ особенности нѣкоторымъ ихъ породамъ, однакоже нельзя утверждать, чтобы разныя неблагоприятныя обстоятельства, какъ, напримѣръ: недостатокъ питательныхъ веществъ, порча воды, сильный и продолжительный шумъ (*) и т. п., не могли заставить ихъ удалиться съ мѣстъ обыкновеннаго пребыванія въ другія. И наоборотъ, подобныя же случайныя причины въ другихъ частяхъ моря могутъ заставить рыбу переселиться въ такую мѣстность, гдѣ ея прежде не было. Въ окончательномъ же результатѣ, рыбное населеніе всякаго водоема, даже если онъ находится въ сообщеніи съ океаномъ, соответствуетъ количеству имѣющихся въ водоемѣ питательныхъ веществъ, если только нѣтъ какихъ либо вредныхъ, противодѣйствующихъ вліяній и, въ особенности, если рыбѣ не противопоставляется препятствій къ достиженію удобныхъ мѣстъ для метанія икры, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ никакъ нельзя ожидать, чтобы проистекающая отъ такихъ препятствій убыль постоянно и правильно вознаграждалась притоками рыбы изъ другихъ частей моря.

Если отъ этихъ общихъ разсужденій мы перейдемъ въ частности къ Бѣлому морю и къ Печорѣ съ сосѣдственной ей частью океана, то уже изъ незначительности и разсѣянности прибрежнаго населенія можно заключить, что причина малорыбья не заключается въ излишнемъ выловѣ рыбы, ни въ прегражденіи ей свободнаго пути къ мѣстамъ, удобнымъ для метанія икры. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая нибудь возможность допустить, чтобы 3,000 душъ обоого пола (это населеніе Пустозерской и Усть-Цилемской волостей), занимающихся рыболовствомъ на пространствѣ 200 или 300 верстъ по

(*) Такъ въ журналахъ писали, что, во время осады Севастополя, рыбы, водившіяся прежде въ чрезвычайномъ изобиліи у Херсонезскаго полуострова, оставили эту часть крымскаго побережья, и что всѣ приписывали это дѣйствию оглушительной канонады.

берегу моря и на протяженіи 400 верстѣ вдоль по такой огромной рѣкѣ, какъ Печора (раздѣляющей къ тому же почти отъ самой Усть-Цильмы на рукава), могли воспрепятствовать размноженію рыбы? Тоже можно сказать и о Бѣломорскомъ побережьи. Невозможность эта сдѣлается еще очевиднѣе, если мы примемъ во вниманіе, что орудія этого лова большею частію малыхъ размѣровъ и не препятствуютъ проходу рыбы. Здѣсь нѣтъ ни рядовъ крючьевъ, лежащихъ, какъ на Волгѣ, передъ устьями рѣкъ и въ самыхъ рѣкахъ, нѣтъ гигантскихъ неводовъ, которыми можно перегораживать рѣки. (Самые большіе невода на Печорѣ не превосходятъ 200 сажень и, слѣдовательно, захватываютъ обыкновенно менѣе четверти всей ширины рѣки). Если здѣсь и есть нѣкоторые способы лова, которые несообразны съ здоровыми началами рыбнаго хозяйства (преимущественно при ловѣ семги, какъ увидимъ ниже) и которые непремѣнно должны быть выведены изъ употребленія, то ихъ должно считать не общимъ правиломъ, а сравнительно рѣдкимъ исключеніемъ. И такъ, для объясненія относительной малости запаса рыбы въ Бѣломъ морѣ и въ Печорѣ (*) остается принять одно: скудость въ питательныхъ веществахъ, вносимыхъ въ наши сѣверныя моря впадающими въ нихъ рѣками. Если мы припомнимъ выведенное нами выше отношеніе улова бѣломорскаго и печорскаго къ улову каспійскому, если далѣе примемъ въ соображеніе, что въ обѣихъ сравниваемыхъ мѣстностяхъ количество годичнаго улова равняется количеству подроста рыбы (**), что ежегодный подростъ пропорціоналенъ ежегодному притоку питательныхъ веществъ и, наконецъ, что самый этотъ притокъ находится, между прочимъ, въ прямой зависимости отъ пространства земли, орошаемой рѣками, впадающими въ какое нибудь море, — то придемъ къ тому заключенію, что количество питательныхъ веществъ, приносимыхъ рѣками въ Бѣлое море и въ часть океана, лежащую къ востоку отъ него до Уральскаго хребта (***) должно быть въ 12 или 13 разъ меньше количества, вносимаго въ Каспійское море. Бассейнъ Каспійскаго моря (35,000 миль) почти вдвое больше бассейна Бѣлаго моря и рассматриваемой нами части океана (около 19,000 миль: 12,000 Архангельской губерніи безъ острововъ и 7,000 Вологодской губерніи, части же Пермской и Олонекской, также принадлежащія сюда, не введены въ расчетъ въ замѣнъ части бывшаго Кольскаго уѣзда, принадлежащей въ гидрографическомъ отношеніи къ невходящей въ наши соображенія части Сѣвернаго океана, лежащей къ западу отъ Святаго Носа); слѣдственно, при одинаковомъ пространствѣ, земли, принадлежащія къ бассейну морей, омывающихъ наши сѣверные берега, доставляютъ ему въ 6 или 7 разъ менѣе органическихъ веществъ, служащихъ къ удобренію моря, чѣмъ земли, входящія въ

(*) Подъ именемъ Печоры я всегда буду разумѣть не только самую рѣку эту, но и часть моря, сосѣдственную съ устьемъ ея, гдѣ рыболовство производится припечорскими жителями.

(**) Если это предположеніе было бы и несправедливо и можно бы предположить, что въ Каспійскомъ морѣ уловъ превышаетъ подростъ, то это, конечно, можетъ имѣть мѣсто единственно отъ недопущенія тамъ достаточнаго числа рыбы къ метанію икры на удобныхъ для того мѣстахъ (какъ это во многихъ случаяхъ и было доказано Каспійскою экспедиціею), вслѣдствіе чего изъ всего количества ежегодно приносимыхъ въ море питательныхъ веществъ, не вся та доля, рядомъ превращеній матеріи, принимаетъ форму рыбьяго мяса, которая могла бы принять ее при болѣе рациональныхъ правлахъ тамошняго рыболовства. Съ другой стороны нельзя также принять, чтобы въ Бѣломъ морѣ и Печорѣ ежегодный выловъ былъ меньше ежегоднаго подроста и тѣмъ объяснить сравнительную незначительность ежегоднаго въ нихъ улова, ибо въ такомъ случаѣ густота рыбьяго населенія въ нихъ увеличивалась бы, такъ что съ меньшими средствами достигались бы все большіе и большіе уловы, чего не замѣчается.

(***) Уловъ въ рѣкахъ, впадающихъ въ океанъ восточнѣе Печоры, какъ производимый припечорскими жителями, не можетъ быть отдѣленъ отъ улова собственно печорскаго. Уловъ же въ рѣкахъ и части моря, лежащихъ между Каспійскимъ Носомъ и Печорою, самъ по себѣ такъ незначителенъ, что не можетъ измѣнить дѣлаемыхъ нами выводовъ.

составъ бассейна Каспійскаго моря. Противъ этого вывода можно сдѣлать нѣсколько возраженій, отчасти, пожалуй, и справедливыхъ, но которыя, однакоже, не могутъ чувствительно измѣнить его въ цѣломъ. Напримѣръ, можно сказать, что не все количество питательныхъ веществъ, заключающееся въ морѣ, въ рѣкахъ и вообще въ водахъ, приносится въ нихъ съ земли, но что многое образуется растительными организмами непосредственно въ самой водѣ изъ составныхъ ея частей и изъ атмосферы. Но, такъ какъ это образованіе происходитъ въ обоихъ случаяхъ, то оно нисколько не измѣняетъ выведенной выше пропорціи. Если даже и примемъ, что на югѣ, вслѣдствіе мѣстныхъ и климатическихъ причинъ, этимъ путемъ образуется гораздо болѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ на сѣверѣ, то и это предположеніе весьма немного измѣнитъ нашъ выводъ, потому что пространство, занимаемое тѣми частями рѣчныхъ и морскихъ заливовъ и ильменей, гдѣ такое образованіе растительныхъ веществъ можетъ происходить, ничтожно въ сравненіи съ пространствомъ твердой земли, принадлежащей къ системѣ обоихъ сравниваемыхъ морей, ибо никто не станетъ утверждать, что такое образованіе растительныхъ веществъ происходитъ среди открытаго моря или въ самомъ стремени рѣкъ. Другое возраженіе можетъ состоять въ слѣдующемъ: рыбы — не единственные жители моря; по этому, весьма возможно, что количество ихъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ отъ того такъ мало, сравнительно съ количествомъ живущихъ въ Каспійскомъ морѣ, что въ первыхъ, изъ общей массы питательныхъ веществъ, сравнительно больше удѣляется животнымъ изъ другихъ классовъ и несъѣдомымъ рыбамъ. Причина эта принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу тѣхъ, которыя объясняютъ необыкновенное изобиліе рыбъ въ Каспійскомъ морѣ, сравнительно даже съ самыми уловистыми мѣстностями океана. Таково, напримѣръ, Норвежское побережье, гдѣ низшія, твердо покрытыя животныя, нѣ могущія идти въ пищу большей части рыбы, очень изобильны, но не могутъ имѣть примѣненія къ Бѣлому морю. Но, часто употребляя драгу, я имѣлъ случай убѣдиться, что хотя низшія животныя Бѣлаго моря и несравненно разнообразнѣе низшихъ животныхъ Каспійскаго, однако въ количественномъ отношеніи эти послѣднія нисколько не уступаютъ первымъ. Что же касается до несъѣдобныхъ рыбъ, то достаточно нѣсколько разъ взглянуть на вытягиваемые изъ моря невода или другія сѣти, чтобы убѣдиться, что количество этого рода рыбъ, сравнительно съ количествами считаемыхъ годными къ употребленію въ пищу, весьма мало. Само собою разумѣется, что я далекъ отъ мысли считать выведенное мною отношеніе между количествами питательныхъ веществъ, доставляемыхъ равными пространствами земли на сѣверѣ и въ бассейнѣ Каспійскаго моря, за совершенно точное; напротивъ, оно въ моихъ глазахъ только приблизительное и, притомъ, грубо приблизительное. Если бы, напримѣръ, точнѣйшее вычисленіе показало, что это отношеніе составляетъ не 1 : 6 или 1 : 7, а 1 : 5 и даже 1 : 4, то это было бы почти все равно для моей цѣли, состоящей единственно въ томъ, чтобы показать, возможно нагляднѣе, превосходство Каспійскаго моря передъ Бѣлымъ.

Такое превосходство кажется на первый взглядъ едва вѣроятнымъ, ибо, между тѣмъ какъ въ бассейнѣ Каспійскаго моря значительная часть какъ органическихъ продуктовъ, такъ и органическихъ остатковъ выдѣляется человекомъ изъ общаго, естественнаго круговорота матеріи въ свою непосредственную пользу (огражденіемъ ихъ отъ сноса въ море потоками дождя, тающаго снѣга и разливами рѣкъ), зарывается глубоко въ землю и частію даже вывозится изъ страны, — въ бассейнѣ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана — естественный порядокъ вещей господствуетъ почти въ полной силѣ и органическіе остатки необозримыхъ лѣсовъ и болотъ, не задерживаемые дѣятельностью человека, должны, по видимому, въ окончателномъ результатѣ, сдѣлаться добычею рѣкъ и морей.

Въ одномъ гидрографическомъ описаніи нашихъ сѣверныхъ губерній, которое мнѣ случилось читать, выражено было удивленіе, почему наши сѣверныя рѣки по большей части мелководны, между тѣмъ какъ всѣ онѣ вытекаютъ изъ обширныхъ болотъ и по нимъ же протекаютъ, такъ что масса воды, ихъ питающая, по видимому, очень значительна. Но здѣсь выпущено изъ виду то обстоятельство, что болота потому именно и болота, что масса воды, въ нихъ заключающаяся, не можетъ питать рѣкъ, а остается стоячею, не имѣя достаточнаго стока. Это же самое обстоятельство, т. е. слабость стока, объясняетъ намъ, почему и органическія вещества, какъ растворенныя въ водѣ болотъ, такъ и плавающие въ ней, по большей части не могутъ достигать рѣкъ, а слѣдовательно и моря. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь проѣхать по любой не гористой, а ровной и болотистой части Архангельской губерніи, — не вдоль рѣкъ, а отъ одной рѣки къ другой, — напримѣръ, сдѣлать, подобно мнѣ, поѣздку между Пезою и Мезенью и между Мезенью и Кулоемъ. Здѣшнія рѣки текутъ какъ бы между двумя валами бѣльшей или мѣньшей высоты и ширины; все пространство за валами есть равнина, на взглядъ совершенно горизонтальная, — огромное болото, покрытое тонкимъ, низкорослымъ и рѣдкимъ лѣсомъ, а въ иныхъ мѣстахъ на протяженіи многихъ верстъ и совершенно безлѣсное. Хорошій лѣсъ находится только по возвышенностямъ, т. е. по валамъ, сопровождающимъ рѣки или по такъ называемымъ здѣсь борамъ. Воды этихъ болотъ стекаютъ посредствомъ немногихъ павнъ, т. е. рѣчныхъ руслъ безъ береговъ, чувствительно отдѣляющихся отъ общей сплошной поверхности болота. Понятно, что въ такой мѣстности большая часть ниспадающей изъ атмосферы влаги (въ видѣ дождя и снѣга) не стекаетъ рѣками въ море, а остается на мѣстѣ выпаденія, обращая эту мѣстность въ болото. И такъ, первая причина малаго количества питательныхъ веществъ, доставляемыхъ морю, лежитъ въ топографическихъ условіяхъ мѣстности. Вторая, не менѣе важная, заключается въ климатическихъ условіяхъ, именно въ недостаткѣ тепла. Въ сѣверныхъ болотахъ большая часть отжившихъ мховъ и травъ не обращается процессомъ разложенія въ растворимыя или мелкодробленныя вещества, легко уносимыя водою, не разлагается и на составныя газы, могущіе улетучиться въ атмосферѣ, но, напротивъ того, изымается изъ общаго круговорота органической матеріи, обращаясь въ торфъ, остающійся на самомъ мѣстѣ своего происхожденія. Ежегодно покрываясь все новыми и новыми слоями, торфъ сохраняетъ заключающееся въ немъ органическое вещество въ нетлѣнномъ (такъ сказать) видѣ на неопредѣленно долгія, пожалуй, на вѣчныя времена, если какая нибудь виѣшняя случайная причина не нарушитъ этого процесса. На югѣ тоже есть весьма обширныя болота, но въ нихъ нѣтъ значительныхъ массъ торфа: органическое вещество, отживши свое время, не отлагается въ запасъ, а почти все растворяется, улетучивается и, такимъ образомъ, сравнительно быстро поступаетъ въ общій круговоротъ органической матеріи, на пищу новымъ растеніямъ или животнымъ. Во многихъ изъ сѣверныхъ рѣкъ вода въ большихъ массахъ имѣетъ темный, а въ малыхъ желтый цвѣтъ. Цвѣтъ этотъ едва ли не зависитъ отъ такъ называемыхъ гуминовыхъ (черноземистыхъ) веществъ. Въ этихъ послѣднихъ процессъ обугливанія принялъ такіе размѣры, при которыхъ вещества дѣлаются годными для непосредственнаго питанія не животныхъ организмовъ, а лишь однихъ растительныхъ. Такимъ образомъ значительная доля изъ той даже части питательныхъ веществъ, которая не остается на мѣстѣ, а поступаетъ въ рѣки, должна претерпѣть длинный рядъ метаморфозъ, прежде чѣмъ сдѣлается годною для питанія рыбъ. Это ведетъ насъ къ третьей причинѣ, объясняющей намъ, почему изъ общей массы питательныхъ веществъ весьма значительная доля пропадетъ безъ прямой пользы

для рыбъ. Причина эта — недостатокъ промежуточныхъ звеньевъ между растительными веществами и хищными животными, къ числу которыхъ принадлежатъ всѣ рыбы сѣверныхъ морей, озеръ и рѣкъ. Между прѣсноводными рыбами средней и южной Россіи наибольшее число принадлежитъ къ семейству сазановыхъ (*Syrnginoidei*), которое или исключительно, или главнѣйше питается растительными веществами и притомъ преимущественно такими, которыя находятся въ разлагающемся состояніи. На сѣверѣ членовъ этого обширнаго и въ высшей степени для человѣка полезнаго семейства почти вовсе нѣтъ, ибо если и попадаются язи, лещи, елцы, красноперки, то очень рѣдко. Ихъ замѣняетъ въ здѣшнихъ рѣкахъ родъ, принадлежащій къ семоземному семейству и составляющій, по наружному виду, какъ бы переходъ отъ этого семейства къ семейству сазановому. Это — сига (*Coregonus*), къ которымъ, кромѣ обыкновеннаго сига, попадающагося въ Невѣ и Ладожскомъ озерѣ, принадлежатъ, между прочимъ: печорскій сигъ, омуль, пелядь, чиръ, нельма, ряпушка, зеледь и саурей. Во время поѣздки моей отъ села Кизи внизъ по Печорѣ и въ Голодную-губу, я замѣтилъ, что вода, какъ этого обширнаго озера, такъ и рукавовъ Печоры, была подернута толстымъ слоемъ зеленаго вещества. Сначала я думалъ, что имѣю предъ собою одну изъ тѣхъ простыхъ водорослей, которыя въ извѣстныхъ времена года окрашиваютъ зеленымъ цвѣтомъ огромныя пространства волжскихъ ильменей, но, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія, я отказался отъ такого предположенія. Это было не организованное, а, напротивъ того, разлагающееся органическое вещество, обязанное своимъ происхожденіемъ травамъ, растущимъ по дну слабо текущихъ или стоячихъ водъ. Вещество это могло бы служить изобильною пищею для сазановидныхъ рыбъ, но ихъ точно также не было въ Голодной-губѣ, какъ нѣтъ вообще въ сѣверныхъ рѣкахъ и озерахъ.

Послѣднее невыгодное къ размноженію рыбъ условіе заключается въ томъ, что здѣшнія рѣки, даже при устьяхъ своихъ, не представляютъ заливовъ, затоновъ и вообще мелкихъ затишей, гдѣ вода, нагрѣваясь сильнѣе обыкновеннаго, содѣйствуетъ къ размноженію маленькихъ ракообразныхъ животныхъ изъ отдѣла *Entomostracea* и личинокъ насѣкомыхъ, составляющихъ главную пищу молодыхъ рыбокъ. Правда, сѣверные края богаты нѣкоторыми породами насѣкомыхъ, проводящихъ первые возрасты своей жизни въ водѣ, на примѣръ — комарами, изумительно многочисленныя рои которыхъ составляютъ истинное мученіе какъ для людей, такъ и для домашнихъ животныхъ, но они выводятся преимущественно въ болотахъ и, слѣдовательно, не приносятъ никакой пользы рыбамъ.

Таковы главнѣйшія причины, въ слѣдствіе которыхъ здѣшнія рѣки бѣдны рыбою. Если Двина имѣетъ достаточно рыбы для пропитанія прибрежныхъ жителей, а съ Печоры часть рыбы даже вывозится, то за то Мезень, на примѣръ, — рѣка по длинѣ своей весьма немаловажная, — не имѣетъ достаточно рыбы даже для продовольствія своихъ немногочисленныхъ прибрежныхъ жителей, которые, по этому, принуждены покупать рыбу, привозимую съ Печоры, и треску. Въ Пезѣ и Цильмѣ, — рѣкахъ, имѣющихъ по нѣскольку сотъ верстъ длины, почти вовсе нѣтъ рыбы, и прибрежныя деревеньки запасаются ею въ сосѣднихъ озерахъ. Г. Шульцъ тоже самое говоритъ о Вагѣ, гдѣ, впрочемъ, представляются и другія условія, кромѣ указанныхъ выше, вредящія размноженію рыбы; объ нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Всѣ рѣки, впадающія въ Бѣлое море по Поморскому берегу и въ Кандалакскій заливъ, почти безрыбны (исключеніе составляетъ семга, временно въ нихъ подымающаяся), такъ что жители добываютъ всю свѣжую рыбу изъ моря. Въ лѣтнее время, когда мужчины находятся или на Мурманскомъ (Лапландскомъ) берегу, или заняты сѣнокосомъ и другими работами, женщины и дѣвушки отправляются каждый

вечеръ на небольшихъ лодкахъ въ море, чтобы въ теченіе ночи наловить свѣжей рыбы, сельдей или трески (въ Кандалакскомъ заливѣ) на слѣдующій день.

Озера, разсѣянные въ большомъ числѣ какъ по тундрѣ, такъ и по лѣсамъ здѣшняго края, конечно, гораздо изобильнѣе рыбою, чѣмъ рѣки. Это легко объясняется тѣмъ, что разъ попавшія въ озера питательныя вещества не уносятся далѣе, а по большей части остаются въ нихъ навсегда, такъ сказать капитализируются. При томъ стоячая вода озеръ сильнѣе нагрѣвается, особливо въ мелкихъ заливахъ, въ которыхъ тутъ нѣтъ недостатка, и, слѣдовательно, представляетъ болѣе благоприятныхъ условій для образованія личинокъ насѣкомыхъ и маленькихъ ракообразныхъ животныхъ, чѣмъ рѣчная. Но, не смотря на это, я убѣжденъ, что одно Черхальское морце, лежащее въ Киргизской степи верстахъ въ 80 отъ Уральска и имѣющее не болѣе 60 верствъ въ окружности, доставляетъ столько же рыбы, сколько всѣ озера Архангельской губерніи въ совокупности. Но тѣ же причины, которыя обусловливаютъ большее изобиліе рыбы въ озерахъ сравнительно съ рѣками, дѣйствуютъ и въ морѣ. Вносимыя растительныя вещества должны скопляться въ немъ, если количество ихъ, вылавливаемое человѣкомъ и птицами въ видѣ рыбы и другихъ морскихъ животныхъ, меньше того, которое вносится рѣками — и, безъ сомнѣнія, они дѣйствительно скопились въ немъ въ теченіи вѣковъ, подобно тому, какъ скопились соли, которыя рѣки, выщелачивая почву, мало по малу въ него вносили. Выше мы видѣли, что въ Бѣломъ морѣ это вылавливаемое человѣкомъ количество не велико и что есть основаніе полагать, что въ немъ установилось уже равновѣсіе между вносимыми въ него питательными веществами и выловомъ. Но здѣсь невольно, само собою представляется вопросъ: какъ же объяснить выловъ огромнаго количества трески, въ теченіи многихъ вѣковъ и безъ замѣтнаго уменьшенія, у береговъ Норвегіи и у нашего Лапландскаго берега? Вѣдь невозможно же допустить, что рѣки Норвегіи и нашей Лапландіи доставляютъ въ море болѣе органическихъ веществъ, чѣмъ рѣки бѣломорскаго бассейна? Мнѣ кажется, что та же причина, которая дѣлаетъ значительно теплѣе климатъ Норвегіи, — т. е. токъ теплой воды (Гольфстромъ), начинающійся изъ Мексиканскаго залива, куда вливается множество рѣкъ, протекающихъ по богатымъ органическою жизнью равнинамъ сѣверной и южной Америки, — условливаетъ и богатство, въ питательныхъ веществахъ, частей моря, омывающихъ берега Норвегіи. Частью этихъ благодѣяній, доставляемыхъ Гольфстромомъ, пользуется и наше Мурманское побережье. Предположеніе наше покажется еще вѣроятнѣе, если вспомнимъ, что другая мѣстность, еще болѣе Норвегіи знаменитая по огромному количеству ловимой въ ней трески, — Ньюфаундлендская отмель тоже лежитъ на пути Гольфстрома. Треска, всегда толпящаяся густыми стаями, необходимо предполагаетъ, что пища ея находится въ скученномъ, сосредоточенномъ видѣ. Этимъ же, мнѣ кажется, объясняется, почему къ востоку отъ Колгуева, гдѣ бѣдная природа сѣвера предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ, треска совершенно исчезаетъ. Замѣчу еще, что появленіе трески въ необыкновенно густыхъ стаяхъ у береговъ Норвегіи и Ньюфаундлендскихъ острововъ нельзя объяснять тѣмъ, что банки у Лофоденскихъ острововъ и Ньюфаундленда представляютъ рыбамъ въ высшей степени удобныя мѣста для метанія икры (объясненіе это на первый разъ кажется тѣмъ болѣе достаточнымъ, что во время метанія икры рыба почти вовсе ничего не ѣстъ). Этимъ объясненіемъ нельзя удовольствоваться потому, что и въ остальное время треска не уходитъ далеко отъ этихъ мѣстъ, а только погружается на большую глубину, какъ это, по крайней мѣрѣ для Норвегіи, вполне доказано положительными опытами, именно тѣмъ, что тамошнимъ рыбакамъ, дабы добыть треску не во время метанія ея икры, стоитъ только поглубже опустить крючья или сѣти.

Противъ представленныхъ мною здѣсь соображеній не можетъ служить опроверженіемъ то, что во многихъ мѣстахъ арктическихъ морей, гдѣ не ощущается никакого вліянія ни Гольфстрема, ни другаго какого либо теплаго теченія, — животная океаническая жизнь изумляетъ своимъ обиліемъ. Такъ, напри- мѣръ, порода крылоногихъ моллюсковъ, извѣстная подъ систематическимъ названіемъ *Clio borealis*, по описаніямъ полярныхъ плавателей, покрываетъ иногда на необозримое пространство поверхность океана и служитъ главнѣйшею пищею китовъ (*). Но я уже сказалъ, что органическія вещества, вносимыя въ море, должны необходимо въ немъ скопляться, если только органическая жизнь въ немъ совер- шается въ замкнутомъ кругѣ, т. е. если изъ него мало извлекается человекомъ и неводными жи- вотными, а въ полярномъ океанѣ дѣло именно такъ и происходитъ. Прежде, когда полагали, что неисчислимые легионы сельдей, ежегодно появляющихся у всѣхъ западныхъ береговъ Европы до устья Луары или до Бискайскаго залива, выходили изъ глубины полярныхъ морей и, будучи выловлены че- ловѣкомъ и хищными водными птицами, лишь незначительною долею возвращались въ свои ледяныя убѣжища, дѣйствительно трудно было понять, почему, наконецъ, не оскудѣетъ жизнь въ этихъ широтахъ. Но теперь признано, что сельди постоянно остаются въ сосѣдствѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ по- являются на поверхности воды, и только на время скрываются въ глубинѣ. Слѣдовательно, оказы- вается, что и эта рыба, живущая, подобно трескѣ, огромными стаями, встрѣчается въ изумительномъ количествѣ только въ тѣхъ частяхъ, которыя лежатъ въ умѣренномъ поясѣ морей, подверженныхъ вліянію Гольфстрема, именно: у береговъ Норвегіи, Швеціи, Британскихъ острововъ и сѣверо-за- падной Франціи. И замѣчательно, что нигдѣ въ умѣренныхъ полосахъ нѣтъ такого огромнаго лова рыбы, какъ ловъ сельдей и трески въ названныхъ мною мѣстахъ. Соперничать съ этими мѣстно- стями въ отношеніи рыбнаго богатства могутъ только тропическія моря да наше Каспійское. Остается, правда, на сѣверѣ ловъ китовъ; но, не говоря уже о томъ, что нѣсколько сотъ этихъ животныхъ, какъ они ни огромны, не могутъ значительно измѣнить нашего положенія о замкнутости круга органической жизни въ полярномъ океанѣ, примемъ во вниманіе и то, что вѣдь только жиръ да усы китовъ извлекаются изъ моря, вся же остальная туша остается въ немъ. Тоже должно ска- зать и о прочихъ породахъ морскихъ звѣрей: тюленяхъ, моржахъ и дельфинахъ, составляющихъ предметъ сѣверныхъ морскихъ промысловъ.

Въ заключеніе этого общаго очерка естественныхъ условій, въ которыхъ находятся сѣверныя воды вообще и въ частности Бѣлое море и рѣки, орошающія Архангельскую губернію, я замѣчу, что условія эти зависятъ отъ причинъ столь общихъ, что въ главныхъ чертахъ они измѣниться не могутъ, и что, слѣдовательно, воды эти никогда не будутъ въ состояніи постоянно доставлять рыбы много болѣе того, чѣмъ сколько доставляютъ теперь. Никогда онѣ не сравняются съ водами, болѣе благоприятствуемыми природою. Но въ противность тому, что замѣчается въ большей части дру- гихъ странъ, гдѣ съ успѣхами культуры уловы обыкновенно уменьшаются, потому что уменьшается удобреніе, доставляемое почвою водамъ, здѣсь, на сѣверѣ, отъ будущихъ успѣховъ населенности и культуры должно, наоборотъ, ожидать постояннаго, хотя и слабо ощутительнаго, медленнаго возра- станія количества питательныхъ веществъ, вносимыхъ въ рѣки и моря, а слѣдовательно и пропор- ціональнаго увеличенія животной жизни, — увеличенія, доля котораго должна упасть и на рыбъ,

(*) Порода этихъ красивыхъ животныхъ встрѣчается и въ Бѣломъ морѣ, но только единично.

если только рыбное хозяйство будет производиться рационально, т. е. если достаточному количеству различных породъ рыбъ будетъ данъ свободный доступъ къ мѣстамъ, удобнымъ для метанія икры, и если не будутъ вылавливаемы въ большемъ количествѣ рыбы, недостижнія еще того возраста, въ которомъ онѣ становятся способными къ размноженію своей породы. Такого благоприятнаго дѣйствія можно ожидать потому, что успѣхи культуры невозможны безъ осушенія болотъ, а это послѣднее можетъ быть произведено только тогда, когда данъ будетъ стокъ стоячей болотной водѣ, а вмѣстѣ съ нею и раствореннымъ, или плавающимъ въ ней органическимъ веществамъ.

Послѣ этихъ общихъ соображеній о количествѣ улововъ и запаса рыбы въ Бѣломъ морѣ и Печорѣ и послѣ указанія причинъ, почему они, говоря сравнительно, такъ невелики, намъ предстоитъ обратиться къ двумъ другимъ точкамъ воззрѣнія на предметъ изслѣдованій экспедиціи; но такъ какъ, по существу своему, они не допускаютъ изложенія въ общихъ чертахъ, то въ этой, первой части отчета я коснусь ихъ только слегка.

2. ОРГАНИЗАЦІЯ ЛОВА НА БѢЛОМЪ МОРѢ И ПЕЧОРѢ.

Распределеніе продуктовъ рыбной промышленности какъ между жителями деревень приморскихъ и лежащихъ близъ устій рѣкъ, такъ и между этими селеніями и тѣми, которыя расположены далѣе отъ моря и выше по рѣкамъ, говоря вообще, довольно справедливо, потому что здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ русскій человѣкъ имѣлъ возможность распорядиться организаціею своего труда сообразно своимъ наклонностямъ и своимъ понятіямъ о правѣ пользованія дарами природы, онъ сдѣлалъ это на началахъ не индивидуальной, а общинной собственности, служащей у него основаніемъ лежащихъ на немъ повинностей. Но такъ какъ всѣ здѣшнія поселенія разбросаны отдѣльными кучками по необозримому пространству губерніи и потому имѣютъ очень мало связи между собою, то правила, по которымъ производится рыбная промышленность и распределяются продукты ея, до крайности разнообразны. Въ слѣдствіе тѣхъ же причинъ каждое изъ такихъ поселеній составляетъ отдѣльное самостоятельное цѣлое, а не сливается, по отношенію къ общинному пользованію водами, въ одно цѣлое съ другими, дабы, какъ на Уралѣ, дѣйствовать по общему плану, соответствующему наибольшей выгодѣ большинства. Отъ этого иногда является противоположность въ интересахъ жителей различныхъ деревень, какъ, на примѣръ: между жителями селеній Сороки, Шижни, Сухаго Наволока и Выскаго острова — съ одной стороны и корелами, живущими отъ нихъ въ глубь страны, — съ другой, и между жителями деревни Немнюги (на рѣкѣ того же имени, впадающей справа въ Кулой) и Долгой Щели (на самомъ Кулоѣ, въ 30 верстахъ отъ впаденія его въ море), о чемъ будетъ въ подробности сказано въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, говоря вообще, эта противоположность интересовъ между низовыми и верховыми жителями той же рѣки, столь сильная вездѣ, гдѣ они не соединены общею метою рыбнаго хозяйства, какъ на Уралѣ, здѣсь не имѣетъ большаго значенія, частію отъ причинъ чисто физическихъ (*), частію же отъ того, что жители, поселившіеся вдоль теченія одной и той же рѣки, составляютъ обыкновенно одну общину, какъ на примѣръ, села Варзуха и Кузомень.

(*) Какъ, на примѣръ, на Печорѣ, гдѣ огромность рѣки не позволяетъ Пустозерской волости присвоить себѣ излишней доли въ ловѣ, въ ущербъ усть-целямъ; притомъ, если пустозеры и пользуются большими выгодами, чѣмъ верховые жители, то совершенно справедливо, ибо сѣверное положеніе ихъ волости, которая вся лежитъ уже за полярнымъ кругомъ, совершенно не позволяетъ имъ заниматься земледѣіемъ, еще приносящимъ нѣкоторыя выгоды въ Усть-Цельмѣ.

3. СПОСОБЫ ЛОВА.

Относительно технической части какъ самаго рыболовства, такъ и приготовленія продуктовъ его, должно сказать, что она стоитъ на гораздо низшей степени, чѣмъ въ Астрахани и вообще на Каспійскомъ морѣ. Что касается до самаго лова, то это зависитъ отъ того, что здѣшніе жители не исключительно рыболовы, а по крайней мѣрѣ въ такой же степени мореходы, торговцы, охотники, а отчасти и земледѣльцы. Это отражается и въ томъ, что здѣшніе рыбаки далеко не съ такою точностью отличаютъ различныя породы рыбъ, какъ каспійскіе. Последніе безошибочно называютъ съ перваго же взгляда не только каждую породу рыбы, но и различныя помѣси, встрѣчающіяся между породами красной рыбы и извѣстныя подъ именемъ шиповъ съ различными прилагательными, какъ-то: севрюжьихъ, стерляжьихъ, бѣлужьихъ и осетровыхъ, что очень трудно и требуетъ большаго навыка и наглядности. Здѣшніе же рыбаки, не говоря уже о томъ, что для нихъ всѣ рыбы, не употребляемыя въ пищу, какъ бы не существуютъ, плохо отличаютъ и тѣхъ изъ съѣдобныхъ рыбъ, которыя похожи между собою. Такъ, на примѣръ, они нисколько не отличаютъ различныхъ сортовъ камбалъ, тогда какъ здѣсь есть два существенно отличныхъ вида и одна разновидность, признаваемая нѣкоторыми учеными за самостоятельный видъ (*Pleuronectes Flesus*, L., *Pleuronectes Platessa*, L. и *Pleuronectes Dvinensis*, Liljeb). Точно также на Печорѣ обыкновенно спутываютъ породы находящіяся въ ней сиговъ. Конечно, и здѣсь есть рыбаки по страсти, которые очень хорошо знаютъ и отличаютъ всѣхъ попадающихся имъ рыбъ; но такихъ немного. Я упомянулъ здѣсь объ этомъ обстоятельстве, потому что умѣнье вѣрно различать породы ловимыхъ рыбъ есть вѣрный признакъ хорошаго рыбака, подобно тому, какъ знаніе всѣхъ породъ дичи и умѣнье различать птицъ даже по полету составляютъ необходимую принадлежность истиннаго охотника.

Другая причина, почему здѣшніе рыбаки и, именно, бѣломорскіе, ниже каспійскихъ, заключается въ томъ, что самый опытный народъ съ Поморскаго края и съ другихъ береговъ уходитъ для лова трески на Мурманъ; объ нихъ я пока ничего не говорю, потому что степень ихъ искусства мнѣ еще неизвѣстна. Но не только способъ употребленія рыболовныхъ орудій, даже и самыя эти орудія здѣсь и менѣе разнообразны, и менѣе усовершенствованы, чѣмъ на Волгѣ, гдѣ, на примѣръ, каждый неводъ кроится сообразно съ очертаніемъ дна той мѣстности, на которой онъ исключительно и употребляется; на сѣверѣ же всѣ невода одинаковой ширины на всемъ своемъ протяженіи и отличаются между собою только длиною. Такое худшее устройство орудій замѣчается даже и у тѣхъ хозяевъ, средства которыхъ позволяли бы имѣть лучшія. Причина этого заключается отчасти въ дороговизнѣ первоначальнаго матеріала, т. е. пеньки, а отчасти въ томъ, что здѣшніе жители сами вяжутъ сѣти, тогда какъ въ Астрахани онѣ только спиваются изъ готовыхъ сѣтяныхъ полотень, приготовляемыхъ специально занимающимися этимъ дѣломъ людьми, преимущественно въ Нижегородской губерніи. Но такое раздѣленіе труда возможно лишь при огромныхъ размѣрахъ каспійскаго рыболовства. При томъ, незначительность сѣверныхъ улововъ не позволяетъ имѣть скроенныхъ по мѣстности неводовъ, ибо съ однимъ и тѣмъ же неводомъ приходится переходить съ мѣста на мѣсто.

4. ПРИГОТОВЛЕНИЕ РЫБЫ И СЫТЬ ЕЯ.

Что касается до приготовленія рыбныхъ продуктовъ, то объ этомъ всего менѣе можно сказать хорошаго. За исключеніемъ соловецкихъ сельдей, да онежской и двинской семги, вся остальная рыба

солится дурно. Въ особенности должно это сказать о печорской семгѣ, которая, по своимъ природнымъ качествамъ, жирнѣе и нѣжнѣе онежской и двинской. Коптятся сельди (что дѣлается только въ Сорокѣ и окрестныхъ деревняхъ) тоже дурно. Тѣмъ не менѣе я не стану, по примѣру почти всѣхъ писавшихъ объ архангельскихъ рыбныхъ промыслахъ, обвинять за это здѣшній народъ въ невѣжественномъ равнодушіи къ своему дѣлу и своимъ пользамъ, въ какомъ-то грубомъ косненіи. Впрочемъ, едва ли не тоже говорится и по всякому поводу, когда рѣчь заходитъ о русскомъ крестьянинѣ, въ отношеніи къ которому эти фразы сдѣлались какими-то стереотипными. Напротивъ, совершенно другія качества поразили меня въ здѣшнихъ крестьянахъ; именно — необыкновенная въ ихъ сословіи развитость, ясное пониманіе своихъ выгодъ, предприимчивость и охота перенимать все полезное. Дурное приготовленіе рыбы здѣшними промышленниками зависитъ отъ тѣхъ условій сбыта, въ которыхъ они находятся и измѣнить которыя не въ ихъ власти, хотя они это и пытались. Все дѣло объясняется весьма просто и ясно тѣмъ, что лишніе труды и издержки на усовершенствованіе продукта не вознаграждаются соотвѣтственно бѣльшими выгодами.

Высказавъ всѣ главнѣйшія общія мысли, почерпнутыя мною изъ тщательнаго изученія бѣломорской и печорской рыбной промышленности, перехожу теперь къ частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ отраслей этой промышленности, составляющему какъ развитіе, такъ и фактическое подтвержденіе положеній, высказанныхъ мною въ этомъ первомъ, общемъ отдѣлѣ. При этомъ гораздо удобнѣе говорить отдѣльно о рыболовствѣ въ Бѣломъ морѣ и о рыболовствѣ на Печорѣ, потому что обѣ эти мѣстности, отдаленныя одна отъ другой семисотъ-верстнымъ разстояніемъ, совершенно отличны какъ по породамъ живущихъ въ нихъ рыбъ, такъ и по путямъ сбыта и общему характеру производимой въ нихъ рыбной промышленности. Наконецъ, такъ какъ естественныя условія жизни рыбъ, организація и способы лова ихъ, приготовленіе рыбнаго товара и мѣста сбыта его совершенно различны для каждой изъ главныхъ въ промышленномъ отношеніи породъ Бѣломорскихъ рыбъ, то обзоръ рыбной промышленности въ первой изъ двухъ названныхъ мѣстностей слѣдуетъ подраздѣлить на нѣсколько отдѣленій, по числу этихъ породъ рыбъ.

II. БѢЛОЕ МОРЕ.

ПЕРЕЧИСЛЕНІЕ ПОРОДЪ РЫБЪ БѢЛОМОРСКОЙ СИСТЕМЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ ПИЩУ.

Начну изложеніе результатовъ, добытыхъ доселѣ экспедиціею о рыболовствѣ въ Бѣломъ морѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ, перечисленіемъ тѣхъ изъ живущихъ въ немъ рыбъ, которыя употребляются въ пищу. Онѣ суть: 1) *Окунь* (*Perca fluviatilis*, Lin.) — во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море; встрѣчается, хотя и рѣдко, въ Печорѣ. 2) *Ершъ* (*Acerina vulgaris*, Cuv.) — въ большей части рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море, — на Печорѣ и въ Голодной-губѣ. 3) и 4) *Ревца* или *керна* (*Cottus quadricornis*, Lin. и *Cottus scorpius*, Lin.); первая изъ этихъ породъ употребляется въ пищу только близъ Архангельска и то въ случаѣ недостатка другой рыбы; въ прочихъ же мѣстахъ Бѣлаго моря ихъ не ѣдятъ. Здѣшними жителями эти двѣ породы не различаются; впрочемъ второй изъ нихъ я не встрѣчалъ въ части моря, сосѣдней Архангельску. 5) *Зубатка* (*Anarrhichas lupus*, Lin.) — въ Кандакской губѣ и, вѣроятно, въ сѣверной части моря. 6) *Карась* (*Cyprinus carassius*, Lin.) — въ озерахъ, а также и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ, какъ, на примѣръ, въ Пезѣ. 7) *Линь* (*Tinca*

vulgaris, Cuv.) — рѣдко въ озерахъ близъ Архангельска. 8) *Пестушь* (*Gobio fluviatilis*, Willughby), въ другихъ мѣстахъ Россіи извѣстный подъ именемъ пискаря, встрѣчался мнѣ въ Мезенѣ и Пезѣ. 9) *Елецъ* (*Leuciscus grislagine*, Arted.), въ Пезѣ и Цильмѣ. 10) *Язь* (*Leuciscus Idus*, Lin.) — въ Двинѣ и прочихъ рѣкахъ, а также изрѣдка въ Печорѣ. 11) *Подъязыкъ* (*Leuciscus latifrons*, Nilss.) — вмѣстѣ съ яземъ. 12) *Сорога* (*Leuciscus rutilus*, Lin.) — во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море, а также и въ Печорѣ. Это самая обыкновенная здѣсь рыба изъ семейства сазановыхъ (*Cyprinoidei*). 13) *Лещъ* (*Abramis brama*, Lin.), въ озерахъ, въ Двинѣ, весьма рѣдко въ озерахъ Печорскаго края. 14) *Подлещикъ* (*Abramis Blicca*, Bloch.) — тамъ же, гдѣ и лещъ, но рыбаками отъ него не отличается, такъ что собственно подлещикомъ называютъ они маленькихъ рыбъ обѣихъ породъ. 15) *Уклейка* (*Aspius alburnus*, Agass.) — въ Двинѣ. 16) *Щука* (*Esox lucius*, Lin.) — одна изъ самыхъ обыкновенныхъ рыбъ какъ въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море, такъ и въ Печорѣ. 17) *Семга* (*Salmo Salar*, Lin.) поднимается изъ моря въ Варзуху, Онегу, Двину, Мезень, Печору и большую часть прочихъ рѣкъ, впадающихъ какъ въ Бѣлое море, такъ и въ океанъ, но, начиная отъ рѣки Черной, далѣе къ востоку уже не встрѣчается; такъ ея нѣтъ ни въ Карѣ, ни въ Оби. 18) *Кумжа*; ловимая подъ этимъ названіемъ рыба въ рѣкахъ, впадающихъ въ Онежскій и Кандалакскій заливы, куда она поднимается, подобно семгѣ, изъ моря, есть *Salmo trutta* Линнея, а по Нильсону *Fario argenteus* Valenciennes. 19) Подъ именемъ *кумжи* же извѣстна здѣсь форель (*Salmo Fario*, Lin., — *Salar Ausonii*, Valenciennes), попадающая весьма рѣдко въ чистыхъ и быстрыхъ рѣкахъ югозападнаго берега Бѣлаго моря и видѣнная мною только въ одномъ экземплярѣ въ рѣкѣ Варзухѣ (*). 20) *Корюшка*, по здѣшнему *корешокъ* (*Osmerus Eperlanus*, Lin.) — въ большомъ количествѣ въ морѣ близъ устья Двины и другихъ рѣкъ, въ которыя идетъ раннею весною метать икру (**). 21) *Хариусъ* (*Thymallus vexillifer*, Agass.) въ небольшихъ чистыхъ и быстрыхъ рѣкахъ какъ бѣломорской, такъ и печорской системъ. 22) *Сигъ* (*Coregonus oxughynchus*, Lin.) и именно та разновидность, къ которой Нильсонъ причисляетъ *Coregonus magaena* (Bloch). Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ рыбъ въ Двинѣ и въ прочихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море — Печорскій сигъ — совершенно другая рыба. 23) *Нельма* (*Coregonus leucichtys*, Pall.) весьма обыкновенна, какъ въ Двинѣ и ея притокахъ, такъ и въ Печорѣ. 24) *Сельдь* (*Clupea harengus*, Lin.) — только въ Бѣломъ морѣ и преимущественно въ южной и западной частяхъ его, именно отъ устья Двины вдоль всего Лѣтняго, Онежскаго, Поморскаго и югозападной части Кандалакскаго береговъ; на сѣверномъ берегу Кандалакскаго залива и по Терскому берегу ея очень мало, по Зимнему же берегу, на востокъ отъ устья Двины, и во всемъ Мезенскомъ заливѣ ея вовсе нѣтъ, и только изрѣдка, какъ бы случайно, попадаетъ опять у Канина. Въ океанѣ же, къ востоку отъ

(*) Подъ именемъ же кумжи привозятъ въ Архангельскъ другую рыбу изъ Индеги и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ океанъ между Бѣлымъ моремъ и Печорою. Я до сихъ поръ видѣлъ ее только соленою и полагаю, что это есть *Salmo ferox*, Jardine, — *Salar ferox*, Valenciennes. Наконецъ, подъ именемъ же кумжи описана Палласомъ еще рыба *Salmo leucomenis*, Pall. Хотя Палласъ говоритъ, что она ловится и вдоль береговъ Архангельской губерніи до Карскаго залива, но, вѣроятно, онъ былъ введенъ въ заблужденіе названіемъ кумжи, которое дается русскими на Бѣломъ морѣ, въ части Сѣвернаго океана, омывающей берега Архангельской губерніи, и въ Сибири совершенно различнымъ рыбамъ. *Salmo leucomenis* у береговъ Архангельской губерніи вовсе нѣтъ.

(**) Эта рыба представляетъ двѣ разновидности, изъ коихъ одна живетъ въ морѣ — собственно *корюшка* (*Salmo Eperlano-marinus*, Bloch, — *Salmo Eperlanus*, Pall.), а другая въ прѣсноводныхъ озерахъ — *сигъ* (*Salmo Eperlanus*, Bloch, — *Salmo Spirinchus*, Pall.), которыя отличаются между собою лишь одною величиною. Въ Голодной губѣ, близъ устья Печоры, есть рыба, извѣстная тамъ подъ именемъ *нагыша*; это средняя форма между корюшкою и сигомъ.

Кавина, сельдей совершенно нѣтъ. 25) *Треска* и именно мелкая разновидность ея, извѣстная здѣсь подѣ мѣстнымъ названіемъ *пертуя* (*Gadus Morrhu* и *Gadus Callarias*, Lin.) — въ Бѣломъ морѣ только въ Кандалакскомъ заливѣ, но рѣдко попадаетъ, по словамъ мезенскихъ жителей, и у Кавина; восточнѣе Колгуева и въ океанѣ эта порода не распространяется. 26) *Навага* (*Gadus Navaga*, Koelreiter.) — во всемъ Бѣломъ морѣ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, за исключеніемъ Кандалакскаго залива. По словамъ рыбаковъ, на Мурманскомъ берегу она составляетъ рѣдкость, тогда какъ на востокъ отъ Бѣлаго моря она встрѣчается вездѣ до самаго устья рѣки Кары. Изъ этого видно, что навага и треска какъ бы исключаютъ другъ друга, или суть замѣняющія одна другую породы. 27) *Сайка* (*Gadus Saida*, Lerechin.). Эта рыба въ родѣ наваги, но гораздо хуже ея вкусомъ. Она преимущественно водится въ Мезенскомъ заливѣ и далѣе на востокъ, но есть и въ другихъ частяхъ Бѣлаго моря, гдѣ встрѣчается навага. Систематическое названіе, данное ей Лепехинымъ, ошибочно, вѣроятно вслѣдствіе описки, потому что сайда совершенно иная рыба, принадлежащая къ большимъ породамъ тресковаго рода и водящаяся на Мурманскомъ берегу и въ Норвегіи, въ Бѣломъ же морѣ, сколько извѣстно, ея нѣтъ. Кажется, что это *Gadus Virens*, Lin. По этому, сайку надо бы назвать *Gadus Saika*. 28) *Налимъ* (*Lota vulgaris*, Cuv.) — во всѣхъ рѣкахъ бѣломорскихъ и въ Печорѣ въ большомъ изобиліи и достигаетъ здѣсь чрезвычайной величины. 29) и 30) *Камбала* (*Pleuronectes Platessa*, Lin. и *Pleuronectes Flesus*, Lin.). Какъ я имѣлъ уже случай упомянуть, здѣшніе рыбаки не различаютъ двухъ водящихся здѣсь породъ камбалъ; обѣ онѣ во множествѣ встрѣчаются какъ въ Бѣломъ морѣ, такъ и далѣе на востокъ. 31) *Стерлядь* (*Acipenser ruthenus*, Lin.) находится теперь въ довольно большомъ количествѣ въ Двинѣ, а также и въ притокахъ ея Вагѣ и Сухонѣ. Она зашла лѣтъ около тридцати тому назадъ изъ Камы черезъ Сѣверо-Екатерининскій каналъ въ Вычегду, а черезъ нее и въ прочія рѣки двинской системы. Иногда здѣсь попадались и случайно зашедшіе осетры, но они не развелись, а потому не могутъ быть присоединены къ числу рыбъ бѣломорской системы водъ. 32) *Минога* (*Petromyson fluviatilis*, Lin.) попадаетъ во многихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море, но всего болѣе, кажется, ея въ Онегѣ, гдѣ она составляетъ предметъ промысла.

Изъ этихъ рыбъ первостепенное экономическое значеніе имѣютъ только сельди и семга. Кромѣ ихъ, предметъ вывоза составляютъ еще: навага — въ довольно большомъ количествѣ, стерлядь — въ гораздо меньшемъ (ее пріѣзжаютъ закупать изъ Петербурга и доставляютъ туда живою) и миноги, которыя въ Онегѣ маринуются въ уксусѣ и отсылаются въ Петербургъ. Всѣ прочія поименованныя мною рыбы составляютъ лишь предметъ мѣстнаго потребленія. Я буду отдѣльно говорить сначала о сельдяхъ, потомъ о семгѣ, за тѣмъ о навагѣ и прочихъ морскихъ рыбахъ меньшей важности и, наконецъ, о рѣчныхъ и озерныхъ рыбахъ.

1. СЕЛЬДЬ.

Въ Бѣломъ морѣ только одинъ видъ сельдей — собственно такъ называемая сельдь (*Clupea harengus*, Lin.), какъ это видно уже изъ представленнаго мною перечня съѣдобныхъ породъ рыбъ въ этомъ морѣ. Если въ нѣкоторыхъ, даже весьма уважаемыхъ, конечно неззоологическихъ сочиненіяхъ, какъ, на примѣръ, въ статистическомъ «Обозрѣніи Внѣшней Торговли Россіи» г. Небольсина, говорится, что въ Бѣломъ морѣ есть сардинка (*Clupea pilchardus*, Bloch.) и килька (*Clupea sprattus*, Lin.), то это произошло, вѣроятно, отъ того, что авторы ихъ почерпали свои свѣдѣнія изъ статей,

составленныхъ людьми, неимѣвшими ни малѣйшаго понятія о зоологическомъ различеніи породъ животныхъ. Но этотъ единственный видъ раздѣляется по крайней мѣрѣ на двѣ разновидности, отличающіяся между собою величиною и мѣстомъ своего жительства, такъ что онѣ между собою не смѣшиваются. Первая изъ этихъ разновидностей такъ мелка, что величиною только немного превосходитъ кильку (*Clupea sprattus*, Lin.) и имѣетъ обыкновенно отъ 6 до $7\frac{1}{2}$ дюймовъ въ длину; тысяча штукъ ихъ, въ свѣжемъ видѣ, вѣсить не болѣе 2 или $2\frac{1}{2}$ пудъ, именно въ началѣ лова, когда сельдь еще не выпустила икры и молокъ, она нѣсколько тяжелѣе къ концу же лова, по выпускѣ икры и молокъ, становится нѣсколько легче. Она-то идетъ огромными массами съ начала ноября или даже конца октября преимущественно въ Сороцкую губу, гдѣ съ этого времени до Крещеня (когда сельдь эта пропадаетъ, т. е. скрывается въ глубину, какъ весьма справедливо замѣчаютъ туземцы), производится ловъ ея жителями четырехъ деревень: Сороки, Шизни, Сухаго Наволока, лежащихъ при морѣ, и Выгскаго Острова, находящагося въ 8 верстахъ вверхъ по рѣкѣ Выгу, впадающей при Сорокѣ въ море. Лѣтъ 45 тому назадъ она шла большими же массами въ Покровскую губу, лежащую въ 10 верстахъ къ В. отъ устья Онеги, потомъ почти совершенно перестала посѣщать эту мѣстность, но въ прошломъ 1858 году снова появилась тамъ, а въ нынѣшнемъ 1859 году, какъ сообщилъ мнѣ г. Шульцъ, только что воротившійся изъ поѣздки въ Сороку, шла въ такомъ количествѣ, которое едва ли уступаетъ направившемуся въ Сороцкую губу. Въ Покровскомъ ловѣ участвуютъ до 20 деревень изъ ближайшихъ окрестностей. Въ Унской губѣ ловится зимою эта же мелкая сельдь, но въ незначительномъ количествѣ. Что эта сельдь и лѣтомъ находится вблизи тѣхъ же мѣстностей, гдѣ ловится зимою, можно заключить изъ того, что она попадаетъ, почти ежедневно, въ выставлемыя въ это время рюжи (родъ вентерей) для лова рыбы на непосредственное употребленіе въ пищу. Если бы эта сельдь приходила откуда-нибудь издалека, то рѣшительно было бы непонятно, почему ее никогда и нигдѣ не встрѣчаютъ кромѣ Сороцкой и Покровской губъ, или, вообще Онежскаго залива и прилежащей части Лѣтняго берега. Нельзя тоже принять, чтобы эти сельди были молодыми, недорослыми экземплярами тѣхъ сельдей, которыя ловятся въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлаго моря. Во-первыхъ, онѣ имѣютъ уже зрѣлыя икру и молоки; хотя сельди, подобно другимъ рыбамъ, дѣлаются способными къ размноженію своей породы гораздо раньше достиженія ими полнаго своего роста, однако здѣсь разница между ними и вполнѣ взрослыми сельдями слишкомъ уже велика. Къ тому же и въ другой разновидности сельдей молодая, имѣющія уже икру и молоки, хотя и гораздо меньше взрослыхъ, однако все-таки значительно больше сороцкихъ. Во-вторыхъ, было бы совершенно нелѣпо допустить, что молодая сельди со всего Бѣлаго моря собираются въ Онежскую губу, взрослыя же разсѣиваются по прочимъ частямъ его. Наконецъ, эти сельди отличаются отъ прочихъ, кромѣ величины, нѣкоторыми опредѣлительными признаками. Голова у нихъ длиннѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ, такъ что превышаетъ вышину тѣла и содержится въ длинѣ его, до начала хвостоваго плавника, какъ 1 : 4, тогда какъ у прочихъ сельдей Бѣлаго моря голова короче вышину тѣла и содержится въ длинѣ по меньшей мѣрѣ какъ 1 : 5. Глаза сороцкихъ сельдей относительно больше, рыло нѣсколько острѣе. Ежели сравнимъ эти различія съ тѣми, которыя замѣчаются въ Швеціи и Норвегіи, то найдемъ, что мелкія сельди соответствуютъ тамошнимъ видоизмѣненіямъ, живущимъ въ Балтійскомъ морѣ и въ прибрежныхъ шхерахъ, большія же бѣломорскія сельди — тамошнимъ океаническимъ формамъ. Только въ Бѣломъ морѣ эти различія еще рѣзче. И это понятно. Онежскій заливъ есть

68407
самая мелкая часть Бѣлаго моря: глубина залива нигдѣ не достигаетъ 30 сажень; при томъ онъ усѣянъ островами и шкерами, около коихъ глубина еще меньше; между тѣмъ бѣольшая разновидность сельдей живетъ преимущественно въ Кандалакскомъ заливѣ, самомъ глубокомъ во всемъ морѣ, ибо здѣсь глубина при устьѣ такова, что лотъ въ 170 сажень длиною во многихъ мѣстахъ не достаеетъ дна; къ вершинѣ же и въблизи береговъ она рѣдко бываетъ менѣе 30 сажень. Такимъ образомъ и здѣсь подтверждается то, что Валансиень говоритъ о сельдяхъ Ламанша: «Nos marchés de Paris s'approvisionnement de harengs pêchés dans la Manche et expédiés principalement des ports de Dieppe et de Calais. Chacun de ces ports réunit les pêches des bassins de l'océan qui les environnent. Il faut bien que ces bassins aient chacun des variétés particulières de harengs, car les marchands savent très-bien distinguer par l'aspect la provenance de ces poissons». Этотъ-то фактъ, т. е. то, что въ каждой странѣ есть нѣсколько разновидностей сельдей, изъ которыхъ каждая придерживается извѣстной мѣстности, и составляетъ одно изъ главнѣйшихъ опроверженій теоріи миграціи. Какъ невозможно на основаніи этой теоріи объяснить, почему колонны сельдей, идущія съ сѣвера, раздѣляются, будто бы, всегда такимъ образомъ, что мелкіе сорты рыбы сворачиваютъ въ Балтійское море, гдѣ они извѣстны подъ именемъ салакушки (Strömling), а крупныя идутъ далѣе на западъ, къ берегамъ Нѣмецкаго моря (это, между прочимъ, Валансиень и приводитъ въ доказательство своего мнѣнія), такъ невозможно понять и того, почему сельди (если онѣ дѣйствительно заходятъ въ Бѣлое море изъ океана) раздѣляются такъ, что крупныя изъ нихъ идутъ направо въ Кандалакскую губу, а мелкія, составляя какъ бы лѣвый флангъ этой арміи, направляются въ Онежскую губу. Нельзя не согласиться съ Нильсономъ, который говоритъ: «Это наблюденіе (т. е. что въ различныхъ бассейнахъ моря живутъ и различныя разновидности сельдей), однажды усвоенное и должнымъ образомъ взвѣшенное, устраняетъ всякую мысль о дальнихъ странствованіяхъ сельдей и даже необходимо ведетъ къ тому слѣдствію, что каждая разновидность мечетъ икру въблизи своего бассейна, куда возвращается и гдѣ пребываетъ молодой подростъ». Это же явствуетъ и изъ того, что въ Бѣломъ морѣ сельди изобильны лишь вдоль Лѣтняго берега, въ Онежскомъ заливѣ, по Поморскому берегу и въ Кандалакской губѣ, и то лишь преимущественно по ея юго-западному берегу; между тѣмъ какъ въ такъ называемомъ Горлѣ Бѣлаго моря, т. е. на пути, соединяющемъ поименованныя части моря съ океаномъ, ихъ вовсе нѣтъ. Наконецъ, какъ я уже замѣтилъ, ловъ сельдей въ Бѣломъ морѣ собственно никогда не прекращается, хотя и производится въ сособенномъ изобиліи только въ извѣстные сроки. Это обстоятельство прямо указываетъ, что сельди не временно только посѣщаютъ Бѣлое море, а живутъ въ немъ постоянно, и при томъ каждая разновидность обитаетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ обыкновенное время онѣ скрываются на глубинѣ и выходятъ изъ нея только въ извѣстные сроки, преимущественно съ цѣлью метанія икры на мелкихъ мѣстахъ, у береговъ.

Я вошелъ здѣсь въ эти разсужденія потому, что они, кромѣ теоретическаго значенія, имѣютъ очень большое и практическое. Эти практическія слѣдствія я изложу не своими словами, а словами не разъ уже упомянутаго мною знаменитаго шведскаго натуралиста Нильсона, занимавшагося въ теченіи многихъ лѣтъ практической стороною естественной исторіи рыбъ.

1) Количество извѣстной разновидности сельдей, содержащееся въ каждомъ отдѣльномъ бассейнѣ моря, можетъ быть выловлено или прогнано во время метанія икры и, слѣдовательно, въ извѣстной части моря рыбный промыселъ можетъ быть разорень.

2) Коль скоро рыбный промысел разоренъ въ известной мѣстности, то нельзя ожидать восстановления его отъ переселенія рыбъ изъ другихъ мѣстностей, а развѣ отъ медленнаго подраста и размноженія оставшейся рыбы, потому что

3) Въ то мѣсто, гдѣ рыба родилась, идетъ она и метать икру.

4) Поэтому, болѣе всего должны заботиться о сохраненіи мальковъ и вообще недостигшей своей зрѣлости рыбы, а ловить одну взрослую. Если же вылавливается рыба, недостигшая возраста, въ которомъ она становится способною къ размноженію своей породы, то рыбный промыселъ, наконецъ, разоряется до такой степени, что въ мѣстности, изобиловавшей прежде рыбою, онъ и впоследствии не можетъ достигнуть прежней силы.

Еще я долженъ замѣтить, что этотъ выводъ есть не только логическое заключеніе изъ посылокъ, добытыхъ наблюденіемъ, но и результатъ непосредственнаго опыта. Нигдѣ въ свѣтѣ не было столь богатаго лова сельдей, какъ въ Швеціи, именно у береговъ Богуслена. Въ 1787 году было поймано тамъ не менѣе 1,500,000,000 сельдей. Эти несмѣтныя стаи стали мало по малу уменьшаться и, наконецъ, совершенно исчезли въ этой мѣстности. Долголѣтнія изслѣдованія о причинахъ этого бѣдствія доказали, что оно произошло отъ неразумнаго способа, которымъ производился сельдяной промыселъ.

Другая разновидность сельдей, которая гораздо больше первой, ловится въ остальной части моря, преимущественно же въ Кандалакскомъ заливѣ. Главнѣйшія мѣста лова ея суть: деревня Поньгама (между городомъ Кемью и деревнею Калгалакшею), Соловецкіе острова и лежація въ Кандалакскомъ заливѣ, на юго-западномъ берегу его, деревни: Калгалакша, Гридина, Кереть, Черная, Ковда, Княжая, Кандалакша и — въ гораздо меньшей степени — д. Умба, на сѣверо-восточномъ берегу. Въ нынѣшнемъ году экспедиціею былъ преимущественно изслѣдованъ ловъ въ Кандалакской губѣ, какъ наиважнѣйшій.

По времени своего появленія у береговъ сельди раздѣляются на 4 разряда: *егорьевскія*, появляющіяся около 23 апрѣля, — ловъ ихъ производится еще подо льдомъ; *заледныя* — сейчасъ послѣ вскрытія льда, что въ Кандалакской губѣ бываетъ очень поздно (въ нынѣшнемъ году около 20 мая у сѣверо-восточныхъ береговъ ея былъ еще ледь); *ивановскія* — съ начала іюня, главный ловъ ихъ бываетъ около Иванова дня, 24 іюня; наконецъ, *осеннія* — съ Успеняго дня. Между исчезновеніемъ заледныхъ и появленіемъ ивановскихъ сельдей всегда бываетъ промежутокъ, продолжающійся обыкновенно около двухъ недѣль; впрочемъ, онъ не одинаковъ въ различные годы и зависитъ отъ времени вскрытія морскихъ побережьевъ. Заледныя же сельди непосредственно слѣдуютъ за егорьевскими. Тоже должно сказать объ осеннихъ и ивановскихъ, хотя между осеннимъ и ивановскимъ ловами и есть значительный промежутокъ; но это отъ того, что въ жаркое время сельдей не ловятъ для приготовленія въ прокъ, потому что въ это время, какъ говорятъ, соль не беретъ ихъ; ловъ же для непосредственнаго употребленія въ пищу продолжается безъ перерыва все лѣто и при томъ не на глуби, а близъ береговъ, и производится, какъ я уже упоминалъ, женщинами и дѣвушками на маленькихъ лодкахъ.

Названныя сельди различаются между собою, кромѣ времени появленія, и нѣкоторыми качествами, такъ что въ промышленномъ отношеніи онѣ составляютъ отдѣльныя сорта, хотя въ естественно-историческомъ отношеніи и принадлежатъ къ одной и той же разновидности. Егорьевскія сельди мелки; ихъ идетъ около 200 или 250 на пудъ (слѣдовательно, все же онѣ вдвое больше сороцкихъ). Онѣ имѣютъ зрѣлую икру и молоки и выметываютъ ихъ около Егорья. Заледная сельдь, непосредственно слѣдующая за егорьевскою, уже безъ икры и есть, какъ замѣтили сами мѣстные жители, та же егорьевская, только уже выметавшая

икру. Ивановская опять бываетъ съ икрою и молоками, но она уже крупная; ее идетъ отъ 70 до 100 штукъ на боченокъ, имѣющій обыкновенно 34 фунта и, слѣдовательно, отъ 80 до 120 штукъ на пудъ. Туземцы считаютъ эту сельдь за отдѣльную породу отъ егорьевской, хотя сами говорятъ, что, кромѣ величины, никакой разницы между ними нѣтъ, но и эта разница вовсе не очень значительна, особливо если принять во вниманіе существующіе переходы. Я имѣлъ случай убѣдиться, что и между ивановскими сельдями можно отобрать не въ маломъ количествѣ такихъ, которыхъ идетъ на пудъ не менѣе 150 штукъ. При томъ, допустивъ различіе породъ, чрезвычайно трудно объяснить себѣ, почему двѣ разновидности сельдей, не смѣшиваясь между собою, живутъ въ одной и той же мѣстности, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, и приближаются поочередно къ берегамъ для метанія икры. Всѣ эти затрудненія совершенно исчезаютъ, если примемъ, что егорьевскія суть молодья, хотя уже и способны метать икру сельди, а ивановскія — уже совершенно взрослыя. Это предположеніе совершенно согласно съ тѣмъ наблюденіемъ, что старыя рыбы той же породы обыкновенно не смѣшиваются съ молодыми при метаніи икры. Если молодья выметываютъ икру всегда прежде старыхъ, то это не составляетъ какой нибудь особенности рыбъ, ибо всякой хозяйкѣ, напримѣръ, извѣстно, что молодая домашняя птица начинаетъ нестись прежде, нежели старая. Осенняя сельдь, подобно заледной, бываетъ опять безъ икры, но за то изъ всѣхъ сортовъ она самая жирная, что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ того, что ивановская сельдь, истощенная актомъ размноженія своей породы, отъѣдается въ теченіи іюля и первой половины августа, когда ихъ не ловятъ. Надо еще замѣтить, что не во всѣхъ мѣстностяхъ производится этотъ четверократный ловъ. Такъ, напримѣръ, въ Умбѣ и Кузоmeni нѣтъ ни егорьевскаго, ни заледнаго лововъ, что весьма хорошо объясняется тѣмъ, что молодая сельдь идетъ метать икру не за долго передъ тѣмъ временемъ, когда льду надо уже разойтись, а потому обращается преимущественно къ юго-западному берегу залива, такъ какъ на сѣверо-восточномъ, гдѣ лежатъ Умба и Кузомень, море у береговъ гораздо позже вскрывается.

Изъ сказаннаго видно, что для бѣломорскихъ сельдей нѣтъ одного постоянного времени метанія икры: оно бываетъ и въ началѣ зимы (сороцкія сельди), и въ началѣ весны (егорьевскія сельди), и въ началѣ лѣта — около Иванова дня (ивановскія сельди). Время метанія икры означено здѣсь нѣсколько позже начала появленія у береговъ сороцкихъ, егорьевскихъ и ивановскихъ сельдей, потому что онѣ, какъ и вообще рыба, идутъ къ берегамъ раньше полной зрѣлости икры и молокъ и въ теченіи нѣкотораго времени ловятся съ неразжижившею еще икрою. Такая разновременность въ метаніи икры, хотя и не согласна съ тѣмъ, что большею частію замѣчается у другихъ породъ рыбъ, не составляетъ, однако, особенности бѣломорскихъ сельдей, а есть общее правило для этого вида рыбъ, какъ это показываютъ наблюденія у береговъ Швеціи, Норвегіи и другихъ странъ западной Европы. Для метанія икры сельди выбираютъ небольшую глубину, въ нѣсколько сажень, чистую воду и такія мѣста, гдѣ дно поросло подводными растеніями. Въ Бѣломъ морѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не разъ было замѣчено, что во время метанія икры и выплыванія молокъ стаями сельдей вода въ морѣ дѣлается мутною, какъ если бы смѣшали ее съ молокомъ, и покрывается жирными искорками. Такъ огромно количество отдѣляемыхъ животныхъ веществъ!

а. *Организація сельдянаго лова.*

Отъ этихъ естественно-историческихъ замѣчаній я перехожу къ организаціи сельдянаго промысла и способовъ его производства. Правила, которыми опредѣляется право и степень участія въ сельдяномъ

промыслѣ, весьма различны въ разныхъ приморскихъ селеніяхъ, но все они соображены такъ, чтобы выгоды всей общины не страдали отъ преобладающаго вліянія отдѣльныхъ лицъ и чтобы личныя права каждаго были, по возможности, сохранены; только для достиженія этой цѣли избраны различныя средства, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Въ видѣ примѣровъ, я опишу какъ организованъ этотъ ловъ въ Кандалакшѣ, Умбѣ и Кузомени.

Въ сосѣдней къ Кандалакшѣ части моря есть мѣста, извѣстныя изобиліемъ въ нихъ егорьевскихъ и заледныхъ сельдей. Ловъ на такихъ мѣстахъ производится всею міромъ и добытое дѣлится по душамъ слѣдующимъ образомъ. Предварительно опредѣляютъ, сколько нужно работниковъ для производства лова, и рѣшаютъ, сколько душъ должны выставить одного работника. Если нужно, напримеръ, одного съ трехъ душъ, то дворъ, имѣющій 3 души, посылаетъ изъ числа ихъ одного, имѣющій 6 — выставляетъ двухъ и т. д. Если же въ домѣ 2 души, то онъ присоединяется къ такому, въ которомъ 4 и оба высылаютъ двухъ работниковъ. Каждый работникъ долженъ принести съ собою необходимыя орудія лова и соль. Общій уловъ продается огульно, вырученныя же деньги раздѣляются по числу участвовавшихъ въ ловѣ работниковъ; эти послѣдніе, если бы не отъ одного двора, полученную сумму распредѣляютъ по дворамъ, сообразно съ числомъ имѣющихся въ нихъ въ наличности душъ. За тѣмъ, если какой дворъ имѣетъ средства, сверхъ участія въ мірскомъ ловѣ, ловитъ про себя отдѣльно, то это ему не возбраняется, но только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не значатся за міромъ. Но если окажется гдѣ либо изъ этихъ вольныхъ мѣстъ ловъ особливо выгоднымъ, то на слѣдующій годъ и это мѣсто присоединяется къ общему мірскому участку. Прочіе ловы сельдей, т. е. ивановскій и осенній, здѣсь вольные. Такимъ же образомъ производится ловъ въ Ковдѣ и Княжой.

Въ Умбѣ, гдѣ сельдей не такъ много, ловъ ихъ организованъ иначе. Жители четырехъ деревень Умбы, Кузы, Оленицы и Сальницы собираются на Новый годъ въ Умбу и здѣсь раздѣляются на три части, называемыя четвертями. Ктонибудь въ каждой четверти дѣлается какъ бы ея представителемъ, и это не правильнымъ выборомъ, а какъ случится. Эти представители мечутъ жребій, какой участокъ изъ принадлежащей волости части моря (простирающейся всего верстъ на 50) долженъ достаться какой четверти. Когда жребій разъ выметанъ, то въ другіе годы его уже болѣе не бросаютъ, а порядокъ, въ которомъ четверти пользуются участками, идетъ, какъ говорится здѣсь, околицею, т. е. четверти каждый годъ чередуются. Каждая четверть раздѣляется на 10 дружинъ или партій; это раздѣленіе дѣлается по взаимному согласію: кому съ кѣмъ удобнѣе быть въ дружинѣ, тѣ и ладятся между собою. Такимъ образомъ составляется 30 дружинъ, а какъ во всехъ четырехъ деревняхъ 280 душъ, то въ 20 дружинахъ придется по 9, а въ 10-ти по 10 человекъ. Дружины каждой четверти опять мечутъ между собою жребій, указывающій какой дружинѣ какая должна достаться тоня, т. е. мѣсто лова. При каждой тонѣ есть двѣ избушки, въ которыхъ живутъ промышленники во время лова. На такихъ тоняхъ, для членовъ каждой дружины, ловъ уже круглый годъ вольный не на однѣхъ сельдей, а на всю рыбу вообще, въ томъ числѣ и на семгу. Добычу дѣлятъ члены дружины поровну. Если у какой дружины не хватитъ средствъ для заведенія неводовъ или времени (за отправленіемъ на Мурманскій берегъ или другими занятіями), то она продаетъ свою тонию кому захочетъ: другой ли дружинѣ, или отдѣльному лицу.

Въ Кузомени, гдѣ количество сельдей незначительно, ловъ ихъ не ограниченъ никакими условіями. Онъ — вольный; но такъ какъ сельди попадаютъ лишь у самаго устья рѣки Варзухи, то при этомъ

соблюдается только одно условіе, именно, чтобы тотъ, кто первый пріѣхалъ на устье, первый бы и тянулъ неводъ. Когда первый вытащилъ свой неводъ, тогда можетъ закидывать за нимъ пріѣхавшій, начиная съ мѣста, гдѣ первый вытянулъ, и такъ далѣе тѣмъ же порядкомъ. Здѣсь сельди появляются только съ весны; въ концѣ мая онѣ мечутъ икру, а послѣ Ильина дня ихъ уже не бываетъ. Онѣ служатъ только для непосредственнаго употребленія въ пищу.

Во всѣхъ мѣстахъ, посѣщенныхъ въ этомъ году экспедиціею, ловъ устроенъ по одному изъ описанныхъ способовъ, кромѣ Сороки. Огромность массы сельдей, посѣщающихъ въ концѣ осени и въ началѣ зимы Сороцкую губу, позволяетъ жителямъ прибрежныхъ деревень: Сороки, Выгскаго острова, Шижни и Сухаго Наволока и кореламъ, пріѣзжающимъ сюда на время лова изъ деревень, лежащихъ далѣе отъ моря въ глубь страны, брать изъ предлагаемаго моремъ богатства столько, сколько позволяютъ силы, безъ всякаго ограниченія: по этому каждое семейство *ловитъ на себя*. Въ началѣ, когда губа еще не покрыта льдомъ, ловъ производится съ карбасовъ. Для этого карбаса (одного двора и двухъ) выѣзжаютъ въ море по-парно, сѣпнвшись между собою носами посредствомъ петель. Въ каждомъ карбасѣ по неводу, крылья котораго обыкновенно имѣютъ 8 сажень въ длину съ мотнею, по здѣшнему *дворомъ*, въ 4 сажени длиною, шириною и вышиною. Такой неводъ имѣетъ всего 20 сажень въ длину; у нѣкоторыхъ, впрочемъ, есть и 30 саженные. На каждомъ карбасѣ по три чело-вѣка, изъ которыхъ одинъ на носу нащупываетъ шестомъ стаю сельдей, другой гребетъ, а третій править. Когда нащупаютъ сельдей, карбаса расцѣпляются и начинаютъ выметывать (по здѣшнему *валить*) одинъ изъ неводовъ. Веревку отъ одного конца невода оставляютъ у себя, а отъ другаго передаютъ въ другой карбасъ. Карбаса разъѣзжаются до тѣхъ поръ, пока неводъ не вытянется въ прямую линію; потомъ, гребя усиленно веслами, тянутъ его, завязываютъ мотню, оставляютъ ее до времени въ водѣ, закидываютъ второй неводъ, съ которымъ поступаютъ точно также, и за тѣмъ уже вытаскиваютъ оба невода на берегъ или выгружаютъ въ карбаса. При всемъ этомъ не соблюдается ни какого порядка: путаются неводами, начинаютъ драку за мѣста; весла, рукавицы, шапки, все пла-ваетъ на водѣ, потому что отъ снѣгу некогда подбирать. Зимой съ такою же точно неурядицею выставляютъ каждое утро невода подо льдомъ черезъ проруби, которыхъ такое множество, что вся замерзшая поверхность губы становится похожею на рѣшето. Потомъ, также съ лому (окраины льда) или черезъ проруби, нащупываютъ шестами есть ли сельдь. Когда удостовѣрятся, что сельдь въ какой либо части губы есть, то стоящіе въ ней невода вытягиваютъ на ледъ. Въ ту же сторону стараются перенести невода изъ другихъ частей губы, и вообще куда повернуть сельди, туда слѣдуютъ за ними и съ неводами; при этомъ-то бывають главные споры и драки. Кромѣ неводовъ ловятъ и мережами, т. е. вентерями, разставленными подо льдомъ. Говорятъ, что при удачномъ ловѣ въ неводъ иногда попадаетъ до 100,000 сельдей, а въ мережу до 70,000. Утверждаютъ, что сельди не любятъ шума во время метанія ими икры, и это весьма вѣроятно, ибо тоже замѣчено и относительно нѣкоторыхъ другихъ породъ рыбъ. Но должно быть, что сквозь ледъ, покрытый толстымъ слоемъ снѣга, шумъ отъ бѣготни и драки слишкомъ тысячи людей слабо отдается въ водѣ, или, можетъ быть, одного шума недостаточно, чтобы заставить сельдей покинуть Сороцкую губу, ибо ловъ ихъ производится въ ней безъ замѣтнаго уменьшенія уже болѣе ста лѣтъ.

Я долженъ теперъ обратить вниманіе на одно обстоятельство, имѣющее мѣсто при сороцкомъ ловѣ: именно на споръ между жителями прибрежныхъ деревень — Сороки, Шижни, Выгскаго острова

и Сухаго Наволока съ одной стороны и корелами — съ другой. Первые считаютъ себя въ правѣ не допускать послѣднихъ къ лову въ своей губѣ на слѣдующемъ основаніи. До 1765 года ловъ сельдей былъ у нихъ мірской, безоброчный, ловъ же семги составлялъ собственность Соловецкаго и Вяжемскаго монастырей. Соловецкій поставлялъ суда, снасти и рабочихъ и бралъ за то 8 рыбъ изъ 9, а Вяжемскій (Новгородской губерніи) поставлялъ лѣсъ и бралъ за это девятую рыбу. Потомъ ловъ этотъ, вмѣстѣ съ сельдяными, былъ отданъ монастырями на откупъ каргопольскимъ купцамъ Маркову и Пригодину за 15 р. въ годъ. По отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну, въ нее же поступилъ и этотъ оброкъ. Тогда жители четырехъ поименованныхъ деревень вошли съ прошеніемъ черезъ повѣреннаго отъ обществъ крестьянина Клевина о томъ, чтобы какъ семожей ловъ, такъ и сельдяной были отданы имъ въ безоброчное владѣніе. Въ 1767 году прошеніе было уважено и сенатскимъ указомъ повелѣно: по истеченіи срока контракта монастырей съ Марковымъ и Пригодинымъ, именно съ 1769 года, отдать воды просителямъ безоброчно. Это было сдѣлано потому, что рыболовство замѣняло жителямъ хлѣбопашество и сѣнокосы, которыхъ у нихъ мало, и что отъ бѣдности и изнѣможенія, которыя были такъ велики, что крестьяне ѣли хлѣбъ, смѣшанный съ толченою сосновою корою, они затруднялись въ уплатѣ податей. На эту льготу у жителей названныхъ селеній есть документъ, состоящій въ ордерѣ отъ тогдашняго «Архангелогородской губерніи губернатора Головцына». Но, какъ видно изъ ордера, они освобождены только отъ платы оброка за семгу, которая ловилась въ рѣкахъ Выгѣ и Сорокѣ (Сорока есть только рукавъ Выга), на ловъ же въ морѣ имъ никакихъ особенныхъ правъ не было дано, и они продолжали имъ пользоваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ пользуются своими участками и прочіе жители береговъ Бѣлаго моря. Именно ордеръ этотъ оканчивается слѣдующими словами: «Въ разсужденіи сего обстоятельства въ посланномъ къ Экономическому Казначею, о вышеписанномъ ордерѣ предписано, когда владѣнію монастыремъ тѣхъ рѣкъ (т. е. Выга и Сороки) терминъ минуется, то оныя рѣки, въ силу Коллегіи Экономіи сообщенія, отданы были имъ Сороцкой волости крестьянамъ безоброчно, и по отдачи изъ оклада выключить, а до истеченія того термина васъ ко владѣнію не допускать, въ чемъ и обязать васъ подпискою.» И такъ сорочане пользуются морскимъ ловомъ на общихъ основаніяхъ и никакихъ привилегій или спеціально дарованныхъ правъ на него не имѣютъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства совершенно измѣнились; теперь Сороцкая волость (и въ ней преимущественно село Сорока) одна изъ богатѣйшихъ въ Архангельской губерніи, потому что, кромѣ своего единственнаго по богатству въ цѣломъ морѣ рыболовства, Сороцкая губа есть одна изъ лучшихъ для приставанія судовъ, влѣдствіе чего Сорока, наравнѣ съ Сумою и городомъ Кемью, имѣетъ наибольшее число морскихъ судовъ и получаетъ большія выгоды какъ отъ лова трески на Мурманскомъ берегу, такъ и отъ торговли съ Норвегіею. Между тѣмъ бѣдные корелы продолжаютъ, по прежнему, ѣсть хлѣбъ съ толченою сосновою корою, не смотря на то, что имѣютъ нѣкоторое хлѣбопашество, ибо оно, по причинѣ суровости климата и безплодія почвы, не только не доставляетъ никакихъ выгодъ, но даже едва пропитываетъ ихъ. Жестоко было бы лишать этихъ бѣдныхъ людей средствъ къ жизни, доставляемыхъ массами сельдей, топящихся въ Сороцкой губѣ, а, напротивъ того, было бы полезно объявить, что корелы имѣютъ такое же точно право на ловъ, какъ сами сорочане. Узнавъ, что таковъ взглядъ правительства, сорочане конечно свыклись бы съ этимъ воззрѣніемъ и перестали бы дѣлать кореламъ разнаго рода притѣсненія. Надо еще замѣтить, что жалуются на кореловъ главнѣйшимъ образомъ собственно обитатели

села Сороки, а не жители прочихъ деревень, сравнительно гораздо ихъ бѣднѣйшихъ, но между тѣмъ, по собственному ихъ сознанию, во время богатаго прошлогдняго лова, корелы прїѣзжали только на 70 возахъ съ 10 или 12 мережами на каждомъ и на свою долю получили никакъ не болѣе $\frac{1}{10}$ всего улова.

в. Орудія сельдянаго лова.

Главнѣйшее орудіе лова сельдей какъ на талой водѣ, такъ и зимою составляютъ невода. Шведскіе писатели, въ томъ числѣ и Нильсонъ, возстаютъ противъ этого орудія, приписывая именно ему уменьшеніе и, наконецъ, совершенное прекращеніе богатаго богусленскаго лова. Вотъ въ чемъ, по ихъ мнѣнію, состоятъ неудобства невода:

1) Неводами вылавливаются молодя и выметавшія уже икру сельди, тогда какъ эти послѣднія худы и составляютъ товаръ дурнаго качества.

2) Неводомъ собирается со дна и вытаскивается на берегъ выметанная икра.

3) Имъ вырываются растущія на днѣ водоросли, и вообще морская трава, и надолго портится удобная для метанія икры мѣстность.

4) Наконецъ, неводъ очень дорого стоитъ, такъ что большая часть рыбаковъ не имѣетъ достаточно средствъ завести свой собственный, а потому должна всегда оставаться работниками у богатыхъ.

Все это, вѣроятно, очень справедливо относительно неводовъ, употребляющихся въ Швеціи, гдѣ обметываютъ неводомъ цѣлую стаю сельдей, приближающихся къ берегу, и тянутъ на берегъ; но это не имѣетъ никакого примѣненія къ бѣломорскому неводному лову. Здѣсь надо вспомнить правило, высказанное академикомъ Бэромъ, — именно, что никакое орудіе не можетъ само-по-себѣ считаться вреднымъ, а можетъ быть вреденъ только лишь способъ его употребленія; въ подтвержденіе этого правила я буду имѣть случай ниже представить весьма разительный примѣръ. Употребляемые при бѣломорскомъ сельдяномъ ловѣ невода очень невелики, не болѣе 30 маховыхъ сажень въ длину, и ими не затягиваютъ рыбу на берегъ, но употребляютъ ихъ какъ вентера, т. е. разставляютъ подо льдомъ, или окружаютъ ими рыбу на водѣ же и вытягиваютъ въ лодки. Единственное условіе употребляемыхъ здѣсь орудій сельдянаго лова, могущее впоследствии оказать вредное на него вліяніе, состоитъ въ томъ, что иногда они слишкомъ часты. Такъ въ Сорокѣ, между прочимъ, есть невода и мережи съ ячейми, имѣющими не болѣе $\frac{3}{8}$ дюйма отъ узла до узла.

Близъ устья Двины они еще чаще, и здѣсь ловятъ большое количество сельдяныхъ мальковъ вершковъ около двухъ длиною и даже менѣе, такъ что на пудъ приходится ихъ до 2,500 штукъ. Цѣлые воза такихъ сельдей, называемыхъ устьянкою, продаются на рынкѣ въ Архангельскѣ иногда сравнительно дорогою цѣною, именно рублей по 5 сер. за возъ. Мелкія сельди эти получаютъ главнымъ образомъ изъ такъ называемаго Сухаго моря, — залива, образуемаго частью Зимняго берега, идущаго отъ устья Двины почти прямо на сѣверъ, Никольскою косою, начинающеюся верстахъ въ пяти по сю сторону деревни Куи, и Мудьюгскимъ островомъ, отдѣленнымъ отъ косы узкимъ проливомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Желѣзныхъ Воротъ. Съ южной стороны, т. е. съ устья Двины, есть также входъ въ это Сухое море, который суженъ еще островомъ Муравой. Заливъ этотъ, имѣющій около 25 верствъ въ длину и 5 верствъ въ ширину, покрытъ весь отмелями, на которыхъ только нѣсколько футъ воды и между которыми разсѣяно нѣсколько болѣе приглубыхъ мѣствъ. Изъ этого можно видѣть, какъ удобна эта мѣстность для молоденькихъ селедокъ, которыя, подобно всѣмъ

рыбнымъ малькамъ, любятъ собираться на мелкихъ, пригрѣваемыхъ солнцемъ мѣстахъ. Не только жители деревень, расположенныхъ у берега этого залива, но и изъ другихъ сосѣднихъ мѣстъ, собираются сюда на ловъ; для этого тутъ и устроено 12 избушекъ. Такой же ловъ, хотя и въ меньшемъ количествѣ, производится и у другихъ двинскихъ устій, какъ, на примѣръ, у Никольскаго монастыря. Сельди эти считаются очень вкусными; кромѣ того, дѣланы были опыты приготовления ихъ на манеръ ревельскихъ килекъ, оказавшіеся, какъ говорятъ, очень удачными. Не смотря на все это, такой ловъ молодыхъ селедокъ не долженъ быть терпимъ; но для устранения такого злоупотребленія не нужно никакихъ особыхъ мѣръ, а достаточно узаконить для всей Россіи рыболовныя правила, предложенныя академикомъ Бэрромъ относительно наименьшаго размѣра ячей; для сороцкихъ же сельдей можно принять нѣсколько меньшую норму, именно въ $\frac{3}{4}$ дюйма.

с. Приготовленіе сельдей.

Сельди, добываемыя изъ Бѣлаго моря, поступаютъ въ продажу въ тройкомъ видѣ: мороженыя, соленыя и копченыя.

Мороженыя сельди идутъ преимущественно изъ Сороцкой, а также и изъ Покровской губъ. Здѣсь ихъ никогда не солятъ, ибо и безъ хлопотъ сбытъ, по большой части, вѣренъ, и я не могу согласиться съ тѣми, которые полагаютъ, что лучше было бы ихъ солить, потому, будто бы, что мороженыя теряютъ свой вкусъ. Напротивъ, свѣжія сельди, какъ и всякая свѣжая рыба, питательнѣе, здоровѣе и вкуснѣе соленыхъ. Къ тому же сельди, подвергшіяся дѣйствию мороза, чего при зимнемъ ловѣ избѣгать невозможно, по единогласному отзыву всѣхъ понимающихъ это дѣло, доставляютъ лишь худшій сортъ соленыхъ сельдей; поэтому полезно бы было солить ловимыхъ зимою сельдей только въ тѣхъ случаяхъ, когда во время лова случатся оттепели, ибо въ такихъ случаяхъ рыбу продаютъ за совершенный безцѣнокъ изъ справедливаго опасенія, чтобы не пришлось ее бросить даромъ. При обильномъ ловѣ и оттепеляхъ случалось, что отдавали цѣлый возъ, т. е. около 12,000 сельдей, за 25 коп. сер. Мнѣ сказывали даже, что однажды цѣлый корбасъ сельдей, поднимающій до 200 пудовъ, былъ проданъ за 50 коп. сер., т. е. 2,000 рыбъ отдавались за копѣйку серебромъ. Такая дешевизна случается въ началѣ лова, когда онъ производится еще на талой водѣ. Обыкновенно и въ это время, хотя губа еще не замерзла, бываютъ уже морозы; но случается и теплая погода; тогда часть сельдей коптятъ, а часть скупается пріѣзжими изъ Сумы, Кемы и другихъ окрестныхъ мѣстъ, которые сами уже солятъ, большею частью для собственнаго употребленія, за безцѣнокъ пріобрѣтенныхъ сельдей. Въ морозное время обыкновенная цѣна сороцкимъ сельдямъ бываетъ отъ 50 коп. до 1 р. 50 к. с. за тысячу. Такъ въ 1859 году, когда ловъ далеко не былъ столь изобилень, какъ въ 1858, онѣ продавались не дешевле 1 р. 20 к. сер.

Коптятъ сельдей также только въ Сорокѣ и въ трехъ прочихъ деревняхъ, принадлежащихъ къ одной съ нею волости. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Коптильня есть изба съ землянымъ поломъ безъ потолка и съ крышею, покатою въ одну сторону и между досками которой оставляются небольшіе промежутки для прохода дыма. Вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнъ утверждено жердей по 15, одна надъ другою, а на нихъ во столько же ярусовъ укрѣплены поперечныя перекладки въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ аршина одна отъ другой; на этихъ-то перекладинахъ кладутся, опять уже вдоль избы, такъ называемыя *роженны*, т. е. заостренныя съ обоихъ боковъ палочки въ мизинецъ толщиною и обыкновенно

въ 1 аршинъ 10 вершковъ длиною. На каждое роженце нанизываютъ около 30 сельдей, продѣвая ихъ сквозь жабры. Наловивъ или купивъ нужное количество сельдей для наполненія коптильни, т. е. отъ 70,000 до 100,000 штукъ (*), ихъ просаливаютъ въ особливомъ строеніи, гдѣ есть печь съ каменкою и плотный досчатый полъ, — по близости коптильни. Тепло нужно не только для самой работы, но и для того, чтобы соль лучше брала сельдей. Сельди кладутъ кучею на полъ, пересыпаютъ солью, наваливаютъ новую кучу, еще трусятъ солью и т. д., а подъ конецъ перемишиваютъ всю кучу лопаточками. Сельди даютъ отъ себя рассоль и — худо ли, хорошо ли — всѣ просаливаются. На полную коптильню идетъ обыкновенно 6 пудовъ соли. Для просолки считаютъ нужнымъ два или три дня. Когда сельди просолятся, то ихъ нанизываютъ на роженцы и тогда уже обмываютъ въ водѣ, за тѣмъ накладываютъ на доски и несутъ въ коптильню. Обыкновенно двое подаютъ роженцы, а двое развѣшиваютъ; четыре работника наполняютъ коптильню въ 1½ сутокъ. Всѣхъ же работниковъ на всю операцію нужно человекъ 11 съ мальчиками, которые полощутъ просоленную сельдь. Прежде, чѣмъ въ коптильнѣ разведутъ огонь, настилаютъ подъ самымъ нижнимъ рядомъ перекладинъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, рядъ досокъ, оставляя между ними довольно большіе промежутки, чтобы огонь отъ разложенныхъ на полу дровъ не дѣйствовалъ на сельдей своимъ жаромъ. Жгутъ всегда еловые дрова, раскладывая ихъ некучно мѣстахъ въ восьми, такъ чтобы они только тлѣли, а не горѣли и дымъ былъ бы только тепель. Если жаръ обдастъ сельдей, то онѣ, какъ говорятъ, закомнѣютъ. Подъ конецъ жгутъ иногда и можжевельникъ — для цвѣта, по словамъ коптильщиковъ. Копчение продолжается отъ 8 до 9 дней. Когда сельди остынутъ, тогда ихъ снимаютъ, что требуетъ не болѣе 4-хъ часовъ, такъ что на соленіе, развѣшивание, копчение и сняманіе употребляется не болѣе 12 дней. Соль, работа и утрата (раздавленные сельди, случайно попавшія между сельдями навага, корюшка) обходятся обыкновенно въ 10 р. с.; цѣна свѣжихъ сельдей около 40 или 45 к. за тысячу и даже дешевле, потому что ихъ коптятъ, когда онѣ дешевы. Цѣна копченыхъ отъ 90 коп. до 1 р. с. за тысячу, такъ что съ полной коптильни можно считать отъ 30 до 50 р. с. барыша. Иногда коптятъ и по заказу архангельскихъ купцовъ. Тогда сельди покупаются на счетъ заказавшихъ, а коптильщики получаютъ лишь уговорную плату съ тысячи сельдей. Это считаютъ выгоднѣе. Обыкновенно коптятъ не болѣе двухъ коптиленъ въ зиму; всѣхъ же ихъ въ четырехъ деревняхъ отъ 40 до 50, а накапливается всего около 10,000,000 штукъ.

Эти сельди большею частію нехороши и не могутъ долго лежать, портясь преимущественно около костей. Это зависитъ главнѣйше отъ малаго количества соли, кратковременности просолки и копченія, а также и отъ самаго устройства коптиленъ. Улучшенія этого дѣла можно бы, по видимому, достигнуть устройствомъ образцовыхъ коптиленъ въ деревняхъ Сорочкой волости и посылкою нѣсколькихъ молодыхъ крестьянъ обучаться копченію въ С.-Петербургѣ или Ригѣ, гдѣ такъ хорошо коптятъ семгу. Но я полагаю, что всѣ употребленные на это издержки останутся почти безъ всякаго полезнаго дѣйствія. Дѣло въ томъ, что копченныя сельди, каковы онѣ ни есть, находятъ себѣ вѣрный сбытъ: ихъ скупаютъ съѣзжающіеся на нѣсколькихъ тысячахъ и даже десяткахъ тысячъ воевъ въ Сорочку ко времени лова олончане, вологжане и архангельцы, ибо онѣ вполне удовлетворяютъ своихъ неприхотливыхъ потребителей. Употребленіе же бѣльшаго количества соли, болѣе продолжительное

(*) Есть коптильни и на 120,000 сельдей, но лучшія вмѣщаютъ отъ 70,000 до 90,000.

копченіе, устройство усовершенствованныхъ коптиленъ, по образцу казенныхъ, безъ сомнѣнія, поведутъ къ увеличенію издержекъ и труда. Кто же за это заплатитъ? Теперешніе потребители сельдей, привыкшіе къ соленой трескѣ и палтусинѣ, всегда вонючимъ, и такъ считаютъ копченыхъ сельдей лакомствомъ. Слѣдовательно, въ новомъ усовершенствованіи ихъ они замѣтятъ только увеличеніе цѣны, а это необходимо произведетъ уменьшеніе сбыта. Конечно, эти болѣе дорогія сельди могутъ сбываться въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть потребители съ болѣе притворливымъ вкусомъ, чѣмъ по деревнямъ и городишкамъ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній; но неужели же хозяева коптиленъ, приносящихъ отъ 60 до 120 р. с. въ годъ, могутъ сами отыскивать себѣ этихъ новыхъ потребителей. Бывали примѣры, что поморы и мезенцы рѣшались сами везти въ С.-Петербургъ или Москву свои продукты, въ надеждѣ продать ихъ тамъ дороже, чѣмъ на мѣстѣ. Такъ возили они гольцовъ, семгу, морошку, дичь, — всѣ предметы, имѣющіе хорошій сбытъ въ обѣихъ столицахъ, и что же? — Почти всегда торговцы возвращались съ большимъ убыткомъ, потому что столичные купцы, понимая, что не назадъ же везти пріѣзжимъ свой товаръ, давали имъ цѣны ниже мѣстныхъ. Многіе пытались продавать товаръ въ разницу на Сѣнной, но и тамъ продажа не шла, потому что имъ отводили такіа мѣста, гдѣ никакому покупателю и въ голову не взойдетъ искать семги или морошки. Не по домамъ же было имъ развозить свой товаръ! Такимъ образомъ многіе должны были отдать привезенное ими за безцѣнокъ; болѣе же настойчивые и упрямые увозили товаръ назадъ и тоже за безцѣнокъ продавали по городкамъ и селамъ, лежавшимъ на пути. Неужели же нѣтъ средствъ улучшить приготовленіе бѣломорскихъ сельдей? (Я говорю вообще приготовленіе, потому что сказанное о копченыхъ сельдяхъ вполне относится и къ соленымъ.) Безъ сомнѣнія, есть, но этого улучшенія нельзя ожидать отъ крестьянъ, даже и при содѣйствіи имъ со стороны правительства, а это должно быть дѣломъ промышленной компаніи, на примѣръ, хотя Бѣломорской, нынѣ существующей; но объ ней мы скажемъ послѣ.

Солятся сельди весенняго, лѣтняго и осенняго улововъ въ Кандалакской губѣ, въ Поньгамѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, а по мелочи и въ другихъ мѣстахъ. Въ настоящемъ отчетѣ я могу говорить только о соленіи сельдей въ Кандалакскомъ заливѣ, который, впрочемъ, доставляетъ торговлѣ наибольшую массу соленыхъ сельдей.

Сельди солятся здѣсь кучно, т. е. невычищенныхъ сыплютъ въ еловые или сосновые боченки, дурно держащіе разсолъ, мечутъ горстями на нихъ соль и потомъ перемѣшиваютъ. Крупныхъ ивановскихъ сельдей иногда вычищаютъ и кладутъ рядками въ боченки, но не брюшкомъ вверхъ, какъ бы слѣдовало, а плашмя. Соли кладутъ вообще слишкомъ мало и сельдь берутъ всякую, т. е. не разбирая того, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она поймана, тогда какъ въ соли хороша только та, которая была поймана въ теченіи ночи, а на утро посолена. По этому, столь небрежно солимая сельдь получаетъ неприятный запахъ и у костей бываетъ красновата. На мой вопросъ рыбакамъ: почему они не всегда вырѣзаютъ внутренности? мнѣ весьма простодушно отвѣчали: «устюжане, батюшко, не побрезгаютъ, и съ кишечкой съѣдятъ».

Въ нынѣшнемъ году хорошій уловъ былъ лишь въ одной Керети, гдѣ насолили до 20,000 боченковъ весенняго улова и до 40,000 лѣтняго. Въ Ковдѣ сельдей было крайне мало, равно какъ и въ Княжой и въ Кандалакшѣ; въ этихъ мѣстахъ едва ли добыли и по 3,000 боченковъ. За нормальное же количество можно принять отъ 30 до 35 тысячъ боченковъ въ каждой изъ деревень

юго-западнаго Кандалакскаго берега, промышляющихъ сельдянымъ ловомъ, т. е. въ Керети, Черной, Ковдѣ, Княжой и Кандалакшѣ, что составитъ, вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ ловимыхъ въ остальныхъ деревняхъ этой губы: Гридинѣ и Умбѣ, отъ 150,000 до 200,000 боченковъ въ годъ. Такъ какъ въ такомъ боченкѣ бываетъ кругомъ около 100 штукъ сельдей и около пуда вѣсомъ, то весь Кандалакскій усоль на продажу нельзя положить выше 200,000 пудовъ или 20,000,000 штукъ сельдей. Обыкновенно продаютъ ихъ въ Архангельскѣ или скупщикамъ, приѣзжающимъ изъ Поморья, отъ 40 до 50 к. с. за боченокъ.

Улучшенія этой промышленности по тѣмъ же причинамъ, которыя я изложилъ, говоря о копченіи сельдей, можно ожидать только отъ Бѣломорской компаніи, а не отъ самихъ крестьянъ, которые и теперь вполне удовлетворяютъ требованіямъ своихъ потребителей и, слѣдовательно, не имѣютъ никакихъ побудительныхъ причинъ жертвовать деньгами, трудами и временемъ для усовершенствованія своего соленія. Недостатка въ примѣрахъ болѣе тщательнаго соленія у нихъ не было, даже и до открытія дѣйствій Бѣломорской компаніи. Именно, примѣръ этотъ съ давнихъ временъ былъ подаваемъ Соловецкимъ монастыремъ, гдѣ приготавливаются сельди, которыя если и не могутъ сравниться съ голландскими, то все-таки далеко превосходятъ норвежскихъ; но онѣ употребляются самими обитателями монастыря и только въ небольшомъ количествѣ сбываются въ Архангельскѣ. Но, опять повторяю я, главное дѣло тутъ не въ примѣрѣ, а въ сбытѣ. Это ведетъ меня къ разсмотрѣнію вопроса, что сдѣлано до сихъ поръ Бѣломорскою компаніею для улучшенія сельдянаго промысла — единственной отрасли рыболовства, которымъ она доселѣ занималась, и чего можно ожидать отъ нея въ будущемъ.

Компанія насолила въ 1858 году 700 пудовъ, а въ 1859 году 4,000 пудовъ сельдей, преимущественно въ Керетской и Княжой губахъ. На мѣстѣ она солитъ ихъ въ большихъ бочкахъ, по 12 пудъ, потомъ въ Архангельскѣ крупныхъ пересаливаетъ и перекладываетъ въ пятипудовыя бочки. Качественно сельди эти, на мой вкусъ, хороши, кажется лучше даже соловецкихъ и едва ли уступаютъ шотландскимъ, не смотря на то, что сельди нынѣшняго усола всѣ ивановскія, потому что осенняго лова въ Кандалакской губѣ вовсе не было. Слѣдовательно, можно надѣяться, что, когда компанія будетъ имѣть возможность солитъ болѣе вкусныхъ и жирныхъ осеннихъ сельдей и сдѣлаетъ усовершенствованія въ соленіи, на которыя укажетъ ей опытъ, то сельди ея могутъ сравняться, если не съ лучшими, то съ обыкновенными сортами голландскихъ сельдей. Такъ какъ съ голландскимъ способомъ соленія я знакомъ только изъ книгъ, то не могу сказать, вполне ли компанія слѣдуетъ ему въ томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ существеннаго, и въ какой степени выполняетъ требованія его. Что способъ, употребляемый ею, не совсѣмъ тождественъ съ голландскимъ, видно изъ того, что она употребляетъ не дубовыя бочки, а сосновыя и еловыя, а это, какъ кажется, составляетъ вовсе немаловажное обстоятельство, ибо Duhamel du Monceau въ своемъ *Traité des pêches* говоритъ, что голландцы покупали много шведскихъ сельдей, значительно улучшали ихъ перекладкою въ дубовыя бочки и такимъ образомъ сбывали за сельди своего соленія. Въ началѣ 1860 года компанія отправила первый свой транспортъ, состоящій изъ 20 возовъ, въ С.-Петербургъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, количество посоленныхъ компаніею сельдей ничтожно, и хотя въ 1859 году уловъ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ незначительныхъ, все же можно бы было насолить несравненно болѣе. Надо замѣтить, что компанія получаетъ сельдей почти исключительно покупкою

отъ крестьянъ, а такъ какъ она платитъ очень дешево, именно отъ 5 до 15 к. сер. за сотню, то охотниковъ продавать ихъ ей является очень мало, тѣмъ болѣе, что она, какъ это и должно дѣлать, при пріемкѣ бракуетъ сельдей, принимая только самыхъ свѣжихъ, пойманныхъ въ ночь. Мы видѣли, что крестьяне сами продаютъ боченокъ соленыхъ сельдей, въ которомъ около ста штукъ, на мѣстѣ и въ Архангельскѣ по 40 и даже по 50 к. сер. Расходы на такой боченокъ не превышаютъ 10, а много что 15 к. сер. Слѣдовательно, за свои сельди крестьяне получаютъ по крайней мѣрѣ 25 копѣйками болѣе съ каждой сотни, если сами ихъ посолятъ и продадутъ помору или свезутъ въ Архангельскъ, чѣмъ сколько даетъ имъ компанія за свѣжихъ. Ничтожнаго труда при крестьянскомъ способѣ соленія нечего почти и въ расчетъ брать; что же касается того, что въ первомъ случаѣ они должны везти сельдей въ Архангельскъ моремъ, а во второмъ, напротивъ, получаютъ деньги сейчасъ же на мѣстѣ, то это не составляетъ для нихъ важнаго расчета, потому что продажа на мѣстѣ нисколько не избавляетъ ихъ отъ необходимости ѣхать въ Архангельскъ обыкновенно къ ярмаркѣ, бывающей около 8 сентября, дабы запастись тамъ всѣмъ необходимымъ на цѣлый годъ. Поэтому я думаю, что пока компанія не рѣшится платить крестьянамъ 10-тью или даже 15-тью копѣйками дороже нынѣшняго, т. е. пока крестьяне отъ продажи свѣжихъ сельдей не будутъ получать столько же барышей, сколько выручается ими отъ сбыта въ Архангельскѣ соленыхъ, до тѣхъ поръ количество солимыхъ ею сельдей останется ничтожнымъ и будетъ безъ примѣрнаго вліянія на бѣломорскіе сельдяные промыслы. Для компаніи очень возможно сдѣлать такое повышеніе цѣны, потому что она должна готовить лишь лучшіе сорта сельдей, которые можетъ сбывать въ С.-Петербургѣ или Москвѣ за весьма хорошую цѣну, заведя тамъ свои собственныя депо; соперничать же съ крестьянами въ приготовленіи низшихъ сортовъ — не ея дѣло. Въ послѣднемъ случаѣ, дѣйствительно, платить дороже за сельдей было бы для компаніи нерасчетливо. Конечно, компанія могла бы еще сама заниматься ловомъ, нанимая для того работниковъ, но этимъ она принесла бы, по моему мнѣнію, величайшее зло здѣшнему краю. Всѣ берега Кандалакского залива, какъ по сѣверному положенію своему (вершина залива, начиная отъ параллели, проходящей немного сѣвернѣе Ковды, лежитъ уже за полярнымъ кругомъ), такъ и по каменистому свойству почвы (состоящей изъ голаго гранита или гнейса), не только неудобны для земледѣлія, которое тутъ вовсе и не производится, но жители даже принуждены унавоживать свои луга, которые они называютъ полями; они съ примѣрнымъ трудолюбіемъ обносятъ ихъ изгородами, очищаютъ отъ мховъ и уравниваютъ, срѣзая кочки. Безъ этихъ трудовъ жители были бы не въ состояніи даже накосить достаточно сѣна для прокормленія своего немногочисленнаго скота. Рыболовство, слѣдовательно, составляетъ единственный источникъ ихъ пропитанія, при чемъ семой ловъ, гдѣ онъ есть, составляетъ для нихъ источникъ уплаты государственныхъ податей, а сельдяной покрываетъ прочія ихъ нужды. По этому, если бы компанія вздумала сама ловить здѣсь сельдей, то, дѣйствуя въ большихъ размѣрахъ и обладая болѣе большими средствами, она лишила бы здѣшнихъ жителей послѣдняго источника пропитанія, а впоследствии, уничтоживъ всякое соперничество крестьянъ, могла бы постепенно возвысить цѣны на этотъ продуктъ, считаемый жителями сѣверныхъ губерній въ числѣ необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей.

Доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, компанія не изъявляла намѣренія заниматься ловлею сельдей. Правда, въ нынѣшнемъ году она ловила и сама въ Вороней губѣ, но съ согласія мѣстныхъ жителей, платя имъ за это 70 р. сер. арендной платы. Но я говорю въ предвидѣніи возможнаго

будущаго, потому что, сколько мнѣ извѣстно, ни жители Кандалаккаго берега, ни другихъ береговъ Бѣлаго моря никакимъ положительнымъ закономъ въ этомъ отношеніи не обезпечены. Въ уставѣ же компаніи, § 1, сказано: «учреждаемая подъ вышеозначеннымъ названіемъ компанія имѣеть цѣлью: 1) Распространеніе кораблестроенія и судоходства при Архангельскомъ портѣ. 2) Производство на Бѣломъ морѣ, Сѣверномъ океанѣ и на островахъ и берегахъ оныхъ *звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ*», и проч. И такъ, если бы она, опираясь на эту статью своего устава и на отсутствіе всякаго утвержденнаго законами береговаго права, вздумала заниматься и ловомъ сельдей, то ничто не могло бы ей воспрепятствовать привести въ исполненіе такое намѣреніе, а это, безъ сомнѣнія, оказало бы самое гибельное вліяніе на здѣшнее народонаселеніе и въ особенности на прибрежныхъ жителей Кандалаккаго залива. Между тѣмъ компанія купила въ Вологодской губерніи соляные заводы, изъ чего можно заключить, что она намѣрена расширить свою рыбопромышленную дѣятельность, и на будущее время она, вѣроятно, не ограничится добычей какихъ нибудь 4,000 пудовъ сельдей въ годъ. Но такого расширенія, какъ я показалъ выше, она можетъ достигнуть только двумя способами: или увеличивъ плату мѣстнымъ жителямъ за свѣжія сельди, и въ такомъ случаѣ дѣятельность компаніи будетъ благодѣтельна какъ для мѣстныхъ жителей, такъ и для Россіи вообще, или, занявшись сама ловомъ сельдей, но, при такомъ предположеніи, дѣятельность ея будетъ гибельна для приморскихъ жителей и, помимо нѣкоторой пользы, принесетъ большой вредъ для населенія всѣхъ трехъ сѣверныхъ губерній увеличеніемъ со временемъ, когда капиталъ дастъ ей возможность производить торгъ безъ всякаго соперничества, цѣны на низшіе сорта сельдей.

Я полагаю по этому, что правительство должно необходимо оградить права здѣшнихъ жителей отъ всякаго посторонняго облова, ибо здѣсь идетъ дѣло не о потерѣ какихъ нибудь отдѣльныхъ выгодъ, а о насущномъ хлѣбѣ народа, заселившаго нашъ суровый и негостепріимный сѣверъ. Если же правительство не захочетъ прямо ограничить, въ указываемомъ мною смыслѣ, правъ, разъ уже утвержденныхъ за Бѣломорскою компаніею, то оно можетъ достигнуть той же цѣли инымъ образомъ, именно утвердивъ за мѣстными жителями, — подобно тому, какъ это существуетъ въ Норвегіи, — право исключительнаго лова на 10 верстъ отъ тѣхъ береговъ (какъ материка, такъ и острововъ Бѣлаго моря), около которыхъ въ настоящее время производится ими ловъ. Однако, право это не должно быть дано исключительно однимъ приморскимъ селеніемъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, по причинамъ, которыя я уже изложилъ, говоря о спорѣ между сорочанами и корелами; но оно должно быть распространено и на жителей, живущихъ на извѣстное число верстъ въ глубь страны, или, еще лучше, до самыхъ границъ Архангельской губерніи, ибо изъ другихъ губерній никто не пріѣзжаетъ на берега Бѣлаго моря съ цѣлью рыболовства, а, слѣдовательно, отъ такого ограниченія никто не потерпитъ дѣйствительнаго лишенія. Что же касается Бѣломорской компаніи, то въ такомъ случаѣ ей, конечно, придется ограничиться приготовленіемъ однихъ высшихъ сортовъ соленыхъ сельдей, какъ того требуютъ выгоды края и какъ она дѣлала это доселѣ. Въ такомъ случаѣ я совѣтовалъ бы ей обратить преимущественное вниманіе на осеннихъ сельдей, какъ потому, что онѣ самыя жирныя и вкусныя, такъ и потому, что компанія, вѣроятно, можетъ ихъ пріобрѣсти покупкою отъ мѣстныхъ жителей дешевле прочихъ сельдей, ибо бѣольшую часть сельдей осенняго улова жители не успѣваютъ отвезти моремъ въ Архангельскъ въ томъ же году, а сберегаютъ дома до будущей весны, до открытія судоходства, что для небогатыхъ крестьянъ невыгодно. Сверхъ того, компанія имѣеть возможность (если только

она найдетъ это выгоднымъ для себя) готовить и средніе, и низшіе сорта сельдей не только безобидно, но даже и съ выгодною для мѣстныхъ жителей. Для этого ей слѣдовало бы имѣть комиссіонера въ Сорокѣ и Покровскомъ во время производства тамъ зимнихъ промысловъ. Я уже говорилъ, что если въ это время наступаютъ оттепели, то жители отдають сельдей за совершенный безцѣнокъ. По этому если бы компанія скупала такихъ сельдей во-время, то тѣмъ оказала бы услугу не только участвующимъ въ сороцкомъ и покровскомъ ловахъ, но и всему населенію, сохраняя отъ порчи значительныя массы сельдей. Компанія могла бы ихъ частію солить въ низшій сортъ (ибо замерзшія сельди въ соленомъ видѣ не могутъ уже быть хороши), для сбыта по дешевымъ цѣнамъ въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой и Вологодской, частію же коптить улучшеннымъ образомъ для распродажи въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ.

2. СЕМГА.

Семга поднимается по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Бѣлое море, и далѣе къ востоку почти до Хайпыдары. Но въ однѣ изъ этихъ рѣкъ, именно лежація къ западу отъ Двины, идетъ она въ три различные срока, тогда какъ въ Мезень и Печору только однажды, начиная съ половины іюля мѣсяца. По этому, въ бѣломорскихъ рѣкахъ, по времени появленія семги, различаютъ три сорта ея: 1) *Закройка*, которая начинаетъ идти въ рѣки вскорѣ послѣ вскрытія льда, т. е. въ концѣ мая и началѣ іюня. Она преимущественно икрная и икры у ней много, при томъ крупной и близкой уже къ зрѣлости. Семга эта бываетъ средней величины и именно въ среднихъ и мелкихъ рѣкахъ, какъковы: Варзуха, Умба, Выгъ, и т. д., около 7 фунтовъ вѣсомъ. 2) *Межень* или *тинда* идетъ въ рѣки въ концѣ іюня и въ іюль. Это — преимущественно самцы также съ близкими къ зрѣлости мо-локами. Этотъ сортъ самый мелкій и кругомъ не превышаетъ 4 или 5 фунтовъ. Такъ, изъ 33 се-могъ, пойманныхъ у забора въ деревнѣ Кузомени на рѣкѣ Варзухѣ, пять рыбъ, на удачу взятыхъ, вѣсили вмѣстѣ 23 фунта; самая большая изъ всѣхъ 33-хъ имѣла одинъ аршинъ въ длину и вѣсила восемь фунтовъ, — въ это время большихъ не попадается. 3) *Осень*, или, какъ ее называютъ въ Онегѣ, *чистая семга*, начинаетъ идти съ первыхъ чиселъ августа и продолжаетъ свой ходъ до появленія первыхъ признаковъ замерзанія рѣкъ, т. е. образованія первыхъ ледяныхъ кристалловъ, — такъ на-зываемой *шуги*. Здѣшніе рыбаки замѣчаютъ, что вообще, какъ только покажется шуга, семга пере-стаетъ подыматься изъ моря въ рѣки, а вошедшая уже въ нихъ останавливается. Это объясняютъ они тѣмъ, что шуга, проходя сквозь жабры, можетъ ихъ царапать. Между осенней семгой встрѣ-чается и икрная, и молочная; но какъ икра, такъ и молоки очень мало развиты, такъ что той же осенью она никакъ не можетъ выметать ихъ. Это — самый крупный, жирный и во всѣхъ отноше-ніяхъ лучший сортъ семги. Въ большихъ рѣкахъ, какъ, на примѣръ, въ Двинѣ и Онегѣ, рыба обыкно-венно бываетъ около полупуда вѣсомъ и даже болѣе; въ прочихъ же она мало чѣмъ превосходитъ закройку, но все-таки вкуснѣе и жирнѣе ея.

Закройка и межень идутъ въ рѣки для того, чтобы въ ту же осень выметать икру. Это метаніе начинается около половины сентября или, какъ здѣсь говорятъ, на Вздвиженской недѣлѣ. Передъ этимъ семга перемѣняетъ свой наружный видъ, такъ что бываетъ трудно признать ее за прежнюю рыбу. Чешуя становится крѣпче и грубѣе; общій цвѣтъ рыбы мѣняется, и на ней показываются красныя кра-пины; на оконечности нижней челюсти, въ перпендикулярномъ къ ней направленіи, вырастаетъ довольно

толстый и длинный крючекъ, для принятія котораго образуется у оконечности верхней челюсти ямка. Надо замѣтить, что крючекъ этотъ особенно великъ у самцовъ; но, какъ я имѣлъ случай неоднократно въ этомъ удостовѣриться, онъ всегда бываетъ примѣтенъ и у самокъ. Сверхъ того, рыба худѣетъ и тончаетъ, отъ чего голова кажется больше обыкновенной; характеристическій красно-желтый цвѣтъ семяножка мяса исчезаетъ и замѣняется какимъ-то неопредѣленнымъ блѣсоватымъ цвѣтомъ, при томъ оно становится дряблымъ и безвкуснымъ. Въ такомъ видѣ семга получаетъ названіе *лоха*; самый же процессъ этого измѣненія называется *облошаніемъ*. Когда семга облошаетъ, тогда только начинаютъ приближаться къ созрѣванію икра и молоки, и она становится способною къ размноженію своей породы. Ни у одной рыбы самый актъ этого размноженія не былъ наблюдаемъ съ такой отчетливостію, какъ у семогъ. Шведскій натуралистъ Кейлеръ устроилъ для этого родъ ихтіологической обсерваторіи, состоявшей въ будкѣ съ отверстіемъ только внизу. Она была укрѣплена на горизонтальномъ бревнѣ, коего свободный конецъ (т. е. на которомъ стояла будка) висѣлъ надъ рѣкою, другой же былъ укрѣпленъ на берегу, на шипѣ такъ, что бревно вмѣстѣ съ будкою было подвижно. Лежа въ этой будкѣ и смотря въ воду, конечно чистую и прозрачную, въ какой только семга и мечетъ икру, онъ могъ ясно видѣть, что происходитъ на днѣ, ибо отблескъ отъ воды былъ устраненъ тѣнью отъ будки. Такимъ образомъ видѣлъ онъ, что самка, за которою слѣдовало нѣсколько самцовъ, отыскавъ мѣсто, гдѣ дно состояло изъ крупнаго песка и мелкихъ камушковъ, и обратясь головою противъ теченія, терлась брюхомъ о дно, чтобы выдавить изъ себя икру. Песокъ и камушки, сдвинутые съ мѣста, уносились теченіемъ на нѣкоторое разстояніе, но вскорѣ опять упали на дно и образовывали за семгою родъ вала. У этого-то вала ожидали самцы и жестоко дрались между собою за право облить своими молоками икру, выпускаемую самкою и относимую теченіемъ къ валу. По Нильсону назначеніе крючка у лоховъ — сдѣлать эту драку между самцами по возможности безвредною для нихъ. Крючекъ этотъ упругъ и довольно мягокъ, — онъ препятствуетъ рыбамъ захватывать другъ друга своею большою пастью и такимъ образомъ дѣлаетъ безвредными ихъ большіе и острые зубы. Нильсонъ весьма остроумно сравниваетъ эти крючки съ пуговками, которыя надѣваются на рапиры при фехтованіи. Въ нѣкоторомъ отдаленіи за самцами почти всегда можно было видѣть стаи форелей, съ жадностью ожидавшихъ удаленія семогъ, чтобы съѣсть только что выметанную и оплодотворенную икру.

Если къ этому послѣднему обстоятельству прибавимъ, что икры семогъ очень велики, — съ ягоду красной смородины, и, слѣдовательно, не такъ многочисленны, какъ у большинства рыбъ, и что, какъ увидимъ ниже, есть причины думать, что эта рыба мечетъ икру не каждый годъ, то становится понятнымъ, почему число этихъ рыбъ нигдѣ не бываетъ очень велико. Въ количественномъ отношеніи семга не только далеко уступаетъ мелкимъ породамъ рыбъ, каковы, напримѣръ, сельди, — что сообразно съ общимъ закономъ природы, по которому мелкія животныя одного и того же класса, всегда размножаются сильнѣе, нежели крупныя, — но даже и такимъ рыбамъ, которыя, какъ, напримѣръ, осетры, превосходятъ ихъ величиною и, подобно имъ, мечутъ икру не въ морѣ, а въ рѣкахъ, и тоже, какъ кажется, не ежегодно, но у которыхъ за то число икрынокъ считается сотнями тысячъ и даже милліонами. По этому, мѣры къ охраненію этой породы должны быть строже, чѣмъ для всякой другой. Это сдѣлается еще очевиднѣе, если примемъ во вниманіе, что относительно этой рыбы многими наблюденіями доказано, что она возвращается метать икру именно въ тѣ рѣки, въ которыхъ вывелась, и что ей по большей части надо весьма высоко подниматься по нимъ, чтобы найти для своего размноженія удобное мѣсто, — обстоятельство, которое, какъ показалъ академикъ Бэръ, вредно

дѣйствуетъ и на сохраненіе осетровыхъ породъ. Всѣ эти условія такъ неблагоприятны для размноженія семожей породы, что приходилось бы еще удивляться, отчего она давно уже не уничтожена въ тѣхъ рѣкахъ, гдѣ ее сильно преслѣдуютъ, если бы природа не приняла нѣкоторыхъ мѣръ къ ея сохраненію. 1) Семожьи мальки, лишь только изъ рѣкъ попадутъ въ море, растутъ весьма быстро и потому менѣе подвергаются опасности быть съѣденными другими рыбами, — опасности, которой мелкія рыбы очевидно подвержены несравненно въ болѣе степені, нежели крупныя. Къ этому присоединяется еще то, что, по крайней мѣрѣ, самцы весьма рано достигаютъ полной зрѣлости: изъ опытовъ Шау извѣстно, что 18 мѣсячный самецъ, величиною не больше четверти, уже способенъ къ оплодотворенію икры, выметанной болѣе старыми самками. 2) Во время своего пребыванія въ рѣкахъ, которое продолжается два года послѣ вылупленія изъ яйца, мальки почти вовсе не попадаютъ рыбакамъ, которымъ, у насъ по крайней мѣрѣ, даже вовсе и неизвѣстны. Это зависитъ отъ того, что въ быстрыхъ рѣкахъ, въ которыхъ рыбы эти проводятъ свое дѣтство, нельзя употреблять частыхъ неводовъ и вообще частыхъ сѣтей. 3) Взрослая семга очень ловка и быстра въ своихъ движеніяхъ (въ этомъ отношеніи она превосходитъ почти всѣхъ рыбъ), а потому избѣгаетъ многихъ опасностей и ловушекъ, выставляемыхъ противъ нея человекомъ. Наконецъ, 4) она подымается болѣею частью въ рѣки мало населеннаго сѣвера, гдѣ ловъ ея не можетъ, къ счастью, быть очень усиленнымъ и напряженнымъ.

Облошавъ и выметавъ икру, семга обыкновенно проводитъ всю слѣдующую зиму въ рѣкахъ и только на весну возвращается въ море, гдѣ мало-по-малу принимаетъ видъ настоящей семги; но слѣды крючка всегда остаются замѣтными. Возвращающіеся изъ рѣкъ въ море лохи извѣстны подъ именемъ *вальчаковъ*; тѣ же, которые провели уже нѣкоторое время въ морѣ, но не совершенно еще приняли видъ семги, и сохранили еще на жаберныхъ крышечкахъ красныя точки, называются здѣшними рыбаками *кирьяками*. Эти послѣдніе, равно какъ и вальчакъ и лохъ, цѣнятся гораздо дешевле настоящей семги, ибо несравненно хуже ея вкусомъ.

Осенняя семга, поднявшись въ рѣки, не успѣваетъ облошавъ въ томъ же году, а потому зимуетъ въ нихъ, проводитъ все лѣто и только на слѣдующую осень мечетъ икру, что доказывается тѣмъ, что не только въ теченіи всей зимы попадаютъ въ рѣкахъ не облошавшіеся семги, но даже и въ тѣхъ рыбахъ, которыя ловятся весною, икра далеко еще не дозрѣла. Со вскрытіемъ льда эта семга поднимается выше по рѣкамъ и мечетъ икру преимущественно въ верховьяхъ ихъ, тогда какъ тинда и закройка мечутъ ее обыкновенно у нижнихъ пороговъ, изъ которыхъ черезъ многіе, по своей слабости, не имѣютъ силы перескочить, какъ это дѣлаетъ болѣе большая ростомъ и болѣе сильная осенняя семга.

Такимъ образомъ, осенняя семга остается въ рѣкахъ болѣе полутора года, и, слѣдовательно, если даже предположимъ, что на осень того же года, весною котораго она спустилась въ море, она снова поднимается въ рѣки, ей придется выметывать икру только черезъ годъ. Зачѣмъ же, спрашивается, она такъ рано поднимается въ рѣки, когда икра у ней еще не созрѣла и когда, слѣдовательно, не можетъ чувствоваться потребность освободиться отъ нея. Здѣшніе рыбаки считаютъ осенній ходъ семги какъ бы за нормальный, и, по ихъ мнѣнію, закройка состоитъ изъ тѣхъ рыбъ, которыя осенью не успѣли до заморозовъ подняться въ рѣки и у которыхъ въ теченіи зимы икра успѣваетъ нарости въ морѣ на столько же, на сколько нарастаетъ она и у семги, вошедшей въ рѣки прошлою осенью. Конечно такое разсужденіе ничего не объясняетъ, и, такъ сказать, пред-

ставляетъ дѣло на выворотъ, объясняя и безъ того понятный весенній ходъ рыбы непонятнымъ или, лучше сказать, менѣе понятнымъ осеннимъ ходомъ ея. Писатели, говорящіе о ходѣ семги въ рѣки Западной Европы, упоминаютъ, что и тамъ этотъ ходъ продолжается отъ весны до осени, но нигдѣ не случилось мнѣ читать, чтобы и тамъ осенняя семга была съ мало развитою икрою. У насъ на югѣ, на Курѣ и Терекѣ, семга, поднимающаяся въ октябрѣ мѣсяцѣ, имѣетъ икру весьма близкую къ зрѣлости. Но что въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ дѣйствительно бываетъ такъ, какъ говорятъ архангельскіе рыбаки, въ этомъ я имѣлъ случай вполне удостовѣриться на Печорѣ, гдѣ у всѣхъ взрѣзанныхъ мною рыбъ икра и молоки были въ самомъ началѣ ихъ развитія. Западные писатели утверждаютъ также, что семга, выметавъ икру, сейчасъ же возвращается въ море, чего у насъ опять-таки не бываетъ. Но именно въ различіи условій, въ которыхъ находятся наши и большая часть западно-европейскихъ рѣкъ, и заключается, кажется мнѣ, ключъ къ объясненію, какъ хода въ рѣки осенней семги съ неразвитыми еще икрою и молоками, такъ и того, что семга, выметавъ уже икру, остается зимовать въ рѣкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, осенній ходъ семги не съ прямою цѣлью метанія икры въ рѣкахъ, составляетъ у насъ вовсе не исключительное явленіе, а скорѣе общее правило для всѣхъ рыбъ, поднимающихся изъ морей въ рѣки. Такъ на Уралѣ осетровыя породы, сверхъ весенняго хода въ эту рѣку для метанія икры, поднимаются въ нее въ другой разъ осенью, на чемъ и основано знаменитое тамошнее багренье. Этотъ осенній ходъ осетровъ въ Уралѣ, по количеству рыбы, вовсе не уступаетъ весеннему, и даже, кажется, превосходить его. Тоже замѣчается и въ Волгѣ. Судакъ въ обѣихъ этихъ рѣкахъ тоже поднимаются не только весною, но и осенью. Между тѣмъ замѣчательно, что въ болѣе южной и рѣдко замерзающей Курѣ осенній ходъ рыбы сравнительно весьма незначителенъ. Объ осетрахъ достовѣрно извѣстно, что они проводятъ зиму въ ямахъ, собравшись въ нихъ большими кучами и оставаясь тамъ все время въ неподвижности. Слѣдовательно, они ищутъ себѣ въ рѣкахъ, покрытыхъ толстою ледяною корою, покоя на зиму. Я не знаю, проводятъ ли семга зиму въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ въ такомъ же усыпленіи, какъ осетры въ Волгѣ и Уралѣ; но если бы этого и не было, то одна цѣль — отыскать себѣ тихое убѣжище отъ зимнихъ бурь и непогодъ подъ ледянымъ покровомъ рѣкъ — можетъ достаточно объяснить осеннее стремленіе рыбы въ рѣки. Валансиенъ говоритъ: «On ne connaît pas les retraites de ce poisson dans le fond de l'Océan», и, приведя далѣе нѣкоторые факты, показывающіе, что семга едва ли скрывается на большихъ глубинахъ, продолжаетъ: «je ne m'étonnerais pas que les habitudes des saumons n'aient quelque analogie avec celles des truites (форели), et qu'une fois entrés dans la mer, ces poissons n'aient à se retirer dans des grands trous creusés le long de la côte, ainsi que nos truites le font dans toutes les rivières». Если, слѣдовательно, семга нуждается, въ нѣкоторые періоды своей жизни, въ тихихъ убѣжищахъ, то въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ этой цѣли скорѣе могутъ удовлетворить покрытыя льдомъ рѣки, чѣмъ ямы прибрежій океана. Тамъ же, гдѣ рѣки не замерзаютъ, и гдѣ, слѣдовательно, до дна взволновываются непогодю, семгѣ нѣтъ причины предпочитать зимовку въ рѣкахъ зимовкѣ въ морѣ.

Чтобы понять, почему въ большихъ рѣкахъ, каковы Двина, Мезень и Печора, замѣчается только одинъ осенній ходъ семги, надо обратить вниманіе еще на одно свойство этой рыбы, именно на то, что она ищетъ всегда чистой, прозрачной воды. Рѣки же эти, вскрываясь не ранѣе первой половины мая, а еще чаще во второй и даже въ іюнѣ, послѣ своего разлива долго остаются

мутными, такъ что ранѣе половины или даже конца іюля семгѣ нельзя въ нихъ подниматься; такимъ образомъ тутъ необходимо исчезаетъ все различіе между закройкою, меженью и осенью.

а. *Орудія семожьяго лова.*

Теперь слѣдовало бы мнѣ перейти къ высшей степени разнообразной организаціи семожьяго лова и къ распредѣленію получаемой отъ него добычи; но такъ какъ мой рассказъ не имѣлъ бы достаточной ясности для тѣхъ, которые незнакомы съ орудіями, употребляемыми при семожьемъ ловѣ, то я и постараюсь прежде дать общее понятіе о сихъ послѣднихъ.

1. *Заборы.* Поперегъ всей рѣки, или части ея, дѣлають перегородку изъ свай и кольевъ, къ которымъ прислоняють родъ плетня. Заборы имѣють обыкновенно форму зигзага, во входящихъ углахъ котораго оставлены отверстія, куда вставляются мережи (родъ сѣтяныхъ мѣшковъ съ деревяннымъ продыравленнымъ дномъ), въ которыя рыба можетъ свободно войти, но изъ которыхъ не можетъ обратно выйти. Мережи эти осматривають ежедневно. Такъ какъ семга очень бойка и, пока она въ водѣ, ее очень трудно захватить и вынуть изъ мережи, то онѣ устроены такъ, что могутъ быть поднимаемы изъ воды посредствомъ вѣрота, утвержденного сзади ихъ на сваяхъ. Когда мережа поднята, то взшедшему въ нее работнику уже легко на сухомъ полу мережи схватить и выбросить вонъ рыбу.

2. *Завьски.* Родъ ставныхъ сѣтей, располагаемыхъ особеннымъ образомъ у морскихъ береговъ, вдоль которыхъ идетъ семга, стремясь въ рѣки. Именно, одинъ рядъ утвержденныхъ на кольяхъ сѣтей ставится отъ самаго берега перпендикулярно къ его направленію, — эта часть называется *стльною*. Другой рядъ сѣтей примыкаетъ своею серединою къ первому, идя къ нему перпендикулярно и, слѣдовательно, параллельно берегу, другими словами: образуетъ съ первымъ рядомъ фигуру, подобную буквѣ Т; это — такъ называемый *заводъ*. Къ концамъ его приставляется *тайникъ*: сѣть, въ формѣ полукруга или многоугольника, обращенная отверстіемъ къ стѣнѣ. Доступъ въ тайникъ суженъ двумя сѣтями, идущими косо внутрь сего послѣдняго отъ обѣихъ его оконечностей (свободной и прилегающей къ заводу) и оставляющими между собою только узкій входъ — *воротцы*. Дно тайника также состоитъ изъ сѣти. Семга, идущая вдоль берега, упирается въ стѣну, заворачиваетъ вдоль ея, упирается въ заводъ, опять заворачиваетъ и, наконецъ, попадаетъ воротцами въ тайникъ, изъ котораго ей уже трудно выбраться.

3. *Гарвы* морскія и рѣчныя. Простой рядъ ставныхъ сѣтей, идущій въ перпендикулярномъ направленіи къ берегу, въ крупныя ячеи которыхъ семга завязаетъ. Морскія бывають очень длинны; на Печорѣ, напримѣръ, гдѣ онѣ называются *тонями*, — въ нѣсколько верстъ; рѣчныя же имѣють не болѣе 10 или много 15 сажень. Рѣчныя устанавливаются обыкновенно въ искусственной затиши, которую образуютъ, вбивая въ удобныхъ мѣстахъ недлинный рядъ кольевъ и приваливая къ нему хворостъ. Это называется *заколомъ*. Семга для отдыха идетъ на затишь и попадаетъ въ разставленные тутъ гарвы, или рюжи и мережи.

4. *Обыкновенные невода.*

5. *Повзды* — нѣчто въ родѣ астраханскихъ повздухъ или уральскихъ ярыгъ, т. е. мѣшки изъ сѣтей, которые за оба конца тянутъ въ водѣ, греблю на лодкахъ.

Наконецъ 6. *Поплавни* (волжскія плавныя сѣти); — сѣтяныя полотна различной длины, одинъ конецъ которыхъ удерживается веревкою съ лодки, а другой, прикрѣпленный къ боченку или вообще къ поплаву, свободно плаваетъ, такъ что вся сѣть медленно подается по теченію.

Самыя опасныя изъ этихъ орудій, т. е. такія, которыя всего легче могутъ вести къ злоупотребленіямъ, суть, безъ сомнѣнія, заборы, и устройство ихъ почти вездѣ таково, что препятствуетъ ходу семги по рѣкамъ, потому что они большею частью совершенно перегораживаютъ эти послѣднія, не оставляя промежутка для прохода рыбы вверхъ. Заборы эти устроены на всѣхъ сколько нибудь значительныхъ рѣкахъ бѣломорскаго побережья за исключеніемъ Двины, Кулоя и Мезени. На Двинѣ устройству ихъ препятствуетъ, кромѣ самой ширины рѣки, производимое на ней судоходство; на Кулоѣ же и Мезени — необыкновенно сильный приливъ, оказывающій свое дѣйствіе на значительное разстояніе отъ устьевъ этихъ рѣкъ. Если до сихъ поръ дѣйствіе заборовъ не было столь губительно, какъ бы можно было ожидать, то это отъ того, что ихъ принуждены бывають разбирать передъ наступленіемъ морозовъ, ибо въ противномъ случаѣ ихъ сломаетъ льдомъ при вскрытіи здѣшнихъ быстрыхъ рѣкъ. Вновь устроить заборы можно не ранѣе конца іюня, когда закройка и часть межени уже прошли. По этому, мнѣ кажется, что нѣтъ нужды совершенно запрещать этихъ орудій, а достаточно ограничить число ихъ нынѣ существующими и строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ каждомъ заборѣ непременно оставлялся для рыбы свободный проходъ такой ширины, какая предложена академикомъ Бэромъ.

Здѣсь будетъ умѣстно обратить вниманіе на ложность одного начала, которымъ, по мнѣнію многихъ пишущихъ о рыболовствѣ, должно руководствоваться для сохраненія рыбнаго запаса. Академикъ Бэръ уже возставалъ противъ него въ своихъ отчетахъ; но такъ какъ предразсудокъ этотъ весьма укорененъ, то я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ же предметѣ въ примѣненіи къ Бѣлому морю, тѣмъ болѣе, что здѣшнее рыболовство представляетъ весьма рѣзкій примѣръ неосновательности этого положенія. Именно, весьма часто высказывается мысль, что будто бы всѣ рыболовныя орудія могутъ быть раздѣлены, по ихъ вліянію на рыбное хозяйство, на два класса: на *вредныя* и на *безвредныя*, и что только со строжайшимъ запрещеніемъ первыхъ ловъ приметъ характеръ должной правильности, справедливости, по отношенію къ выше-живущимъ по рѣкамъ, и попечительности о сохраненіи рыбнаго запаса. Такъ: учуги, забойки, заколы, заборы разнаго вида, равно какъ и крючковые снасти многими считаются за *безусловно вредныя* орудія. Разнаго же рода сѣти: ставныя (собственно ставныя сѣти, аханы, вентеря, рюжи и т. д.), плавныя (поплавни, ярыги, поѣздухи), вытяжныя (невода, бредни), подъемныя и набрасывательныя (персидскія малушки), наоборотъ, считаются совершенно *безвредными*, если только онѣ не слишкомъ часты. Между тѣмъ легко доказать, что всѣ сорты сѣтей, за исключеніемъ развѣ набрасывательныхъ, могутъ быть сдѣланы столь же вредными, какъ и заборы, и — на оборотъ — эти послѣдніе, если они временныя, а не постоянныя, устроены не поперегъ всей ширины рѣки и не составляютъ цѣлаго ряда стоящихъ одна за другою перегородокъ, не заключаютъ въ себѣ ничего особливо вреднаго.

Какимъ образомъ невода могутъ оказаться вредными, если ихъ употребляютъ по нѣскольку за разъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ, что когда одинъ вытягиваютъ, то другой стоитъ на мѣстѣ поперегъ рѣки, а третій уже завозится, — это достаточно показываетъ волжское рыболовство. Здѣсь же я представлю примѣръ, какъ можно сдѣлать поплавень, принадлежащій къ одному изъ самыхъ

безвредныхъ разрядовъ сѣтей, столько же вреднымъ, какъ и любой заборъ. Въ рѣку Кулой, вливающуюся въ Мезенскій заливъ верстахъ въ 30 влѣво отъ устья Мезени, впадаетъ справа рѣка Сояна, уже въ Мезенскомъ уѣздѣ. На Кулоѣ, въ 30 верстахъ отъ устья его, лежитъ деревня Долгая Щель, Мезенскаго же уѣзда; гораздо выше ея по рѣкѣ Немнюгѣ, въ Пинежскомъ уѣздѣ, находится деревня Немюга, въ дачахъ которой протекаютъ верховья Сояны. Семга поднимается въ довольно значительномъ количествѣ по Кулою и, дойдя до устьевъ Сояны, сворачиваетъ въ нее, потому что вода ея пригоднѣе для этой рыбы, и мечетъ икру уже въ Пинежскомъ уѣздѣ, но, къ сожалѣнію, достигаетъ туда лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ. Надобно еще сказать, что какъ вообще въ Мезенскомъ заливѣ, такъ и преимущественно въ устьѣ Кулоя приливъ бываетъ необыкновенно силенъ. Во время сизигій вода поднимается при устьѣ на 3 сажени слишкомъ, и, не смотря на довольно сильное теченіе, приливъ въ рѣкѣ чувствителенъ болѣе, чѣмъ на сто верстъ вверхъ по Кулою. Когда я плылъ внизъ по этой рѣкѣ во время моеѣ поѣздки на Печору, то, не доѣзжая 15 верстъ до Долгой Щели, слѣдовательно въ 45 верстахъ отъ устья, насъ засталъ приливъ. Вода остановилась, не имѣя теченія ни въ ту, ни въ другую сторону. Кормщикъ спѣшилъ пристать къ выдавшемуся въ рѣку крутому мысу, за которымъ лодка наша могла найти себѣ защиту. Лишь только мы вышли на берегъ и взошли на мысъ, то увидѣли, что за мысомъ рѣка, шумя и пѣнясь, неслась уже противъ обыкновеннаго своего теченія съ такою ужасающею быстротою, что ни греблю, ни тягою, ни даже парусомъ при сильномъ вѣтрѣ не было возможности идти противъ направленія прилива.

Сообразно съ этими естественными условіями мѣстности, ловъ семги въ нижнемъ Кулоѣ раздѣляется на двѣ части. Одни ловятъ ниже Долгой Щели. Тутъ рѣка довольно широка; поэтому самые большіе полавни далеко не могутъ хватать и въ половину ширины рѣки. Кромѣ того, ловъ можетъ тутъ продолжаться даже и при кроткой водѣ, т. е. во время квадратуръ, лишь во время отлива. Передъ тѣмъ же временемъ, когда вода стремительно обращается противъ своего обыкновеннаго теченія, спѣшатъ вынимать полавни, ибо иначе ихъ перепутало бы, а пожалуй и разорвало бы несущимися бревнами, сучьями и т. п.; вслѣдствіе этого много рыбы проходитъ вверхъ за Долгую Щель. Другіе ловятъ выше этой деревни, именно начиная отъ устья Сояны, стараясь перехватить на пути рыбу, сворачивающую въ эту послѣднюю. Для этого лова употребляютъ тоже полавни, но такіе, которые хватаютъ черезъ всю рѣку, которая здѣсь уже не очень широка. Такимъ образомъ употребляютъ 10 и болѣе полавней, плывущихъ одинъ за другимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Проплывъ нѣсколько верстъ до назначеннаго мѣста, первый вытягиваетъ свой полавень и обираетъ запутавшуюся въ ячеяхъ его рыбу; второй, доплывъ до того же мѣста, тоже вытягиваетъ свой полавень, и т. д. до послѣдняго. Съ этого мѣста начинаютъ новый плавъ, но уже въ другомъ порядкѣ, такъ чтобы каждому доставалось по очереди быть переднимъ, которому, очевидно, болѣе попадаетъ рыбы, нежели заднимъ. Ежели же во время плава застигнетъ ловцовъ приливъ прежде, нежели они достигнутъ назначенной грани, то всякій останавливается тамъ, гдѣ его засталъ приливъ, прикрѣпляетъ оба конца своего полавня къ кольямъ, воткнутымъ въ берега, образуя изъ сѣти перегородку, идущую поперегъ всей рѣки, и остается въ такомъ положеніи сколько возможно. При малыхъ водахъ пережидаютъ весь приливъ и потомъ доплываютъ предназначенное пространство до грани; при сильныхъ же водахъ, которыхъ бываетъ не болѣе 6 дней въ мѣсяцъ, оставляютъ полавни растянутыми до тѣхъ поръ, пока это дозво-

ляет стремительность прилива, и за тѣмъ вынимають ихъ изъ воды; остающееся же пространство до грани доплываютъ по окончаніи прилива. Понятно, что, при такомъ употребленіи невинныхъ поплавей, они становятся вреднѣ всякаго забора, и что въ верховья Сояны проходитъ очень мало семги, такъ что не только жители Немноги остаются обиженными, но — и это главное — семга не можетъ здѣсь доходить до мѣстъ, гдѣ ей удобно метать икру. Я полагаю, по этому, что, во избѣжаніе этого и подобныхъ тому злоупотребленій, надо: 1) повсемѣстно запретить ловъ поплавями, длина коихъ превосходить половину ширины рѣки, и 2) запретить распяливать ихъ въ видѣ перегородокъ поперегъ рѣки подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, или другими словами — дозволить употреблять поплави только сообразно ихъ настоящему назначенію, т. е. какъ плавную сѣть, а не какъ ставную. Оба эти правила будутъ очевидно имѣть примѣненіе лишь къ небольшимъ и средней величины рѣкамъ, потому что въ большихъ, каковы, на примѣръ, Двина и Печора, уклоненіе отъ нихъ невозможно по самой сущности дѣла. Что касается до втораго пункта, то въ его пользѣ и необходимости не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ что никто изъ здравомыслящихъ людей не станетъ его оспаривать; но относительно перваго я считаю полезнымъ войти въ нѣкоторыя разъясненія.

Когда вышло постановленіе, чтобы длина неводовъ не превышала половины ширины рѣки, то оно возбудило большое неудовольствіе между волжскими рыбопромышленниками, такъ что даже никто не хотѣлъ, подъ этимъ условіемъ, брать на откупъ мелкихъ оброчныхъ участковъ, отдаваемыхъ въ Астрахани палатою государственныхъ имуществъ. Академикъ Бэръ, вникнувъ въ эти жалобы, нашель, что такая мѣра дѣйствительно стѣснительна и что ловъ крупной рыбы, въ нѣсколько значительномъ количествѣ, при совѣстливомъ исполненіи предписанной мѣры, почти невозможенъ. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ отмѣнить ее, но подъ условіемъ — ограничить время лова извѣстною частью сутокъ. Если я предлагаю здѣсь для поплавей такую мѣру, которая отвергнута для неводовъ, то потому, что между этими двумя рыболовными орудіями, въ отношеніи ихъ дѣйствія на задержаніе хода рыбы вверхъ по рѣкамъ, существуетъ немаловажное различіе. Лодка, выкидывающая неводъ, переѣзжаетъ сначала всю рѣку съ берега на берегъ, но, лишь только достигла противоположнаго берега, сейчасъ заворачиваетъ и завозитъ неводъ полукругомъ, такъ что онъ перегораживаетъ всю рѣку только на одно мгновеніе, а по мѣрѣ приближенія лодки къ берегу, съ котораго будутъ его тянуть, свободное для прохода рыбы пространство все болѣе и болѣе увеличивается. При томъ, такъ какъ на закидываніе и тягу большихъ неводовъ требуется нѣсколько часовъ, то, по этому, если ловъ производится (какъ это и должно) такимъ образомъ, что второй неводъ закидывается не ранѣе того, когда первый уже почти вытянутъ, то даже при ловѣ, не перемежающемся въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, неводъ будетъ совершенно перегораживать рѣку только въ теченіе какого нибудь получаса или часа. Поплавень же, напротивъ того, будучи разъ перекинута поперегъ рѣки, плыветъ нѣсколько верстъ, на что требуется не одинъ часъ, оставаясь всегда самъ себѣ параллельнымъ. Если, сверхъ того, плыветъ не одинъ полавень, а цѣлый рядъ ихъ, то, конечно, чтобы проскользнуть сквозь эти движущіяся стѣны, нужно рыбѣ необыкновенное счастье.

Кромѣ сплошныхъ заборовъ, устроенныхъ въ большей части рѣкъ бѣломорскаго побережья, и безразсуднаго употребленія поплавей на Кулоѣ, вредное вліяніе на размноженіе, какъ семги, такъ и рыбы вообще, оказываютъ заведенія для гонки смолы, изъ которыхъ жидкіе продукты сухой перегонки дерева обыкновенно спускаются въ рѣки. Это дѣлается именно по рѣчной системѣ Ваги, гдѣ

очень много такихъ заведеній. Въ Вагу же и притоки ея Вель, Паденгу и Подюгу преимущественно идетъ семга, поднимающаяся въ Двину. До какой степени такой спускъ съ заводовъ пагубенъ для рыбы, можно судить по слѣдующему, существующему тамъ обычаю. Въ небольшія озера, въ которыя заходитъ рыба весною во время разлива рѣкъ, преимущественно для метанія икры (это говорится не о семгѣ, которая въ озера съ этою цѣлью никогда не заходитъ), вливаютъ бочку жидкихъ продуктовъ сухой перегонки, отъ чего вся рыба всплываетъ къ верху, гдѣ ее и вылавливаютъ. Это дѣлается преимущественно тамъ, гдѣ дно завалено ломомъ и гдѣ по этому трудно тянуть неводомъ. Послѣ этого не удивительно, что въ упомянутыхъ мною рѣкахъ, не смотря на чистоту воды, быстроту теченія и каменистое или песчаное дно ихъ, очень мало семги. Г. Шульцъ сообщаетъ, что рыболовныя тони при впаденіи Вели въ Вагу отдаются на откупъ за 1 р. с. Замѣчено, что рыба покидаетъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ только устраиваются стоки въ рѣку жидкостей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Что касается до описаннаго способа лова въ озерахъ, то, конечно, онъ долженъ быть запрещенъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Болѣе затрудненій представить устройство смоляныхъ гонокъ такъ, чтобы продукты ихъ или собирались въ одно мѣсто, или по крайней мѣрѣ спускались не въ рѣки. При поѣздкѣ моей въ Вологду, я постараюсь собрать свѣдѣнія относительно этого предмета. Еще я долженъ упомянуть, что въ этихъ же рѣкахъ для лова семги перегораживаютъ ихъ неводами, растягиваемыми съ берега на берегъ, вылавливаютъ рыбу въ такомъ замкнутомъ пространствѣ, и послѣ того переносятъ перегородку выше. Нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ способъ лова долженъ быть запрещенъ, какъ это, впрочемъ, уже предусмотрѣно въ предложенныхъ академикомъ Бэромъ общихъ рыболовныхъ законахъ для всей Имперіи.

в. Организация семойяго лова.

Переходя къ организаціи семойяго лова на побережьѣ Бѣлаго моря и на впадающихъ въ него рѣкахъ, я приведу, какъ и при описаніи сельянаго лова, примѣры главнѣйшихъ видоизмѣненій ея.

Начинаю съ одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ, по количеству ловимой въ немъ семги, мѣстъ, — съ селеній по рѣкѣ Варзухѣ.

Къ деревнѣ Варзухѣ, лежащей въ 18 верстахъ отъ устья рѣки того же имени, приписаны въ одно общество: Кузомень, при устьѣ Варзухи; Кашкаренцы и часть Оленицы, на западъ отъ нея, и Чаванга, Тетрина, Стрѣльня, Чапома и часть Пялицы — на востокъ; всего 987 душъ. Всѣ домохозяева собираются на новый годъ, изъ трехъ лѣтъ — два раза въ Варзуху и одинъ въ Кузомень, для продажи съ аукціона мѣстъ, гдѣ ловится семга. Всѣ 987 душъ раздѣлены на пять частей, называемыхъ ярлыками. Записанные разъ въ ярлыкъ въ немъ и остаются до новой ревизіи, послѣ которой росписываются вновь. Это раздѣленіе на ярлыки сдѣлано собственно во избѣжаніе не разлучныхъ съ такою продажею шума и сумятицы. Каждый ярлыкъ собирается въ особой избѣ. Для наибольшаго уравненія выгодъ, каждый ярлыкъ имѣетъ свою долю въ каждомъ изъ рыболовныхъ участковъ; но участки эти раздѣлены на пять частей не въ дѣйствительности, а только идеально, т. е. собственно раздѣлены не участки, а право пользованія ими. Одинъ и тотъ же покупатель можетъ купить какой нибудь участокъ, напримѣръ, заборъ при селѣ Варзухѣ, у всѣхъ пяти ярлы-

ковъ, и въ такомъ только случаѣ пользуется всеѣмъ ловомъ у этого забора безраздѣльно. Но онъ можетъ также купить его только у одного или у нѣкоторыхъ, а не у всеѣхъ ярлыковъ, и тогда будетъ владѣть ловомъ сообща съ другими, купившими у остальныхъ ярлыковъ. Каждый изъ этихъ покупателей не будетъ, однакоже, владѣть опредѣленною частью забора, а лишь пользоваться одною или нѣсколькими пятыми долями общаго улова. Такъ какъ каждый ярлыкъ продаетъ свои доли въ отдѣльной избѣ, то и приходится, что одни продаютъ въ общей сложности дешевле, а другіе дороже; но разница эта никогда не составляетъ болѣе 3 р. ас. на душу въ каждомъ ярлыкѣ, обыкновенно же гораздо менѣе. Деньги за проданные участки каждый ярлыкъ получаетъ отдѣльно и дѣлитъ ихъ поровну по душамъ, при чемъ прежде всего очищаютъ подати, а за тѣмъ остальные деньги раздаютъ по рукамъ. Само собою разумѣется, что изъ общей суммы, такимъ образомъ собранной, сами покупатели также получаютъ свою подушную долю. Въ число этихъ участковъ входятъ: морскія тони, ловъ въ рѣкахъ Чавангѣ, Чапомѣ и другихъ, впадающихъ въ море на пространствѣ берега, принадлежащаго общинѣ, и два забора: одинъ въ рѣкѣ Кичѣ, впадающей въ Варзуху, противъ самой Кузо-мени, съ одною мережью; — другой въ Варзухѣ, при деревнѣ того же имени, съ тремя мережами. Такое устройство семожьяго лова представляетъ ту значительную выгоду, что затрудняетъ снятіе лучшихъ участковъ, каковы заборы, всегда однимъ и тѣмъ же лицомъ за дешевую цѣну, ибо раздѣленіе каждаго участка на пять частей дозволяетъ покупать ихъ каждому, а не однимъ богачамъ, да и самый торгъ, производимый одновременно въ пяти различныхъ избахъ, затрудняетъ стачки. Дѣйствительно, и въ настоящемъ году заборъ былъ взятъ не однимъ кузоменскимъ богачемъ Заборщиковымъ, а нѣсколькими лицами. Въ 1859 году отъ продажи участковъ пришлось кругомъ отъ 37 до 40 р. ас. на душу, слѣдовательно всего около 11,000 р. с., а въ 1858 году только по 17 р. ас., всего около 4,800 р. с. Сверхъ денегъ, приходящихся на каждую душу отъ продажи участковъ, бѣднѣйшіе изъ жителей имѣютъ отъ семожьяго лова еще ту выгоду, что у снявшихъ участки сидятъ на тоняхъ изъ покрута, т. е. изъ доли въ уловѣ, получая изъ него 5-ую рыбу. Купившіе право на ловъ обыкновенно продаютъ семгу свѣжею покупателямъ, наѣзжающимъ сюда изъ Архангельска въ главное время лова; эти послѣдніе уже сами солятъ ее. Семгу же, ловимую раньше пріѣзда покупателей, солятъ сами ловцы; ее скупаютъ также пріѣзжіе, которые для этого съ вѣсами за плечами обходятъ все побережье, гдѣ производится ловъ.

На тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Варзухѣ, производится ловъ и въ Сумѣ, но только гораздо проще, потому что и число душъ въ Сумскомъ посадѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Варзухской волости, и ловъ семги несравненно менѣе значителенъ. Здѣсь тоже устроивается заборъ, но, по жалобамъ выше по рѣкѣ живущихъ кореловъ, имъ перегораживается только половина рѣки. При малой водѣ заборъ дѣлается ниже порога, при большой же на самомъ порогѣ. Сверхъ забора, въ которомъ одна мережа, ловъ производится еще гарвами, изъ которыхъ шесть ставятся въ опредѣленныхъ мѣстахъ, а четыре гдѣ угодно. Пѣздами ловятъ мало. Право на ловъ всеѣми этими средствами продается съ аукціона; но, по незначительности выручаемой суммы, она не раздается по рукамъ, а идетъ на общественные расходы посада.

Иначе организованъ ловъ семги въ Умбѣ, по крайней мѣрѣ та часть его, которая производится посредствомъ забора, и въ Подпороженскомъ селеніи, въ 15 верстахъ выше города Онеги.

Въ Умбѣ, немного повыше порога, ежегодно устроивается заборъ. Къ этой работѣ приступаютъ въ то время, когда вода западетъ. 15 іюня, когда мы посѣтили эту деревню, заборъ только что

начинали дѣлать. Для этого всѣ соединяются по 5 душъ, и каждый пятокъ выставляетъ одного работника; эти работники городятъ заборъ бесплатно, матеріаль же на него идетъ изъ общаго лѣса. Ранѣе 1-го января общество отдаетъ заборъ, какъ бы въ аренду кому нибудь изъ мѣстныхъ богачей, который не назначаетъ опредѣленной цѣны за пользованіе заборомъ въ теченіи года, а рядится лишь о цѣнѣ семги, т. е. постановляетъ условіе, по чемъ ему платить обществу за каждый пудъ семги, пойманной у забора. Взятый заборъ, вносить за всѣ 280 душъ, приписанныхъ къ Умбѣ, подати впередъ за будущее полугодіе. Нужда въ деньгахъ для уплаты податей составляетъ причину, почему соглашаются на дешевую цѣну за семгу. Когда наступитъ ловъ, то тѣ же работники, которые строили заборъ, вынимаютъ семгу изъ его сеть, разрѣзаютъ ее, чистятъ и свѣжею передаютъ арендатору, а онъ уже солить ее. Слѣдовательно, на этихъ работникахъ лежитъ какъ бы общественная повинность. Если семги, по предварительно условленной цѣнѣ, не хватитъ на покрытіе податей впередъ уже уплаченныхъ за полугодіе, то каждый обязанъ приплатить арендатору, по сколько придется съ души. Ежели же останется излишекъ, то откупившій заборъ беретъ его по той же цѣнѣ и опять уплачиваетъ подати впередъ за слѣдующее полугодіе; и тутъ опять, если эта сумма не окупится, то крестьяне доплачиваютъ, если же останется излишекъ, то его выплачиваетъ наниматель, — и эти деньги дѣлятся уже по рукамъ. Уговорная цѣна на семгу мѣняется отъ 1 р. до 2 р. 50 к. с. Такъ какъ дѣйствительная цѣна семги больше, то очевидно, что откупающій заборъ не только никогда не можетъ потерпѣть убытка, но всегда долженъ оставаться въ значительныхъ барышахъ; при томъ, онъ получаетъ ихъ, рѣшительно ничѣмъ не рискуя, ибо, собственно говоря, онъ тутъ только даетъ деньги въ долгъ подъ вѣрный залогъ — будущій уловъ семги, оцѣненный имъ же самимъ въ половину, а иногда въ три и четыре раза дешевле противъ настоящей его стоимости. Сверхъ того, онъ обезпеченъ на случай могущаго быть недолова, ибо, такъ или иначе, семгою или деньгами, крестьяне всегда должны уплатить ему свой долгъ. Далѣе, онъ беретъ за свою ссуду большею частію огромные проценты, потому что залогъ свой, — семгу, всегда продаетъ самъ вдвое дороже уговорной цѣны. Наконецъ, всѣ издержки производства падаютъ не на него, а на его должниковъ, которые, соединяя въ себѣ три мыслимыя права на полученіе дохода, т. е. право собственности на принадлежащую имъ рѣку, право, даваемое капиталомъ, употребленнымъ на издержки производства (заборъ устроенъ изъ ихъ же лѣса), и право труда, которымъ устроенъ заборъ и добыта изъ него рыба, не смотря на то пользуются ничтожнѣйшею частью этого дохода. Такое устройство едва ли можно похвалить. Какая разница съ Варзухою, гдѣ всякій, торгующійся на рыболовные участки, невышаетъ на нихъ цѣну, сообразуясь съ полученными отъ рыболовства въ прошедшихъ годахъ выгодами, а если потомъ и получаетъ большіе барыши, то какъ справедливое вознагражденіе за принятый на себя рискъ, ибо нерѣдко случается оставаться и въ убыткѣ, такъ что въ общей сложности выгода всегда остается на сторонѣ правомѣрнаго владѣльца водъ — общины. Объ умбенскомъ ловѣ семги въ морѣ я уже упоминалъ, говоря о здѣшнемъ сельдяномъ ловѣ. Противъ метода пользованія имъ ничего нельзя сказать, — онъ устроенъ сообразно выгодамъ большинства.

Всѣ невыгоды для крестьянъ, выставленныя мною въ умбенскомъ ловѣ, проявляются еще въ высшей степени на рѣкѣ Онегѣ. У самаго города ловъ семги незначителенъ; здѣсь устроены въ рѣкѣ лишь небольшіе заколы, за которыми ловятъ гарвами, ибо судоходство, существующее у устья, не позволяетъ устроить забора, перегораживающаго всю рѣку. Но въ 15 верстахъ выше города, у

селенія Подпороженскаго, ежегодно дѣлается заборъ черезъ всю рѣку, имѣющую здѣсь 360 сажень ширины. Въ немъ оставляются лишь небольшія ворота, сажени въ полторы шириною и при томъ заложеныя фашинникомъ, почти по самую поверхность воды. Если нужно пройти лодкѣ или бревнамъ, сплавляемымъ къ ниже лежащимъ лѣсопильнымъ заводамъ, то ихъ перетаскиваютъ черезъ фашинникъ и за это берутъ еще деньги. Такъ какъ выше этого забора есть на Онегѣ еще много селеній и семга доходить до самаго города Каргополя, лежащаго въ 350 верстахъ отъ устья, то ворота, сообразно предложенію академика Бѣра, должны составлять здѣсь не болѣе $\frac{1}{3}$ всей ширины рѣки, т. е. 120 сажень. Къ этому забору, кромѣ селенія Подпороженскаго, причислены еще селенія Пороженское и Вонгудское, составляющія вмѣстѣ Кокоринское общество Мардинской волости, въ которомъ всего около 1,000 душъ. Ловимая здѣсь семга есть лучшая во всемъ Бѣломорьѣ и извѣстна въ торговлѣ подъ именемъ *порога*. Заборъ этотъ устраивается крестьянами на свой счетъ, да, сверхъ того, они же устраиваютъ близъ него чаны или лари для посола семги, содержать водолазовъ, исправляющихъ заборъ и вынимаютъ изъ мережъ рыбу. За все это они вознаграждаются лишь тѣмъ, что всю добытую ими въ заборѣ семгу съ 8 августа (когда начинается идти лучшая осенняя семга) должны отдавать онежскому купцу Платунову по напередъ условленной цѣнѣ. Цѣна эта измѣнялась въ послѣдніе годы отъ 3 р. 75 к. с. до 4 р. 25 к. с. за пудъ, тогда какъ въ Петербургѣ та же рыба продавалась Платуновымъ отъ 10 до 14 р. с. и, безъ сомнѣнія, могла бы продаваться и на мѣстѣ не по 8 р. с. пудъ. Всю семгу, ловимую до 8 августа, а послѣ 8-го всю мелкую и ту, которая уже облошала, крестьяне могутъ продавать, кому хотятъ, вольною цѣною. Такая бросающаяся въ глаза невыгодность условій для крестьянъ объясняется лишь тѣмъ, что они находятся въ постоянномъ долгу у Платунова, именно онъ платитъ за нихъ впередъ подати и даетъ въ займы деньги, которыя болѣею частью идутъ на устройство самого же забора. Уплатить ему этотъ долгъ крестьяне обязуются непременно семгою, которая поймается въ теченіи года у забора, по условленной цѣнѣ. Къ концу года крестьяне всегда остаются въ недоловѣ и нуждаются въ новомъ займѣ, а потому та же сдѣлка переходитъ на слѣдующій годъ. Такъ происходило дѣло въ теченіе 40 лѣтъ и продолжалось бы до безконечности, если бы управляющій палатою государственныхъ имуществъ, посѣтившій въ 1859 году Онегу, не нашелъ этотъ порядокъ вещей неестественнымъ, а самый контрактъ, заключаемый ежегодно между крестьянами и Платуновымъ, незаконнымъ по формѣ и сущности, а потому не измѣнилъ на будущее время способа пользованія этимъ заборомъ. Изъ свѣдѣній, которыя вытребованы по этому случаю г. управляющимъ и которыя онъ мнѣ сообщилъ съ величайшею готовностью, оказывается, что въ теченіи 1857, 1858 и 1859 годовъ было продано крестьянами Платунову, на основаніи этихъ условій, 702 пуда $\frac{1}{2}$ фунта семги на 2,696 р. 38 коп. сер.; получено ими отъ Платунова денегъ 2,943 р. 43 к. с., да оставались они ему должны на 1857 годъ 593 р. 37 к. с., итого 3,536 р. 70 к. с.; слѣдовательно, остались должны ему на 1860 годъ 840 р. 32 к. с. Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что полученныя отъ Платунова деньги употреблялись крестьянами частью на устройство забора, частью же на уплату податей. Одно устройство забора стоило за всѣ 3 года 4,065 р. с., и такъ, кромѣ остающагося на 1860 годъ долга, промышленность эта доставила имъ убытка 528 р. 30 к. с., слѣдовательно, всего дефицита 1,368 р. 62 коп. сер., какъ это яснѣе видно изъ слѣдующаго сопоставленія.

Доходъ.	Расходъ.
Получено отъ Платунова, со включеніемъ остававшагося на 1857 годъ долга 3,536 р. 70 к.	Устройство забора 4,065 р. — к.
Наловлено семги на 2,696 » 38 »	Отдано Платунову долга 2,696 » 38 »
	Предстоитъ отдать ему 840 » 32 »
Итого 6,233 р. 8 к.	Итого 7,601 р. 70 к.

Расходъ превышаетъ доходъ на 1,368 руб. 62 коп. сер. Сдѣлка съ Платуновымъ, слѣдовательно, приноситъ крестьянамъ одинъ убытокъ; но не надо забывать, что выгоды, получаемыя крестьянами отъ забора, не ограничиваются тою семгою, которую они отдаютъ Платунову, ибо часть ея они ловятъ, какъ было сказано выше, и въ свою пользу, а сверхъ того въ мережи забора попадаетъ и другая рыба, продаваемая ими по вольной цѣнѣ. Эти уловы доставили имъ, по тѣмъ же собраннымъ палатою государственныхъ имуществъ свѣдѣніямъ, въ послѣдніе 3 года 1,047 руб. 61 коп. сер. за 505 пудъ 36½ фунтовъ (*) семги и 734 руб. 7 коп. сер. за 735 пудовъ 27 фунтовъ прочей рыбы, всего 1,781 руб. 68 коп. сер. Вычтя вышеприведенный дефицитъ изъ этой суммы, получимъ чистаго дохода съ забора 413 руб. 6 коп. сер. въ три года, т. е. по 137 руб. 68 коп. сер. въ годъ. Этого дохода далеко не хватаетъ на уплату государственныхъ податей. Между тѣмъ въ собранныхъ палатою свѣдѣніяхъ означено, что изъ денегъ, полученныхъ отъ Платунова, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, пошло на уплату податей 680 р. 11 к.; слѣдовательно, лишняго противъ чистаго дохода съ забора 267 р. 5 к. Чтобы имѣть возможность составить совершенно полный балансъ доходамъ и расходамъ крестьянъ отъ забора, нужно было бы еще знать, сколько денегъ оставалось у крестьянъ въ кассѣ къ началу 1857 года и сколько осталось ихъ на 1860 годъ; но мы можемъ почти безошибочно положить, что изъ 593 р. 37 к. с., остававшихся въ долгу за крестьянами къ 1857 году, всѣ деньги были уже истрачены къ тому времени. По этому, недостающіе 267 р. 5 к. с. могли быть извлечены только изъ излишка долга 1860 года противъ остававшагося на 1857 годъ. Этотъ излишекъ составляетъ дѣйствительно близкую къ этому сумму въ 246 р. 95 к. с., такъ что недостаетъ только 20 р. 10 к. с., которые могли быть уплачены крестьянами или изъ другихъ источниковъ, или изъ небольшого остатка на 1857 годъ, или тѣмъ, что часть расходовъ на заборъ не была уплачена и оставалась въ долгу.

Теперь спрашивается: какъ же объяснить столь несообразный порядокъ дѣлъ, вслѣдствіе котораго, — къ концу концовъ, — крестьяне доселѣ употребляли всѣ полученные ими отъ забора выгоды не на свои домашнія нужды, не на свои удовольствія, а исключительно на постройку самаго забора и на уплату податей, при чемъ оставались должными Платунову еще 840 р. 32 к. с. Объясненіе это тѣмъ затруднительнѣе, что крестьяне, какъ кажется, вовсе не были имъ недовольны и, какъ сообщаетъ г. Шульцъ, намѣревались даже подать прошеніе о сохраненіи прежняго порядка вещей. Мнѣ кажется, что на это есть три причины: 1) Вліятельнѣйшіе изъ крестьянъ пользовались

(*) Такимъ образомъ выходитъ, что за семгу, продаваемую по вольнымъ цѣнамъ, крестьяне получали кругомъ 2 р. 7 к. с. за пудъ; между тѣмъ какъ за уступаемую Платунову получали кругомъ по 3 р. 84 к. с. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы послѣдній способъ продажи былъ для крестьянъ выгоднѣе, потому что вольною цѣною продавали они лишь облошавшую, или мелкую семгу, — однимъ словомъ самый худшій сортъ, а Платунову отдавали самый лучший.

при этомъ особливими выгодами, которыя, конечно, не означены въ свѣдѣніяхъ, полученныхъ палатою государственныхъ имуществъ. Это, между прочимъ, видно изъ того, что когда г. управляющій палатою лично хотѣлъ повѣрить расчетныя тетради крестьянъ, то они видимо желали отклонить эту повѣрку и тетрадей не представили, отозвавшись, что, будто бы, занимающіеся изъ нихъ расчетами съ Платуновымъ находятся въ отлучкѣ. 2) Крестьяне продавали Платунову больше семги, чѣмъ сколько означено въ свѣдѣніяхъ, и деньги эти тратили по своему усмотрѣнію, ибо г. управляющій имѣлъ случай убѣдиться, что въ одномъ только 1858 году Платуновымъ отправлено было въ Петербургъ до 1,000 пудовъ семги. Крестьянамъ, вѣроятно, было внушено, что если эти выгоды ихъ будутъ обнаружены, то заборъ обратятъ въ оброчную статью, или инымъ какимъ либо образомъ будетъ у нихъ отнято право прямо, свободно и безотчетно пользоваться получаемыми съ него, хотя и ничтожными, доходами. 3) Наконецъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что издержки, выведенныя на устройство и содержаніе забора, составляющія 1,355 р. с. въ годъ, чрезвычайно преувеличены. Не входя въ разборъ всѣхъ статей этого расхода, достаточно будетъ указать на то, что 150 р. с. отнесены на расходы при пропускѣ конторскихъ бревенъ, т. е. на плату тѣмъ, которые перепихивали ихъ черезъ фашинникъ въ узкихъ воротахъ, между тѣмъ какъ г. Шульдъ сообщаетъ, что съ проходящихъ лодокъ крестьяне сами брали по цѣлковому и болѣе за пропускъ. Изъ всего этого видно, что уничтоженіе доселѣ существовавшаго способа пользованія подпороженскимъ заборомъ было и совершенно справедливо, и сообразно съ выгодами крестьянъ. Относительно будущаго устройства пользованія этимъ заборомъ палата находитъ, «что по затруднительности и невозможности устройства благонадежнаго хозяйственнаго управленія сими заколами, отъ имени и въ пользу общества крестьянъ, всего удобнѣе и полезнѣе учредить одну или нѣсколько мірскихъ оброчныхъ статей», а потому предписала отдать эти заколы въ оброчное содержаніе съ торговъ въ присутствіи окружнаго начальника или его помощника, дозволивъ крестьянамъ, въ случаѣ если они сами этого не пожелаютъ и представятъ на то достаточныя причины, — устроить, въ видѣ опыта, на одинъ годъ хозяйственное управленіе.

Нисколько не оспаривая того, что, въ примѣненіи къ настоящему частному случаю, обращеніе подпороженскаго забора въ оброчную мірскую статью можетъ быть дѣйствительно полезно, потому что до сихъ поръ Кокоринское общество отъ забора ничѣмъ не пользовалось, кромѣ уплаты податей, и слѣдовательно для покрытія прочихъ своихъ нуждъ имѣетъ другіе источники, я замѣчу однако, что обращеніе въ мірскія оброчныя статьи рыбныхъ промысловъ, принадлежащихъ государственнымъ крестьянамъ бѣломорскаго побережья, не можетъ быть принято за общее правило по той же причинѣ, по которой въ другихъ мѣстахъ пашни и луга не составляютъ мірскихъ оброчныхъ статей. Здѣсь, на сѣверѣ, мѣсто пашень замѣняютъ мірскія и рѣчныя воды, составляющія главный и часто почти единственный источникъ пропитанія жителей. Я долженъ еще замѣтить, что устройство хозяйственнаго управленія, или, вообще, свободнаго пользованія какъ заборомъ, такъ и вообще водами — безъ обращенія ихъ въ мірскія оброчныя статьи и съ несомнѣнною пользою для цѣлой общины, весьма возможно, какъ это доказываетъ примѣръ Варзухи, гдѣ сами крестьяне, дѣйствуя совершенно независимо, получили въ 1859 году до 11,000 р. с. Устройства лововъ въ Варзухѣ, уже описаннаго и въ Поноѣ, къ которому скоро перейду, могли бы служить примѣрами и для прочихъ мѣстностей, смотря потому, гдѣ какое удобопримѣнимѣе по мѣстнымъ условіямъ. Тѣмъ не менѣе я готовъ думать, что Кокоринскому обществу, которое въ теченіи столь долгаго времени

позволяло обманывать себя, не понимая настоящих своих выгод, действительно будет трудно теперь же устроить у себя правильное хозяйственное управление.

Въ Кандалакшѣ устройство лова уже нѣсколько лучше, чѣмъ въ двухъ только что описанныхъ мѣстностяхъ. Къ этой деревнѣ принадлежатъ три рѣки: Нива, на которой построена деревня, Колвица влѣво и Ловшенга вправо отъ Нивы. Всѣ эти рѣки перегараживаются ежегодно заборами; двѣ трети здѣшнихъ жителей, которыхъ всего 195 душъ, приписаны къ нивскому, а одна треть къ колковицкому забору. Двѣ трети жителей, владѣющіе Нивою, раздѣляются между собою опять на двѣ части, изъ коихъ одна беретъ себѣ заборъ, а другая пользуется сѣтнымъ ловомъ передъ заборомъ даже и въ то время, когда этотъ послѣдній не устроенъ. Та треть, которой на долю достанется Колвица, вся ловитъ у забора. Владѣніе этими частями идетъ *околомъ*, т. е. каждая треть владѣетъ одинъ годъ заборомъ въ Нивѣ, на другой тамъ же сѣтнымъ ловомъ, а на третій Колвицею. Тѣ, которымъ достаются заборы, передаютъ ихъ какому нибудь богатому крестьянину. Устройство забора стоитъ до 200 р. с. Крестьяне получаютъ дохода обыкновенно по 2 р. с. на душу; строитель забора получаетъ, конечно, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ, гораздо больше. Части эти берутся деньгами послѣ продажи семги. Здѣсь, слѣдовательно, устройство промысловъ уже гораздо лучше, чѣмъ въ Умбѣ и Онегѣ, въ томъ отношеніи, что рыбѣ не назначается напередъ условленная цѣна, гораздо низшая настоящей, но получается крестьянами известная доля улова, а остальная, хотя и уступается, но не даромъ, а за действительное участіе въ издержкахъ производства, т. е. за постройку забора. Сверхъ заборнаго лова, всѣ крестьяне участвуютъ еще въ ловѣ по тонямъ въ морѣ, къ числу которыхъ, впрочемъ, причисляются какъ рѣка Ловшенга, такъ и нѣкоторыя прѣсноводныя озера, въ которыхъ промышляютъ большею частью сиговъ. На каждыя 13 душъ приходится по одной тонѣ; слѣдовательно всѣхъ тоннъ 15. Послѣ ревизіи всѣ раздѣляются на партіи, или артели, и мечутъ жребій: которой какая должна достаться тоня; послѣ того тони уже каждый годъ идутъ околицею: которой артели принадлежала, на примѣръ, первая по порядку тоня, той на слѣдующій годъ достанется вторая, второй третья, и такъ до послѣдней, которая переходитъ на первую. Нерѣдко участники артелей передавали право лова на тонѣ одному изъ за части. Такимъ образомъ налавливается въ годъ пудовъ до 200 и болѣе семги, которую продаютъ въ Архангельскѣ: осеннюю по 7 и 8 р. с., межень же и закройку по 4 и 5 р. с.

Въ своемъ родѣ не хуже Варзухскаго устроенъ семожіи ловъ въ лежащемъ на Терскомъ берегу селеніи Поноѣ. Эта мѣстность будетъ посѣщена экспедиціею въ слѣдующемъ году; сообщаемыя же теперь свѣдѣнія о тамошнемъ ловѣ семги заимствованы мною изъ разсказа одного весьма наблюдательнаго и разсудительнаго промышленника.

Съ Иванова дня (24 іюня) начинается здѣсь морской ловъ семги на пространствѣ: къ сѣверу до рѣки Орловки, въ 8 верстахъ за Орловымъ мысомъ, а къ югу до острова Данилова, на 35 верстѣ. На всемъ этомъ пространствѣ означены мѣста лова — тони, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое названіе. Онѣ ежегодно распредѣляются по жеребью, такъ что на каждую приходится одинаковое число душъ. На тоняхъ ловятъ завѣсками, которыя выставляютъ въ разстояніи отъ 50 до 200 сажень отъ берега, съ какого нибудь мыса, такъ чтобы отверстіемъ завѣски были обращены къ губѣ. Не прекращая этого лова, съ Петрова дня (29 іюня) начинаютъ общими силами и средствами строить заборъ въ рѣкѣ Поноѣ. Все, что попадаетъ въ заборъ, дѣлится по душамъ поровну. Такъ продол-

жается до Ивана Постнаго (29 августа). Въ этотъ день съ ранняго утра всѣ лодки стоятъ у берега близъ крестовъ, которыми почти во всей Архангельской губерніи означаютъ всѣ мѣста, замѣчательныя въ какомъ бы то ни было отношеніи. Тутъ же собирается и весь народъ, молится и затѣмъ разомъ бросается въ лодки. Съ лодки каждый спѣшитъ забить въ выбранномъ имъ мѣстѣ по два, по три кола, для означенія того, что беретъ его въ свое владѣніе. Послѣ добиваютъ уже большее число кольевъ, чтобы составить небольшой заколъ и образовать такимъ образомъ заводъ, въ которой ставятъ гарвы и ловятъ ими уже каждый на себя всю осень. Рыба, попадающаяся у забора, по прежнему, дѣлится по душамъ. Передъ льдомъ заборы разбираютъ. Этотъ послѣдній ловъ заколами имѣетъ, какъ видно изъ описанія, большое сходство съ началами лововъ на Уралѣ, и какъ противъ сихъ послѣднихъ, такъ и противъ лова у забора и на тоняхъ нельзя ничего возразить, ибо всѣ они основаны на началѣ равномернаго распредѣленія улова между всѣми членами общины.

Въ томъ же родѣ устроенъ семой ловъ въ Сорокѣ и въ Ковдѣ.

Въ Сорокѣ нѣтъ забора; мѣста же въ рѣкѣ распредѣляются жеребьемъ подушно. Каждый бьетъ свой заколъ въ доставшемся ему мѣстѣ. Ловъ здѣсь вообще незначителенъ.

Въ Ковдѣ около 200 душъ. Въ морѣ имъ принадлежитъ 5 мѣстъ удобныхъ для лова семги, — тоней. Незначительность этого числа не позволяетъ распредѣлять ихъ жеребьемъ подушно, а потому онѣ отдаются отъ общества въ наемъ рублей за 100 и за 200, смотря по году. Деньги эти идутъ въ уплату податей. Въ рѣкѣ забивается заборъ. Но корелы, живущіе въ 120 верстахъ выше, по рѣкѣ Ковдѣ, просили начальство, чтобы въ заборѣ былъ всегда оставляемъ проходъ въ 25 сажень шириною. Это прошеніе ихъ было уважено, и они продаютъ позволеніе устроить сплошной заборъ за деньги. Въ началѣ они требовали за это не болѣе $1\frac{1}{2}$ р. с., теперь же хотятъ отъ 30 до 40 р. с. Здѣсь надо замѣтить, что, съ одной стороны, первоначальное требованіе кореловъ было слишкомъ скромно и что со временемъ, когда предложенныя академикомъ Бэромъ правила будутъ законены, они будутъ имѣть право на ворота въ заборѣ въ 66 сажень, потому что рѣка имѣетъ до 200 сажень ширины, а съ другой, что корелы не должны имѣть права дозволять устройства сплошнаго забора, но могутъ только дозволить уменьшеніе прохода отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ всей ширины рѣки, ибо проходъ въ $\frac{1}{6}$ всегда долженъ оставаться, не для уравненія выгодъ низовыхъ жителей съ верховыми, а для доставленія рыбѣ возможности размножаться въ удобныхъ для нея мѣстахъ.

Впрочемъ, въ Ковдѣ жители, не желая платить кореламъ 30 или 40 р. с., часто вовсе не устроятъ забора. Къ этому присоединяется еще и другое обстоятельство. Заборъ устроивается здѣсь на общественное иждивеніе и общими трудами; но часто не всѣ соглашаются участвовать въ этомъ. Остальная часть, конечно, могла бы устроить заборъ одна и одна имъ пользоваться, что нерѣдко и дѣлалось; но въ такомъ случаѣ прочіе ловятъ сѣтями передъ заборомъ и, слѣдовательно, перехватываютъ много рыбы на пути къ нему. Опасаясь этого, здѣшніе жители въ тѣ года, когда не удастся имъ всѣмъ согласиться въ общемъ участіи въ постройкѣ забора, не устроятъ его вовсе. Такая разладица въ Ковденскомъ обществѣ должна считаться, въ отношеніи сохраненія рыбы, весьма счастливымъ обстоятельствомъ. Правительству, которое можетъ допускать, но никакъ не поощрять лова посредствомъ заборовъ, не должно, конечно, оказывать покровительства устройству забора въ Ковдѣ изданіемъ постановленія, по которому не принявшіе участіе въ общемъ устройствѣ забора не должны ловить ниже его даже и сѣтями, хотя такое постановленіе желало бы большинство

здѣшнихъ крестьянъ и хотя съ перваго взгляда такая мѣра можетъ показаться справедливою. Въ тѣ годы, когда заборъ въ Ковдѣ устраивается, семгу солятъ сообща и продаютъ всю за одно въ Архангельскѣ, позднюю же — мѣстнымъ покупателямъ, которые везутъ ее на Шунгскую ярмарку. Вырученныя такимъ образомъ деньги дѣлятся подушно. Въ хорошіе годы достается отъ 4 до 5 р. с. на брата. Изъ этого также видно, что выгодное для общества хозяйственное управленіе семожимъ ловомъ весьма возможно, даже безъ отдачи его въ наймы по паямъ, какъ это дѣлается въ Варзухѣ.

Въ прочихъ мѣстахъ Бѣлаго моря устройство семожьяго лова не представляетъ никакихъ замѣчательныхъ особенностей. Въ Двинѣ ловъ этотъ совершенно вольный для всѣхъ прибрежныхъ жителей въ той части рѣки, которая принадлежитъ къ ихъ дачамъ. Ловъ производится поплавнями, а также небольшими, совершенно безвредными, заколами. Объ устройствѣ Кулойскаго лова я говорилъ уже выше. Въ рѣкѣ Мезени какъ у городскихъ жителей, такъ и у крестьянъ Лампоженской волости, ловъ вольный, въ морѣ же послѣдніе имѣютъ тони, которыя продаются отъ общества также, какъ, на примѣръ, въ Ковдѣ.

с. Приготовленіе семги.

О способахъ приготовленія семги многого сказать нечего. За исключеніемъ небольшого количества, потребляемаго на мѣстѣ въ свѣжемъ видѣ, вся остальная рыба солится или самими ловцами, или скупщиками, приобретающими ее отъ ловцовъ свѣжею, или содержателями заборовъ. Соленіе производится слѣдующимъ образомъ. Разрѣзавъ рыбу вдоль брюха, вынувъ внутренности и промывъ ее, наполняютъ внутреннюю полость ея солью, пересыпаютъ ею жабры и втираютъ ее въ чешую. Количество соли опредѣляется временемъ года. Такимъ образомъ посоленную семгу складываютъ въ бочки или просто на воза. Различія въ качествахъ этой рыбы зависятъ болѣе отъ ея природныхъ свойствъ, нежели отъ способа соленія. Лучшею считается онежская, извѣстная подъ именемъ *порога*, а за нею слѣдуетъ двинская, понойская же самая худшая. На качества онежской семги имѣло вліяніе, впрочемъ, и то обстоятельство, что въ теченіи долгаго времени она солилась однимъ и тѣмъ же лицомъ — купцомъ Платуновымъ, о которомъ мною было говорено выше, въ постоянныхъ, нарочно для этой цѣли устроенныхъ у самаго забора чанахъ и ларяхъ; семга солилась и укладывалась въ эти послѣдніе сейчасъ же послѣ ея поимки. Въ отношеніи къ этой семгѣ можно примѣнить пословицу: «нѣтъ худа безъ добра», въ томъ смыслѣ, что ежели монополія Платунова и имѣла очень вредное вліяніе на выгоды крестьянъ Кокоринскаго общества, то, съ другой стороны, она же была отчасти и причиною той славы, которую приобрѣла *сема-порогъ* на петербургскомъ рынкѣ. Съ уничтоженіемъ монополіи, извѣстность эта должна послужить въ пользу крестьянъ, которые долговременною практикою научились тщательному соленію этой рыбы.

d. Количество улова семги.

О количествѣ улова семги въ Бѣломъ морѣ рѣшительно невозможно собрать достовѣрныхъ свѣдѣній, потому что болѣею частью счетовъ по этому предмету не ведется, и надо довольствоваться неопредѣленными показаніями лицъ, занимающихся въ разныхъ мѣстахъ ловомъ ея, или торговлею этимъ товаромъ. Между тѣмъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ имѣли бы двоякій интересъ — чисто статистическій, доставленіемъ возможности точно судить о степени значенія этой отрасли рыбной

промышленности, и экономической, ибо чрезъ сравненіе настоящихъ улововъ съ прошедшими можно бы видѣть уменьшается ли эта рыба и въ какой мѣрѣ, чтобы на этомъ основаніи опредѣлить степень строгости мѣръ, которыя должны быть приняты для охраненія этой драгоцѣнной породы.

Въ первомъ отношеніи я могу представить не положительныя данныя, а лишь соображенія, основанныя на наглядной оцѣнкѣ изобилія улововъ въ различныхъ мѣстахъ и на нѣкоторыхъ сообщенныхъ мнѣ изустныхъ и письменныхъ показаніяхъ. Такія соображенія приводятъ меня къ заключенію, что средній годичный уловъ семги не превышаетъ 20,000 пудовъ во всемъ Бѣломъ морѣ. Во второмъ отношеніи я имѣю только нѣкоторыя, весьма неопредѣленныя числовыя данныя объ уловахъ въ рѣкѣ Мезени мѣщанами города того же имени, которыя здѣсь и разберу.

Въ промежутокъ времени отъ 1832 по 1859 годъ число поплавней, коими мезенскіе мѣщане ловили семгу, измѣнялось отъ 10 до 20; уловъ же съ 1832 года, когда онъ составлялъ на каждый поплавень отъ 105 до 110 пудовъ и, слѣдовательно, среднимъ числомъ (принимая 15 дѣйствовавшихъ поплавней) простирался до 1,600 пудовъ, уменьшился черезъ 10 лѣтъ, т. е. къ началу сороковыхъ годовъ, уже до 60 и 75 пудовъ на поплавень (среднимъ числомъ до 1,000 пудовъ), а къ началу пятидесятихъ годовъ до 35 пудовъ на поплавень (всего до 500 пудовъ). Въ 1857 и 1858 годахъ уловъ этотъ былъ только 12 пудовъ на поплавень; въ 1859 же году только отъ 3 до 5 пудовъ. Въ этомъ году было до 20 поплавней, слѣдовательно общій уловъ не дошелъ и до 100 пудовъ, такъ что въ теченіи 27 лѣтъ уловъ, производимый мезенскими мѣщанами, уменьшился слишкомъ въ 15 разъ. Но тутъ надо принять во вниманіе, что ловъ въ 1832 году былъ исключительно благоприятный, а въ 1859 исключительно бѣдный въ восточной части Бѣлаго моря и на Печорѣ, тогда какъ въ западной части моря онъ былъ довольно хорошъ. Если же будемъ сравнивать 1858 или 1857 годы не съ 1832, а съ 1834 (когда уловъ составлялъ отъ 75 до 100 пудовъ на поплавень), то найдемъ, что уменьшеніе это будетъ не болѣе, чѣмъ въ 6 разъ. Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ мнѣ, означено, что въ 1859 году было именно 20 поплавней; про прежніе же годы сказано вообще, что въ теченіе ихъ было въ дѣйствиіи отъ 10 до 20 поплавней; слѣдовательно, весьма вѣроятно, что число это увеличивалось мало по малу, такъ что въ началѣ тридцатыхъ годовъ было не болѣе 10 поплавней. Принимая и это въ соображеніе, мы прійдемъ къ заключенію, что уловъ мезенскихъ мѣщанъ дѣйствительно уменьшился не болѣе, какъ въ три или четыре раза, какъ показываетъ слѣдующій расчетъ. Въ 1834 году попало на поплавень отъ 75 до 100 пудовъ, слѣдовательно среднимъ числомъ около 87 пудовъ; на 10 поплавней это составитъ 870 пудовъ. Въ 1858 году въ 20 поплавней попало кругомъ по 12 пудовъ на поплавень, всего 240 пудовъ; слѣдовательно, въ $3\frac{1}{2}$ раза меньше, чѣмъ въ 1834 году. Но и это уменьшеніе отчасти мнимое, потому что съ тридцатыхъ годовъ ловъ въ морѣ крестьянами Лампоженской волости и селенія Долгой Щели увеличился, такъ что часть рыбы, которая ловилась прежде въ рѣкѣ, ловится теперь въ морѣ — фактъ, замѣчаемый вездѣ, гдѣ только съ возрастаніемъ народонаселенія усиливается ловъ. Со всемъ тѣмъ, уменьшеніе количества ловимой семги, въ послѣдніе 30 лѣтъ, хотя и далеко не столь значительное, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, несомнѣнно. Но еще сомнительно, чтобы уменьшеніе это было постоянное, по причинамъ, которыя увидимъ, когда будемъ говорить о Печорскомъ ловѣ. Вообще же должно замѣтить, что, по урывочности и недостоверности тѣхъ статистическихъ свѣдѣній, которыя можно получить о Бѣломорскихъ уловахъ, всѣ заключенія, основанныя на этихъ свѣдѣніяхъ,

всегда будутъ весьма шаткими и незаслуживающими большаго довѣрія. Въ тотъ же періодъ времени отъ 1832 до 1859 года цѣна на семгу возросла отъ 80 к. с. до 6 р. 50 к. с. за пудъ, слѣдовательно увеличилась въ 8 разъ.

3. НАВАГА И ПРОЧІЯ МОРСКІЯ РЫБЫ.

Послѣ сельдей и семги, изо всѣхъ рыбъ Бѣлаго моря, первое мѣсто въ промышленномъ отношеніи занимаетъ безспорно навага. Я говорилъ уже о ея географическомъ распространеніи, теперь же прибавлю, что она всегда почти держится на неглубокихъ мѣстахъ вблизи береговъ, куда собирается въ наибольшемъ количествѣ къ концу осени и началу зимы, когда побережья моря покроются льдомъ. Въ это время она мечетъ икру. Рыба эта отличается даже въ тресковомъ родѣ, — вообще очень хищномъ, своею необыкновенною жадностью, и на этомъ свойствѣ основанъ ловъ ея. Къ коротенькой планкѣ — *удилищцу* — привязана волосаная леса, оканчивающаяся свинцовою гирькою, сквозь нижній конецъ которой продѣта проволока. Къ концамъ проволоки, а иногда еще и къ серединѣ, привязаны коротенькія лески вершка въ 4 или 5, оканчивающіяся маленькими крючечками, такъ что этимъ образуется двухъ или трехъ-конечная удочка. Рыбакъ прорубаетъ пешнею небольшую прорубь, около полуаршина въ діаметрѣ, сгребаетъ себѣ кочку изъ снѣга, которая служить ему вмѣсто скамейки, со стороны вѣтра дѣлаетъ *затуму*, т. е. разставляетъ на кольяхъ рогожу, для защиты отъ непогоды, садится на кочку и опускаетъ одну или двѣ удочки въ прорубь, прислонивъ ихъ коротенькими удищами къ рагулькамъ, воткнутымъ въ снѣгъ. Крючечки наживляются небольшими кусочками, называемыми *тирожками*, тутъ же пойманной корюшки или наваги. Отъ времени до времени подергиваетъ рыбакъ свои удочки, и то и дѣло вытаскиваетъ по одной, а часто по двѣ и по три наваги. Такъ ловятъ при устьѣ Двины, гдѣ, впрочемъ, навага большею частью мелкая. Еще проще способъ лова ея въ Сумской губѣ и вообще по Поморскому берегу, гдѣ навага гораздо крупнѣе и лучше. Здѣсь лесы не оканчиваются крючечками, а просто петелькою, къ которой прикрѣпляется наживка, и навага такъ жадна, что, уцѣпившись за наживу зубами, не выпускаетъ ее изъ рта даже и тогда, когда ее вытаскать изъ воды, такъ что приходится отбивать ее ударомъ палочки. Случается, что въ то время, когда тащатъ одну навагу, другая схватываетъ ее за хвостъ и обѣ вытаскиваются на ледъ. Такимъ образомъ счастливый ловець налавливаетъ наваги, при изобиліи ея, до 2,000 штукъ въ теченіи здѣшняго короткаго зимняго дня. Уловъ же въ 1,000 штукъ считается обыкновеннымъ. Этотъ ловъ, основанный, такъ сказать, на доброй волѣ самой рыбы попадать на удочку, — безъ сомнѣнія, самый безвредный изо всѣхъ и хотя ежегодно вылавливаютъ десятки милліоновъ навагъ, но обиліе ея нисколько не уменьшается. Вреднѣе другой способъ лова при устьѣ Двины, стоячими неводами съ мотнею, употребляемыми, слѣдовательно, какъ рюжи или венгеря. Вредъ ихъ состоитъ только въ томъ, что ячеи этихъ неводовъ до того мелки, что сквозь нихъ не проходитъ и мизинецъ, такъ что ловимая навага бываетъ не длиннѣе $2\frac{1}{4}$ и даже 2 вершковъ. Четверикъ этой наваги продается въ Архангельскѣ, при такомъ уловѣ, какъ, напримѣръ, въ 1859 году, по 10 к. сер. Отборная же, называемая *головкою*, стоитъ отъ 60 коп. до 1 р. сер. за сотню. По отправленіи же транспортовъ въ Петербургъ, эта послѣдняя становится еще дешевле и продается по 3 руб. сер. тысяча. Одинъ взрослый человѣкъ съ мальчикомъ налавливаетъ въ хорошій годъ на 100 руб. асс. въ зиму. Мелкая навага употребляется здѣсь въ пищу самымъ бѣднымъ классомъ народа; крупная же, въ мороженомъ видѣ, везется въ

Петербургъ, въ Москву и развозится можно сказать по всей Россіи, потому что даже въ Астрахани, гдѣ столько превосходной рыбы, случилось мнѣ зимою видѣть навагу. Изъ этого видно, что въ Россіи эту рыбу весьма цѣнятъ, между тѣмъ какъ въ Архангельской губерніи ее считаютъ — даже и крупную — чуть ли не послѣднею рыбою, даже ниже сельдей. Для мѣстнаго употребленія ее сушатъ иногда въ печкахъ, по вынутіи изъ нихъ хлѣбовъ, и продаютъ дешевою цѣною на вѣсъ.

Изъ прочихъ рыбъ здѣшняго моря ни одна уже не составляетъ предмета вывоза; для мѣстнаго же употребленія: важнѣе другихъ камбала и треска.

Камбала ловится близъ всѣхъ береговъ Бѣлаго моря такъ называемыми *подольниками*, т. е. рядами насаженныхъ на веревку маленькихъ мѣдныхъ крючковъ, привязанныхъ къ волосянымъ поводкамъ вершковъ въ 5 длиною. Расстояніе крючка отъ крючка составляетъ обыкновенно около аршина. Ихъ соединяютъ по сотнѣ въ рядъ, и линію къ линіи приставляютъ такъ, чтобы онѣ образовали зигзакъ. Въ Поморьѣ нанизываютъ ихъ на палочки и почти у каждаго дома проваливаютъ по нѣсколькимъ тысячамъ штукъ на солнцѣ безъ всякаго предварительнаго приготовленія. Въ Мезени камбалу также солятъ, при чемъ она получаетъ характеристическій отвратительный запахъ соленой трески, къ которому здѣшніе жители, впрочемъ, совершенно привыкли. Обѣ встрѣчающіяся здѣсь породы камбалъ мечутъ икру въ началѣ весны и не задолго до этого времени, а также въ сентябрѣ и октябрѣ, считаются онѣ наиболѣе вкусными, — многими даже принимаются за лакомое блюдо. Лѣтомъ послѣ того, какъ камбала выметала икру она становится чрезвычайно суха и худа и потому никѣмъ въ пищу не употребляется, почему и ловъ ея въ это время года прекращается.

Треска и именно мелкая разновидность ея, не болѣе $\frac{1}{2}$ аршина длиною, обыкновенно же менѣе, водится только въ Кандалакскомъ заливѣ, гдѣ составляетъ въ теченіи лѣта главную пищу жителей, а въ небольшомъ количествѣ насоливается для мѣстнаго же употребленія и на зиму. По жадности этой рыбы ловъ ея очень простъ. На такого же рода удочку, какъ и для наваги — только съ однимъ крючкомъ — насаживаютъ наживку изъ морскаго червя (*Arenicola piscatorum* Lin.), которыхъ нарочно съ этою цѣлью выкапываютъ во время отлива со дна моря, тамъ, гдѣ оно песчано съ небольшою примѣсью глины. За неимѣніемъ этихъ червей употребляютъ для наживки разныя ракушки, разбивъ предварительно ихъ раковину. Изъ селеній, лежащихъ на берегу Кандалакскаго залива, каждый день выѣзжаютъ на этотъ ловъ почти всѣ остающіеся въ своихъ домахъ, преимущественно же женщины, и въ короткое время каждый изъ сидящихъ въ лодкѣ налавливаетъ нѣсколько десятковъ штукъ этой рыбы.

4. рѣчныя и озерныя рыбы.

Изъ рѣчныхъ рыбъ особеннаго вниманія заслуживаютъ *стерляди*, поднимающіяся исключительно въ рѣкахъ двинской системы. По разсказамъ архангельскихъ старожиловъ, первая стерлядь была поймана въ Двинѣ лѣтъ 35 тому назадъ, выше Холмогоръ, и была представлена тогдашнему архангельскому генераль-губернатору Клокачеву. Въ Сухонѣ появилась она въ значительномъ количествѣ тому лѣтъ 15. Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ, поѣхавшій на ловъ рыбъ острогою, попалъ въ первый разъ на стерлядей и билъ ихъ острогой. Потомъ ловили ихъ неводами, пока, наконецъ, одинъ пріѣзжій съ Камы не научилъ здѣшнихъ жителей употребленію крючковой самоловной снасти.

Сперва продавали ихъ по 10 руб. сер. пудъ; въ началѣ пятидесятихъ годовъ фунтъ стерлядей стоилъ въ Тотмѣ 5 коп. сер., а потомъ дошелъ онъ даже до 3 коп. сер. Въ послѣдніе годы рыба эта опять вздорожала, потому что научились сохранять ее живою въ садкахъ, а за нею стали прѣзжать покупщики изъ Петербурга. Такъ въ нынѣшнемъ году одинъ крестьянинъ просилъ съ меня за менѣе чѣмъ аршинную стерлядь 3 руб. сер. и ничего не хотѣлъ уступить, утверждая, что за эту цѣну онъ всегда ее сбудетъ петербургскимъ скупщикамъ. Но и до открытія этого пути сбыта, когда стерлядь была еще дешева, она никакъ не могла войти здѣсь въ народное употребленіе, ибо не пришлась какъ-то по вкусу людей, привыкшихъ къ здѣшнимъ породамъ рыбъ. Этому-то обстоятельству надо приписать, что здѣсь почти не ловятъ мелкихъ стерлядокъ, такъ страшно уничтожаемыхъ на средней Волгѣ — для продажи дешевою цѣною простому народу. Самая мелкая стерлядь, которую мнѣ удалось видѣть на рынкѣ въ Архангельскѣ, была не менѣе семи вершковъ. Г. Шульцъ, обращавшій, во время своей поѣздки вверхъ по Двинѣ и Вагѣ, особенное вниманіе на ловъ стерлядей, тоже говоритъ, что мелкихъ ему ни разу не случалось видѣть. Въ послѣднее время употребленіе самоловной крючковой снасти было запрещено архангельскимъ губернскимъ начальствомъ. Я полагаю однакоже, что здѣсь крючковая снасть никакого вреда не приноситъ и запрещеніе ея совершенно излишне, именно по слѣдующимъ причинамъ: 1) Главный, приводимый противъ нея доводъ, который и въ Архангельскѣ, кажется, былъ главною причиною запрещенія этой снасти, именно будто бы безчешуйная рыба, которая одна только и можетъ попадаться на самоловную снасть, часто срывается съ крючковъ и потомъ погибаетъ отъ ранъ безъ всякой пользы для человѣка, — совершенно неосновательнъ, какъ доказано академикомъ Бэрромъ, а потому объ этомъ я болѣе распространяться не стану. 2) Другое обстоятельство, по которому самоловная снасть можетъ быть дѣйствительно вредна, состоитъ въ прегражденіи свободнаго хода безчешуйной рыбѣ по рѣкамъ. Но для того, чтобы снасть эта могла производить такое вредное дѣйствіе, нужно, чтобы она разставлялась поперегъ всей рѣки и притомъ многими, слѣдующими одинъ за другимъ, рядами, а въ такомъ случаѣ и всякое другое рыболовное орудіе окажетъ тоже, или даже еще болѣе вредное вліяніе. Въ Двинѣ же такого употребленія снастей не только не существуетъ, но оно даже и невозможно, потому что нужное для этого количество ихъ никогда не окупилось бы здѣшнимъ уловомъ стерлядей. Изъ собранныхъ же г. Шульцомъ свѣдѣній видно, что выставлемыя здѣсь снасти рѣдко достигаютъ и 100 сажень длины, бѣольшая же часть не превосходитъ 70 сажень. Притомъ ее ставятъ чаще вдоль, чѣмъ поперегъ рѣки. 3) Существенное зло можетъ принести самоловная снасть выловомъ мелкихъ стерлядокъ, какъ это дѣлается на средней Волгѣ, къ великому вреду для сохраненія этой драгоценнѣйшей изъ всѣхъ рѣчныхъ рыбъ. Но для этого крючки должны быть мелки и прикрѣплены къ соединяющей ихъ въ одну снасть веревкѣ, называемой здѣсь *хребтиною*, на весьма близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Употребляемые же здѣсь крючки имѣютъ отъ узелка, которымъ привязаны къ поводку, до вершины дуги загиба ихъ $1\frac{5}{8}$ вершка, а разстояніе крючка отъ крючка на самыхъ частыхъ снастяхъ — 7 вершковъ (на Волгѣ это разстояніе обыкновенно въ 6 вершковъ); употребляются и такіе, въ которыхъ разстояніе это доходитъ до $1\frac{1}{2}$ аршина. По этому-то мелкія стерляди здѣсь и не попадаются.

На основаніи этихъ соображеній, я полагаю, что не зачѣмъ запрещать самоловной снасти, а достаточно будетъ опредѣлить наибольшую длину выставлемой въ одну линію снасти (я предлагаю для этого 100 сажень), наименьшую величину крючковъ ($1\frac{3}{4}$ вершка) и наименьшее разстояніе

между крючками по хребтинѣ (12 вершковъ). Само собою разумѣется, что не должно составлять вмѣстѣ двухъ или нѣсколькихъ линій крючковой снасти; если бы захотѣли выставить ихъ въ одномъ направленіи, то каждыя сто сажень должны бы отдѣляться другъ отъ друга промежуткомъ такой же длины. То же стосаженное разстояніе должно быть наблюдаемо между рядами крючковой снасти, стоящими одинъ сзади другаго. Соблюденіе этихъ правилъ для употребленія самоловной снасти будетъ тѣмъ болѣе обезпечено, что предлагаемые мною размѣры близко подходятъ къ нынѣ употребительнымъ и, слѣдовательно, мало стѣснятъ привычки жителей. Если же противъ употребленія самоловной снасти возразятъ, что, такъ какъ она гораздо удобнѣе для лова безчешуйной рыбы, чѣмъ невода, то уловъ стерлядей можетъ черезъ это усилиться, а, слѣдовательно, имѣющійся запасъ ихъ въ Двинѣ вскорѣ уменьшится, то я отвѣчу, что если порода рыбы столь плодородная, какъ стерлядь, не успѣла размножиться въ Двинѣ въ теченіи тридцати лѣтъ (при вѣроятно постоянномъ притоцѣ ея изъ Камы тѣмъ же путемъ, которымъ въ первый разъ она сюда зашла) на столько, чтобы выдерживать столь умѣренный ловъ крючковою снастью, каковъ предлагаемый мною, то это значитъ, что она никогда здѣсь не размножится, какъ бы ни были строги употребляемая охранительныя мѣры, потому что естественныя условія для нея здѣсь неполнѣе благопріятны.

Изъ прочихъ прѣсноводныхъ рыбъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія: нельма — по превосходному вкусу ея, сигъ — по изобилію его въ здѣшнихъ озерахъ и налимы — въ рѣкахъ. Нельмы здѣсь немного и она составляетъ лишь лакомое блюдо для зажиточной части здѣшняго населенія. Сиги не только употребляются въ большомъ количествѣ жителями, но мороженые и соленые отправляются даже въ Петербургъ. Рыбу эту ловятъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою неводами и пушальницами, т. е. ставными сѣтями. Налимы употребляются въ пищу почти исключительно свѣжими и преимущественно зимою, когда они мечутъ икру. Ихъ ловятъ, кромѣ сѣтей, еще особливаго рода деревянными удочками, которыя они проглатываютъ вмѣстѣ съ насаженною на нихъ наживкою.

Этимъ собственно оканчивается все, что имѣю сказать, въ настоящее время, о рыбныхъ промыслахъ на Бѣломъ морѣ и на рѣкахъ, въ него впадающихъ. Но я позволяю себѣ коснуться еще одного предмета, не входящаго собственно въ кругъ обязанностей экспедиціи, именно: собиранія яицъ морскихъ птицъ прибрежными жителями. На островахъ и лудахъ (разной величины надводныхъ скалахъ) Бѣлаго моря, которыхъ особенно много въ Онежскомъ и Кандалакскомъ заливахъ, водится большое количество морскихъ птицъ, вьющихъ тамъ свои гнѣзда и несущихъ яйца. Самыя обыкновенныя изъ нихъ — различныя породы чаекъ, *чистики* (*Alca torda*, L.), *свистуны* (*Uria Grylle*, L.) и *гавки* (*) (*Somateria mallissima*, L.). Въ лѣтнее время здѣшніе жители, преимущественно женщины, каждый день ѣздятъ собирать яйца по островамъ и не только ѣдятъ ихъ въ это время, но состав-

(*) Другой видъ этой породы — *нармота* (*Somateria spectabilis*, L.) попадаетъ болѣе въ Печорскомъ краю, какъ, напримѣръ, на Вайгачѣ, гдѣ еще менѣе знаютъ цѣну ей, чѣмъ на Бѣломъ морѣ гавкѣ, потому что большею частью не собираютъ цуха ея отдѣльно, а смѣшиваютъ съ несравненно худшимъ гусинымъ.

ляют иногда и значительные запасы. Это дѣлается, по возможности, тайно, потому что, по приказанію мѣстнаго начальства, сборъ яицъ преслѣдуется таможенными смотрителями, разъѣзчиками, сельскими старшинами, писарями, сотскими и вообще сельскими властями. Конечно, весь этотъ надзоръ мало достигаетъ своей цѣли, — яйца все таки собираются въ огромномъ количествѣ, и въ этомъ нарушеніи запрещенія не было бы особой бѣды, если бы въ числѣ прочихъ яицъ не собирались бы и гавкинныя. Но такова судьба всѣхъ запрещеній и вообще мѣръ, идущихъ далѣе своей дѣйствительно полезной цѣли. Такъ какъ смыслъ ихъ не совсѣмъ понятенъ народу, то онѣ кажутся ему какимъ-то произвольнымъ стѣсненіемъ, и онъ привыкаетъ считать себя въ правѣ избѣгать исполненія ихъ. Кромѣ матеріальнаго вреда, происходящаго отъ того, что на ряду съ разными бесполезными распоряженіями, не исполняется множество и такихъ, которыя дѣйствительно необходимы, — такія, неполнѣ цѣлесообразныя мѣры составляютъ одну изъ главныхъ причинъ того несовѣстливаго исполненія законовъ, въ которомъ такъ любятъ укорять русскій народъ. Между тѣмъ, во время моего путешествія на Печору, я имѣлъ случай видѣть съ какою совѣстливостью исполняетъ онъ запрещеніе рубить лиственницу, потому что понимаетъ цѣль и пользу этой мѣры и не чувствуетъ отъ нея особеннаго для себя стѣсненія. При разложеніи огня для варенія пищи и для согрѣванія во время ночи, никто изъ моихъ гребцовъ никогда не срубалъ лиственницы, хотя она и лучше горитъ, и даетъ болѣе жара, чѣмъ всякое другое изъ растущихъ здѣсь деревьевъ, и хотя, по установившимся между мною и гребцами отношеніямъ, они совершенно были увѣрены, что имъ нечего опасаться доноса съ моей стороны. Запрещеніе же собирать яйца морскихъ птицъ въ глазахъ народа должно казаться какою-то, по истинѣ странною и необъяснимою, прихотью, ибо онъ очень хорошо понимаетъ, что отъ этихъ птицъ (за исключеніемъ гавокъ) ровно никакой нѣтъ пользы. Не знаю, видитъ ли онъ и то, что они производятъ даже нѣкоторый вредъ. Въ самомъ дѣлѣ, мясо всѣхъ этихъ морскихъ птицъ, преимущественно питающихся рыбою, имѣетъ столь непріятный ворванный запахъ и вкусъ, что никѣмъ не употребляется въ пищу, а между тѣмъ количество уничтожаемой ими рыбы и преимущественно мальковъ очень значительно. Яйца же ихъ, напротивъ, очень вкусны и нисколько не имѣютъ отвратительнаго вкуса и запаха, свойственныхъ мясу этихъ птицъ. Это свойство яицъ очень хорошо извѣстно всѣмъ, какъ здѣсь, такъ и на Каспійскомъ морѣ, а потому даже яйца тѣхъ птицъ, которыя, по народному предразсудку, считаются нечистыми, употребляются въ пищу. Такъ, крестьяне Мезенскаго уѣзда, считающіе, неизвѣстно почему, курицу нечистымъ животнымъ, держатъ куръ исключительно для яицъ, а насѣдокъ стараются отучить высиживать снесенныя ими яйца, считая это дурною привычкою съ ихъ стороны и позволяя имъ слѣдовать ей только тогда, когда есть необходимость возстановить племя. Такъ какъ дѣйствительно полезная гавка пользуется покровительствомъ закона лишь наравнѣ съ прочею птицею, то и яйца ея собираются наравнѣ съ прочими. Да и можетъ ли быть иначе? Партія собирателей яицъ, пріѣхавъ на какойнибудь островъ, ожидая, что явится ктонибудь преслѣдовать ее за нарушеніе закона и, по меньшей мѣрѣ, отниметъ собранное ею, конечно, спѣшитъ собирать яйца со всѣхъ попадающихся ей на глаза гнѣздъ, не разбирая, гавкинныя ли они или чьи другія, и удалиться. Къ тому же и самая польза, которую можно извлечь изъ драгоцѣннаго пуха гавки (извѣстнаго въ торговлѣ подъ именемъ гагачьяго), для здѣшнихъ жителей весьма мало ощутительна, потому что фунтъ его, продаваемый въ Петербургѣ и Москвѣ по 5 и 6 руб. сер., отдается (конечно въ неочищенномъ видѣ) немногими женщинами,

собирающими его по деревнямъ Кандалакскаго берега, съ величайшею охотою за 80 коп. сер., нерѣдко же и за одинъ рубль ассигнаціями. Къ счастью, можно собирать этотъ пухъ, нисколько не вреда, ни самой птицѣ, ни ея яйцамъ и гнѣздамъ. Это драгоцѣнное вещество, самое теплое изъ всѣхъ извѣстныхъ, птица выдергиваетъ изъ себя и выстилаетъ имъ свои гнѣзда и обкладываетъ яйца. Когда она высидитъ дѣтей и оставитъ вмѣстѣ съ ними гнѣздо, тогда настаетъ настоящее время сбора оставшагося въ немъ пуха. Такъ, кажется, и дѣлается это въ Норвегіи, гдѣ гавка въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ ее не трогаютъ, становится до того ручною, что часто устроиваетъ свои гнѣзда внутри жилищъ. Чтобы оцѣнить всю пользу этой птицы, надо еще знать, что она всегда выбираетъ для своихъ гнѣздъ то мѣсто, въ которомъ выводила своихъ дѣтей въ прежніе годы, такъ что тамъ, гдѣ ее берегутъ, доходъ отъ нея можетъ быть постояннымъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ я считалъ бы полезнымъ: 1) Дозволить собираніе яицъ всѣхъ морскихъ птицъ, кромѣ гавокъ. 2) Назначить срокъ, ранѣ котораго не должно собирать находящагося въ гнѣздахъ гавокъ пуха. Срокомъ этимъ можно было бы назначить 8 іюля, праздникъ иконѣ Казанской Пресвятой Богородицѣ, такъ какъ въ этому времени молодья гавки вывелись изъ яицъ въ самые поздніе годы и такъ какъ нашъ народъ привыкъ тамъ считать время по праздникамъ. Для точнѣйшаго исполненія этой мѣры, слѣдовало бы обратить этотъ пухъ въ статью общественнаго дохода, дабы всѣ наблюдали другъ за другомъ изъ личной выгоды. Этого можно бы достигнуть, сдѣлавъ изъ собиранія пуха оброчную мірскую статью, или, что, по моему мнѣнію, было бы еще лучше, опредѣлить, чтобы получаемая отъ продажи его выгоды раздѣлялись подушно. Справедливо было бы при томъ, чтобы деньги эти раздѣлялись не между мужчинами, а между женщинами, такъ какъ онѣ преимущественно и будутъ заниматься сборомъ его. 3) Ознакомить прибрежныхъ жителей какъ съ выгодами, которыя можетъ доставить этотъ пухъ, такъ и съ правилами, которыми должно руководствоваться при его собираніи и вообще при обхожденіи съ гавками.

III. ПЕЧОРА.

ПОРЯДОКЪ ОПИСАНІЯ ПЕЧОРСКАГО РЫБОЛОВСТВА.

Печорскій ловъ, производимый лишь двумя волостями — Пустозерскою и Усть-Цылемскою — составляетъ одно цѣлое, какъ по мѣстности, такъ и по своей организаціи. По этому, раздѣленіе его описанія по породамъ ловимыхъ рыбъ, какъ это сдѣлано для Бѣлаго моря, повело бы къ неизбѣжнымъ повтореніямъ и было бы вообще неудобно. На этомъ основаніи, я предпочитаю другой порядокъ, именно: сказавъ нѣсколько словъ объ условіяхъ мѣстности, на которой производится печорскій ловъ, я перечислю породы печорской рыбы и сообщу нѣкоторыя особенности въ ихъ образѣ жизни, имѣющія практическое значеніе, а потомъ опишу способы и организацію лова и, наконецъ, приготовленіе и сбытъ рыбы.

1. ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПЕЧОРѢ И РЫБАХЪ, ЖИВУЩИХЪ ВЪ НЕЙ.

Сколько нибудь значительный ловъ на Печорѣ начинается со впаденія въ нее рѣкъ Пижмы и Цыльмы, противъ селенія Усть-Цылемскаго. Ширина рѣки здѣсь не менѣе 1½ версты, а 20 верстѣ

ниже, отъ деревни Хабарихи, она начинаетъ уже раздѣляться на рукава. Сначала ихъ только два, и правый — восточный — носитъ названіе большой, а лѣвый — западный — малой Печоры. Эти два крайніе рукава сохраняютъ свое названіе до самаго устья. Отъ времени до времени оба рукава соединяются, но для того только, чтобы сейчасъ же снова разойтись. Чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе увеличивается число рукавовъ, отдѣляющихся вообще другъ отъ друга низменными песчаными островами. Эти второстепенные рукава болѣею частью не имѣютъ особыхъ названій и извѣстны подъ именемъ шаровъ, тогда какъ названіе рѣки, или Печоры, исключительно присвоивается двумъ главнымъ. Не только обѣ Печоры, но и всѣ шары очень широки и рѣдко суживаются до одной версты; тамъ же, гдѣ они на время сливаются, ширина доходитъ до 3-хъ и 4-хъ верстъ. Эта ширина рѣки и раздробленіе ея на многіе рукава составляютъ весьма выгодное условіе для прохода рыбы вверхъ по рѣкѣ, куда она стремится, чтобы метать икру, потому что всегда остается множество протоковъ, свободныхъ отъ всякаго лова. Передъ впаденіемъ своимъ въ море, всѣ эти рукава сливаются въ одну огромную массу текучей воды, которая уже переходитъ въ заливъ океана, извѣстный подъ именемъ Печорской губы, — гдѣ вода уже соленая. Западный берегъ этой губы идетъ почти прямо на сѣверъ и не представляетъ никакихъ углубленій, удобныхъ для рыболовства, и далѣе Ловецкаго острова оно и не производится; съ восточной стороны отъ того мѣста, гдѣ печорскіе рукава сливаются въ одно цѣлое, вдается внутрь материка часть Печорскаго залива, извѣстная подъ именемъ Болванской губы. Болванскій мысъ, отдѣляющій ее отъ собственнаго устья Печоры, считается гранью между рѣкою и моремъ. Въ Болванской губѣ вода тоже уже соленая, и въ ней производится морской ловъ семги, который продолжается и за нею, далѣе къ востоку, въ такъ называемомъ Загубьѣ, до устья рѣки Черной, — послѣдней, въ которую еще поднимается семга. На всемъ этомъ пространствѣ — ловъ общественный, восточнѣе же онъ вольный, и всякій, кочующій съ оленями у берега океана или по рѣкамъ и озерамъ за Черною, можетъ ловить тамъ по своему произволу. — Передъ устьемъ своимъ Малая Печора образуетъ обширный заливъ или прѣсноводное озеро, извѣстное подъ неправильнымъ названіемъ Голодной губы, которая соединяется съ Печорою четырьмя или пятью протоками, и вовсе не имѣетъ прямаго сообщенія съ моремъ, хотя на всѣхъ картахъ и показывается противное. Я уже выше говорилъ, какое значеніе могла бы имѣть, при другихъ условіяхъ, Голодная губа для размноженія и питанія рыбы; теперь же она служитъ только главнымъ мѣстопребываніемъ не очень большому количеству двухъ маленькихъ рыбокъ: нагышей и сауревъ. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи множество небольшихъ и средней величины озеръ, извѣстныхъ подъ именемъ *наволочныхъ* (*), т. е. низменныхъ, въ которыя заливается весною вода изъ Печоры и которыя имѣютъ болѣею частью и постоянное сообщеніе съ нею посредствомъ *високъ*. Но мы увидимъ ниже, что сами жители неразумнымъ ловомъ почти совершенно уничтожаютъ ту пользу, которую эти озера могли бы приносить для увеличенія запаса рыбы въ Печорѣ. Кромѣ этихъ наволочныхъ озеръ, на возвышенной части тундры разсѣяно множество другихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *тундряныхъ*, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ сообщеніе съ Печорою, другія же совершенно отъ нея отдѣлены. Одни изъ нихъ имѣютъ каменистое и песчаное дно и составляютъ, по этому, весьма удобныя мѣста къ метанію икры для нѣ-

(*) *Наволокомъ* называется въ Архангельской губерніи всякая часть берега, вдающаяся въ море, озеро или рѣку — будетъ ли то крутой мысъ, или низменная коса.

которыхъ рыбъ изъ сигаго рода; другія же имѣютъ дно тинистое, составляющее иногда подводное болото столь жидкое, что шесть, длиною въ нѣсколько сажень, совершенно свободно и безъ малѣйшаго усилія уходить туда. Такія озера не могутъ служить для размноженія рыбы, но представляютъ довольно изобильный матеріалъ для питанія ея. Замѣчательно, что рыба можетъ уходить въ этотъ жидкій илъ или тину, и тогда невозможно достать ее оттуда никакими снастями. Поэтому озера эти называются у жителей *скупыми*.

Перечисляя съѣдобныхъ рыбъ Бѣлаго моря и рѣкъ, въ него впадающихъ, я при каждой породѣ упоминалъ, находится ли она и въ Печорѣ; по этому, теперь мнѣ остается назвать только тѣхъ изъ печорскихъ рыбъ, которыя ей спеціальны. Такихъ — немного, и всѣ онѣ принадлежатъ къ сигаговому роду.

1) *Печорскій сигъ* (*Coregonus Polkur.*, Pall.), кромѣ рѣкъ печорской системы и находящихся въ соединеніи съ ней озеръ, находится и въ Оби.

2) *Пелядь* (*Coregonus Peled.*, Pall.) — въ рѣкахъ и озерахъ печорской системы. Припечорскіе жители увѣряютъ, что рыба эта есть въ Карѣ и въ Оби; рѣдко встрѣчается она въ мезенской системѣ водъ, какъ, напримѣръ, въ Калининныхъ озерахъ, находящихся въ соединеніи съ Пезою; она достигаетъ до 7 ф. вѣса.

3) *Чиръ* (*Coregonus nasutus*, Pall.), живетъ преимущественно въ озерахъ, находящихся въ соединеніи съ Печорою, и западнѣ этой рѣки не встрѣчается; въ самой рѣкѣ, т. е. въ Большой и Малой Печорѣ, онъ также рѣдко ловится, а больше въ шарахъ, имѣющихъ не столь быстрое теченіе. Послѣ нельмы это самая большая рыба изъ всего сигаго рода, ибо 7-ми фунтовья очень обыкновенны, часто же попадаетъ отъ 10 до 13 фунтовъ. Здѣшнимъ жителямъ случалось ловить и такихъ, которые достигали 25 фунтовъ.

4) *Омуль* (*Coregonus Omul.* Pall.), поднимается, въ Печору изъ моря только осенью, послѣ чего скоро возвращается назадъ. Въ Мезень она тоже идетъ въ небольшомъ числѣ; въ Карѣ ея очень много, но въ Оби нѣтъ, хотя, по Палласу, встрѣчается въ большомъ количествѣ въ Енисеѣ и другихъ, еще болѣе восточныхъ рѣкахъ. Въ озера она рѣдко заходитъ. Средній вѣсъ этой рыбы 2 фунта; экземпляры въ 4 фунта уже очень рѣдки.

5) *Зельдь*. Небольшая рыбка, похожая на ряпушку, но, какъ кажется, составляющая отдѣльную отъ нея породу. Она подымается изъ моря въ Печору и ловится какъ весной, такъ и осенью.

6) *Саурей*. Также небольшая рыбка изъ сигаго рода, водящаяся лишь въ Голодной губѣ. Обѣ эти рыбы имѣютъ сходство какъ съ ряпушкою (*Coregonus albula*, L.), такъ и съ другою близкою къ ней породою, русское названіе которой мнѣ неизвѣстно (*Coregonus Vimba*, L.). Чтобы съ достаточною точностью установить ихъ видовую самостоятельность, или утвердить ихъ тождество съ означенными породами, надо сравнить съ вполне достовѣрными образцами сихъ послѣднихъ, которыхъ у меня теперь нѣтъ. Всѣ эти сигагвы породы извѣстны на Печорѣ подъ именемъ бѣлой рыбы, какъ по серебристому цвѣту, такъ и по бѣлому мясу ихъ, въ противоположность семгѣ, которую, однако, здѣсь красною рыбою не называютъ. Если бы однажды пойманный экземпляръ случайно зашелъ въ какую нибудь рѣку рыбы давалъ право причислять ее къ фаунѣ этой рѣки, то въ числѣ печорскихъ рыбъ надо бы считать и обскаго осетра. Когда я уже возвращался съ низовій Печоры, между всѣми припечорскими жителями разнесся слухъ, что у острова Бугаева, верстахъ въ ста ниже Усть-Цильмы, рыбаки поймали неведомъ трех-пудоваго осетра, — рыбу, доселѣ никогда еще невиданную въ Печорѣ. Мнѣ чрезвы-

чайно хотѣлось видѣть и приобрести эту рѣдкость, но когда я прибылъ къ Бугаевскому острову, то услышалъ, къ моему сожалѣнію, отъ самихъ рыбаковъ, поймавшихъ этого осетра, что они уже недѣли двѣ тому назадъ продали его мимо плившимъ чердынскимъ купцамъ за 26 руб. ассиг., потому что боялись, чтобъ онъ у нихъ не уснулъ. Такъ какъ осетру неоткуда было зайти въ Печору, какъ изъ Оби, то онъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ породѣ обскихъ осетровъ. Ежели поймали одного осетра, то очень возможно, что зашло ихъ въ Печору нѣсколько, а если бы они размножились здѣсь, подобно тому, какъ стерляди въ Двинѣ, то это было бы чрезвычайно счастливымъ обстоятельствомъ для здѣшнихъ жителей.

Изъ всѣхъ печорскихъ рыбъ имѣютъ промышленное значеніе — семга, только что поименованныя породы сигаго рода: сигъ, пелядь, чиръ, омуль и зельдь, нельма, также принадлежащая къ этому роду, и отчасти щука. Всѣ прочія рыбы, въ томъ числѣ и саурей, въ прокъ не употребляются и идутъ лишь въ непосредственное употребленіе мѣстныхъ жителей.

Семга идетъ въ Печору только однажды въ годъ, именно, начиная съ конца іюля; въ началѣ сентября ходъ ея въ эту рѣку изъ моря уже прекращается; по этому, къ 8 сентября ловцы всегда уже оставляютъ Болванскую губу. Какъ и осенняя семга бѣломорскихъ рѣкъ, здѣшняя семга въ ту же осень икры не мечетъ и поднимается весьма высоко вверхъ по Печорѣ, ибо ее ловятъ даже въ Вологодской губерніи. Изъ притоковъ Печоры сворачиваетъ она въ значительномъ количествѣ только въ Щугуръ, текущій съ Уральскаго хребта и впадающій въ Вологодской губерніи при селеніи Усть-Щугуръ, немного къ югу отъ столь извѣстной въ этомъ краю Брусяной горы. Въ Усть-Щугурѣ, говорятъ, вода такъ чиста, что дно ясно видно на глубинѣ трехъ сажень. Печорская семга, изъ всѣхъ сортовъ ея, идущихъ въ наши сѣверныя рѣки, самая вкусная и жирная. Величиною она также превосходитъ всѣ прочіе сорта; 30-ти фунтовыя семги здѣсь очень обыкновенны, а менѣе 15 фунтовъ составляетъ уже рѣдкость. Въ нынѣшнемъ году, когда семги было очень мало и она была мельче обыкновенной, я видѣлъ, однакоже, одну въ 1 пудъ 13 фунт. Одинъ же правдивый человекъ сказывалъ мнѣ, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ онъ самъ видѣлъ пойманную въ Печорѣ семгу вѣсомъ въ 2 пуда 15 фунтовъ. Такъ какъ такіе примѣры приводятся и изъ другихъ странъ, то нѣтъ причины не вѣрить этому показанію.

Всѣ печорскія породы сигаго мечутъ икру въ началѣ зимы, — по словамъ жителей, въ ноябрѣ и въ декабрѣ. Въ это время, рыбаки, какъ рассказываютъ они сами, ставятъ пуцальницы въ озерахъ надъ каменистыми мѣстами, и имъ попадаютъ сизи, чирь и пеляди, у которыхъ икра уже такъ разжижена, что свободно вытекаетъ изъ рыбы. Дѣйствительно, въ началѣ сентября я видѣлъ у всѣхъ сигаго породъ, что икра была уже очень развита, но еще тверда, такъ что ясно было, что ей оставалось нѣсколько времени до полной зрѣлости; къ началу же весны, какъ рассказываютъ здѣшніе рыбаки, икры у сигаго породъ уже не бываетъ. Чтобы выметывать ее, ищутъ онѣ всегда песчаное дно и идутъ — однѣ вверхъ по рѣкамъ, другія же сворачиваютъ въ озера. Изъ всѣхъ этихъ породъ одинъ только омуль совершаетъ правильныя періодическія путешествія изъ моря въ рѣку и, выметавъ икру, спѣшитъ возвратиться въ море. Онъ идетъ въ Печору нѣсколько позже семги, именно съ начала августа. Въ нынѣшнемъ году самый сильный ходъ ихъ былъ въ концѣ этого мѣсяца. Изъ притоковъ Печоры омули болѣе всего сворачиваютъ въ Усу. Въ озера они почти никогда не заходятъ и по этому мелкихъ омулей никогда не попадаетъ въ мелководныя сѣти,

разставляемыя въ вискахъ. Въ Печорѣ они также не попадаютъ, но здѣсь можетъ быть потому, что тутъ частыя сѣти мало употребляются. Но въ рѣкахъ, впадающихъ въ океанъ восточнѣе Печоры, какъ, напримѣръ, въ Песчанкѣ, устье которой близъ острова Варандея, ловятъ мелкихъ омульковъ весною (т. е. около Петрова дня); осенью ихъ уже не попадаетъ. Изъ этого можно, кажется, заключить, что омулевые мальки зимуютъ въ рѣкахъ и только на слѣдующее лѣто уходятъ въ море, чтобы возвратиться оттуда уже не ранѣе полной зрѣлости. Въ эту же Песчанку, также какъ и въ рѣки: Черную, Грѣшную и другія, омули начинаютъ подниматься гораздо ранѣе, нежели въ Печору, а осенью идутъ уже обратно изъ нихъ въ океанъ. Это послѣднее обстоятельство извѣстно изъ того, что здѣсь существуетъ дурной обычай перегораживать рѣки сѣтями (*), и осенью тянутъ неводами не ниже, а выше этой преграды. Ранній ходъ омулей въ эти рѣки объясняется тѣмъ, что онѣ вскрываются не ранѣе половины іюля, иногда же къ концу этого мѣсяца, а мерзнутъ уже въ сентябрѣ; слѣдовательно, войдя въ эти рѣки мѣсяцемъ ранѣе, чѣмъ въ Печору, они только что успѣютъ воротиться въ море до морозовъ и во время такъ называемой здѣшней весны, которая здѣсь сливается и съ лѣтомъ, и съ осенью, находятъ ту же температуру, какую въ августѣ въ Печорѣ, которая, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ о вскрытіи этой рѣки у деревни Никитцы, въ 4-хъ верстахъ выше Куи, самаго сѣвернаго изъ Печорскихъ селеній, съ 1833 по 1859 годъ (съ пропускомъ нѣсколькихъ годовъ), освобождается отъ льда среднимъ числомъ 24-го мая (самое раннее вскрытіе было въ 1855 году 3-го мая, самое же позднее 8-го іюня въ 1841 и 1858 г.). Къ сожалѣнію, о замерзаніи этой рѣки у меня есть свѣдѣнія только за три года, именно: въ 1839 г. она стала 25 октября, въ 1840 г. 30-го сентября, въ 1847 г. 28-го сентября, о нынѣшнемъ 1859 году мнѣ извѣстно только, что она стала позже первой недѣли октября. Изъ этого видно, что Печора по крайней мѣрѣ 3-мя недѣлями ранѣе вскрывается и на столько же позже становится, чѣмъ небольшія рѣки, впадающія въ океанъ между ею и Карою. Прочія сиговыя породы не совершаютъ столь правильныхъ путешествій изъ моря въ рѣки и обратно, какъ омули, хотя передъ наступленіемъ времени метанія икры и идутъ вверхъ по рѣкамъ или въ озера. Всѣ онѣ не имѣютъ, такъ сказать, опредѣленнаго мѣста жительства, а суть вмѣстѣ и морскія, и рѣчныя, и озерныя рыбы, только не въ одинаковой степени предпочитаютъ эти различныя мѣстопребыванія. Въ каждомъ изъ этихъ видовъ нѣкоторыя особи возвращаются въ море, другія же остаются постоянно въ рѣкахъ, и также точно переходятъ изъ озеръ въ рѣки и обратно, или живутъ и постоянно въ озерахъ. Ближе всѣхъ къ омулю подходитъ, по образу жизни, зельдь, ибо она тоже идетъ стаями изъ моря и въ озера почти не заходитъ; но и ее во всякое время года можно поймать въ Печорѣ, — она также сворачиваетъ въ большомъ количествѣ въ рѣку Усу. За нею слѣдуетъ нельма, которая также чрезвычайно рѣдко заходитъ въ озера; однакоже я самъ видѣлъ небольшихъ нельмъ, пойманныхъ въ Голодной губѣ. Во всякомъ случаѣ, онѣ не живутъ въ озерахъ. Пелядь и печорскій сигъ суть на столько же рѣчныя, какъ и озерныя рыбы, и мечутъ икру какъ въ рѣкахъ, такъ и въ озерахъ; наконецъ, чирь — почти исключительно озерная рыба — не только здѣсь достигаетъ своей наибольшей

(*) Хотя это перегораживаніе рѣкъ, при обратномъ ходѣ рыбы, и далеко не столь вредно, какъ во время подъема ея по рѣкамъ, но все таки нельзя его похвалить, потому что такимъ образомъ ловится тощая и дурнаго сорта рыба, которая, отдохнувъ въ морѣ, приняла бы къ слѣдующему году гораздо лучшія качества.

величины, но въ настоящей Печорѣ (т. е. большой и малой) никогда не ловится, а попадаетъ только въ шарахъ, гдѣ теченіе медленнѣе; онъ встрѣчается, однакоже, и въ морѣ, по крайней мѣрѣ близъ устьевъ Печоры, шарами которой заходитъ въ озера. Что касается до саурей, то онъ и нагыши попадаютъ только въ Голодной губѣ и шарахъ, соединяющихъ ее съ Печорою и съ моремъ.

2. СПОСОБЫ И ОРГАНИЗАЦІЯ ЛОВА.

Орудія лова на Печорѣ просты и не разнообразны. Это:

1) *Невода* — отъ 100 до 400 сажень длиною и не болѣе 4-хъ сажень вышиною. Ихъ шпиваютъ изъ нѣсколькихъ сѣтей, каждая длиною въ 10 сажень, и съ ячеями въ $1\frac{1}{8}$ вершка, которыя въ матицѣ уменьшаются до $\frac{3}{4}$ вершка. По краямъ матицы шпиваютъ сѣть со столь же частыми ячеями; если это цѣлая сѣть въ 10 сажень, то такой неводъ называется съ *моромомъ*, если же только кусокъ сѣти въ сажень или въ полторы, то это будетъ неводъ съ *рытломомъ*. Ими ловятъ преимущественно въ дачахъ Усть-Цылемской волости и въ верхней части Пустозерской, какъ семгу, такъ и прочую рыбу. Зельдяные невода не длиннѣе 100 или 150 сажень, и ячеи ихъ въ $\frac{1}{2}$ вершка въ квадратѣ, а въ матицѣ еще мельче.

2) *Поплавни* семожбы большею частью въ 200 сажень длиною, такъ что рѣдко равняются $\frac{1}{3}$ ширины рѣки. Они шпиваются обыкновенно изъ 10-ти — 20-ти саженныхъ сѣтей, съ ячеями около 2 вершковъ въ квадратѣ. Свободный плавающий конецъ ихъ поддерживается здѣсь, вмѣсто боченка, особливаго устройства поплавокъ, называемымъ *матафаномъ*. Семга ловится ими болѣе въ низовьяхъ Печоры. Поплавнями же съ частыми ячеями ловятъ здѣсь и омулей.

3) *Переметы* — ставныя сѣти изъ той же сѣтной ткани, какъ и поплавни. Ими производится морской ловъ семги. Они выставляются по мелкимъ мѣстамъ, начиная отъ берега и перпендикулярно къ нему до 3,600 сажень въ глубь моря. Для этого вбиваютъ въ дно колья въ 10 саженяхъ одинъ отъ другаго. Переметы отъ 40 до 50 сажень каждый на саду, т. е. не растянутые, а на сборкахъ привязываютъ къ верхней и нижней веревкѣ (тетивѣ) и счаливаютъ между собою, связавъ мѣстахъ въ трехъ или четырехъ ячею съ ячеею. Потомъ верхнюю тетиву, наворачиваютъ на колья, не привязывая къ нимъ, а къ нижней привѣшиваютъ камни. Вся линія этихъ переметовъ, навѣшанныхъ на вбитые колья, называется *тоною*. Въ тихую погоду осматриваютъ эти тони, при хорошемъ ловѣ рыбы, ежедневно, для чего приподымаютъ съ лодки переметы, только висящіе на кольяхъ, а ни внизу, ни по срединѣ къ нимъ не привязанные. Когда снимаются съ лова, то обрубаютъ колья у самой верхушки, чуть-чуть по ниже того мѣста, гдѣ наверху на нихъ тетива. Такимъ образомъ, переметы падаютъ вмѣстѣ съ небольшими чурочками, т. е. верхушками кольевъ. По этому, сниматься съ тони называютъ здѣсь *ссыкатся*.

4) *Пуцальницы* — также ставныя сѣти, употребляемыя для лова въ озерахъ, а зимою и въ рѣкахъ. Онѣ имѣютъ отъ 15 до 20 сажень въ длину, съ ячеями въ 1 и въ $1\frac{1}{4}$ вершка въ квадратѣ; къ нижней тетивѣ ихъ привязываются камни на особливыхъ веревочкахъ, называемыхъ *камушницами*. Лѣтомъ навѣшиваютъ ихъ на вбитые въ дно колья, а зимою опускаютъ подъ ледъ, привѣшивая, посредствомъ сдѣланныхъ изъ дранокъ колецъ, къ перекладинамъ, которыя кладутся черезъ проруби.

Этими пушальницами перегораживают иногда зимою рѣки съ берега на берегъ, что, безъ сомнѣнія, должно быть запрещено, какъ и всякое перегораживаніе рѣки чѣмъ бы то ни было.

5) *Уды*. Онѣ привѣшиваются къ перекладинамъ и спускаются въ проруби, главнѣйше для лова налимовъ.

6) *Заборы*. На нижней Печорѣ, по причинѣ огромной ширины ея рукавовъ, заборовъ не существуетъ, но плававшіе на чердынскихъ каюкахъ вверхъ по этой рѣкѣ говорятъ, что въ Вологодской губерніи по верхней Печорѣ устроены совершенно сплошные заборы, въ которыхъ отворяютъ ворота лишь для пропуска каюковъ. Такъ какъ семгѣ, чтобы дойти до этихъ мѣстъ, нужно проскользнуть уже мимо множества опасностей, и такъ какъ небольшое число дошедшее сюда уже достигло своей цѣли и можетъ выметывать икру, то чѣмъ меньше будутъ ее здѣсь ловить, тѣмъ лучше. По этому, мнѣ кажется полезнымъ совершенно запретить заборы въ верхней Печорѣ. Въ этомъ убѣжденіи подкрѣпляетъ меня еще то, что прибрежные жители этой части Печоры не могутъ получать большихъ выгодъ отъ лова незначительнаго количества семги, тѣмъ болѣе, что могутъ продавать ее, по необходимости, дешевою цѣною лишь однимъ чердынцамъ, возвращающимся съ низовьевъ этой рѣки и, слѣдовательно, запасшимся уже нужнымъ для нихъ количествомъ этой рыбы.

Еще болѣе вреда, чѣмъ печорскіе заборы для семги, приносятъ, можетъ быть, для разныхъ породъ бѣлой рыбы тѣ заборы, которые устроиваются по вискамъ въ низовьяхъ этой рѣки. Вотъ какъ дѣлается это въ самой значительной изъ этихъ високъ, въ такъ называемой Великой Вискѣ, впадающей въ Печору при селеніи Великовисочномъ, самомъ верхнемъ и самомъ многолюдномъ во всей Пустозерской волости. Именно эту виску избралъ я еще потому, что вслѣдствіе различныхъ мѣстныхъ условій, заборы, перегораживающіе другія виски, не могутъ имѣть столь вреднаго вліянія, какъ здѣшніе. Такъ какъ теченіе виски очень слабо, и она мелка, то заборы состоятъ изъ пучковъ еры (*), втыкаемыхъ въ дно плотно другъ къ другу; для укрѣпленія они привязываются къ горизонтальной перекладинѣ. По серединѣ забора оставляется промежутокъ, въ который вставляется мѣрежка, т. е. просто четырехугольный мѣшокъ изъ мелкоячейной сѣти (ячей имѣютъ $\frac{1}{2}$ дюйма въ квадратѣ), въ который вставлено лишь такъ называемое горло, т. е. воронка изъ сѣти. Мѣшокъ этотъ не растянуть даже на обручахъ, потому что мѣрежками ловятъ покатную рыбу, т. е. плывущую внизъ по вискѣ, а потому его ставятъ отверстіемъ противъ теченія, которое само достаточно распираетъ ее. Каждый день вытрасаютъ изъ этихъ мѣрежекъ рыбу въ лодки. Первый заборъ устроенъ въ верстѣ выше деревни, гдѣ виска течетъ однимъ русломъ, и перегораживаетъ его съ берега на берегъ. Онъ считается общественнымъ, потому что рыба, попадающаяся въ него, раздѣляется ежедневно по душамъ. Она идетъ лишь на непосредственное употребленіе; остающійся же излишекъ солится въ прокъ для себя же. Этотъ заборъ дѣлается общими средствами, какъ только спадетъ весенняя вода. Противъ самаго селенія, гдѣ виска раздѣляется при мелководьѣ на рукава, устроиваетъ, когда вода совсѣмъ уже упадетъ, т. е. во второй половинѣ августа, каждый, кому только угодно, свой заборъ. Когда я ѣхалъ внизъ по Печорѣ, ихъ было только 13, когда же я возвращался, то ихъ было уже болѣе тридцати, такъ что на каждомъ

(*) Такъ называются различныя породы растущихъ здѣсь ивъ, которыя всѣ кустарниковыя и представляютъ ту особенность, что листьями покрыта лишь нижняя часть куста, а надъ нею возвышаются сухія, безлистные вѣтви, такъ что все растеніе кажется какъ бы въ два этажа, изъ коихъ нижній — зеленый, меньше верхняго — чернубураго.

изъ рукавовъ стояли они густою колонною одинъ за другимъ. Хотя они устроены кое-какъ, и при небольшомъ возвышеніи воды остается между ними и берегомъ свободная полоса воды, однако можно сказать, что сквозь весь рядъ ихъ рѣдкой рыбѣ удастся пройти. Изъ разсказовъ здѣшнихъ жителей, нисколько не скрывающихъ этого способа лова и не подозревающихъ въ немъ чего либо вреднаго или запрещеннаго, я уже зналъ, что такимъ образомъ ловится преимущественно мелкая рыба, однакоже на возвратномъ пути, когда заборный ловъ былъ въ полномъ ходу, я полюбопытствовалъ посмотрѣть на однодневный уловъ у общественнаго забора до раздѣленія его по домамъ. Уловъ состоитъ преимущественно изъ сижковъ и пелядокъ въ палець длиною, и такой-то рыбы, въ уловное время, попадаетъ въ одинъ общественный заборъ (конечно самый прибыльный) отъ 10 до 20 пудовъ въ сутки. Крупной въ этомъ числѣ очень немного. Этотъ губительный ловъ основанъ на слѣдующихъ условіяхъ здѣшней мѣстности, дѣлающихъ его еще болѣе вреднымъ. Великая виска вытекаетъ изъ озера Яралды, и, въ продолженіе теченія ея, въ нее впадаютъ многія рѣчки, тоже вытекающія изъ озеръ. Весною вода изъ Печоры и притока ея Сули переливается во все эти озера и съ нею вмѣстѣ заходитъ въ нихъ рыба, частію чтобы метать тогда же икру (щуки, сазановидныя рыбы, окуни и ерши), частію же — отыскивать себѣ пищу, и осенью возвращается въ рѣки. Но тогда уже вода сбыва, и ей остается одинъ лишь путь — Великая виска, гдѣ ее почти всю перехватываютъ тридцатью упомянутыми заборами. Это было бы еще небольшою бѣдою, если бы такимъ образомъ ловилась одна крупная рыба; но часть сиговъ и пелядей остается въ озерахъ на осень и мечетъ тамъ икру. Кромѣ этой мелкой рыбы, народившейся въ самыхъ озерахъ, еще больше заходитъ въ нихъ такой, которая вывелась въ рѣкѣ прошедшею зимою и, съ наступленіемъ весны, стремится въ озера, потому что тамъ и болѣе пищи, пригодной для молодыхъ рыбокъ, и — что также необходимо для мальковъ — вода теплѣе и убѣжища спокойнѣе, чѣмъ въ Печорѣ. И та, и другая молодая рыба возвращается осенью въ рѣки, и тутъ-то ее почти всю перелавливаютъ жители Великовисочнаго селенія, которые воображаютъ еще, что поступаютъ весьма экономно, употребляя на свои непосредственныя нужды негодную для вывоза мелочь и тѣмъ сберегая крупную рыбу на продажу. Этотъ безумный ловъ совершенно походить на производимый въ истокахъ волжскихъ ильменей, и если тамъ уже, при баснословномъ почти изобиліи рыбы, онъ не можетъ быть терпимъ, то съ тѣмъ болѣею строгостью долженъ онъ быть запрещенъ въ печорскихъ водахъ, и безъ того уже не слишкомъ-то богатыхъ рыбою.

Организація печорскаго лова совершенно различна въ двухъ волостяхъ, занимающихся имъ, Пустозерской и Усть-Цылемской. Это различіе зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ: 1) Отъ того, что въ части Печоры, принадлежащей низовой Пустозерской волости, рыбы гораздо больше, чѣмъ въ верхней ея части, принадлежащей Усть-Цыльмѣ. 2) Для жителей Пустозерской волости рыболовство составляетъ главный источникъ доходовъ: хлѣбопашества нѣтъ вовсе, скотоводство незначительно, оленеводство же есть достояніе немногихъ богатыхъ семействъ. Въ Усть-Цыльмѣ, совершенно на оборотъ, рыболовство составляетъ только подспорье другимъ источникамъ доходовъ, преимущественно скотоводству и земледѣлію. Обѣ эти причины требуютъ, чтобы выгоды отъ рыболовства были гораздо равномернѣе распределены въ Пустозерскѣ, чѣмъ въ Усть-Цыльмѣ. 3) Населеніе Пустозерской волости разсѣяно въ 17 деревняхъ на пространствѣ 120 верстъ отъ деревни Великовисочной до Куи, лежащихъ при томъ при различныхъ рукавахъ Печоры, какъ на материкѣ, такъ и на островахъ. Между тѣмъ двухъ-тысячное населеніе Усть-Цылемской волости все сосредоточено въ одномъ селѣ Усть-Цыльмѣ,

въ которомъ 300 дворовъ и которое послѣ Архангельска едва ли не самое населенное мѣсто въ губерніи, ибо богатая 6-ти тысячная Ижемская волость состоитъ изъ множества отдѣльныхъ деревень. По этому, каждая изъ пустозерскихъ деревень можетъ получать бѣльшую часть своихъ рыболовныхъ дачъ въ своемъ сосѣдствѣ, тогда какъ Усть-Цылемы необходимо должны разсѣяться для рыболовства по всему 250-верстному протяженію принадлежащей имъ части Печоры. 4) Наконецъ, у Пустозерска есть и морскія дачи, которыхъ нѣтъ у Усть-Цыльмы. Ловъ въ нихъ долженъ быть, конечно, совершенно иначе устроенъ, нежели въ рѣкѣ.

Начну съ болѣе важнаго пустозерскаго лова. При ревизіи собираются въ городокъ, т. е. собственно въ Пустозерскъ, хозяева семействъ изъ всѣхъ 17 деревень, которыя по порядку сверху внизъ, или съ юга на сѣверъ, суть: слѣва, или по малой Печорѣ, и на ближнихъ къ ней островахъ: Велико-височная (самая населенная изъ всѣхъ, имѣетъ слишкомъ 120 душъ), Лабоско, Оксина, Голубково, Бѣдовъ, Сопка, Нарыга и Андегъ, а справа, или на большой Печорѣ: Палемецъ, Городокъ, Устье, Тельвиска, Юкушецъ, Макарово, Никитца, Куя и Пойлово. Всѣ жители ихъ раздѣляются на десять сотенъ; въ какой деревнѣ не хватаетъ ста душъ, къ той прибавляютъ изъ другихъ. Потомъ опредѣляютъ, сколько имѣть поплавней на каждую сотню и въ какихъ мѣстахъ. Мѣста эти назначаютъ такъ, чтобы каждой сотнѣ не всѣ они достались по близости тѣхъ деревень, изъ которыхъ она составлена, а нѣкоторыя выше, другія же ниже ихъ, для уравненія, по возможности, шансовъ улова, такъ чтобы и верхняя сотня пользовалась болѣе богатымъ низовымъ ловомъ, и нижнія получили бы нѣсколько менѣе выгодныхъ мѣстъ въ верховьяхъ всей дачи. Каждая сотня распредѣляетъ потомъ пришедшіеся ей участки между составляющими ее деревнями. Такъ, на примѣръ, деревня Никитца имѣетъ: два полавня въ границѣ своихъ дачъ, третій въ Юшинѣ (версть 70 ниже Никитцы), четвертый у Пылемца (версть 100 выше) и, наконецъ, пятый, состоящій изъ двухъ половинъ, именно $\frac{1}{2}$ полавня въ Куѣ и $\frac{1}{2}$ полавня у урочища Конецъ-Куста (гораздо ниже Куи). Далѣе, въ каждой деревнѣ распредѣляется по сколько душъ должно прійтись на полавень; при этомъ принимаютъ въ расчетъ одни лишь удобные участки. Такъ, на примѣръ, въ Никитцѣ, гдѣ 75 душъ, распредѣляются между ними сначала только первые три участка (два, лежащіе въ ихъ дачахъ, и третій Юшинской), такъ что къ каждому приписывается по 25 душъ, которые каждый годъ чередуются въ ихъ пользованіи. Четвертый — Пилемецскій — полавень отдается на Куйскую церковь, къ приходу которой принадлежитъ Никитца. Наконецъ, два полу-полавня, Куйскій и Конецъ-Кустскій, составляютъ добавочный полавень, — объ немъ скажу послѣ. На каждый полавень нужно, смотря по плесу, 5 или 6 работниковъ, и на столько же паевъ раздѣляютъ его, приписывая къ каждому паю по ровному числу душъ, которое, слѣдовательно, неодинаково для разныхъ полавней. Въ Никитцѣ, на примѣръ, приходится на пай по 5 душъ. У кого въ семьѣ 5 душъ, тотъ выставляетъ отъ себя работника, свою долю сѣтей, веревокъ и т. д., и пользуется полнымъ паемъ, у кого же нѣтъ 5 душъ, тотъ соединяется съ кѣмъ-либо другимъ, и они уже вмѣстѣ выставляютъ должное количество сѣтей и работника. Работники нанимаются (хотя бы онъ былъ изъ того семейства, которое его выставляетъ) за деньги, или изъ части въ уловѣ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ называются покрутчиками. Прежде покрутчики шли не менѣе, какъ изъ $\frac{1}{3}$ цѣлаго пая, теперь же идутъ и за $\frac{1}{4}$. Добыча дѣлится свѣжею, или уже послѣ посола, сначала на пай, а потомъ уже, если пай составной, дѣлится онъ по душамъ, за вычетомъ доли покрутчика. Добавочный полавень дѣлится отдѣльно отъ главныхъ, и изъ него также составляютъ нѣсколько паевъ; въ Никитцѣ также 5 паевъ, какъ и на главныхъ, слѣдовательно число душъ, которымъ

принадлежит пай, возрастает тутъ до 15. Обыкновенно этимъ поплавнемъ не ловятъ тѣ, которымъ онъ принадлежитъ, а продается ими тѣмъ, кому онъ сподручнѣе, и вырученныя деньги раздѣляются по душамъ.

Все сказанное здѣсь о распредѣленіи участковъ относится собственно къ рѣчному семожьему лову. Для распредѣленія омулевыхъ поплавней, придерживаются того правила, что гдѣ семожій поплавень, тамъ и омулевый. Но такъ какъ омули идутъ не по всѣмъ плесамъ, по которымъ идетъ семга, то въ такомъ случаѣ замѣняютъ ихъ неводами. Самая верхняя деревня — Великовисочная получаетъ на свою долю только тѣ полавни, которые придутся ей, въ низовьяхъ Печоры; въ ея же собственныхъ дачахъ, по мѣстнымъ условіямъ, полавни замѣняются неводами. Во всей Пустозерской волости считается теперь 40 рѣчныхъ семожныхъ поплавней и немногимъ менѣе омулевыхъ. Таково устройство пустозерскаго осенняго рѣчнаго лова. По количеству уловливаемой рыбы, онъ много уступаетъ весеннему, но за то несравненно превосходитъ его цѣнностью своихъ улововъ, состоящихъ главнѣйше изъ семги и омулей — самой дорогой изъ бѣлой рыбы, послѣ нельмы.

Весенній рѣчной ловъ — неводной и вольный, т. е. производится въ дачахъ каждой деревни, кому гдѣ угодно. Въ это время преимущественно ловятся сигъ, нельма, зельдь, щука и налимы. По существующимъ здѣсь обычаямъ, весенній уловъ идетъ собственно на хлѣбъ, вымѣниваемый у чердынцевъ на рыбу; осенній же покрываетъ главнымъ образомъ уплату податей и другія домашнія нужды.

Морскія тони распредѣляются совершенно независимо отъ рѣчныхъ, и при томъ тони въ Болванской губѣ отдѣльно отъ загубныхъ, такъ что всѣ получаютъ свои доли въ той и другой мѣстности. Въ Болванской губѣ 7 общественныхъ тонъ, слѣдующихъ въ такомъ порядкѣ отъ запада къ востоку: 1) *Селезеневка*, раздѣленная на 14 паевъ, 2) *Крестовая* — на 12 паевъ, 3) *Прилучная* и 4) *Носовая* — по 14 паевъ, 5) *Дресва* — 11 паевъ (двѣнадцатый принадлежитъ Спасо-Преображенской церкви въ Городкѣ), 6) и 7) двѣ тони на *Самондской*, каждая по 11 общественныхъ и одному церковному Спасо-Преображенскому паю. Такимъ образомъ, всѣхъ общественныхъ паевъ здѣсь 8, такъ что на пай приходится по 12, а на нѣкоторые по 13 душъ. Такія артели распредѣляются по тонямъ сначала по жребію, а потомъ чередуются въ пользованіи ими. Въ Загубѣ только 4 общественныхъ тони, каждая раздѣленная по 12 паевъ: 1) *Погорьлка*, 2) *Алексѣевка*, 3) *Черная рѣка* и 4) *Грѣшная рѣка*. На каждую изъ этихъ тоней приходится, слѣдовательно, четвертая часть всего пустозерскаго населенія, т. е. около 250 душъ, которыя ежегодно чередуются во владѣніи ими. Такъ какъ каждая тоня раздѣлена на 12 паевъ, то на пай приходится здѣсь по 21 душѣ. Каждая 12 или 13 душъ, имѣющія пай въ Болванской губѣ, и каждая 21 душа, владѣющія паемъ въ Загубѣ, высылаютъ по работнику, приходящееся на ихъ долю количество сѣтей и колевъ, лодку и хлѣбъ. За то получаютъ они $\frac{2}{3}$ всего улова, работникъ же, если нанялся изъ покрута, только $\frac{1}{3}$. Здѣсь доля покрутчика больше, чѣмъ на рѣчномъ ловѣ, потому что работа гораздо труднѣе и ему надо пробыть большую часть лѣта внѣ дома на пустынныхъ берегахъ моря. Впрочемъ, рѣдко бываетъ, чтобы партіи или артели посылали отъ себя работника и дѣлили потомъ между собою добычу. Обыкновенно они продаютъ свое право кому либо изъ богатыхъ крестьянъ, которыхъ много въ Пустозерской волости. Если кто скупить всѣ души пая, то дѣлежъ идетъ только между нимъ и его работникомъ, если же кто скупить часть, напримѣръ, 15 въ Загубской тонѣ, то остальные 6 участвуютъ во всѣхъ расходахъ и получаютъ $\frac{2}{3}$ того, что придется на 6 душъ изъ улова всего пая,

$\frac{1}{3}$ же и отъ нихъ идетъ покрутчику. Часто нанимаются работники и изъ за денегъ, рублей по 10 сер. за сходъ. Хотя въ хорошіе годы, когда на пай приходилось рублей по 200 ассигн., покрутчику приходится и вдвое больше этого (66 руб. сер.), но за то тутъ доходъ его вѣренъ, и онъ обезпеченъ отъ недолововъ, подобныхъ, напримѣръ, нынѣшнему, когда на пай не пришлось и по 2 пуда, т. е. менѣе чѣмъ по 12 руб. сер.

Кромѣ этихъ общественныхъ тоней, есть еще тони, какъ въ Болванской губѣ, такъ и въ Загубѣ, принадлежація духовенству Преображенской церкви въ Городкѣ и извѣстныя подъ именемъ Поповскихъ. Ихъ 6, именно—двѣ въ Болванской губѣ: 1) *Ковалева* съ 12 паями и 2) *Мелкая* съ 14 паями (изъ коихъ одинъ принадлежитъ Спасо-Преображенской церкви), и четыре въ Загубѣ: 3) *Гевка* съ 7-ю паями, 4) *Дресвянка* съ 4-мя паями, 5) и 6) *Кривогорлица* и *Плоская*, каждая съ 5-ю паями. Эти тони отдаются духовенствомъ въ наемъ по цѣнамъ, которыя въ хорошіе годы доходятъ до 1,200 руб. асс. за Мелкую, 175 руб. за Ковалеву, около 80 за Гевку, 15 за Дресвянку, и 35 руб. за Плоскую и Кривогорлицу вмѣстѣ, — что всего составитъ слишкомъ полторы тысячи рублей ассигнаціями. Въ 1859, плохомъ, году эти тони были отданы слишкомъ за 200 руб. сер., въ томъ числѣ одна Мелкая за 144 рубля.

Для лова въ озерахъ и вискахъ существуютъ тоже опредѣленные правила. Ближнія озера раздѣлены по деревнямъ. Приписанныя къ деревнѣ опять раздѣляются на двѣ или на три части, и такую часть владѣеть, по очереди, каждая половина, или треть населенія, ежегодно перемежаясь. Ловъ производится въ нихъ съ заморозковъ и продолжается всю зиму подледными неводами и пуцальницами. Каждая душа должна участвовать въ составѣ невода, доставляя для этого по сѣти, изъ которыхъ онъ спивается; если есть лишнія души, то на нихъ раскладываются подборы, веревки и прочія принадлежности лова. Если ловъ неводной, то всѣ ловятъ сообща и пойманную рыбу дѣлятъ поровну. Зимнимъ озернымъ ловомъ добываютъ преимущественно пелядей и чировъ. Зимомъ ловятъ также неводами и пуцальницами по шарамъ Печоры сига, а удочками налимовъ и щукъ. Этотъ ловъ вольный. Въ вискахъ, кромѣ лова заборами, ловятъ обыкновенно еще ниже ихъ неводами. Такъ, въ Великой вискѣ хозяева тянутъ каждый день по очереди и добытую рыбу ежедневно дѣлятъ по числу душъ. Тянувшій имѣетъ лишь то преимущество, что можетъ на выборъ взять себѣ до раздѣла 20 фунтовъ лучшей рыбы.

Въ Усть-Цылемской волости устройство и правила лова гораздо проще. Желаящіе ловить вмѣстѣ на одной тонѣ составляютъ артель и выбираютъ мѣсто для своего лова; при образованіи артели всякій можетъ къ ней пристать, и вообще это раздѣленіе на артели дѣлается полюбовно безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ. Осенью ловятъ однѣ артели неводами, другія поплавнями; послѣднія артели надѣются преимущественно на ловъ семги, первыя же на ловъ бѣлой рыбы: сига и омулей. Надо замѣтить, что для этихъ послѣднихъ въ Усть-Цылемскихъ дачахъ не держатъ особливыхъ, болѣе частыхъ, поплавней. Часто случается, что неводная и поплавная артели ловятъ въ одной и той же мѣстности. Какъ та, такъ и другая раздѣляются всегда на двѣ половины, изъ которыхъ каждая ловитъ поденно, между тѣмъ какъ другая просушиваетъ свои снасти. Уловъ дѣлится между членами артели свѣжею рыбою — вѣсомъ, сообразно количеству доставленныхъ каждымъ снастей. Потомъ каждый солить уже про себя, доставшуюся на его долю рыбу. Неводъ или поплавень или принадлежитъ весь одному семейству, если оно многочисленно, или бываетъ составной, т. е. принадлежитъ нѣсколькимъ

одинокимъ или малодушнымъ хозяевамъ, соединившимся вмѣстѣ. На неводъ нужно бываетъ отъ 5 до 6 работниковъ, считая въ томъ числѣ и женщинъ, и его закидываютъ отъ 8 до 10 разъ въ сутки, потому что онъ не длиненъ — рѣдко въ 200 сажень, узокъ и, слѣдовательно, скоро тянется. Поплавни здѣшніе обыкновенно меньше пустозерскихъ, и для дѣйствія имъ нужно три человѣка, изъ коихъ одинъ гребетъ, а двое выметываютъ; двое же и вытягиваютъ поплавень изъ воды въ лодку. Усть-Цылемскихъ неводоу и поплавей всего около трехъ сотъ. Такъ какъ отправившіеся на ловъ проводятъ на немъ вдали отъ своихъ домовъ мѣсяца два, а часто и цѣлое лѣто, если между весеннимъ и осеннимъ ловами не бываетъ перерыва, то они на каждой тонѣ устраиваютъ по нѣсколькимъ сплетеннымъ изъ прутьевъ сараевъ, которые покрываются толстымъ слоемъ свѣжей травы, и въ нихъ часто, живутъ со всѣмъ семействомъ. Эти зеленые шалаши чрезвычайно красивы на видъ. Пустозеры рѣдко дѣлаютъ себѣ такія временныя жилища, потому что большею частью ловятъ вблизи своихъ деревень. У тѣхъ и у другихъ строго соблюдается прекрасное правило не ловить по воскресеньямъ и праздникамъ. Въ эти дни каждая артель закидываетъ неводъ или поплавень только для того, чтобы добыть рыбы на варю. Если же случится, что при этомъ много попадетъ рыбы, то, или посоливъ ее на общій счетъ, или свѣжею посылаютъ въ свои деревни для раздачи бѣднымъ, преимущественно одинокимъ старухамъ, которыя не имѣютъ возможности принимать какого либо участія въ ловѣ. Нельзя довольно похвалить этого обычая, потому что, кромѣ своего нравственнаго достоинства, онъ весьма полезенъ и въ томъ отношеніи, что праздники становятся и для рыбы праздниками, въ которые она можетъ безпрепятственно подниматься все выше и выше по рѣкѣ. При весеннемъ и зимнемъ ловахъ въ рѣкѣ и при озерномъ ловѣ руководствуются въ Усть-Цыльмѣ тѣми же правилами, какъ и въ Пустозерскѣ.

3. ПРИГОТОВЛЕНІЕ И СЫТЬ РЫБЫ.

На Печорѣ вся рыба продается или мороженою, или соленою. Я имѣлъ уже случай упоминать о дурномъ приготовленіи этой послѣдней. Попавшая въ поплавень семга кладется между *тедасомъ*, т. е. настилкою, составляющею полъ лодки, и ея дномъ, чтобы эта бойкая рыба не могла биться. Приставъ къ берегу, ее обмываютъ, разрѣзаютъ и вынимаютъ у ней внутренности; но вмѣсто того, чтобы наполнять внутреннюю полость солью, какъ это дѣлается на Бѣломъ морѣ, рыбу только пересыпаютъ солью внутри и снаружи, даже не втирая въ клескъ, и кладутъ въ широкія бочки, вышина которыхъ почти равняется ихъ діаметру. Бочекъ этихъ употребляется два сорта, носящихъ названіе ижемокъ и мезенокъ, по мѣстамъ, гдѣ онѣ дѣлаются и откуда доставляются на Печору. Ижемка имѣетъ въ вышину 1 ар. $1\frac{1}{2}$ верш., въ діаметрѣ 1 ар. $1\frac{3}{4}$ верш., и вмѣщаетъ въ себя отъ 16 до 20 пудовъ рыбы, а мезенка вышиною $14\frac{1}{2}$ верш., въ діаметрѣ $13\frac{1}{2}$, и въ нее помѣщается отъ 10 до 12 пудовъ. Для укладки семги употребляютъ ижемки, и на цѣлую бочку приходится не болѣе какъ отъ 1-го до 2-хъ пудовъ соли. Если уловъ хорошъ, то рыбу дѣлятъ свѣжею; въ Усть-Цыльмѣ даже и всегда такъ поступаютъ, но пустозеры при дурныхъ уловахъ солятъ вмѣстѣ, а потомъ уже дѣлятъ или соленую рыбу, или вырученныя за нее деньги. Въ обоихъ случаяхъ бочки наполняются медленно, а пока не наполнятся, конечно не забиваются, но только покрываются рогожами. Между тѣмъ печерская семга изъ всѣхъ сортовъ ея самая крупная и самая жирная, а потому, требуя много соли для своей просолки, скоро портится. Со всѣмъ тѣмъ печорскіе рыбаки поступаютъ такъ съ своею

дорогою и лучшею рыбою вовсе не по невѣжеству или по небрежности, а потому, что этого требуютъ ихъ выгоды. Какъ только вскрыется ледъ, являются по Печорѣ каюки (родъ барокъ), принадлежащія чердынскимъ купцамъ. Они привозятъ хлѣбъ и вообще все нужное для печорскихъ жителей и въ обмѣнъ на это берутъ рыбу. Одни, нагружившись рыбою весенняго улова, возвращаются назадъ, другіе же остаются на осень. Эти послѣдніе и составляютъ единственныхъ покупателей печорской семги, которая потомъ развозится ими въ Казань, Пермь, Ирбитъ, Тобольскъ, однимъ словомъ по приуральскому краю. Только небольшое количество семги, пойманное послѣ отъѣзда чердынцевъ, везутъ сухимъ путемъ на оленяхъ въ Пинегу, на Никольскую ярмарку, откуда она идетъ частію и въ Петербургъ. Чердынцы, имѣющіе какъ монополию покупки семги по Печорѣ, такъ и монополию сбыта ея въ восточныхъ губерніяхъ Россіи, куда доставить ее больше не-откуда, вовсе неприхотливы на качество этого товара. Какъ только установится цѣна, зависящая отъ степени изобилія улова, они одинаково платятъ какъ за хорошую, такъ и за худую рыбу. Въ нынѣшнемъ году на Мелкой тонѣ (въ Болванской губѣ) одну бочку, какъ здѣсь выражаются, совершенно сквасили, т. е. сгноили, по признанію самихъ промышленниковъ, что уже очень много значить, а между тѣмъ эту бочку продали совершенно тою же цѣною, какъ и всю прочую семгу. А цѣна въ 1859 году была очень высокая; начавшись съ 19 руб. ассиг. пудъ, она возросла подъ конецъ, когда уже исчезла всякая надежда на увеличеніе лова, до 6 руб. 50 к. сер. За чѣмъ же послѣ этого стараться хорошо солить? Но этого еще мало. Покупая семгу, чердынцы вѣсятъ ее не вмѣстѣ съ бочкою, а одну сухую рыбу, вынувъ ее изъ рассола. Слѣдовательно: 1) чѣмъ кто больше положитъ соли, тѣмъ больше сдѣлаетъ совершенно бесполезнаго для себя расхода; 2) такъ какъ соль вытягиваетъ изъ рыбы водянистыя частицы и, соединясь съ ними, образуетъ рассоль и тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ больше ея положено, то этимъ сольщикъ уменьшитъ только вѣсъ своего товара.

Многіе утверждаютъ еще, что печорская семга столь нѣжна, что если ее очень круто посолить, то она слишкомъ много потеряетъ влажности и сдѣлается сухою. Не знаю, на сколько это справедливо, но мнѣ кажется, что это едва ли вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, чтобы навѣрное сохранить этой рыбѣ ея превосходныя качества, нужно бы прибѣгнуть къ копченію ея. Мы сейчасъ увидимъ, что введеніе этого послѣдняго способа приготовленія рыбы было бы полезно не для одной семги и было бы самымъ лучшимъ средствомъ къ возвышенію цѣнности здѣшней рыбы. Такъ рижская копченая семга пользуется весьма хорошею репутаціею за границу и идетъ преимущественно въ Гамбургъ, но, къ сожалѣнію, количество этой рыбы въ западной Двинѣ не велико. Но на Печорѣ, какъ и на Бѣломъ морѣ, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, этого улучшенія нельзя ожидать отъ самихъ крестьянъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы правительство взяло на себя устроить у нихъ образцовыя коптильни и научить ихъ искусному копченію.

Самою дорогою рыбою, послѣ семги, считается здѣсь омуль. Даже и тѣхъ омулей, которые ловятся во время морозовъ, не доставляютъ съ Печоры мороженными, потому что при первой оттепели они портятся и совершенно теряютъ свое достоинство. Солятъ ихъ болѣе въ мезенкахъ и на пудъ рыбы кладутъ 1½ фунта соли. При этомъ бросаютъ щепотку внутрь каждой рыбы и каждый рядъ ея пересыпаютъ солью. Въ бочкахъ лежатъ они рядами плашмя, такъ что спина правой вкладывается въ разрѣзанное брюхо лѣвой. Такимъ же манеромъ укладываютъ и всю прочую рыбу. Но

при солении омуль также теряет все свои качества и получает отвратительный запах особого рода. Чтобы употреблять его в пищу в этом виде, надо иметь привычку архангельских жителей, приобретенную с малолетства на треск и палтусинь. Между тем свежий омуль очень вкусная, нежная и жирная рыба, далеко превосходящая неважского сига, к которому она ближе всего подходит вкусом. Так как при том и количество ее (в Печоры по крайней мере) не очень велико, то она могла бы составить настоящий предмет роскоши, если бы ее стали коптить на манер петербургских сегов, приобретших себе такую славу, ибо, судя по аналогии с теми последними, это единственный способ придать омулям всю ту цену, на которую они могут иметь притязание по своим природным качествам. Я думаю, что компания с капиталом не больше как в 50,000 руб. сер. (или даже частный человек), которая употребила бы эту сумму на заведение хороших коптилен в одной из пустозерских деревень, ближайших к устью Печоры и на наем искусных копильщиков, могла бы получить значительная для себя выгоды и в тоже время оказала бы большое благодеяние краю, освободив его, хотя отчасти, от монополии чердынцев. В выгоды этого предприятия может убедить следующий расчет. Пуд свежих омулей стоит на Печоры, даже в нынешний неурожайный год, около 1½ руб. сер. Если предположить, за неимением точных данных, что через соление и копчение омуль потеряют половину своего веса, то на пуд копченых омулей надо будет употребить два пуда свежих; издержки на копчение нельзя положить выше 1 руб. с пуда; привоз пуда до Петербурга обходится не дороже 1½ рубля, но положим, для большей верности, даже 2 рубля. Следовательно, пуд копченых омулей обойдется, с доставкой в Петербург, не дороже 6 руб. сер. Если продавать их по 25 к. сер. фунт, т. е. дешевле неважских сегов, то с пуда очистится прибыли 4 рубля. В самый неурожайный год, как, например, нынешний, все же можно накопить их не менее 1,000 пудов, и едва ли можно сомневаться в сбыте 40,000 (*) копченых омулей. Но действия компании не должны бы ограничиться одними омулями. Кроме их, можно бы коптить еще семгу, нельму и сельдей. О семге я уже говорил. Если нельма и не совершенно тождественна, то во всяком случае очень близка к волжской бѣлорыбице, а известно, как высоко ценится провѣсная бѣлорыбца, т. е. приготовленная на манер балыков. Этот способ приготовления нельмы, по свойствам печорского климата, вероятно не может удалиться, но рыба эта едва ли что потеряет от замены провѣшивания копчением, которое, если мало употребительно на Волге, то потому лишь, что провѣсной бѣлорыбицы очень много требуется как приправы к ботвинье. Копченая сельдь могла бы соперничать с копченою ряпушкой. Наконец, компания могла бы испытать, нет ли средств солить печорскую семгу так, чтобы и в этом виде она сохранила то преимущество над прочими сортами, которое имеет в свежем виде; в этом случае она могла бы продаваться дороже дшины и порога. Я не думаю, чтобы нынешняя Бѣломорская компания могла заняться этими улучшенными способами приготовления печорской рыбы, с выгодой для себя и с пользою для края, потому что круг ее действий и без того уже слишком обширен. Необходимое условие для выгодного сбыта продуктов, компаниею или частным лицом, есть, по моему мнению, учреждение для продажи их собственного депо, по крайней мере на первое время, пока не привыкнет к ним публика.

(*) Выше уже было замечено, что на пуд приходится 20 омулей. Это должно разуметь о вычищенных и посоленных уже, свежие же вѣсят обыкновенно до 3 фуп. штука.

Весеннюю рыбу также солить, какъ и омулей, только употребляютъ болѣе соли, именно на мезенку около 1½ пуда, а на ижемку 2 пуда. Весенняя рыба изъ большихъ породъ сигаго рода, преимущественно собственно сига, раздѣляется, по величинѣ, на два разряда: *отборъ* и *уловъ*. Отборомъ называется она тогда, когда въ ижемку укладывается посреди бочки не болѣе, какъ въ три ряда, *уловомъ* же, когда она мельче этого и укладывается въ 4 и болѣе рядовъ. Не разбирая породъ рыбы, отборъ продавался весной нынѣшняго года по 1 руб. сер. пудъ, а уловъ по 3 руб. асс. Щука, какавя бы ни была, идетъ цѣною за уловъ, налимъ же дешевле его. Нельма цѣнится всегда дороже отбора и нынѣшнею весной продавалась по 5 руб. асс. пудъ.

4. ИСЧИСЛЕНІЕ КОЛИЧЕСТВА ПЕЧОРСКАГО ЛОВА.

Если бы мы захотѣли опредѣлить количество и цѣнность печорскаго улова, то должны прибѣгнуть къ приблизительнымъ показаніямъ опытныхъ рыбаковъ, которымъ всегда извѣстно, по скольку кругомъ пришлось рыбы на пай. Вотъ результатъ собранныхъ мною такимъ образомъ свѣдѣній о количествѣ улова въ 1859 году въ пустозерскихъ дачахъ. Семги поймано менѣе 1,000 пудовъ, потому что не пришлось и по 2 пуда на пай; омулей можно положить тысячи двѣ пудовъ съ небольшимъ; весенній уловъ былъ гораздо изобильнѣе и должно быть около 20,000 пудовъ, потому что имъ нагрузилось 15 каюковъ, приблизительно по 1,500 пудовъ на каюкъ. Зимній уловъ можно положить — сказывали мнѣ свѣдущіе рыбаки — въ 5,000 пудовъ. Усть-Цылемскій ловъ всегда полагается въ половину противъ пустозерскаго. Переведа все это на деньги, будемъ имѣть: за семгу 6,000 руб. сер., за омулей 3,000 руб., — за весеннюю рыбу, — считая пудъ ея кругомъ по 90 коп. сер., потому что улова гораздо больше, нежели отбора, и щуки больше, чѣмъ нельмы, — 18,000 руб. сер., — за зимнюю рыбу, также кругомъ по 1 руб. сер. пудъ, 5,000 руб. сер.; итого 32,000 руб. сер. Считая на Усть-Цыльму вполнину противъ этого, придется 16,000 руб., итого 48,000 руб. сер., такъ что 50,000 руб. сер. можно считать наибольшею суммою, въ которую только можно оцѣнить доходъ отъ рыболовства, полученный въ 1859 году (*) жителями Пустозерской и Усть-Цылемской волостей. Это составитъ кругомъ 17 р. с. на душу; принявъ же во вниманіе населенность и изобиліе улововъ въ каждой изъ этихъ волостей, придется на каждаго пустозера по 34 руб. сер., а на каждаго Усть-Цылема по 8 руб. 50 коп. сер. Вдвое больше этого средняго дохода (17-ти руб. сер.) отъ рыболовства — уловъ, выведенный мною для Урала съ той еще разницею, что тамъ его хватаетъ на населеніе въ 12 разъ болѣе. Ежели мы примемъ еще во вниманіе, во сколько разъ ничтожный Ураль меньше громадной Печоры, то тогда только получимъ полное понятіе о томъ, на сколько наша крайняя юго-восточная европейская рѣка — Ураль — превосходитъ изобиліемъ рыбы нашу крайнюю сѣверо-восточную рѣку — Печору. Если бы, вмѣсто

(*) Количество семги собственно нужно бы было принять для Пустозерска въ 800 пудовъ, а для Усть-Цыльмы въ половину противъ этого въ 400 пудовъ, всего 1.200 пудовъ — цѣною на 7,200 руб. сер., а не на 9,000 руб., какъ принято у меня, но на одной топи у самой деревни Усть-Цыльмы семожій ловъ былъ очень изобилень, такъ что отъ этого въ 1859 году весь усть-цылемскій уловъ мало чѣмъ уступалъ пустозерскому, и я принимаю его въ 700 пудовъ. По этому, цѣнность осенняго пустозерскаго улова составила бы не 9,000, а только 7,800 руб. сер., а усть-цылемскаго не 4,500, а 5,700 рублей серебромъ. Но въ расчетахъ, имѣющихъ столь мало притязаній на точность, какъ представляемый мною, это можно оставить безъ вниманія; при томъ же общая цѣнность улововъ отъ этого перестановленія не измѣняется.

цѣнности улововъ, мы взяли количество ихъ, то пришли бы почти къ тому же результату. Немного измѣнился бы онъ, если бы вмѣсто 1859, неуловистаго для Печоры года взяли болѣе уловистые года прошедшаго времени, потому что и на Уралѣ — лѣтъ двадцать, тридцать тому назадъ — уловы были гораздо изобильнѣе, чѣмъ въ тѣ годы, за которые выведенъ мною средній доходъ, доставляемый этою рѣкою; но въ обоихъ случаяхъ болѣе высокая цѣна вознаграждаетъ недостатокъ въ количествѣ рыбы. Въ самомъ дѣлѣ, весенній и зимній уловы 1859 года на Печорѣ, по словамъ самихъ рыбаковъ, могутъ быть приняты за нормальные. Постараемся же опредѣлить наибольшій уловъ въ ней семги. Одинъ весьма знающій дѣло, разсудительный и грамотный печорскій промышленникъ изъ деревни Никитцы, Андрей Хайминъ, говорилъ мнѣ, что лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, слѣдовательно, около 1847 года, былъ самый обильный ловъ на памяти нынѣшняго поколѣнія, и что тогда досталось кругомъ на пай по 50 пудовъ семги (были и такіе, на которые приходилось и по 100 пудовъ, — но были также такіе, уловъ которыхъ былъ очень незначителенъ). По этому разсчету, пришлось бы оцѣнить весь уловъ семги въ этомъ году въ 20,000 пудовъ. Но надо вспомнить, что съ того времени было двѣ ревизіи и что при каждой ревизіи число паевъ увеличивается, такъ что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ было значительно менѣе 400 паевъ. По этому, я принимаю за вѣроятнѣйшее — показаніе другаго рыбака, опредѣлившаго мнѣ наибольшій уловъ семги въ Пустозерскѣ, бывшій на памяти теперяшняго поколѣнія, въ 15 или 16,000 пудовъ. Мнѣ не могли въ точности опредѣлить цѣну семги въ этомъ году. Было время, когда эта цѣна не превышала 1 руб. 50 коп. асс. за пудъ, но это было, должно быть, еще ранѣе. Но если мы примемъ и 1 руб. сер., то цѣнность общаго улова увеличится не болѣе, какъ на 10,000 р. с.

Говоря о мезенскомъ уловѣ семги, я сказалъ, что на Печорѣ замѣчается не постоянное уменьшеніе этой рыбы, а періодическое измѣненіе въ ея количествѣ. Кромѣ того, что наибольшій уловъ ея печорскіе рыбаки относятъ не къ давнопрошедшему времени ихъ молодости, а только лѣтъ за двѣнадцать тому назадъ, Хайминъ и многіе другіе сказывали мнѣ, что, не смотря на ничтожный уловъ 1859 года, они запоминаютъ, что лѣтъ сорокъ слишкомъ тому назадъ былъ еще несравненно худшій, оставшійся во всеобщей памяти. Именно, тогда пришлось кругомъ не болѣе какъ по 30 фунтовъ на пай, которыхъ при томъ было гораздо меньше, вѣроятно въ половину противъ теперяшняго числа ихъ, такъ что весь уловъ нельзя положить выше 200 пудовъ. Послѣ этого года, говорятъ, стала рыба опять прибывать и довольно быстро, такъ что вскорѣ послѣдовалъ годъ, подобный бывшему двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Здѣсь сообщу еще одно замѣчаніе мѣстныхъ жителей. Они говорятъ, что хорошіе уловы слѣдуютъ за теплыми годами, а дурные за холодными. Такъ уловъ 1858 года былъ также дурной, хотя и лучше 1859 — и дѣйствительно, два предшествовавшіе года были, говорятъ они, холодные, что кажется справедливо, ибо время вскрытія Печоры пало въ 1857 году на 3 іюня (самое позднее изъ всѣхъ имѣющихся у меня за 21 годъ показаній), а въ 1856 году на 30 мая, слѣдовательно также 6 днями позже средняго ея вскрытія. Кромѣ этого, въ Екатеринбургѣ, ближайшемъ мѣстѣ, изъ котораго я имѣю теперь возможность сравнить температуру 1857 года съ среднею, выведенною за нѣсколько лѣтъ (на основаніи календаря за 1859 годъ и сочиненія академика Веселовскаго: «О климатѣ Россіи»), средняя температура 1857 года была — 5,16, тогда какъ общая средняя за 18 лѣтъ съ 1836 по 1853 г. составляетъ 0,43. Такъ какъ 1858 годъ, въ которомъ Печора вскрылась 16 мая, былъ теплый, то и ожидали, что 1859 годъ будетъ уловистъ. Но

дѣйствительность не оправдала надеждъ, и это объяснили тѣмъ, что для избытка появленія рыбы недостаточно одного предшествовавшего теплаго года. Но 1859 годъ былъ еще теплѣе 1858 года. Печора вскрылась 12 мая, да, кромѣ того, хлѣбъ вездѣ вызрѣлъ, даже у Чупрова (о которомъ я упоминалъ въ началѣ этого отчета), нѣсколькими минутами только южиѣ полярнаго круга. Если замѣчаніе припечорскихъ жителей имѣетъ какое нибудь основаніе, то 1860 годъ непремѣнно долженъ быть очень богатъ рыбою и очень любопытно будетъ имѣть объ этомъ свѣдѣнія (*). Я занялся разсмотрѣніемъ этого народнаго повѣрья потому, что, по теоретическимъ соображеніямъ, теплый годъ можетъ оказывать выгодное вліяніе, какъ на развитіе молодыхъ рыбъ, такъ и на быстрѣйшее и обильнѣйшее развитіе мелкихъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, слѣдовательно и на увеличеніе запаса питательныхъ веществъ.

Какъ ни приблизительны сообщаемыя мною здѣсь свѣдѣнія о количествѣ печорскихъ улововъ, но они имѣютъ, однако, ту степень точности, какой только возможно достигнуть при существующемъ здѣсь устройствѣ лова, не сосредоточенномъ въ рукахъ одного или немногихъ промышленниковъ, какъ въ Астрахани или на Курѣ, и не подлежащемъ контролю при вывозѣ рыбы, какъ на Уралѣ. При этомъ надо еще замѣтить, что показанія рыбаковъ, на которыхъ основаны мои исчисленія, нельзя считать преднамѣренно уменьшенными, потому что здѣшніе крестьяне, подобно бѣломорскимъ, очень откровенны во всемъ, что касается ихъ промышленности, какъ свидѣтельствуютъ всѣ посѣщавшіе здѣшній край, — и если бы въ основаніе моихъ показаній я принялъ глазомѣрную таксацію улововъ, то числа вышли бы менѣе приведенныхъ мною со словъ здѣшнихъ опытныхъ промышленниковъ. По этому эти числа должно скорѣе считать за крайніе наибольшіе, нежели за крайніе наименьшіе предѣлы печорскихъ улововъ. И вотъ еще подтвержденіе, какъ приблизительной вѣрности моего исчисленія, такъ и того общаго вывода, сдѣланнаго мною въ началѣ отчета, что наши сѣверныя рѣки не могутъ быть очень избытны рыбою. Г. Абрамовъ въ своемъ описаніи Березовскаго края, помѣщенномъ въ «Запискахъ Географическаго Общества», приводитъ количество рыбы, ловимой въ нижней Оби на пространствѣ 2,000 верстъ, протекаемыхъ ею по Березовскому уѣзду, за 1804 и за 1850 годы. Въ первомъ изъ этихъ годовъ было добыто до 160,000 пудовъ рыбы, во второмъ же около 140,000. Слѣдовательно, среднимъ числомъ добывается въ Оби до 150,000 пудовъ рыбы, — количество, совершенно ничтожное для такой огромной рѣки, если принять за масштабъ каспійскіе уловы, ибо въ одномъ Уралѣ ловится рыбы въ 8 разъ больше. Послѣ этого становится весьма вѣроятнымъ, что въ Печорѣ, находящейся въ весьма близкихъ къ Оби мѣстныхъ и климатическихъ условіяхъ, но гораздо меньшей ея (система рѣки Печоры обнимаетъ около 6,000, а система Оби около 50,000 квад. миль), уловъ не болѣе $\frac{1}{3}$ обскаго, какъ мною и было выведено. По этому, эти данныя могутъ имѣть по крайней мѣрѣ ту пользу, что должны послужить къ подорванію кредита тѣхъ неимовѣрныхъ преувеличеній, которыя разсѣяны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и даже въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и которыя, имѣя въ глазахъ какъ правительства, такъ и публики авторитетъ мѣстныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ людьми близко знакомыми съ краемъ, могутъ повести не только къ ложнымъ понятіямъ о мнимомъ богатствѣ страны, но и къ промышленнымъ предпріятіямъ, основаннымъ на чисто фантастической почвѣ. Въ подтвержденіе сказаннаго приведу

(*) При проѣздѣ моемъ черезъ Архангельскъ, на обратномъ пути изъ Норвегіи въ іюль 1861 г., я слышалъ, что дѣйствительно печорскій уловъ за 1860 годъ долженъ быть причисленъ къ избыточнымъ.

статью «*Съверный рыбный промыселъ, ожидающій разработки компаніями*», помѣщенную въ «Журналѣ для Акціонеровъ» и перепечатанную въ 25 № «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1857 годъ. Между прочимъ, въ ней сказано: «Ловъ семги составляетъ главную вѣтвь печорской рыболовной промышленности; онъ производится тремя печорскими волостями» (кромѣ Пустозерской и Усть-Цылемской, здѣсь разумѣется еще и Ижемская въ 6,000 душъ населенія, о ловѣ которой я не упоминалъ, такъ какъ онъ совершенно ничтоженъ), «но эти малолюдныя волости не въ силахъ вылавливать семги на всѣхъ печорскихъ и приморскихъ плесахъ, раскинутыхъ не по одной тысячѣ верстъ. По этому, во многихъ урочищахъ семга остается безъ улова. Однако ежегодно съ Печоры, за домашнимъ обиходомъ, вывозится болѣе 20,000 пудовъ этой рыбы». И далѣе: «но по натуральному качеству роскошная печорская семга, маринованная, копченая или посоленная и упакованная съ голландскимъ искусствомъ, найдеть вѣрный сбытъ на иностранныхъ рынкахъ. Тамъ она можетъ продаваться по 30 руб. асс. за пудъ, а какъ настоящій уловъ семги, съ притокомъ сюда капиталовъ, легко усилится вчетверо, то Большая земля, независимо отъ внутренняго потребленія, будетъ отправлять за границу одной семги на 1,800,000 руб.». Во всемъ этомъ справедливо только то, что свѣжая печорская семга дѣйствительно превосходна и что легко сбывать ее, даже въ теперешнемъ ея видѣ, не только на заграничныхъ, но и на внутреннихъ рынкахъ по 30 руб. асс., ибо въ нынѣшнемъ году она и на мѣстѣ продавалась по 22 руб. 75 коп. асс. Все же остальное — продукты: или горячей фантазій, или мѣстнаго патріотизма, или разсчета, какъ легко усмотрѣть изъ слѣдующаго: 1) въ Большой землѣ, т. е. въ запечорскомъ краѣ, семга ловится лишь въ Болванской губѣ и въ Загубѣ, далѣе же ея вовсе нѣтъ; 2) раздѣленные на 400 паевъ орудія лова Пустозерской волости и 300 Усть-Цылемскихъ поплавней и неводовъ вылавливаютъ семгу въ той мѣрѣ, что о ловѣ ея выше Усть-Цыльмы и говорить не стоитъ; 3) въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ можетъ быть было всего два, три года, въ которые уловы семги достигали 15 и 16,000 пудовъ и, вѣроятно, ни разу не доходили они до 20,000; 80,000 же пудовъ семги едва ли когда налавливалось, и едва ли можетъ когда пойматься не только въ печорскомъ краѣ, но и во всѣхъ моряхъ и рѣкахъ Россійской Имперіи, съ причисленіемъ къ семгѣ балтійскихъ, терекскихъ и куринскихъ лососей. Но и эти преувеличенія еще ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что говорится далѣе объ омуляхъ и нельмѣ. Первыхъ предполагаютъ возможнымъ добывать, при усиленномъ ловѣ, по 200,000 пудовъ въ годъ, нагружать ими по 10 кораблей и продавать на 2,000,000 руб. асс., вторыхъ же нагружать по нѣскольку кораблей безъ означенія числа. Въ 1859 же году, какъ мы видѣли, омулей было поймано три, много четыре тысячи пудовъ. Нельмы же ловятъ всегда меньше, чѣмъ омулей.

IV. ЛОВЪ ОСЕТРА ВЪ ОБИ.

Выше я имѣлъ случай показать, что и при тѣхъ средствахъ, которыми, безъ всякихъ преувеличеній, дѣйствительно обладаетъ печорскій край, онъ можетъ представить выгодное поле дѣйствій для промышленной компаніи съ умѣреннымъ капиталомъ, — выгодное какъ для нея, такъ и для мѣстныхъ жителей. Теперь я хочу обратить вниманіе на одну отрасль рыбной промышленности, которая можетъ доставить немаловажную выгоду нашему пустынному сѣверу, хотя и той части его,

которая выходит уже изъ границъ, на которыя должны распространяться изслѣдованія экспедиціи. Перечисляя живущихъ въ Печорѣ рыбъ, я упоминалъ о зашедшемъ туда изъ Оби осетрѣ. Если бы сама природа озаботилась пересадкою этой рыбы изъ Оби въ Печору, то это было бы, безъ сомнѣнія, однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для края; но думать объ искусственной пересадкѣ въ нее этой рыбы невозможно. Легче могла бы удасться пересадка каспійскаго осетра, изъ камской системы, по одному изъ волоковъ, существующихъ между нею и Печорою, но такъ какъ рыба эта, сама собою перешедшая въ Двину, въ ней однако не развелась, то остается весьма сомнительнымъ, чтобъ эта, болѣе южная порода осетроваго рода могла акклиматизироваться въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ и въ нашемъ сѣверномъ морѣ. Но за то развитіе осетроваго лова въ самой Оби и введеніе туда искуснаго приготовленія драгоценныхъ продуктовъ этой рыбы: икры и клея, могли бы оказать благодѣтельное вліяніе на побережье этой рѣки, и именно самой пустынной сѣверной ея части. Оттуда и теперь привозятъ ижемцы осетровъ на пинежскую ярмарку и они даже попадаютъ въ Петербургъ, но ни икры, ни клея тамъ выдѣлывать не умѣютъ. У г. Абрамова въ описаніи Березовскаго края значится, что въ Оби ловится до 7,000 пудовъ осетра, по тамошнимъ цѣнамъ на 9,100 р. сер., что можно назвать довольно хорошею цѣною; икры же выдѣлываютъ только 250 пудовъ на 1,000 руб. сер. и 30 пудовъ клея на 180 руб. сер. Изъ этого видно: 1) Что икры готовится слишкомъ мало, ибо обыкновенная пропорція ея къ вѣсу рыбы составляетъ 1 : 10. Происходитъ ли это отъ того, что главное время лова не хорошо выбрано, или отъ того, что у мороженой рыбы она не вынимается, во всякомъ случаѣ это большая потеря. 2) Что цѣна ея слишкомъ дешева, ибо даже ниже персидской икры, продающейя по 7 руб. пудъ; тогда какъ на Оби, по ея сѣверному положенію, можно готовить икру самаго лучшаго сорта и значительную частью болѣе дорогую — зернистую, сбывая ее въ Петербургѣ кругомъ по крайней мѣрѣ по 20 руб. сер. пудъ (въ Астрахани икра зимняго и осенняго улововъ продавалась до 24 руб. сер. за пудъ). 3) Что клей продается по 6 руб. сер. пудъ, т. е. дешевле сомовьяго (что, конечно, зависитъ отъ дурнаго его приготовленія), тогда какъ цѣна продажи хорошо приготовленнаго могла бы, безъ сомнѣнія, увеличиться въ 20 разъ. Такимъ образомъ съ икры и клея, вмѣсто 1,180 руб. сер., можно бы получить 17,600 руб. сер. (700 пудовъ икры по 20 руб. сер. 14,000 и 30 пудовъ клея по 120 руб. 3,600 руб. сер.).

Я заговорилъ объ этомъ потому, что представляется весьма легкій способъ ввести въ отдаленномъ березовскомъ краѣ улучшенное приготовленіе икры и клея, если только правительство захочетъ оказать этому дѣлу небольшое пособіе. Именно, нѣкто Степанъ Аввакумычъ Щепихинъ, государственный крестьянинъ Мезенскаго уѣзда, бывшій до истеченія 1859 года головою Лампожской волости, съ которымъ я познакомился во время поѣздки моею на Печору и который сообщилъ мнѣ много самыхъ основательныхъ свѣдѣній по предмету моихъ изслѣдованій, въ разговорѣ со мною изъявилъ мнѣ свое намѣреніе отправиться на Обь, какъ только освободится отъ службы головою, для вывоза оттуда осетровъ, икры и клея. Онъ уже прежде имѣлъ сношенія съ этимъ краемъ и хорошо знаетъ, какъ небрежно готовятся тамъ эти продукты. Такъ какъ онъ незнакомъ съ искуснымъ приготовленіемъ клея и икры, то, хотя, безъ сомнѣнія, и получилъ бы для себя нѣкоторыя выгоды отъ исполненія этого намѣренія, потому что, какъ бы икра и клей ни были приготовлены, все же можно продать въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Петербургѣ икру дороже 4 руб. за пудъ, а клей 6 руб. за фунтъ, но пользы краю отъ этого не было бы

никакой. По этому, я совѣтовалъ ему отправиться предварительно въ Астрахань и на Уралъ для ознакомленія съ способами улучшеннаго приготовленія икры и клея, что хотя и не трудно, однако все же требуетъ нагляднаго изученія. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что не имѣетъ средствъ употребить нѣсколько сотъ рублей и почти цѣлый годъ времени на поѣздки и прожитіе въ томъ краю. Тогда я предложилъ ему ходатайствовать о доставленіи ему этихъ средствъ, будучи убѣжденъ, что это самое вѣрное и легкое средство пересадить съ Каспійскаго моря на Обь искусство выдѣлки икры и клея. Если бы, по этому, дать Щепихину около 400 р. сер. и снабдить его казенною подорожною для поѣздки въ Астрахань и на Уралъ, то этимъ было бы большое пособіе развитію рыбной промышленности въ березовскомъ краѣ. Я полагаю, что необходимо ему посѣтить обѣ эти мѣстности, потому что на волжскихъ ватагахъ онъ можетъ изучить лучшій способъ приготовленія икры и клея, на Уралѣ же — ознакомиться съ ловомъ осетровъ и приготовленіемъ этихъ продуктовъ при тѣхъ условіяхъ, которыя гораздо ближе подходятъ, нежели волжскія, къ тѣмъ, въ которыхъ это дѣло можетъ производиться на Оби. Въ началѣ, конечно, воспользовался бы выгодами отъ этого преимущественно Щепихинъ, но въ скоромъ времени искусство приготовленія икры и клея, черезъ работниковъ его, перешло бы и къ живущимъ тамъ русскимъ рыбопромышленникамъ, а со временемъ перешло бы и на Енисей, гдѣ также есть осетры и, по словамъ Палласа, самые вкусные изъ всѣхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, слѣдовательно, весь край ощутилъ бы пользу отъ предпріятія Щепихина.

V. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ представляемаго отчета видно, что Экспедиція, на основаніи произведенныхъ ею въ 1859 году изслѣдованій на Бѣломъ морѣ и на Печорѣ, убѣдилась отчасти въ необходимости, отчасти въ полезности нѣкоторыхъ измѣненій и нововведеній въ архангельской рыбной промышленности. Сдѣланныя мною въ этомъ смыслѣ предложенія составляютъ практическій результатъ всѣхъ ея трудовъ. По этому, для легчайшаго обзрѣнія, я перечислю ихъ въ заключеніе всего отчета со ссылками на тѣ страницы, гдѣ они были въ подробности развиты.

По своему предмету предложенія эти касаются:

А. Правиль, которыми должно руководствоваться при употребленіи различныхъ рыболовныхъ орудій.

В. Правъ прибрежныхъ селеній на участіе въ рыбной ловлѣ.

С. Улучшеній въ способахъ приготовленія рыбы, и

Д. Собиранія яицъ морскихъ птицъ.

А. Относительно орудій лова экспедиція нашла, что многія изъ нихъ употребляются со вредомъ какъ для размноженія рыбы, такъ и для выгодъ низовыхъ жителей, но съ тѣмъ вмѣстѣ полагаеть, что узаконеніе предложенныхъ академикомъ Бэромъ общихъ для всей Имперіи рыболовныхъ постановленій устранить всѣ встрѣчающіяся, какъ на Бѣломъ морѣ, такъ и на Печорѣ, злоупотребленія, и что чувствуется потребность лишь въ специальномъ примѣненіи ихъ къ особенностямъ здѣшняго лова. Въ этомъ отношеніи необходимо сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1) Запретить употребленіе сѣтей (не исключая и мотней неводовъ) съ ячеями, имѣющими менѣе дюйма отъ узла до узла (стр. 23—24 и 48).

Замѣчаніе. Для лова сороцкихъ и покровскихъ сельдей могутъ быть допущены, въ видѣ исключенія, ячеи въ $\frac{3}{4}$ дюйма отъ узла до узла (стр. 24).

2) Заборы на средней и верхней Печорѣ должны быть совершенно запрещены (стр. 59).

3) Заборы по рѣкамъ, впадающимъ въ Бѣлое море, могутъ устроиваться только тамъ, гдѣ теперь существуютъ, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ оставлять ворота, совершенно свободныя для прохода рыбы въ $\frac{1}{3}$ ширины рѣки тамъ, гдѣ есть поселенія выше по рѣкамъ, не составляющія одной рыболовной общины съ тѣми деревнями, у которыхъ устроенъ заборъ, и въ $\frac{1}{6}$ ширины рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выше нѣтъ поселеній (стр. 35).

4) Перегораживаніе високъ, какъ впадающихъ въ Печору, такъ и въ другія рѣки, будетъ ли то заборами, или сѣтьми, должно быть строжайше запрещено; въ особенности же относится это къ Великой вискѣ (стр. 59—60).

5) Длина поплавней не должна превышать половины ширины рѣки (стр. 35—37).

6) Поплавни никогда не должны употребляться какъ ставныя сѣти, т. е. не должны прикрѣпляться обоими концами къ берегамъ или ко дну рѣки, а немедленно выниматься изъ воды, если почему либо невозможно плыть съ ними по теченію рѣки (стр. 32—37).

7) Не должно перегораживать рѣкъ пуцальницами и можно постановить правиломъ, чтобы съ cadaго берега выставять ихъ не болѣе какъ на четверть ширины рѣки (стр. 57—59).

8) Ловъ стерлядей самоловною крючковою снастью въ Двинѣ можетъ быть допущенъ, но съ слѣдующими ограниченіями:

a. Длина крючковъ должна быть не менѣе $1\frac{3}{4}$ вершка отъ узелка, которымъ они привязаны къ поводцу, до вершины загиба дуги ихъ.

b. Разстояніе крючковъ другъ отъ друга должно быть не менѣе 12 вершковъ.

c. Болѣе ста сажень крючковой снасти не должно быть выставяемо въ одну линію безъ промежутка, а промежутокъ этотъ долженъ быть не менѣе длины самой выставленной въ линію снасти.

d. Разстояніе снасти отъ снасти, выставленныхъ параллельно одна другой, не должно быть менѣе ста сажень (стр. 50—51).

v. Относительно правъ на участіе въ морской рыбной ловлѣ, экспедиція признаетъ полезнымъ:

9) Оффициально объявить жителямъ деревень Сороки, Шижны, Сухаго Наволока и Выгскаго острова, что корелы, приѣзжающіе ловить сельдей въ Сороцкой губѣ, имѣютъ на это точно такое же право, какъ и они сами (стр. 21—23).

10. Утвердить за жителями прибрежныхъ бѣломорскихъ поселеній 10-ти верстное береговое право съ тѣмъ, чтобъ оно распространялось и на тѣхъ, которые поселены сзади ихъ до границъ Архангельской губерніи (стр. 26—30).

С. Относительно приготовленія рыбы, хотя оно во многихъ мѣстахъ дѣлается очень небрежно, экспедиція думаетъ, что улучшенія его невозможно ожидать отъ самихъ крестьянъ, а потому полагаетъ:

11) Что улучшение соленія и копченія бѣломорскихъ сельдей должно быть предоставлено Бѣломорской компаніи (стр. 25—29).

12) Что для улучшеннаго соленія печорской семги и для копченія, какъ тамошней семги, такъ омулей, нельмы и сельдей, много могла бы сдѣлать спеціально съ этою цѣлью учрежденная компанія съ выгодною для себя и съ пользою для края; а потому, если правительство имѣетъ средства содѣйствовать къ учреженію такой компаніи, то предметъ этотъ заслуживаетъ того, чтобъ оно обратило на него свое вниманіе (стр. 65—66).

13) Сверхъ этого я принимаю на себя смѣлость ходатайствовать объ оказаніи крестьянину Щепихину денежнаго пособія на поѣздки въ Астрахань и на Уралъ, для изученія тамошняго приготвленія осетроваго клея и икры, съ тѣмъ, чтобы онъ занялся этимъ промысломъ на Оби (стр. 71—72).

D. Относительно собиранія яицъ морскихъ птицъ:

14) Дозволить собираніе яицъ всѣхъ морскихъ птицъ, кромѣ гавкиныхъ.

15) Запретивъ собираніе послѣднихъ, назначить срокъ для собиранія пуха изъ гнѣздъ.

16) Сдѣлать изъ гавкинаго пуха статью общественнаго дохода.

17) Напечатать и безденежно раздать крестьянамъ наставленія о цѣнности этого пуха и объ обращеніи съ гавками (стр. 51—53).

ОТЧЕТЪ ВТОРОЙ.

І. КУБЕНСКОЕ ОЗЕРО.

Кубенское озеро, изъ котораго вытекаетъ рѣка Сухона, одна изъ главныхъ составныхъ частей Двины, занимаетъ въ юго-западномъ углу Вологодской губерніи самую низкую часть равнины, слабо склоняющейся къ нему съ сѣверо-восточной стороны, откуда и текутъ три главныя изъ впадающихъ въ него рѣкъ: Порозовица, Ухтыга и Кубина. По этому, съ этой стороны, прилежащей къ Кадниковскому уѣзду, озеро, такъ сказать, не имѣетъ постоянныхъ береговъ, которые, незамѣтно спускаясь къ нему, затопляются водою его на нѣсколько верстъ отъ обыкновенной граничной черты его, не только во время весенняго половодья, но также осенью и даже лѣтомъ при сильныхъ дождяхъ. Юго-западный берегъ, прилегающій къ Вологодскому уѣзду, окаймленъ въ недалекомъ разстояніи отъ нормального уровня воды небольшими возвышенностями, препятствующими разливамъ озера въ эту сторону. На этихъ возвышенностяхъ построены весьма часто деревни, и берегъ тутъ вообще весьма обработанъ и давно уже совершенно обезлѣсенъ. У самаго юго-западнаго угла озера, откуда вытекаетъ Сухона, возвышенности эти отступаютъ отъ него на нѣсколько верстъ, оставляя между собою и имъ низменное болотистое пространство, каждую весну понимаемое водою, составлявшее нѣкогда, при болѣе высокомъ стояніи водъ въ теперешней сѣверной Россіи, постоянное дно озера. Изъ слабой, почти незамѣтной покатости береговъ озера можно уже заключить о его небольшой глубинѣ, и дѣйствительно, только узкая полоса, идущая ближе къ юго-западному берегу, вдоль всего озера, имѣющаго весьма удлиненную форму, ибо наибольшая ширина его (около 14 верстъ) содержится 5 разъ въ его длинѣ (около 70 верстъ), достигаетъ глубины 5 и 6 сажень. На всемъ остальномъ пространствѣ глубина рѣдко доходитъ и до двухъ сажень, большею же частью держится около одной сажени, разумѣется при обыкновенномъ лѣтнемъ и зимнемъ уровняхъ воды, ибо весной уровень въ иные годы подымается футовъ на 12 выше лѣтняго. Дно озера почти вездѣ песчаное, только глубокая срединная полоса вязка и илиста, да одно мѣсто близъ острова, на которомъ построенъ Спасокаменный монастырь, каменисто. Значительная часть дна озера поросла разнаго рода водяными растеніями, какъ-то осокою (*Scirpus lacustris*, L.), кувшинниками (*Nymphaea alba*, L. и *Nuphar luteum*, Smith.) и различными породами потамогетоновъ, которыя доставляютъ молодымъ рыбкамъ вмѣстѣ и убѣжище, и обильную пищу. Неглубокія мѣста вообще, а тѣмъ болѣе тѣ, которыя поросли подводными и надводными травами, весьма скоро прогрѣваются солнцемъ, что, какъ извѣстно, весьма благоприятствуетъ развитію молодаго подроста рыбы. Этому еще въ большей мѣрѣ содѣйствуютъ затопляемыя

водою пространства сѣверо-восточнаго берега, именно въ то время, когда большая часть рыбъ, населяющихъ озеро, мечетъ икру. Самая близкая къ озеру, заливная полоса поросла высокими травами, между которыми только мѣстами растутъ различныя породы ивъ; но далѣе она почти вся покрыта лѣсомъ, впрочемъ не высокимъ, и кустарниками. Послѣ того, что сказано академикомъ Баромъ, въ его отчетахъ по пейпусскому рыболовству, о пользѣ древесной растительности вблизи водъ, относительно приготовленія питательныхъ веществъ для рыбъ, было бы излишнимъ съ моей стороны возвращаться къ этому предмету. Замѣчу здѣсь только, что такіе лѣса, заливаемые водою въ весеннее время, составляютъ въ высшей степени удобныя мѣстности для метанія икры щуками, окунами и различными видами изъ семейства сазановидныхъ рыбъ (*Cyprinoidae*); дѣйствительно, они стремятся сюда весною въ такомъ изобиліи, что на этомъ основанъ, какъ увидимъ ниже, особый видъ лова, которымъ пользуются не только записные рыбаки, но вообще всѣ жители окрестностей озера, въ другое время неимѣющіе досуга для занятія рыболовствомъ. Вообще мѣстность, окаймляющая озеро съ сѣверо-востока, то заливаемая водою, то обсыхающая, производитъ большое количество органическихъ веществъ, которыя значительною долею собираются въ озеро. Сырые лѣса, находящіеся въ сосѣдствѣ воды и даже по временамъ затопляемые ею, содѣйствуютъ развитію множества насѣкомыхъ, проводящихъ въ водѣ первые фазисы своей жизни. Эти же лѣса и луга представляютъ всѣ удобства для метанія икры многимъ изъ живущихъ въ озерѣ породамъ рыбъ. Мѣста съ песчанымъ дномъ, поросшія водяными растеніями, доставляютъ превосходныя убѣжища молодымъ поколѣніямъ рыбъ. Все это такія условія, которыя должны сдѣлать Кубенское озеро весьма рыбнымъ, — каково оно и есть дѣйствительно, — и преимущественно благоприятнымъ для развитія рыбныхъ мальковъ. Эти условія объясняютъ, почему не истощились до сихъ поръ рыбныя богатства озера, не смотря на усиленный ловъ молодаго подроста, продолжающійся здѣсь уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Выловъ былъ тѣмъ возможнѣе, что озеро почти повсемѣстно мелко. Къ исчисленнымъ благоприятнымъ обстоятельствамъ присоединяется еще разнообразный характеръ впадающихъ въ озеро рѣкъ. Между тѣмъ какъ Порозовица и Ухтыга текутъ по глинистому и иловатому дну, Кубина, главнѣйшій притокъ озера, имѣетъ чистое песчаное дно, довольно быстрое теченіе и, верстахъ въ 80 отъ устья, даже пороги и каменистыя гряды. Этому-то обстоятельству обязано озеро тѣмъ, что въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ озерныхъ рыбъ, водятся и цѣнныя породы изъ рода сиговъ, которыя, требуя для метанія икры чистую воду и песчаное дно, поднимаются съ этою цѣлью исключительно въ рѣку Кубину.

1. ПОРОДЫ РЫБЪ, ЖИВУЩИХЪ ВЪ ОЗЕРѢ.

Рыбы Кубенскаго озера, имѣющія торговую цѣнность, суть: *окунь* (*Perca fluviatilis*, L.), *ершъ* (*Acerina vulgaris*, Cuv.), *лещь* (*Abramis Brama*, L.), *язь* (*Leuciscus Idus*, L.), *сорoga* (*Leuciscus rutilus*, L.), *щука* (*Esox lucius*, L.), *нельма*, самецъ которой называется здѣсь сигомъ. Я не успѣлъ еще сравнить этой рыбы съ нельмою, ловимою въ Двинѣ, а потому не могу еще рѣшительно сказать о степени тождественности этихъ двухъ породъ. *Нельмушка*, небольшая рыба изъ сиговаго же рода, которая, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ еще нигдѣ не была находима въ Россіи, кромѣ Кубенскаго озера. По тщательному сравненію ея съ описаніями и рисунками иностранныхъ породъ сиговъ, я не сомнѣваюсь, что она довольно обыкновенна на Скандинавскомъ полуостровѣ и извѣстна на языкѣ систематической зоологіи подъ именемъ *Coregonus Nilssonii*, Val. *Налимъ* (*Lota vulgaris*, Cuv.). О прочихъ

водящихся въ озерѣ рыбахъ я не говорю, какъ объ очень рѣдко встрѣчающихся, или ничтожныхъ въ промышленномъ отношеніи, но долженъ упомянуть, однакоже, еще о *стерляди*, появившейся въ самомъ недавнемъ времени, именно лѣтъ 5 лишь тому назадъ и слѣдовательно гораздо позже, чѣмъ въ рѣкахъ сѣверо-двинской системы. По словамъ здѣшнихъ рыбаковъ, стерлядь зашла сюда не изъ Сухоны, а появленіе ея въ озерѣ было дѣло случая, именно слѣдующаго: лодка или, правильнѣе, пловучій садокъ, на которомъ доставляли живыхъ стерлядей изъ Двины въ Петербургъ, проходя по озеру, разбился на немъ во время бури. Въ такомъ садкѣ везли, конечно, однѣхъ взрослыхъ, крупныхъ стерлядей; но со времени этого случая доводилось, сказываютъ рыбаки, ловить и маленькихъ, такъ что драгоценная рыба эта, стало быть, размножается въ озерѣ. Обстоятельство это заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено вниманіе, ибо если стерлядь дѣйствительно размножается въ Кубенскомъ озерѣ, то ничто не препятствуетъ пересадкѣ ея въ озера: Онежское, Ладожское и Ильмень, что при близости ихъ къ столицѣ и удобномъ водяномъ сообщеніи съ нею, доставило бы прибрежному населенію ихъ немоловажный источникъ дохода. Были, правда, опыты пересадки этой рыбы какъ за границу, такъ и у насъ, но они оказались неудачными. Такъ Фридрихъ I, король шведскій, по словамъ Линнея въ его шведской фаунѣ, пересадилъ стерлядей изъ Россіи въ Меларское озеро, но онѣ не развелись. Подобную же участь имѣли стерляди, пересаженные Фридрихомъ Великимъ въ нѣкоторыя воды Бранденбургіи и Помераніи. Монахи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря рассказываютъ, что лѣтъ двѣсти тому назадъ одинъ изъ архимандритовъ пересадилъ въ Сѣверское озеро изъ Бѣлозера сиѣтковъ, стерлядей и судаковъ. Стерляди, однако, и тутъ не принялись, равно какъ и судаки; сиѣтки же и до сихъ поръ ловятся въ немъ въ изобиліи (*). Эти неудачные опыты пересадки стерлядей не доказываютъ, однако, невозможности ея; вѣдь развелись же онѣ въ недавнее время въ рѣкахъ сѣверо-двинской системы. Что онѣ могутъ жить и въ озерахъ, доказываетъ Бѣлое озеро. Мнѣ извѣстно также, что въ одномъ озерѣ, въ окрестностяхъ Воронежа, называющемся, если не ошибаюсь, Усманскимъ и находящемся въ связи съ Дономъ, тоже весьма много стерлядей. Такъ какъ рыба эта идетъ, подобно всѣмъ осетровымъ породамъ, для метанія икры въ большія рѣки, въ которыхъ есть мѣстами каменистое дно, то непосредственная связь озера съ такою рѣкою и составляетъ, по моему мнѣнію, существенное условіе успѣха размноженія стерлядей въ озерахъ, — условіе, которое не было соблюдено ни въ Швеціи, ни въ Пруссіи, ни въ нашемъ Сѣверскомъ озерѣ. Что касается до Кубенскаго озера, то оно, кажется, удовлетворяетъ этому требованію тѣмъ, что въ него впадаетъ рѣка Кубина, имѣющая, какъ уже было сказано, верстахъ въ 80 отъ устья пороги и каменистыя гряды. Озера Ладожское, Онежское и, какъ мнѣ кажется, Ильмень удовлетворяютъ этимъ условіямъ еще въ болѣе степеніи, нежели Кубенское. Но для успѣшности такой пересадки не надо упускать изъ вида и слѣдующаго обстоятельства: число пущенныхъ въ извѣстный водоемъ рыбъ должно быть довольно значительно, дабы встрѣча мечущихъ икру самокъ и изливающихъ молоки самцовъ не составляла маловѣроятной случайности.

(*) Покойный членъ Географическаго Общества А. П. Межаковъ, который занимался въ теченіи многихъ лѣтъ наблюденіями надъ рыбами и рыболовствомъ въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ, и изъ записокъ котораго я почерпнулъ это послѣднее свѣдѣніе, прибавляетъ, что по открытіи канала герцога Александра Виртембергскаго сиѣтки распространились и въ сосѣднихъ озерахъ, но остались только въ удобныхъ для нихъ водахъ, какъ, напримѣръ, въ озерѣ Зауломскомъ, и дошли даже до Кубенскаго, гдѣ попадаются иногда какъ рѣдкость. Тогда какъ въ лежащихъ на пути озеръ Вазернскомъ, Кшишскомъ и Благовѣщенскомъ сиѣтковъ вовсе не имѣется.

2. ОРГАНИЗАЦІЯ ЛОВА НА КУБЕНСКОМЪ ОЗЕРѢ.

Ловъ рыбы въ Кубенскомъ озерѣ въ настоящее время совершенно вольный, какъ и во всѣхъ значительныхъ озерахъ Имперіи. Но таковымъ сдѣлался онъ лишь съ начала настоящаго, или съ послѣднихъ годовъ прошедшаго столѣтія. До того же времени весь ловъ на этомъ обширномъ озерѣ составлялъ временно частную собственность одного крестьянина селенія Кубенскаго, находящагося вблизи озера, верстахъ въ 30 отъ города Вологды, и принадлежавшаго графамъ Орловымъ. Этотъ крестьянинъ, пользуясь силой, которую имѣлъ его господинъ при дворѣ Императрицы Екатерины, подавъ просьбу, чтобы ему отдана была въ собственность задворная его лужа, называемая Кубенскимъ озеромъ, что и было исполнено безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ. Въ силу этого права, взималъ онъ известную пошлину со всѣхъ, занимавшихся рыболовствомъ въ озерѣ. Только нѣсколько лѣтъ спустя, крестьяне стали просить объ отмѣнѣ этой несправедливой и тягостной для нихъ привиллегіи, въ чемъ, конечно, и успѣли, какъ только разъяснилось, что это за задворная лужа. Въ настоящее время каждый можетъ ловить въ озерѣ гдѣ и чѣмъ ему угодно, безъ всякихъ ограниченій. Ловцы, ловящіе неводами какъ лѣтомъ, такъ и зимою, собираются артелями и избираютъ себѣ хозяина, который уже распоряжается всѣми дѣлами артели, назначаетъ мѣсто и время лова, продаетъ пойманную рыбу (ее нерѣдко скупаютъ кто нибудь изъ самихъ рыбаковъ) и дѣлитъ вырученные деньги поровну между всѣми участниками, изъ которыхъ каждый долженъ принести по равному количеству сѣтей, для составленія общаго невода, а именно: 10 сажень рѣдила, ячеи котораго имѣютъ въ сторонѣ $\frac{5}{8}$ вершка, 8 сажень мережи съ ячеями въ $\frac{7}{16}$ вершка и 2 сажени частику съ ячеями немногимъ бѣльшими $\frac{1}{4}$ вершка (собственно приходится 4 ячеи на $1\frac{1}{8}$ вершка). Сѣть для мотни, еще болѣе частая (съ ячеями въ $\frac{1}{6}$ вершка) и называемая полевкою, покупается на деньги, собираемыя со всей артели. Если кто принесетъ съ собою двойной комплектъ сѣтей, что никому не возбраняется, тотъ долженъ привести съ собою и работника, ибо чѣмъ длиннѣе неводъ, тѣмъ труднѣе его тяга, особливо зимою, но за это онъ получаетъ лишній пай, $\frac{2}{3}$ котораго идутъ ему, а $\frac{1}{3}$ его работнику. Зимою артели эти состоятъ обыкновенно изъ 48 человекъ и ловятъ двумя неводами, вытягиваемыми въ двѣ сосѣднія проруби, раздѣленные только узкимъ ледянымъ перешейкомъ (въ какой нибудь аршинъ шириною), но забрасываемыми съ противоположныхъ сторонъ. Лѣтомъ эти артели гораздо менѣе многочисленны, состоятъ не болѣе какъ изъ 10 или 12 человекъ. Хозяинъ артели, кромѣ общихъ распоряженій, имѣетъ при зимнемъ ловѣ обязанность проводить крылья невода черезъ рядъ прорубей посредствомъ прогоннаго шеста, называемаго здѣсь иглою, и вычерпывать ледъ изъ большой проруби, въ которую вытягиваютъ неводъ. Для прочихъ лововъ рыбаки въ артели не соединяются, а ловятъ каждый своимъ дворомъ, или соединяясь по два и по три вмѣстѣ.

Ловомъ занимаются почти исключительно жители деревень, расположенныхъ вблизи сѣверовосточнаго берега озера. Вполнѣ свободный ловъ существуетъ, впрочемъ, только на самомъ озерѣ. Въ устьѣ же рѣки Кубины, во время прохода нельмушки для метанія икры, что бываетъ обыкновенно въ началѣ октября, онъ ограниченъ известными правилами, имѣющими своею цѣлью, чтобы выгоды отъ этого лова, доставляющаго въ теченіи мѣсяца до 5,000 р. с., равномерно распредѣлялись между жителями селъ Чиркова и Устья, расположенныхъ одно противъ другаго по обоимъ берегамъ Кубины, въ 4-хъ верстахъ отъ ея устья. При началѣ лова, рѣка дѣлится на участки и каждый рыбакъ,

(которыхъ въ обоихъ селахъ до 200), не можетъ выставить болѣе опредѣленнаго числа вершей. Здѣсь также выбирается съ общаго согласія одинъ хозяинъ или *казначей*, который продаетъ рыбу огульно особливимъ скупщикамъ, называемымъ *прасолами*; эти послѣдніе солятъ ее, или развозятъ свѣжею. Икра продается отдѣльно, копѣекъ отъ 15 до 20 за фунтъ, а сама нельмушка по 20 и 25 р. асс. за тысячу. Вырученныя деньги дѣлитъ казначей пропорціонально улову каждаго.

Порядокъ и способы лова, которые я опишу только вкратцѣ, не входя въ подробное разъясненіе устройства здѣшнихъ снастей, слѣдующіе:

Съ того времени, какъ озеро покроеся льдомъ, начинается *неводной ловъ*: большими неводами сажень въ 500 длиною и съ мотнею въ 7 сажень. Я уже выше замѣтилъ, что неводъ этотъ состоитъ изъ различныхъ сортовъ сѣтей: рѣдила, мережи, частика и полевки, составляющей мотню, которая между собою счаливаются, а при вытягиваніи каждый разъ расчаливаются и укладываются, каждая на отдѣльный возъ. Мѣста для этого лова избираются по большей части неглубокія; такъ при мнѣ ловили на мѣстѣ, гдѣ подъ толстою, конечно, корою льда было не болѣе двухъ аршинъ воды. Въ это же время небольшія партіи ловятъ такъ называемыми сѣтьми (тоже неводами, но не болѣе 100 сажень длиною) на самыхъ мелкихъ мѣстахъ, гдѣ между нижнею поверхностью льда и дномъ не болѣе, какъ на четверть воды. Тутъ, конечно, попадаетъ болѣе мелкая рыба. Ловъ зимою производится только днемъ, въ теченіи котораго успѣваютъ закинуть не болѣе какъ одну или двѣ тони, смотря потому, гладко ли идетъ неводъ, или зацѣпляетъ за вбитые въ дно кольца. Колья эти вбиваютъ обыкновенно ловащіе удочками, чтобы помѣшать неводному лову, отнимающему у нихъ рыбу. Если сѣть задѣнетъ за такой коль, то ее необходимо освободить, для чего пробиваютъ рядъ прорубей по направленію, въ которомъ идетъ неводъ, т. е. на продолженіи той линіи, по которой тянутъ, и, ощупывая дно сквозъ каждую прорубь, наконецъ находятъ коль и вытаскиваютъ его. На ночь всякій день ловцы расходятся по своимъ деревнямъ.

Когда ледъ вскроется, озеро разольется по дугамъ и лѣсамъ сѣверо-восточнаго берега и рыба пойдетъ метать икру на затопленныя мѣста, тогда въ наводненномъ лѣсу расчищаютъ дорожки и ставятъ на нихъ верши; это называется ловить *по тропкамъ*. *Верши* эти или *вентеря* отличаются отъ повсемѣстно употребляемыхъ тѣмъ, что ихъ ставятъ отверстіемъ противъ отверстія на разстояніи сажень трехъ, одна отъ другой, и соединяютъ крыломъ, т. е. сѣтяною перегородкою, называемою *простынкомъ* и раздѣляющею отверстіе той и другой верши на двѣ равныя половины. Это дѣлается потому, что въ заливныхъ лѣсахъ теченія нѣтъ и рыба можетъ одинаково зайти какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Такъ какъ верши эти стоятъ не дорого, установка ихъ требуетъ не много времени, а уловъ, при обиліи рыбы, идущей метать икру, вѣренъ, то этимъ ловомъ занимаются даже и тѣ, которые не рыбачатъ въ другое время года. Рыбы при метаніи икры идутъ въ траву и кусты и трутса около нихъ; на этомъ основанъ еще одинъ способъ весенняго лова, такъ называемыми *стульниками*, *отыкутками* или *вересчанками*, которыя ставятъ по неглубокимъ мѣстамъ въ озерѣ. Это — небольшія сѣтяныя верши, аршина въ полтора длиною, которыя обтыкаютъ или обкладываютъ вѣтками можжевельника (по здѣшнему вереска, откуда и слово вересчанка), обвязывая ихъ кругомъ нитками. Это дѣлается какъ для того, чтобы лучше скрыть рыболовную снасть, такъ и для того, что рыба идетъ къ кучамъ вѣтвей, съ цѣлію тереться около нихъ и, толпясь и ходя кругомъ, попадаетъ внутрь верши черезъ воронкообразное горло, не выпускающее уже рыбы обратно.

Въ тоже время ловят *ботальницами* или *ботальными переметами*. Это — двухстѣнная сѣть саженъ въ 20 длиною. Передняя сѣть крупноячейстая и натянута поплавками и грузилами; задняя же — частая и отдувается мѣшкомъ. Ими обметываютъ подводные пни, по здѣшнему *халуи* (около которыхъ трется рыба, преимущественно язи), и шевелятъ въ водѣ шестомъ, что пугаетъ рыбу, которая, пройдя первую сѣть, запутывается во второй. Когда вода спадетъ, начинаютъ опять ловить неводами, которые, однако, меньше зимнихъ и не превосходятъ 200 саженъ.

3. ЛОВЬ МОЛОДАГО ПОДРОСТА И ЕГО ПРИГОТОВЛЕНИЕ.

Къ Петрову дню всякое рыболовство въ озерѣ прекращается, потому что полевые работы отвлекаютъ весь народъ. Но съ Ильина дня снова начинается рыболовство и при томъ самый вредный видъ его — ловъ молодого подроста, только что выведеннаго прошедшею весною. Онъ производится посредствомъ маленькихъ и чрезвычайно частыхъ неводовъ, называемыхъ *мутниками*. Мотня этого невода до четырехъ саженъ длиною, крылья же только по пяти саженъ каждое. Ячей крыльевъ не слишкомъ еще малы; ихъ приходится по семи на два вершка, но за то ячей мотни приходится по 8 и 9 на вершокъ (64 и 81 ячей на квадратный вершокъ), такъ что, по выраженію рыбаковъ, которые здѣсь и не думаютъ скрывать этого орудія, не скоро и горохъ сквозь такую сѣть просыпится, — что буквально вѣрно, потому что пражя, изъ которой дѣлаются мутники, довольно толста, а въ водѣ она, конечно, еще разбухаетъ. Къ каждому крылу привязываются длинныя веревки, обмотанныя старыми, негодными сѣтьми, тряпками и мочалами; задѣвая за дно, онѣ мутятъ воду, и мелкая рыба, не видя ничего въ мутной водѣ и избѣгая ея, попадаетъ въ середину невода, и наконецъ, въ мотню. Такъ какъ Кубенское озеро вообще мелко, то мутниками ловятъ не только у береговъ, но и на серединѣ озера. Для этого ловцы отправляются въ лодкѣ по двое, бросаютъ, приѣхавъ на удобное мѣсто, *кошку* (небольшой якорь), выметываютъ мутникъ и тянутъ его какъ неводъ, захватывая иногда въ одинъ разъ до пуда мальковъ разныхъ породъ рыбъ, преимущественно же окуневыхъ и ершовыхъ. Этихъ мальковъ сушатъ въ особливыхъ печахъ. Для этого на берегу озера, въ различныхъ мѣстахъ, построены избушки по нѣскольку вмѣстѣ, которыя имѣютъ видъ маленькихъ деревушекъ и называются *станами*. Въ нихъ лѣтомъ рыбаки и живутъ. Въ каждой изъ такихъ избушекъ вдоль всей стѣны, противоположной входу, устроена длинная печь, или, лучше сказать, рядъ печей, разгороженныхъ одна отъ другой перегородками. Каждая такая печь имѣетъ около трехъ четвертей аршина въ вышину и ширину и два аршина въ глубину. Полъ ея покать къ устью. Передъ всѣмъ рядомъ печей идетъ платформа, на которую, такъ какъ полъ въ избушкахъ деревянный, выгребаютъ уголья, послѣ того какъ печь достаточно накалится. Послѣ выгреба угольевъ, печи чисто заметають и кладутъ мальковъ, усыпавъ предварительно дно печей пескомъ, чтобы рыбки не пригорали. Когда онѣ достаточно высохнутъ, ихъ складываютъ въ мѣшки и продаютъ на вѣсъ. Отъ способа приготовленія, эти мальки извѣстны здѣсь подъ именемъ *суца*. Этотъ суцъ, размоченный въ квасу, а также и въ щажъ, составляетъ главную пищу здѣшнихъ жителей во время постовъ, почему развозится по всѣмъ ярмаркамъ и торгамъ Кадниковскаго, Вологодскаго и Грязовецкаго уѣздовъ, а отчасти идетъ и въ сосѣдніе уѣзды Ярославской губерніи; въ Кирилловскій же и Бѣлозерскій уѣзды Новгородской губерніи почти не отправляется, потому что тамъ и своей рыбы довольно изъ Бѣлоозера, Воже и множества другихъ мелкихъ озеръ. Обыкновенный уловъ на пару ловцовъ въ теченіе конца лѣта и начала осени составляетъ до 50 пудовъ

сухаго суца; такихъ же паръ, занимающихся губительнымъ ловомъ, по всему Кубенскому озеру полагають до 400, такъ что круглымъ числомъ ежегодно вылавливается до 20,000 пудовъ суца въ сухомъ видѣ, что составитъ не менѣе 80,000 сыраго, потому что обыкновенно выходитъ изъ четырехъ пудовъ сыраго одинъ сухаго. Я насчиталъ въ фунтѣ не самаго еще мелкаго суца (*) 1,650 маленькихъ рыбокъ, такъ что каждая вѣсила менѣе $\frac{1}{16}$ доли золотника, а въ свѣжемъ видѣ $\frac{1}{4}$ золотника. На основаніи этихъ данныхъ, оказывается, что ежегодно вылавливается изъ Кубенскаго озера гораздо болѣе *тысячи миллионв* рыбныхъ мальковъ (слишкомъ 1,300,000,000). Ловъ этотъ, однакоже, не искони существуетъ въ Кубенскомъ озерѣ, а введенъ въ него на памяти людской, лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ, съ озера Воже, гдѣ водятся сѣтки и гдѣ, слѣдовательно, частыя сѣти необходимы. Вѣроятно, что тѣ, которые въ первый разъ стали употреблять мутники на Кубенскомъ озерѣ, полагали, что въ немъ прежде не ловили сѣтковъ только потому, что сѣти не были довольно часты; поймавъ же своими новыми сѣтями, вмѣсто сѣтковъ, молодой подростъ разныхъ рыбъ, они стали готовить его такъ, какъ готовятъ сѣтки изъ озера Воже, т. е. стали сушить. Въ настоящее время всѣ рыбаки, съ которыми только случалось мнѣ говорить, сами понимаютъ зло, причиняемое ловомъ суца; но не могутъ, каждый отдѣльно, отъ него отказаться, ибо не увѣрены, что и всѣ прочіе послѣдуютъ ихъ примѣру, иначе это значило бы только передать свои выгоды въ руки другихъ, безъ всякой пользы для самаго дѣла. Нельзя не удивляться, какъ можетъ еще выдерживать озеро Кубенское, сравнительно небольшое, такой губительный ловъ, въ теченіи столь долгаго времени, не оскудѣвъ совершенно. Впрочемъ, количество рыбы въ немъ значительно уменьшилось противъ прежняго, что уже видно изъ того, что самаго суца стало теперь добываться вдвое меньше, нежели прежде. Уменьшеніе, безъ сомнѣнія, произошло не отъ уменьшенія питательныхъ веществъ, стекающихъ въ озеро, ибо въ естественныхъ условіяхъ сего послѣдняго не произошло въ теченіе послѣдняго времени никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Здѣсь человекъ непосредственно, своимъ безумнымъ ловомъ, препятствуетъ достигать рыбному населенію озера той степени плотности, которая возможна, вслѣдствіе выгодныхъ естественныхъ условій. Представимъ же себѣ ловъ суца уничтоженнымъ. Не предаваясь преувеличенными надеждамъ, ограничимъ ихъ только предположеніемъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ вылавливаться изъ озера на столько же болѣе взрослой рыбы, сколько теперь вылавливается суца въ свѣжемъ видѣ, т. е. 80,000 пудами. Положимъ далѣе цѣну этой взрослой рыбы только вдвое противъ цѣны свѣжаго суца, что все еще будетъ вдвое меньше цѣны сушенаго суца. При этихъ предположеніяхъ, болѣе чѣмъ умѣренныхъ, все же доходъ съ озера возрастетъ на 80,000 р. с., потому что средняя цѣна сухаго суца составляетъ 4 р. с. за пудъ, а свѣжаго 1 р. с. Но этимъ, конечно, не ограничатся выгоды прекращенія лова суца, потому что, если даже предположимъ, что озеро не въ состояніи пропитать болѣе рыбъ, чѣмъ сколько прокармливаетъ теперь (что, какъ мы видѣли, мало вѣроятно), то и въ такомъ случаѣ избытокъ ея разойдется по рѣкамъ, впадающимъ въ озеро и въ вытекающую изъ него Сухону, которыя, особливо же послѣдняя, малорыбны, и это, по всей вѣроятности, не отъ недостатка питательныхъ веществъ для прокормленія черезъ чуръ уже скуднаго ихъ рыбьяго населенія, а вслѣдствіе отсутствія удобныхъ мѣстъ для размноженія нашихъ

(*) Суцъ сортируется по величинѣ рыбокъ, и самый мелкій считается лучшимъ, потому что, болѣе ссыхаясь отъ жара, онъ потомъ и болѣе разбухаетъ.

обыкновенныхъ рыбныхъ породъ, которымъ привольно метать икру или въ озерахъ, находящихся обыкновенно въ связи съ истоками рѣкъ, или по ильменямъ и разливамъ, сопровождающимъ ихъ устья.

Въ одно время съ ловомъ суца, именно въ сентябрѣ и октябрѣ, производится въ озерѣ ловъ *аханами*. Это ставныя сѣти съ крупными ячеями въ $1\frac{1}{2}$ вершка въ сторонѣ. Длиною они около 30 сажень. Ихъ выставляютъ на кольяхъ, штукъ по десяти въ рядъ, на глубокихъ мѣстахъ озера; ловятъ ими исключительно нельмъ.

4. ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ ОЦѢНКА ГОДИЧНАГО УЛОВА РЫБЫ.

Въ Кубенскомъ озерѣ, какъ видно изъ предыдущаго, производится ловъ почти круглый годъ, съ небольшими промежутками среди лѣта. Точно опредѣлить цѣнность этого улова невозможно; но если положимъ, что цѣнность улова взрослой рыбы не уступаетъ цѣнности суца (что составитъ для дохода съ озера слишкомъ 150,000 р. с.), то оцѣнка наша скорѣе будетъ ниже, чѣмъ выше дѣйствительной, потому что цѣны на рыбы стоятъ здѣсь довольно высокія, именно окуни, ерши, леци, язи, сороги приходятся отъ 1 р. до 1 р. 50 к. с. за пудъ, щука до 4 руб. сер., а нельма лѣтомъ по той же цѣнѣ, зимою же отъ 30 до 35 к. с. за фунтъ, очень же крупная еще дороже.

5. МѢРЫ КЪ ПРАВИЛЬНОМУ УСТРОЙСТВУ КУБЕНСКАГО И ВООБЩЕ ОЗЕРНАГО РЫБОЛОВСТВА.

Изъ всего доселѣ сказаннаго видно, что къ устройству рыболовства на Кубенскомъ озерѣ на правильныхъ основаніяхъ и къ предотвращенію чрезъ то опасности постепеннаго оскудѣнія его въ рыбѣ, не представляется никакихъ особыхъ затрудненій, ибо въ озерѣ нѣтъ снѣтковъ. Такъ на Пейпускомъ озерѣ нельзя было прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ, т. е. къ совершенному запрещенію мелкочейныхъ сѣтей; въ замѣвъ этого назначали срокъ, въ который ловъ воспрещается. Подобно тому нельзя было уничтожить печей, въ которыхъ сушатся какъ снѣтки, такъ и рыбы мальки, и надо было ограничиться запечатываніемъ ихъ на лѣтніе мѣсяцы. Въ Кубенскомъ же озерѣ достаточно будетъ положить мѣру, меньше которой не должны быть ячеи даже въ мотняхъ неводовъ, — сломать существующія въ станovýchъ избушкахъ печи, — запретить подъ строгимъ наказаніемъ постройку новыхъ и обложить такимъ же штрафомъ, какъ и на Пейпусѣ, сушку суца въ обыкновенныхъ домашнихъ печахъ, взимая однако штрафъ не съ мѣрки, а съ пуда, такъ какъ здѣсь сущъ продается вѣсомъ. Эти простыя законодательныя мѣры, за исполненіемъ которыхъ легко слѣдить мѣстному начальству, могли бы послужить типомъ законовъ для всѣхъ тѣхъ озеръ, въ которыхъ нѣтъ снѣтковъ, подобно тому какъ законы, принятые для Чудскаго озера, могутъ и должны быть распространены на всѣ тѣ озера, въ которыхъ водятся снѣтки.

Что касается до наименьшей величины ячей, которую можно дозволить употреблять на Кубенскомъ озерѣ, то я полагаю бы принять $\frac{3}{8}$ вершка въ сторонѣ, т. е. на 3 вершка 8 ячей, что составитъ 64 ячеи на 9 квадратныхъ вершковъ или приблизительно 7 ячей на квадратный вершокъ (*).

(*) Мѣру ячей гораздо удобнѣе опредѣлять отъ узла до узла, вдоль по ниткамъ, чѣмъ квадратною мѣрою, какъ это сдѣлано для Пейпускаго озера. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ опредѣлить болѣе или менѣе 30 ячей въ квадратномъ вершкѣ, когда ячекъ всегда дѣлаются совершенно квадратными, и слѣдовательно ровно 30-ти ячей въ квадратномъ вершкѣ никоимъ образомъ быть не можетъ. Въ этомъ случаѣ надо бы считать ячеи въ четырехъ квадратныхъ

Мнѣ кажется однако, что такой мѣры нельзя принять безразлично для всѣхъ озеръ, неимѣющихъ снѣтковъ, и что эти озера, въ свою очередь, должны быть раздѣлены на два класса: на такія, въ которыхъ нѣкоторыя мелкія породы рыбы (хотя и болѣе крупныя, нежели снѣтки), каковы, на примѣръ: *ерши* (*Acerina vulgaris*, Cuv.), *бирючки* (*Acerina rossica*, Cuv.), *ряпушка* (*Coregonus albula*, L. и *Coregonus Wimba*, L.) и т. п., составляютъ значительную долю улововъ, и на такія, гдѣ этихъ рыбъ нѣтъ, или гдѣ онѣ не составляютъ предмета сколько нибудь значительнаго лова. Въ первыхъ, я полагаю, $\frac{3}{8}$ вершка въ сторонѣ ячеи не составитъ слишкомъ малой мѣры, тогда какъ во вторыхъ можно принять, не опасаясь стѣсненія для рыболовства, и $\frac{1}{2}$ вершка за наименьшую норму ячей. — Такое раздѣленіе представитъ, однако, на практикѣ немалыя затрудненія; ибо если перечисленіе озеръ, въ которыхъ водятся снѣтки, и не трудно, потому что число ихъ не очень велико и находятся они только въ немногихъ губерніяхъ (*), да и самая рыба очень характерична, такъ что въ каждой мѣстности всѣмъ извѣстно, гдѣ водятся снѣтки и гдѣ нѣтъ, то за то весьма трудно распределить прочія озера на два указанные мною класса, потому что не только перечисленіе всѣхъ ихъ невозможно, но и сами рыбы, которыя, по своему небольшому росту, требуютъ для своего лова болѣе частыхъ сѣтей, составляютъ не одну характерную породу, а нѣсколько видовъ, которые незнающему болѣею частью легко смѣшать съ молодымъ подростомъ другихъ рыбъ; главное же — что не одно присутствіе этихъ рыбъ должно рѣшать дѣло, а относительная важность ихъ лова. По этому, я полагаю, что лучше принять для всѣхъ озеръ, въ которыхъ нѣтъ снѣтковъ (и для всѣхъ рѣкъ, въ которыхъ снѣтки никогда не живутъ), за норму наименьшей величины ячей $\frac{1}{2}$ вершка въ сторонѣ, разрѣшивъ губернаторамъ дозволять употребленіе сѣтей съ ячеями въ $\frac{3}{8}$ вершка тамъ, гдѣ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, т. е. по причинѣ лова нѣкоторыхъ мелкихъ породъ рыбъ, они найдутъ это удобнымъ. Такъ для Кубенскаго озера я полагалъ бы разрѣшить ячеи въ $\frac{3}{8}$ вершка, по причинѣ значительнаго лова въ немъ ершей.

II. БОИ МОРСКИХЪ ЗВѢРЕЙ У ВОСТОЧНЫХЪ БЕРЕГОВЪ БѢЛОГО МОРЯ.

1. ПОРОДЫ МОРСКИХЪ ЗВѢРЕЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХЪ ПРЕДМЕТЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

У сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи семь различныхъ видовъ морскихъ звѣрей составляютъ предметъ промысловъ, имѣющихъ главною цѣлью добываніе жира, а также и кожи. Это *нерпа* (*Phoca annellata*, Nilss. и изрѣдка *Phoca vitulina*, L., которыхъ между собою здѣшніе жители не различаютъ), *морской заяцъ* (*Phoca barbata*, Müll.), *лысунъ* (*Phoca groenlandica*, Müll.), *тевякъ* (*Cystophora cristata*, Nilss.), *моржъ* (*Frichetus Rosmarus*, L.) и *бѣлуга* (*Delphinapterus Leucas*, Pall.). Изъ нихъ моржъ добывается только у береговъ Новой земли, Вайгача и отчасти Колгуева, а тевякъ у Мурманскаго берега и рѣдко, лишь случайно, заходитъ въ Бѣлое море, бѣлуга же ловится въ Бѣломъ морѣ

вершкахъ, въ которыхъ должно быть не болѣе 120 ячей, т. е. 11 ячей въ двухъ вершкахъ по ниткѣ, ибо $11^2 = 121$. Но едва ли можно требовать такихъ ариметическихъ соображеній даже отъ всѣхъ становыхъ, не говоря уже о головахъ, старшинахъ, сотскихъ и вообще сельскомъ начальствѣ. Не лучше ли было бы сказать, что въ двухъ вершкахъ вдоль по ниткѣ не должно заключаться болѣе 11 ячей

(*) Я полагаю, что только въ губерніяхъ Новгородской, Олонецкой, С.-Петербургской, Тверской, Псковской, Ляндской и Эстляндской и, можетъ быть, еще въ Витебской, Виленской и Ковенской.

лѣтомъ неводами. Нерпы и морской заяцъ стрѣляются тамъ и самъ съ береговъ и въ устьяхъ рѣкъ и случайно попадаютъ между стадами лысуновъ, но всегда одиночно или небольшими группами. Ихъ бьютъ также по берегамъ, на которые они выходятъ отдыхать и грѣться, тогда какъ лысуны никогда не выходятъ на берегъ, а только на льдины. По этому, я буду говорить теперь только о промыслѣ лысуновъ, производимомъ въ большомъ видѣ въ теченіе послѣдней половины зимы и начала весны преимущественно по всѣмъ восточнымъ берегамъ Бѣлаго моря, какъ то: въ Двинскомъ заливѣ, по Зимнему берегу, въ Мезенскомъ заливѣ и по Канину берегу. Онъ производится также, хотя и въ меньшемъ объемѣ, по Терскому берегу, но такъ какъ этотъ берегъ мы еще не посѣщали, то и не могли еще собрать достаточныхъ свѣдѣній.

Въ теченіе всего лѣта, т. е. съ половины мая по октябрь, лысуны лишь изрѣдка встрѣчаются на Бѣломъ морѣ, и то небольшими партіями, а проводятъ это время въ глубинѣ полярныхъ морей, какъ, напримѣръ, по сосѣдству Новой Земли. До Ильина дня бывають они очень худы, а съ этого времени начинаютъ жирѣть. Съ октября мѣсяца начинаютъ они идти въ заливы Сѣвернаго океана, между прочимъ, въ чрезвычайно большомъ количествѣ и въ Бѣлое море: рожать дѣтей, кормить ихъ грудью и совокупляться. Архангельскіе промышленники рассказываютъ, что *кожа* (т. е. стаи лысуновъ) гребетъ безчисленными стадами все въ одномъ и томъ же направленіи, изъ окрестностей Новой Земли въ Бѣлое море, мимо Тиманскаго берега (берега Сѣвернаго океана на востокъ отъ Канина мыса, до самаго устья Печоры). Къ началу февраля собираются они въ Двинскій заливъ, гдѣ около Срѣтенья начинаютъ рожать дѣтей на льдинахъ. Новорожденные звѣри въ воду не ходятъ, потому что шерсть на нихъ въ это время мягка и пушиста. Матери плавають не вдалекѣ отъ нихъ и дѣлають во льду для себя продушины, чрезъ которыя могутъ выходить на него. Въ первую недѣлю своей жизни, когда шерсть на нихъ бываетъ желтоватая, новорожденные называются *зеленцами*. Этотъ желтый оттѣнокъ скоро пропадаетъ и по чисто бѣлому цвѣту ихъ шерсти они зовутся тогда *бѣлками*. Шкуры зеленцевъ и бѣлковъ дорого цѣнятся, отъ 1 до 2 р. с., изъ за чего дѣтенышей и бьютъ, но жира, конечно, на нихъ еще очень мало. Недѣли черезъ три или черезъ мѣсяць начинаютъ они линять; ихъ кожа теряетъ тогда свое достоинство, потому что шерсть слабо держится и дѣлается клочковатою; въ это время они называются *холоушею* и бьются уже для жира, ибо они растутъ быстро, и къ этому времени ихъ кожа вмѣстѣ съ жиромъ достигаетъ уже до пуда и до полутора вѣсомъ. Между тѣмъ льдины, а вмѣстѣ съ ними и держащіяся на нихъ звѣри, изъ глубины Двинскаго залива постепенно подаются на сѣверъ, уносясь господствующими здѣсь теченіями, что, впрочемъ, происходитъ очень медленно. При каждомъ отливѣ подвижной ледъ отходитъ отъ постоянныхъ береговыхъ припаевъ и относится въ море; съ каждымъ же приливомъ снова приноситъ его къ берегу, но уже не къ тому мѣсту, откуда онъ отошелъ, а нѣсколько верстъ ниже, по направленію къ сѣверу. Конечно, господство въ это время года того или другаго вѣтра измѣняетъ правильность этого передвиженія льдовъ. Уносясь такимъ образомъ мало-по-малу къ сѣверу, къ началу марта достигаютъ они поворота въ Мезенскій заливъ у Воронова мыса, близъ котораго находится урочище *Кеды* — одинъ изъ главныхъ сборныхъ пунктовъ звѣриныхъ промышленниковъ. Изъ собственно Бѣлаго моря въ Мезенскій заливъ льдовъ не заноситъ; а когда они дойдутъ до Воронова мыса, то при отливѣ ихъ относитъ морскимъ теченіемъ къ противоположному Терскому берегу моря по направленію къ острову Сосновцу, откуда теченіемъ ихъ снова несетъ къ восточнымъ берегамъ моря, но уже не къ материку, а къ острову

Моржевцу; послѣ чего они продолжаютъ свое движеніе вдоль Канинскаго берега. Когда передовыя стада звѣрей достигнутъ Канина берега, что обыкновенно бываетъ около половины марта, къ Алексѣеву дню (17 марта), какъ говорятъ здѣшніе промышленники, дѣтеныши достигли уже того возраста, когда могутъ ходить въ воду; первая шерсть ихъ вылиняла и они покрылись гладкими, плотно прилегающими къ кожѣ волосами сѣраго цвѣта, почему и получаютъ названіе *сѣрки*. Сѣрка оставляется родителями и, частью на льдинахъ, частью плавая въ водѣ, все вдоль того же Канинскаго берега, но уже быстрѣе прежняго, удаляется въ океанъ съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Бѣлое море обыкновенно не ранѣе полной половой зрѣлости. Къ осени сѣрки становятся *сѣрунами*, а черезъ годъ дѣлаются совершенно взрослыми звѣрьми, т. е. получаютъ характерное для этого вида тюленей полулунное пятно темно-бураго цвѣта у плеча, называемаго *крыломъ*. Тогда самцы называются *лысунами*, а самки *утелыами*. Когда взрослые звѣри отдѣляются отъ своихъ дѣтенышей, они продолжаютъ еще нѣкоторое время свое путешествіе на сѣверъ, и тутъ уже, ниже Канушина мыса, начинаютъ бѣгаться въ двадцатыхъ числахъ марта. Совокупляются они въ водѣ, обращаясь другъ къ другу брюхомъ, и въ это время такъ заняты своимъ дѣломъ, что ни на что не обращаютъ вниманія и позволяютъ лодкамъ приближаться къ себѣ. Случалось промышленникамъ однимъ ударомъ *кутила* (родъ остроги) пронзять самца и самку (*). Послѣ этого они не идутъ еще прямо въ океанъ, а, утомленные и истощенные рожденіемъ дѣтей, кормленіемъ ихъ и совокупленіемъ, отправляются отдыхать въ Мезенскій заливъ подобно тому, какъ шли рожать въ Двинскій. Это бываетъ около десятыхъ чиселъ апрѣля. Здѣсь въ ясные солнечные дни выходятъ они на льдины и лежатъ неподвижно огромными стадами. Обернувшись на спину и грѣя брюхо на солнцѣ, протаиваютъ они себѣ теплотой своего тѣла какъ бы корыта или ванны. Такія стада отдыхающихъ лисуновъ называются промышленниками *залежками*, и главныя залежки бывають, говорятъ они, около дня св. Зосимы и Савватія (17 апрѣля). Надо еще замѣтить, что льды въ Мезенскомъ заливѣ хотя также приближаются то къ тому, то къ другому берегу его, вслѣдствіе приливовъ и отливовъ, но изъ самаго залива не выносятся, развѣ случатся въ это время постоянные береговые вѣтры; такого же правильнаго поступательнаго движенія, какъ собственно въ Бѣломъ морѣ, они не имѣютъ. Въ такомъ отдыхѣ проводятъ звѣри время до начала мая, когда уплываютъ вслѣдъ за своими дѣтьми, отправившимися раньше въ океанъ. Но если случатся дожди, снѣга и вообще туманная и ненастная погода, то она стоняетъ ихъ со льдовъ въ воду, и если ненастье продолжительно, то оно ускоряетъ удаленіе звѣря на сѣверъ.

На этихъ обстоятельствахъ и привычкахъ жизни лисуновъ, во время ихъ пребыванія въ Бѣломъ морѣ, основываются различные промыслы ихъ, которыхъ по времени, мѣсту, а отчасти и по образу ихъ производства различають четыре или пять.

2. ПОРЯДОКЪ, ВЪ КОТОРОМЪ ПРОИЗВОДЯТСЯ ПРОМЫСЛЫ.

Какъ только звѣри соберутся въ Двинскую губу, начинается уже охота за ними на ближайшей къ устью Двины части Зимняго и Лѣтняго береговъ. Она производится только жителями прибрежныхъ

(*) У г. Максимова «Годъ на сѣверѣ» совершенно ошибочно показано, будто бы звѣри эти бѣгаются въ октябрѣ и ноябрѣ. Въ такомъ случаѣ имъ пришлось бы носить только отъ 2 до 3 мѣсяцевъ (вмѣсто десяти, какъ это бываетъ въ дѣйствительности), что совершенно невѣроятно для такого большого животнаго, да и всѣмъ архангельскимъ промышленникамъ очень извѣстно, что это совокупленіе бываетъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля.

деревень, а изъ дальнихъ мѣстъ на нее не собираются. Здѣсь стрѣляютъ ихъ изъ винтовокъ на водѣ или на льдинахъ, почему и промыселъ называется *стрѣльнею*. Особливо успѣшно производится этотъ промыселъ тогда, когда звѣри, преслѣдуя стаи наваги, которою преимущественно питаются, подходятъ близко къ Двинскому устью. Промыселъ начинается около зимняго Николина дня и продолжается до февраля. Стрѣльнею называютъ также лѣтніе промыслы, главнѣйше нерьпъ и морскихъ зайцевъ, когда ихъ бьютъ на водѣ изъ лодокъ, или по островкамъ и берегамъ, на которые они выходятъ отдыхать. На употребляемыхъ для этого лова лодкахъ бываетъ не болѣе трехъ промышленниковъ.

Съ начала февраля — со Стрѣтенія (какъ говорятъ промышленники, которые, какъ и вообще русскіе простолюдины, распредѣляютъ время своихъ занятій по праздникамъ), когда утельги забираются на льды, чтобы рожать дѣтей, начинается второй ловъ, на которомъ преимущественно добываютъ *бѣльковъ* и *хохлуиъ* по всему Зимнему берегу, отъ селенія Мудюги до входа въ Мезенскій заливъ. Онъ продолжается непрерывно до половины и даже до двадцатыхъ чиселъ марта и носитъ общее названіе *выволочнаго*, потому что, какъ увидимъ изъ его описанія, набитую добычу выволакиваютъ каждый разъ и какъ можно скорѣе на берегъ. По различію возраста промышляемыхъ звѣрей и по нѣкоторымъ особенностямъ въ производствѣ промысла, обусловливаемымъ обстоятельствами времени и мѣста, этотъ ловъ подраздѣляется на собственно *зимнебережній* (главный центръ котораго составляетъ село Зимня Золотица), оканчивающійся къ первому марта, и *Кедовской*, продолжающійся съ 1 марта по двадцатые числа того же мѣсяца и сосредоточенный у урочища Кеды, въ 10 верстахъ отъ Воронова мыса. На выволочный промыселъ собирается народъ изъ значительной части Архангельскаго, Мезенскаго и Пинежскаго уѣздовъ; архангельцы преимущественно на зимнебережній, а мезенцы и пинежане на кедовской, къ которому стеченіе народа вообще больше, такъ что въ иные годы собирается тутъ до 1,500 и 2,000 человѣкъ; на весь же выволочный промыселъ выходятъ до 3,000 человѣкъ. Различіе между зимнебережнымъ промысломъ и кедовскимъ заключается въ томъ, что на первомъ, кромѣ взрослыхъ звѣрей, бьютъ больше *зеленцовъ* и *бѣльковъ* не столько для сала, котораго у нихъ еще очень мало, сколько для шкурокъ, на второмъ же — *хохлуиъ* и *спрокъ*, достигающихъ уже пудоваго и полуторапудоваго вѣса. На зимнебережномъ промыслѣ промышленники, слѣдя за поступательнымъ движеніемъ льдинъ, и сами подаются все далѣе и далѣе на сѣверъ, при чемъ перевозятъ съ собою на оленяхъ всѣ свои запасы; на Кедахъ же промышленники живутъ постоянно, выжидая, когда пронесетъ мимо ихъ звѣря. Въ различныхъ мѣстахъ Зимняго берега устроены для промышленниковъ избушки: у Керецкаго мыса 10, у урочища Лысунова 15, въ Заозерьѣ 12, у Вепря 25 и у Кедовъ 90. Эти избушки имѣютъ два окна, печь безъ трубы и нары. Въ каждой изъ нихъ живетъ отъ 5 до 20 человѣкъ, составляющихъ артель одного хозяина.

Третій ловъ, называемый *устынскимъ*, *неренскимъ* или *загребнымъ*, производится съ первыхъ чиселъ апрѣля, въ теченіе всего этого мѣсяца, въ Мезенскомъ заливѣ. Названіе *устынского* получилъ онъ отъ того, что производится преимущественно между устьями рѣкъ Кулоя и Мезени; *неренскаго* отъ того, что на него выѣзжали прежде всегда съ Неренскаго берега, лежащаго влѣво отъ устья Кулоя; *загребнаго* же отъ того, что кожа, которую тутъ добываютъ, загребаетъ (заходитъ) съ Бѣлаго моря въ Мезенскій заливъ. На этотъ промыселъ выходитъ обыкновенно съ Фоминой недѣли; только если Свѣтлое Христова Воскресеніе приходится поздно, или если весна бываетъ очень ранняя,

то выходятъ и на Страстной и даже на шестой недѣлѣ поста; на Свѣтлой же недѣлѣ ни въ какомъ случаѣ въ море не пускаются. На промыселъ собирается обыкновенно до 800 человѣкъ.

Послѣдній, *канушинскій* ловъ начинается немного ранѣе окончанія кедовскаго, обыкновенно съ Алексѣева дня (17 марта), и продолжается долѣе всѣхъ, — до весенняго Николина дня. Предметъ его составляютъ какъ сѣрки, идущія изъ Бѣлаго моря въ океанъ, такъ и взрослые звѣри, окончившіе свою залежку въ Мезенскомъ заливѣ. Для убѣжища промышленниковъ устроены здѣсь, какъ и по Зимнему берегу, въ разныхъ мѣстахъ избушки, преимущественно же у Канушина мыса.

По времени лова различаютъ еще *зимній промыселъ*: стрѣльня и зимнебережный, и *весновальный*: кедовской, устьянскій и канушинскій. По устройству же, способа боя и дѣлежа добычи, всѣ эти ловы раздѣляются также на два вида; къ первому изъ нихъ принадлежатъ промыслы: зимнебережный, кедовскій и канушинскій, а также и стрѣльня (которая, впрочемъ, въ сравненіи съ ними не имѣетъ большой важности, и объ ней къ сказанному почти нечего прибавлять), ко второму же устьянскій.

а. *Описаніе выволочнаго промысла.*

На промыслахъ выволочномъ и канушинскомъ ловцы живутъ на берегу въ однѣхъ изъ поименованныхъ выше избушекъ. Они соединяются въ небольшія артели, приставая къ которому либо изъ хозяевъ, обыкновенно къ зажиточнымъ крестьянамъ изъ прибрежныхъ деревень. Каждый изъ хозяевъ имѣетъ собственно ему принадлежащую избушку и одну или нѣсколько лодокъ (рѣдко болѣе трехъ). Такія артели дѣйствуютъ самостоятельно и независимо одна отъ другой и каждый хозяинъ поступаетъ по своему усмотрѣнію. Кожу выглядываютъ съ берега, а также если ледяной припай великъ, то отправляютъ небольшія партіи развѣдывать въ какой сторонѣ есть звѣрь. Увидѣвъ, гдѣ лежитъ звѣрь, или даже по одному предположенію, что онъ есть въ той или другой сторонѣ, каждая артель отправляется на свой промыселъ. При этомъ всегда тянутъ за собою свои лодки, хотя бы пришлось и далеко идти по сплошному льду, потому что его можетъ разломать. Лодки эти устроены нѣсколько особливимъ образомъ и приспособлены къ тому, чтобы ихъ удобно было тянуть по льду. Дно ихъ выдолблено изъ цѣльной осины и къ нему пришиваютъ съ каждой стороны по двѣ еловыхъ доски. Шпангауты ихъ очень тонки и весьма близки другъ къ другу; только 4 или 5 среднихъ составные, въ нижней своей части толще другихъ и сдѣланы изъ корней, для того, чтобы могли своею упругостью распирать днище, которое, равно какъ и наставныя доски, пришито къ нимъ пеньковыми веревками. Такія шпангауты, кромѣ легкости, представляютъ еще то удобство, что придаютъ лодкѣ гибкость, такъ что если давленіе сжимающихъ ее льдинъ не слишкомъ сильно, то она, не ломаясь, можетъ выскользнуть. Въ задней части на днѣ придѣланы двѣ ременныя петли и по три по бокамъ, для укрѣпленія веревокъ, которыми увязываютъ дрова, сѣстные припасы и разную кладь — по здѣшнему *гарно*. Къ дну лодки, параллельно килю, съ каждой стороны придѣлано по полозу. Въ бортахъ лодки съ каждой стороны сдѣлано по три дирочки, въ которыя продѣваются веревки съ лямками, за которыя ее тянутъ. Такая лодка дѣлается обыкновенно на семь человѣкъ — шесть гребцовъ и одного кормщика, который вмѣстѣ и хозяинъ, и въ нее помѣщается до 40 пудовъ клажи. Лодки, употребляемыя на неренскомъ промыслѣ, такого же устройства, только нѣсколько больше, потому что тутъ болѣе рассчитываютъ на плаванье по открытой водѣ, чѣмъ во время выволочнаго промысла. Когда нападуть на звѣря, то бѣльковъ бьютъ палками, имѣющими на концѣ

железный крючекъ, большихъ же звѣрей стрѣляютъ изъ винтовокъ. Чтобы удобнѣе подкрасться къ звѣрю, надѣваютъ сверхъ платья бѣлые совики или бѣлая холщевыя рубашки, а на голову особливаго покроя колпаки, называемые *кукольками*, такъ что лысунъ съ трудомъ отличаетъ человѣка отъ бѣлой поверхности снѣга. Набивъ сколько можно звѣря, его тутъ же на льду *свѣжуютъ*, т. е. снимаютъ кожу (по здѣшнему *хоровину*), вмѣстѣ съ жиромъ, ножами, которые каждый имѣетъ на поясѣ, свертываютъ въ тюки, называемые *юрками*, и волокутъ за собою; *равушки* же, т. е. тушки, оставляютъ на льду. Съ такою добычею стараются какъ можно скорѣе вернуться на берегъ. Когда приходится плыть въ лодкѣ, то *юрки* привязываютъ за лодкою, чтобы не загружать ее и чтобы жиръ, оставаясь въ холодной водѣ, не вытекалъ. Иногда, когда ледъ далеко отнесло отъ береговъ, пускаются за звѣремъ на удачу въ лодкахъ, не зная навѣрное, въ которой сторонѣ его искать. При этомъ часто уноситъ лодки вмѣстѣ со льдами, въ которые они стараются попасть, какъ для розысковъ звѣря, такъ и для того, что въ открытомъ морѣ на маленькихъ лодкахъ держаться невозможно. Такъ въ 1859 году унесло съ Зимняго берега до 50 лодокъ на противоположный берегъ къ Сосновцу, а оттуда поворотило къ Моржовцу, куда лодокъ 20 спаслись и, выждавъ удобное время, возвратились на берегъ; о 30-ти же лодкахъ, въ то время, какъ мы были въ тѣхъ мѣстахъ, уже болѣе пяти недѣль не было никакого слуха, и находящіеся на нихъ люди были въ опасности умереть голодною смертью (ибо провизіи у нихъ было немного), или быть залитыми волнами, если необходимость заставитьъ промышленниковъ оставить льды, когда эти послѣдніе будутъ выносить уже въ океанъ, и спастись греблею; при счастья доберутся они до Теркаго или до Канинскаго берега.

На этомъ промыслѣ чтò каждая лодка добудетъ, то и дѣлится между ея хозяиномъ и работниками совершенно независимо отъ прочихъ. Каждый работникъ, если онъ на своихъ харчахъ, получаетъ такой же пай, какъ и хозяинъ, который получаетъ, сверхъ того, еще одинъ на лодку, такъ что число паевъ бываетъ всегда однимъ больше противъ числа участниковъ въ промыслѣ. Но такихъ работниковъ бываетъ мало и они или приносятъ съ собою свою провизію — *ужну*, или покупаютъ ее на деньги у хозяина. Обыкновенно же идутъ работники къ хозяину изъ *покрута*, т. е. получаютъ отъ него провизію на все время промысловъ, верхнюю одежду: совикъ, бахилы (длинные кожаные сапоги), рукавицы и одѣяло; а въ замѣнъ этого отдають ему извѣстную долю изъ пая, который долженъ на нихъ прійтись. Доля эта опредѣляется по предварительному уговору и составляетъ $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{5}$, $\frac{2}{3}$ и даже $\frac{3}{4}$ пая. Чѣмъ работникъ искуснѣе и сильнѣе, тѣмъ бѣльшая, конечно, доля остается въ его пользу; $\frac{1}{4}$ получаютъ обыкновенно только мальчики лѣтъ 14, 15-ти, которые не въ силахъ сработать противу большаго и которые принимаются лишь за недостаткомъ взрослыхъ. Часто это бывають родственники хозяевъ, которые берутъ ихъ съ собою, чтобы приучать съ малыхъ лѣтъ къ этому трудному способу добыванія хлѣба. На собственно зимнебережномъ промыслѣ присоединяется еще то обстоятельство, что такъ какъ здѣсь ловъ происходитъ на большомъ протяженіи берега, а не на одномъ пунктѣ, какъ у Кедовъ, то встрѣчается надобность перевозить провизію по берегу. Это дѣлается болѣею частью на оленяхъ, за которыхъ хозяину ихъ идетъ еще $\frac{1}{2}$ пая, такъ что изъ общей добычи выдѣляютъ $1\frac{1}{2}$ пая лишнихъ противу числа промышленниковъ. Наконецъ, на Зимнемъ берегу нѣкоторые промышленники въ недавнее время оставили всякое дѣленіе на пай, а каждый беретъ себѣ то, что можетъ выволочить, потому что собственно набить звѣря можетъ обыкновенно всякій, сколько ему угодно, а главное дѣло въ томъ, чтобы выволочить набитую добычу.

По этому, сильнымъ не захотѣлось таскать въ пользу слабыхъ. Доли выходятъ при этомъ очень неровныя, и, слѣдовательно, выдѣлить пай на лодку весьма трудно; по этому, тутъ или лодка принадлежитъ сообща всѣмъ промышленникамъ, или хозяинъ добровольно отказывается отъ полученія пая за лодку, если товарищи его на своемъ кошту; покрутчики же отдаютъ ему каждый долю изъ своихъ неровныхъ частей, и, конечно, отъ сильнѣйшаго работника хозяину выгодно получить и меньшую долю.

Обыкновенный запасъ провизіи, который берутъ на этихъ промыслахъ на каждого человѣка, состоитъ: изъ 2 или 2½ пудовъ хлѣба, частью печенаго, частью же въ мукѣ, ½ пуда крупъ и толокна на семь человѣкъ и нѣкотораго количества соленой трески или пикши, масла и соли. При этомъ хозяева имѣютъ обыкновенно довольно большой барышъ, но за то въ иные годы, какъ, напри- мѣръ, въ 1860, покрутчики только поѣдаютъ у нихъ провизію, ибо за неблагоприятными вѣтрами не только ничего не добывается, но даже и въ море не выходятъ. На каждые 20 чело- вѣкъ выбираютъ здѣсь обыкновенно старшину, который получаетъ свой пай наравнѣ съ лучшими покрутчиками, т. е. половину полного пая. Онъ всегда остается на берегу, гдѣ печетъ хлѣбъ и варить пищу. На берегу промышленники ѣдятъ всегда три раза въ день, т. е. обѣдаютъ, паужи- наютъ и ужинаютъ; варятъ обыкновенно уху изъ наваги и имѣютъ всегда квасъ. Но въ морѣ порядка въ ѣдѣ не соблюдается и паужина никогда не бываетъ, квасу также съ собою не берутъ. Во время относовъ обходятся, конечно, съ пищею какъ можно бережливѣе и ее раздѣляютъ всѣмъ поровну небольшими порціями.

в. Устьинскій промыселъ.

Во многомъ иначе производится какъ самый промыселъ, такъ и дѣлежъ добычи на Устьѣ. Въ прежнія, еще очень недавнія времена — можетъ быть не болѣе лѣтъ двадцати тому назадъ — всѣ, желавшіе участвовать въ этомъ промыслѣ, составляли одну огромную артель, называвшуюся *бурсою*, и собирались къ опредѣленному дню на Неренскій берегъ. Отслуживъ молебень въ построенной здѣсь часовнѣ, они отправляли передовыхъ въ море на поиски. По возвращеніи посланныхъ, всѣ лодки шли вмѣстѣ въ указанную ими сторону. Теперь вмѣсто того, чтобы составлять одну большую артель, промышленники раздѣляются на три бурсы по тремъ приморскимъ деревнямъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ хозяева лодокъ, принимающіе участіе въ этомъ ловѣ: именно Койденскую, Долгощелинскую и Семжинскую. Деревня Койда вмѣстѣ съ Нижнею имѣетъ до 70 лодокъ. Долгая Щель (30 верстъ отъ устья Кулоя) 30 лодокъ и Семжа вмѣстѣ съ городомъ Мезенью 40. Койдин- ская bursa отправляется на промыселъ съ Абрамова носа; Долгощелинская съ Неренскаго мыса, куда собиралась прежде вся артель, а Семжинская изъ села Семжи. Это раздѣленіе общей большой артели на три повлекло за собою самыя вредныя послѣдствія. Каждая bursa, отправляясь на про- мыселъ, не спросясь и не дожидаясь остальныхъ, старается пуститься въ море какъ можно ранѣе, такъ чтобы первой успѣть напромышлять. При этомъ не принимаютъ должныхъ предосторожностей, спугиваютъ звѣря, отъ чего и сами добываютъ мало, да и другихъ нерѣдко оставляютъ ни съ чѣмъ. Въ хладнокровномъ состояніи всѣ сознаютъ, что это вредно, но, принадлежа къ разнымъ обществамъ, не могутъ сговориться, а такъ какъ все-таки выгоднѣе поспѣть первому, то и продолжаютъ вре- дить другъ другу. Такъ трудно возстановить однажды — можетъ быть и совершенно случайно —

нарушенный общинный порядок! Начавшаяся безорганизация, впрочем, не остановилась еще на сказанномъ. Даже въ одной и той же бурсѣ часть хозяевъ отправляется раньше другой, что происходитъ отъ того, что не ко всѣмъ хозяевамъ успѣетъ собраться изъ разныхъ мѣстъ Мезенскаго и Пинежскаго уѣздовъ нужное число работниковъ, — и тогда тѣ, которые набрали уже себѣ полный комплектъ, а многіе, и не дожидаясь полного (что очень вредитъ при дальнѣйшей работѣ и даже бываетъ опасно), отправляются отдѣльно отъ прочихъ. Это было, напримѣръ, въ 1859 году съ Койденскою бурсою. Бываютъ и такіе случаи: развѣдчики найдутъ звѣря, и хозяева положить на завтра сообщая идти на бой его; но нѣкоторые изъ нихъ уходятъ одни, тайно ночью, набиваютъ, что могутъ, и даже разводятъ огонь съ цѣлію напугать звѣря изъ одного завистнаго желанія однимъ быть въ уловѣ. Въ 1859 году такой случай былъ въ Семжинской бурсѣ. Хозяевъ, набившихъ себѣ украдкою звѣря, конечно побили и хотѣли было завести съ ними дѣло; но такъ какъ обѣ стороны были виноваты: одна въ воровствѣ, а другая въ самоуправствѣ, то онѣ и помирились, не давъ дѣлу дальнѣйшаго хода. Такой безорганизациі лова непременно надо положить предѣлъ, тѣмъ болѣе, что устьинскій промыселъ всегда вѣрный, не то, что выволочный, гдѣ все зависитъ отъ вѣтровъ и гдѣ при господствѣ береговыхъ южныхъ и югозападныхъ вѣтровъ, какъ, напримѣръ, въ 1860 году, случается, что и шерстинки не добудутъ. Между тѣмъ, въ слѣдствіе этихъ несогласій, и вѣрный устьинскій ловъ въ послѣдніе годы часто бывалъ неудаченъ.

Кромѣ соединенія всѣхъ промышленниковъ въ одну большую артель, или въ три отдѣльныя бурсы, хозяева лодокъ соединяются еще по-трое и по-четверо въ болѣе тѣсныя товарищества для взаимной помощи.

Отправляясь на этотъ промыселъ, идутъ далеко въ море не случайно уже, какъ на выволочномъ, а съ прямою цѣлью жить и промыслять, сколько будетъ возможно, на льду. По этому, и запаса берутъ съ собою больше, именно: по 3 пуда кругаго съ солью испеченнаго хлѣба, по 10 фунтовъ крупъ и толокна на человѣка, достаточное количество масла, соли и соленой трески.

Доплывъ до льда, вытаскиваютъ на него лодки и располагаются какъ можно удобнѣе. Прежде выгружали лодки, валили ихъ на бокъ, съ открытой стороны затягивали входъ парусомъ, и такимъ образомъ подъ навѣсомъ спасались отъ холода и непогодъ. Но если разламывало льдину, то часто не успѣвали уложить всего въ лодку и привести въ должный порядокъ. Иногда же разламывался ледъ подъ самою лодкою и многіе черезъ это погибали. По этому, теперь придумали гораздо лучшій и безопаснѣйшій способъ доставлять себѣ убѣжище отъ непогодъ. Изъ лодокъ ничего не выгружаютъ, но протягиваютъ съ кормы на носъ веревку — *шшику*, упираютъ въ нее и въ борта четыре палочки — *шелемки*, въ видѣ стропиль, и натягиваютъ на нихъ, какъ на крышу или палатку, парусъ, называемый *буиною*. Во время такихъ стоянокъ на льду варятъ себѣ пищу, разводя огонь въ такъ называемыхъ печкахъ, т. е. просто на желѣзныхъ листахъ, которыми запасается каждая лодка. Воду таятъ изъ снѣга. Огонь разводятъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда знаютъ, что вблизи подъ вѣтромъ нѣтъ звѣря, потому что онъ за 10 и даже за 20 верстъ почуветъ запахъ дыма и непременно уйдетъ со льда въ море. Вообще лысуны, какъ въ большей или въ меньшей степени и всѣ породы тюленей, имѣютъ чрезвычайно острое обоняніе, и изо всѣхъ своихъ чувствъ только одному ему вполне довѣряютъ. Если они видятъ человѣка, слышатъ голоса, или даже стрѣльбу, то не уйдутъ, а все будутъ лежать на льду, или выныривать изъ воды, стараясь подойти подъ вѣтеръ отъ того предмета,

который кажется имъ подозрительнымъ и перехватить его духъ, и только достигнувъ этого, скрываются окончательно. Я самъ имѣлъ случай убѣдиться въ подобныхъ маневрахъ морскихъ зайцевъ, которыхъ мы встрѣчали не разъ въ устьяхъ Печоры и Кулоя. По нѣскольку разъ стрѣляли мы въ нихъ и они все таки не удалялись, безпрестанно вновь выныривали, пока не зашли намъ подъ вѣтеръ и, по выраженію нашихъ рабочихъ, не переняли нашего духа.

Расположившись на льду, хозяева отправляютъ по одному человѣку съ двухъ или съ трехъ лодокъ на развѣдку звѣря, что называется идти въ *хозъ*. Хозомъ называется собственно узкій и длинный мѣшокъ, ко дну и къ горлу котораго прикрѣплено по веревкѣ; въ него кладутъ хлѣба на одну, на двѣ, или на три воды (*), и опоясываются имъ какъ поясомъ, чтобы онъ нисколько не мѣшалъ движеніямъ. Въ хозъ выбираютъ всегда самыхъ ловкихъ и проворныхъ молодыхъ людей, потому что путешествіе это по льду бываетъ очень затруднительно и опасно. Между льдинами случаются расщелины, черезъ которыя надо перебираться, или перепрыгивая съ *рупака на рупокъ* (рупокъ — небольшая льдина, которая, однако, можетъ еще сдерживать человѣка), или перебѣгая на лыжахъ по мелкимъ осколкамъ льда — *шуть*, которая, какъ густая каша, наполняетъ эти промежутки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ только быстрота спасаетъ смѣльчаковъ, малѣйшая же заминка стоитъ нерѣдко жизни. Развѣдчики расходятся партіями по 3 и по 4 человѣка въ различныя стороны. Если они и не нападутъ на звѣря, то всегда уже стараются возвратиться къ напередъ предположенному сроку. Для того, чтобы они вѣрнѣе знали, гдѣ главное становище, вывѣшиваютъ на кольяхъ или шестахъ маховки, т. е. что нибудь развѣвающимеся. Та партія, которой посчастливится примѣтить звѣриное *юроро* (стадо), возвращается немедленно, не давъ ему почуять своего запаха. Тогда хозяева опредѣляютъ кому идти на бой, имъ ли однимъ, или взять съ собою помощниковъ, которымъ въ такомъ случаѣ даютъ запасныя ружья, всегда имѣющіяся въ лодкѣ по одному сверхъ хозяйскаго. Въ этомъ случаѣ они руководствуются какъ количествомъ звѣря, отысканнаго развѣдчиками, такъ и тѣмъ, куда несетъ льдину, — къ берегу или въ голомя. Только въ первомъ случаѣ стоитъ бить много звѣря; а то, за затруднительность перетаскиванья ихъ кожъ, придется и убитыхъ оставить на льду. Когда мѣсто, на которомъ находятся звѣри, очень близко къ берегу и ихъ много, то ихъ даже бьютъ палками. Обыкновенно же стрѣляютъ и то по большей части только одни хозяева, которые всегда должны быть отличными стрѣлками. Вслѣдъ за хозяевами тянутъ и лодки, чтобы онѣ всегда были вблизи на случай несчастья. Для стрѣльбы подползаютъ, по возможности, близко къ звѣрямъ съ подвѣтренной стороны, чтобы всякій выстрѣлъ убивалъ на повалъ, а не ранилъ только, — что называется сдѣлать *шауй* — или *обшавить звѣря*, и влечетъ за собою потерю всего промысла, потому что, увидѣвъ своего товарища раненымъ, а не убитымъ, и услышавъ его ревъ, звѣри непременно уйдутъ въ воду. Выстрѣла же они не боятся, принимая его, вѣроятно, за трескъ льда; видя своего убитаго товарища, было встрепенувшагося, безъ движенія, они думаютъ, что онъ снова легъ на отдыхъ. Набивъ сколько можно звѣря, его свѣжуютъ и связываютъ кожи по-парно въ юрки, которыя тянутъ повсюду за лодками, что составляетъ самую трудную работу. Сначала оттянуть лодку на извѣстное разстояніе и, оставивъ ее, отправляются за юрками, и это столько разъ, сколько юрковъ приходится

(*) *Водю* называется время между двумя высокими или двумя низкими стояніями воды, которое, следовательно, составляетъ 12 часовъ.

на брата; послѣ чего опять оттаскиваютъ лодку и такъ далѣе, пока не остановятся на новую стоянку, или не выйдутъ на открытую воду. На водѣ каждая лодка прицѣпляетъ приходящіяся на ея долю юрки на длинныхъ веревкахъ къ кормѣ. По этому, для ловцовъ всего удобнѣе, когда между льдинами остаются большія прогалины: въ нихъ не бываетъ волненія, а между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы тащить по льду юрки и лодки, можно плыть. Но опять не хорошо, если море чисто отъ льдовъ на большее пространство, ибо на открытой водѣ опасно для малыхъ лодокъ; при томъ во время холодовъ, при большихъ волненіяхъ, обдаетъ людей холодною водою, которая на нихъ и обмерзаетъ. Случается, что отъ этого иные замерзаютъ. Сплошной ледъ опять таки не годится, потому что чрезвычайно затруднительно далеко тащить лодки и юрки, что часто заставляетъ бросать часть добычи. По этому, при всякомъ удобномъ случаѣ, стараются отправить добытыя уже юрки на берегъ. Каждая три или четыре лодки, составляющія между собою болѣе тѣсное товарищество, о которомъ я говорилъ выше, отправляютъ одну изъ нихъ съ доставшимися на ихъ долю юрками. Иногда случается, что эти лодки принуждены бываютъ бурей и волненіями бросать свои юрки, или юрки отрываетъ; въ такомъ случаѣ убытокъ этотъ считается общимъ всему товариществу, и та лодка, съ которой случилось несчастіе, участвуетъ наравнѣ съ прочими въ дальнѣйшемъ дѣлежѣ добычи; но до всей бурсы это уже не касается, и она этихъ убытковъ не вознаграждаетъ. Если лодка благополучно достигаетъ берега, то, сваливъ тамъ добычу и набравъ хлѣба и вообще новаго запаса провизіи, сейчасъ же снова отправляется въ море на помощь къ товарищамъ въ ихъ трудахъ, а можетъ быть и на выручку ихъ изъ опасности. Чтобы отыскать ихъ, надо хорошо помнить все бывшіе со времени разлуки вѣтра, дабы, соображаясь съ ихъ силою и продолжительностью, угадать, гдѣ товарищи теперь должны примѣрно находиться. Если между тѣмъ набили много добычи, то отправляютъ ее на другой лодкѣ на берегъ, не дожидаясь возвращенія первой.

Разница въ дѣлежѣ добычи сравнительно съ вывочнымъ промысломъ заключается лишь въ томъ, что тутъ дѣлится ее не каждая лодка отдѣльно, а цѣлая бурса (прежде вся большая артель) на равныя доли, смотря по числу участниковъ и полагая также лишній пай на каждую лодку. Отношенія хозяевъ къ работникамъ, которые могутъ быть на своихъ харчахъ, или на хозяйскихъ, совершенно тѣ же, какъ и на вывочномъ промыслѣ. Здѣсь надо только еще замѣтить, что такъ какъ нѣкоторые хозяева Койды, Долгой Щели и Семжи имѣютъ по нѣсколько лодокъ, то на лишнія лодки приглашаютъ они быть хозяевами извѣстныхъ своимъ искусствомъ стрѣлковъ и промышленниковъ, за что полагаютъ, сверхъ приходящагося имъ пая, еще $\frac{1}{4}$ пая изъ своего лодочнаго, такъ что такой названный хозяинъ получаетъ по $1\frac{1}{4}$ пая, — а настоящій съ двухъ лодокъ $1\frac{3}{4}$.

3. ДОХОДЪ, ДОСТАВЛЯЕМЫЙ ПРОМЫСЛАМИ ПРОМЫШЛЕННИКАМЪ.

Какъ на устьинскомъ промыслѣ, такъ и на прочихъ, доля, ежегодно выпадающая на пай, бываетъ весьма различна. Такъ въ 1860 году на вывочномъ промыслѣ рѣшительно не добыли ничего, а, напримѣръ, въ 1856 году промышлявшіе и въ вепрьскихъ избункахъ получили кругомъ по 200 руб. асс. на пай. На устьинскомъ ловѣ пришлось въ 1859 году по 14 кожъ на пай. Такъ какъ цѣна кожи измѣняется въ настоящее время отъ 5 р. до 7 р. 75 к. с. за взрослого лысуна (т. е. такого, у котораго уже есть крылья), то это составитъ слишкомъ 80 р. с., такъ что половинщикъ получаетъ въ

теченіи какого нибудь мѣсяца рублей около 150 ассигн. При дѣлежѣ и продажѣ добычи изъ первыхъ рукъ принимаютъ трехъ бѣлковъ за одного взрослого звѣря.

4. ПРИГОТОВЛЕНИЕ И СБЫТЪ САЛА И КОЖЪ.

Обыкновенно промышленники продаютъ кожу вмѣстѣ съ саломъ скупщикамъ; послѣдніе соскабливаютъ сало скобками, т. е. ножами, имѣющими форму пологой дуги, къ обоимъ концамъ которой придѣлано по деревянной ручкѣ. Соскобленное сало оставляютъ стечь на солнцѣ, что даетъ первый сортъ ворвани — *самотеку*. Послѣ этого кладутъ его въ желѣзные котлы, на дно которыхъ налито немного воды, чтобы сало не пригорало. Котлы эти вставляютъ въ ямы, въ которыя они плотно входятъ, такъ чтобы разводимый подъ ними огонь нагрѣвалъ только дно, а не обхватывалъ котла пламенемъ со сторонъ, — отъ чего сало могло бы загорѣться. Изъ двухъ пудовъ сыраго сала — *шеляи* выходитъ $1\frac{1}{2}$ пуда ворвани, и остается $\frac{1}{2}$ пуда *барды*, изъ которой выжимаютъ еще до 5 фунтовъ черной ворвани. Количество сала (вмѣстѣ съ кожей), получаемое отъ морскихъ звѣрей, весьма различно не только по породамъ и возрасту ихъ, но и по временамъ года. Средній вѣсъ доставляемыхъ ими полезныхъ продуктовъ считается: для лисуна отъ 3 до 5 и даже до 7 пудовъ, для утельги отъ 3 до 4 пудовъ, сѣрки отъ 1— $1\frac{1}{2}$ пуда, хохлуши около пуда, бѣлка отъ 3—5 фунтовъ. Нерпыа даетъ отъ 20 фунтовъ до $1\frac{1}{2}$ пуда; морской заяцъ и заюха зимою отъ 5 до 7 и даже до 10 пудовъ. Во время устьинскаго лова онъ даетъ уже меньше. Какъ о чудѣ рассказываютъ, что однажды убили яловую заюху, давшую 12 пудовъ кожи и сала.

Почти все, добываемое въ Бѣломъ морѣ, сало идетъ за границу; внутри Россіи остается самое ничтожное количество, и то худшихъ сортовъ, идущее на выварку мыла самаго низшаго качества. Кожи бѣлковъ подкрашиваются и выдѣлываются въ довольно красивые и мягкіе мѣха; кожи же взрослыхъ звѣрей большею частью отправляются за границу. Для этого ихъ солятъ, при чемъ идетъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 4 фунтовъ соли на кожу; часть же выдѣлываютъ въ Холмогорахъ на черную сапожную кожу. Изъ кожъ большихъ лисуновъ и зайцевъ выдѣлываютъ также подошвы: изъ лисуна выходитъ 6 паръ, а изъ зайца 10 паръ подошвъ. Кожи зайцевъ промышленники обыкновенно не продаютъ, а сами разрѣзаютъ на ремни, употребляемые на гужи, возжи и вообще на упряжь. Ремни рѣжутъ не вдоль, а кругомъ всей кожи, такъ что изъ нея выходитъ одинъ ремень, который продаютъ на сажени, обыкновенно отъ 10 до 25 к. асс. сажень, смотря по ширинѣ и добротѣ ремня. Изъ большого зайца, дающаго десять пудовъ сала, выходитъ до 50 сажень ремня, изъ дающаго два пуда только 20 сажень.

5. КОЛИЧЕСТВО ДОБЫВАЕМАГО СЪ ПРОМЫСЛОВЪ САЛА.

Общее количество добычи морскихъ звѣрей на Бѣломъ морѣ весьма трудно опредѣлить; лучшимъ мѣриломъ для этого можетъ служить количество сала, отправляемаго за границу архангельскими купеческими конторами. По этому, я прилагаю небольшую таблицу, въ которой это количество означено за послѣднія 19 лѣтъ. Она заслуживаетъ довѣрія, потому что получена непосредственно отъ самихъ конторъ. Тутъ означено не то только сало, которое добывается изъ тюленьихъ породъ, но и моржовое и бѣлужье. Послѣднее составляетъ высшій сортъ ворвани. Въ 1855 году отпуска не было по случаю войны.

Въ 1841 году отправлено	36,821	пуд.	ворвани.
» 1842 » »	42,916	»	»
» 1843 » »	38,840	»	»
» 1844 » »	39,583	»	»
» 1845 » »	15,509	»	»
» 1846 » »	55,075	»	»
» 1847 » »	46,100	»	»
» 1848 » »	16,617	»	»
» 1849 » »	68,453	»	»
» 1850 » »	49,810	»	»
» 1851 » »	40,301	»	»
» 1852 » »	28,216	»	»
» 1853 » »	40,539	»	»
» 1854 » »	5,402	»	»
» 1855 » »	—	»	»
» 1856 » »	60,479	»	»
» 1857 » »	21,128	»	»
» 1858 » »	42,829	»	»
» 1859 » »	18,738	»	»

О лучшихъ годахъ послѣдняго времени удалось намъ собрать еще слѣдующія свѣдѣнія:

Въ 1850 году цѣнность добытаго на одномъ кедовскомъ промыслѣ звѣря составляла около 300,000 р. асс. Въ этомъ году, рассказываютъ промышленники, кучи наваленныхъ кожъ были выше избъ. Въ этомъ году и въ предшествовавшемъ отъ Мудюги до Мезенскаго залива, т. е. во время стрѣльни и выволочнаго промысла, добыли до 50,000 пудовъ сала. Въ 1856 году, также весьма хорошемъ, на томъ же пространствѣ добыто до 40,000 пудовъ. Въ 1859 году на устьинскомъ ловѣ добыли до 10,000 пудовъ сала. Если такимъ образомъ къ 50,000 пудамъ, добываемымъ въ лучшіе годы на всемъ протяженіи Зимняго берега отъ Мудюхи до Воронова мыса, отъ декабря до конца марта, прибавить 10,000 пудовъ на устьинскій промыселъ и столько же на канушинскій и терскій, то въ самый уловный годъ добудется отъ 70,000 до 80,000 пудовъ сала изъ тюленьихъ породъ на всемъ Бѣломъ морѣ. Это количество можетъ похвастаться за наибольшее, которое едва ли когда было превзойдено. Если сравнить эту добычу съ количествомъ сала, получаемого съ Каспійскаго моря, изъ одного и то небольшого вида тюленя (*Phoca caspica*, Nilss.), то прійдемъ къ тому неожиданному и едва вѣроятному результату, что 70,000 пудовъ составляютъ весьма обыкновенный привозъ въ Астрахань, а нерѣдко это количество достигаетъ и до 130,000 пудовъ. Если принять въ соображеніе огромныя юрова лысуновъ, стекающихся изъ значительной части полярнаго океана въ Бѣлое море, то такой невыгодный для послѣдняго результатъ нельзя объяснить иначе, какъ трудностями, съ которыми долженъ здѣсь бороться промыселъ морскихъ звѣрей. Количество же самага звѣря можно почесть почти неистощимымъ.

6. МѢРЫ, ПРЕДЛАГАЕМЫЯ КЪ УЛУЧШЕНІЮ ПРОМЫСЛА МОРСКИХЪ ЗВѢРЕЙ.

Вслѣдствіе такого обилія звѣря весьма важно было бы принять мѣры къ облегченію, усиленію и дальнѣйшему развитію этого промысла. По тщательному соображенію самой сущности дѣла и послѣ

совѣщаній съ опытными и добросовѣстными промышленниками, экспедиція пришла въ этомъ отношеніи къ слѣдующимъ заключеніямъ.

а. Возстановленіе прежняго устройства устьинскаго лова.

На устьинскомъ промыслѣ необходимо возобновить прежній способъ его производства, т. е. чтобы всѣ участвующіе въ немъ собирались къ опредѣленному дню въ извѣстное мѣсто, всего лучше на Неренскій берегъ, и отправлялись оттуда не иначе, какъ вмѣстѣ и съ общаго согласія, когда соберется полный комплектъ рабочихъ. Тѣ же, которые осмѣлятся выдти на промыселъ раньше другихъ, и тѣмъ болѣе развести огонь и испугать этимъ звѣря, должны подлежать строгому наказанію, какъ за воровство общественной собственности. Причины, заставляющія желать возстановленія на этомъ промыслѣ прежняго порядка вещей, изложены мною уже выше, и онѣ тѣмъ болѣе уважительны, что согласуются съ желаніемъ лучшей части населенія прибрежныхъ деревень. Для надзора за исполненіемъ этого постановленія, равно какъ и вообще для наблюденія за порядкомъ лова, полезно бы было выбирать, при общественныхъ выборахъ, особливыхъ рыболовныхъ старостъ изъ главнѣйшихъ селеній, принимающихъ участіе въ устьинскомъ ловѣ, какъ-то: Койды, Долгой Щели, Семжи, Лампожни, Нижи, Нижней Немюги и отъ Мезенскаго мѣщанскаго общества.

б. Назначеніе срока для начала вывoločнаго промысла.

Вывoločный промыселъ начинался прежде не ранѣе половины февраля; въ послѣднее же время жители Зимняго берега стали выходить на него все ранѣе и ранѣе, и теперь начинаютъ бой съ самаго Стрѣтеня (2-го февраля). Это дѣлается ими для того, чтобы успѣть набить бѣльковъ, шкура которыхъ цѣнна, ибо продается отъ 1½ — 2 р. с., а между тѣмъ мало вѣсится, такъ что одинъ человекъ можетъ тащить юрокъ, составленный шкуръ изъ 20 бѣльковъ, зашитыхъ въ одну шкуру большаго звѣря, слѣдовательно рублей на сорокъ серебромъ. Это имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Выгоды состоятъ въ томъ, что жители нѣкоторыхъ деревень Зимняго берега получаютъ въ бѣлькахъ очень цѣнную добычу. Нѣтъ нужды запрещать бить бѣльковъ, потому что лисы собираются въ Бѣлое море рожать дѣтей изъ значительной части океана; бьютъ же изъ нихъ, за часто случающимися неблагопріятными вѣтрами, все-таки незначительную часть, такъ что нѣтъ основанія опасаться уменьшенія этой породы звѣрей, хотя лисы и рожаютъ большею частью по одному дѣтенышу, рѣдко по два. Лучшимъ доказательствомъ того, что, не смотря на искони существующій въ Бѣломъ морѣ промыселъ, лисы до сего времени нисколько не уменьшились, можетъ служить то, что сами жители, столь склонные видѣть во всемъ уменьшеніе, ни мало на него, однакоже, не жалуются. Но такой ранній выходъ на звѣриный промыселъ тѣмъ невыгоденъ, что пугаетъ готовящихся рожать самокъ, которыя въ это время очень пугливы. Спуганныя, онѣ угребаютъ, какъ говорятъ, верстъ по 50 и по 70 въ сутки, чтобы отыскать себѣ болѣе безопасное убѣжище для рожденія дѣтей, на льдахъ середины моря. Отъ этого ихъ приносятъ мимо Кедовъ, гдѣ производится главная отрасль вывoločнаго промысла, гораздо ранѣе 1-го марта. Если же собираться на кедовскій промыселъ ранѣе, чѣмъ это изстари заведено, то бѣльки еще недостаточно подросли, такъ что даютъ слишкомъ мало сала, которое все-таки есть главный продуктъ звѣринаго промысла, сбытъ котораго всегда вѣренъ и цѣна на который все возрастаетъ; шкуры же

бѣльковъ, составляя болѣе предметъ прихоти, чѣмъ дѣйствительной потребности, при значительномъ боѣ ихъ, должны непремѣнно упасть въ цѣнѣ, такъ что убытокъ, полученный на салѣ, едва ли вознаградится шкурами. Наконецъ, если до сихъ поръ и не замѣчалось уменьшенія въ лысунахъ, то нельзя сказать, чтобы оно было совершенно невозможно въ будущемъ, особливо при облегченіи и усиленіи промысла на нихъ, которыя думаю предложить. И такъ, если и нѣтъ причинъ именно запрещать бой бѣльковъ, то неблагоразумно было бы ему и благопріятствовать. По этому, ежели можно получить такой же доходъ съ болѣе взрослыхъ звѣрей, какъ и съ бѣльковъ, то благоразуміе заставляетъ, думаю я, предпочитать первый способъ полученія дохода второму, и, слѣдовательно, желаніе кедовскихъ промышленниковъ, чтобы запрещено было выходить на зимнебережніе промыслы ранѣе половины феврала, заслуживаетъ уваженія, потому что болѣе сообразно съ видами общей пользы, нежели желаніе жителей ближайшихъ къ устью Двины деревень Зимняго берега — выходить на этотъ бой какъ можно ранѣе. Здѣсь я долженъ предупредить одно возраженіе, которое очень легко можетъ представиться. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно для размноженія породы лысуновъ, будутъ ли биты 5 фунтовыхъ бѣльковъ, или пудовыхъ хохлушъ, или полутора пудовыхъ сѣрокъ, когда тѣ и другія равно еще не способны къ размноженію себѣ подобныхъ. Но надо вспомнить, что число промышляемыхъ звѣрей ограничивается на бѣломорскихъ промыслахъ не тѣмъ, сколько ихъ можно встрѣтить и набить, а всѣмъ юрковъ, который можно стащить; по этому число убиваемыхъ звѣрей будетъ всегда во столько разъ менѣе, во сколько вѣсь ихъ болѣе. Къ этимъ соображеніямъ присоединяются еще два, также не лишеныя важности и говоряція въ пользу болѣе поздняго выхода на выволочный промыселъ. Въ первое время послѣ рожденія дѣтенышей (говорятъ здѣшніе промышленники), когда матки не успѣли еще съ ними облежаться, онѣ чувствуютъ къ нимъ мало привязанности, такъ что при опасности оставляютъ ихъ на льду, а сами уплываютъ; впоследствии же получаютъ къ своимъ дѣтямъ сильную привязанность, всѣми мѣрами стараются ихъ защищать и, потому, обыкновенно вмѣстѣ съ ними и убиваются, — что для промышленника, конечно, весьма выгодно. Извѣстно еще, что всѣ животныя, для рожденія дѣтей, стараются окружить себя наивозможно болѣе безопасностью и не любятъ, чтобы въ это время ихъ тревожили. Выше было замѣчено уже о пугливости утельгъ въ это время. По этому весьма можетъ статься, что, будучи постоянно обезпokoиваемы слишкомъ рано выходящими на промыселъ промышленниками, лысуны со временемъ, конечно только мало по малу, перестанутъ стремиться такими стаями въ Бѣлое море, а будутъ стараться найти для себя болѣе безопасныя убѣжища. По всѣмъ этимъ причинамъ я полагаю бы запретить выходъ на зимнебережній промыселъ ранѣе 15-го феврала.

с. Устройство сторожевыхъ башенъ на Зимнемъ берегу и на островъ Сосновць.

При описаніи выволочнаго и зимнебережняго лововъ мы видѣли, какія бѣдствія терпятъ промышленники, отправляясь на удачу отыскивать звѣря. Они избѣжали бы значительной части ихъ, если бы могли навѣрное знать: есть ли кожа въ морѣ и гдѣ она? Тогда не пускались бы они, часто по пусту, въ море, наскучивъ въ безплодныхъ ожиданіяхъ на берегу, приносящихъ хозяевамъ лишь однѣ издержки. Съ этимъ вмѣстѣ не упустили бы они удобныхъ случаевъ набить звѣря, который проносится мимо ихъ на льдинахъ, но такъ, однако, далеко, что съ берега этого не видно. Достигнуть такого облегченія зимнебережняго лова очень легко, построивъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, на

возвышенностяхъ, башни и снабдивъ ихъ зрительными трубами. Удобнѣйшими для этого мѣстностями считаютъ промышленники мысъ Инцы, урочище Кеды и на противоположномъ берегу моря островъ Сосновецъ. Съ этихъ башень всегда можно будетъ слѣдить за ходомъ звѣря и, посредствомъ простыхъ сигналовъ, передавать съ берега на берегъ, гдѣ онъ находится и приблизительно въ какомъ количествѣ, потому что тутъ самое узкое мѣсто моря, — всего отъ 40 до 50 верстъ. Башни эти можно устроить на подобіе тѣхъ составленныхъ изъ бревенъ пирамидъ, которыя употребляются при геодезическихъ съемкахъ, съ платформами наверху. Такія башни съ хорошими морскими зрительными трубами обойдутся не дорого и расходъ, на нихъ сдѣланный, можно будетъ выручить въ послѣдствіи сборомъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, небольшого налога съ каждой участвующей въ выволочномъ промыслѣ лодки.

d. *Издѣлованіе Чешской губы въ отношеніи къ звѣриной промышленности.*

Судя по одной аналогіи, должно уже заключить, что лисуны идутъ стадами не въ одно Бѣлое море, а также и въ Чешскую губу. Многіе промышленники, бывавшіе въ различныя времена года на пустынныхъ берегахъ ея, увѣряютъ, что въ зимнее и весеннее время слышали тамъ хорошо извѣстный имъ ревъ морскихъ звѣрей. Въ этомъ стоило бы удостовѣриться, и лучшимъ средствомъ было бы снарядить небольшую зимнюю экспедицію въ эту губу, изъ трехъ или четырехъ опытныхъ устьинскихъ хозяевъ-промышленниковъ съ должнымъ числомъ работниковъ. Охотники изъ нихъ на это непременно найдутся; надо только дать имъ денежные средства на постройку и перевозку (зимою на оленяхъ) лодокъ, къ берегамъ Чешской губы, наемъ рабочихъ, покупку съѣстныхъ припасовъ и вообще на всѣ издержки, которыхъ потребуеъ этотъ опытъ; — предоставить въ ихъ пользу все, что они напромышляютъ во время своихъ развѣдокъ, и, въ случаѣ успѣха, обѣщать имъ какую нибудь денежную награду. Если бы звѣри дѣйствительно тамъ оказались, — какъ этого должно ожидать, — то отдаленность Чешской губы нимало не помѣшала бы успѣху промысловъ, потому что лодки можно перевезти туда разъ на всегда на оленяхъ, а на лѣто оставлять на сохраненіе самоѣдамъ, какъ теперь поморы оставляютъ на Мурманскомъ берегу свои лодки на зиму, подъ сохраненіе лопарямъ. Провизію будутъ доставлять туда, на время промысловъ, также на оленяхъ, какъ это и теперь дѣлается на Зимнемъ берегу. Наконецъ, если характеръ промысловъ это дозволить, промышленники могутъ жить на берегу въ чумахъ, которые вовсе не хуже избушекъ. Выгоды же для бѣднаго средствами Мезенскаго края были бы отъ этого чрезвычайныя, ибо если только въ Чешской губѣ есть звѣри, то количество ихъ должно быть тамъ, точно такъ какъ и въ Бѣломъ морѣ, очень значительно. Сверхъ того, можно надѣяться, что ближайшее знакомство мезенскихъ промышленниковъ съ Чешскою губою поведетъ въ послѣдствіи къ развитію въ ней и рыбныхъ промысловъ. Издержки, которыя потребовала бы развѣдочная экспедиція, также могли бы быть выручены, въ случаѣ благопріятнаго успѣха, посредствомъ небольшой пошрины, налагаемой на каждую промышленяющую лодку. Только, полагаю, обложеніе ихъ такою пощиною не должно имѣть мѣста въ первые же годы открытія промысловъ.

О Т Ч Е Т Ъ Т Р Е Т Ъ Й.

І. МУРМАНСКІЙ ПРОМЫСЕЛЬ.

У береговъ Бѣлаго моря почти каждая порода ловимыхъ рыбъ и промыслаемыхъ звѣрей составляетъ предметъ совершенно отдѣльнаго промысла, имѣющаго весьма мало общаго съ прочими промыслами и производимаго, спеціально занимающимися имъ, промышленниками, которые если и переходятъ отъ одного предмета лова къ другому, то не иначе, какъ въ различныя времена года. Самые способы приготовленія и пути сбыта этихъ произведеній моря совершенно различны. Это заставило меня въ прошлогоднемъ отчетѣ говорить отдѣльно о ловѣ каждой изъ породъ рыбъ, имѣющихъ значеніе въ экономическомъ смыслѣ, и этому же порядку изложенія принужденъ я буду слѣдовать, говоря о дополнительныхъ изслѣдованіяхъ экспедиціи относительно бѣломорскихъ промысловъ. Въ совершенно другихъ условіяхъ находятся мурманскіе промыслы. Почти всѣ ловимыя здѣсь породы рыбъ добываются изъ моря тѣми же орудіями и тѣми же промышленниками; способы приготовленія и пути сбыта для всѣхъ продуктовъ лова почти одинаковы. Существенное различіе замѣчается только въ организаціи лова, какъ-то: въ устройствѣ артелей, дѣлежѣ добычи и т. п., смотря потому, промышленники мѣстные ли жители лапландскаго побережья, коляне, или, временно приходящіе сюда, поморы. Но самые предметы лова и въ этомъ отношеніи не имѣютъ никакого вліянія. Единственныя исключенія изъ этого составляютъ: только-что начинающійся здѣсь ловъ акулъ и, въ послѣдніе годы почти совершенно оставленный, ловъ сайды, которые требуютъ совершенно другихъ орудій и способовъ лова, чѣмъ прочія здѣшнія морскія рыбы. На этомъ основаніи я буду говорить о мурманскомъ ловѣ, какъ объ одномъ нераздѣльномъ цѣломъ, не раздробляя описанія его по предметамъ лова, какъ въ прошлогоднемъ отчетѣ. Послѣ краткаго перечисленія промыслаемыхъ рыбъ и нѣкоторыхъ естественно-историческихъ замѣчаній объ нихъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ лову, я вкратцѣ опишу орудія, способы лова и приготовленія рыбъ на сколько это нужно, чтобы понять самую организацію промысла и отношенія между хозяевами и работниками, и окончу взглядомъ на торговлю поморовъ съ Норвегіею.

1. ПОРОДЫ РЫБЪ, СОСТАВЛЯЮЩИХЪ ПРЕДМЕТЪ МУРМАНСКАГО ПРОМЫСЛА.

Главнѣйшая изъ всѣхъ породъ рыбъ, ловимыхъ у Мурманскаго берега, есть: а) *треска* (*Gadus Morrhua*, L.). Можно даже сказать, что она составляетъ почти единственную цѣль здѣшняго лова, къ которому и принаровлены употребляемыя рыболовныя орудія, и что прочія рыбы попадаютъ только,

какъ бы случайно, между трескою. Рыба эта, по крайней мѣрѣ взрослая, живетъ на большой глубинѣ и обыкновенно близъ дна; по этому, ловцы должны выѣзжать по крайней мѣрѣ на глубину отъ 40 до 60 сажень, для выметыванія своихъ снастей, но не рѣдко ловятъ и на двойной глубинѣ, и чѣмъ глубже, тѣмъ обыкновенно бываетъ крупнѣе рыба. Быстрое увеличеніе глубины отъ берега почти вдоль всего лапландскаго побережья, преимущественно же въ западной части его, составляетъ, по этому, весьма счастливое обстоятельство, ибо чѣмъ ближе отъ становища глубина, на которой дѣлается выгоднымъ выбрасываніе снасти, тѣмъ менѣе теряется времени въ поѣздкахъ на мѣста лова, и обратно, и тѣмъ меньшей опасности подвергаются ловцы при наступающихъ, во время лова, буряхъ. Въ этомъ отношеніи еще несравненно выгоднѣе побережья Норвегіи, гдѣ, при еще быстрѣе увеличивающейся глубинѣ, разсѣянные повсемѣстно острова представляютъ вѣрное и близкое убѣжище отъ непогодъ. Другое весьма счастливое обстоятельство для лова трески состоитъ въ томъ, что молодья, не достигшія еще зрѣлости, рыбы этой породы держатся отдѣльно отъ взрослыхъ на гораздо меньшей глубинѣ, а такъ какъ очевидно выгоднѣе принаравливать снасть къ лову крупной, взрослой трески, то молодья дѣтеныши ея никогда не ловятся. Изъ сотенъ лодокъ, которыя возвращались съ уловленною добычею и которыя случалось намъ пересматривать во время нашего пребыванія въ мурманскихъ становищахъ, ни разу не попадалось намъ мелкой трески, неспособной еще къ размноженію своей породы. Это обстоятельство, обширность, можно даже сказать безграничность пространства, на которомъ живетъ треска, необыкновенное множество заключающихся въ ней икрынокъ, въ чемъ она едва ли не превосходитъ всѣхъ прочихъ рыбъ, и, наконецъ, самыя мѣста метанія ею икры, — которое все еще происходитъ на довольно значительной глубинѣ, хотя рыбы и приближается для этого къ берегамъ, такъ что выметанная икра находится въ безопасности отъ волненія и не можетъ быть выкидываема на берега, — обусловливаютъ безграничный ловъ этой рыбы на вѣчныя времена. Это достаточно подтверждается непосредственнымъ многолѣтнимъ опытомъ у Нью-Фаундленда и у Лофоденскихъ острововъ. Такъ, у этой послѣдней мѣстности, съ незапамятныхъ временъ собираются ежегодно цѣлыя флоты ловцевъ, число которыхъ въ послѣднее время превышаетъ 20,000 человекъ, и ни разу еще не было примѣра, чтобы ловъ этотъ былъ неудаченъ.

Этого нельзя, конечно, сказать о мурманскомъ ловѣ. Здѣсь бывають годы хорошихъ и годы худыхъ улововъ. Но это зависитъ не отъ того, чтобы количество рыбы уменьшалось, хотя бы временно, а отъ совершенно другихъ причинъ. Пространство между материкомъ Норвегіи и грядою Лофоденскихъ острововъ, называемое Вестъ-фіордомъ, представляетъ, по различнымъ причинамъ, которыя здѣсь излишне было бы развѣивать, чрезвычайно удобную мѣстность для метанія икры трескою, и такого соединенія выгодныхъ условій не встрѣчается уже по ту сторону Лофоденской гряды. По этому, когда наступаетъ время метанія икры, треска стремится въ Вестъ-фіордъ съ значительной части океана и стаи ея, разсѣянные по окрестнымъ мѣстамъ моря въ теченіи большей части года, сосредоточиваются около конца января и начала февраля къ одному мѣсту. Слѣдовательно, степень улова у Лофоденскихъ острововъ можетъ служить мѣриломъ средней плотности тресковаго населенія окрестныхъ частей океана, и многолѣтнимъ опытомъ доказано, что эта средняя плотность даже и въ отдѣльные годы не измѣняется ощутительнымъ образомъ. Напротивъ того, нашъ мурманскій ловъ, равно какъ и норвежскій ловъ у береговъ Финмаркена, не можетъ служить выраженіемъ этой средней плотности, потому что имѣетъ предметомъ своимъ стаи трески, разсѣянно плавающія въ океанѣ, и

слѣдовательно не можетъ достигнуть той равномѣрности улововъ, которая замѣчается у Лофоденскихъ острововъ. Можетъ случиться, и дѣйствительно случается, что ловъ хорошъ по протяженію всего берега, отъ южныхъ границъ Финмаркена до Св. Носа у входа въ Бѣлое море, или что онъ хорошъ въ Норвегіи, а дуренъ у насъ, или на оборотъ, — и даже, что онъ хорошъ въ одной части нашихъ становищъ, а дуренъ въ другой. Часто вдоль всего побережья бываетъ ловъ дуренъ только потому, что рыба удалилась нѣсколько далѣе обыкновеннаго отъ береговъ. Уловы были бы прекрасны, если бы только ловцы рѣшились выѣзжать дальше въ море. Это доказываютъ многіе опыты норвежскихъ ловцовъ, пріѣзжающихъ издалека на своихъ ёлахъ къ берегамъ Финмаркена и которые, не ожидая прихода рыбы на опредѣленныхъ мѣстахъ, сами отыскиваютъ стаи ея въ морѣ. Можно, по этому, сказать, что у нашихъ береговъ количество трески собственно остается всегда постояннымъ, или, по крайней мѣрѣ въ общей массѣ своей, подвержено лишь незначительнымъ случайнымъ колебаніямъ, хотя по времени, въ которое производится мурманскій ловъ, оно и не можетъ давать столь постоянныхъ результатовъ, какъ ловъ лофоденскій.

Временно приходящіе на Мурманскій берегъ поморы ничего не знаютъ о метаніи икры трескою у нашихъ береговъ; они даже не знаютъ мечеть ли она вообще здѣсь икру; но кольскимъ промышленникамъ это весьма хорошо извѣстно. Они рассказываютъ, что съ начала декабря треска наваливаетъ къ берегамъ, какъ бы отыскивая себѣ удобныя мѣста для метанія икры, но еще не мечеть ее въ это время; икра ея даже еще не созрѣла тогда, и рыба еще хорошо клюетъ наживку. Это извѣстно колянамъ, потому что въ концѣ ноября и въ началѣ декабря они еще производятъ незначительный ловъ, для отсылки небольшого количества мороженой трески въ Петербургъ. Къ Рождеству всякій ловъ прекращается, какъ по недостатку сбыта уловленной въ это время рыбы, такъ и по суровости времени года, и возобновляется не ранѣе конца марта — около Благовѣщенья. Въ это время еще попадается треска съ свободно-вытекающею изъ нея икрою и молоками. Тогда бываетъ много этой рыбы не только у Рыбачьяго полуострова и у входа въ Мотовскую губу, но даже и въ вершинѣ этой послѣдней. Въ глубь Кольской губы треска почти не идетъ, вѣроятно потому, что при узкости губы и при значительности двухъ впадающихъ въ нее рѣкъ Туломы и Колы, вода въ ней гораздо прѣснѣе, чѣмъ въ океанѣ, а также и потому, что глубина тутъ не довольно значительна. Изъ этого должно заключить, что настоящее время метанія икры этою рыбою падаетъ на февраль мѣсяць и на начало марта. Но если бы и возможно было завести у нашихъ береговъ зимній ловъ трески въ обширныхъ размѣрахъ, то нельзя надѣяться, чтобы количество рыбы, приваливающей къ берегамъ, оказалось здѣсь столь же постояннымъ, какъ у Лофоденскихъ острововъ, потому что на всемъ пространствѣ, какъ нашего, такъ и финмаркенскаго берега, нѣтъ ни одной такой привилегированной мѣстности, какъ Вестъ-фіордъ, которую треска принуждена была бы выбирать, преимущественно передъ всѣми прочими, для своего размноженія. И такъ, если рыболовство у нашего лапландскаго берега не можетъ имѣть ни въ какое время года той правильности и того постоянства улововъ, какъ у Лофоденскихъ острововъ, оно все же можетъ считаться неисчерпаемымъ. Въ подтвержденіе этой измѣнчивости мурманскихъ улововъ, при которой однакоже изобильные уловы всегда вновь возвращаются, невозможно, къ сожалѣнію, представить численныхъ данныхъ. Здѣсь, какъ мы увидимъ ниже, промышленники разсѣяны въ нѣсколькихъ десяткахъ становищъ, и въ каждомъ изъ нихъ бываетъ по нѣскольку хозяевъ. Въ архангельской же таможенѣ, гдѣ должны записываться всѣ приходящіе къ

архангельскому порту товары, въ томъ числѣ и рыба, до 1859 года рыба, уловленная у нашихъ береговъ, не была отличаема отъ вымѣненной въ Норвегіи. Кромѣ того, свѣдѣнія эти вообще не могутъ считаться вѣрными, потому что основаны на голословныхъ показаніяхъ самихъ промышленниковъ. По этому, я перечислю только послѣднія 30 лѣтъ, какъ они остались въ памяти опытнѣйшихъ промышленниковъ, по качествамъ ихъ улововъ. 1828 годъ былъ хорошій; 1829 похуже, но еще порядочный; 1830 худой у насъ, а въ Норвегіи (*) хорошъ; 1831 у насъ очень дурень, и наши промышленники у норвежскихъ береговъ, близъ острова Магерое, на которомъ лежитъ Нордъ-капъ (конечно, не ближе десятиверстнаго разстоянія отъ берега). Годы 1832, 33, 34, 35 и 36 были непромышленные, такъ что почти ничего не ловили; 1837 годъ былъ порядочный, и весной снова показались у береговъ стаи мойвы, за которою всегда гоняется треска; 1839 въ Вайдѣ — губѣ и вообще въ западной части лапландскаго берега — вѣроятно также и въ Норвегіи — было мало рыбы; но, на собственно такъ называемомъ русскомъ берегу, т. е. восточнѣе Колы, ловъ былъ довольно хорошъ. 1840 годъ былъ очень хорошъ, такъ что на пай каждаго работника приходилось отъ 260 до 280 руб. асс.; 1841 посредственный: на пай пришлось не болѣе 120 руб. асс.; 1842 и 1843 были опять хорошіе годы; 1844 плохъ; 1845 палтусъ ловился хорошо, а треска плохо; 1846 былъ хорошъ въ западной части берега отъ Цыпъ наволока на Рыбачьемъ полуостровѣ; въ 1847 и 1848 годахъ уловы были посредственны; въ 1849 плохіе, такъ что приходилось на пай менѣе 100 р. асс.; 1850 былъ столь же плохъ; 1851 очень хорошъ, и хорошіе годы продолжаются до настоящаго времени, однако такъ, что съ 1851 по 1857 годъ включительно уловы были превосходны и на пай падало отъ 300 до 420 руб. асс., только въ 1854, преимущественно же въ 1855 году, англичане, конечно, много препятствовали успѣху лова. Въ эти семь лѣтъ многіе поправились и изъ работниковъ вышли въ хозяева; 1858 и 1859 годы были уже похуже, но все еще хорошіе; въ 1860 году весенній ловъ былъ плохъ, потому что не было мойвы, но лѣтній, съ появленіемъ песчанки, сдѣлался хорошъ. Изъ этого перечисленія видно, что дурные и хорошіе уловы распределены весьма неравномѣрно не только во времени, но и въ пространствѣ; но все же оказывается, что послѣ самыхъ дурныхъ годовъ всегда возвращаются хорошіе и на такую переменъ можно разсчитывать въ каждое десятилѣтіе. Такъ послѣ хорошаго улова въ 1828 году, которому, вѣроятно, предшествовалъ рядъ хорошихъ годовъ, послѣдовали въ началѣ и серединѣ тридцатыхъ годовъ очень дурные уловы, которые къ концу этого десятилѣтія и къ началу пятого опять поправились; за тѣмъ опять послѣдовалъ рядъ посредственныхъ годовъ, хотя и не столь плохихъ, какъ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, а съ пятидесятымъ снова начался періодъ изобилія рыбы, который теперь, вѣроятно, приходитъ уже къ своему концу. Причина всѣхъ этихъ колебаній, какъ это очень хорошо знаютъ промышленники, заключается въ появленіи или въ отсутствіи тѣхъ мелкихъ породъ рыбъ, какъ-то: мойвы, сельдей и песчанокъ, за которыми гоняется треска. А эти, въ свою очередь, питаются морскими червями и мелкими ракообразными животными, слѣдуютъ въ своемъ появленіи размноженію или уменьшенію этихъ послѣднихъ; но самое отсутствіе въ одномъ мѣстѣ мелкихъ породъ рыбъ, а за ними и трески, ведетъ за собою размноженіе низшихъ породъ морскихъ животныхъ, которое подготавливаетъ на будущее время обиліе рыбы, такъ что равновѣсіе всегда само собою восстанавливается. Можно сказать вообще, что тамъ, гдѣ появленіе рыбы близъ береговъ основано на

(*) Подъ именемъ Норвегіи, разумѣются здѣсь всегда лишь берега Финмаркена отъ нашей границы до города Тромсе.

отыскиваніи ею себѣ пищи, изобиліе ея и недостатокъ будутъ всегда имѣть періодическій характеръ; тамъ же, гдѣ оно основано на удобствѣ мѣстностей къ размноженію породъ, появленіе рыбы будетъ болѣе постоянно. Промышленники, занимающіеся ловомъ у береговъ океана, сами сознаютъ эту періодичность и никогда не жалѣютъ о добрыхъ старыхъ временахъ, какъ ловящіе во внутреннихъ моряхъ. Надо еще замѣтить, что присутствіе или отсутствіе мелкой рыбы обуславливаетъ изобиліе улововъ трески не только тѣмъ, что привлекаетъ ее за собою, но и тѣмъ, что, ежели даже и довольно трески въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, ее безъ наживки трудно поймать. Такъ въ нынѣшнемъ году, до появленія песчанки, трески собственно было довольно въ морѣ; но такъ какъ наживкою должны были употреблять большихъ морскихъ червей (*Arenicola piscatorum*, L.), которыхъ надо выкапывать изъ песка во время отливовъ, то успѣвали наживлять только третью часть числа крючковъ, обыкновенно опускаемыхъ каждою лодкою въ море. Все здѣшнее рыбное хозяйство, слѣдовательно, должно быть направлено исключительно къ возможно-большому улову рыбы, и нѣтъ нужды принимать какихъ бы то ни было мѣръ для охраненія рыбнаго запаса. Всякая преднамѣренная пощада рыбы послужила бы только къ убытку промышленниковъ въ настоящемъ, безо всякой надежды на вознагражденіе въ будущемъ, потому что, какъ мы видѣли, появленіе трески зависитъ не отъ общаго недостатка ея въ морѣ, а отъ временнаго недостатка для нея пищи въ извѣстной мѣстности.

Къ прочимъ рыбамъ, заслуживающимъ вниманія въ промышленномъ отношеніи, можно примѣнить все сказанное здѣсь о трескѣ; онѣ суть изъ тресковаго же рода:

б) *Пикшуй или Тикшуй* (*Gadus Aeglefinus*, Lin.). Будучи гораздо меньше трески, онъ несравненно менѣе ея и цѣнится, хотя въ свѣжемъ видѣ мало чѣмъ ей уступаетъ во вкусѣ. Онъ попадаетъ на яруса, выставляемые на треску, а если его попадаетъ много, то это не слишкомъ-то пріятно для ловцовъ, ибо онъ занимаетъ только мѣсто болѣе цѣнной добычи. Можно сказать, что пикшуй составляетъ обыкновенно нѣсколько менѣе десятой доли улова трески.

в) *Сайда* (*Gadus virens*, L.). Эта рыба имѣетъ совершенно другой образъ жизни, нежели треска. Она рѣдко хватаетъ мертвую добычу, неподвижно висящую на крючкѣ; ей нужна живая рыба, за которою она любитъ гоняться. По этому, она никогда не попадаетъ на яруса вмѣстѣ съ трескою. Другая особенность ея состоитъ въ томъ, что отъ времени до времени поднимается она изъ глубины моря на поверхность въ огромныхъ стаяхъ и безпрестанно выпрыгиваетъ изъ воды. На этомъ обстоятельствѣ основанъ, какъ увидимъ ниже, и способъ лова ея. Въ первый разъ случилось намъ видѣть это въ Гавриловомъ становищѣ, гдѣ стая молодой сайды совершенно окружила наше судно. Обыкновенной удочкой, наживленной длинною полоскою рыбаго мяса, которую быстро дергали, чтобы наживка скользила по поверхности, наловили въ какой нибудь часъ болѣе 50 штукъ. Въ несравненно большихъ размѣрахъ случилось намъ видѣть это же чрезвычайно интересное зрѣлище въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ Магероэ отъ норвежскаго материка. Мы вѣхали здѣсь судномъ въ стаю взрослой сайды столь густую, что непрерывно выскакивало, почти во весь ростъ, по крайней мѣрѣ по рыбѣ на каждой квадратной сажени, и это на значительномъ пространствѣ по обѣ стороны нашего судна. По этому, необъятному количеству сайды можно уже судить, что ловъ ея долженъ быть весьма значителенъ. И дѣйствительно, у береговъ Финмаркена онъ не только не уступаетъ лову трески, но въ иные годы, какъ напримѣръ въ 1860, значительно превосходитъ его. У насъ въ настоящее время ловъ этотъ незначителенъ, потому что лѣтъ десять тому назадъ количество

сайды значительно уменьшилось; до этого же времени ловили ее довольно много, преимущественно у Вороньей губы, близъ Гаврилова становища. Въ послѣднія пять лѣтъ количество ея также чрезвычайно уменьшилось и въ Норвегіи; но въ нынѣшнемъ году появилась она тамъ опять въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ никто еще не запомнитъ. Это заставляетъ надѣяться, что она не замедлитъ явиться и у нашихъ береговъ въ такомъ количествѣ, что ловъ ея снова приметъ довольно обширные размѣры.

Изъ рыбъ, не принадлежащихъ къ тресковому роду, заслуживаетъ вниманіе:

г) *Палтусъ* (*Hypoglossus maximus*, C.). Самая огромная порода изъ плоскихъ рыбъ семейства камбаль. Палтусы попадаются иногда до 15 пудовъ вѣсомъ, обыкновенно же бываютъ отъ пуда до двухъ. Какъ всѣ рыбы семейства камбаль, они держатся болѣе на днѣ и попадаютъ на крючки ярусовъ между трескою. Онѣ цѣнятся гораздо дороже трески, потому что бываетъ очень жиренъ.

Кромѣ четырехъ поименованныхъ породъ, имѣющихъ хозяйственное значеніе, изъ рыбъ, употребляемыхъ въ пищу, попадаютъ у нашего лапландскаго берега еще слѣдующія: д) *Морская камбала* (*Pleuronectes Platessa*, L.) — та же, что и въ Бѣломъ морѣ, но достигающая здѣсь гораздо большей величины. е) и ж) *Ерши* (*Pleuronectes Limanda*, L. и *Pleuronectes Limandoides*, Bl.), которыхъ наши рыбаки не различаютъ. Эти камбалы получили здѣсь совершенно несвойственное имъ названіе ершей по шероховатости кожи. Этихъ, равно какъ и предыдущихъ камбаль, иногда сушатъ, но вообще ихъ мало цѣнятъ. з) *Морской налима* или *менекъ* (*Brosmius vulgaris*, C.) — рыба, принадлежащая къ тресковому семейству. и) *Морской окунь* (*Sebastes Norvegicus*, Cuv.) — красивая рыба, краснаго цвѣта, изъ семейства твердощечныхъ (*cataphracti*). Эта рыба живетъ на большой глубинѣ, и при вытягиваніи ея на поверхность, воздухъ, заключенный въ плавательномъ пузырьѣ и въ другихъ закрытыхъ полостяхъ тѣла, находившійся въ состояніи сильнаго сжатія, съ уменьшеніемъ давленія, расширяется, выдавливаетъ глаза изъ ихъ орбитъ, выворачиваетъ и выпячиваетъ пищеводъ и желудокъ вонъ изо рта. Въ Норвегіи эта рыба чрезвычайно цѣнится, у насъ же, гдѣ она и не часто попадаетъ, или употребляется самими промышленниками въ пищу, или солится и привозится въ Архангельскъ, болѣе какъ рѣдкость. Еще надо упомянуть о і) и к) *Зубаткѣ* (*Anarrhichas Lupus*, L. и *Anarrhichas panterinus*, Suf.), которая попадаетъ на всякій ярусъ по нѣскольку штукъ и въ небольшомъ количествѣ солится. Въ свѣжемъ видѣ употребляютъ ее рѣдко, потому что считаютъ вредною, что совершенно и справедливо, какъ я имѣлъ случай на себѣ испытать. Она производитъ тошноту и рвоту, хотя и не на всѣхъ дѣйствуетъ съ одинаковою силою.

Кромѣ этихъ рыбъ, употребляемыхъ въ пищу, слѣдующія имѣютъ важность въ другихъ отношеніяхъ: л) *Акула* (*Scymnus borealis*, Scoresby) и, можетъ быть, м) *Selache maxima* (Gunner). Я видѣлъ изъ этихъ двухъ породъ акулъ только первую, и промышленники сказывали мнѣ, что она именно и составляетъ главный предметъ здѣшняго акуляго промысла. Но, кромѣ того, всѣ единогласно утверждали, что иногда попадаютъ акулы столь огромной величины, что ихъ нельзя уже принять за этотъ видъ, самые огромные экземпляры котораго рѣдко превосходятъ двѣ или двѣ съ половиною сажени. По этому, весьма вѣроятно, что и величайшая изъ акулъ и вообще изъ всѣхъ рыбъ — *Selache maxima* попадаетъ у нашихъ береговъ, тѣмъ болѣе, что она ловится въ норвежскихъ моряхъ, которыя составляютъ даже ея настоящее отечество. Ловъ акулы производится съ единственною цѣлью добыванья жира изъ ея огромной печени. По словамъ промышленниковъ,

акулъ (*Scymnus borealis*) теперь у нашихъ береговъ болѣе, чѣмъ у береговъ Норвегіи, вѣроятно потому, что тамъ ее уже давно ловятъ, а акулы далеко не такъ сильно размножаются, какъ большая часть прочихъ рыбъ.

Наконецъ, надо упомянуть еще о двухъ рыбахъ, которыя сами по себѣ не приносятъ никакой прямой пользы человѣку, но тѣмъ не менѣе весьма важны для промышленниковъ, служа наживкою для лова трески и другихъ рыбъ. Это: н) *Мойва* (*Mallotus arcticus*, Cuv.) и о) *Песчанка* (*Amodytes Lancea*, Cuv.). Первая изъ нихъ появляется въ огромныхъ массахъ въ концѣ весны и въ началѣ лѣта, какъ у нашихъ лапландскихъ, такъ и у финмаркенскихъ береговъ, чтобы метать икру, и привлекаетъ за собою стаи трески, такъ что, гдѣ много мойвы, тамъ и ловъ трески навѣрно обильный. Рыба эта, во всѣхъ отношеніяхъ, весьма похожа на обыкновенную корюху, только въ несравненно сильнѣйшей степени обладаетъ тѣмъ особливимъ характеристическимъ огуречнымъ запахомъ, которымъ отличается и корюха. По этому, мойву ни у насъ, ни въ Норвегіи не употребляютъ въ пищу. Даже неприхотливые камчадалы и жители Алеутскихъ острововъ, по словамъ Палласа, употребляютъ ее въ пищу только въ случаяхъ крайняго голода, а ловятъ лишь для корма собакъ. Одни лишь гренландцы дѣлаютъ большіе запасы этой рыбы и охотно ѣдятъ ее. Но самый этотъ сильный запахъ составляетъ, вѣроятно, причину, почему никакая другая наживка не можетъ сравниться съ нею для лова трески. Преимущество мойвы предъ всякою другою наживкою такъ велико, что въ 1786 году былъ изданъ датскимъ правительствомъ странный законъ, запрещающій употреблять мойву, для наживленія крючковыхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ не всѣ могутъ добыть для этой цѣли мойву, то шансы улова становятся чрезъ это слишкомъ неравномѣрны. Жаль только, что этою наживкою не долго могутъ пользоваться рыбаки. Выметавъ икру, она удаляется въ глубь полярнаго океана и разсѣвается тамъ. Песчанка заступаетъ мѣсто мойвы въ остальную часть лѣта. Эта маленькая красивенькая рыбка живетъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дно песчаное, отчего и получила свое названіе, и при всякой опасности быстро зарывается въ песокъ, какъ бы пробуравливая его своимъ остренькимъ рыльцемъ.

2. СПОСОБЫ ЛОВА, ПРИГОТОВЛЕНИЯ И СБЫТЪ РЫБЫ.

Единственное орудіе, употребляемое на Мурманскомъ берегу для лова трески и прочихъ, употребляемыхъ въ пищу, рыбъ (за исключеніемъ одной только сайды) есть *ярусъ*, т. е. длинный рядъ связанныхъ между собою веревокъ, къ которымъ прикрѣплены, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, коротенькія тонкія веревочки (*аростени*), имѣющія на концѣ стальные крючки, наживленные мойвою, песчанкою или морскимъ червемъ. Къ обоимъ концамъ и къ серединѣ яруса привязываютъ по якорю, которые должны удерживать его вблизи морскаго дна. Къ якорямъ привязаны веревки, длина которыхъ должна равняться глубинѣ моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ выкидываютъ ярусъ, и къ концу ихъ, выходящему на поверхность воды, прикрѣпляютъ значки, по которымъ можно бы было отыскать мѣсто, гдѣ ярусъ выметанъ и вытащить его за веревку, идущую отъ значка къ якорю. Значки эти состоятъ изъ деревянной чурки — *кубаса*, въ которую вдѣлана довольно длинная палка, оканчивающаяся *махавкою*, т. е. пучками мочалы, или чѣмъ либо подобнымъ. Палка вмѣстѣ съ махавкою называется *пафурую*. Такъ какъ у кубаса нѣтъ никакого грузила, которое заставляло бы вбитую въ него пафуру держаться вертикально, то при совершенно гладкой поверхности моря,

когда оно остеклѣтъ — по живописному выраженію архангельцевъ, — пафура лежитъ на водѣ и весьма плохо выполняетъ свое назначеніе — служить издали примѣтою снасти. Но такой глади, можно сказать, въ океанѣ никогда не бываетъ; при всякомъ же ударѣ волны, пафуру приподнимаетъ, и она становится тѣмъ ближе къ вертикальному положенію, чѣмъ волна сильнѣе. Эти непрерывные размахи значка дѣлаютъ его болѣе примѣтнымъ, чѣмъ если бы онъ постоянно торчалъ вверхъ. Длина всего яруса бываетъ верстъ до шести и даже до девяти. Отдѣльныя веревки, изъ которыхъ онъ связанъ, называются *стоянками* или *стеклинами*. Стоянка бываетъ отъ 40 до 50 маховыхъ сажень (т. е. отъ 33 до 42 печатныхъ) длиною, а толщиною съ мизинецъ; стеклина же будетъ потоньше и подлиннѣе, именно отъ 50 до 60 маховыхъ сажень (отъ 42 до 50 печатныхъ). Стоянки употреблялись прежде болѣе поморами, а стеклины колянами; теперь же первыя употребляются на меньшей, а послѣднія на бѣльшей глубинѣ. *Аростегн* бываютъ обыкновенно четвертей въ пять длиною и промышленники полагаютъ, что чѣмъ аростега длиннѣе (конечно въ извѣстныхъ границахъ) и тоньше, тѣмъ лучше попадается рыба. Аростегу отъ аростеги привязываютъ на разстояніи двухъ петель. Петлю называются промежуткомъ отъ одного плеча до конца пальцевъ другой руки. Двѣ петли составляютъ такимъ образомъ немногимъ болѣе печатной сажени. Прежде, садили аростеги рѣже, именно на три петли (слишкомъ полторы печатныхъ сажени), но нашли, что рыбы болѣе ловится, ежели аростеги чаще, какъ это, впрочемъ, само собою уже разумѣется. Если только въ послѣднее время прибѣгли къ этому средству добывать болѣе рыбы, то потому, что яруса съ болѣе частыми аростегами гораздо труднѣе тянуть, да они и дороже стоятъ. Три, вмѣстѣ связанные, стоянки или стеклины называются *тюкомъ*. Стоянки, составляющія тюкъ, уже никогда между собою не развязываются; тюки же, составляющіе ярусъ, по вынутіи изъ воды, всегда развязываются, мотаются каждый отдѣльно (откуда и названіе тюкъ) и связываются вновь при наживленіи крючковъ. Число тюковъ въ ярусѣ не одинаково, измѣняясь обыкновенно отъ 20 до 30, а когда принуждены ловить на червя, то и гораздо меньше. Крючки или уды употребляются двухъ сортовъ: русскіе и англійскіе. Первые имѣютъ форму довольно правильной дуги, которой одно колѣно, оканчивающееся остриемъ съ зазубриной, короче другаго, прикрѣпленнаго къ аростегѣ; очертаніе ихъ заключается въ одной и той же плоскости. Англійскіе крючки имѣютъ болѣе сложную форму, представляя двойной выгибъ, такъ что короткое колѣно его лежитъ въ другой плоскости, чѣмъ длинное. Эта форма, а также устройство зазубрины и лучшій закалъ англійскихъ крючковъ дѣлаютъ то, что они предпочитаютъ нашими промышленниками, не смотря на то что стоятъ дороже: отъ 7 до 8 р. с. тысяча, безъ пошлины. Въ самомъ дѣлѣ, по единогласному отзыву всѣхъ рыбаковъ, уловы, получаемые англійскими крючками, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, превосходятъ, по меньшей мѣрѣ, въ полтора раза уловы, добываемые русскими крючками. Со всѣмъ тѣмъ, до послѣдняго времени ввозъ англійскихъ крючковъ былъ запрещенъ, да и теперь дозволенъ лишь съ пошлиною 3 р. с. съ тысячи. На каждую шняку нужно 3,000 крючковъ и, какъ они часто портятся и ломаются, по 2,000 штукъ ежегоднаго ремонта, слѣдовательно съ каждой шняки сойдетъ такимъ образомъ при первомъ заведеніи снасти 9 р. с., а потомъ ежегодно по 6 р. с. лишку. Я полагаю, что не только совершенное запрещеніе, но даже пошлина эта суть мѣры стѣснительныя для развитія нашего рыболовства и получаемый отъ этого таможенный доходъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ выгодами отъ употребленія болѣе усовершенствованнаго орудія при рыболовствѣ. Къ тому же

наши промышленники всегда избѣгали и всегда будутъ имѣть возможность избѣгать, какъ запрещенія, такъ и уплаты пошлины, покупая крючки въ Норвегіи и свозя ихъ прямо на Мурманскій берегъ. Нечего также опасаться, чтобы эти англійскіе крючки могли составить значительный предметъ ввоза и тѣмъ подорвать вообще выдѣлку нашихъ рыболовныхъ крючковъ, которая образуетъ довольно значительную отрасль промышленности въ нѣкоторыхъ деревняхъ Нижегородской губерніи. Выдѣлываемые тамъ крючки идутъ исключительно въ Астрахань. Тѣ крючки несравненно толще употребляемыхъ на Мурманскомъ берегу, какъ русскихъ, такъ и англійскихъ, и не могутъ имѣть двойнаго выгиба, потому что употребляются безъ наживки. Конечно, можно бы послать въ эти деревни, для образца, англійскіе крючки, употребляемые при мурманскомъ ловѣ, чтобы тамошніе мастера могли вступитъ съ иностранцами въ соперничество, если оно можетъ представить имъ выгоды.

На ловъ выѣзжаютъ въ особливаго рода длинныхъ лодкахъ, называемыхъ *шняками*. Все внутреннее устройство ихъ очень хорошо приспособлено къ помѣщенію, какъ рыболовной снасти, такъ и уловленной рыбы. Вся шняка отъ кормы до носа раздѣлена досчатыми перегородками на нѣсколько отдѣловъ, имѣющихъ свое специальное назначеніе. Задняя часть — *корма* покрыта на нѣкоторомъ пространствѣ досками и кусками смоленой парусины. Это — каюта кормщика, въ которой онъ можетъ спать и вообще укрываться отъ непогоды, когда, выметавъ ярусъ, ожидаютъ въ морѣ времени его вытягиванья. За каютой слѣдуетъ узкій отдѣлъ для младшаго изъ четырехъ человѣкъ, составляющихъ экипажъ шняки, такъ называемаго наживодчика. За тѣмъ слѣдуютъ два отдѣла или *чердака*, называемые оба вмѣстѣ *кормовою кладью*. По срединѣ длины шняки приходится большой отдѣлъ, называемый *карою*, гдѣ наживляютъ уды. Здѣсь вдоль борта отгорожено вертикальною доскою пространство, куда кладутъ наживку. Тюки съ наживленными удами связываются въ яруса, по мѣрѣ ихъ наживленія, и остаются въ карѣ до выметанья снасти. Сюда же укладываютъ вытянутую изъ моря снасть, по снятіи съ нея попавшей рыбы. За карою идетъ *гребень*, гдѣ лежатъ смотанные тюки и откуда они передаются въ кару для наживленія. За гребнемъ идутъ еще два или три отдѣла, которые вмѣстѣ съ гребнемъ носятъ названіе *носовой клади*. Пойманною рыбою наполняютъ сначала кормовую кладь, потомъ носовую, затѣмъ маленькій отдѣлъ, предназначенный для наживодчика, и наконецъ уже укладываютъ ее вмѣстѣ съ вытянутою снастью въ кару. Это послѣднее случается очень рѣдко, — въ самые превосходные уловы. Число занятыхъ кладей означаютъ промышленники степень изобилія улововъ. Такъ на вопросъ: много-ли наловили? они отвѣчаютъ, на примѣръ: «да полносовой клади заняли»; это значитъ, что кормовая кладь уже полна и что ловъ былъ очень хорошъ. Къ сожалѣнію, шняки никакъ нельзя назвать хорошими морскими судами, — онѣ и медленны на ходу и тяжелы на веслахъ, а главное дурно выносятъ волненіе океана. Въ прежнія времена отцы и дѣды тепершняго поколѣнія и не пускались въ нихъ далеко отъ береговъ, а выѣзжали на ловъ изъ становищъ только при самой благоприятной погодѣ. Такъ теперь есть еще у поморовъ поговорка, что старики не выѣзжали въ море, когда волосъ на головѣ шевелится. Теперь стали посмѣлѣе, ѣздятъ и за 30 верстъ отъ береговъ выметывать яруса и не обращаютъ такого вниманія на погоду; но за то и несчастья не рѣдки. Случается почти ежегодно, что шняки опрокидываютъ, когда онѣ безъ груза отправляются на ловъ, или ихъ заливаютъ волною, когда онѣ глубоко садутъ подъ грузомъ наловленной рыбы. Едва ли какая мѣра могла бы принести столько пользы нашимъ промышленникамъ, какъ замѣна ихъ шнякъ превосходными норвежскими ёлами. На этихъ ёлахъ

поморы, подобно норвежцамъ, могли бы гораздо далѣе выходить въ море и часто пользоваться изобильными уловами въ то время, когда, по какимъ либо причинамъ, рыба держится вдали отъ береговъ, — могли бы болѣе оставаться въ открытомъ морѣ и отыскивать тамъ стаи ея. Такъ норвежцы дѣлаютъ на своихъ ёлахъ нерѣдко морскія поѣздки въ нѣсколько сотъ верстъ. Правда, что ёлы необходимо требуютъ баласта, безъ котораго большею частью обходятся шняки; но это самое приучило бы поморовъ къ этой мѣрѣ предосторожности. До сихъ поръ въ поморѣ ихъ не умѣютъ строить, хотя всѣ очень хорошо сознаютъ ихъ превосходство. Я постараюсь непременно достать нѣсколько плановъ ёлъ различной величины, съ которыхъ можно будетъ снять нѣсколько копій для разсылки въ Кемь и по поморскимъ деревнямъ. Чтобы побудить поморовъ въ возможно-скорѣйшемъ времени замѣнить ёлами свои шняки, я полагаю, что всего дѣйствительнѣе была бы слѣдующая мѣра. Въ настоящее время постройка лодокъ обложена извѣстною пошлиною, взимаемою съ лѣса, на это отпускаемаго. Если бы на извѣстное число лѣтъ совершенно освободить отъ пошлины постройку ёлъ, при томъ въ неограниченномъ числѣ, оставивъ прежнюю пошлину на шняки, или даже усиливъ ее, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, это оказало бы свое благотѣльное дѣйствіе. Когда эти ёлы уже разъ заведутся, то, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ уже сами собою, безъ всякой поощрительной преміи, вытѣснятъ шняки, такъ какъ теперь шкуны и шлюпы мало по малу вытѣсняютъ лады.

Самый ловъ производится слѣдующимъ образомъ. Сначала отправляются за наживкой: песчанкой или мойвой. Въ иныхъ становищахъ, какъ, напримѣръ, въ Гавриловѣ и Лицѣ, губы съ песчанымъ дномъ, гдѣ она водится, не вдалекѣ. Въ такомъ случаѣ всѣ промышленники собираются къ вечеру въ эти мѣста, и каждая партія, состоящая изъ четырехъ человѣкъ и составляющая, такъ сказать, промысловую единицу, закидываетъ здѣсь свой маленькій, мелкоячейный неводъ и тянетъ его къ берегу столько разъ, пока не успѣетъ наловить достаточнаго количества песчанки для наживки на весь слѣдующій день. Само собою разумѣется, что эти мелкоячейные неводы должны оставаться на Мурманскомъ берегу дозволенными, потому что ничѣмъ другимъ невозможно наловить песчанки. Въ большихъ становищахъ этотъ ловъ весьма любопытенъ. Въ небольшой избѣ собираются до двухъ сотъ человѣкъ съ нѣсколькими десятками лодокъ. Одни замечываютъ невода, другіе тянутъ, третьи, развязавъ мотню, высыпаютъ изъ нея пойманную песчанку въ ушаты. Тянутъ невода въ разныя стороны, одни черезъ другихъ, при чемъ веревки ихъ перекрещиваются; но если все ловцы изъ одного и того же становища, то ссоръ и дракъ при этомъ почти не бываетъ. Но онѣ не рѣдки тамъ, гдѣ собираются на ловъ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ становищъ, гдѣ удобное для тяги неводовъ пространство берега не велико и гдѣ, слѣдовательно, всѣ стараются захватить себѣ побольше мѣста.

Съ наловленною вечеромъ песчанкою отправляются ночью на ловъ, возвращаются въ теченіе дня съ пойманною рыбою, а вечеромъ того же дня опять ѣдутъ за песчанкою. Слѣдовательно, тутъ ловъ трески производится безостановочно каждый день, за исключеніемъ праздниковъ, такъ что по субботамъ и наканунѣ праздниковъ, наживки не ловятъ. Но въ другихъ становищахъ, какъ, напримѣръ, у Семи-острововъ, гдѣ нужно ѣздить за песчанкою къ устью рѣки Лицы верстъ за десять, отправляются за нею къ ночи; утромъ ловятъ ее и возвращаются съ нею въ свое становище въ теченіе дня, — при противныхъ вѣтрахъ даже не ранѣе вечера, такъ что выѣзжать въ море, для выметыванія ярусовъ, могутъ только черезъ день. Если же вычестъ праздники и бурные дни, не позволяющіе оставлять становищъ, то кругомъ придется не болѣе двухъ дней настоящаго лова въ

недѣлю. Здѣсь вознаграждаютъ себя тѣмъ, что при каждой выметкѣ долѣе оставляютъ яруса въ водѣ, а также и тѣмъ, что, вытянувъ ихъ, не возвращаются домой, но перенаживляютъ въ морѣ и бросаютъ во второй разъ. Солить или вообще заготавливать песчанку на долгое время нельзя, потому что треска хорошо ловится только на совершенно свѣжую рыбу. Весною, когда ловятъ на мойву, порядокъ добыванія наживки иной. Всѣ партіи соединяются между собою по четыре, хотя бы они промышляли отъ разныхъ хозяевъ, и одна изъ четырехъ по очереди постоянно ѣздитъ за мойвою, а три остальные отправляются въ море за трескою. Такъ поступаютъ, во-первыхъ, потому, что мойва не долго остается, рѣдко съ конца мая до Петрова дня, но за то въ самое уловистое время, которымъ спѣшатъ воспользоваться, а во-вторыхъ, потому, что она ходитъ гораздо кучнѣе песчанки и попадаетъ не въ столь исключительныхъ мѣстностяхъ, какъ эта послѣдняя, такъ что одна четверть промышленниковъ бываетъ въ состояніи продовольствовать ея безостановочный ловъ остальныхъ трехъ четвертей, что невозможно при песчанкѣ.

Когда нѣтъ ни мойвы, ни песчанки, то ѣздить на примелья песчанья побережья выкапывать, во время отлива, большихъ морскихъ червей. Этотъ червь — длиною въ четверть и въ полторы — вбуравливается въ мокрый песокъ, т. е. вбираетъ его въ ротъ и въ кишечный каналъ, такъ что вся внутренность его наполнена пескомъ, и такимъ образомъ вдавливаясь въ образующуюся пустоту, и изъ задняго конца выпускаетъ этотъ песокъ въ видѣ червообразныхъ клубковъ, толщиною въ перо. Эти клубки обнаруживаютъ присутствіе червя, а выкапываютъ его особливимъ инструментомъ, называемымъ *червяницею*, т. е. большимъ желѣзнымъ гребнемъ о 5 и 6 зубьяхъ, надѣтымъ на довольно длинную рукоятку. Такъ какъ черви сидятъ глубоко въ пескѣ, то выкапываніе ихъ не легко, а потому нельзя никогда успѣть накопать столько червей, чтобы наживать ими такое же количество крючьевъ, какъ песчанкою или мойвою, и слѣдовательно необходимо бываетъ значительно уменьшать длину ярусовъ.

При отправленіи на ловъ, выметкѣ снасти, вытягиваніи ея и возвращеніи въ становище, каждый изъ четырехъ работниковъ, составляющихъ экипажъ шняки, имѣетъ свою опредѣленную обязанность. Они носятъ названія: *кормщика*, *тяглеца*, *весельщика* и *наживодчика*, по главному занятію, приходящемуся на долю cadaго. Еще въ становищѣ, за часъ или за два до отправленія въ море, начинаютъ наживать крючья. Тюки, висѣвшіе на жердяхъ (палтухахъ) для просушки, — при чемъ снасть была заглушена, т. е. аростеги завязаны петлями, чтобы крючки не цѣплялись, — складываются въ гребень, откуда тяглецъ ихъ вынимаетъ, разматываетъ, привязываетъ аростеги, и каждую передаетъ наживодчику въ кару, который нанизываетъ на каждый крючекъ по рыбкѣ. Большую надо имѣть сноровку, чтобы, наживляя крючки, не отстать отъ тяглеца. Этотъ послѣдній, размотавъ и разглушивъ одинъ тюкъ, связываетъ его со слѣдующимъ. Когда эта работа до половины кончена, то отправляются въ море, и дорогою тяглецъ съ наживодчикомъ доканчиваютъ свое дѣло, весельщикъ гребетъ, конечно если вѣтеръ не попутный, а если идутъ на парусахъ, то помогаетъ наживодчику, кормщикъ же правитъ. Время отправленія принаравливаютъ такъ, чтобы пришлось выметывать ярусъ при самомъ низшемъ стояніи воды въ море — по здѣшнему, въ куйпугу. Прибывъ на мѣсто, которое кормщикъ — распорядитель всего лова — считаетъ удобнымъ для выметки яруса, выбрасываютъ сначала кубасъ, а за тѣмъ якорь, съ ярусомъ, прикрѣпленнымъ къ веревкѣ, идущей отъ него къ кубасу. Весельщикъ и тяглецъ гребутъ, а кормщикъ продолжаетъ выметывать снасть, стараясь, по

возможности, сохранить одно направлѣніе. Выметавъ половину снасти, бросаютъ второй якорь съ кубасомъ, а при концѣ всего яруса третій. Кормщикъ долженъ быть хорошо знакомъ съ глубиною моря, ибо если веревка, соединяющая якорь съ кубасомъ, слишкомъ коротка по глубинѣ мѣста, то кубасъ потонетъ. Также долженъ кормщикъ замѣчать по берегу положеніе каждаго изъ кубасовъ, чтобы всегда быть въ состояніи ихъ отыскать, если, напримѣръ, погода принудитъ шняку оставить снасть въ морѣ, чтобы самимъ укрыться въ становищѣ. Выметавъ ярусъ, привязываютъ шняку къ кубасу и стоятъ на якорѣ, пока не придетъ время вытягивать снасть. Такъ какъ дѣлать нечего, то всѣ укладываются спать. Обыкновенно оставляется ярусъ въ морѣ цѣлую воду, т. е. шесть часовъ, если же рыбы мало ловится, то двѣ воды, а иногда даже цѣлыя сутки; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выметавъ яруса, всегда возвращаются въ становище. Тянетъ ярусъ тяглець. Работа эта требуетъ чрезвычайно продолжительныхъ усилій, такъ какъ ярусъ бываетъ до 6 и болѣе верстъ длиною. Кормщикъ помогаетъ ему, снимаетъ рыбу съ уды, при этомъ онъ зацѣпляетъ ее въ водѣ особливимъ крючкомъ на короткой рукояткѣ, называемымъ *ляпомъ*, вытаскиваетъ въ лодку, упираетъ въ уду узкою досчечкою, вырѣзанною на одной изъ оконечностей угломъ и называемой *трещеткою*, и такимъ образомъ освобождаетъ уду изъ рта рыбы. Въ это время наживодчикъ глушитъ уды, т. е. завязываетъ аростеги петлями, чтобы онѣ не путались и не цѣплялись; весельщикъ гребетъ. Вытянувъ весь ярусъ, возвращаются въ становище. Но случается, что берутъ съ собою запасъ наживки на двѣ тряски, по здѣшнему выраженію. Въ этомъ случаѣ наживодчикъ не глушитъ передаваемую ему снасть, а перенаживляетъ ее. Эта работа особливо трудна въ весеннее время, когда еще стоятъ сильные морозы. Наживка опускается тогда въ мѣшкѣ въ море, чтобы она не заоченѣла отъ мороза, а оставалась гибкою. Не легко, конечно, въ это время тяглецу и кормщику, обливаемымъ текущею со снасти водою, температура которой ниже точки замерзанія; но они имѣютъ на рукахъ рукавицы, и самыя усилія согрѣваютъ ихъ. Между тѣмъ наживодчикъ, обыкновенно мальчикъ отъ 15 до 18 лѣтъ, долженъ голыми руками, коченѣющими отъ холода, надѣвать мерзнущую въ рукахъ рыбу на уду. Уколы и царапины при этомъ неизбѣжны, и соленая морская вода разъѣдаетъ ихъ. Руки наживодчиковъ всегда почти покрыты ранами и болячками. На возвратномъ пути, тяглець развязываетъ тюкъ отъ тюка и мотаетъ изъ кучи. По приѣздѣ на берегъ, весельщикъ ихъ вынимаетъ и несетъ сушить на палухи. Но наскоро смотанная и заглушенная снасть не остается въ такомъ видѣ. На берегу переглушаютъ ее и разматываютъ заматавшіяся аростеги *зуй* — мальчики лѣтъ около десяти или двѣнадцати, которыхъ бываетъ по одному на нѣсколько шнякъ.

Такъ какъ у ярусовъ нѣтъ плавковъ, то снасть эта не виситъ въ водѣ удами внизъ, а лежитъ на днѣ. По этому, кромѣ рыбы, зацѣпляются за крючки, къ большому неудовольствію ловцовъ, разныя низшія морскія животныя, живущія на днѣ моря; при всякомъ разѣ вытягивается по нѣскольку штукъ: коралловъ, губокъ, морскихъ звѣздъ, которыхъ называютъ здѣсь раками, круглыхъ короткохвостыхъ раковъ и даже раковинъ. Эти животныя, впрочемъ, только занимаютъ мѣсто, которое рыбаки желали бы видѣть занятымъ рыбою; но гораздо болѣе досаждаютъ имъ мелкія животныя, извѣстныя у нихъ подъ именемъ кошпаковъ. Названіе это они даютъ всѣмъ вообще ракообразнымъ животнымъ съ удлиненною формою тѣла, какъ-то: отряду обоюдоногихъ (*amphipoda*) и длиннохвостымъ десятиногимъ ракамъ; преимущественно же самымъ обыкновеннымъ здѣсь изъ этихъ формъ, роду *Gamargus*. Дно морское, какъ у береговъ, такъ и на довольно значительной глубинѣ, можно сказать, кишитъ ими, и

если къ концу лѣта, когда ночи становятся уже темными, оставить яруса на ночь въ морѣ, то они не только съѣдаютъ наживку, но заплзаютъ въ пойманную на удъ рыбу и выѣдаютъ изъ нея все мясо. Не смотря на это, должно, однакоже, сказать, что промышленники, проклиная копшаковъ, въ высшей степени къ нимъ несправедливы, потому что они составляютъ главнѣйшую пищу мелкой рыбы, которую, въ свою очередь, питается крупная, такъ что они во сто кратъ выкупаютъ приносимый ими вредъ.

Привезенную треску сейчасъ же начинаютъ раздѣлывать: отрубаютъ голову, разрѣзаютъ по спинѣ, такъ чтобы хребетная кость оставалась на одной половинѣ, пропариваютъ брюхо, вынимаютъ внутренности и промываютъ. Эта работа также строго распредѣляется между отдѣльными работниками, именно: тягелецъ отрубаетъ голову, кормщикъ распластываетъ рыбу и вынимаетъ внутренности, наживодчикъ отбираетъ максу (т. е. печень) и складываетъ ее въ кадки, а весельщикъ разсѣкаетъ головы, чтобы онѣ лучше могли просохнуть, и носить рыбу въ амбары для соленія, или къ жердямъ для сушки. Въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, помогаютъ ему и всѣ прочіе, окончивъ прежнія свои работы. Рыбу, предназначенную для соленія; кладутъ рядами въ амбары кожей внизъ, пересыпаютъ каждый рядъ солью и наблюдаютъ, чтобы ряды лежали попеременно вдоль и поперекъ. Такимъ образомъ приготавливаютъ большую часть ловимой на Мурманскомъ берегу трески. Но весною, съ начала лова до Николаина дня, когда солнце уже довольно сильно дѣйствуетъ, а въ воздухѣ еще холодно и дождей мало, вывѣшенная на вѣтру рыба можетъ провянуть, не подвергаясь гніенію, и безъ соли. По этому, въ то время треску сушатъ, а не солятъ. Для этого раздѣлываютъ ее точно также, какъ и для соленія, а такъ какъ, при пропариваніи брюха, не перерѣзаютъ пояса плечевыхъ костей, то въ это брюшное отверстіе можно для сушки нанизывать рыбу на жерди, называемыя здѣсь *палтухами*. При этомъ у насъ не вынимаютъ хребетной кости, а только немного ее стесываютъ. Въ Норвегіи раздѣлываютъ треску для сушки нѣсколько иначе, именно, ее разрѣзаютъ и по спинѣ и по брюху вдоль всего тѣла, такъ что обѣ половинки остаются соединенными только у хвоста, и ее уже не нанизываютъ, а вѣшаютъ на палтухи. Кромѣ этого, хребетную кость совершенно вынимаютъ вонъ. Такимъ образомъ раздѣланная сушеная треска называется нашими промышленниками *рошкеркою*. Очевидно, что рошкерка всегда должна лучше просохнуть, чѣмъ наша мурманская сушеная треска, потому что сохнуцій слой рыбы тоньше, а поверхность, подверженная дѣйствию вѣтра и солнца, больше. У нашей трески затекаетъ еще за остающуюся въ ней хребетную кость вода и причиняетъ около кости гніеніе. Преимущества способа сушить рыбу въ видѣ рошкерки слишкомъ ясны, чтобы нѣкоторые изъ нашихъ промышленниковъ не пытались ввести его у себя. Однако, послѣ непродолжительнаго опыта, всѣ скоро обратились къ прежней манерѣ сушки, и именно потому, что норвежскій способъ слишкомъ хорошо уже исполняетъ свое назначеніе, т. е. слишкомъ много отнимаетъ вѣса у сушеной рыбы. Между тѣмъ, неприхотливые потребители сушеной трески, не принимая въ расчетъ улучшенія качества, видятъ только одно уменьшеніе количества и за пудъ рошкерки не охотно платятъ дороже, чѣмъ за пудъ трески, сушеной по прежнему способу, хотя первая не только лучшаго качества, но и содержитъ болѣе питательнаго вещества. Въ Норвегіи есть еще способъ приготовления сушеной трески — такъ называемый *Rundfisk* — названіе, передѣланное у насъ въ рунтовку. У рыбы только отрубаютъ голову и, разрѣзавъ брюхо, вынимаютъ внутренности, вовсе не распластывая ее. Для сушки связываютъ по двѣ рыбы хвостами и вѣшаютъ такъ на жерди. Этотъ способъ употребляется болѣе на Лофоденскихъ

островахъ, и то только для мелкой трески. У насъ онъ вовсе не употребителенъ. Соленой и потомъ сушеной трески, называемой *Klipfisk*, отсылаемой изъ Норвегіи въ большомъ количествѣ какъ въ порты Средиземнаго моря, такъ въ Бразилію и на Антильскіе острова, у насъ также не дѣлается.

Съ Николина дня продолжаютъ сушить только мелкую треску, крупную же, на высушку которой уже не надѣются, начинаютъ солить, а со второй половины іюня уже вовсе перестаютъ сушить треску. Сушеную рыбу, по снятіи съ палтуховъ, складываютъ въ кучи, называемыя *кострами*, наблюдая и тутъ, чтобы ряды между собою перекрещались. Костры прикрываютъ досками, которыя пригнетаются наваленными сверху камнями, чтобы выпрямить, скоробившуюся при сушкѣ, рыбу, и тѣмъ не только придать ей лучшій видъ, но и сдѣлать укладистѣе. Введеніе сараевъ, состоящихъ изъ крышъ на столбахъ, такъ чтобы воздухъ со всѣхъ сторонъ провѣтривалъ костры, было бы немаловажнымъ усовершенствованіемъ въ этомъ способѣ приготовленія рыбы, защищая ее отъ дождей. Сушеная треска, какъ занимающая мало мѣста и заключающая въ данномъ объемѣ болѣе цѣнности, чѣмъ соленая, идетъ изъ Архангельска сухимъ путемъ вверхъ, т. е. въ губерніи Олонецкую, Вологодскую и въ Петербургъ. Въ этотъ городъ доставляютъ ее отъ 60 до 80 тысячъ пудовъ, соленой же не болѣе 5,000. Въ самой же Архангельской губерніи расходится болѣе соленая.

Отрубленные тресковые головы частью бросаются, какъ вещь совершенно негодная, вмѣстѣ со внутренностями, въ воду, и онѣ не мало содѣйствуютъ къ распространенію дурнаго запаха, господствующаго въ становищахъ, потому что при приливахъ и отливахъ, оставаясь то подъ водою, то на сушѣ, онѣ находятся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для гніенія. Другая часть головъ собирается работниками, которые, каждый для себя, раскладываютъ ихъ по скаламъ сушиться, складываютъ въ костры въ видѣ небольшихъ круглыхъ скирдъ и продаютъ въ Архангельскѣ отъ 10 до 50 коп. сер. за пудъ. Ихъ везутъ преимущественно на Николаевскую ярмарку въ Пинегу, гдѣ раскупаются бѣднымъ народомъ, потому что Пинежскій уѣздъ, удаленный отъ моря и бѣдный озерами и рѣками, изобилующими рыбою, всего болѣе нуждается въ дешевой рыбной пищѣ, къ которой каждый привыкъ у насъ на сѣверѣ.

Бросаемыя головы и внутренности составляютъ истинную потерю. На Лофоденскихъ островахъ все это сушатъ и, на особливо для этого устроенныхъ мельницахъ, перемалываютъ въ порошокъ, называемый искусственнымъ гуано, который продаютъ въ Гамбургѣ, откуда онъ преимущественно идетъ въ Саксонію, какъ превосходное удобреніе полей. Состояніе нашего земледѣлія, конечно, не позволяетъ еще употреблять, издалека привозимыхъ и слѣдовательно дорогихъ, удобрений; но, можетъ быть, было бы возможно сбывать эти продукты въ Норвегію, при нѣкоторомъ измѣненіи правилъ, которымъ подчинены наши торговыя сношенія съ этою страной, о чемъ буду говорить ниже.

При раздѣльваніи рыбы, отдѣляютъ всегда печень, называемую *максою* или *вожкою*, чтобы вытапливать изъ нея жиръ. Ее кладутъ для этого сначала въ деревянныя кадки, гдѣ солнцемъ выдѣляется изъ нея часть жира, называемая *самотекою*; ее счерпываютъ съ поверхности и хранятъ, какъ лучшій сортъ, отдѣльно; остающаяся за тѣмъ масса, въ которой еще много жира, кладется въ котлы, подъ которыми разводять огонь, нисколько не приливая въ котлы воды. По отдѣленіи и этого жира, остается на днѣ черная пригорѣлая масса, называемая *шварою*, которую или бросаютъ или, при случаѣ, если какое-нибудь судно отправляется въ Норвегію, берутъ съ собою и продаютъ за что

бы то ни было, — обыкновенно промѣниваютъ на ромъ. Эта шквара идетъ въ Норвегіи на удобреніе полей.

По таможеннымъ постановленіямъ, всякое русское судно должно, при выходѣ изъ порта, объявлять, идетъ ли оно на Мурманскій берегъ или въ Норвегію; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, возвращаясь изъ Норвегіи, оно имѣетъ право забирать по пути въ мурманскихъ становищахъ рыбу свою или чужую, но не тресковый жиръ, подъ страхомъ конфискаціи. Эта мѣра не только стѣснительна, но даже бесполезна, потому что никто изъ Норвегіи рыбьяго жира въ Россію не повезетъ, такъ какъ онъ у насъ дешевле тамошняго. Такимъ же образомъ не дозволяютъ возить жиръ съ Мурманскаго берега въ Норвегію. Онъ долженъ сначала идти въ Архангельскъ и продаться въ руки тамошнихъ купцовъ, чтобы обыкновенно не ранѣе будущаго года отправиться за границу же и частью даже въ Норвегію. Это чистая привиллегія въ пользу архангельскихъ купцовъ и во вредъ нашимъ мурманскимъ промышленникамъ. Но одно отмѣненіе этихъ правилъ было бы еще недостаточно. Дозволеніе возить и продавать жиръ прямо изъ мурманскихъ становищъ въ Норвегію мало бы къ чему послужило. Количество, которое выдѣлываетъ каждый хозяинъ въ каждомъ изъ становищъ, слишкомъ незначительно, чтобы стоило отправлять его въ Норвегію, и лучшимъ доказательствомъ, что это дѣйствительно такъ, можетъ служить то, что вывоза жира почти не производится контрабандно, за чѣмъ, конечно, весьма трудно было бы здѣсь усмотрѣть. Единственное средство доставить нашимъ мурманскимъ промышленникамъ выгодный сбытъ жира, состояло бы въ дозволеніи норвежскимъ купцамъ снаряжать суда, которыя заходили бы въ наши становища и забирали бы сами тамъ жиръ. Прежде это и было такъ, но впоследствии было запрещено, во избѣжаніе ли контрабанды, которую могли привозить съ собою норвежскія суда, или для охраненія нашихъ купеческихъ привиллегій, — неизвѣстно. Тогда нѣкоторые норвежскіе купцы стали прибѣгать къ той уловкѣ, что давали судно, деньги на содержаніе экипажа и на покупку жира и платили жалованье хозяину, какому нибудь помору, который будто бы на своемъ собственномъ суднѣ закупалъ жиръ въ становищахъ и свозилъ его въ норвежскій портъ къ настоящему хозяину этой операціи. Но нѣкоторые поморы воспользовались своимъ положеніемъ и, забравъ какъ можно больше денегъ, завладѣвали судномъ, а такъ какъ оно было на ихъ имя, то норвежцы ничего съ нихъ и требовать не могли. Такимъ образомъ былъ, на примѣръ, обманутъ гамерфестскій купецъ Финкенгагенъ, послѣ чего торгъ этотъ совершенно прекратился и въ этомъ замаскированномъ видѣ. Я полагаю бы чрезвычайно полезнымъ снова разрѣшить его совершенно открытымъ образомъ, безъ всякихъ излишнихъ стѣсненій и ограниченій. Это послужило бы къ несомнѣнной выгодѣ обѣихъ сторонъ. Норвежскія суда, заходящія въ наши становища, можетъ быть нашли бы тогда выгоднымъ скупать не только тресковый жиръ, но и остатки отъ рыбъ, которыя теперь выбрасываются, но которые могли бы служить для приготовленія искусственнаго гуано. Если опасаться контрабанды, то надо бы и нашимъ судамъ, возвращающимся изъ Норвегіи, запретить входъ въ мурманскія становища, подъ предлогомъ, что они могутъ завозить ее туда, какъ они и дѣйствительно это дѣлаютъ. И въ чемъ же можетъ состоять эта контрабанда? въ нѣсколькихъ бутылкахъ рома, немного покрѣпче и повкуснѣ нашей откупной водки. Да эта контрабанда можетъ ли быть сколько нибудь значительна? Весь кругъ ея долженъ ограничиться промышленниками, временно проживающими въ мурманскихъ становищахъ. Не повезутъ же они его съ собою въ свои поморскія деревни, а если повезутъ, то за этимъ всегда можно будетъ слѣдить на мѣстѣ, какъ и теперь дѣлается. Сколь же ничтожно

количество, могущее быть роспито въ самыхъ становищахъ, можно видѣть изъ того, что тамъ ни у кого почти денегъ нѣтъ, потому что забранное у хозяевъ впередъ, или уже прожито зимою, или оставлено семействамъ, а остальное еще должно получиться по продажѣ рыбы въ Архангельскѣ. Также точно нельзя опасаться, чтобы стали промѣнивать жиръ на ромъ или другую какую контрабанду, потому что за этимъ сами хозяева усмотрятъ лучше всякихъ таможенныхъ чиновниковъ и всякой пограничной стражи. Опасаться, что норвежскія суда могутъ вывозить что нибудь отъ насъ контрабандно, на примѣръ лѣса, было бы весьма возможно, если бы только на всемъ побережьѣ росла хоть одна былинка лѣса; да и другаго чего, кромѣ рыбы и продуктовъ изъ нея добываемыхъ, нѣтъ въ Лапландіи. Въ Колу, правда, доставляютъ лѣсъ по рѣкамъ Туломѣ и Колѣ, и слѣдовательно его можно и вывозить; но тутъ за этимъ легко усмотрѣть. Въ прочія же мѣста, необходимый для мѣстнаго употребленія, лѣсъ привозится изъ Бѣлаго моря, гдѣ за вывозомъ его, будетъ ли то прямо въ Норвегію, или чрезъ посредство мурманскихъ становищъ, также точно можно будетъ слѣдить тогда, какъ это и теперь дѣлается.

Кромѣ этихъ главныхъ продуктовъ, т. е. самой трески, сушеной или соленой, и печеночнаго жира, готовятъ еще отдѣльно: тресковые языки, солимы въ бочки и, такъ называемую, тресковую вязигу, которая съ извѣстною осетровою вязигою имѣетъ общаго только названіе, потому что состоитъ изъ плавательнаго пузыря и, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ осетровому клею, но имѣетъ совершенно другія свойства, не развариваясь въ желе. Вынувъ изъ рыбы, ее прилѣпляютъ къ досечкамъ и развѣшиваютъ по стѣнамъ избъ и амбаровъ для просушки. Въ пищу употребляютъ ее разваренною въ водѣ отдѣльно, или вмѣстѣ съ трескою. Какъ вязига, такъ и языки готовятъ, впрочемъ, исключительно для собственнаго употребленія и въ продажу не поступаютъ.

Съ открытіемъ навигаціи, начинаютъ приходять въ становища ладьи, шкуны и вообще разныя суда хозяевъ промысловъ, чтобы забирать насушеную и насоленную рыбу. Тѣ изъ нихъ, которыя не идутъ въ Норвегію, остаются обыкновенно въ своихъ становищахъ до окончанія лова и тамъ, гдѣ гавань не совершенно безопасна отъ бурь и волненій, становятся на обсушку, т. е. вводятся на отмѣльныя мѣста, совершенно обсыхающія во время отливовъ. Съ этого времени начинаютъ солить рыбу уже не въ амбары, а прямо въ трюмы судовъ, которые въ хорошо устроенныхъ для этой цѣли судахъ раздѣляются на отдѣленія, называемыя, какъ и въ шнякахъ, *чердаками*. Каждый чердакъ стараются занимать особливимъ сортомъ рыбы и кладутъ отдѣльно крупную, среднюю, мелкую треску, пикшуя и палтуса. При соленіи, какъ тутъ, такъ и въ амбарахъ, употребляютъ обыкновенно на 100 пудовъ рыбы отъ 17 до 20 пудовъ соли, что вполне достаточно для ея сохраненія. Вообще все это дѣлается очень чисто, и, входя въ трюмы судовъ, наполненныхъ рыбою, мы удивлялись, какъ слабъ былъ издаваемый ею запахъ, который соленіемъ совершенно предотвратить невозможно.

Отвратительный запахъ, издаваемый соленою трескою, при свозѣ ея въ Архангельскъ, происходитъ отъ трески, привозимой изъ Норвегіи, которая всегда и продается дешевле мурманской. Худшее качество этой трески зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: наши промышленники, пришедши въ Норвегію, разсѣваются по ея безчисленнымъ фіордамъ, губамъ и проливамъ и вымѣниваютъ на муку свѣжую рыбу, свозимую къ нимъ мѣстными жителями Финмаркена, преимущественно финманами (норвежскими лопарями), которые считаютъ невыгоднымъ для себя привозить каждый свой уловъ, такъ какъ при переѣздахъ терялось бы слишкомъ много времени, а дожидаются пока наполнятъ рыбою

свою ёлу, или по крайней мѣрѣ накопить порядочный запасъ ея. Обыкновенно, если только ловъ производится не вблизи судна покупателя, они привозятъ рыбу только разъ въ недѣлю — въ субботу, а до того держатъ ее совершенно не посоленою, вынувъ только внутренности и обмывъ кровь и нечистоты. Правда, что при теплой погодѣ они опускаютъ ее въ море, но вода его, хотя и довольно холодна, все же не можетъ предохранить рыбы отъ нѣкоторой порчи. Такимъ образомъ солится она русскими, не будучи уже вполне свѣжею. При томъ, иногда свозится одновременно такое огромное количество рыбы, что нѣтъ времени солить ее съ надлежащею тщательностію.

Тѣ изъ мурманскихъ промышленниковъ, которые не имѣютъ своихъ судовъ, или у которыхъ они уже нагружены норвежскою рыбою, зафрахтовываютъ чужія. Плата за провозъ до Архангельска составляетъ обыкновенно отъ 6 до 10 к. с. съ пуда. Прежде платили даже не болѣе четырехъ коп. Фрахты, конечно, измѣняются, смотря по количеству находящихся на лицо судовъ и по уловамъ. При большихъ уловахъ, фрахты, конечно, дороже. Но такая ряда съ пуда началась лишь въ недавнее время. Прежде же, а часто и теперь еще держатся слѣдующаго разсчета. Хозяинъ судна беретъ за провозъ рыбы сумму, равную той, которая придется, при продажѣ, на каждый пай и, сверхъ того, еще на каждые 10 р. асс. этой суммы рубль серебромъ прибавки. Или, другими словами: сверхъ пая еще 10 процентовъ, что составляетъ около $\frac{1}{10}$ цѣны всего груза.

Кромѣ ладей, шкунъ и т. п., многіе хозяева имѣютъ еще на Мурманскомъ берегу небольшія суда, передѣлываемыя изъ шнякъ, нашивкою къ ихъ бортамъ нѣсколькихъ рядовъ досокъ, и называемыя *раньшинами* по той специальной цѣли, для которой они предназначаются, т. е. для ранняго привоза трески въ Архангельскъ. Раньшины остаются зимовать въ мурманскихъ становищахъ, и, какъ только откроется навигація, хозяева ихъ скупаютъ, или забираютъ свою свѣжепросольную треску первыхъ весеннихъ посоловъ и привозятъ ее въ Архангельскъ. Такъ какъ въ это время года еще холодно, то эта треска несравненно лучше привозимой осенью и дороже продается. Сбывъ свой грузъ и забравъ съ собою муки, раньшины возвращаются на Мурманскій берегъ и успѣваютъ еще сходить въ Норвегію, чтобы промѣнять тамъ муку на рыбу. Этотъ послѣдній товаръ не везутъ уже на раньшинахъ въ Архангельскъ, а помѣщаютъ его на возвращающіяся въ Бѣлое море суда; раньшины же остаются на Мурманскомъ берегу вмѣстѣ съ рыболовными шняками.

Рыба осенняго улова свозится преимущественно также въ Архангельскъ, куда къ началу сентября сходятся поморскія суда и производятъ распродажу рыбы. Въ это время запасаются ею не только мѣстные жители, для своего употребленія, но и купцы, отправляющіе ее, какъ въ прочія мѣста Архангельской губерніи, такъ и въ Вологодскую, Олонецкую и частью въ Вятскую губерніи, и въ Петербургъ. Небольшая часть привозится въ прочіе порты Бѣлаго моря, болѣе для собственнаго употребленія жителей, а также и для отправки изъ Кеми и изъ деревень Поморскаго берега на Шунгскую ярмарку.

Приготовление и сбытъ сайды совершенно тѣже, что и для трески. Ее сушатъ и солятъ совершенно такимъ же образомъ; также точно выдѣляютъ жиръ изъ ея печенки и всѣ получаемые отъ нея продукты свозятъ къ портамъ Бѣлаго моря; но ловъ ея, какъ уже было замѣчено выше, производится совершенно инымъ образомъ. Орудіемъ для этого служитъ *поддонъ* или *нотъ* — название это, какъ и сама снасть, заимствованы нашими промышленниками изъ Норвегіи. Это квадратная сѣть, имѣющая саженъ до 17 въ сторонѣ, съ большимъ посадомъ на окаймляющихъ ее подборахъ, такъ что она образуетъ собою мѣшокъ, даже когда подборы совершенно вытянуты. Нотъ дубятъ раза

два, три въ лѣто, чтобы онъ получилъ темный цвѣтъ и менѣе былъ замѣтенъ въ водѣ. Ловить сайду на удачу во всякое время, какъ это дѣлается для другихъ рыбъ, ярусами, неводами, плавными и ставными сѣтями и т. д. нельзя. Нужно слѣдить за нею и дожидаться, когда стаи ея поднимутся на поверхность, выпрыгивая изъ воды, играя и гоняясь за чѣмъ-нибудь. Тогда начинаютъ выбирать ноть вблизи этого мѣста и за четыре угла растягиваютъ его съ четырехъ лодокъ, въ которыхъ по три человѣка. Изъ нихъ двое гребутъ, а третій, кормщикъ, править и тянетъ веревку, привязанную къ углу нота. Когда стая найдетъ на ноть, то подбираютъ веревки такъ, чтобы ноть подошла ближе къ поверхности. Въ это время кормщикъ мечетъ, заготовленные въ лодкѣ, камни, такъ чтобы они падали въ воду у самой подборы съ наружной ея стороны. Такъ какъ это дѣлается со всѣхъ четырехъ концовъ, то сайда, находящаяся надъ нотомъ, отъ испуга опускается внизъ, а въ стороны не бѣжитъ и попадаетъ въ растянутую подъ нею сѣть. Иногда наваливаютъ этимъ способомъ въ разъ полныхъ четыре шняки, что составляетъ на каждую по 200 пудъ раздѣланной уже сайды (безъ головы и внутренности) и до 40 пудовъ максы. Когда сайды очень много, нерѣдко попадаетъ по столько же на каждый ноть раза три и четыре въ день. Когда сайда ловится недалеко отъ береговъ Норвегіи, то сбываютъ туда максу въ свѣжемъ видѣ, получая до рубля серебромъ за пудъ. Выдѣланный же жиръ, равно какъ самую рыбу, сушеную или соленую, смотря по времени лова, отправляютъ въ Архангельскъ.

Въ мнѣніи моемъ, о колонизаціи Мурманскаго берега (*), я уже говорилъ о началѣ акуляго промысла у русскихъ береговъ. Здѣсь остается только сказать нѣсколько словъ о самомъ производствѣ этого лова. Акуля снасть состоитъ изъ большаго крючка, вертящагося на гайкѣ, прикрѣпленной къ желѣзной цѣпи длиною въ сажень или въ полторы, дабы акула, попавъ на крючокъ, не могла ни перекрутить, ни перекусить снасти. Далѣе идетъ обыкновенная стоянка. На нѣкоторомъ разстояніи отъ крючка, къ цѣпи прицѣпляется на отдѣльной веревкѣ чугунная гири, такъ что когда снасть опущена, то гири лежитъ на днѣ, а крючокъ виситъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Наживкою употребляютъ жареное тюленье сало, которое своимъ сильнымъ запахомъ привлекаетъ издалека акуль. Для этой же цѣли опускаютъ обыкновенно передъ ловомъ на дно моря, на якорѣ, жареный тюлений жиръ въ продыравленномъ ящикѣ, или просто завернутый въ рогожанный кулекъ. На эту приманку собираются издалека акулы, имѣющія чрезвычайно тонкое обоняніе, и несравненно лучше попадаютъ на уду. Поймавъ акулу, ее, смотря по величинѣ, или вытягиваютъ на судно, или раздѣлываютъ на водѣ; вынувъ печень, остальное бросаютъ въ море. Конечно, акулу надо убить прежде, чѣмъ ее раздѣлывать. Убиваютъ ее деревянною колотушкою, обитою желѣзомъ. Огромныхъ акуль, до 5 и 6 сажень длиною (*Selache maxima*), бьютъ острогой; у насъ этого лова еще не производятъ. Лѣтомъ, во время свѣтлыхъ полярныхъ ночей, акулы держатся далеко отъ береговъ на большой глубинѣ, и на промыселъ ихъ отправляются обыкновенно на шлюпахъ (въ Норвегіи же и на большихъ ёлахъ) верстъ за 100 и за 200 отъ берега. Бросаютъ якорь на глубинѣ, часто превышающей 150 сажень, и остаются тамъ, пока не добудутъ достаточный грузъ максы, которую свозятъ сырою въ Норвегію. Осенью, въ темныя ночи, акулы приближаются къ берегамъ, и тогда ловъ ихъ гораздо менѣе затруднителенъ, хотя производится тѣми же способами. Въ нѣкоторые годы, въ особливо холодныя зимы, ловятъ акуль и со льда въ Кольской губѣ.

(*) Въ приложеніи.

3. ОРГАНИЗАЦІЯ ПРОМЫСЛА.

Подъ этимъ названіемъ разумѣю я экономическія отношенія, существующія между хозяевами и работниками, или вообще между принимающими участіе въ мурманскомъ ловѣ. Какъ я сказалъ выше, тутъ надо различать промыслы, производимые временно приходящими на берега Лапландіи поморами, отъ тѣхъ, которыми занимаются постоянные жители ея, коляне.

а. Поморскіе промыслы.

Основаніемъ организаціи поморскаго лова служитъ *промысловая артель*, каждый изъ членовъ которой получаетъ опредѣленную долю изъ общаго улова — *пай*, при чемъ доля хозяина артели, принимающаго на себя всѣ издержки производства, гораздо значительнѣе прочихъ. У колянъ, напротивъ того, работники получаютъ, собственно говоря, задѣльную плату отъ своихъ хозяевъ, почти не принимающихъ даже на себя издержекъ производства.

Изъ временно приходящихъ на Мурманскій берегъ промышленниковъ, ловятъ тамъ, въ настоящее время, только жители Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ. Прежде приходило сюда много промышленниковъ изъ Архангельскаго и даже Холмогорскаго уѣздовъ, но, за отдаленностью и трудностью зимняго пути оттуда до Лапландскаго берега, они теперь почти совершенно перестали принимать участіе въ мурманскомъ ловѣ, такъ что у нихъ осталось не болѣе десяти шнякъ, принадлежащихъ жителямъ деревни Мудьюги, лежащей на Зимнемъ берегу, верстахъ въ шестидесяти отъ Архангельска; но и эти, въ послѣднее время, начинаютъ также все болѣе и болѣе заниматься торговлею съ Норвегіей и бросать рыбный промыселъ.

Такъ какъ, для производства мурманскаго промысла, нужно имѣть заведеніе на Лапландскомъ берегу, состоящее по крайней мѣрѣ изъ одной или нѣсколькихъ шнякъ, снастей, собственныхъ или нанятыхъ амбара и избы, запаса провизіи и соли, то не каждый изъ поморовъ въ состояніи производить этотъ промыселъ въ свой счетъ и въ исключительную свою пользу. Имѣющіе средства дѣлать эти необходимыя предварительныя издержки, на собственный ли капиталъ, или на кредитъ, становятся *хозяевами*, къ которымъ присоединяются артели, каждая изъ четырехъ *покрутчиковъ*, т. е. работниковъ, нанимающихся не изъ опредѣленной задѣльной платы, а изъ извѣстной доли въ будущемъ уловѣ. Такой способъ распредѣленія выгодъ отъ промысла между хозяевами и работниками существуетъ съ незапамятныхъ временъ, и причины, по которымъ его предпочитаютъ, какъ хозяева, такъ и работники, обыкновенному способу найма, за назначенную впередъ плату, заключаются въ нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ выгодахъ, представляемыхъ имъ для обѣихъ сторонъ и обѣими сторонами сознаваемыхъ. 1) При постоянной невѣрности рыбнаго промысла, подверженнаго множеству случайностей, хозяину всегда выгоднѣе назначать своимъ работникамъ долю изъ будущаго улова, нежели опредѣленную плату, которая, при неудачѣ промысла, увеличила бы его убытки и которую ему, можетъ быть, трудно было бы даже выплатить. Такъ какъ эта постоянная плата, очевидно, должна бы сообразоваться съ среднимъ барышемъ, получаемымъ отъ промысловъ, то, конечно, при изобильныхъ уловахъ доля, остающаяся хозяевамъ, за вычетомъ опредѣленной платы, была бы больше; но такъ рассчитывать могутъ только самые зажиточные хозяева, большинству же ихъ, живущему, если не со дня на день, то съ году на годъ, очевидно гораздо легче уступать, при значительныхъ барышахъ, большую долю изъ нихъ, чѣмъ уплачивать, при неудачномъ промыслѣ, сумму, которая можетъ не только погло-

тить, но и превысить всё его выгоды. Однимъ словомъ, и убытки и барыши тутъ равномернѣе распределяются между всѣми участниками въ промыслѣ. 2) Не всякій хозяинъ имѣетъ возможность слѣдить самъ за своимъ ловомъ, потому что или участвуетъ въ тоже время въ торговлѣ съ Норвегіей, или возитъ свѣжепросольную треску на ранышинахъ въ Архангельскъ. Между тѣмъ, при системѣ покрута, онъ вполне увѣренъ, что промыселъ производится тщательно, ибо чѣмъ больше уловъ, тѣмъ значительнѣе и доля каждаго. 3) При напередъ опредѣляемой задѣльной платѣ, между хозяевами имѣло бы мѣсто соперничество, неминуемымъ результатомъ котораго было бы то, что всѣ лучшіе работники перешли бы къ богатѣйшимъ хозяевамъ, могущимъ давать большую плату, и бѣднѣйшимъ хозяевамъ, на долю которыхъ оставался бы всегда худшій народъ, было бы очень трудно подняться. Этого мало: богатѣйшіе хозяева могли бы, постепенно усиливая свои промыслы въ ущербъ остальнымъ, наконецъ сдѣлаться монополистами, между тѣмъ какъ теперь, при укоренившемся обычаемъ способѣ раздѣленія добычи, богатые не имѣютъ почти никакихъ преимуществъ предъ остальными въ наймѣ рабочихъ. 4) Система покрута имѣетъ для работниковъ прелесть лотереи и всегда поддерживаетъ ихъ въ надеждѣ, при рядѣ уловистыхъ годовъ, выйти самимъ въ хозяева, — надеждѣ, которая отъ времени до времени и оправдывается, ибо не мало есть поморскихъ хозяевъ, бывшихъ прежде простыми работниками.

Еще съ осени или въ началѣ зимы начинаютъ покрутчики рядиться съ хозяевами, обыкновенно съ тѣми же, съ которыми промыслили въ прошломъ году. Порядившись, забираютъ порядочную сумму въ задатокъ, необходимую имъ какъ для разныхъ поправокъ въ домѣ, такъ и для содержанія себя и своихъ семействъ. Каждый хозяинъ держится своего становища, гдѣ у него все рыболовное заведеніе, и направляетъ туда свой народъ. Въ началѣ и въ половинѣ марта отправляются покрутчики въ путь. Передъ выходомъ покрутчиковъ изъ деревни, хозяинъ всегда дѣлаетъ имъ угощеніе и даритъ сукна на авачуги (рукавицы, въ которыхъ тянутъ ярусъ), кормицику и тяглецу на двѣ пары, весельщику на одну. До деревни Кандалакши ихъ кое-гдѣ и подвезутъ отъ мѣста до мѣста, но большею частью они идутъ все пѣшкомъ, таща за собою небольшія кережки съ одеждою и провизією на дорогу. Многіе запрягаютъ въ эти кережки собакъ, которыя потомъ все лѣто остаются при своихъ хозяевахъ въ становищахъ, питааясь тамъ изобильными остатками отъ рыбы. Съ Кандалакши уже всегда идутъ пѣшкомъ: направляющіеся въ западную часть берега — на Колу, прочіе же на Разъ-наволокъ. Этотъ переходъ зимою, по пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ негдѣ обогрѣться, какъ развѣ только у разведеннаго на снѣгу огня, на которомъ варятъ пищу, но который нечѣмъ бываетъ поддерживать всю ночь, очень затруднителенъ, особливо для мальчиковъ, поступающихъ въ зуи и наживодчики. Днемъ отъ дѣйствія солнца обтаютъ рукавицы и бахилы, и когда ихъ снимутъ на ночь, то они до того закоченѣютъ, что ихъ надѣть невозможно, не отогрѣвъ у своего тѣла. Съ Колы или съ Разъ-наволока поступаютъ покрутчики уже на содержаніе хозяевъ. Изъ Разъ-наволока ѣдутъ они въ свои становища болѣе ста верстъ на оленяхъ, чрезъ совершенно пустынную тундру; а изъ Колы на шнякахъ. Иногда случается во время холодныхъ зимъ, что въ глуби Кольской губы въ это время еще стоитъ ледъ; тогда перетаскиваютъ шняки по льду до открытой воды. Коляне при своихъ промыслахъ также прибѣгаютъ въ иные годы къ этому средству. Для облегченія тяги и чтобы не попортить кила, поддѣлываютъ подъ шняки полозья. При попутномъ вѣтрѣ поднимаютъ паруса, и тогда остается только направлять ихъ ходъ. Тѣ, которые, по перенесеніи этихъ трудностей, при

приходѣ въ становища, вдругъ совершенно предаются отдыху, нерѣдко впадаютъ въ цыngu, отъ которой, впрочемъ, вылечиваются (если эта болѣзнь не господствуетъ эпидемически), усиленнымъ движеніемъ, къ которому ихъ принуждаютъ товарищи.

Становища, разсѣянныя по всему Лапландскому берегу, начиная отъ Святаго-Носа, составляющаго точку раздѣла между Бѣлымъ моремъ и океаномъ, до самой норвежской границы у устья рѣки Ворьемы суть губы, обыкновенно при впадении рѣки и представляющія болѣе или менѣе безопасное убѣжище отъ бурь и волненія. Они бывають двухъ родовъ. Одни съ избами для жилья и амбарами для хранения рыбы; это, такъ называемыя, вешнія становища, въ которыя собираются промышленники изъ Колы или Разъ-наволока, послѣ ихъ утомительнаго сухопутнаго путешествія. Здѣсь проживають они большею частью все время промысловъ, пользуясь въ большей или меньшей степени удобствами той жизни, къ которой они привыкли дома. Другія же становища не имѣють никакихъ строеній, и въ нихъ только для лѣтнаго лова собираются или промышленники, приплывающіе вмѣстѣ съ хозяевами на ладьяхъ уже лѣтомъ, или приходящіе временно изъ вешнихъ становищъ, въ надеждѣ на выгоднѣйшій промыселъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ промысляютъ также лопари отчасти для промѣна своей добычи поморамъ на разные необходимые предметы, отчасти же для своего собственного продовольствія. Лопари живутъ въ вежахъ, т. е. въ коническихъ шалашахъ, обложенныхъ дерномъ.

Всѣхъ становищъ на Мурманскомъ берегу считается болѣе сорока. По мѣстоположенію и важности производимаго лова, ихъ можно раздѣлить на четыре группы. Первые 11 становищъ, начиная отъ Святаго-Носа, незначительны; въ нихъ нѣтъ избъ, и небольшое число ловцевъ собираются тутъ только въ лѣтнее время. По положенію, ихъ можно причислить къ *восточной группѣ*. Начиная отъ рѣки Лицы до Кольскаго залива, находится 17 становищъ; въ 10-ти изъ нихъ есть избы. Нѣкоторыя изъ становищъ весьма значительны. Промышленники, направляющіеся въ становища этой *средней группѣ*, идутъ болѣе на Разъ-наволокъ; развѣ только въ западнѣйшее изъ нихъ, Тириберку, идутъ на Колу. Западную границу ихъ составляетъ Кольская губа. За Кольскою губою, въ большой Мотовской губѣ и по восточному берегу Рыбачьяго полуострова, находится 7 становищъ, въ которыхъ промысляютъ почти исключительно коляне. Поморы заходятъ лишь иногда въ первое изъ нихъ, Еретики, а коляне взамѣнъ того заходятъ, изъ становищъ прежней группы, развѣ въ сосѣднее Кильдинское. Это *кольскія становища*. У сѣверо-западнаго угла Рыбачьяго полуострова находится становище, преимущественно посѣщаемое поморами, хотя, впрочемъ, и коляне тутъ иногда ловятъ. На западномъ берегу Рыбачьяго полуострова, въ такъ называемыхъ большой и малой Валоковыхъ или Маломотовскихъ губахъ, рыбы не ловятъ; но еще пять русскихъ становищъ находятся на южномъ берегу принадлежащей Россіи части Варангскаго залива. Всѣ эти 6 становищъ можно назвать *западными*.

1. восточныя становища.

1) Въ 15 верстахъ къ югозападу отъ Святаго Носа — *Юканскіе острова*. Въ этомъ становищѣ нѣтъ избъ, а только складены печи для варенья пици. Здѣсь болѣе ловятъ по мелкимъ мѣстамъ камбалъ подольниками; сюда, какъ и къ Лумбовскимъ островамъ, лежащимъ еще въ Бѣломъ морѣ, приходятъ мелкіе промышленники моремъ на шнякахъ. Къ сѣверозападу отъ Юканскихъ острововъ, т. е. по общему направленію Лапландскаго берега, идетъ цѣлый рядъ небольшихъ становищъ, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга.

2) Въ 19 верстахъ отъ Юканскихъ острововъ лежитъ становище *Большія Клетныя*, безъ избъ; промышляютъ тутъ не всякій годъ.

3) Въ 2½ верстахъ далѣе находится ст. *Малыя Клетныя*, также безъ избъ.

4) Въ 3 верстахъ далѣе, губа *Савиха*, безъ избъ же.

5) Въ 6 верстахъ отъ нея, становище *Иваново-Взлавые*, безъ избъ.

6) Въ 16 верстахъ за нимъ, два становища по сосѣдству — *Карпино* и *Ладьино*, безъ избъ.

7) Въ 2 верстахъ отъ нихъ, чрезъ выдающійся прямо на сѣверъ мысъ Черный, въ началѣ губы, въ которой лежатъ Нокуевы острова, *Шуртыцкая губа*, безъ избъ. Если объѣзжать мысъ Черный моремъ, то разстояніе это увеличится до 8 верстъ.

8) Въ 6½ верстахъ къ западу-юго-западу *Нокуевы острова*, безъ избъ.

9) Въ 11 верстахъ отъ нихъ, у западной оконечности губы, становище *Круглое*, безъ избъ. Съ объѣздомъ острововъ Нокуевыхъ это разстояніе дойдетъ до 15 верстъ.

10) Въ 15 же верстахъ отъ него, по общему направленію берега, находится становище *Корабельное*; избъ нѣтъ и промышляютъ въ немъ рѣдко.

11) 10 верстъ далѣе — губа *Политюха*, безъ избъ.

II. СРЕДНЯЯ СТАНОВИЩА.

12) Въ 6 верстахъ отъ Политюхи становище при устьѣ рѣки *Лицы*. Это — первое большое внешнее становище отъ Святаго-Носа, съ большимъ числомъ избъ. Оно особенно выгодно тѣмъ, что ловъ песчанки производится въ самомъ становищѣ.

13) Въ 10 верстахъ далѣе, становище *Плеханово*, безъ избъ.

14) Въ 4 верстахъ отъ него — *Семиостровское* большое внешнее становище. За песчанкой ѣздятъ изъ него въ Лицу. Оба становища большія и представляютъ ту выгоду, что треска здѣсь обыкновенно держится въ небольшомъ разстояніи отъ береговъ, чѣмъ далѣе къ западу.

15) Въ 12 верстахъ далѣе — *Литнее Семиостровское* становище. Избъ не имѣетъ, а только лопарскія вежи.

16) Въ 18 верстахъ отъ него губа *Барышиха*. Промышляютъ лопари, живущіе въ избахъ; прежде промышляли и русскіе, но теперь оставили. Рядомъ съ нею, въ какой нибудь верстѣ, лежитъ

17) *Губа Шубина*, съ избами русскихъ промышленниковъ. Съ небольшимъ въ двухъ верстахъ далѣе

18) Становище при рѣкѣ *Рындъ* съ избами же.

19) Въ 14 верстахъ отъ него губа *Трастина*, съ избами.

20) 5 или 6 верстъ далѣе — большое становище въ губѣ *Щербинихъ*, съ избами.

21) Въ 8 верстахъ отъ него, за островомъ Большимъ Оленьимъ, маленькое становище *Василькино*, безъ избъ. Почти въ томъ же разстояніи отъ него

22) Большое становище *Шельпино*, съ избами.

23) Въ 6 верстахъ за нимъ ст. *Зеленецкое*. Лѣтъ десять тому назадъ были здѣсь избы, но теперь разрушились или перенесены въ другія мѣста. Нынѣ тутъ не промышляютъ.

24) Верстахъ въ 12 за нимъ лежитъ *Гаврилово*, одно изъ самыхъ большихъ становищъ, весьма выгодное тѣмъ, что къ западу отъ него, не далѣе какъ въ трехъ верстахъ, находится устье рѣки *Вороньей*, изобилующее песчанкою.

25) Въ 15 верстахъ отъ Гаврилова — *губа Опасова*, гдѣ прежде было большое становище, нынѣ же осталась только одна изба.

26) 17 верстъ за нею, одно изъ главныхъ мурманскихъ становищъ въ *губь Териберку*. Въ глубинѣ губы впадаетъ довольно значительная рѣка Териберка, у устья которой ловится песчанка.

27) Въ 23 верстахъ отъ Териберки лежитъ небольшое становище безъ избъ, въ проливѣ между островомъ *Малымъ Оленьимъ* и материкомъ, а 19 верстъ еще далѣе

28) Также становище безъ избъ между островомъ *Кильдинымъ* и материкомъ.

III. КОЛЬСКІЯ СТАНОВИЩА.

Отъ Кильдина до Кольской губы и въ самой Кольской губѣ становищъ нѣтъ, но у входа въ Большую Мотку, при устьѣ губы Уры, лежитъ становище

29) *Еретики*, верстахъ въ 45, въ прямомъ направленіи отъ Кильдинскаго. Оно съ избами и въ немъ промышляютъ не одни только кояне, но и поморы, однакоже только въ весеннее время, потому что лѣтомъ треска отсюда удаляется.

Въ Мотовской губѣ и на восточномъ берегу Рыбачьяго полуострова находится нѣсколько становищъ, въ которыхъ промышляютъ исключительно кояне и ближніе лопари. Всѣ они безъ избъ. Главнѣйшія изъ нихъ суть:

30) При устьѣ рѣки *Малой Лицы*, въ 35 верстахъ отъ Еретиковъ.

31) Въ *Титовой губѣ*, верстъ 30 далѣе въ глубь Мотки, по южному же ея берегу

32) *Губа Ейна*, въ 16 верстахъ на востоко-сѣверо-востокъ отъ Титовой и въ 18 на сѣверо-западъ отъ Лицы, на сѣверномъ берегу Мотки.

33) Становище *Корабельное*, въ 15 верстахъ къ востоку отъ Ейны, на томъ же берегу Мотки.

34) Другое *Корабельное* становище, на восточномъ берегу Рыбачьяго полуострова, въ 23 верстахъ отъ предыдущаго. Верстахъ въ 6 отъ него на сѣверъ лежитъ:

35) Становище у *Цыпъ-наволока*. Въ двухъ послѣднихъ становищахъ промышляютъ кояне съ середины лѣта, когда рыба удалится изъ Мотовской губы.

IV. ЗАПАДНЫЯ СТАНОВИЩА.

36) Въ 50 верстахъ отъ Цыпъ-наволока, у сѣверо-западнаго угла Рыбачьяго полуострова, находится большое становище *Вайда-губа* съ избами, въ которой промышляютъ какъ поморы, такъ и кояне. Нижеслѣдующія становища лежатъ уже въ Варангскомъ заливѣ:

37) Становище *Амбарное*, верстахъ въ 35 отъ Вайда-губы, у восточнаго угла устья губы Печеньги, — безъ избъ. Верстахъ въ четырехъ отъ него, въ противоположномъ углу устья Печеньги, находится значительное

38) Становище *Мало-Нѣмецкое*; съ избами.

39) Въ 9 верстахъ отъ послѣдняго, становище въ *губь Долгой*, съ избами.

40) 10 верстъ далѣе, становище *Столбовое*, также съ избами, и наконецъ

41) Верстахъ въ трехъ отъ Столбоваго, послѣднее русское становище при устьѣ пограничной рѣки *Ворьемы*.

Кромѣ этихъ становищъ, на Мурманскомъ берегу, есть много другихъ губъ, но въ нихъ, однакоже,

не стоятъ промышленники, или потому, что эти становища не представляютъ безопасности отъ бурь, или по затруднительности входа и выхода изъ нихъ, или по недостатку въ нихъ прѣсной воды, а также и по отдаленности отъ мѣстъ, гдѣ ловится песчанка.

Большія становища, какъ, на примѣръ, Семиостровское, Гаврилово и Териберка, представляютъ видъ деревни, только чрезвычайно неправильно построенной и разбросанной, потому что пространство между берегомъ и окружающими губу скалами не велико, и надо пользоваться для постройки всякимъ удобнымъ мѣстомъ, не обращая уже вниманія на внѣшній порядокъ и симметрію. Строенія эти состоятъ изъ жилыхъ избъ, амбаровъ для храненія снасти, припасовъ и для соленія рыбы, и бань. Въ большихъ становищахъ есть часовни. Каждый нѣсколько зажиточный хозяинъ имѣетъ свою избу, прочіе же, промышленящіе одною или много двумя шняками, нанимаютъ помѣщеніе для своихъ работниковъ. Между этими строеніями столь же неправильно разбросаны костры сушеной рыбы и кучи тресковыхъ головъ, и вмазаны котлы, въ которыхъ топятъ жиръ. Избы по большей части чистыя, т. е. съ трубами. Вдоль одной стѣны устроены длинныя нары для спанья. Если принять въ расчетъ скудость мѣстныхъ средствъ и необходимость привозить все до самой малѣйшей вещи (даже дрова) съ собою, то можно назвать помѣщенія промышленниковъ вообще хорошими. Изъ пищи берутъ изъ дома только запасъ муки и крупы, который привозятъ на судахъ и оставляютъ на зиму вмѣстѣ со шняками и прочею промысловою снастью въ становищахъ; но рыба, которой, конечно, всегда вдоволь, совершенно замѣняетъ недостатокъ во всемъ прочемъ, такъ что поморы замѣчаютъ, что, не смотря на трудности промысла, промышленники всегда возвращаются домой, пополнѣвъ и поздоровѣвъ.

Въ первое время по приходѣ въ становища, разгребаютъ снѣгъ у избъ и амбаровъ, поправляютъ снасти, чинятъ и спускаютъ на воду шняки, а вскорѣ за тѣмъ начинается и ловъ, ходъ и порядокъ котораго описаны уже выше. Здѣсь же предстоитъ намъ разсмотрѣть и оцѣнить распредѣленіе выгодъ отъ промысловъ между хозяевами и покрутчиками.

На основаніи постоянного и неизмѣннаго правила, существующаго между всѣми поморскими промышленниками, сумма, вырученная за продажу всей наловленной на Мурманскомъ берегу рыбы, дѣлится такъ, что $\frac{2}{3}$ ея идутъ хозяину, а $\frac{1}{3}$ на работниковъ. Эта треть раздѣляется между ними поровну, такъ что каждый получаетъ по $\frac{1}{12}$ доли, что составляетъ пай, служащій мѣриломъ улова. Такъ, если говорятъ, что на пай пришлось 200 р. ас., это значитъ, что цѣнность улова, добытаго на шняку, составляетъ 2,400 р. ас. Въ становищахъ, той же группы по крайней мѣрѣ, рѣдко случается, чтобы пай у разныхъ хозяевъ разнился между собою болѣе, чѣмъ на 20 или на 30 р. ас. Кромѣ слѣдующаго кормщику пая, хозяинъ отдаетъ ему еще половину одного изъ своихъ 8 паевъ; да онъ же получаетъ еще, такъ называемый, *свершонокъ* — опредѣленную сумму денегъ, которую кормщикъ всегда себѣ выговариваетъ, нанимаясь къ хозяину, и которая измѣняется отъ 10 до 50 р. сер., смотря по репутаціи, которою онъ пользуется, какъ по своему искусству, такъ и по старательности. Кормщикъ есть не только распорядитель всего лова и начальникъ экипажа шняки, но и хранитель хозяйскаго добра и всѣхъ его интересовъ; по этому, если самъ хозяинъ не присутствуетъ при промыслѣ, то успѣхъ предпріятія во многомъ зависитъ отъ выбора кормщика. И такъ, хозяинъ беретъ себѣ около $7\frac{1}{4}$ паевъ, а четыре работника вмѣстѣ получаютъ $4\frac{3}{4}$ пая. Съ перваго взгляда можетъ показаться такое распредѣленіе весьма стѣснительнымъ для работниковъ и черезчуръ уже выгоднымъ для хозяина, и, дѣйствительно, многіе держатся такого мнѣнія. Но не надо забывать,

что пай, получаемые работниками, составляют для них чистый доход, тогда какъ приходящіеся на долю хозяина представляютъ только валовой, изъ котораго нужно вычесть всё издержки производства. Сдѣлавъ этотъ вычетъ, мы увидимъ, что выгоды хозяевъ не такъ чрезмѣрны, какъ кажутся съ перваго взгляда.

Свѣдѣнія, собранныя мною отъ опытныхъ хозяевъ, даютъ мнѣ возможность представить такой расчетъ издержекъ и выгодъ рыбопромышленника; при чемъ, чтобы отдѣлить выгоды предпринимателя мурманскихъ промысловъ отъ выгодъ судовладельца или вообще капиталиста, я возьму въ примѣръ такого рыбопромышленника, который ведетъ свой промыселъ не на собственный капиталъ, а на кредитъ, и не имѣетъ ни своего мореходнаго судна, ни строеній въ становищахъ, ибо такіе хозяева составляютъ большинство. Весь расчетъ сдѣланъ на ассигнаціи, какъ это еще до сихъ поръ водится между поморами.

Если на пай приходится 200 р. асс. (что можно принять за средній уловъ),

то на долю хозяина придется за восемь паевъ. 1,600 р. — к.

Отсюда слѣдуетъ вычесть слѣдующія издержки:

Половой кормщику	100	» — »
Свершенокъ по среднему расчету	70	» — »
Соли для соленія рыбы 150 пудовъ.	150	» — »
Шняка (цѣна новой хорошей шняки 60 р. с., а служба ея продолжается 12 лѣтъ, слѣдовательно въ годъ 5 р. сер., да по 1 р. с. ежегодной поправки)	21	» — »
Ежегодная прикупка 4 пудъ стоянокъ или стеклинъ, по 5 р. с. пудъ	70	» — »
1/2 пуда прядины для аростегъ (10 р. с. пудъ)	17	» 50 »
2,000 удъ	52	» 50 »
Обрѣзовъ, бочекъ и прочей посуды	10	» 50 »
Палтуховъ на	5	» — »
Муки 55 пудовъ, по среднимъ архангельскимъ цѣнамъ, если покупать на чистыя деньги	140	» — »
Крупы 10 пудовъ.	35	» — »
Дровъ на	17	» 50 »
Наемъ избы	10	» 50 »
Наемъ амбара.	7	» — »
За сторожку шняки и снастей лопарями въ осеннее и зимнее время	20	» — »
Обѣдъ при отправкѣ покругчиковъ изъ дома, съ водкою и сукномъ на вачуги	25	» — »
Кольская выѣздка, т. е. отправка изъ Колы до становища на нанятыхъ шнякахъ (отъ Разъ-наволока до мѣста на оленяхъ выѣздка стоитъ 42 р. с.)	21	» — »
Пища, квартира и вообще содержаніе въ Колѣ, пребываніе въ которой до отправки въ становища продолжается отъ одной до двухъ недѣль, по 3 р. с. съ человѣка	42	» — »
Прибавимъ къ этому не положенную нами долю, приходящуюся на каждый годъ со стоимости первоначальнаго заведенія снасти, удъ, и на разные мелочные расходы, для уравненія счета только	5	» 50 »
Итого	820	» — »

Такъ какъ всѣ эти расходы, за исключеніемъ половой кормщигу, дѣлаются впередъ, частью даже за годъ, то на нихъ надо еще положить проценты. Проценты эти, по трудности доставать для небогатаго человѣка деньги въ долгъ, очень велики. Такъ какъ деньгами ему даже рѣдко кто даетъ, то это дѣлается обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Поморъ беретъ въ долгъ муку у архангельскихъ купцовъ, часть ея оставляетъ, какъ на собственное и своего семейства продовольствіе, такъ и на зиму въ становищѣ для будущаго года, часть же продаетъ по поморскимъ деревнямъ и на вырученныя такимъ образомъ деньги снаряжается. Купцы берутъ въ Архангельскѣ, за отдаваемую въ кредитъ муку, 25⁰/₀ дороже отпускаемой на чистыя деньги. Къ той части, которую поморъ оставляетъ для себя и на продовольствіе работниковъ, должно, слѣдовательно, прибавить всѣ 25⁰/₀; на часть же, которую продать въ Поморьѣ, онъ, конечно, беретъ барышъ, но только на номинальную для него цѣну ея, — на чистыя деньги; на дѣйствительную же цѣну, которую онъ долженъ будетъ заплатить при расчетѣ въ Архангельскѣ, онъ несетъ убытокъ, вознаграждая его выгодами съ промысла. Слѣдовательно, этотъ барышъ собственно только уменьшаетъ платимые имъ 25⁰/₀ среднимъ числомъ никакъ не болѣе, какъ на 10⁰/₀, такъ что мы должны положить 15⁰/₀ на 720 р. . 108 р.

Покрутчики забираютъ изъ своихъ паевъ не менѣе какъ на 150 р. каждый, и на эту сумму, слѣдовательно, должны мы прибавить то же по 15⁰/₀, и такъ на 600 р. 90 »

Фрахту за доставку наловленной рыбы изъ становищъ въ Архангельскъ по вышеприведенному расчету: пай + 10⁰/₀ 220 »

Такъ какъ эта послѣдняя сумма уплачивается уже по продажѣ рыбы, то на нее процентовъ не кладется.

Итого, съ прежними 820 р., . 1,238 р.

Если вычестъ эту сумму изъ 1,600 р., то получится чистаго дохода предпринимателю. 312 р. асс.

Такимъ образомъ, при среднемъ уловѣ, онъ получитъ все еще менѣе двухъ паевъ и немного меньше кормщигу, при средней величинѣ свершонка.

Изъ этого расчета видно, что, если хозяинъ имѣетъ собственное судно и хотя небольшой капиталъ, то выгоды его значительно увеличиваются, именно на 468 р., что составитъ всего 780 р. дохода или почти четыре пая. Но очевидно, что отъ своего судна онъ можетъ получить самостоятельный доходъ, независимо отъ мурманскаго промысла. На свой капиталъ онъ также можетъ, покупая муку на чистыя деньги, вымѣнивать ее на рыбу въ Норвегіи съ большою выгодною. Слѣдовательно, неправильно бы было причислять эти доходы къ непосредственнымъ барышамъ хозяина предпринимателя отъ мурманскаго рыболовства.

Послѣ всего этого представляется вопросъ: какая же выгода дѣлаться хозяиномъ, если не имѣешь собственнаго судна и небольшого капитала, и не лучше ли оставаться кормщикомъ? Правда, что при удачномъ промыслѣ, превосходящемъ средній, расходы хозяина почти не измѣняются (только половая кормщигу, да плата за провозъ рыбы въ Архангельскъ увеличиваются) и весь почти излишекъ, полученный на каждый изъ его 7¹/₂ паевъ, обращается ему въ чистый доходъ. Пусть, на примѣръ, пай возрастетъ лишь до 300 р.; тогда изъ 750 р. излишка надо вычестъ только 110 р. увеличенія фрахта, а 640 р. поступаютъ въ чистый доходъ, который съ прежними 362 р. составитъ 1,002 р.; такъ что, когда пай каждаго работника усилится только въ полтора раза, доля хозяйская увеличилась

почти втрое. Но въ такой же мѣрѣ уменьшится доходъ хозяина и возрастуть убытки, когда промыслы упадутъ ниже своего средняго уровня. Если пай уменьшится 50 рублями, то хозяинъ будетъ имѣть только 42 р. чистаго дохода, тогда какъ каждый покрутчикъ все же получитъ на свою долю по 150 р. асс., а кормщикъ 295 р., т. е. все еще доходъ, почти равняющійся получаемому хозяиномъ при среднемъ уловѣ. Возможность значительнаго усиленія выгодъ, при благоприятныхъ умовахъ, совершенно уравновѣшивается, слѣдовательно, возможностью убытковъ, при неуловахъ, и положеніе кормщика все еще кажется лучшимъ, чѣмъ положеніе начинающаго безкапитальнаго хозяина. Заведеніе, вмѣсто одной, двухъ шнякъ, если бы силы позволили, увеличило бы, конечно, хозяйскій доходъ въ случаѣ удачныхъ промысловъ, но не представило бы ни малѣйшаго обезпеченія противъ убытковъ, которые тоже возрасли бы при этомъ вдвое, ибо выведенные нами промысловые расходы, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ (каковы могутъ быть наемъ избы и амбара) при двухъ шнякахъ и двойномъ количествѣ рыболовныхъ снастей, также возрастуть вдвое. По этому, немногіе рѣшились бы сдѣлаться хозяевами, не смотря на заманчивость промѣнять свое зависимое положеніе на самостоятельное, если бы, становясь хозяевами, они не продолжали исполнять должности кормщика на своей же шнякѣ и не присоединяли бы такимъ образомъ, къ своимъ хозяйскимъ паямъ, и кормщиковой доли. Если у хозяина есть братья или сыновья, хотя бы только вышедшіе изъ дѣтскаго возраста, то и они участвуютъ, какъ покрутчики, въ его промыслѣ, и ихъ доля, конечно, также идетъ въ общій семейный доходъ. Наконецъ, даже дѣти 10 и 12 лѣтъ идутъ въ зуй. Эти послѣдніе (такъ какъ они не составляютъ принадлежности каждой артели, а бываютъ въ каждомъ становищѣ въ неопредѣленномъ числѣ, по одному на нѣсколько шнякъ), не получаютъ опредѣленнаго пая. За исполненіе же своей работы, которая, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, чтобы распутывать и аккуратно переглушать снасть, повѣшенную сушиться на палтухи, зуй съ каждаго двухъ тюковъ получаетъ отъ той партіи, которой принадлежитъ ярусъ, по трескѣ. Полученную рыбу солить онъ для себя отдѣльно въ особливую бочку и продаетъ въ свою пользу въ Архангельскѣ. Соль дается ему тѣмъ хозяиномъ, съ партіею котораго онъ прибылъ, вѣсомъ, и цѣнность ея вычитается потомъ изъ его выручки. Расторопные мальчики получаютъ такимъ образомъ въ иной годъ до 30 р. с. Прежде не опредѣлялось за сколько тюковъ давать по рыбѣ, — и давали какъ кому вздумается. И тутъ даже много значить протекція. Если зуй — сынъ пріятели, то ему бросаютъ и рыбу побольше, а иную и сверхъ счета. Кромѣ этого обыкновеннаго своего дохода, зуй имѣютъ еще слѣдующія случайныя выгоды. По правиламъ покрута, вычитается у каждаго работника, не отправившагося на шнякѣ на ловъ вмѣстѣ съ своими товарищами, за каждый разъ по цѣлковому изъ его пая. За эту цѣну нанимаютъ, вмѣсто него, кого либо изъ зувей, потому что комплектъ четырехъ человекъ необходимъ для производства лова. Зуй составляютъ, слѣдовательно, какъ бы резервъ промышленниковъ. Они также иногда пользуются выгодами своего положенія, и если большая нужда въ подставныхъ рабочихъ, то берутъ и болѣе цѣлковаго за выѣздъ. Этотъ излишекъ также падаетъ на замѣщаемаго работника. Болѣзнь, хотя бы и дѣйствительная, не избавляетъ отъ вычета. Какъ ни крута можетъ показаться эта мѣра, но нельзя не сознаться, что она предписывается необходимостью, потому что какая возможность хозяину, или занимающему его мѣсто кормщику, разбирать, дѣйствительная ли болѣзнь, или лѣнь удерживаетъ покрутчика отъ участія въ ловѣ? Безъ этого вычета, конечно, многіе бы пользовались своими полными паями, не выполнивъ и половины работы, лежащей на нихъ. Такою привилегіею

пользовались только въ прежнія времена, когда у насъ отправлялись суда на Шпицбергенъ, грумантскіе покрутки. Ихъ такъ трудно было навербовать, что хозяева принуждены были давать имъ разнаго рода льготы.

Такимъ образомъ, при личной своей работѣ и при помощи членовъ своего семейства, начинающій хозяинъ можетъ получить съ своего промысла порядочный доходъ, обеспечивающій его существованіе, если только онъ не нападеть на рядъ неуловистыхъ годовъ, убытки отъ которыхъ легко могутъ поглотить даже все добытое личнымъ трудомъ. По этому, участь начинающаго хозяина зависить главнѣйше отъ того: въ періодъ ли изобилія рыбы, или на рядъ непромысловыхъ годовъ падетъ начало его предпріятія. Въ первомъ случаѣ, значительные доходы, имъ полученные, позволятъ завестись собственнымъ судномъ и запасться небольшимъ капиталомъ, что многимъ увеличитъ впоследствии его промысловые доходы. Послѣ этого самые неуловистые годы не будутъ уже ему такъ страшны; они могутъ только уменьшить его доходы, а не принесутъ уже дѣйствительныхъ убытковъ. Такъ тѣ хозяева, которые завелись своимъ промысломъ къ началу пятидесятихъ годовъ, совершенно обеспечили свое положеніе. Въ то время, какъ мы видѣли, были уловы, доставившіе на пай по 420 р. асс. По вышеприведенному расчету, это дастъ на долю хозяина 1,770 р., т. е. слишкомъ 4 пая, а если онъ присоединитъ къ этому еще долю кормщика, то 2,470 р. Заведя на эти деньги небольшое судно и имѣя небольшой капиталъ, онъ при подобномъ уловѣ увеличитъ свой доходъ, слѣдуя тому же расчету, еще на 660 р. уничтоженіемъ расходовъ на фрахтъ и на проценты. Напротивъ того, напавъ въ самомъ началѣ на непромысловые годы, какъ, на примѣръ, 1849, когда пришлось на пай не болѣе 95 р. асс., онъ бы получилъ 332 р. 75 к. убытка и даже съ присоединеніемъ кормщиковой доли оставалось бы еще 120 р. 25 к. убытка. Не будучи въ состояніи заплатить своего прежняго долга, принужденный вновь должать, какъ для производства промысла на будущій годъ, такъ и на собственное свое содержаніе, онъ непременно запутается въ долгахъ, если только неуловы продолжатся нѣсколько лѣтъ сряду. Многіе продаютъ въ такомъ случаѣ свои заведенія и обращаются къ другимъ промысламъ, идутъ на Новую Землю, или заводятъ небольшой торгъ съ Норвегіей. Такъ поступили нѣкоторые въ концѣ сороковыхъ годовъ, только сдѣлали это въ неудачное время, потому что тѣмъ, которые принялись тогда за мурманскій промыселъ, скоро повезло счастье.

Изъ всего сказаннаго здѣсь о раздѣлѣ добычи между хозяевами и покрутками видно, что доля, присвоиваемая себѣ первыми, вовсе не такъ несоразмѣрно велика, какъ кажется съ перваго взгляда, и что меньшею имъ невозможно довольствоваться. Подтверженіемъ этому можетъ служить еще примѣръ мурманскихъ промышленниковъ, также участвовавшихъ прежде въ мурманскомъ ловѣ, но оставившихъ его мало по малу по очевидной невыгодности. По различнымъ мѣстнымъ условіямъ, главнѣйше же потому, что въ самое время отправки покрутчиковъ на Мурманскій берегъ, т. е. въ мартъ — по всему зимнему берегу и въ Мезенскомъ заливѣ идетъ бой лысуновъ до самаго мая мѣсяца, доставляющій всѣмъ жителямъ восточнаго берега Бѣлаго моря выгодное занятіе, никто изъ нихъ не соглашался идти въ покрутъ на ловъ трески иначе, какъ изъ половинной доли въ добычѣ. Хозяева, принявшіе эти условія, теперь всѣ уже почти отказались отъ этого промысла. Въ самомъ дѣлѣ, по вышеприведенному расчету, при 2,400 р. цѣнности всего улова, что соответствуетъ 200 р. на пай по правиламъ поморскаго дѣлежа, хозяину досталось бы только 1,200 р. За вычетомъ 1,238 р. расхода, къ которому надо еще прибавить 50 рублей на половинную кормщику (такъ какъ его пай

будетъ состоять уже не изъ 200, а изъ 300 рублей) получится въ результатѣ 88 р. убытка хозяину.

Такимъ образомъ, вѣками установившійся обычай дѣлежа добычи между хозяевами и покрутчиками, можетъ быть названъ, при существующихъ обстоятельствахъ, т. е. при дороговизнѣ кредита для предпринимателя, вполне справедливымъ, ибо при среднемъ уловѣ онъ получаетъ долю, почти столькимъ же превышающую пай обыкновеннаго работника, сколькимъ она меньше пая искуснѣйшаго изъ нихъ кормщика, такъ что здѣсь почти достигается экономическій идеаль распредѣленія доходовъ, состоящій въ томъ, что каждый участникъ въ производствѣ получаетъ долю, равную всему, что произвелъ его трудъ, за исключеніемъ издержекъ производства. Оставалось бы только желать, чтобы мѣсто отдѣльнаго предпринимателя заняло лице коллективное — сама артель покрутчиковъ, какъ это достигнуто въ большей части уральскихъ рыбныхъ промысловъ, хотя подъ совершенно иными формами. Но въ такомъ благоприятномъ свѣтѣ представляются лишь отношенія между работникомъ и хозяиномъ-предпринимателемъ; совершенно же иной характеръ замѣчается въ отношеніяхъ къ капиталу, проценты на который поглощаютъ четверть почти всѣхъ издержекъ производства.

Существеннымъ улучшеніемъ всего мурманскаго рыболовства было бы, по этому, доставленіе возможности промышленникамъ получать, за умѣренные проценты, небольшія суммы денегъ, въ которыхъ они нуждаются для снаряженія своихъ промысловъ. Этой цѣли можно бы достигнуть устройствомъ небольшого банка въ городѣ Кеми, съ отдѣленіемъ въ Сумскомъ посадѣ, который выдавалъ бы суммы въ нѣсколько сотъ рублей серебромъ за 4 или за 5 процентовъ, подъ условіемъ уплаты осенью по продажѣ рыбы. Какъ обезпеченіе уплаты, можно бы принимать въ залогъ дома и суда, а также и поручательства извѣстныхъ своею честностью и состоятельностью лицъ. Если бы существовала въ Поморьѣ возможность занимать деньги за небольшіе проценты въ то время, когда правила дѣлежа добычи между хозяевами и покрутчиками еще не установились, то весьма вѣроятно, что черезъ это доля, приходящаяся изъ общаго улова на покрутчиковъ, возрасла бы выше одной трети. Теперь же, когда этотъ способъ раздѣленія паевъ уже утвердился долговременнымъ обычаемъ, мало вѣроятія, чтобы учрежденіе банка могло измѣнить эту пропорцію; но, служа преимущественно выгодамъ предпринимателей, онъ не остался бы безъ полезнаго дѣйствія и на работниковъ, хотя и не столь прямымъ и непосредственнымъ образомъ. Именно, работники, преимущественно изъ кормщиковъ, скопившіе своею бережливостью небольшую сумму денегъ и заслужившіе своимъ характеромъ и поведеніемъ всеобщее довѣріе, могли бы легко найти себѣ поручителей и такимъ образомъ гораздо легче выйти въ хозяева, нежели теперь. И теперь между мурманскими покрутчиками уже довольно много кореляковъ; съ увеличеніемъ числа хозяевъ между поморами, конечно стали бы еще болѣе нуждаться въ покрутчикахъ изъ корельскихъ деревень, и часть выгодъ отъ рыбной промышленности Лапландскаго берега перешла бы и къ этому бѣдному народу.

Что доля, выдѣляемая на вознагражденіе труда, при раздѣлѣ добычи съ мурманскаго промысла, благоприятна работникамъ, оказывается также изъ сравненія ея съ среднею долею, приходящеюся на земледѣльческихъ работниковъ, какъ въ другихъ европейскихъ державахъ, такъ и у насъ въ Россіи. Въ статьѣ «Земледѣліе въ нынѣшней Европѣ», помѣщенной въ нѣмецкомъ изданіи «Unsere Zeit», вычислено, на основаніи достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, что въ Англіи на долю работниковъ приходится 27%; во Франціи около 20% валоваго дохода, а въ Бельгіи 18% чистаго дохода

отъ земледѣлія. Между тѣмъ у насъ, на мурманскомъ промыслѣ, приходится на вознагражденіе труда съ небольшимъ 40% валоваго дохода, если къ четыремъ паямъ работниковъ причислить половину кормщика и свершнонокъ. Въ Россіи помѣщичій крестьянинъ обыкновенно работалъ 3 дня на себя и 3 дня на господина, и обрабатывалъ столько же десятинъ себѣ, сколько и ему, что равняется 50% валоваго дохода. Но не должно забывать, что крестьянинъ несетъ на себѣ значительнѣйшую часть издержекъ производства, именно, онъ уваживаетъ свою часть своимъ навозомъ, пашетъ все своею сохою и на своей лошади, и работаетъ не одинъ, а съ помощью жены или невзрослыхъ дѣтей (при жнитвѣ, молотбѣ, боронбѣ). Сверхъ этого, онъ и во время господской работы пытается изъ своей доли продуктовъ. Между тѣмъ мурманскій покрутчикъ рѣшительно не несетъ никакихъ издержекъ производства, и во время всего промысла содержится на счетъ хозяина, а получаетъ 40% валоваго дохода только за свой личный трудъ. Если бы можно было все это въ точности выразить числами, то, безъ сомнѣнія, оказалось бы, что вознагражденіе за личную работу помѣщичьяго крестьянина далеко не составитъ 40%. Если такимъ образомъ относительная доля, получаемая мурманскимъ покрутчикомъ за его трудъ, значительнѣе приходящейся среднимъ числомъ на вознагражденіе земледѣльческаго труда какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, то мы можемъ изъ этого заключить, что распредѣленіе доходовъ съ нашего сѣвернаго рыболовства болѣе приближается къ требованіямъ экономической справедливости. Но надо еще сравнить абсолютную величину пая нашего покрутчика съ величиною заработной платы, получаемой работниками другихъ странъ, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительной, а не относительной, только сравнительной выгодности его положенія. Для этого сравненія мы возьмемъ англійскаго работника, какъ получающаго больше, нежели французскій и бельгійскій. Въ той же статьѣ «Земледѣліе въ нынѣшней Европѣ» вычисленъ средній доходъ, получаемый семействомъ земледѣльческаго работника, состоящимъ изъ шести членовъ. Вычисленіе это сдѣлано на основаніи отвѣтовъ, данныхъ англійскими приходами, на вопросы: «что можетъ выработать среднимъ числомъ въ теченіе года земледѣльческій работникъ, считая всякій возможный для него доходъ, за исключеніемъ только вспомоствованій, получаемыхъ отъ прихода», и «что могутъ среднимъ числомъ выработать жена съ четырьмя дѣтьми: 18, 11, 8 и 5 лѣтъ, если старшій мальчикъ»? Этотъ средній доходъ составляетъ 34 ф. ст. 17 шил. и 9 пенсовъ, что равняется 872¹/₃ франкамъ, или 218 руб. сер. Изъ приведеннаго далѣе примѣрнаго бюджета расходовъ этого семейства видно, что изъ этой суммы всѣ члены его должны не только питаться круглый годъ, но и уплачивать наемъ квартиры, такъ что этими 218 рублями рѣшительно ограничиваются всѣ жизненные ресурсы семейства. Такъ какъ у насъ каждое семейство въ 6 душъ можетъ выставить двухъ покрутчиковъ (ибо мы видѣли, что наживодчики бываютъ обыкновенно моложе 18 лѣтъ, а съ этого возраста поступаютъ въ весельщики, или тяглецы), то мы можемъ считать на него 400 р. асс. Между каждыми четырьмя работниками есть одинъ кормщикъ, слѣдовательно надо считать по кормщику на два семейства. Излишекъ, получаемый имъ противъ обыкновеннаго работника, составляетъ 170 р. асс., слѣдовательно на семейство, выставяющее двухъ работниковъ, придется кругомъ по половинѣ этой суммы, по 85 р. асс. Сверхъ того, на нѣсколько шнякъ бываетъ еще по зую, должность котораго исполняютъ мальчики отъ 10 до 12 лѣтъ; положивъ на нихъ только 5 р. асс. прибавки на каждое семейство, получимъ на семейство 490 р. асс. или 140 р. сер., что дастъ 78 р. с. менѣе средняго дохода англійскаго земледѣльческаго семейства. Но мы этимъ еще далеко не исчерпали *всѣхъ*

возможныхъ выгодъ, получаемыхъ нашими поморскими семействами. Въ самомъ дѣлѣ, эти 140 р. с. составляютъ не годовую, а только полугодовую заработку его. Въ остальное время года члены его участвуютъ въ бѣломорскомъ рыболовствѣ, различномъ по мѣстностямъ: жители Сороки и окрестныхъ деревень пользуются своими обширными осеннимъ и зимнимъ сельянскими ловами, а жители Сумы и южныхъ поморскихъ деревень ловомъ наваги; доходы отъ обоихъ лововъ составляютъ полную собственность въ нихъ участвующихъ. Всѣ рабочіе имѣютъ большее или меньшее участіе въ выгодахъ отъ сего лова. Кромѣ денежныхъ доходовъ, доставляемыхъ этими отраслями рыболовства, работники получаютъ еще изобильную, непокупную животную пищу. Сверхъ рыболовства, имѣютъ они въ зимнее время и другія занятія: извозничаютъ, строятъ суда и т. п. Надо еще принять въ расчетъ, что двое изъ членовъ, взятаго нами въ примѣръ семейства, находятся въ теченіе полугода на хозяйскомъ содержаніи, стоимость котораго должно бы, для сравнительности расчета, прибавить къ получаемой ими денежной суммѣ. Наконецъ, ни одно семейство ничего не платитъ за квартиру, имѣя собственный домъ, и пользуется почти безденежнымъ отопленіемъ. Оно имѣетъ участокъ земли, который иногда пахутъ (женщины или нанятые работники), а чаще запускается подъ дугъ. Это даетъ возможность держать свой скотъ и пользоваться отъ него постоянно масломъ и молокомъ, а иногда и мясомъ (овецъ). Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что денежная цѣнность всѣхъ этихъ, какъ положительныхъ доходовъ, такъ и сохраненій расходовъ, многимъ превышаетъ 78 р. с., на каждое шестичленное семейство. Къ этому же надо присовокупить, что всѣ потребности простаго быта у насъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ Англій.

При всѣхъ соображеніяхъ, въ которыя я здѣсь входилъ, я принималъ въ расчетъ средній промысловый доходъ въ 200 р. ас. на пай. Если доходъ этотъ увеличится, то, какъ мы видѣли уже, бережливый покрутчикъ имѣетъ возможность выйти въ хозяева. Но, каково будетъ его положеніе при уловахъ значительно ниже среднихъ? Тогда работникъ, при раздѣлѣ паевъ, не только ничего не получаетъ сверхъ забраннаго имъ впередъ, но еще остается должнымъ хозяину и обязанъ работать ему свой долгъ въ будущемъ году, а хозяинъ тѣмъ не менѣе даетъ ему деньги впередъ въ счетъ улова будущаго года. Такимъ образомъ, онъ остается въ зависимости отъ своего хозяина. Но эта зависимость едва ли не болѣе въ тягость хозяину, чѣмъ покрутчику, который, собственно говоря, находится тутъ въ выгодѣ, получая сверхъ доли еще деньги въ задатокъ, и все это безъ вычета какихъ бы то ни было процентовъ. Что онъ на будущій годъ принужденъ будетъ работать на того же хозяина, не представляетъ для него никакого существеннаго стѣсненія, ибо какая ему выгода переходить къ другому, когда условія покрута у всѣхъ одинаковы.

Изъ всего этого можно, кажется, съ полнымъ правомъ заключить, что положеніе мурманскаго покрутчика должно вообще считаться довольно выгоднымъ; облегченіемъ же ему средствъ переходить въ независимое положеніе хозяина, посредствомъ учрежденія банка въ Кеми, это положеніе можетъ еще значительно улучшиться.

Прежде нежели перейдемъ къ кольскимъ промысламъ, намъ предстоитъ еще рассмотреть отношенія поморскихъ промышленниковъ къ туземному лопарскому населенію. Эти отношенія касаются трехъ пунктовъ: 1) права поморовъ заводить строенія и вообще все необходимое для промысловъ въ становищахъ, земля подъ которыми, какъ и весь почти Лапландскій полуостровъ, считается собственностью лопарей; 2) права на ловъ наживки въ губахъ и устьяхъ рѣкъ; 3) сторожки шнякъ и всѣхъ вообще промысловыхъ припасовъ и заведеній въ зимнее время лопарями.

1) Относительно перваго пункта, поморы пользовались до сихъ поръ правомъ устраивать свои становища, гдѣ только найдутъ для себя удобнымъ, безъ всякаго ограниченія и безъ платежа какихъ бы то ни было пошлинъ, въ пользу номинальныхъ владѣльцевъ земли, — и это такъ должно остаться и на будущее время, не смотря на претензіи, начинающія появляться между лопарями, на уплату имъ за это пошлины. Становища заведены Поморами на лапландскомъ берегу съ незапамятныхъ временъ; слѣдовательно, поморы владѣютъ землею, занятою ими, на томъ же самомъ правѣ давности, на какомъ и лопари владѣютъ всѣмъ остальнымъ полуостровомъ. Маленькіе кусочки земли у губъ, занятые поморскими рыболовными строеніями, не могутъ приносить лопарямъ рѣшительно никакой пользы, да и ни для кого, кромѣ рыболововъ, никакой цѣны имѣть не могутъ. Для рыболовства же туземцевъ, поморскія становища не только не причиняютъ ни малѣйшаго стѣсненія, но даже доставляютъ ту пользу, что лопари могутъ сбывать въ нихъ наловленную рыбу и видѣть примѣръ, какъ долженъ производиться рыболовный промыселъ. Они отчасти и пользуются этимъ примѣромъ, хотя, къ сожалѣнію, въ слабой степени. Наконецъ, эти становища доставляютъ и безъ того лопарямъ выгоду, ибо за сторожку зимующихъ шнякъ и снастей послѣдніе получаютъ вознагражденіе.

2) За ловъ песчанки и мойвы, служащихъ для наживки крючковъ, получаютъ лопари въ нѣкоторыхъ становищахъ, какъ, напримѣръ, въ Лицѣ и въ Териберкѣ, извѣстную плату съ каждой шняки, и о томъ же хлопочутъ они въ другихъ становищахъ, гдѣ это до сихъ поръ не было введено. Такая плата сама по себѣ лишена всякаго основанія, потому что песчанка и мойва суть рыбы исключительно морскія, и если попадаются близъ устьевъ рѣкъ, то собственно только въ заливахъ, куда эти рѣчки впадаютъ и гдѣ уже постоянно соленая вода, а не въ самыхъ рѣкахъ. Береговаго права у насъ не существуетъ не только для океана, но даже и для большихъ прѣсноводныхъ озеръ, а если бы ввести его, то пришлось бы платить лопарямъ пошлину не за одну песчанку и мойву, но вообще за ловъ трески и всякой другой рыбы, если онъ производится не ближе опредѣленнаго разстоянія отъ берега. Но береговое право можетъ имѣть разумное основаніе только тамъ, гдѣ оно охраняетъ интересы населенія, живущаго рыболовствомъ, отъ постороннихъ облововъ, какъ требованіе общественной пользы, а не какъ выраженіе отвлеченнаго права собственности на море, которое обыкновенно не можетъ составлять предмета частнаго владѣнія. Лопари же рыболовствомъ почти не занимаются, а если бы и занимались, то участіе поморовъ въ томъ же ловѣ могло бы быть для нихъ только полезнымъ, какъ замѣчено выше. Со всѣмъ тѣмъ, такъ какъ во многихъ становищахъ эта плата уже существуетъ, и обѣ стороны къ ней уже привыкли — лопари же народъ очень бѣдный, то существующіе интересы были бы чувствительнѣе нарушены уничтоженіемъ этой платы тамъ, гдѣ она уже есть, чѣмъ введеніемъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ ея еще не было. Но на эту плату можно смотрѣть не иначе, какъ на таксу въ пользу бѣдныхъ, платимую лопарямъ болѣе зажиточными поморами, а въ этомъ качествѣ она должна быть по возможности умѣренна. Трехъ рублей серебромъ съ каждой шняки, платимыхъ теперь въ нѣкоторыхъ становищахъ, кажется мнѣ слишкомъ много.

3) Поморы оставляютъ на зиму, какъ свои жилища, такъ и шняки, снасти и запасы подъ сохраненіе лопарямъ, платя за это обыкновенно со шняки до 4 р. с. деньгами, пудъ соли и стоянку. Прежде каждый хозяинъ самъ выбиралъ себѣ сторожа; теперь же стали выбирать ихъ лопарскія общества по очереди, такъ чтобы выгоды отъ этого равномерно распредѣлялись между всѣми членами ихъ. Въ сущности это очень хорошо, только когда случаются покражи, что бываетъ не рѣдко, онѣ

ничѣмъ не вознаграждаются, и не съ кого за нихъ взыскать. По этому, справедливость требуетъ, чтобы общества, берущія на себя опредѣленіе сторожей, принимали и отвѣтственность за пропажи, а въ противномъ случаѣ, предоставляли бы, по прежнему, самимъ промышленникамъ выбирать сторожей и имѣть съ ними уже совершенно частныя сдѣлки. Первое было бы, конечно, лучше.

в. Кольскіе промыслы.

Промыслы, производимые кольскими жителями, находятся въ рукахъ двухъ купцовъ города Колы: Базарнаго и Шабунина, и немногихъ зажиточныхъ мѣщанъ. Всѣ прочіе жители Колы, равно какъ и многіе изъ окрестныхъ лопарей, ловятъ на нихъ.

Отношенія ихъ бываютъ двоякія: 1) Одни, имѣющіе средства завести собственную снасть, могли бы ловить сами на себя; но затруднительность сбыта и необходимость забираться въ долгъ всеѣмъ нужнымъ, въ теченіе зимы, у немногихъ кольскихъ торговцевъ, ставитъ ихъ въ зависимость отъ этихъ торговцевъ, и, для уплаты своего долга, они обязуются поставлять имъ всю уловленную рыбу, съ Благовѣщенья до Петрова дня, т. е. въ самое уловистое время года. Ловъ этотъ производятъ они не только своею снастью, но и на своемъ содержаніи и на своей шнякѣ. Если нѣтъ своей шняки, то нанимаютъ ее у хозяина, платя въ годъ 10 руб. сереб. картомы. Всю рыбу должны они отдавать хозяину по той цѣнѣ, которую онъ назначитъ, не уговариваясь даже о послѣдней предварительно. Въ первое время лова промышленники сами сушатъ треску и въ сушеномъ видѣ передаютъ хозяевамъ; ту же, которая предназначается для соленья, отдаютъ свѣжею на хозяйскія суда, гдѣ она и солится, ибо особливыхъ амбаровъ для соленья здѣсь нѣтъ. Хозяйскія суда стоятъ въ становищахъ вблизи мѣстъ лова, чтобы, по возможности, получать рыбу въ самомъ свѣжемъ состояніи, въ скорости послѣ ея поимки. Наполнивъ свои суда, хозяева отправляются въ Архангельскъ, что, однакоже, рѣдко бываетъ раньше конца іюля или начала августа. Хотя бы ловцы уплатили рыбою весь свой долгъ хозяевамъ, они все же обязаны поставлять имъ рыбу по той же самой цѣнѣ непремѣнно до Петрова дня, конечно уже за чистыя деньги, или въ счетъ будущихъ заборовъ. Нечего и упоминать, что цѣна, даваемая хозяевами, всегда ниже той, за которую можно бы было продать рыбу по вольной цѣнѣ поморамъ. Такъ, въ 1860 году давали хозяева за пудъ свѣжей трески 25 коп. сер., вольная же цѣна была 30 коп. сер., а за сушеную платили 1 руб. сер. пудъ. Въ 1859 году, когда рыбы было больше, чѣмъ въ 1860, давали хозяева за пудъ свѣжей трески только 60 коп. ассиг. Эту, произвольно назначаемую хозяевами, цѣну можно скорѣе назвать заработной платою, платимою ими по штучно, чѣмъ дѣйствительною покупкою рыбы. Съ Петрова дня, когда начинается свободный ловъ, продаютъ кольскіе промышленники свои уловы или тѣмъ же хозяевамъ, или поморамъ, идущимъ какъ въ Норвегію, такъ и обратно, или ловящимъ въ сосѣднихъ становищахъ — преимущественно въ Еретикахъ. Но въ это время ловъ не такъ изобилень, какъ весною, и гораздо затруднительнѣе, потому что рыба удаляется отъ береговъ и надо ѣздить верстъ за сорокъ (въ Лицу или Уру) за песчанкою. По этому, ловятъ, какъ норвежскіе финманы, цѣлую недѣлю и къ воскресенью или къ празднику свозятъ наловленное въ одно изъ становищъ, гдѣ и проводятъ праздникъ. Конечно, случается, что тайкомъ продаютъ они свою рыбу поморамъ и ранѣе наступленія срока свободнаго лова. Съ удаленіемъ же поморовъ прекращаются всѣ пути сбыта. Какъ онъ затруднителенъ къ концу лѣта, можно судить изъ того, что тогда случается отдавать пудъ

свѣжей трески за 2 фунта пшена, а пикшу за 1 фунтъ. Съ уходомъ поморовъ и хозяйскихъ судовъ въ Архангельскъ, начинаютъ ловить на собственное свое зимнее продовольствіе; съ наступленіемъ же морозовъ замораживаютъ треску и опять продаютъ хозяевамъ, для отправления зимою въ Петербургъ. Но количество идущей туда мороженой трески незначительно. Съ половины декабря весь ловъ прекращается слишкомъ на три мѣсяца.

2) Не имѣющіе средствъ завести собственной снасти: какъ почти всѣ лопари, такъ и бѣднѣйшіе изъ жителей Колы, промышляютъ на хозяевъ какъ работники, изъ опредѣленнаго покрута. Провизія и снасть хозяйскія, шняки же должны быть пополамъ между промысловыми артелями и хозяевами; именно, если шняка хозяйская, то артель платитъ ему половину, назначаемой обыкновенно за шняку, кортомы, т. е. 5 руб. сер., если же шняка принадлежитъ промышленникамъ, то хозяинъ приплачиваетъ имъ ту же сумму. Уловленная рыба дѣлится пополамъ между хозяиномъ и промышленниками, и половина ихъ покупается хозяиномъ, по той же произвольно назначенной имъ цѣнѣ, которую онъ платитъ промышленникамъ перваго разряда.

Легко можетъ показаться, что не только коляне, промышляющіе собственной снастью и на своемъ содержаніи, но и работники-половинщики находятся въ выгоднѣйшемъ положеніи, чѣмъ поморскіе покругчики, такъ какъ они, вмѣсто трети, получаютъ половину улововъ. Но поморы получаютъ треть стоимости рыбы по архангельскимъ цѣнамъ, коляне же, хотя и половину, но по произвольно назначаемой хозяевами цѣнѣ. Положимъ въ самомъ дѣлѣ, что уловъ былъ такой, который доставляетъ на пай, по поморскому расчету, 200 р. асс. Кольскій работникъ долженъ бы по этому получить 300 р. асс.; но мы видѣли, что въ 1860 году, платимая кольскими хозяевами, цѣна была 25 к. сер. за пудъ; въ Архангельскѣ же цѣна соленой трески измѣнялась въ послѣдніе годы отъ 60 до 75 к. с. за пудъ, а въ 1860 году, безъ сомнѣнія, была еще выше. Если мы возьмемъ самую высшую кольскую цѣну—25 к. с. и самую низшую архангельскую—60 к. с., то и тогда должны уменьшить эти 300 р. въ пропорціи 25:60, что дастъ 125 р. асс. Эту сумму надо, однакоже, нѣсколько увеличить, потому что свѣжая рыба, пролежавъ въ соли, уменьшится немного въ вѣсѣ, именно, изъ пуда свѣжей невычищенной трески (т. е. съ головою и съ внутренностями) выходитъ только 25 фунтовъ соленой; вычищенная, по этому, не уменьшится и до 30 фунтовъ; но если мы примемъ даже это, очевидно слишкомъ большое, уменьшеніе, то намъ придется увеличить 125 р. только на одну треть, ибо каждые три пуда соленой трески, проданные въ Архангельскѣ, соотвѣтствуютъ четыремъ пудамъ, купленнымъ хозяевами въ Колѣ. Это составитъ почти 167 р.; слѣдовательно, не смотря на очевидныя преувеличенія, все еще 33 р. меньше поморскаго пая, или правильнѣе 75 руб., если раздѣлимъ поровну, между всѣми четырьмя покругчиками, прибавокъ, приходящійся на долю кормщика. Если бы мы приняли 75 к. за архангельскую цѣну, соотвѣтствующую 25 к. кольской, а уменьшеніе вѣса свѣжей вычищенной трески черезъ соленье, съ пуда на 32 фунта, что (какъ то, такъ и другое) гораздо ближе къ истинѣ, то нашли бы, что тамъ, гдѣ поморскій покругчикъ получаетъ на пай 200 р. асс. (съ кормщицкою же долею 242 р. 50 к. асс.), кольскій половинщикъ получить всего только 125 р. асс. Но не только работники-половинщики, а также и промышленники перваго разряда, продающіе всю свою рыбу хозяевамъ и, по видимому, ничего даромъ имъ не уступающіе съ своего продукта, кромѣ обыкновенныхъ купеческихъ выгодъ, находятся по крайней мѣрѣ не въ лучшемъ, если не въ худшемъ положеніи, чѣмъ поморскіе покругчики. Въ самомъ дѣлѣ, если принять отношеніе между цѣнами кольскою и архангельскою какъ 25 къ 75, а

уменьшеніе вѣса свѣжей трески черезъ соленіе въ 8 фунтовъ на пудъ, то изъ цѣнности улова въ 2,400 р. ас. по архангельскимъ цѣнамъ придется по кольскимъ на долю четырехъ ловцовъ каждой шняки 1,000 р. ас. Но изъ этого надо вычесть издержки производства, которыя падаютъ на ловцовъ и которыя составляютъ 350 р. ас., считая лишь издержки на снасть и провизію, именно: на ремонтъ стоянокъ, аростегъ и удъ 140 р. ас., за шняку 35 р. ас. и на провизію муки и крупъ 175 р. ас. Прочія издержки или падаютъ на хозяина, какъ-то покупка соли и фрахтъ, или по мѣстнымъ условіямъ вовсе устраняются, какъ, напримѣръ, кольская выѣздка, наемъ избы и амбара и т. п., слѣдовательно, остается только 650 р. ас., могущихъ идти въ раздѣлъ между ловцами, что составитъ на каждого, вмѣсто 242 р. 50 к. ас., только по 162 р. 50 к. ас. Принявъ за отношеніе цѣнъ на рыбу въ Колѣ и въ Архангельскѣ наивыгоднѣйшую для первой пропорцію 25 : 60 и на уменьшеніе вѣса соленой рыбы 10 фунтовъ съ пуда, получимъ на пай каждого работника 246 р., т. е. почти тоже, что имѣетъ поморскій покрутчикъ.

Такъ какъ кольскій промышленникъ не имѣетъ настоящихъ становищъ съ избами, не оставляетъ въ становищахъ своихъ шнякъ на зиму и, будучи самъ жителемъ Лапландіи, очевидно имѣетъ право бесплатнаго пользованія ловомъ въ губахъ мелкой рыбы, служащей наживкою, то между ними и лопарями не могутъ имѣть мѣста споры, подобные существующимъ у лопарей съ поморами; но за то между нѣкоторыми изъ колянъ и лопарями представляются отношенія другаго рода, въ которыхъ вся невыгода на сторонѣ лопарей. Эти отношенія касаются лова семги. Рыбы, ловимыя въ рѣкахъ и озерахъ, должны, безъ сомнѣнія, составлять собственность тѣхъ лопарскихъ обществъ, къ которымъ эти воды приписаны. Формально никто и не возстаетъ противъ этого, и коляне ловятъ только при устьяхъ р. Колы и Туломы и въ Кольской губѣ, въ границахъ своихъ дачъ; но тѣмъ не менѣе все выгоды отъ семожьяго лова въ сосѣдней съ Колою части Лапландіи сосредоточиваются въ рукахъ кольскихъ купцовъ Базарнаго и Шабунина. Купцы эти даютъ лопарямъ средства устраивать заборы въ Туломѣ и въ другихъ важнѣйшихъ рѣкахъ, и за это, равно какъ и за снабженіе зимою въ долгъ разными предметами необходимости, конечно по весьма дорогой цѣнѣ, требуютъ, чтобы вся уловленная семга продавалась имъ по той цѣнѣ, которую назначаютъ они же. Съ формальной стороны противъ этого нечего возразить, и какія бы мѣры ни употребляли къ огражденію выгодъ лопарей, эти послѣдніе, будучи предоставлены самимъ себѣ, никогда не будутъ въ состояніи ими воспользоваться. По этому, здѣсь надо составить изъ заборовъ оброчныя статьи, которыя отдавались бы съ торговъ подъ правительственнымъ надзоромъ. Главнѣйшее затрудненіе состояло бы тутъ въ недостаткѣ конкуренціи въ Колѣ, такъ что трудно было бы сдать эти оброчныя статьи за хорошую цѣну. Промыселъ этотъ, впрочемъ, весьма немаловаженъ, ибо въ 1860 году кольскіе купцы набрали до 2,000, а въ иные года набираютъ и до 3,000 пудовъ семги. Можетъ быть, въ этихъ наймахъ примутъ участіе нѣкоторые изъ богатыхъ крестьянъ деревень, лежащихъ по берегамъ Кандалакскаго залива, которыя и не такъ удалены отъ Колы, какъ прочія мѣста Поморья, и жители которыхъ занимаются обширнымъ семожьимъ ловомъ.

Другое злоупотребленіе, которое позволяютъ себѣ кольскіе мѣщане, состоитъ въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ переписываются изъ города въ лопарскія крестьянскія общества, съ цѣлью пользоваться разными угодьями, принадлежащими симъ послѣднимъ, преимущественно же семожьимъ ловомъ. При распредѣленіи участковъ этого рода, они всегда берутъ себѣ львиную долю. Между тѣмъ они

только по имени приписаны къ лопарскимъ обществамъ, въ сущности же живутъ, по прежнему, въ городѣ. Такъ одинъ изъ этихъ теперешнихъ крестьянъ, а прежде кольскій мѣщанинъ, Измайловъ считается поселеннымъ на рѣкѣ Урѣ, и на свою долю беретъ главныя рѣки Уру и Лицу, устраиваетъ въ нихъ заборы и запрещаетъ всѣмъ ловить передъ ними, оставляя въ пользу остальныхъ членовъ обществъ лишь прочія ничтожныя рѣки.

Что касается до производства самаго семожьяго лова, то объ немъ нечего сказать особеннаго, и всѣ охранительныя мѣры, предложенныя въ первомъ отчетѣ для рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море, должны имѣть примѣненіе и къ рѣкамъ Лапландіи. Кромѣ окрестностей Колы, этотъ ловъ производится въ незначительномъ количествѣ и по рѣкамъ, текущимъ въ остальныхъ частяхъ Лапландіи. Изъ нихъ важнѣе прочихъ ловъ у Юканскихъ острововъ; но такъ какъ живущіе тамъ лопари причисляются къ Понойскому обществу, то объ немъ будетъ сказано ниже, въ отчетѣ о дополнительныхъ изслѣдованіяхъ бѣломорскихъ промысловъ.

Въ Кольской губѣ есть, или по крайней мѣрѣ въ нее заходятъ, сельди; но теперь ихъ вовсе не ловятъ, хотя въ прошедшемъ столѣтіи этотъ ловъ производился и составлялъ предметъ дѣятельности особой компаніи, къ которой въ 1766 году перешелъ этотъ промыселъ изъ рукъ казны, терпѣвшей отъ него постоянные убытки. Но и компанія не была счастливѣе. Послѣ перваго же года своего существованія, она должна была отпустить своихъ голландскихъ солельщиковъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1775 году, и вовсе оставить свое предпріятіе, получивъ отъ него только одни убытки. Въ эти десять лѣтъ приготовила она къ продажѣ только 6,940 бочекъ сельдей, хотя дѣйствія ея обнижали собою, кромѣ Кольской губы, также Кандалакскую и Онежскую. Надо еще замѣтить, что эта компанія была въ постоянной ссорѣ съ мѣстными жителями, что и не удивительно, по стѣснительности для нихъ правилъ компаніи. Именно имъ предоставлялось въ лѣтнее время право ловить и готовить сельди только для собственнаго пропитанія, а отнюдь не на продажу; только зимою до мая мѣсяца дозволенъ былъ свободный ловъ и продажа. Компанія же могла и ловить сельдей, и покупать ихъ у жителей по установленной ею цѣнѣ. Ловъ сельдей въ Кольской губѣ могъ бы и въ настоящее время составить, по крайней мѣрѣ въ видѣ опыта, предметъ дѣятельности бѣломорской компаніи, хотя, конечно, права мѣстныхъ жителей должны бы быть при этомъ вполне ограждены, такъ чтобы, кромѣ выгодъ себѣ, она приносила бы пользу и жителямъ здѣшняго края, какъ колянамъ, такъ и лопарямъ.

с. Китовой промыселъ.

Къ животнымъ, которыхъ ревнители развитія нашей сѣверной морской промышленности желали бы видѣть предметами лова, принадлежатъ еще киты. Дѣйствительно, число китовъ, у нашихъ береговъ встрѣчаемое, довольно значительно. Съ самаго вѣзда нашего въ океанъ не проходило почти дня, чтобы мы не видѣли по нѣскольку этихъ огромныхъ животныхъ, пускающихъ фонтаны брызгъ и пара съ особливимъ звукомъ, который нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ и который невольно привлекаетъ на себя вниманіе. Не одинъ разъ возставали они изъ глубины въ немногихъ саженьяхъ отъ нашего судна, показывали заднюю часть головы, потомъ всю спину съ торчащимъ на ней плавникомъ, по здѣшнему сукомъ, пускали свой фонтанъ, тяжело вздыхали (съ глухимъ, но столь сильнымъ гуломъ, что онъ бываетъ слышенъ за нѣсколько верстъ), окунались впередъ головою, а потомъ

поднявъ высоко надъ водою свой хвостъ, надолго исчезали. На глазомѣрь, нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя было дать менѣе пятнадцати сажень длины. Надъ входомъ въ Кольскую и Большую Мотовскую губы, между островомъ Кильдинымъ и полуостровомъ Рыбачимъ, видѣли мы ихъ нѣсколько десятковъ, и они показывались намъ далеко внутри самой Кольской губы, гдѣ она уже значительно сужена. По отзыву поморовъ, въ такомъ же, и еще гораздо большемъ количествѣ, видятъ они китовъ въ каждое изъ своихъ плаваній въ Норвегію и обратно. Слѣдовательно, въ значительности числа китовъ у нашихъ лопландскихъ береговъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но самая значительность ихъ происходитъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, оттого, что нигдѣ въ свѣтѣ эта порода — *Balaenoptera longimana* (Rudolphi) не составляетъ предмета постоянного, на нее именно направленаго, промысла. Въ проектѣ инструкціи для нашей экспедиціи, поданной академикомъ Бэромъ причины этого обстоятельства достаточно разъяснены. Онѣ состоятъ въ сравнительно небольшомъ количествѣ жира, доставляемомъ этою огромнѣйшею изъ китовыхъ породъ, въ короткости ея усомъ, дѣлающей ихъ негодными къ употребленію, и, наконецъ, въ большой быстротѣ и силѣ животнаго, вслѣдствіе которыхъ бой бываетъ не только опасенъ, но и рѣдко удаченъ, такъ что онъ не окупаетъ значительныхъ издержекъ, требуемыхъ на снаряженіе китоловныхъ экспедицій. Все это въ полной мѣрѣ подтверждается неудачею всѣхъ попытокъ завести у насъ китоловный промыселъ, который неоднократно предпринимались съ самыхъ временъ Петра Великаго и всегда приносили одни убытки. Такъ въ указѣ императрицы Анны Іоанновны отъ 27 января 1731 года, которымъ отдавались въ содержаніе купцу Евреинову сѣверные морскіе промыслы, именно говорится: «И понеже отъ тѣхъ промысловъ (т. е. тюленыхъ, моржовыхъ и другихъ), какъ Коммерцъ-Коллегія объявляетъ, бываетъ прибыль; а напротивъ того отъ Гренландскаго (*) (китоваго) промысла, который съ 1724 года заведенъ тремя кораблями, ежегодно убытки, и для того оный гренландскій промыселъ содержать имъ же Евреиновымъ, и стараться всѣ тѣ промыслы привести имъ въ доброе состояніе, и размноженіемъ пользу государственную, несмотря на то, что либо отъ одного промыслу приключится убытокъ, но награждая получаемую отъ другихъ промысловъ прибылью». Только графъ Шуваловъ, при отдачѣ ему въ содержаніе сѣверныхъ морскихъ промысловъ въ 1748 году, былъ избавленъ отъ обязанности заниматься и китоловнымъ промысломъ, прямо въ видахъ избавленія его отъ убытковъ. Самая же мысль о промыслѣ этомъ не была еще покинута, ибо при сложеніи этой обязанности съ графа Шувалова, говорится: «развѣ онъ графъ Шуваловъ, усмотря, изыскавъ удобные къ тому (т. е. къ китоловному промыслу) способы, самъ пожелаетъ ихъ производить, и то ему позволить; однако не требуя изъ казны денегъ, а между тѣмъ Коммерцъ-Коллегіи искать способу, не смѣется ли кто изъ партикулярныхъ людей къ произведенію ихъ другіе охотники, которые можно при первомъ случаѣ на нѣсколько лѣтъ отдать и безъ платежа въ казну нашу пошлннъ?»—Но такого охотника не оказалось. Со всѣмъ тѣмъ промыселъ этотъ былъ возобновленъ еще разъ при императрицѣ Екатеринѣ Великой указомъ отъ 14 мая 1764 года, и на это ассигновано отъ казны 20,000 рублей. Каковы были результаты этого возобновленнаго китоловнаго промысла, мнѣ положительно неизвѣстно, но

(*) Здѣсь подъ именемъ Гренландскаго, или, какъ въ другихъ указахъ написано, Грунландскаго, надо разумѣть Груманландскій или Шпицбергенскій промыселъ. Это видно изъ словъ указа императрицы Екатерины II, которымъ повелѣвалось возобновить китоловный промыселъ: «Повелѣваемъ возобновить на Шпицбергенѣ прежде бывшій китоловный промыселъ».

несомнѣнно, что они остались безъ всякихъ полезныхъ послѣдствій. При учрежденіи первой бѣломорской компаніи въ 1803 году, преимущественную цѣль которой долженъ былъ составлять сельдяной промыселъ, также говорится о ловѣ китовъ; но эта часть проекта вообще неудавшейся компаніи никогда даже не была приведена въ исполненіе. Единственная польза, которую доставляли до сихъ поръ эти животныя, заключается въ томъ, что лопари находятъ, отъ времени до времени, выброшеннаго на берегъ кита и продаютъ его сало кольскимъ купцамъ или поморамъ. Въ Большой Мотовской губѣ это случается обыкновенно нѣсколько разъ въ году; но рѣже выбрасываетъ китовъ въ другихъ мѣстахъ Мурманскаго берега. Въ Норвегіи ихъ стрѣляютъ еще съ берега стрѣлами, на которыхъ сдѣланы замѣтки, дающія возможность узнавать ихъ хозяина. Если потомъ случится, что такого кита выкинетъ, то половина его принадлежитъ владѣльцу той части берега, на которую онъ выброшенъ, а другая убитшему его. Но это дѣлается очень рѣдко, а еще рѣже удается. Такая охота на удачу имѣла бы у насъ, безъ сомнѣнія, еще меньше шансовъ успѣха, потому что у насъ нѣтъ того лабиринта проливовъ и заливовъ, въ которыхъ киты могли бы запутываться и выбрасываться на берегъ, какъ въ Норвегіи, да и нѣтъ столько народа, непрерывно находящагося у прибрежья, чтобы подмѣчать успѣшно тѣ рѣдкіе случаи, когда киты приближаются на столько къ берегамъ, что можно стрѣлять въ нихъ.

4. торговля съ норвегіею.

Въ заключеніе этого обзора нашей мурманской промышленности надо еще бросить взглядъ на тѣсно связанную съ нею торговлю съ Норвегіей, имѣющую одинакій съ нею предметъ — рыбу (преимущественно треску) — и производимую тѣми же поморами (а отчасти мудьюжанами), которые производятъ и мурманскій промыселъ.

Торговля эта началась съ половины прошедшаго столѣтія, не смотря на привилегію, которую имѣлъ тогда городъ Бергенъ на торговлю съ Финмаркеномъ, и до настоящаго времени она безпрестанно возрастала. Торговля эта мѣновая. Русскія суда, нагруженные преимущественно мукою ржанною и пшеничною, пшеномъ и разнаго сорта крупою, должны, прежде чѣмъ начать свой торгъ, зайти въ одинъ изъ четырехъ сѣверныхъ норвежскихъ городовъ: въ Вадсе (передѣланный поморами въ Васинъ), Вардегусъ (Варгаевъ), Гаммерфестъ или Тромсе, дабы подвергнуться таможенному осмотру и заплатить за свои товары пошлину, отъ которой освобождены только мука, крупа и лѣсъ. Въ Тромсе наложена, впрочемъ, и на нихъ пошлина. Со стороны русскаго правительства, крестьянамъ и мѣщанамъ, поселеннымъ по берегамъ Бѣлаго моря, дозволено возить въ Норвегію также только муку и крупу. Торговлею прочими предметами могутъ заниматься лишь купцы первыхъ двухъ гильдій, такъ что если поморы вывозятъ и ихъ, то только или на имя купцовъ, или тайно. Чтобы русскіе не могли продать или промѣнять части своего товара, до оплаты его пошлиною, ихъ сторожатъ вдоль всего норвежскаго берега таможенные шлюпы, которые описываютъ все, находящееся на суднѣ, и запечатываютъ люки, распечатываемые только послѣ повѣрки этого предварительнаго осмотра въ означенныхъ городахъ. Получивъ дозволеніе на торгъ, наши суда разсѣваются по всѣмъ окрестнымъ фіордамъ и проливамъ, стараясь выбрать мѣсто, гдѣ бы они были по возможности менѣ подвержены соперничеству другихъ судовъ. Здѣсь начинается мѣна муки и крупы на рыбу. Эти непосредственныя сношенія поморовъ съ норвежскими рыбопромышленниками, т. е. со всѣмъ простонародіемъ

Финмаркена, выгодныя для обѣихъ сторонъ, весьма неприятны норвежскому купечеству, какъ это видно не только изъ разсказовъ нашихъ промышленниковъ, но и изъ словъ многихъ просвѣщенныхъ норвежскихъ чиновниковъ и изъ самой сущности дѣла. Конечно, и купцы никакими другими путями не могутъ получить столь дешево многіе необходимые для нихъ товары, какъ отъ русскихъ, но они желали бы одни имѣть право вести съ нами торговлю, какъ для того, чтобы имѣть возможность, стаянувшись между собою (что при небольшомъ ихъ числѣ очень было бы нетрудно), заставить насъ продавать имъ какъ можно дешевле, такъ и для того, чтобы поставить все туземное населеніе въ полную торговую зависимость отъ себя. Это повело бы къ совершенному разоренію всей нашей норвежской торговли, или по крайней мѣрѣ къ совершенному измѣненію ея характера, потому что большая часть поморовъ, какъ и вообще мелкіе торговцы, не могутъ довольствоваться столь умѣреннымъ барышемъ, какъ купцы, ведущіе торгъ на большую руку. Къ счастью, мѣстные обстоятельства таковы, что норвежское правительство принуждено покровительствовать непосредственнымъ сношеніямъ русскихъ съ рыбопромышленнымъ населеніемъ Финмаркена. Среди лѣта нѣтъ возможности свозить ловимую рыбу со всего обширнаго побережья Финмаркена въ немногіе его города и мѣста, въ которыхъ поселились купцы, безъ того, чтобы большая часть ея не испортилась. Кромѣ того, въ жаркое время года нельзя сушить треску, а надо непременно солить, на что здѣшніе крестьяне не имѣютъ ни заведеній, ни средствъ запастись солью. Къ тому же соленая и сушеная рыба не имѣетъ изъ Норвегіи никакого сбыта, ибо въ этомъ видѣ трудно ее доставлять къ портамъ Средиземнаго моря и въ Южную Америку. Русскіе, разсѣваясь по всему побережью, открываютъ здѣшнему населенію сбытъ въ такое время года, когда безъ нихъ значительная доля богатствъ, доставляемыхъ моремъ, должна бы была почти совершенно пропадать безъ пользы.

Въ теченіи шести недѣль съ 1-го іюля до 15-го августа (по новому стилю) дано всему населенію Финмаркена право вести съ русскими непосредственную мѣну рыбы на муку, крупу и прочіе товары; въ огражденіе же купеческихъ привилегій, запрещено русскимъ что либо продавать на деньги иначе, какъ купцамъ. Только когда русское судно простояло уже шесть недѣль въ Норвегіи, то хозяинъ его можетъ, если еще не кончился срокъ свободной мѣны, продавать муку жителямъ и на деньги, но не менѣе трехъ кулей въ однѣ руки. Но продажа на деньги и не представляетъ для русскихъ существенныхъ выгодъ, особливо для небогатыхъ хозяевъ, которые берутъ въ Архангельскѣ муку въ долгъ, платя, какъ мы видѣли уже выше, огромные проценты. Мѣна же на рыбу все таки доставляетъ всегда лучшія выгоды, въ иные же годы огромные барыши. За пудъ муки берутъ обыкновенно отъ трехъ до пяти пудовъ раздѣланной трески и отъ четырехъ, даже до тридцати, обыкновенно же до восьми, пудовъ сайды. Бываютъ случаи, при изобильныхъ уловахъ этой рыбы, какъ напримѣръ въ 1860 году и лѣтъ двадцать тому назадъ, что финманы отдаютъ сайду за что бы то ни было: даже и по 50—100 пудовъ рыбы за пудъ муки. Они бы даже не трудились возить рыбу и, вынувъ одну максу, бросали бы ее въ воду, если бы не было въ Норвегіи строго запрещено бросать обратно въ морѣ пойманную разъ рыбу. Максы, конечно, русскимъ никогда не отдаютъ, да они ее и не стали бы брать, потому что рыбій жиръ въ Норвегіи дороже, чѣмъ у насъ, гдѣ ему нѣтъ сбыта. Такъ какъ за пудъ муки русскіе всегда берутъ нѣсколько пудовъ рыбы, то очевидно, что они не могутъ промѣнять всего груза муки на рыбу, и излишекъ должны продавать уже купцамъ обыкновенно на вексель, или промѣнивать на моржовыя кожи или мѣха. Выгоды этой мѣновой торговли такъ значительны,

что, за немногими исключеніями, всякій поморъ, имѣющій свое судно, старается принять въ ней участіе. Даже и тѣ, которые имѣютъ свои промыслы на Мурманскомъ берегу, въ тоже время ведутъ торгъ съ Норвегіей. Въ немъ участвуютъ, впрочемъ, теперь уже не одни поморы, но и жители окрестностей Архангельска, преимущественно мудьюжане, которые имѣютъ уже до сотни, ходящихъ въ Норвегію, судовъ.

Опредѣлить въ точности число судовъ и количество товаровъ, отвозимыхъ въ Норвегію мѣщанами и крестьянами Архангельской губерніи, весьма трудно, или лучше сказать почти невозможно, потому что многія суда, отправляясь въ дѣйствительности въ Норвегію, записываются только идущими на Мурманскій берегъ, другія отправляются отъ имени купцовъ, ибо, какъ сказано было выше, большею частью товаровъ хозяева ихъ не имѣютъ права торговать на свое имя; но изъ соображеній, которыя будутъ помѣщены ниже, видно, что по крайней мѣрѣ отъ 400 до 500 судовъ и болѣе 2,000 матросовъ участвуютъ въ этой торговлѣ. Нѣсколько сотъ хозяевъ, слѣдовательно, получаютъ отъ этой торговли главныя свои выгоды и болѣе 2,000 работниковъ свои заработки, выручая въ лѣто отъ 30 до 60 р. с. жалованья, кормщики же до ста. По этому, устраненіе всякихъ стѣсненій, ограничивающихъ дальнѣйшее развитіе этой торговли, есть мѣра, могущая наиболѣе содѣйствовать благосостоянію бѣломорскаго края и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличить нашу почти единственную активную торговлю и число вольныхъ матросовъ.

Мѣщанамъ и крестьянамъ городовъ посадовъ и селъ, лежащихъ по берегамъ Бѣлаго моря, дано право вести заграничную торговлю, что, по нашимъ законамъ, составляетъ привилегію купцовъ первыхъ двухъ гильдій; но право это распространяется только на вывозъ муки и крупы. Всѣ прочіе товары везутъ они отъ имени купцовъ, будто бы зафрахтовывающихъ ихъ суда, тогда какъ въ сущности весь товаръ принадлежитъ хозяину судна. Обыкновенно купцы соглашаются на эту сдѣлку. Самое это согласіе ихъ лучше всего показываетъ, что дозволеніе поморамъ и прочимъ жителямъ бѣломорскаго побережья вести торгъ съ Норвегіей не однимъ только хлѣбомъ, а всякими товарами, не нанесло бы никакого существеннаго ущерба привилегіямъ архангельскаго купечества. Между тѣмъ необходимость всегда выпрашивать согласіе купца удерживаетъ многихъ отъ вывоза товаровъ, которыми не имѣютъ права торговать на свое имя, особливо если желаютъ взять съ собою небольшое количество ихъ въ дополненіе къ мукѣ и къ крупѣ, составляющимъ главный грузъ судна. Другое стѣсненіе при этомъ заключается въ томъ, что хозяинъ судна, везя грузъ, будто бы не ему принадлежащій, долженъ непремѣнно нанимать себѣ въ кормщики ученика шкиперскихъ школъ, заведенныхъ въ Кеми и Архангельскѣ. Эта мѣра, имѣя цѣлью доставить нѣкоторое обезпеченіе воспитанникамъ, выпущеннымъ изъ шкиперскихъ заведеній въ Архангельскѣ и Кеми, основана будто бы на томъ принципѣ, что если поморъ имѣетъ право рисковать своимъ собственнымъ грузомъ, отправляясь въ море безъ всякихъ теоретическихъ навигаціонныхъ познаній, то онъ не долженъ подвергать такому риску грузъ, не ему принадлежащій. Я вижу здѣсь двойную фикцію: что грузъ принадлежитъ купцу, когда въ сущности онъ собственность помора, и что воспитанники штурманскаго училища безопаснѣе доставятъ его къ мѣсту назначенія, чѣмъ самъ хозяинъ, или имъ самимъ выбранный кормщикъ. Между тѣмъ во все время плаванья, какъ по Бѣлому морю, такъ и вдоль Лапландіи и Норвегіи суда никогда не теряютъ изъ виду береговъ, слѣдовательно главное состоитъ тутъ въ точномъ и подробномъ знаніи мѣстности, а этимъ знаніемъ всякій практически образовавшійся кормщикъ, обыкновенно съ ребяческихъ лѣтъ ходившій на судахъ съ своимъ отцемъ или съ родственникомъ, обладаетъ въ большей степени,

нежели любой воспитанникъ штурманскаго училища. Между тѣмъ хозяинъ не всегда можетъ найти такого, насильно навязываемаго ему кормщика, а когда найдетъ, не рѣдко долженъ ему заплатить все, что онъ ни запроситъ, пользуясь своимъ положеніемъ, и мнѣ извѣстны случаи, когда судохозяева, именно за невозможностью достать себѣ такого предписаннаго кормщика, должны были отказаться отъ своего намѣренія идти въ Норвегію.

Въ нашу бытность въ Гаммерфестѣ достали мы отъ тамошняго нашего консула свѣдѣнія о числѣ приходившихъ къ этому порту русскихъ судовъ въ теченіи лѣта 1860 года и о количествѣ привезенныхъ ими товаровъ. Изъ нихъ видны тѣ предметы, въ которыхъ нуждается сѣверная Норвегія и вывозъ которыхъ могъ бы увеличиться при расширеніи торговыхъ правъ нашего приморскаго населенія. Свѣдѣнія эти слѣдующія:

Въ 1860 году привезено русскими въ Гаммерфестъ на 99 судахъ и лодкахъ, вмѣстимостью въ 2,720 ластовъ съ 461 матросами:

Ржаной муки		185,530 пудовъ.
Крупчатки		377 мѣшковъ.
Овса		215 четвертей.
Овсяной крупы	2,859 мѣшковъ.	14,295 пудовъ.
Пшени.	71 »	355 »
Ячной крупы	51 »	255 »
Манной крупы	19 »	95 »
Гороха.	53 »	265 »
Солонины	130 бочекъ.	1,300 »
Свинаго сала	4 бочки.	28 »
Мыла.		36 »
Ворвани.	2 »	
Сальныхъ свѣчъ	59 ящичковъ.	160 пудовъ.
Восковыхъ свѣчъ		1 пудъ.
Мыла		226 пудовъ.
Копченыхъ бычачьихъ языковъ		600 штукъ.
Равендуку		9 »
Парусины		8 »
Пряжи для сѣтей.		45 пудовъ.
Канатовъ		1,641 пудъ.
Стоянокъ		54 пуда.
Полотна		200 аршинъ.
Пуху гусинаго		200 пудовъ.
Бревень		100 штукъ.
Досокъ 3 дюймовыхъ 10 аршинъ длиною		3,350 штукъ.
Досокъ 1 ¹ / ₂ » » » »		7,150 »
Досокъ 1 » » » »		250 »
Жердей.		850 штукъ.
Кирпичей		1,900 »
Дровъ		9 сажень.

Всего на 189,003 руб. сер.

Количества товаровъ, тутъ означенныхъ, нельзя считать вѣрными, потому что наши судохозяева никогда не показываютъ консуламъ всего, ими привезеннаго, какъ мы могли удостовѣриться примѣромъ того судна, съ которымъ сами прибыли въ Гаммерфестъ. Свѣдѣнія, подаваемые ими въ норвежскія таможи, полнѣе подаваемыхъ консуламъ, но и тутъ они ухитряются многое утаить, чтобы продать, не платя пошлины. Въ Тромсе приходитъ менѣе судовъ, чѣмъ въ Гаммерфестъ, но самыя большія; за то въ Вардегусъ и Вадсе гораздо болѣе. По этому, увеличивъ вчетверо число судовъ и матросовъ, прибывшихъ въ Гаммерфестъ, и впятеро цѣнность груза, мы получимъ довольно приблизительное выраженіе нашего ввоза во всѣ порта сѣверной Норвегіи, — что составитъ около 400 судовъ и болѣе 1,800 матросовъ, привезшихъ въ теченіи нынѣшняго лѣта на 950,000 р. сер. разныхъ товаровъ. Сколько на это было вымѣнено рыбы, столь же трудно опредѣлить, какъ и сколько ловится ее нашими промышленниками на Мурманскомъ берегу. Я уже говорилъ, что въ показаніяхъ архангельской таможни не различали до 1859 года рыбы, привезенной съ нашихъ бѣломорскихъ и мурманскихъ промысловъ, отъ вымѣненной въ Норвегіи. По этимъ свѣдѣніямъ, наибольшій привозъ въ Архангельскъ былъ въ 1853 году, когда онъ простирался до 373,600 пудовъ трески, 23,317 пудовъ палтусины, 29,330 пудовъ сайды, 39,592 пуда пикшуевъ, 457 пудовъ камбаль, 9,024 пуда трескового жира, 7,341 пудъ тресковыхъ головъ и 354 пуда вязиги. Невѣрность этихъ свѣдѣній очевидна, ибо не въ столь уловистый 1859 годъ, по свѣдѣніямъ той таможни, но тщательнѣе собраннымъ, съ одного мурманскаго берега было привезено къ Архангельскому порту: трески 253,401 пудъ, палтусины 13,819 пудовъ, сайды 20,945 пудовъ, пикшуевъ 23,476 пудовъ, камбаль 1,060 пудовъ, сала трескового 7,930 пудовъ и тресковыхъ головъ 6,350 пудовъ. Во всѣ же порта Архангельской губерніи доставлено было въ этомъ году съ мурманскаго промысла: трески 338,542 пуда, палтусины 15,777, сайды 45,135, пикшуевъ 25,357, камбаль 1,150, трескового сала 8,422, тресковыхъ головъ 6,881 пудъ и вязиги 83 пуда. Среднія числа, принимаемая разными авторами, помѣщавшими статьи о промышленности Архангельской губерніи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, измѣняются отъ 150,000 пудовъ всей наловленной рыбы до слишкомъ 600,000. Но всѣ эти показанія не представляютъ никакихъ ручательствъ въ своей достовѣрности. При этой невозможности достигнуть совершенно положительныхъ результатовъ, всего вѣрнѣе будетъ держаться оцѣнки опытныхъ промышленниковъ и торговцевъ. Они же опредѣляютъ средній мурманскій уловъ тысячъ въ триста пудовъ трески и во сто тысячъ пудовъ прочей рыбы, трескового сала и головъ. Къ этой предположительной оцѣнкѣ довольно близко подходятъ и таможенные показанія за 1859 годъ, который можно принять за хорошій средній годъ. Слѣдующія соображенія могутъ служить какъ бы повѣркою принятаго нами средняго улова. Мурманскимъ рыболовствомъ занято около 500 шнякъ и, слѣдовательно, около 2,000 работниковъ. Мы видѣли выше, что, по мнѣнію опытныхъ промышленниковъ, средніе уловы доставляютъ по 200 р. ас. на пай, что (при равномѣрномъ распредѣленіи между всѣми прибавочныхъ долей, получаемыхъ кормщиками) даетъ по 242 р. 50 к. ас. на каждого и составляетъ на долю, приходящуюся на вознагражденіе всѣхъ работниковъ, 40% со всей, выручаемой за продажу рыбы, суммы. Среднія цѣны на рыбу и ея продукты за послѣднія 8 лѣтъ въ Архангельскѣ были: на треску соленую отъ 60 до 75 к. с., на сушеную отъ 1 р. с. до 1 р. 50 к. с., на соленые пикшуй и сайду отъ 20 до 30 к. с., на сушеные отъ 1 р. до 1 р. 20 к. с., на жиръ 2 р. с. и 2 р. 20 к. с., на тресковыя головы 10 к. с. На основаніи этихъ цѣнъ, цѣнность улова 1859 года по таможеннымъ указаніямъ окажется:

335,542 пуда трески, принимая, по обыкновенной пропорціи, четвертую часть ея (84,655 пудовъ) за сушеную по 1 р. 50 к. с. пудъ, а три четверти за соленую по 67 к. с. пудъ	298,339 р. с.
15,777 пудовъ соленой палтусины по 1 р. 25 к. с.	19,721 » »
45,135 » сайды по 25 к. с. пудъ.	11,284 » »
25,357 » пишкуя также по 25 к. с.	6,339 » »
8,472 пуда трескового жира по 2 р. с.	16,944 » »
6,881 пудъ тресковыхъ головъ по 10 к. с.	688 » »
Итого . . . 353,315 р. с.	

Сорокъ процентовъ этой суммы составятъ 141,326 р. с. или на ассигнаціи 494,641 р.; раздѣливъ это число на 242 р. 50 к., приходящихся на каждого работника, получимъ 2,030 работниковъ, что дѣйствительно составляетъ обыкновенное число лицъ, занимающихся рыболовствомъ на Мурманскомъ берегу.

По словамъ промышленниковъ, хорошо знакомыхъ какъ съ мурманскимъ ловомъ, такъ и съ торговлею съ Норвегіей, количество вымѣниваемой тамъ рыбы среднимъ числомъ превосходитъ вдвое налавливаемое на русскомъ берегу. Согласно съ этимъ, и гаммерфестскіе купцы полагаютъ ежегодный вывозъ рыбы изъ Норвегіи русскими отъ 600 до 800 тысячъ пудовъ, въ 1860 году, по необыкновенному изобилію дешево вымѣниваемой сайды, это количество достигло по меньшей мѣрѣ 1,000,000 пудовъ.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, будто бы въ прошедшемъ столѣтіи мурманскіе промыслы были въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, нежели нынѣ. Мнѣніе это, впрочемъ, принадлежитъ не промышленникамъ, которые всѣ утверждаютъ, что теперь уловы стали вообще лучше прежняго, вслѣдствіе улучшеній въ рыболовныхъ снарядахъ. Конечно, они сравниваютъ настоящее съ ближайшимъ прошедшимъ, которое ясно у нихъ въ памяти; но если бы они могли для своихъ сравнительныхъ выводовъ обратиться къ болѣе отдаленнымъ временамъ, то, конечно, нашли бы еще менѣе причинъ жалѣть о добрыхъ старыхъ временахъ. Это мнимое процвѣтаніе приписываютъ благодѣтельному дѣйствию капиталовъ графа Шувалова, имѣвшаго монополію на всѣ наши сѣверные звѣринные и тресковые промыслы съ 1748 по 1768 годъ, и подтверждаютъ тѣмъ, что тогда мы отправляли треску за границу, а теперь ввозимъ ее въ значительныхъ количествахъ.

Съ начала прошедшаго столѣтія, именно съ указа Петра Великаго отъ 13 августа 1704 года, какъ рыбные, такъ и морскіе звѣринные промыслы находились или въ казенномъ содержаніи, или отдавались компаніямъ, — что продолжалось до 1 іюня 1768 года, когда, съ окончаніемъ срока Шуваловской компаніи, указомъ Императрицы Екатерины Великой, промыслы звѣринные и тресковые снова были предоставлены свободному пользованію жителей Архангельской губерніи. Въ это тяжелое для народа время промышленники обязаны были, подъ страхомъ конфискаціи и денежныхъ штрафовъ, продавать, какъ звѣринныя сало и кожи, такъ и треску, не иначе, какъ повѣреннымъ отъ казны или компаніи, и хотя въ контрактахъ, заключаемыхъ казною съ компаніями, всегда упоминалось о томъ, чтобы компанейщики промышленникамъ «обидѣ не чинили и покупали у нихъ рыбу повольною цѣною», но какая могла быть повольная цѣна, когда промышленники никому не смѣли ее продавать, кромѣ

компаній. Причина тогдашняго заграничнаго отпуска трески заключалась единственно въ томъ, что казнѣ и компаніямъ выгоднѣе было продавать ее за границу, чѣмъ внутри государства. Въ какой степени это было стѣснительно для народа, можно видѣть изъ того, что, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, правительство нашлось въ необходимости освободить тресковые промыслы отъ этой монополіи указомъ отъ 23 апрѣля 1730 года, въ которомъ сказано: «По доношенію коммерцъ-коллегіи треску, которая покупалась въ казну для продажи за море, впредь, для показанныхъ въ томъ доношеніи резоновъ, не покупать, а оставлять оную въ вольный торгъ». При отдачѣ содержанія морскихъ промысловъ компаніи въ 1731 году, это исключеніе въ пользу трески, какъ «уволенной въ народъ» по силѣ указа 1730 года, было снова повторено. Даже, и при отдачѣ морскихъ промысловъ въ содержаніе графу Шувалову въ 1748 году, о трескѣ ничего не было сказано, и до 1750 года онъ не пользовался относительно ея никакой монополіей. Но сенатскимъ указомъ отъ 26 марта этого года графъ получилъ и ее подъ тѣмъ предлогомъ, что морскіе промыслы были отданы ему въ содержаніе на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и купцу Евреиннову указомъ Петра Великаго отъ 27 февраля 1721 года; о бывшихъ же послѣ сего указахъ Императрицы Анны Іоанновны, которыми уничтожались прежнія распоряженія о трескѣ, вовсе не упоминалось. Съ этихъ поръ снова стала отпускаться треска за границу. Слѣдовательно, причина отпуска трески за границу въ прошедшемъ столѣтіи заключалась лишь въ недопущеніи внутреннихъ потребителей къ ея покупкѣ, а вовсе не въ процвѣтаніи тогдашнихъ промысловъ. Съ уничтоженіемъ же этой причины, наши промыслы не могли даже удовлетворить внутренней потребности въ трескѣ. Кажется, что и теперешнее запрещеніе продавать тресковый жиръ прямо изъ мурманскихъ становищъ въ Норвегію есть остатокъ того времени, когда, для лучшаго контроля, запрещалась всякая мѣстная продажа сала и рыбы, которыя должны были свозиться въ Архангельскъ, — мѣстопребываніе компанейскихъ конторъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи присоединилась еще и другая причина, препятствующая отпуску отъ насъ трески за границу, хотя уже и одной первой было для этого вполне достаточно. Съ того времени, какъ Норвегія сдѣлалась изъ датской провинціи самостоятельнымъ государствомъ, всѣ источники народнаго богатства развились въ ней въ значительной степени, и она стала съ каждымъ годомъ вывозить болѣе и болѣе рыбы за границу, безпрестанно расширяя свои рынки и приобретаая новые, такъ что если бы даже стали теперь искусственными мѣрами содѣйствовать сбыту нашей трески за границу, то для нея не нашлось бы покупателей, ибо всякое соперничество въ этомъ отношеніи съ Норвегіей для насъ невозможно, какъ это уже изложено въ мнѣніи о колонизаціи Лапландіи (*).

Если, по этому, прекращеніе вывоза отъ насъ трески за границу нельзя приписать упадку нашихъ промысловъ, то также точно, въ значительномъ ввозѣ этой рыбы къ намъ изъ Норвегіи, нельзя видѣть какой нибудь для насъ невыгоды, ибо онъ даетъ намъ средства къ выгодному сбыту многихъ нашихъ произведеній: муки, крупы и — въ меньшемъ количествѣ — нѣкоторыхъ другихъ товаровъ.

Есть, впрочемъ, и положительныя данныя, показывающія, что ловъ въ прошедшемъ столѣтіи, по крайней мѣрѣ въ концѣ его, былъ не только не богаче, но даже менѣе изобилень, чѣмъ теперь, — что и весьма естественно, какъ потому, что число ловцовъ было тогда, при меньшемъ населеніи

(*) Въ приложеніи.

Поморья, по необходимости меньше нынѣшняго, такъ и потому, что рыболовныя снасти противу прежняго теперь значительно улучшены. Мы видѣли, что на англійскіе крючки, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ловится въ полтора раза болѣе, чѣмъ на прежніе русскіе. Разстояніе между аростегами также уменьшено теперь раза въ полтора противу прежняго.

Изъ вѣдомостей архангельской портовой таможи за девятилѣтіе съ 1782 по 1790 годъ, представленныхъ тогдашнему генераль-губернатору Тутолмину, видно, что среднее количество мурманскихъ произведеній, привозимыхъ къ бѣломорскимъ портамъ, составляло:

Трески соленой	130,492 пуд.	}	149,142
» сушеной	18,650 »		
Палтусины соленой			11,089
Пикшувъ соленыхъ	2,524 »	}	2,601
» сушеныхъ	77 »		
Сайды соленой	246 »	}	340
» сушеной	94 »		
Головъ тресковыхъ			10,222
Сала тресковаго			15,915
Всего			189,309

Слѣдовательно, слишкомъ вдвое менѣе, чѣмъ въ 1859 году. Но не только средніе, а даже и наибольшіе привозы этихъ предметовъ въ означенное девятилѣтіе меньше привозовъ 1859 года, эти наибольшіе привозы были:

Трески соленой въ 1786 году	222,020 пуд.	}	257,312 пудовъ.
» сушеной въ 1783 году	35,292 »		
Палтусины соленой въ 1789 году			18,599 »
Тресковаго сала въ 1789 году			50,330 »

Слѣдовательно, трески все еще на 81,230 пудовъ менѣе, чѣмъ въ 1859 году; излишекъ въ 2,822 пуда палтусины слишкомъ ничтоженъ, чтобы изъ него можно было вывести какіе бы то ни было результаты. Правда, что излишекъ тресковаго жира въ 51,852 пуда огроменъ, и даже средній привозъ его превосходить на 7,443 пуда, почти вдвое, привозъ 1859 года, но количество сала всегда должно быть болѣе или менѣе пропорціонально количеству пойманной трески; хотя, конечно, и бываютъ годы, когда въ трескѣ печенька больше по вѣсу и когда она жирнѣе, но все же происходящая отъ этого разница не можетъ быть такъ огромна. По этому, столь значительный перевѣсъ въ привозѣ этого продукта, при меньшемъ уловѣ трески, можетъ объясниться лишь тѣмъ, что, или тогдашнія таможенныя показанія были вѣрнѣе нынѣшнихъ, или тѣмъ, что теперь, не смотря на запрещеніе, часть тресковаго жира вывозится въ Норвегію прямо изъ становищъ, что и дѣйствительно дѣлается, — всего же вѣроятнѣе — обѣими этими причинами вмѣстѣ. Большой привозъ тресковыхъ головъ показываетъ также, что или таможенныя показанія были вѣрнѣе, или что тогда болѣе нуждались въ этой дешевой и худшей пищѣ, нежели теперь, когда большая часть головъ бросается безъ всякаго употребленія.

Наименьшіе ввозы рыбы и ея продуктовъ въ этотъ періодъ были:

Трески соленой въ 1789 году	77,625 пудовъ.
» сушеной въ 1786 году	9,164 »
Палтусины соленой въ 1789 году	3,466 »
Тресковаго сала въ 1787 году	5,868 »

Слѣдовательно, въ 1786 году, въ который былъ наибольшій привозъ трески вообще, количество ея составляло только 231,184 пуда, т. е. на 107,368 менѣе, чѣмъ въ 1859 году, который составляетъ только хорошій средній годъ.

Этимъ сравненіемъ настоящаго съ прошедшимъ, на сколько позволяла это сдѣлать скудость имѣющихся источниковъ, оканчиваю я обзоръ нашихъ мурманскихъ промысловъ, и за тѣмъ перехожу къ дополнительнымъ изслѣдованіямъ экспедиціи о нѣкоторыхъ отрасляхъ бѣломорскихъ промысловъ.

II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ БѢЛОМОРСКИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

Лѣтомъ 1859 года экспедиція (нѣкоторые изъ членовъ которой должны были спѣшить на Печору, дабы застать тамъ осенній ловъ, другимъ же предстояла поѣздка вверхъ по Двинѣ и Вагѣ) успѣла посѣтить только юго-западную часть Бѣлаго моря, но не могла удѣлить времени на ознакомленіе съ бѣлужимъ ловомъ. Также точно зимою могла она изслѣдовать только главный изъ тюленьихъ промысловъ, производимый на Зимнемъ берегу, и въ Мезенскомъ заливѣ. По этому, какъ рыболовство на Терскомъ берегу, къ сѣверу отъ села Кузомени, и производимый вдоль его бой лисуновъ, такъ и бѣлужьи промыслы должны были быть оставлены до лѣта 1860 года. Бѣлужій промыселъ производится не только въ Бѣломъ морѣ, но и при устьяхъ Печоры. Свѣдѣнія объ этомъ печорскомъ промыслѣ были, конечно, собраны уже въ 1859 году, но описаніе его не было помѣщено тогда въ отчетѣ, потому что удобнѣе было представить его въ связи съ бѣломорскимъ. Свѣдѣнія объ этихъ промыслахъ и составляютъ предметы настоящаго отчета, къ которымъ присоединяются еще нѣкоторыя замѣчанія о промыслахъ Соловецкаго монастыря.

1. БѢЛУЖІЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

Бѣлуга (*Delphinapterus Leucas*, Pall.) китообразное животное изъ семейства дельфиновъ, получившіе свое русское названіе отъ чистаго бѣлаго цвѣта кожи взрослыхъ звѣрей, отличается отъ всѣхъ прочихъ дельфиновъ отсутствіемъ плавника на спинѣ. Бѣлуги встрѣчаются въ Бѣломъ морѣ во всѣ времена года и, слѣдовательно, могутъ считаться постоянными жителями его, но въ наибольшемъ количествѣ появляются онѣ съ конца мая (когда море совершенно освободится отъ льда), приходя изъ океана, чтобы рожать дѣтей и париться въ затишьяхъ губъ и проливовъ, въ мелкой и теплой водѣ. Время ихъ спариванья падаетъ на конецъ іюня и начало іюля. Онѣ собираются тогда стаями штукъ до пятидесяти и до ста, играютъ, т. е. выстаютъ и плаваютъ поверхъ воды, или весьма близко къ ея поверхности, такъ что съ берега, можно ясно рассмотреть всю форму животнаго, тихо проплывающаго мимо, и долго слѣдить за нимъ, прежде нежели оно опустится глубже и тѣмъ скроется изъ вида. Всегда бывають онѣ очень трусливы и малѣйшаго шума, даже хлопанья весель о воду достаточно, чтобы испугать и заставить уйти въ открытое море цѣлую стаю. Время спариванья бѣлугъ самое удобное для ихъ лова; можно даже сказать, что оно единственное, въ которое ловъ

ихъ можетъ преднамѣренно производиться; во всякое же другое время удается добыть ихъ только болѣе или менѣе случайно. По словамъ промышленниковъ, бѣлуги мечутъ дѣтей около вѣшняго Никола, т. е. въ началѣ мая и по этому носятъ около 10 мѣсяцевъ. Молодые бѣлуги не имѣютъ бѣлаго цвѣта взрослыхъ, а черновато или синегато-сѣрый, тѣмъ темнѣе, чѣмъ животное моложе. Молодые бѣлуги называются по этому *спряками*. Старые звѣри, напротивъ того, желтѣютъ и называются тогда *желтяками*. Взрослые самцы носятъ еще названіе *казаковъ*. Матери, когда кормятъ грудью, поворачиваются на спину и придерживаютъ дѣтенышей лапами и вообще къ нимъ очень нѣжны. Бѣлуги питаются рыбою, гоняются за нею по морю и въ своемъ преслѣдованіи иногда заходятъ далеко въ рѣки. Такъ однажды видѣли большую стаю ихъ въ Двинѣ, гораздо выше Архангельска.

Бѣлужій промыселъ производится въ заливахъ Двинскомъ, Онежскомъ, Кандалакскомъ и Мезенскомъ, близъ устьевъ Печоры, по губамъ Тиманскаго берега передъ устьями впадающихъ въ нихъ рѣкъ, преимущественно у рѣки Пѣши, впадающей въ Индежскую губу, и у Новой Земли. У Мурманскаго же берега ихъ не только не промышляютъ, но даже и рѣдко случается и видѣть. Сообразно условіямъ мѣстности, и способы лова ихъ различны: въ Двинскомъ, Онежскомъ и Мезенскомъ заливахъ ловятъ ихъ обметными неводами, а осенью въ небольшомъ количествѣ и ставными сѣтями, выставленными крюкомъ, въ Кандалакской губѣ переметами, на Печорѣ же какъ этими двумя способами, которые бывають направлены на цѣлыя стаи бѣлугъ, такъ и кутилами (родъ остроги), въ одиночку.

Изъ этихъ способовъ лова, самый вѣрный — обметными неводами. Въ настоящее время производится онъ въ слѣдующихъ пунктахъ: у Солзы на Лѣтнемъ берегу, верстахъ въ 50 отъ Архангельска, жителями этой деревни; у Пушлахты на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго залива, жителями этой деревни на счетъ Соловецкаго монастыря, доставляющаго снасть и все содержаніе работникамъ, уловы же раздѣляются пополамъ между монастыремъ и промышленниками; въ Сорочкой губѣ и у острова Сосновца, верстѣ 20 южнѣе Сумскаго посада, сорочанами, и противъ устья Кулоя въ Мезенскомъ заливѣ жителями деревни Долгой Щели. Прежде число мѣстностей, гдѣ производился этотъ промыселъ, было гораздо больше, но теперь многіе его оставили, по невѣрности доставляемыхъ имъ улововъ, въ иные годы, правда, значительныхъ, въ другіе же совершенно ничтожныхъ и неоплачивающихъ употребленныхъ на него издержекъ. Такъ еще недавно полковникъ Никитинъ, владѣющій лучшимъ солянымъ заводомъ въ Архангельской губерніи, близъ деревни Красной Горы, имѣлъ неводъ и все заведеніе для лова бѣлугъ, но такъ какъ въ сложности промыселъ этотъ доставлялъ только убытки, то Никитинъ принужденъ былъ его оставить и продать свое заведеніе. Слѣдующіе примѣры ясно показываютъ всю невѣрность этого промысла: въ 1860 году сорочане добыли у своей губы только 12 бѣлугъ, а у Сосновца въ двѣ недѣли, которыя мы тутъ провели, въ ожиданіи удачнаго лова, ни одной, и вскорѣ послѣ насъ промышленники собирались возвратиться домой, такъ что, вѣроятно, весь годичный уловъ ихъ ограничился 12 бѣлугами. Но въ 1853 году поймали они въ своей губѣ 112 бѣлугъ, послѣ чего отправились къ Сосновцу, и чрезъ полторы недѣли добыли въ одинъ разъ еще 84 штуки. Жители деревни Долгой Щели добыли въ теченіи двухъ годовъ 1855 и 1856 девяносто бѣлугъ, въ 1859 же только четыре. У Солзы поймали въ 1840 году 60 бѣлугъ, но такихъ большихъ и жирныхъ, что онѣ дали кругомъ каждая на 100 р. ас. сала; въ 1859 же только 32 бѣлуги, но столь мелкихъ, что всѣ онѣ дали только 125 пудовъ сала, т. е. съ небольшимъ на 1,000 р. ас.

Для производства бѣлужьяго лова обметными неводами, соединяется по нѣскольку хозяевъ, составляя временную компанію, называемую бурсою. Каждый изъ членовъ ея выставляетъ по карбасу и по неводу одинакой длины, большею частью въ 150 маховыхъ (125 печатныхъ) сажень, шириною же въ 6 сажень. Неводъ вяжется изъ тѣхъ же веревокъ, которыя употребляются на стеклины, и ячеи его въ 6 вершковъ въ квадратѣ. Чтобы онъ не тонулъ, къ верхней тетивѣ (подборѣ) его привязаны, на разстояніи двухъ аршинъ другъ отъ друга, аршинныя полѣнья въ руку толщиною, на нижней же подборѣ никакихъ грузилъ нѣтъ, ибо онъ и безъ того достаточно тяжелъ, чтобы опускаться до самаго дна. Неводъ вѣситъ до 23 пудъ, а такъ какъ пудъ употребляемыхъ на него стеклинъ стоитъ до 6 р. с., то съ тетивами и съ работою онъ обойдется въ 150 р. с., или въ рубль маховая сажень. Для обмета бѣлугъ нужно, чтобы по крайней мѣрѣ участвовали 4 карбаса — обыкновенно же соединяется ихъ 6 и 8 въ одну партію; слѣдовательно, все заведеніе обойдется отъ 900 до 1,200 р. с. На каждомъ карбасѣ бываетъ съ хозяиномъ, который исполняетъ должность кормщика, 4 работника, а такъ какъ въ лѣтнее время всѣ мушны расходятся по разнымъ промысламъ, то половина рабочихъ состоитъ изъ женщинъ, занимающихъ должность гребцовъ. Мѣста, преимущественно удобныя для бѣлужьяго лова, извѣстны уже съ давнихъ временъ по опыту; около Петрова дня бѣлужники отправляются туда на своихъ карбасахъ. Существенное условіе этихъ мѣстностей состоитъ въ томъ, чтобы острова и мысы ограждали съ разныхъ сторонъ отмельй участокъ моря, на который любятъ заходить бѣлуги, особливо въ ясные солнечные дни. На берегу или на одномъ изъ острововъ имѣютъ промышленники свое становище, по близости пригорка, съ котораго могли бы слѣдить за ходомъ звѣря. Здѣсь устроены у нихъ разъ навсегда избушки, или скорѣе землянки изъ камней, дерну и древесныхъ вѣтвей, въ которыхъ они и живутъ все время лова. Кромѣ хлѣба, крупы и масла, не берутъ они съ собою никакой другой провизіи, а только изрѣдка пропитываются самими наловленною въ свободныя минуты навагою. Работники нанимаются или на все время промысла, или поне-дѣльно, получая, смотря по уговору, весьма различныя цѣны, обыкновенно же около 15 р. ас. въ недѣлю.

Поселившись въ становищѣ, промышленники непрерывно слѣдятъ за ходомъ бѣлугъ. Днемъ и ночью, которая въ это время года столь же свѣтла, какъ и день, кто нибудь да осматриваетъ море, стараясь высмотрѣть, гдѣ выстаютъ бѣлуги и куда направляются ихъ стаи. Хотя эти животныя и не очень велики, обыкновенно до двухъ сажень и никогда болѣе трехъ съ половиною, но бѣлый цвѣтъ, особливо при солнечномъ освѣщеніи, дѣлаетъ ихъ очень далеко замѣтными на темномъ фонѣ моря. Къ тому же въ каждой бурсѣ есть, по крайней мѣрѣ, одна зрительная труба. Какъ бы близко бѣлуги ни подходили къ становищу, но если это съ голоменной, т. е. морской стороны, то промышленники не трогаются съ мѣста, ибо на глубѣ бѣлугъ поймать невозможно: онѣ уйдутъ подъ неводъ. Но какъ только они зашли, съ которой нибудь стороны, въ пространство между островами и берегомъ, гдѣ глубина не превышаетъ пяти печатныхъ сажень, — бѣлужники, въ какое бы время дня или ночи это ни случилось, живо бросаются въ лодки, въ которыхъ всегда лежатъ на готовѣ собраныя невода, и ѣдутъ въ ту сторону, гдѣ показались бѣлуги, часто за десять и болѣе верстъ.

Сначала лодки плывутъ безъ всякаго порядка, смотря по вѣтру: или на парусахъ или на веслахъ. Легкій попутный вѣтеръ тутъ неоцѣненный союзникъ, потому что позволяетъ безъ малѣйшаго шума приблизиться къ стаѣ бѣлугъ. При безвѣтріи или при противномъ вѣтрѣ надо грести; но въ тихую погоду, — плескъ весель, стукъ при треніи ихъ о края уключинъ и всякій малѣйшій звукъ очень

далеко раздаются по водѣ, — а бѣлуга необыкновенно чутка. По этому, не смотря на всѣ принимаемыя предосторожности: намачиваніе уключинъ и обвертываніе весель трыпками, онѣ мало помогаютъ, и рѣдко случается, чтобы удалось обметать бѣлугъ, подѣзжая къ нимъ на веслахъ. Сильный вѣтеръ также не благоприятенъ промыслу; при разводимомъ имъ волненіи трудно справляться съ большимъ тяжелымъ неводомъ, да и бѣлуги тогда больше любятъ оставаться въ открытомъ морѣ.

Съ приближеніемъ къ стаѣ, карбаса начинаютъ выстраиваться. Два среднихъ, такъ называемые *корневые*, сближаются и остаются назади отъ прочихъ, которые справа и слѣва располагаются эшелонами, такъ что каждый изъ нихъ находится нѣсколько впереди и къ наружи отъ слѣдующаго за нимъ, въ разстояніи длины невода, т. е. 150 маховыхъ сажень. Такимъ образомъ образуютъ они полукругъ, обращенный вогнутостью къ бѣлужьему стаду. Оба первые карбаса, называемые *клячевыми* или *запѣдными*, на которыхъ всегда бываютъ самые опытные промышленники, управляютъ ходомъ всей бурсы, подавая знаками слѣдующимъ за ними, какого направленія они должны держаться, прибавить или уменьшить паруса, чтобы полукругъ всегда былъ обращенъ отвертїемъ къ бѣлугамъ и сохранять свою форму. При этомъ, слѣдовательно, направленіе каждой отдѣльной лодки мѣняется, смотря по надобности, но относительное положеніе ихъ другъ къ другу и взаимныя разстоянія остаются, по возможности, неизмѣнными. На клячевыхъ карбасахъ въ это время гребутъ только обѣ женщины, третій же работникъ стоитъ на носу и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдитъ за бѣлугами. Когда этимъ маневромъ достигнуть того, что бѣлуги очутятся на хордѣ, соединяющей обѣ передовыя лодки, то эти послѣднія начинаютъ заѣзжать бѣлугамъ въ тылъ; за передовыми слѣдуютъ въ этомъ движеніи, конечно, всѣ остальные, лишь *корневые* плывутъ все прямо впередъ, такъ что дуга становится все круче и круче, и все болѣе и болѣе обхватываетъ стаю звѣрей. Въ это же время всѣ лодки, спустивъ паруса, начинаютъ разомъ, со всевозможною поспѣшностью, выметывать свои невода въ воду, что дѣлаютъ кормщикъ и его помощникъ, остальные же два работника продолжаютъ грести. *Корневые* лодки, прежде выметыванья, счаливаютъ свои невода и разѣзжаются въ противоположныя стороны; каждая изъ нихъ, выбрасывая неводъ, старается какъ можно скорѣе достигнуть того мѣста, откуда начала выметывать свой неводъ первая промежуточная лодка ея стороны, которая должна въ это время находиться уже тамъ, откуда начала выбрасывать вторая, и т. д. до *клячевой*; обѣ же *клячевыя* сѣзжаются вмѣстѣ. Если все правильно было сдѣлано, то всѣ лодки разомъ должны связать свои невода, образующіе такимъ образомъ замкнутый кругъ, внутри котораго находились бы бѣлуги. Счаливаютъ концы неводовъ между собою такъ, чтобы они заходили другъ на друга сажени на три или на четыре. Если этотъ запасъ великъ, то связываютъ только однѣ верхнія подборы, если же онъ малъ, то и нижнія. Какъ ни вѣренъ глазомѣръ промышленниковъ, все же очень трудно, чтобы разстояніе между лодками какъ разъ равнялось длинѣ неводовъ, и обыкновенно случается, что та или другая лодка вымететъ весь свой неводъ раньше, чѣмъ успѣетъ доѣхать до задняго конца слѣдующаго невода. Чтобы возможно было исправить такую ошибку, къ переднему концу каждаго невода привязана длинная веревка, за которую подтягиваютъ ее до тѣхъ поръ, пока не сойдется неводъ съ неводомъ. Но случается въ торопяхъ, что эту веревку спустятъ, — тогда все пропало, ибо бѣлуги, замѣтивши, что онѣ окружены, ищутъ себѣ всякаго выхода и уйдутъ въ оставленный проходъ. Такъ случилось это, къ нашему несчастью, у Сосновца, когда огромная стая была уже почти обметана, но вся ушла, благодаря подобной ошибкѣ одного изъ кормщиковъ.

Если кругъ совершенно замкнуть, то все же, имѣя, смотря по числу лодокъ, отъ двухъ до двухъ съ половиною верстъ въ окружности, онъ слишкомъ великъ, чтобы можно было легко овладѣть, плавающими внутри его, бѣлугами. Кромѣ того, ударивъ разомъ всею массою въ стѣну невода, онѣ могутъ ее прорвать, если только гдѣ нибудь перегнили составляющія его веревки. Но и безъ этого, при ударѣ въ стѣну, одна или нѣсколько бѣлугъ могутъ запутаться въ сѣть, свернуть ее, а остальные проскочать тогда подъ низъ. Во избѣжаніе этого, какъ только кругъ замкнуть, всѣ лодки въѣзжаютъ внутрь его, пропуская подъ киль верхнюю подбору, и одна лодка взявшись за веревку своего невода, тянетъ его, не расчаливая отъ прочихъ, по хордѣ круга, такъ чтобы конецъ невода, привязаннаго къ нему слѣва, пришелся у начала невода, привязаннаго къ нему справа, и за тѣмъ связываютъ ихъ между собою, при чемъ собственный ея неводъ становится лишнимъ и будетъ находиться внутри круга, окружность котораго сократится на длину цѣлаго невода. Тогда отвязываютъ одинъ конецъ освободившагося невода, такъ что онъ остается въ связи съ наружною стѣною только посредствомъ длинной веревки, сажень въ сто. Всѣ лодки гонятъ бѣлугъ къ нему, а его загибаютъ крючкомъ вокругъ стаи, и наконецъ совершенно свозятъ въ кругъ, который называется *внутреннимъ дворомъ*, большой же кругъ *наружнымъ*; а вся эта операція *сдвариваніемъ*. Если стая бѣлугъ очень велика, то такимъ же манеромъ высвобождаютъ изъ наружнаго круга два невода, чтобы внутренній дворъ былъ больше. Внутренній дворъ никогда не сдружиаютъ съ наружнымъ, т. е. всегда оставляютъ между ними довольно значительный промежутокъ, для того, что если бы бѣлугамъ удалось прорвать внутренній дворъ, или ускользнуть изъ него, онѣ тѣмъ же ударомъ не ушли и изъ наружнаго. Когда бѣлуги такимъ образомъ попали во внутренній дворъ, начинается бой ихъ. Въ каждой лодкѣ находятся для этого по нѣсколько кутиль и пѣшней. Кутило есть родъ остроги, оканчивающейся сзади желѣзною трубкою, въ которую слабо вставлено короткое древцо; къ самой же трубкѣ прикрѣплена веревка. Когда бросаютъ кутило въ бѣлугу, оно пронзаетъ ее, древцо выпадаетъ, но животное остается на веревкѣ, за которую то притягиваютъ его, то отпускаютъ (чтобы утомить его) и, улучшивъ мгновение, убиваютъ пешнею, стараясь попасть въ дыхало. Кутило употребляется собственно для того, чтобы не потерять убитаго животнаго, которое тонетъ, если оно только не чрезвычайно жирно. За тѣмъ убитыхъ привязываютъ: жирныхъ и плавающихъ на поверхности къ верхней, прочихъ же къ нижней подборѣ неводной стѣны.

Изъ самаго описанія этого лова видно, что онъ не часто долженъ увѣнчиваться успѣхомъ. Не одинъ десятокъ разъ придется бѣлужникамъ съѣздить совершенно даромъ, прежде нежели имъ представится случай обмочить неводъ въ водѣ; а сколько разъ, выметавъ неводъ, они должны бывають вытаскивать его назадъ въ лодки, ничего не добывъ. Иной разъ приѣзжаютъ они къ тому мѣсту, гдѣ видѣли съ горы бѣлужье стадо, уже тогда, когда послѣднее возвратилось въ море; иногда же стадо поворачиваетъ въ море въ то самое время, когда промышленники начинали выкидывать неводъ; нерѣдко, какъ мы уже видѣли, ускользаетъ оно изъ почти обметаннаго, а иногда и изъ совершенно замкнутаго круга. Чѣмъ ближе была удача, тѣмъ досаднѣе, конечно, воротиться съ пустыми руками. Бываетъ, разумѣется, и такъ, что успѣваютъ захватить лишь часть стаи, а остальная уходитъ.

Убивъ всѣхъ бѣлугъ, попавшихся во дворъ, ихъ вытягиваютъ на ближайшій берегъ, или на обсыхающее при отливѣ мѣсто, гдѣ во время покой воды свѣжуютъ, при чемъ кожу сдираютъ не цѣликомъ, какъ съ моржей и тюленей, а широкими полосками, которыя и увозятъ въ становище.

Здѣсь срѣзаютъ съ кожи сало, называемое въ сыромъ видѣ *шеляю*, изъ пуда которой получаютъ при вытопкѣ 33 фунта жира и 7 фунтовъ барды. Первый сортъ жира, вытекающій отъ одного дѣйствія солнечнаго жара, называется *сыроткою*; второй получается оттапливаніемъ остатковъ отъ перваго въ котлахъ, и снимается раньше, нежели масса закипитъ; третій же сортъ отдѣляется кипяченіемъ. Барда остается безо всякаго употребленія. Взрослыя бѣлуги—желтяки доставляютъ отъ 18 до 25 пудовъ шеляги, сѣряки же не болѣе восьми, такъ что кругомъ надо считать не болѣе 12 пудовъ, ибо число молодыхъ всегда бываетъ больше числа старыхъ. Бѣлужій жиръ считается, по своей текучести и топкости, лучшимъ изъ всѣхъ сортовъ жира морскихъ звѣрей, и продается всегда дороже нерпичьяго, лисунова и моржоваго, именно отъ 2 р. 50 к. до 3 р. с. пудъ. Большая часть его идетъ въ Архангельскъ, откуда продается за границу, немного идетъ его въ Финляндію и на Шунгскую ярмарку. Полоски кожи складываютъ въ кучи, чтобы она подверглась легко броженію, и отъ нея отпрѣла такъ называемая *аланера*, т. е. наружная кожица; за тѣмъ кожу дубятъ и тогда она годится на тонкія подошвы. Дубить бѣлужью кожу начали, впрочемъ, недавно—именно въ Соловецкомъ монастырѣ; до этихъ же поръ ее бросали безо всякаго употребленія. Добычу дѣлятъ сырьемъ, т. е. жиромъ и кожей, а каждый хозяинъ продаетъ потомъ самъ свою долю. Если бѣлужникамъ удастся изловить большое стадо бѣлугъ въ нѣсколько десятковъ штукъ, они обыкновенно этимъ довольствуются и возвращаются домой. При небольшомъ же уловѣ, они нагружаютъ только одинъ или два карбаса добытыми саломъ и кожей, и отправляютъ ихъ домой, чтобы тамъ сложить добычу и привезти съ собою новый запасъ провизіи для продолженія промысла.

Способъ лова обметными неводами, съ небольшими измѣненіями, употребляется и на Печорѣ. Именно здѣсь участвуетъ въ ловѣ не восемь и не шесть лодокъ, а только четыре. Когда бѣлуги, гоняясь за рыбою, зайдутъ въ рѣку, тогда двѣ лодки встрѣчаютъ ихъ спереди стѣною своихъ счаленныхъ неводовъ, двѣ же заходятъ имъ съ боковъ въ тылъ, и стараются связаться оконечностями своихъ неводовъ между собою и съ переднею стѣною, прежде нежели замѣтятъ это бѣлуги и бросятся назадъ или въ сторону. Здѣсь бьютъ ихъ обыкновенно не пешнями, а спицами, похожими на кинжалы, насаженные на длинныя древки. На Тиманскомъ берегу и въ Мезенскомъ заливѣ также ловятъ обметами.

Другой способъ лова — переметами — употребляется въ Кандалакскомъ заливѣ, мѣстныя условія котораго не позволяютъ употреблять обметныхъ неводовъ. Только одна эта часть Бѣлаго моря окружена довольно высокими горами, которыя возвышаются до 1,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Направленіе этихъ горъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, параллельное съ направлениемъ самаго залива; покатость высокихъ береговъ, нигдѣ не выказывающихъ профили или разрѣзовъ составляющихъ ихъ слоевъ; наклонность дна отъ вершины (гдѣ заливъ раздвояется на двѣ губы Канду и Колвицу) къ устью, обнаруживающаяся изъ увеличенія глубины отъ 10 и 20 сажень при вершинѣ до 170 при устьѣ, ясно показываютъ, что Кандалакская губа есть залитая моремъ продольная долина. Въ нее впадаетъ съ обѣихъ сторонъ множество длинныхъ и узкихъ, частью параллельныхъ между собою, частью многообразно развѣтвленныхъ поперечныхъ долинъ, съ крутыми обрывистыми берегами. Все это дѣлаетъ Кандалакскую губу весьма похожею на побережья Норвегіи въ миниатюрѣ, или лучше сказать на одинъ изъ ея большихъ фіордовъ. По этому, у самыхъ береговъ и около острововъ глубина здѣсь такъ значительна и такъ быстро увеличивается, что обметнымъ неводомъ бѣлугъ поймать

невозможно. Здѣсь ждутъ, чтобы стая этихъ животныхъ зашла въ одну изъ узкихъ боковыхъ губъ, которыя, простираясь иногда до 30 верстъ въ длину, имѣютъ не болѣе полуторы или даже одной версты въ ширину. Тогда спѣшатъ преградить бѣлугамъ выходъ изъ такой губы, перетягивая съ берега на берегъ сѣть, во всемъ похожую на обметный неводъ, только болѣе широкую. Сѣть эта не цѣльная, а состоитъ изъ кусковъ, которые отдѣльно привозятъ на лодкахъ къ той губѣ, куда вошли бѣлуги, и на мѣстѣ уже шиваютъ ячею съ ячеей, продѣвая въ нихъ веревки такой же толщины, какъ и тѣ, изъ которыхъ связана вся сѣть, и называемая *ямегами* или *шивинами*. Переметь перетягиваютъ съ берега на берегъ посредствомъ ворота. Запертыхъ въ губѣ бѣлугъ бьютъ также точно кутилами и пешнями или спицами, какъ мы видѣли выше. Переметы, конечно, еще дороже стоятъ, нежели обметныя невода, и ихъ имѣютъ только весьма немногіе изъ самыхъ богатыхъ жителей кандалакскихъ деревень; въ настоящее время едва ли не одинъ только каретскій купецъ Савинъ, считающійся самымъ богатымъ человѣкомъ въ Поморьѣ, не исключая самой Кеми. Переметы употребляются и на Печорѣ, чтобы преградить обратный путь бѣлугамъ, зашедшимъ въ какой нибудь узкій протокъ—по тамошнему *шаръ*—Печоры. Только эти переметы гораздо короче кандалакскихъ и выметываются въ воду какъ обыкновенныя ставныя сѣти, а не перетягиваются воротомъ съ берега на берегъ, и утверждаются на якоряхъ. Случается въ иномъ шару, что, при отливѣ, бѣлуги совершенно остаются на сушѣ, гдѣ ихъ и убиваютъ.

Обыкновенными ставными сѣтями, сажень въ 300 длиною, также иногда ловятъ бѣлугъ, выметывая ихъ не въ узкомъ проливѣ, а просто отъ берега въ открытое море. Это дѣлается въ Сороцкой губѣ, лишь во время темныхъ ночей, въ концѣ октября и въ началѣ ноября, когда еще не замерзли берега. Днемъ бѣлуги никогда не попадутъ въ сѣть, которой могутъ избѣжать; ночью же случается, что онѣ запутываются въ нее.

На Печорѣ добываютъ еще бѣлугъ безо всякихъ сѣтей, убивая ихъ по одиночкѣ спицами и кутилами. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Лодки становятся на якорѣ въ такомъ мѣстѣ, мимо котораго должны проходить бѣлуги, идя въ рѣки за рыбою, что бываетъ обыкновенно съ прибылою водою. Промышленники берутъ съ собою веревку—*обору*, къ обѣимъ концамъ которой привязано по кутилу, называемому здѣсь *носкомъ*. Вся длина обору простирается до 90 сажень. Улучивъ мгновение, бросаютъ въ бѣлугу однимъ изъ этихъ носковъ; обору прикрѣпляютъ за середину къ лодкѣ и спѣшатъ вытянуть якорь. Бѣлуга тащитъ за собою лодку, а между тѣмъ все подтягиваютъ по немногу обору, и подтянувъ, довольно близко, бросаютъ другой носокъ, чтобы рыба, сорвавшись неравно съ перваго, не ушла. Когда она умается, колютъ ее спицею.

Кромѣ всѣхъ этихъ способовъ лова, иногда случай приводитъ цѣлое стадо бѣлуги въ руки промышленниковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны содѣйствія. Случается въ началѣ зимы, что, когда бѣлуги зайдутъ въ узкую губу, ледъ сопрется у ея устья и преградитъ имъ выходъ. Онѣ стараются проплыть подо льдомъ въ открытое море, но такъ какъ не могутъ долго оставаться подъ водою, не выныривая для дыханія, то, если ледяной мостъ широкъ, онѣ должны вернуться къ полыньѣ, которая мало по малу стуживается льдомъ, постепенно затягивающимъ губу, начиная отъ береговъ. Бѣлуги, скучившись въ одно мѣсто, долго могутъ бороться со льдомъ, проламывая спинами начинающую образовываться ледяную кору, но, наконецъ, морозъ взялъ бы свое, и онѣ погибли бы, задохнувшись. Но это не можетъ остаться долго не замѣченнымъ, и сбѣжавшійся изъ ближайшихъ деревень народъ

наносить имъ другаго рода смерть, принимая кугилами и убивая пешнями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ жители деревни Кандалакши добыли такимъ образомъ нѣсколько десятковъ бѣлугъ, захваченныхъ льдомъ въ губѣ Колвицѣ. Это случилось и въ другихъ мѣстахъ Кандалакскаго залива.

Опредѣлить число бѣлугъ, убиваемыхъ у береговъ Архангельской губерніи, невозможно. Легче было бы узнать количество добываемаго ежегодно изъ нихъ сала, ибо почти все оно свозится въ Архангельскъ, для отпуска за границу; но, занимающіяся этимъ торгомъ, купеческія конторы не отмѣчаютъ это сало отдѣльно отъ прочихъ сортовъ ворвани, количество отпуска которой было представлено, за двадцать послѣднихъ лѣтъ, въ первомъ отчетѣ о промыслѣ морскихъ звѣрей.

2. ТЮЛЕНІЙ ПРОМЫСЕЛЪ НА ТЕРСКОМЪ БЕРЕГУ.

Въ первомъ отчетѣ были изложены тѣ обстоятельства изъ жизни этихъ животныхъ, на которыхъ основанъ бой этихъ послѣднихъ въ разныя времена года. Не повторяя въ подробности всего тамъ сказаннаго, я только припомню здѣсь, что лысуны, оцѣняясь къ началу февраля въ Двинскомъ заливѣ, подаются мало по малу на сѣверъ, уносясь вмѣстѣ со льдинами, на которыхъ лежатъ молодые дѣтеныши, не могущіе еще входить въ воду. Эти льдины, слѣдуя господствующимъ теченіямъ, приливамъ и отливамъ въ узкой части моря, называемой Горломъ, то приближаются къ Зимнему берегу, то удаляются отъ него, и только при продолжительныхъ относныхъ (восточныхъ) вѣтрахъ приносятся и къ Терскому берегу. Къ началу марта передовыя партіи звѣрей достигаютъ заворота въ Мезенскій заливъ у урочища *Кеды*. Здѣсь течение относитъ лысуновъ по направленію къ острову Моржовцу и къ Терскому берегу, откуда они возвращаются къ восточнымъ берегамъ Бѣлаго моря, миновавъ Мезенскій заливъ, уже къ Канинскому побережью. Къ этому же времени дѣтеныши, сдѣлавшись уже сѣрками, могутъ входить въ воду, а потому звѣри уже не такъ плотно придерживаются льдинъ. Молодые сѣрки уплываютъ въ океанъ, а большая часть старыхъ возвращается въ Мезенскій заливъ на залежки. Изъ этого видно, что главный бой необходимо долженъ происходить у восточныхъ береговъ моря, котораго преимущественно придерживаются лысуны въ своихъ странствованіяхъ. Но есть часть Терскаго берега, именно лежащая противъ Мезенскаго залива (примѣрно отъ острова Сосновца до мыса Орлова), на которую временно переходятъ выгоды Зимняго и Канинскаго береговъ, и она-то составляетъ поприще терскаго боя. Центромъ его служитъ становище *Девятое*, лежащее въ 16 верстахъ къ югу отъ устья рѣки Поноя, въ 42 къ сѣверу отъ острова Сосновца, въ томъ же разстояніи къ югу отъ мыса Орлова, и съ небольшимъ въ 50 верстахъ, какъ отъ острова Моржовца, такъ и отъ урочища Кеды, мѣсто котораго въ этомъ промыслѣ оно занимаетъ на Терскомъ берегу. Время этого лова также почти совпадаетъ съ кедовскимъ, продолжаясь обыкновенно отъ 1 по 25 марта. Кромѣ относа кожи къ Терскому берегу, есть еще и другое обстоятельство, благоприятное для тамошняго промысла лысуновъ, на которомъ основанъ другой видъ его, именно промыселъ тетринскій. Дѣтеныши лысуновъ, достигнувъ возраста сѣрокъ, въ которомъ могутъ входить въ воду, побуждаются, какъ мы видѣли, какимъ-то инстинктомъ оставлять Бѣлое море и уплывать въ океанъ. На чемъ основанъ этотъ инстинктъ, что принуждаетъ ихъ къ этой миграціи, вполне объяснить не умѣю. Какъ кажется, не имѣя болѣе нужды въ льдинахъ, они ищутъ только простора, и, встрѣчая въ Бѣломъ морѣ со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣвера, берега, идутъ въ томъ направленіи, куда путь имъ совершенно открытъ, слѣдуя направленію береговъ и не мѣняя, безъ особенныхъ

побудительныхъ причинъ, своего курса. Подтверженіемъ этому могутъ служить, запоздавшіе въ южной части моря, дѣтеныши. Между тѣмъ какъ тѣ изъ нихъ, которые вмѣстѣ со льдами уносятся вдоль Зимняго берега, достигаютъ возраста сѣрокъ не ранѣе какъ у Канинскаго берега, другіе, не попавшіе въ это теченіе, вырастаютъ на льдахъ въ самомъ центральномъ бассейнѣ Бѣлаго моря. Когда они станутъ входить въ воду и начнутъ свое странствованіе на сѣверъ, на пути встрѣчается имъ широкій входъ въ Кандалакскій заливъ, обращенный на сѣверо-западъ и значительная часть сѣрокъ, вмѣсто того, чтобы попадать въ Горло, — заходитъ туда. Не находя выхода, они возвращаются назадъ, что бываетъ около конца марта или начала апрѣля, когда бой на Терскомъ берегу уже кончится. Многіе промышленники успѣваютъ воротиться къ этому времени въ деревню Тетрину, лежащую какъ разъ при поворотѣ изъ Кандалакской губы въ собственное Бѣлое море и бьютъ тогда, сбившихся съ настоящей дороги, сѣрокъ.

Къ началу марта, какъ я уже сказалъ, собираются промышленники, со всѣхъ деревень Терскаго берега, отъ Тотрина до Поноя, въ становище Девятое. Ихъ сходится сюда человекъ до пятисотъ, всѣ пріѣзжаютъ на оленяхъ и здѣсь группируются на артели, состоящія изъ четырехъ человекъ, въ числѣ которыхъ одинъ хозяинъ. Трое изъ нихъ отправляются на ледъ добывать звѣрей, а четвертый слѣдитъ за своими товарищами съ берега на санкахъ, запряженныхъ оленями, чтобы поспѣвать туда, гдѣ они, возвращаясь съ промысла, выйдутъ на берегъ, и отвезти утомленныхъ дневною работою въ деревню Поной, или въ промысловыя избушки, составляющія ихъ временныя жилища. На льду промышленники никогда не ночуютъ, а всякій вечеръ возвращаются на берегъ. Идти имъ всякій разъ пѣшкомъ было бы не только утомительно, но и отнимало бы много времени, ибо они удаляются отъ своихъ жилищъ верстъ за сорокъ на прямикъ — до Орлова мыса, за которымъ промысла уже не производится, потому что отъ этого пункта звѣри не держатся уже берега. Вообще въ глазахъ приморскихъ жителей, считающихъ Три Острова послѣднимъ бѣломорскимъ становищемъ, отъ Орлова мыса идетъ уже океанъ, что въ физическомъ отношеніи и справедливо. Расширяющееся разлитое воронкою Бѣлое море, теряетъ, начиная отсюда, характеръ внутренняго бассейна. Если идти серединою этой части моря, то не видать уже береговъ, да и широкая и раскатистая волна совершенно океанская; приливъ не воздымается до такой высоты, какъ въ Горлѣ, достигая не болѣе 12 футовъ, тогда какъ еще у Трехъ Острововъ онъ бываетъ около трехъ сажень. Здѣсь попадаетъ уже треска, сюда заплываютъ киты и вся фауна принимаетъ океаническій характеръ. Между тѣмъ Святой носъ, составляющій съ западной стороны топографическій предѣлъ Бѣлаго моря, не представляетъ въ физическомъ отношеніи никакой рѣзкой грани.

Промыселъ производится двоякимъ способомъ, смотря по тому, дуетъ ли прижимный, или относный вѣтеръ. Въ первомъ случаѣ идутъ на ледъ, который простирается тогда далеко въ море, съ одними баграми, и бьютъ ими звѣря, отыскиваемого на льду. Освѣживъ звѣрей на самомъ мѣстѣ боя, тянутъ содранные кожи на берегъ, гдѣ пока и оставляютъ, положивъ только на нихъ свое клеймо, состоящее изъ вырѣзаннаго въ салѣ имени, или какогонибудь условнаго знака. Если вѣтеръ относный, то ледъ образуетъ только не широкій припай у береговъ, и нужно бить мимо проплывающихъ звѣрей на водѣ. Сверхъ этого, при относномъ вѣтрѣ легко можетъ оторвать припай отъ берега. По этому при такомъ вѣтрѣ каждая артель, отправляясь на ледъ, тащитъ за собою лодку. Подъ эти лодки также точно поддѣланы полозья — *крени*, какъ и у зимнебережныхъ, только онѣ несравненно

легче ихъ и вѣсять не болѣе полутора, много что двухъ пудовъ. Одинъ человекъ на лыжахъ и съ багромъ, которымъ упирается въ ледъ, свободно ее тянетъ; два остальныхъ, также на лыжахъ и съ баграми, идутъ порожнемъ, отъ времени до времени перемѣняясь. У одного изъ нихъ, а то такъ и у двухъ, винтовки. Запасу, провизіи, ни другаго чего въ лодку не кладутъ, а каждый только опоясанъ узкимъ длиннымъ мѣшкомъ съ сухарями. Придя на край льда, тѣ, которые съ винтовками, стрѣляютъ въ мимо проплывающихъ звѣрей; одинъ же стоитъ за лодкой, всегда готовый спихнуть ее въ воду въ то мгновеніе, какъ только убьютъ или ранятъ звѣря, чтобы сейчасъ же принять его на кутило, всегда находящееся въ лодкѣ. Если звѣрь худъ и убитъ на повалъ, то онъ какъ ключъ идетъ ко дну, и, не смотря на всю быстроту, съ которою подплываютъ къ нему, обыкновенно не успѣваютъ принять его на кутило, и онъ пропадаетъ попусту. Жирный, хотя бы и не наповалъ убитый, а только обшавленный звѣрь даже и худой, долго держится на поверхности, и ихъ всегда успѣваютъ перехватить. По этому, ранить звѣря не смертельно — *обшавить* — здѣсь столь же выгодно, сколько это вредно на зимнебережномъ и устьинскомъ промыслахъ. Освѣживъ набитыхъ звѣрей, кожи связываютъ въ юрки и тянутъ по льду, не складывая въ лодку. Если тѣмъ временемъ оторвался припай отъ берега, то переплываютъ промежутокъ между льдомъ и берегомъ на лодкѣ, къ которой привязываютъ юрки, волоча ихъ за собою. Эти лодки такъ малы и углы, что надо большую привычку, чтобы рѣшиться переплыть въ нихъ полосу моря иногда въ нѣсколько верстъ шириною, и даже смѣлые бѣломорскіе моряки, изъ другихъ частей побережья, не освоившіеся съ ними, на это не рѣшаются.

Промышленники, составляющіе артели, идутъ и здѣсь къ хозяевамъ большею частью изъ покрута. Но такъ какъ при этомъ промыслѣ издержки хозяина на лодку, провизію и т. д. не столь значительны, какъ на Зимнемъ берегу и въ Мезенскомъ заливѣ, то приходящаяся на долю покрутчиковъ часть больше, измѣняясь, смотря по достоинству работника, отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ и даже до $\frac{1}{2}$ пая. Зимой 1860 года, когда зимнебережный ловъ былъ столь неудаченъ, на Терскомъ берегу онъ былъ превосходный, какъ и должно было ожидать, потому что вѣтра, относные для Зимняго берега, суть прижимные для Терскаго; всѣ льдины съ лысунами прижимало къ этому послѣднему. Выгодность промысла увеличивалась еще тѣмъ, что при небольшомъ количествѣ сала, добытаго вообще на Бѣломъ морѣ, — потому что терскіе промыслы, самые изобильные, не могутъ вознаграждать неудачи зимнебережныхъ, — цѣна на него стояла высокая. Такимъ образомъ получили на пай отъ 60 до 70 р. с., при средней цѣнѣ въ 6 р. с. за большаго звѣря, вѣсомъ отъ трехъ до пяти пудовъ; три маленькихъ идутъ за одного большаго. Еще больше выгоды получили промышленники, которые, окончивъ терскій бой, поспѣли въ Тетрино къ промыслу сѣрокъ, возвращавшихся изъ Кандалакского залива. Имъ пришлось кругомъ по 100 р. с. на пай. По словамъ опытныхъ промышленниковъ, добыли прошедшей зимой на терскомъ и тетринскомъ промыслахъ до 15,000 пудовъ сала. Обыкновенно терскій промыселъ гораздо менѣе значителенъ, чѣмъ зимнебережный и уственскій; но за то и число участвующихъ въ немъ меньше, а также опасности и трудности, съ нимъ сопряженныя, далеко не такъ велики. Здѣсь не помнятъ, чтобы кто нибудь погибъ, или даже только бѣдствовалъ на промыслѣ, а это почти ежегодно случается у восточныхъ береговъ Бѣлаго моря.

Кромѣ боя лысуновъ, на Терскомъ берегу, точно также какъ и на Зимнемъ, осенью занимаются стрѣльбою нерпъ съ лодокъ. Но и тутъ промыселъ этотъ не важенъ.

3. СЕМОЖИЙ ЛОВЪ НА ТЕРСКОМЪ БЕРЕГУ.

Въ первомъ отчетѣ описанъ съ большею или меньшею подробностью семожий ловъ по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Бѣлое море, начиная отъ Мезенскаго залива до рѣки Варзухи, въ которой производится самый обширный ловъ этой рыбы на нашемъ сѣверѣ, ибо онъ обыкновенно превосходитъ даже печорскій. Изъ терскаго лова также былъ уже тамъ описанъ — понойскій, со словъ знакомыхъ съ нимъ промышленниковъ. Теперь, послѣ посѣщенія этой мѣстности, я могу представить болѣе подробное описаніе его организаціи и при томъ въ связи съ ловомъ въ другихъ мѣстностяхъ Терскаго берега.

Деревни Тетрино, Стрѣльня, Чапома, изъ лежащихъ уже по Терскому берегу, причисляются относительно семожьяго лова еще къ Варзухскому обществу; къ нему же принадлежитъ еще половина, слѣдующей за Чапемой, деревни Пялицы, другая половина которой сама распоряжается ловомъ въ своихъ дачахъ. Въ рѣкѣ Пялицѣ, на которой стоитъ деревня, забивается заборъ. Часть его, принадлежащая къ Варзухскому обществу, устроивается и продается по заведенному тамъ порядку, описанному въ первомъ отчетѣ, другая же часть строится на иждивеніе жителей остальной половины деревни, которые пользуются рыбою изъ него подушно, точно такъ, какъ въ Поноѣ. Между Пялицею и Поноемъ и далѣе за Поноемъ нѣтъ уже ни одной русской деревни, и въ отношеніи къ семожьему лову Поной составляетъ одно общество съ ближайшими лопарскими погостами: Понойскимъ, Сосновецкимъ, Лумбовскимъ и Юканскимъ; всего въ обществѣ русскихъ и лопарей 317 душъ. Каждый изъ этихъ погостовъ имѣетъ ему принадлежащія морскія тони; въ Понойскомъ же погостѣ даже тони, принадлежащія русскимъ его жителямъ, не смѣшиваются съ лопарскими. Число тоней каждаго погоста, какъ зависящее отъ условій мѣстности, не можетъ быть уравнено, но къ каждой тони того же погоста приписывается одинаковое число душъ. Такъ, въ Понойскомъ принадлежитъ русскимъ, которыхъ 21 душа, 7 тоней, такъ что къ каждой приписывается по три души. Распределение тоней дѣлается по жребію, а потомъ до новой ревизіи ими мѣняются по очереди. Одна изъ морскихъ тоней въ Понойскихъ дачахъ — *Орловская*, у мыса того же имени, на которомъ стоитъ маякъ, по особливой своей выгоды, не причислена ни къ одному изъ погостовъ, а принадлежитъ всему обществу — даже и юканцамъ, связь котораго этимъ, впрочемъ, и ограничивается. Орловская тона продается съ аукціона и выручаемыя за нее деньги идутъ на мірскіе расходы, какъ напримѣръ: на наемъ отводной квартиры и т. п.

Морской ловъ начинается не ранѣе половины іюня, конечно не одинаково въ разные годы. Сначала идутъ закройка и межень, и ловъ ихъ продолжается до Ильина дня. Къ этому времени морской ловъ прекращается ради сѣнокоса, въ которомъ всѣмъ необходимо участвовать, но съ 1 августа онъ возобновляется и длится до конца мѣсяца. Въ августѣ ловится осенняя семга. Морскимъ ловомъ, слѣдовательно, занимаются всѣ погосты Понойскаго общества, каждый про себя и, за исключеніемъ Орловской тони, въ этомъ отношеніи, они не имѣютъ между собою никакой связи. Но рѣчной ловъ (кромѣ юканцевъ, слишкомъ отдаленныхъ и при томъ имѣющихъ у себя дома хорошія рѣки) у всѣхъ у нихъ общій въ рѣкѣ Поноѣ, единственномъ значительномъ притоцѣ Бѣлаго моря на Терскомъ берегу. Въ Юканскомъ погостѣ считается 111 душъ, такъ что въ поной-

скомъ рѣчномъ ловѣ принимаютъ участіе не всѣ 317 душъ, составляющихъ Понойское общество, а только 206.

Какъ только спадетъ вода, начинаютъ устроить на рѣкѣ Поной, выше селенія, заборъ, который обыкновенно оканчивается къ Ильину дню, въ чемъ, однако, не успѣли лѣтомъ 1860 года. Мы посѣтили эту деревню какъ разъ 20 іюля; но заборъ далеко еще не былъ готовъ, ибо высокія воды препятствовали успѣшной постройкѣ его. Заборъ строится жителями деревни Поной, какъ живущими на мѣстѣ; прочіе же погосты непосредственно не участвуютъ въ его постройкѣ, а уплачиваютъ за нее деньгами, по слѣдующему расчету. Всѣ, участвующіе въ заборномъ ловѣ, ловятъ также поѣздами и гарвами передъ заборомъ. Для лова поѣздами необходимо быть двумъ лодкамъ, чтобы тянуть эту сѣть за оба конца ея греблю и въ каждой лодкѣ двумъ человѣкамъ, изъ которыхъ одинъ гребетъ, а другой правитъ и держитъ тетиву поѣзда. По этому, каждые четыре человѣка составляютъ артель, имѣющую право на одинъ пай изъ заборнаго улова, и платятъ 12 р. с. или 6 съ лодки за постройку забора; эти деньги идутъ тѣмъ, которые взяли на себя постройку его, какъ въ вознагражденіе ихъ работы, такъ и на покупку и доставку нужнаго для этого лѣса. Заборъ этотъ о трехъ тайникахъ. Первые уловы въ немъ идутъ на общественные расходы, какъ напримѣръ: на наемъ гребцовъ для подвода подъ проѣзжающихъ по казенной надобности и т. д., а также на покрытіе всѣхъ издержекъ по устройству забора, каковы веревки, канаты, гвозди и прочее, кромѣ лѣса, который, какъ мы видѣли, приобрѣтается изъ другихъ источниковъ. За тѣмъ крупная рыба продается, наѣзжающимъ къ этому времени въ Поной, скупщикамъ и вырученныя деньги дѣлятся поровну на каждый пай, которыхъ всего около пятидесяти. Мелкая же рыба дѣлится подушно натурою.

Къ Ивану Постному (29 августа), когда морской ловъ семги оканчивается, собираются изъ погостовъ всѣ, желающіе участвовать въ ловѣ гарвами и поѣздами, въ Поной. Самый ловъ этотъ начинается не съ этого праздника, какъ сказано въ первомъ отчетѣ, а въ одно изъ первыхъ чиселъ сентября. Къ Иванову же дню только собираются всѣ въ Поной и назначаютъ, по общему соглашенію, день начала лова. Къ описанію его начала и производства я не имѣю теперь ничего прибавить. Хорошій ловъ продолжается не болѣе двухъ недѣль, самый же лучший бываетъ въ первый день. Такъ какъ заборъ бываетъ большею частью готовъ уже къ Ильину дню, или непременно къ 1 августа, то вся семга, зашедшая въ течение полутора мѣсяца въ рѣку и не попавшая въ тайники, толпится пониже забора, стараясь отыскать себѣ проходъ вверхъ, и, слѣдовательно, почти вся попадаетъ въ поѣзды и въ гарвы въ первый же день лова. Въ прочіе дни попадаютъ только или остатки ея, случайно ускользнувшія отъ поимки, или вновь зашедшая съ моря. Такимъ образомъ, наваливаютъ въ первый день отъ 500 до 700 пудовъ семги; во все же время какъ рѣчнаго, такъ и морскаго лова, не болѣе 3,000 пудовъ. Въ хорошіе годы какъ рѣчной, такъ и морской лова семги доставляютъ на пай отъ 60 до 70 р. с. Пойманную рыбу промышленники сами никогда не солятъ, а продаютъ свѣжею съѣзжающимся въ Поной скупщикамъ. Но такъ какъ, по отдаленности мѣста, скупщиковъ въ иной разъ бываетъ очень мало, то цѣны зависятъ не только отъ степени улововъ, но и отъ числа скупщиковъ. Бывали годы, что пріѣзжалъ только одинъ купецъ, и тогда, конечно, онъ покупалъ семгу по чемъ хотѣлъ. Въ послѣднее время этого уже не случалось, и цѣны стояли здѣсь на одной высотѣ съ другими мѣстами бѣломорскаго побережья. Въ 1859 году онѣ были отъ 1½ р. до 2 р. с. за закройку и межень, и до 6 р. с. за осень.

Жители Поноя, опираясь на то, что, по сѣверному положенію ихъ деревни, рыболовство составляетъ ихъ единственное пропитаніе, жалуются, что лопари Сосновецкаго и Лумбовскаго погостовъ участвуютъ въ ихъ рѣчномъ ловѣ, тогда какъ у нихъ есть свои рѣки, въ которыя они, понояне, не приходятъ ловить. Они желали бы, чтобы эти лопари были къ нимъ въ такомъ же отношеніи, какъ іоканцы. Но рѣка Іокана дѣйствительно довольно значительна, имѣя около версты ширины при устьѣ, тогда какъ Лумбовка и Сосновка не стоящія упоминовенія ручейки. Ходъ семги въ нихъ столь незначителенъ, что онъ не составляетъ предмета отдѣльнаго рѣчнаго промысла, раздѣляемаго по участкамъ, подобно морскому. Ручьи эти составляютъ не болѣе, какъ одну изъ тоней, идущую въ раздѣлъ по жеребью, наравнѣ съ прочими мѣрскими тонями. Въ отношеніи же морскаго лова, понояне, конечно, гораздо лучше надѣлены, чѣмъ лумбовцы и сосновцы, потому что семга, стремящаяся въ рѣку Поной, должна, конечно, ловиться и вдоль морскихъ береговъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ ея устья, въ гораздо большемъ количествѣ, нежели тамъ, гдѣ не впадаетъ въ море никакой рѣки, или гдѣ впадаютъ столь ничтожные ручьи, какъ Лумбовка и Сосновка. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что лумбовцы и сосновцы охотно пустили бы свои рѣки въ раздѣлъ, по общему жеребьевому порядку, между членами всего общества, если бы тому же раздѣлу подверглись и понойскія морскія тони; но такого предложенія, конечно, не приняли бы понояне.

4. РЫБНЫЕ И ЗВѢРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

У береговъ группы Соловецкихъ острововъ: Соловецкаго, Анзерскаго, Большой и Малой Муксалмы и Заячьяго, производится ловъ сельдей, семги и промыслы нерпъ и лисуновъ. Продукты рыболовства частью непосредственно идутъ въ пищу братіи и нѣсколькихъ тысячъ поклонниковъ, ежегодно посѣщающихъ монастырь, частью продаются вмѣстѣ съ саломъ и кожами морскихъ звѣрей, и составляютъ одну изъ отраслей его доходовъ. Сверхъ этого, монастырь производитъ бѣлужій ловъ въ Онежскомъ заливѣ. Сельди и семга ловятся или самими монахами, или проживающими въ монастырѣ, изъ усердія, лицами, которыя бесплатно занимаются разными работами въ пользу монастыря, получая отъ него только одежду и содержаніе. Ловъ и бой морскихъ звѣрей производится промышленниками изъ сосѣднихъ деревень, такъ что монастырь доставляетъ имъ только провизію и снасть и пользуется за это половиною добычи. Ловъ бѣлуги ничѣмъ не отличается отъ описаннаго нами выше. Тюленей же или стрѣляютъ осенью съ берега и лодокъ, или выставляютъ для лова ихъ по ночамъ прометы или крюки, какъ это дѣлается въ Сороцкой губѣ и на новоземельскихъ промыслахъ. Это — особливимъ образомъ расположенныя ставныя сѣти. Одна сѣть выставляется перпендикулярно къ направленію берега; къ отвращенному отъ берега концу ея приставляется съ каждой стороны по сѣти, загибающейся въ бокъ и назадъ и потомъ круто поворачивающейся подъ угломъ къ первой, стоящей перпендикулярно къ берегу, сѣти, такъ что между ними остается промежутокъ не болѣе аршина для прохода одного звѣря въ крюкъ. Ячей этихъ прометовъ очень велики. Сквозь нихъ должна проходить человѣческая голова съ приставленною къ ней ребромъ ладонью. Нерпа, войдя въ крюкъ, заячивается и запутывается, но иная бойкая и тутъ еще успѣваетъ высвободиться, пихаясь лапами назадъ.

Слѣдующая таблица показываетъ количество рыбы и морскихъ звѣрей, ежегодно добываемыхъ на монастырскихъ промыслахъ:

Принято съ монастырскихъ тоней:

Годы:	Сельдей.		Семги.		Нерпъ и лысуновъ.	Бѣлуги.	Добыто сала изъ морскихъ звѣрей.	
	пуд.	фун.	пуд.	фун.	штукъ.	штукъ.	пуд.	фун.
1850	500	—	40	—	380	20	275	—
1851	800	—	50	—	185	15	539	11
1852	600	—	25	—	550	50	1,015	38
1853	700	—	53	—	790	10	1,070	15
1854	1,500	—	60	—	897	3	931	10
1855	1,200	—	40	—	493	7	862	32
1856	1,000	—	29	—	250	50	576	1
1857	700	—	35	—	551	80	914	30
1858	1,000	—	28	—	507	93	1,100	—
1859	500	—	50	—	529	192	1,478	—

Цѣны, по которымъ продавались эти продукты, измѣнялись: для сельдей отъ 50 к. с., въ 1857 году, до 1 р. 50 к. с. пудъ, въ 1859 году, а для сала отъ 2 р. 11 к. с., въ 1854 году, до 3 р. 20 к. с. пудъ, въ 1856 году. Въ сельдяныхъ уловахъ здѣсь, очевидно, не показано то количество, которое непосредственно употреблено въ пищу, въ свѣжемъ видѣ. Сельди соловецкаго соленья славятся и, дѣйствительно, заслуживаютъ эту славу своею нѣжностью и прекраснымъ вкусомъ, но, кажется, онѣ не могутъ долго держаться. При солениі внутренность у нихъ, однакоже, не вынимается, и вся тайна ихъ приготовления заключается въ томъ, что онѣ солятся совершенно свѣжими, сейчасъ послѣ поимки, тщательно обмываются, не наваливаются въ бочки какъ ни попало, а укладываются рядами, хотя и не по голландскому способу ребромъ, вверхъ брюхомъ, а плашмя, — пересыпаются всегда достаточнымъ количествомъ соли и хранятся въ холодныхъ подвалахъ. Для улучшения вкуса, прибавляютъ въ лучшей сортъ сельдей нѣсколько пряностей: перцу и лавроваго листа, что придаетъ имъ вкусъ нѣсколько похожій на ревелскія кильки. За опрятностью и тщательностью посола наблюдаютъ, особо приставленные къ тому, монахи. Отъ 500 до 700 пудовъ употребляется въ самомъ монастырѣ, остальное же поступаетъ въ продажу.

Семги ловится такъ мало, что вся она идетъ только въ пищу братіи. Незначительность улововъ семги объясняется тѣмъ, что ни на одномъ изъ острововъ, составляющихъ Соловецкую группу, нѣтъ ни рѣки, ни даже ручейка текучей воды, и вся прѣсная вода собирается на нихъ въ небольшія озера, число которыхъ на всѣхъ островахъ доходитъ до 300. Въ нихъ довольно разной озерной рыбы: сороги, язей, щуки, сиговъ и другихъ, идущихъ, впрочемъ, лишь на непосредственное употребленіе монастыря. Эти озера представляютъ замѣчательный образецъ предусмотрительности, имѣющей цѣлью сохраненія въ нихъ рыбнаго запаса, и составляютъ древнѣйшій памятникъ рациональнаго рыбнаго хозяйства въ Россіи. Святой Филиппъ, бывшій настоятелемъ Соловецкаго монастыря во времена Іоанна Грознаго и вызванный впослѣдствіи отсюда на Московскую митрополию, между прочею своею полезною дѣятельностью къ устройству монастыря, приказалъ соединить каналами 70 изъ главнѣйшихъ озеръ, лежащихъ на собственно Соловецкомъ островѣ, дабы предупредить оскудѣніе въ нихъ рыбы. Вода изъ всѣхъ этихъ озеръ сходится къ такъ называемому Святому озеру, между которымъ

и гаванью лежитъ монастырь, какъ бы на перешейкѣ, и это дало возможность въ настоящее время провести изъ озера каналъ, питающій монастырскіе доки. Такимъ образомъ, изъ множества отдѣльныхъ мелкихъ озеръ, составилось одно большое чрезвычайно развѣтвленное озеро; но можно сказать, чѣмъ больше и чѣмъ развѣтвленнѣе какой либо водоемъ, тѣмъ труднѣе его обезрыбить. Въ самомъ дѣлѣ, при отдѣльности озеръ, ближайшія къ монастырю скоро бы выловились, и таже участь мало по малу постигла бы и самыя отдаленныя. Пока до нихъ не дошла бы еще очередь, рыба размножалась бы, ничѣмъ не тревожимая, но это размноженіе скоро достигло бы своего предѣла, вслѣдствіе ограниченности количества питательныхъ матеріаловъ въ небольшихъ озерахъ. Теперь же нельзя выловить совершенно и ближнихъ озеръ, потому что рыба изъ нихъ всегда можетъ ускользнуть по каналамъ въ дальнѣйшія, а приплодъ рыбы, спокойно размножающейся въ этихъ послѣднихъ, распределяется болѣе или менѣе равномерно по всѣмъ озерамъ, находитъ себѣ черезъ это на большемъ пространствѣ болѣе обильную пищу, и всегда снова заселяетъ и ближнія, болѣе подверженныя вылову, озера. Этимъ соединеніемъ озеръ между собою достигнуто, слѣдовательно, разомъ два полезныхъ результата: предупреждено оскудѣніе прѣсноводной на острову рыбы вообще, и дана возможность производить ловъ всегда въ нѣкоторыхъ только, ближайшихъ къ монастырю и удобныхъ для этой цѣли, озерахъ.

III. НОВОЗЕМЕЛЬСКІЕ ПРОМЫСЛЫ.

Академикъ Бэръ, лично посѣтившій Новую Землю, замѣтилъ, въ представленной имъ инструкціи для нашей экспедиціи, что тамошній промыселъ имѣетъ періодическій характеръ и самъ себя регулируетъ. При изобиліи морскихъ звѣрей у береговъ этого острова, стекаются туда промышленники съ Бѣлаго моря и съ Печоры въ большемъ числѣ, и бывало, въ началѣ и въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, что съ одного Поморья ходило туда до 80 судовъ. Но этимъ усиленнымъ промысломъ звѣри мало по малу вылавливаются, или они удаляются въ глубь полярныхъ морей. Съ уменьшеніемъ выгоды, доставляемыхъ новоземельскими промыслами, очень опасными и затруднительными, уменьшается и число ходящихъ туда судовъ, такъ что моржамъ и тюленямъ дается отдыхъ, во время котораго они снова могутъ размножиться. Настоящіе годы падаютъ именно въ періодъ величайшаго оскудѣнія этихъ промысловъ, такъ что съ Поморья отправлялось туда въ 1859 и 1860 годахъ не болѣе пяти или шести судовъ.

Наши промышленники посѣщаютъ большею частью только южный островъ Новой Земли. Лишь имѣющіе крѣпкія, хорошія суда пускаются и на сѣверъ отъ Маточкина Шара, гдѣ, конечно, больше льдовъ, и плаванье опаснѣе; но такихъ не много. Замѣчательно, что, въ самое опасное изъ промысловыхъ предпріятій поморовъ и другихъ прибрежныхъ жителей Бѣлаго моря, всего болѣе снаряжается старыхъ и плохихъ судовъ. Многіе, не имѣющіе капитала, чтобы торговать съ Норвегіей или завести свой ловъ на Мурманскомъ берегу, отъ котораго не рѣдко бываютъ убытки, рѣшаются идти на Новую Землю, гдѣ промыселъ болѣе вѣренъ. Они покупаютъ за дешевую цѣну, рублей за 60 серебромъ съ парусами и снастью, старую комчару или раньшину, считаемую ея прежнимъ хозяиномъ уже негодною для плаванья, и нѣсколько лѣтъ еще ходятъ на ней на Новую Землю. Малѣйшее столкновеніе съ льдиною прорѣзываетъ ее или дѣлаетъ въ ней проломъ. Тогда вытаскиваютъ судно на льдину, набиваютъ планку на прошибленное мѣсто и плывутъ себѣ дальше. Надо

однакоже сказать, что собственно такъ называемые поморы, т. е. жители западнаго берега Онежскаго залива, отъ города Онеги до входа въ Кандалакскій заливъ, — какъ болѣе зажиточные, рѣдко пускаются въ свои плаванія на столь дурныхъ судахъ. Этимъ отличаются преимущественно жители села Гридина, лежащаго уже въ Кандалакскомъ заливѣ, про которыхъ говорятъ, что они смерть къ себѣ зовутъ, да смерть къ нимъ не приходитъ.

Работники, составляющіе экипажи, отправляющіеся на Новую Землю и промышляющіе тамъ въ теченіи лѣта, нанимаются изъ покрута совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и на мурманскомъ промыслѣ.

Предметъ новоземельскихъ промысловъ составляютъ изъ морскихъ звѣрей: моржи, нерпа и лисуны, а изъ рыбъ—гольцы (*Salmo alpinus*, L.). Промышленники отправляются въ путь изъ своихъ деревень такъ, чтобы попасть на Новую Землю около Петрова дня. Въ безледные годы случается приходиться и раньше, даже въ началѣ іюня, къ поздней Троицѣ, какъ говорятъ поморы. Во время плаванія часто окружаютъ ихъ пловучіе льды, и часто бываетъ, что по нѣсколькимъ недѣлямъ не могутъ изъ нихъ выбраться. Прийдя въ одно изъ новоземельскихъ становищъ, хозяинъ посылаетъ свои карбасы промышлять моржей, а самъ, обыкновенно съ мальчикомъ, остается на суднѣ и разставляетъ прометы, въ видѣ крюковъ, для лова разныхъ породъ тюленей, — преимущественно нерпъ. Каждое судно беретъ съ собою отъ 5 до 7 прометовъ, и, во время производства лова ими, все дѣло хозяина состоитъ лишь въ томъ, чтобы какъ можно чаще осматривать выставленные крюки и убивать попавшихъ туда животныхъ. Судно не остается однакоже все на одномъ мѣстѣ, а переходитъ изъ становища въ становище; только въ этотъ періодъ не ходитъ никто съ судномъ на сѣверный островъ, у береговъ котораго нерпа уже не живетъ. Лысуны и зайцы хотя тамъ и есть, но они вообще рѣдко попадаютъ въ прометы, не смотря на здѣшній непрерывный день, тогда какъ въ Бѣломъ морѣ выставляютъ прометы начинаютъ не ранѣе 15 августа, когда ночи становятся уже темными. Поимка нерпы въ сѣть, когда еще свѣтло, явленіе столь рѣдкое теперь въ Бѣломъ морѣ, что, по народному предразсудку, считается худымъ предзнаменованіемъ, именно говорятъ, что это къ головѣ, т. е. къ смерти того промышленника, въ чью сѣть она попала. Между тѣмъ въ прежнія времена, по сохранившемуся преданію, она ловилась днемъ точно также и въ Бѣломъ морѣ, какъ теперь еще ловится у Новой Земли. Это замѣчательный примѣръ того, какъ животныя, не только каждое отдѣльно своимъ личнымъ опытомъ, но опытомъ предшествовавшихъ поколѣній, научаются быть осторожнѣе и избѣгать направленныхъ противу нихъ козней человѣка. Ловъ прометами у Новой Земли бываетъ иногда очень обилень; намъ рассказывали случай, когда въ трое сутокъ попало въ три промета 200 звѣрей. Обыкновенно же добываютъ этимъ способомъ не болѣе 100 штукъ нерпъ, да нѣсколькихъ лисуновъ и зайцевъ, въ цѣлое лѣто. Содравъ съ нихъ кожу, отдѣляютъ жиръ и складываютъ въ бочки сырьемъ. Вытапливаютъ его уже дома, такъ какъ здѣсь не стоитъ терять на это времени, да и топлива нѣтъ; кожи же растягиваютъ на берегу для сушки.

Гораздо болѣе труда и опасностей приходится переносить карбасамъ, высланнымъ на бой моржей. Суда эти, будучи безпалубными, не могутъ выдерживать въ открытомъ морѣ бурь и волненій, а если не могутъ пристать къ берегу, то стараются войти въ пловучій ледъ, внутри котораго, если онъ занимаетъ обширное пространство, нѣтъ никакого волненія; если же начнетъ спирать ледъ и грозить раздавить карбасъ, то его вытаскиваютъ на ледъ.

Замѣтивъ одного или нѣсколькихъ моржей, отдыхающихъ на поверхности воды, карбась къ нимъ подплываетъ и бросаетъ въ одного изъ нихъ кутило, привязанное къ веревкѣ, которой отпускаютъ сажень двѣнадцать. Моржъ быстро тащитъ за собою карбась, ныряетъ, но не въ состояніи потопить или опрокинуть его; даже два моржа, разомъ принятые на кутила съ того же карбаса, не въ силахъ этого сдѣлать. Когда моржъ умается, его притягиваютъ поближе, и колятъ спицею подъ сердце, или въ другое опасное мѣсто. При нападеніи на цѣлую стаю, случается, что моржи защищаются, стараясь опрокинуть карбась; но наши промышленники говорятъ, что они не подвергаются при этомъ дѣйствительной опасности. Въ Гаммерфестѣ мы видѣли, однако, много лодокъ, покрытыхъ цинковыми заплатами. Это были пробойны, нанесенные клыками моржей у Шпицбергена. Съ нашими карбасами этого почти не случается, потому что стѣны ихъ гораздо толще, чѣмъ у норвежскихъ лодокъ. Моржей колятъ спицею также на льду и на берегу, гдѣ, при своей тяжести и неуклюжести, они нисколько не могутъ обороняться. Прежде ихъ часто стрѣляли изъ особливаго рода широкодулыхъ ружей, называемыхъ моржовками. Но теперь рѣдко къ этому прибѣгаютъ, чтобы, убивъ одного, не напугать и не заставить уйти прочихъ, находящихся по близости, моржей.

Къ серединѣ лѣта, т. е. къ половинѣ іюля, когда съ западной стороны южнаго острова Новой Земли не станетъ уже болѣе льдовъ, моржамъ дѣлается уже тутъ слишкомъ тепло и они уходятъ въ Карское море, гдѣ льду всегда довольно. У сѣвернаго острова моржи бываютъ все лѣто, но мы видѣли уже, почему немногіе изъ нашихъ промышленниковъ туда забираются. Существуетъ также мнѣніе, что у сѣвернаго острова, хотя и больше моржей, но болѣе все мелкій молодой звѣрь. Это справедливо только отчасти. По словамъ опытныхъ промышленниковъ, тамъ вообще больше звѣря и мелкаго и крупнаго, но пропорція мелкихъ сильнѣе. Причина этого заключается въ томъ, что тамъ, какъ въ менѣе тревожимомъ, глухомъ и безопасномъ мѣстѣ, ходитъ онъ грудно, т. е. стадами матокъ съ ихъ дѣтьми различныхъ возрастовъ, тогда какъ у южнаго острова цѣлыя семьи встрѣчаются рѣдко, а больше отдѣльно живущіе, старые самцы, казаки и самки.

Большой моржъ вѣситъ не менѣе ста пудовъ; по этому, конечно, свѣжуютъ ихъ на водѣ или на льдинѣ, гдѣ ихъ убили, и берутъ съ собою только кожу, содранную вмѣстѣ съ саломъ, и клыки. Сыраго сала получается съ моржа обыкновенно отъ 10 до 15 пудовъ, а съ самаго большаго даже до 28 пудовъ. При вытопкѣ, которая производится уже по возвращеніи домой, точно тѣмъ же способомъ, какъ и для бѣлужьяго сала, получается $\frac{2}{3}$ вѣса жидкой ворвани и остается $\frac{1}{3}$ барды, негодной ни на какое употребленіе. Среднюю цѣну ворвани можно положить въ 2 р. 50 к. с. Кожа большаго моржа, если продать ее цѣликомъ, срѣзавши только жиръ, стоитъ отъ 10 до 12 р. с. Если же самъ промышленникъ разрѣжетъ ее на ремни, то можетъ выручить за нее гораздо болѣе, именно до 40 р. с. Цѣна клыкамъ 60 к. с. фунтъ и у большаго моржа вѣсятъ они до полупуда. Такимъ образомъ самый большой моржъ можетъ дать: за 18 пудовъ вытопленной ворвани 45 р. с., за клыки 12 р. с., за кожу 12 или 40 р. с., итого отъ 69 до 97 р. с. Обыкновенной же величины моржъ даетъ до 10 пудовъ чистаго сала на 25 р. с., клыковъ на 4 р. с., а кожа его сырьемъ стоитъ 8 р. с., разрѣзанная же на ремни до 20 р. с., итого отъ 37 до 49 р. с. Обыкновенно добывается судно не болѣе 10 моржей; при большой же удачѣ случалось инымъ набивать ихъ до 50 штукъ, что, конечно, доставляютъ промышленнику очень порядочный барышъ.

Къ началу августа, когда моржи уйдутъ въ Карское море, отправленные за ними карбаса

возвращаются къ своимъ судамъ, и съ этого времени начинается ловъ гольцовъ. Эта рыба, по своему красному мясу, очень похожа на семгу, хотя по наружному виду, особливо по цвѣту, съ перваго взгляда легко отъ нея отличается. Незнающимъ продаютъ ее, однако, въ Петербургѣ за мелкую варзукскую семгу. Средній вѣсъ ихъ можно положить въ 4 фунта. Остающіеся на судахъ хозяева занимаются ловомъ этой рыбы и ранѣе, но уловы до августа бываютъ обыкновенно незначительны и идутъ только въ пищу промышленникамъ; рѣдко добывается излишекъ, который стоило бы солить. Такъ какъ и эта рыба, подобно семгѣ, стремится въ рѣки, то главный ловъ ея производится посредствомъ наскоро устроиваемыхъ заборовъ. Для этого перетягиваютъ черезъ рѣку якорный канатъ, или цѣпь, прислоняютъ къ нему нѣсколько вбитыхъ въ дно кольевъ, между которыми растягиваютъ сѣть. Сзади забора устроиваютъ тайникъ, изъ плетня или сѣти же, въ видѣ верши, открытой сверху. Входъ въ этотъ тайникъ, соотвѣтствующій горлу верши, такъ малъ, что въ него можетъ пройти разомъ только одинъ голецъ. Не находя себѣ другаго прохода, кромѣ этого узкаго отверстія, они тѣснятся въ него и набиваются въ тайникъ. Когда промышленники приходятъ осматривать свой заборъ, они затыкаютъ коломъ узкій входъ въ тайникъ и вычерпываютъ изъ него гольцовъ саками. Кромѣ этого, такъ же какъ и семгу, ловятъ гольцовъ въ морѣ, перехватывая ихъ вдоль береговъ, направленію которыхъ они слѣдуютъ на пути въ рѣки. Для морскаго лова употребляютъ ставушки, сажень въ 20 длиною; ставные невода безъ мотней, т. е. тѣже ставныя сѣти, но гораздо больше, — и обыкновенные невода, которыми обметываютъ рыбу и тянутъ къ берегу. Каждое судно беретъ обыкновенно съ собою 12 ставушекъ, 3 ставныхъ и 3 тяглыхъ невода.

Средній уловъ гольцовъ можно положить пудовъ въ триста на каждое судно. Цѣна соленыхъ гольцовъ была въ послѣдніе годы до 3 р. с. пудъ. Лѣтъ около тридцати тому назадъ ловъ гольцовъ былъ гораздо изобильнѣе, и годы отъ 1830 по 1834 слывятся еще и теперь у новоземельскихъ промышленниковъ подъ именемъ гольцовыхъ. Посѣщавшія въ это время Новую Землю суда считали главнымъ предметомъ своего промысла, не столько бой моржей, сколько ловъ гольцовъ, тогда какъ теперь это совершенно на оборотъ. Суда, стоявшія въ одномъ становищѣ и общими трудами устроивавшія заборъ, дѣлили гольцовъ не счетомъ, а цѣлыми карбасами, и даже вовсе не дѣлили ихъ, но брали каждый сколько кому было нужно, т. е. на сколько хватало соли и мѣста въ суднѣ. Если неблагоприятный вѣтеръ не позволялъ карбасамъ, нагруженнымъ рыбою же, свозить ее на суда, ее выкидывали въ воду, чтобы на слѣдующій день набрать новой въ казавшихся неисчерпаемыми тайникахъ. Этимъ безопаднымъ ловомъ, однако, скоро истощили запасъ гольцовъ. Къ счастью, сказанное о новоземельскихъ звѣриныхъ промыслахъ вполне примѣняется и къ рыбнымъ. Съ уменьшеніемъ выгодъ, уменьшившееся число ходящихъ на Новую Землю судовъ дало время гольцамъ снова размножиться, и 1852 годъ былъ снова весьма уловистый. Сразу вытрясали тогда изъ ставушекъ по 20 пудовъ гольца; а два промышленника наловили въ нѣсколько дней въ рѣкѣ Нехватовой, болѣе другихъ изобилующей гольцами, одинъ 470, а другой 430 пудовъ этой рыбы, и могли бы наловить гораздо болѣе, если бы у нихъ хватило соли, которой взяли съ собой лишь небольшой запасъ, основываясь на опытѣ предшествовавшихъ неуровистыхъ годовъ.

Къ половинѣ августа прекращается ловъ гольцовъ и промышленники спускаются съ своими судами къ Желѣзнымъ Воротамъ, проливу, раздѣляющему южный островъ Новой Земли отъ Вайгача, чтобы вторично бить моржей, возвращающихся, съ наступленіемъ осени, изъ Карскаго моря въ

океанъ. Отсюда отправляются уже промышленники домой, стараясь вернуться въ Бѣлое море къ началу сентября.

Въ настоящее время новоземельскіе промыслы производятся, изъ Бѣлаго моря по крайней мѣрѣ, только лѣтомъ. На зимовки же въ этой негостепріимной странѣ не рѣшаются, послѣ примѣровъ страшной смертности, постигавшей оставшихся тамъ на зиму, когда изъ 26 человѣкъ, туда отправленныхъ, вернулся только одинъ. Но съ Печоры ходятъ еще ежегодно по нѣсколько судовъ зимовать на Новую Землю. Въ нашу бытность при устьѣ этой рѣки, вернулось оттуда одно судно, въ спасеніи котораго начинали уже отчаяваться, потому что, проведя тамъ зиму съ 1858 на 1859 годъ, оно прибыло на Печору только въ сентябрѣ мѣсяцѣ. У этихъ промышленниковъ не хватило провизіи, и послѣднюю половину зимы они питались только мясомъ убиваемыхъ ими морскихъ звѣрей. Къ счастью, какъ почти всегда бываетъ на судахъ, отправляемыхъ на счетъ ижемцевъ и пустозеровъ, весь экипажъ состоялъ изъ самоѣдовъ, которые лучше другихъ въ состояніи переносить лишения полярной зимы. Между тѣмъ судно ихъ было затерто льдами, отъ которыхъ освободились только къ концу лѣта. Оно было въ столь плохомъ состояніи, что всю дорогу непрерывно должно было выкачивать воду.

Одинаковая участь, съ зимовками на Новой Землѣ, постигла и промыслы наши на Шпицбергенѣ: уже много лѣтъ, какъ русскіе перестали туда ходить. Мнѣ кажется, что ни о тѣхъ, ни о другихъ промыслахъ нечего жалѣть. Небольшія выгоды, получавшіяся отъ этихъ предпріятій снаряжавшими ихъ купцами, остававшимися себѣ преспокойно дома, не могутъ идти въ сравненіе съ бѣдствіями, которымъ подвергались промышленники во время этихъ экспедицій. Только люди буйные, пьяные и вообще самага дурнаго поведенія, которыхъ всякій хозяинъ избѣгалъ нанимать въ другую работу, соглашались идти покрутчиками на Шпицбергенъ, или на зимовку въ Новой Землѣ. Изъ довольно значительной части, приходившейся на ихъ долю, они не извлекали никакихъ существенныхъ выгодъ, потому что не только пропивали все свое, но и часть хозяйскаго добра. Идущіе на Шпицбергенъ заходили въ какой нибудь норвежскій портъ, обыкновенно въ Гаммерфестъ, пропивали тамъ все, безъ чего только можно было кое-какъ обойтись, изъ своей провизіи и снасти, и потомъ терпѣли бѣдствія отъ недостатковъ разнаго рода. Другіе такимъ же образомъ пропивали въ Норвегіи, на возвратномъ пути, часть набитой ими добычи и приходили потомъ ни съ чѣмъ въ Архангельскъ. Все это мало по малу уменьшало охоту снаряжать промысловыя экспедиціи на Шпицбергенъ, пока ужасное убійство Гвоздырева его собственнымъ пріемышемъ и оставленіе на Шпицбергенѣ не участвовавшихъ въ этомъ заговорѣ, гдѣ они умерли голодною смертію, нацарапавъ на ружейномъ ложѣ разсказъ о преступленіи, жертвою котораго они сдѣлались, не отбилъ и послѣдней охоты къ этимъ предпріятіямъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ настоящаго отчета видно, что, подобно рыболовству и звѣринымъ промысламъ въ Бѣломъ морѣ и на Печорѣ, мурманская промышленность и тѣсно связанная съ нею норвежская торговля требуютъ также, для своего развитія, нѣкотораго содѣйствія со стороны правительства. Общій

характеръ сдѣланныхъ съ этою цѣлью предложеній клонится къ устраненію разнаго рода стѣсненій, препятствующихъ, въ большей или меньшей степени, мурманской промышленности и торговлѣ съ Норвегіею достигнуть того процвѣтанія, къ которому онѣ способны по мѣстнымъ условіямъ. Неистощимость трескового лова въ океанѣ, дѣлая ненужнымъ и даже вреднымъ всякое пожертвованіе настоящимъ въ пользу будущаго, дало экспедиціи возможность не предлагать никакихъ охранительныхъ мѣръ, существенно необходимыхъ въ рѣкахъ, озерахъ и даже во внутреннихъ моряхъ, но тѣмъ не менѣе, однако, всегда стѣснительныхъ.

Новопредлагаемыя мѣры касаются: А) Облегченія промышленникамъ возможности получать болѣе усовершенствованныя орудія лова. В) Доставленія предпринимателямъ рыбныхъ промысловъ средствъ — занимать за умѣренные проценты необходимыя имъ небольшія суммы, для снаряженія своихъ промысловъ. С) Устраненія стѣснительныхъ таможенныхъ и другихъ правилъ, опредѣляющихъ торговля сношенія жителей бѣломорскаго побережья съ Норвегіею. Наконецъ, D) Установленія правильныхъ отношеній между русскими, занимающимися мурманскими промыслами, и туземнымъ лопарскимъ населеніемъ:

Вотъ краткій перечень этихъ мѣръ:

Изъ числа относящихся къ первой категоріи:

1) Дозволить совершенно свободный безошлинный ввозъ англійскихъ рыболовныхъ крючковъ для мурманскаго промысла (стр. 105—106).

2) Разослать по поморскимъ деревнямъ планы норвежскихъ ель различныхъ размѣровъ, дабы замѣнить мало по малу послѣдними судами теперешнія шняки (стр. 106—107).

3) Съ этою же цѣлью освободить на извѣстное число лѣтъ отъ уплаты попенныхъ денегъ постройку ель, оставивъ или даже увеличивъ эту пошлину съ постройки шнякъ (стр. 107).

Ко второй категоріи:

4) Устроить въ Кеми банкъ, съ отдѣленіемъ въ Сумскомъ посадѣ, для ссуда мурманскимъ промышленникамъ небольшихъ суммъ, въ нѣсколько сотъ рублей серебромъ, за умѣренные проценты, подъ залогъ домовъ и судовъ, или подъ поручительство извѣстныхъ своею честностью и состоятельностью лицъ (стр. 126).

Къ третьей категоріи:

5) Разрѣшить нашимъ промышленникамъ продавать тресковый жиръ прямо изъ становищъ въ Норвегію, не свозя его въ Архангельскъ (стр. 111—113).

6) Дозволить норвежскимъ судамъ заходить въ мурманскія становища для закупки тамъ трескового жира и другихъ продуктовъ рыболовства, буде какіе имъ понадобятся (стр. 111—113).

7) Разрѣшить мѣщанамъ и крестьянамъ бѣломорскаго побережья вывозить въ Норвегію не только муку и крупу, но и всякаго рода товары, наравнѣ съ купцами первыхъ двухъ гильдій, имѣющихъ право вести заграничную торговлю (стр. 137—138).

8) Освободить поморовъ и другихъ судохозяевъ отъ обязанности нанимать въ кормишки воспитанниковъ штурманскихъ училищъ, изъ чего бы ни состоялъ грузъ ихъ судовъ (стр. 137—138).

Къ четвертой категоріи:

9) Предоставить и на будущее время поморскимъ промышленникамъ совершенно безошлинное пользованіе землею, находящеюся подъ ихъ становищами (стр. 128—129).

10) За ловъ песчанки при устьяхъ рѣкъ наложить на промышленниковъ въ пользу лопарскихъ

обществъ легкую плату съ каждой шняки, которая была бы одинакова во всѣхъ становищахъ, примерно около 4 р. 50 к. с. (стр. 129—130).

11) Обязать лопарскія общества принимать на себя отвѣтственность за пропажу вещей, принимаемыхъ ими на сохраненіе; буде же которыя изъ общинъ на это не согласятся, то предоставить русскимъ промышленникамъ имѣть частныя сдѣлки, касательно этого предмета, съ лопарями по своему выбору (стр. 130).

12) Семожьи заборы на рѣкахъ, принадлежащихъ лопарямъ и впадающихъ въ Кольскую и Большую Мотовскую губы, обратить въ оброчныя статьи (стр. 132—133).

13) Запретить кольскимъ мѣщанамъ переписываться въ лопарскія общества, такъ какъ это дѣлается съ единственною цѣлью — пользоваться семожьимъ ловомъ и другими угодьями на счетъ этихъ обществъ (стр. 133).

О Т Ч Е Т Ъ Ч Е Т В Е Р Т Ы Й.

НОРВЕГІЯ.

Находясь съ начала осени 1860 года въ Норвегіи, экспедиція старалась ознакомиться со всѣми отраслями обширнаго рыболовства, производимаго вдоль приморскихъ береговъ этой страны, начиная отъ юго-западной оконечности ея до русской границы, — страны, которая на большей части своего протяженія вся, такъ сказать, состоитъ изъ одного берега. Главное очертаніе этого берега имѣетъ отъ Варангеръ-Фіорда до Ставангера около 3,000 верстъ въ длину, и длина эта по крайней мѣрѣ удесятрится безчисленными складками, которыя, такъ сказать, сморщиваютъ норвежскіе берега. Параллельно этому изрѣзанному фіордами берегу идетъ длинною, почти непрерывною тесьмою архипелагъ большихъ и мелкихъ острововъ, въ свою очередь по большей части какъ бы слѣпленныхъ изъ самостоятельныхъ частей, и соединенныхъ между собою болѣе или менѣе узкими перешейками, раздѣленными глубокими заливами — фіордами и какъ бы изрѣденными мелкими бухтами — вогами и виками. Весь этотъ несконечный лабиринтъ фіордовъ, зундовъ и бухтъ омывается теплымъ потокомъ Гольфстрема, который не только не даетъ образовываться припаямъ льда въ этихъ узкихъ проходахъ и дѣлаетъ ихъ во всякое время года доступными для судоходства и рыболовства, но, конечно, не остается безъ вліянія и на усиленіе органической жизни въ этихъ сѣверныхъ широтахъ. Сюда-то стремятся изъ обширной части бассейна сѣвернаго моря безчисленныя стаи рыбъ, чтобы, смотря по времени года, или метать икру по затишьямъ и на меньшей глубинѣ, чѣмъ въ открытомъ океанѣ, или отыскивать себѣ пищу, всегда въ большомъ изобиліи образующуюся тамъ, гдѣ море и материкъ приходятъ въ тѣснѣйшее между собою соприкосновеніе и, такъ сказать, проникаются другъ другомъ. Зайдя въ эту прибрежную полосу, рыба раздѣляется, расходится по всѣмъ вѣтвямъ этой водяной сѣти и — какъ бы — сама отдается въ руки человѣку. Здѣсь не нужно для производства рыбнаго промысла совершать утомительныхъ путешествій по снѣжнымъ пустынямъ, какъ у насъ съ Поморья на Мурманскій берегъ; не нужно снаряжать цѣлыхъ флотовъ подобно голландцамъ, отправляющимся на сельдяной ловъ въ глубь Нѣмецкаго моря — къ берегамъ Шотландіи, или подобно англичанамъ, французамъ и американцамъ, стекающимся изъ за тысячъ верстъ на Ньюфаундленскія банки. Кто въ состояніи имѣть елу и нѣсколько десятковъ ставныхъ сѣтей, тотъ можетъ уже рассчитывать на хорошую долю въ добычѣ, предлагаемой моремъ. Бури для здѣшнихъ рыбаковъ менѣе опасны, чѣмъ для всѣхъ другихъ, потому что они никогда не упускаютъ изъ вида береговъ, и не та, такъ другая бухта всегда почти готова доставить имъ безопасное убѣжище. Во время пребыванія на Лофоденскихъ островахъ

часто случалось намъ видѣть, какъ елы, вышедшіе было на промыселъ, при внезапной переменѣ погоды оставляли свои снасти, разбѣгались въ разные стороны, кому куда ближе, и черезъ какихъ нибудь полчаса были уже внѣ всякой опасности, а, при малѣйшемъ выгодномъ измѣненіи вѣтра, снова были уже на мѣстахъ своего лова. У насъ, на Мурманскомъ берегу, во многихъ становищахъ набирается не болѣе двухъ дней въ недѣлю, способныхъ для настоящаго лова, да и въ самые благоприятные изъ дней дѣлается не болѣе одной выкидки яруса въ сутки; на Лофоденскихъ же островахъ выметываютъ снасти большею частью по два раза въ сутки — на ночь и днемъ, а въ промежутокъ времени, когда снасть лежитъ на днѣ, ловятъ еще ручными удочками. Но если вода всѣми средствами притягиваетъ и приманиваетъ здѣсь къ себѣ человѣка, то — съ другой стороны — земля, какъ бы преслѣдуя ту же цѣль, всѣми силами отталкиваетъ его отъ себя. Все побережье, какъ материка, такъ и острововъ, состоитъ изъ голыхъ, крутыхъ, большею частью даже обрывистыхъ скалъ, которыя не позволяютъ развиваться не только земледѣлію и сколько нибудь обширному скотоводству, но представляютъ даже мало удобныхъ мѣстъ, гдѣ бы завести жилище. Отъ времени до времени встрѣчаются небольшія ложбинки или осыпи съ пологою покатостью, на которыхъ стоитъ по одному, много что по два, по три домика. Это только какъ бы площадки, къ которымъ можно пристать судномъ и выгрузить рыбу и гдѣ есть мѣсто, чтобы развѣсить ее для провяливанія на жердяхъ, или разложить для сушки по скаламъ. И дѣйствительно, всѣ обитатели этихъ уединенныхъ прибрежныхъ дворовъ, составляющіе почти все населеніе Финмаркена и Нордланда и значительную долю населенія другихъ болѣе южныхъ провинцій, живутъ исключительно морскими промыслами; иногда присоединяютъ къ этому обработку небольшого поля, засаженнаго картофелемъ, или засѣяннаго ячменемъ. Самое сообщеніе между прибрежными жителями производится лишь водою, потому что на всемъ протяженіи Нордланда и Финмаркена нѣтъ ни зимнихъ, ни лѣтнихъ сухопутныхъ дорогъ и, для посѣщенія ближайшаго сосѣда, живущаго тутъ же за скалою, въ какой нибудь верстѣ, надо дѣлать длинный объѣздъ моремъ. Въ какой степени всякое сухопутное сообщеніе здѣсь затруднительно, лучше всего можно видѣть изъ того, что въ Бергенскомъ округѣ правительство, вмѣсто дорожной повинности, на которую должны бы здѣсь проводиться и содержаться проселочныя дороги, наложило на мѣстныхъ жителей обязанность содержать нѣсколько маленькихъ пароходовъ. Они, конечно, не могутъ себя окупать, и происходящій отъ этого недочетъ раскладывается на жителей округа. Если здѣшнее деревенское населеніе занимается исключительно рыболовствомъ, то жители городовъ, въ свою очередь, занимаются окончательнымъ приготовленіемъ, упаковкою и разсылкою рыбы по большей части Европы и Америки.

Какъ по стеченію всѣхъ этихъ выгодныхъ условій, представляемыхъ здѣшнимъ моремъ, такъ и потому, что прибрежное населеніе обращаетъ все свое вниманіе преимущественно на рыболовство, норвежское побережье должно было составить и дѣйствительно составляетъ одну изъ самыхъ богатыхъ въ свѣтѣ производительныхъ мѣстностей относительно рыбныхъ продуктовъ. Стараясь опредѣлить, какъ цѣнность, такъ и количество добываемой въ Норвегіи рыбы, я, къ немалому моему изумленію, пришелъ къ тому результату, что нашъ каспійскій уловъ, какъ по количеству, такъ и по цѣнности, если не превосходить, то во всякомъ случаѣ равняется норвежскому. Такъ, напримѣръ, пользующійся всемірною извѣстностью, лофоденскій ловъ, важнѣйшій изъ всѣхъ норвежскихъ тресковыхъ лововъ, по цѣнности и по количеству улова только что равняется уральскому рыболовству, производимому,

можно сказать, въ рѣчкѣ отъ 50 до 80 саженъ шириною. Здѣшній ловъ сельдей — знаменитый *vaarsildfisket*, доставляющій въ хорошіи средній годъ до 300,000,000 сельдей (600,000 тоннъ, по 480 штукъ въ тоннѣ), равняется, если не по числу ловимыхъ рыбъ, то по вѣсу добываемаго рыбьяго мяса, одному улову бѣшенки въ нижней Волгѣ (*). Ловъ прочей частичковой рыбы въ Волгѣ и устьяхъ ея, ловъ красной рыбы въ той же мѣстности, обширный ловъ закавказскій, ловы терекскій, эмбенскій и персидскій по меньшей мѣрѣ сравняются съ прочими норвежскими ловами, по отдѣленіи двухъ главнѣйшихъ изъ нихъ: лофоденскаго тресковаго и зимняго сельдянаго. Тутъ невольно рождается вопросъ: что же даетъ ограниченному Каспійскому бассейну возможность соперничать съ обширнымъ, такъ сказать, безграничнымъ пространствомъ сѣвернаго моря, откуда рыба стекается къ норвежскому побережью и гдѣ къ тому же сосредоточены всѣ только вообразимыя удобства лова и всѣ побудительныя причины къ самому усиленному производству его. Одно изобиліе сносимыхъ Волгою и другими рѣками въ Каспійское море питательныхъ веществъ, думаю, недостаточно еще для объясненія этого, потому что, во-первыхъ, недостающее въ этомъ отношеніи сѣверному морю съ избыткомъ вознаграждается обширностью пространства, во-вторыхъ же, и это главное, и другія внутреннія моря, куда притокъ органическихъ веществъ по крайней мѣрѣ столь же великъ, какъ въ Каспійское море, не могутъ, однако, сравняться съ нимъ въ рыбности. Почему, на примѣръ, Мексиканскій заливъ, въ который впадаютъ гигантскія Миссисипи и Ориноко, протекающія по кипящимъ органическою жизнію странамъ, не славится особливимъ изобиліемъ рыбы? Почему соседнее Черное море, куда вливается рѣками большая масса воды, чѣмъ въ Каспійское море, такъ далеко отстоитъ отъ него въ изобиліи рыбы? Отвѣтъ на это заключается, кажется мнѣ, въ двухъ различныхъ образахъ распредѣленія органическаго вещества между различными животными формами: съ одной стороны въ океанѣ и въ моряхъ, имѣющихъ одинаковую съ нимъ соленость, а съ другой — въ прѣсноводныхъ озерахъ. Въ океанѣ, кромѣ рыбъ и такихъ животныхъ, которыя, по своей мелкости или мягкости, могутъ удобно служить пищею для рыбъ, — огромная доля животнаго вещества принимаетъ форму ежевокожныхъ (морскихъ ежей и морскихъ звѣздъ), раковинъ и коралловъ. При этой формѣ животное получаетъ твердую неорганическую оболочку, которая почти совершенно защищаетъ его отъ хищности рыбъ, ибо только немногія породы, какова, на примѣръ, зубатка (*Anarrhichus Lupus*, L.) могутъ питаться нѣкоторыми изъ этихъ твердоскорлупчатыхъ животныхъ. Не только самое животное изъемлетъ, защищающею его скорлупою, изъ непосредственнаго кругооборота животнаго вещества въ морѣ, такъ что можетъ служить матеріаломъ для другихъ животныхъ не ранѣе, какъ подвергнувшись предварительно разложенію послѣ своей смерти, но и самая твердая оболочка раковинъ и ежевокожныхъ, или стержень коралловъ — не суть вещества чисто неорганическіе, а содержатъ въ себѣ долю органическаго вещества, которая уже на неопредѣленно большое время предохраняется отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ общей жизни моря. Эта пропорція неорганической матеріи, служащая какъ бы предохранительнымъ панцыремъ для животныхъ, увеличивается съ увеличеніемъ солености морской воды. Напротивъ того, въ прѣсноводныхъ озерахъ почти вся животная жизнь является намъ въ формѣ рыбъ. Если тщательнѣйшее изученіе и

(*) Въ 1857 году было поймано въ Волгѣ до 125,000,000 штукъ бѣшенки, что равняется, по вѣсу, не менѣе какъ 270,000,000 норвежскихъ сельдей, такъ какъ средній вѣсъ бѣшенки надо принять по крайней мѣрѣ въ $1\frac{1}{2}$ фунта, а вѣсъ самыхъ крупныхъ норвежскихъ сельдей не превышаетъ $\frac{2}{3}$ фунта.

показывает намъ, что и тутъ есть много другихъ животныхъ формъ, кромѣ рыбъ, то всѣ эти формы чрезвычайно размельчены и состоятъ изъ инфузорій, мелкихъ ракообразныхъ животныхъ, водяныхъ червей и личинокъ насѣкомыхъ, въ высшей степени удобныхъ къ тому, чтобы служить пищею рыбамъ, даже самымъ мелкимъ и самымъ молодымъ. Кромѣ этого, прѣсныя воды населены между прочимъ рыбами травояднаго семейства — сазановидныхъ (*Syrinoidei*), которыя могутъ непосредственно питаться растеніями, тогда какъ въ океанѣ почти всѣ рыбы хищныя. И точно, въ прѣсныхъ водахъ все какъ бы принаровлено къ тому, чтобы органическое вещество могло въ наивозможно скорѣйшемъ времени достигать, рядомъ превращеній, до формы рыбъ, наиболѣе — даже почти единственно — полезной для человѣка. Здѣсь кругооборотъ вещества происходитъ быстрѣе, потому что почти ни малѣйшая доля его не принимаетъ формы, не позволяющей ему служить пищею для рыбъ, и не выдѣляется на неопредѣленное время изъ общаго кругооборота органической матеріи. Оба типа хозяйства природы: въ океанѣ и въ прѣсныхъ водахъ — можно сравнить съ культурою плодовыхъ деревьевъ и зерновыхъ хлѣбовъ. Въ этомъ сравненіи древесные плоды будутъ соответствовать морскимъ рыбамъ, а хлѣбныя зерна — какъ тѣ продукты этихъ хозяйствъ, которые идутъ непосредственно на пищу человѣка, — прѣсноводнымъ. При одинаковомъ плодородіи почвы и одинаковомъ пространствѣ, поле, занятое хлѣбомъ, дастъ гораздо болѣе питательныхъ веществъ, нежели занятое плодовитыми деревьями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ значительная доля идущихъ въ дѣло составныхъ частей почвы служитъ на образованіе листьевъ и древесины, составныя части которой на долгое время выдѣляются изъ почвы; въ первомъ же случаѣ не только гораздо большая часть идетъ на образованіе зерна, но и то, что составляетъ солому, на другой же годъ можетъ быть возвращено почвѣ и снова служить на пищу растенію. Изъ этого очевидно, что изъ двухъ равныхъ по пространству участковъ, изъ коихъ одинъ занятъ прѣснымъ озеромъ, а другой — моремъ, и получающихъ извнѣ равныя притоки органическаго вещества: первый участокъ, гдѣ происходитъ быстрѣйшій кругооборотъ этихъ веществъ, такъ сказать, принаровленный къ скорѣйшему уподобленію ихъ въ форму рыбъ, долженъ доставить болѣе уловы, чѣмъ второй. Но Каспійское море составляетъ какъ бы середину между прѣсноводнымъ озеромъ и настоящимъ моремъ. Вся сѣверная треть его, гдѣ производится наибольшій ловъ рыбы, содержитъ въ себѣ почти прѣсную воду. Изъ Астрахани въ Гурьевъ, на разстояніи около пятисотъ верстъ, можно проѣхать, не запасаясь свѣжею водою и болѣе ста двадцати верстъ отъ устья Волги вода еще совершенно прѣсная. Въ остальной части вода имѣетъ соленость, слишкомъ на половину меньшую сравнительно съ водою океана. И дѣйствительно, изъ твердопокровныхъ животныхъ живетъ въ Каспійскомъ морѣ лишь небольшое число видовъ раковинъ, и при томъ столь небольшихъ размѣровъ и съ такою тонкою скорлупою, что даже осетры и севрюги, вовсе неимѣющіе зубовъ, могутъ ими питаться. Но количество и этихъ раковинъ сравнительно столь незначительно, что академикъ Эйхвальдъ счелъ себя въ правѣ вывести изъ этого заключеніе, что животное населеніе этого моря находится въ состояніи вымиранья, что, конечно, несправедливо, а вмѣсто этого должно бы сказать, что фауна носитъ на себѣ не морской, а прѣсноводный характеръ. Академикъ Бэръ указалъ, въ своихъ каспійскихъ очеркахъ, на причину этой слабой солености воды Каспійскаго моря. Обширные заливы его восточнаго берега, соединенные съ моремъ большею частью узкими и мелкими проливами и окруженные степью, надъ которою воздухъ необыкновенно сухъ, составляютъ какъ бы соляныя варницы огромныхъ размѣровъ,

безпрерывно извлекающія изъ моря огромное количество соли. Слѣдовательно, эти заливы, разсоливая Каспійское море, этимъ самымъ увеличиваютъ въ немъ рыбное богатство, ибо отнимаютъ у него условія, нужныя для образованія твердоскорлупчатыхъ низшихъ морскихъ животныхъ. Хотя очень мало имѣется свѣдѣній, какъ велики уловы, доставляемые Чернымъ моремъ, но все таки можно сказать, что оно навѣрно уступаетъ въ этомъ отношеніи Азовскому, если принять во вниманіе отношеніе между величинами обоихъ морей; весьма же вѣроятно, что оно уступаетъ ему не только относительно, но даже и абсолютно. Но Азовское море имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и Каспійское, т. е. почти прѣсное въ сѣверной своей части, оно въ остальной содержитъ въ половину менѣе соли, нежели Черное, почти равняющееся въ этомъ отношеніи съ океаномъ.

Послѣ этого отступленія, на которое навело меня сравненіе улововъ норвежскихъ съ каспійскими, — сравненіе, приведшее къ тому невѣроятному результату, что послѣдніе, если не превосходятъ, то уже никакъ не уступаютъ первымъ, возвращаюсь къ норвежскому рыболовству.

Собственно только двѣ породы рыбъ составляютъ предметъ обширнаго норвежскаго лова: треска на сѣверѣ и сельдь на югѣ. Раздѣльною линіею между этими двумя рыболовствами можно положить границу Ромсдальскаго амта съ сѣвернымъ Бергенскимъ, почти подъ 62°. Хотя ловъ сельдей въ лѣтнее и осеннее время производится мѣстами и сѣвернѣе Дронтгейма, у береговъ такъ называемаго Гелгеланда, составляющаго округъ Нордландскаго амта, но этотъ ловъ не значителенъ, а зимній ловъ сельдей, самый важный для этой рыбы, не переходитъ означенной границы. Къ этимъ двумъ рыбамъ присоединяются еще на сѣверѣ: сайда, палтусъ, почти исключительно промѣниваемый русскимъ, и акула, ловимая единственно для добыванія жира изъ ея печени; на югѣ же заслуживаютъ вниманія ловимыя преимущественно въ Христіанійскомъ фіордѣ — кильки, извѣстныя въ торговлѣ подъ неправильнымъ названіемъ христіанійскихъ анчоусовъ. У береговъ Бергенскаго амта ловится еще много морскихъ раковъ (*Homogus vulgaris*), которые отправляются въ довольно большомъ количествѣ живыми въ Англію.

Ловъ какъ трески, такъ и сельдей, раздѣляется на *зимній* и *лѣтній*, изъ которыхъ первый несравненно значительнѣе послѣдняго. Зимній ловъ основанъ на приближеніи этихъ рыбъ къ берегамъ для метанія икры; лѣтній же — для отыскиванія себѣ пищи. Зимній ловъ трески сосредоточивается въ трехъ различныхъ мѣстностяхъ: у береговъ Финмаркена, у Лофоденскихъ острововъ и у береговъ Ромсдальскаго амта, — около городовъ Христіансунда, Мольдѣ и Олесунда. Зимній ловъ сельдей производится къ югу и къ сѣверу отъ города Бергена, въ такъ называемыхъ южномъ и сѣверномъ округахъ весенняго сельдянаго лова. Лѣтній ловъ трески и сайды производится только у береговъ Финмаркена; лѣтній же ловъ сельдей въ той же мѣстности, гдѣ и зимній, а въ небольшомъ количествѣ, какъ я уже замѣтилъ, и только мѣстами, даже до Тромсе. Такимъ образомъ вся норвежская рыбная промышленность состоитъ изъ шести главнѣйшихъ рыболовствъ: 1) *Vaarsildfiskeri* — *зимняго сельдянаго лова*, на которомъ готовится низшій сортъ сельдей, расходящійся по портамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и идущій въ большомъ количествѣ въ Россію. 2) *Sommersildfiskeri* — *лѣтняго лова сельдей*, на которомъ готовятся сельди гораздо лучшаго сорта, идущія главнѣйшимъ образомъ внутрь страны, а также въ Данію и Швецію. 3) *Зимняго и весенняго финмаркенскаго лова*, на которомъ готовятся клипфискъ и рошкерка. 4) *Лофоденскаго зимняго и весенняго лова*, на которомъ готовятся клипфискъ и рунтовка. 5) *Сендмерскаго зимняго и весенняго лова трески* (у береговъ

Ромсдальскаго амта, южный округ котораго называется Сендмеромъ), гдѣ почти исключительно готовится клипфискъ. Каждый изъ этихъ сортовъ трески имѣетъ свое мѣсто сбыта. Клипфискъ идетъ въ Испанію, въ Южную Америку и въ Вестъ-Индію, рунтовка въ Италію, а рошкерка въ Голландію и вообще въ сѣверные порта, въ томъ числѣ отчасти и въ Петербургъ. 6) Шестое рыболовство составляетъ *лѣтній финмаркенскій ловъ трески и сайды*, промѣниваемыхъ въ свѣжемъ видѣ нашимъ поморамъ. Сайда же, приготовляемая какъ рошкера, идетъ и въ Швецію.

Изъ этихъ рыболовствъ я опишу теперь только два: зимній сельдяной ловъ и лофоденскій ловъ трески. Зимній финмаркенскій ловъ и сендмерскій производятся точно также, какъ и лофоденскій, только далеко уступаютъ ему въ важности и потому не требуютъ особеннаго описанія. Про лѣтній финмаркенскій ловъ и мѣновую торговлю съ русскими, все существенное было уже изложено въ первомъ отчетѣ. Что же касается до лѣтняго сельдянаго лова, то экспедиція не успѣла еще съ нимъ познакомиться, ибо въ 1860 году пріѣхала въ Норвегію слишкомъ поздно для этого, и онъ составитъ такимъ образомъ послѣдній предметъ, на который предстоитъ экспедиціи еще обратить свое вниманіе до истеченія срока ея дѣятельности. При описаніи, какъ лофоденскаго, такъ и зимняго сельдянаго рыболовствъ, я не буду, однакоже, входить въ такія подробности, какъ въ отчетахъ объ изслѣдованіи русскихъ рыболовствъ. Я постараюсь лишь дать общее понятіе объ этихъ рыболовствахъ и остановлюсь только на томъ, что въ какомъ бы то ни было отношеніи можетъ имѣть вліяніе на развитіе нашихъ русскихъ промысловъ.

1. зимній сельдяной ловъ (VAARSILDFISKERI).

Стаи зимнихъ или, какъ ихъ называютъ въ Норвегіи, весеннихъ сельдей, появляются у здѣшнихъ береговъ въ рѣзко опредѣленной мѣстности, которую не переходятъ ни къ югу, ни къ сѣверу. Писали и говорили, что появленіе ихъ бываетъ періодическое; но, съ начала нынѣшняго столѣтія по крайней мѣрѣ, сельди появлялись каждый годъ въ январѣ и февралѣ, съ тѣмъ, чтобы метать икру по мелямъ, губамъ и затишьямъ. Хотя это еще и не опровергаетъ вполне періодичности, если принять для нее весьма длинные сроки, но заставляетъ весьма сильно въ ней сомнѣваться, а такъ какъ объяснить ее было бы весьма трудно, то гораздо естественнѣе предположить, что мнимая періодичность происходила лишь оттого, что ловцы въ прежнія времена (когда здѣшній сельдяной ловъ еще не получилъ всего теперешняго своего развитія, очень недавняго) полагали, что если сельди не появлялись въ той мѣстности, гдѣ привыкли ихъ ожидать въ теченіи ряда годовъ, то это означало совершенное отсутствіе рыбы въ этомъ году у норвежскаго берега, тогда какъ въ дѣйствительности можетъ быть огромныя стаи ея посѣщали побережье, но только нѣсколько сѣвернѣе или южнѣе. Подобные случаи бываютъ нерѣдко и теперь. Такъ, не далѣе какъ въ 1859 году, въ мѣстности, называемой Скудеспнэсъ, гдѣ обыкновенно прежде всего появляется сельдь въ большихъ количествахъ, — ея вовсе не было. Тысячи народу напрасно ее здѣсь ожидали около мѣсяца и совершенно остались бы безъ рыбы, если бы теперь не были приняты мѣры для извѣщенія, посредствомъ электрическаго телеграфа и нарочныхъ разъѣздныхъ судовъ, о мѣстахъ, гдѣ находится рыба въ наибольшемъ изобиліи. Но если сельдь въ одномъ году посѣщаетъ преимущественно извѣстную мѣстность, а въ другомъ другую, то должно, однакоже, сказать, что въ цѣломъ границы появленія и лова ея очень

опредѣленны, и только внутри этого опредѣленнаго пространства измѣняется изобиліе ея то у того, то у другаго изъ рыболовныхъ становищъ.

Вся мѣстность зимняго сельдянаго лова простирается отъ города Ставангера (обязаннаго своимъ процвѣтаніемъ развитію этого рыболовства, ибо изъ ничтожнаго мѣстечка, какимъ онъ былъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, сдѣлался теперь четвертымъ городомъ въ Норвегіи (послѣ Христіаніи, Бергена и Дронтейма) единственно вслѣдствіе торговли сельдями), или точнѣе отъ группы маленькихъ Гвидингскихъ острововъ (Hvidingserne), лежащихъ подъ $59^{\circ}4'$, южнѣе которыхъ сельди никогда не замѣчались,—до острова Года (Hod) подъ $62^{\circ}30'$, почти у самаго города Олесунда (Aalesund). Но и на этомъ пространствѣ, въ какіе нибудь 260 верстъ прямолинейнаго протяженія, сельдь появляется не повсемѣстно, а въ немъ должно еще отличать два или даже три сельдяныхъ округа, такъ называемые: *южный округъ* (*Søndre district*), *сѣверный округъ* (*Nordre district*) и *мѣстность сендмерскаго лова* (*Søndmer fisket*).

Крайніе предѣлы южнаго округа, важнѣйшаго изъ трехъ, заключаются между упомянутою группою Гвидингскихъ острововъ ($59^{\circ}4'$) и губою Глесверъ (Glesvoer) на островѣ Сторе-Сарторе (Store Sartorö, $60^{\circ}16'$), почти противъ самаго города Бергена. По островамъ и на части материка, занимающими это пространство, разсѣяно множество становищъ, въ которыхъ стоятъ суда промышленниковъ. Отъ семи или восьми главнѣйшихъ изъ нихъ и какъ бы центральныхъ, заимствуютъ свое названіе тѣ отдѣльныя рыболовства, изъ которыхъ состоитъ весь ловъ южнаго округа, — рыболовства, которыя въ различные годы бываютъ очень различны по своей уловистости, что зависитъ отъ направленія, которое примутъ сельди въ своемъ стремленіи къ берегамъ. Чтобы уяснить себѣ это направленіе сельдяныхъ стай, надо войти въ нѣкоторыя подробности довольно запутанной мѣстности этой части норвежскаго берега.

Къ сѣверу отъ Ставангера начинается та характеристическая формація норвежскаго берега, о которой я говорилъ выше и которая дѣлаетъ его столь необыкновенно приспособленнымъ къ рыболовству. Отсюда начинаются фіорды, изрѣзывающіе береговую линію и окончивающіеся не ранѣе Варангеръ—фіорда у русской границы; отсюда же начинается гряда острововъ, тянущаяся съ небольшими лишь промежутками до самаго Нордкапа. Первый изъ этихъ фіордовъ есть Букнъ-фіордъ (Buknfiord), имѣющій со стороны океана довольно открытый входъ въ южной своей половинѣ, гдѣ и лежитъ маленькая группа Гвидингскихъ острововъ; съ сѣвера же входъ въ фіордъ загороженъ довольно большимъ островомъ Карме (Karmö), на юговосточной оконечности котораго лежитъ губа и становище Скудеснэское (Skudesnoes havn). Къ сѣверу островъ Карме весьма суживается и приближается къ матеріку, отдѣляясь отъ него лишь узкимъ проливомъ Гаугесундскимъ (Haugesund), по имени котораго называется и лежащее при выходѣ изъ него становище. Прямо на западъ отъ острова Карме, верстахъ въ пятнадцать отъ него, т. е. уже въ открытомъ океанѣ, лежитъ небольшой островъ Удсире (Udsire), весьма важный въ рыболовномъ отношеніи, потому что у него показываются всегда первые слѣды приближенія къ берегамъ сельдяныхъ стай. Начиная отъ сѣверной оконечности острова Карме, идетъ небольшое пространство берега, омываемое открытымъ моремъ, съ маленькими лишь и рѣдко разсѣянными по немъ островами. За нимъ отъ острова Бэмеле (Boemelö) начинается устье Гардангеръ-фіорда. Этотъ послѣдній ограничиваетъ съ юга, а Согно-фіордъ (Sognefiord) съ сѣвера большой полуостровъ, по срединѣ береговаго протяженія котораго лежитъ городъ Бергенъ. Полуостровъ этотъ

съ восточной стороны, единственной, соединяющей его съ материкомъ, загражденъ высочайшими и неприступнѣйшими изъ норвежскихъ горъ. Гардангеръ-фіордъ тянется узкимъ рукавомъ болѣе чѣмъ на 120 верстъ въ глубь материка въ сѣверовосточномъ направленіи; устье же его составляетъ широкій заливъ, наполненный шестью или семью большими и несчетнымъ множествомъ мелкихъ острововъ, между которыми пролегаютъ три пролива, ведущіе въ собственно Гардангеръ-фіордъ. Южный изъ нихъ, называемый Бэмель-сундомъ (Bøemelsund), лежитъ между материкомъ и островами: Бэмеле (Bøemele) и Сторе (Storö), средній Селбе-фіордъ (Selbøfiord) — между сѣверными оконечностями этихъ острововъ и островомъ Селбе (Selbe) и нѣкоторыми другими, лежащими ближе его къ берегу, и, наконецъ, сѣверный Корсъ-фіордъ (Korsfiord), составляющій также путь для судовъ, идущихъ съ юга въ Бергенъ, — между островомъ Селбе и окружающимъ его архипелагомъ мелкихъ острововъ съ одной стороны и островомъ Сорое-Сарторе съ другой.

Въ началѣ или половинѣ декабря (считая по старому стилю) появляются первые признаки сельдей, т. е. стада гонящихся за ними китовъ, у острова Удсире, и обыкновенно, недѣли двѣ спустя послѣ этого, начинается первый ловъ сельдей у этого же острова; но этотъ ловъ, впрочемъ, всегда бываетъ незначителенъ. Послѣ этого обыкновенный, такъ сказать, нормальный ходъ сельдей идетъ въ такомъ порядкѣ: отъ Удсире направляются стаи ихъ на югъ къ Скудеснэсу, гдѣ почти постоянно бываетъ обширный скудеснэскій ловъ. Рѣдко идутъ сельди далѣе на югъ, какъ, напримѣръ, къ Гвидинскимъ островамъ, но заходятъ на восточную сторону острова Кармё, къ острову Букну. Черезъ нѣсколько дней послѣ начала скудеснэскаго лова, появляются сельди у западнаго берега Кармё, гдѣ ихъ, впрочемъ, мало ловятъ, по причинѣ открытой мѣстности. Второй значительный ловъ, такъ называемый гаугесундскій, начинается обыкновенно лишь съ появленія сельдей у сѣверной оконечности Кармё и лежащихъ тутъ острововъ Ревэра (Revoer) и Фэе (Foe). За тѣмъ сельдь слѣдуетъ вдоль открытаго материка между Гаугесундомъ и Бэмельсундомъ. Въ послѣдній она также заходитъ, впрочемъ, не далеко въ него углубляется, именно вдоль материка не далѣе урочища Тьернагелена (Tier-nagelen), а по восточную сторону острова Бэмеле до Мостеръ-фіорда, который такъ далеко вдается въ этотъ островъ, что почти перерѣзываетъ его на двѣ части. Немного спустя послѣ появленія сельдей въ Бэмельсундѣ, показываются онѣ и къ западу отъ южной оконечности Бэмеле у острова Эспевэра (Espevoer), гдѣ есть большое становище. Сельдь идетъ вдоль всего западнаго берега Бэмеле и ловится у разбѣянныхъ тутъ маленькихъ острововъ. Одинъ изъ нихъ Гискенъ (Hisken), лежащій у входа въ заливъ, соответствующій съ западной стороны Мостеръ-фіорду, служитъ опять центральнымъ становищемъ для значительнаго лова. За тѣмъ является сельдь и въ Селбе-фіордѣ: отъ Брандесундскаго пролива, лежащаго между двумя небольшими островами у сѣверной оконечности Бэмеле, до Бекервика (Bekervik) на островѣ Селбе. Эта мѣстность составляетъ обыкновенно сѣверную границу хода и лова сельдей въ южномъ округѣ. Если онѣ иногда появляются по западную—морскую сторону острова Сторе-Сарторе, то это бываетъ столь же рѣдко, какъ и появленіе ихъ къ югу отъ Скудеснэса, у Гвидинскихъ острововъ. Такимъ образомъ въ сельдяномъ ловѣ южнаго округа различаются слѣдующіе главные, отдѣльные ловы: *скудеснэскій, гаугесундскій, производимый вдоль берега материка, бэмельсундскій, эспевэрскій, гискенскій и селбефіордскій* или *брандесундскій*. Ловы эти происходятъ въ такомъ порядкѣ, что каждый изъ нихъ начинается нѣсколькими днями позже предыдущаго, считая отъ юга къ сѣверу, но съ началомъ сѣвернѣйшаго лова не прекращается еще и южнѣйшій. Хотя и можно

сказать, что никогда не бывает, чтобы всё эти ловы были одинаково изобильны (обыкновенно одинъ или нѣсколько изъ нихъ совершенно не удаются), но такой правильный ходъ появленія сельдей имѣетъ ту неопѣненную выгоду, что масса ловцовъ, собравшаяся на одномъ пунктѣ, не теряетъ времени въ напрасномъ ожиданіи, а успѣваетъ постепенно принимать участіе въ каждомъ изъ этихъ лововъ, если не съ самаго начала до конца, то по крайней мѣрѣ въ самомъ разгарѣ его. Но ходъ этотъ не всегда бываетъ столь правильнымъ. Въ иной годъ сельди, появляясь по три, по четыре раза у Удсире, опять пропадали и, спустя около мѣсяца послѣ нормальнаго времени своего появленія, бросались на сѣверъ или на югъ, расходясь разомъ по обширному пространству, такъ что, или вовсе не случалось въ иныхъ мѣстахъ ловцовъ, или они были разсѣяны вездѣ въ недостаточномъ числѣ; а такъ какъ вообще время лова, вслѣдствіе поздняго появленія сельдей, приходило уже къ концу, то и продолжительностью лова нельзя было замѣнить недостатка рукъ. Неудобство этого неправильнаго хода сельдей было бы еще несравненно больше, если бы электрическій телеграфъ не давалъ возможности быстро сообщать промышленникамъ, куда бросились и гдѣ скопились въ большомъ количествѣ сельди. Такъ, напримѣръ, зимою съ 1859 на 1860 годъ большую часть этихъ ловцовъ собрали такимъ образомъ къ окрестностямъ Скудеснэса, куда, въ ущербъ всѣмъ прочимъ мѣстностямъ, бросилась вся сельдь, и успѣли добыть одинъ изъ самыхъ большихъ залововъ, какіе только запомнятъ, потому что сельдь если и появилась поздно и бросилась лишь въ одно мѣсто, то была за то въ столь огромныхъ стаяхъ, что у Гвидинскихъ острововъ ставною сѣтью въ 12 сажень длиною и 4 шириною, простоявшею ночь въ морѣ, вытаскивали до 20 тоннъ, т. е. 9,600 штукъ сельдей. Ловъ въ южномъ округѣ оканчивается къ первымъ числамъ марта.

Если въ южномъ округѣ сельдь сначала появляется въ самой южной его части и за тѣмъ постепенно слѣдуетъ на сѣверъ, то въ сѣверномъ округѣ порядокъ появленія ея совершенно другой. У южнаго входа въ Нордъ-фіордъ (Nord-fiord) лежитъ большой островъ Бремангеръ (Bremanger land), извѣстный всѣмъ путешествующимъ по Норвегіи по знаменитой скалѣ Горнеленъ (Hornelen), поднимающейся вертикально отъ самой поверхности моря почти на 2,000 футовъ; вершина скалы склонилась впередъ и виситъ надъ моремъ и надъ судами и пароходами, проходящими всегда у самаго подножія ея. У этого-то Бремангера и преимущественно у лежащаго въ небольшомъ разстояніи отъ него къ юго-западу острова Фрее (Frø) появляются первыя стаи сельдей, недѣли двѣ спустя послѣ появленія ихъ у Удсире. Здѣсь производится довольно значительный ловъ, извѣстный подъ именемъ бремангерскаго. Отсюда, какъ изъ центрального пункта, сельдь расходится и на югъ и на сѣверъ; но въ первомъ направленіи въ гораздо большемъ количествѣ. Къ югу ловъ сосредоточивается у двухъ небольшихъ острововъ, самыхъ мористыхъ изъ группы, наполняющей входъ въ небольшой Сендъ-фіордъ (Sønd-fiord): Баталена и Кинда, отстоящихъ другъ отъ друга верстъ на пятнадцать. У Баталена, какъ у сѣвернѣйшаго, появляется обыкновенно рыба нѣсколькими днями прежде, чѣмъ у Кинда. За тѣмъ рыба и ловцы спускаются къ маленькимъ островамъ, лежащимъ противъ части берега между Сендъ-фіордомъ и Сонгно-фіордомъ; ловъ достигаетъ своего южнаго предѣла у острова Буэланда подъ 61°16' почти у границы сѣвернаго изъ двухъ округовъ, на которые раздѣленъ сѣверный Бергенскій амтъ (Sønd og Nordfiord fogderi). На сѣверъ отъ Бремангера сельдь появляется (обыкновенно въ тоже время какъ и у Баталена) у большого острова Вагсе (Vaagsø), лежащаго подъ 62° въ сѣверной части устья Нордъ-фіорда, почему и производимый тамъ ловъ извѣстенъ подъ

именем нордфюрдскаго. Сообразно этому ходу сельдей на югъ и на сѣверъ отъ перваго мѣста ихъ появленія, рыбаки, послѣ бремангерскаго лова, раздѣляются на двѣ партіи: большая часть идетъ къ Баталену и Кинду, а меньшая на нордфюрдскій ловъ. Такимъ образомъ въ сѣверномъ округѣ сельдь появляется на гораздо меньшемъ пространствѣ, нежели въ южномъ, — именно: вмѣсто почти $1\frac{1}{2}$ градусовъ, не болѣе какъ на пространствѣ $\frac{3}{4}$ градуса, или какихъ нибудь семидесяти, восьмидесяти верстъ, и весь ловъ занимаетъ обыкновенно не болѣе, какъ побережье одной фюгдери. Само собою разумѣется, что и число ловцовъ, и количество добычи здѣсь обыкновенно меньше, чѣмъ въ южномъ округѣ. Только въ послѣдніе годы (изъ которыхъ, однако, самый послѣдній, 1860-ый, дѣлаетъ исключеніе), рыба появлялась въ необыкновенно большомъ количествѣ въ сѣверномъ округѣ, а за нею и ловцы стали сюда стекаться все въ большемъ и въ большемъ числѣ, даже изъ южныхъ амтовъ: Листеръ и Мандалскаго и Неденэскаго (Lister og Mandal, Nedenøefs).

У сѣверной границы сѣвернаго Бергенскаго амта опять прерывается града прибрежныхъ острововъ, столь полезныхъ, какъ для норвежскаго рыболовства, такъ и для судоходства, особливо же пароваго; ибо они позволяютъ спокойно плыть по раздѣляющимъ ихъ узкимъ проходамъ, точно какъ по рѣкамъ, даже въ сильнѣйшія бури, — конечно подъ условіемъ точнѣйшаго знанія мѣстности. Здѣсь вдается далеко въ открытое море (усѣянное на этомъ пространствѣ лишь опасными подводными и надводными камнями) утесистый полуостровъ Статландъ (Stadtland). Омывающая его часть моря, — подверженная всѣмъ бурямъ, не представляетъ никакихъ удобствъ для сельдей, ищущихъ затишья для метанія икры; а берегъ безъ удобныхъ становищъ столь же негостепріименъ для промышленниковъ. По этому, у Статланда и оканчивается собственно зимнее сельдяное рыболовство. Правда, за Статландомъ, гдѣ сейчасъ же начинается Ромсдальскій амтъ, опять встрѣчаются тѣсные ряды большихъ и маленькихъ острововъ, наполняющіе устье вдающагося здѣсь въ материкъ Сторъ-фюрда и посѣщаемые стаями зимнихъ сельдей, составляющихъ предметъ южнаго сендмерскаго лова; но ловъ этотъ производится лишь мѣстными жителями, а не стекающимися изъ далекихъ мѣстъ рыбаками, какъ въ сѣверномъ и южномъ округахъ, — при томъ же на небольшомъ пространствѣ, на какихъ нибудь двадцати или двадцати пяти верстахъ у острововъ Санде (Sandö), Скорпе (Skorpö), Рунде (Rundö). Крайній предѣлъ этого лова, какъ и вообще всего зимняго сельдянаго рыболовства, составляетъ островъ Гуде (Gudö) подъ $62^{\circ}30'$, противъ самаго города Олесунда (Aalesund). Этотъ ловъ часто бываетъ совершенно неудаченъ и никогда не превышаетъ 20,000, много что 30,000 тоннъ въ годъ. Вступивъ въ Рамсдальскій амтъ, мы уже перешли настоящую область сельдянаго промысла и вошли въ предѣлы тресковаго лова. Сендмерскій ловъ, и по своей незначительности и по тому обстоятельству, что въ немъ участвуютъ почти исключительно мѣстные жители, не составляетъ отдѣльнаго округа, куда бы назначался особый надзоръ; въ административномъ отношеніи ловъ этотъ причисляютъ къ вѣдомству надзора, назначаемаго надъ рыболовствомъ сѣвернаго округа.

На зимнее сельдяное рыболовство стекается огромное число лодокъ и народу, отъ города Олесунда въ Рамсдальскомъ амтѣ до Лилесанда въ Боксерудскомъ, т. е. изъ семи амтовъ изъ числа 13 приморскихъ. Всего собирается такимъ образомъ до 5,500 лодокъ и до 28,000 ловцовъ, имѣющихъ въ совокупности до 80,000 ставныхъ сѣтей и отъ 500 до 1,000 неводовъ, каждый среднимъ числомъ въ 70 маховыхъ сажень длиною и 11 шириною. Кромѣ этого, собирается сюда еще до 1,000 большихъ судовъ, которыя отчасти занимаются отвозкою сельдей на солильни, отчасти же служатъ жилищемъ

рыбакамъ, для которыхъ недостаетъ пристанищъ на берегу. На этихъ большихъ судахъ бываетъ до 2,000 человѣкъ экипажа. Всѣ эти суда, лодки и народъ раздѣляются на два отдѣла: одни ловятъ въ южномъ, другіе въ сѣверномъ округѣ; въ иной годъ ихъ собирается болѣе въ южномъ, въ другой въ сѣверномъ, смотря потому, гдѣ удачнѣе былъ ловъ въ предшествовавшемъ году. Такимъ образомъ собиралось иногда въ одномъ южномъ округѣ слишкомъ 20,000 человѣкъ. И эти двадцать тысячъ не разсѣяны по разнымъ становищамъ, какъ наши двѣ, три тысячи ловцовъ Мурманскаго берега, распредѣленные по сорока слишкомъ становищамъ; но бываетъ время, когда почти всѣ 20,000 скучиваются въ одномъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, въ Скудеснэсѣ въ 1860 году, и слѣдуютъ оттуда за ходомъ сельдей. Иногда даже, когда ловъ въ сѣверномъ округѣ раньше окончится, значительная часть тамошнихъ ловцовъ переходитъ на югъ доканчивать свой промыселъ. Въ такой толпѣ народа, лодокъ, сѣтей и неводовъ очевидно не можетъ обойтись безъ безпорядковъ, ссоръ и взаимныхъ обидъ. По этому, въ 1851 году правительство нашло необходимымъ учредить особый надзоръ за этимъ ловомъ, поручаемый морскимъ офицерамъ, въ распоряженіе которыхъ дается нѣсколько мелкихъ судовъ. Сюда же назначаютъ на время лова нѣсколькихъ лекарей и по одному судѣ въ каждый округъ, для разбора судебнымъ порядкомъ такихъ жалобъ между ловцами, для рѣшенія которыхъ недостаточна была бы чисто полицейская власть начальника надзора. Не смотря на столь многочисленное стеченіе народа, здѣшнее правительство все таки, можетъ быть, не нашло бы нужнымъ учреждать особливаго надзора надъ этимъ рыболовствомъ, если бы всѣ ловили однѣми ставными сѣтями; но такъ какъ на этомъ же пространствѣ ловятъ и неводами, а интересы неводчиковъ очень часто сталкиваются между собою и еще чаще съ интересами ловящихъ ставными сѣтями, то обыкновенный мѣстный полицейскій надзоръ оказался недостаточнымъ. Чтобы сдѣлать это совершенно яснымъ, надо предварительно ознакомиться съ тѣмъ и другимъ способами лова.

Народъ, собравшійся въ становище нерѣдко болѣе чѣмъ въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, живетъ, какъ было уже замѣчено, частью на берегу, частью же на судахъ, потому что (какъ и въ Норвегіи) нигдѣ нѣтъ деревень, а только отдѣльные дворы. Особливыхъ съ этою цѣлю построенныхъ домовъ, какъ это дѣлается на Лофоденскихъ островахъ, гдѣ каждый ловецъ почти всегда остается все время лова въ разъ избранномъ имъ становищѣ, здѣсь нѣтъ. Это было бы неудобно, потому что надо было бы построить такія временныя деревни на многихъ мѣстахъ, гдѣ послѣдовательно перебиваетъ вся толпа промышленниковъ. По этому, ко времени лова приходятъ особливья суда, которыя располагаются въ становищѣ правильными улицами и слѣдуютъ всегда за ловцами, составляя какъ бы движущуюся деревню. Во время нашего посѣщенія сѣвернаго рыболовнаго округа, мы видѣли въ становищѣ Кольвогенскомъ, близъ острова Бремангера, не менѣе 200 такихъ судовъ; на нихъ жило 2,000 сѣтныхъ ловцовъ, имѣвшихъ до 400 лодокъ, и до 1,200 неводчиковъ съ 200 лодками; это составляло столь же привлекательное, какъ и необыкновенное зрѣлище, особливо когда всѣ эти сотни лодокъ шли на парусахъ, обгоняя другъ друга, на мѣста выкидки снастей.

Употребляемая здѣсь ставная сѣть есть ничто иное, какъ прямоугольный кусокъ сѣтнаго полотна отъ 10 до 12 маховыхъ сажень длиною и отъ 3 до 4 шириною, удерживаемый въ вертикальномъ положеніи въ водѣ плавками на верхней и грузилами на нижней подборахъ. Но такъ какъ эта сѣть не плаваетъ на поверхности и не всегда опускается до дна, а должна стоять на различныхъ глубинахъ, смотря по глубинѣ хода сельдяныхъ стай, то къ обоимъ угламъ ея верхней подборы

привязывают по пустому боченку на веревкахъ, увеличивая или уменьшая длину которыхъ, можно по произволу измѣнять глубину, на которой хотять, чтобы стояла сѣть. Къ той же веревкѣ, называемой гарниле и къ верхнему концу которой привязывается боченокъ, прикрѣпляютъ внизу большой камень, который, при выметываніи сѣти, выбрасывается первый въ воду. Сѣти эти красятся ольховою корою, для чего ихъ оставляютъ около сутокъ въ красильномъ растворѣ. Цѣна сѣти 3 спеціесъ талера (4 р. 50 к. с.). Въ лодкѣ, ловящей ставными сѣтьми, бываетъ обыкновенно по пяти ловцевъ, составляющихъ между собою родъ артели. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ по двѣ сѣти, чтобы когда одна выкидывается, другая могла просушиваться на берегу. Пять сѣтей, выкидываемыхъ съ каждой лодки, предварительно связываются между собою подборами въ одно полотно. На поддерживающихъ боченкахъ подѣланы знаки, или начальныя буквы именъ ихъ хозяевъ. Сѣти выкидываются всегда съ вечера за нѣсколько часовъ до захожденія солнца, потому что правила надзора строго запрещаютъ, подъ страхомъ денежнаго штрафа, кому либо оставаться на мѣстѣ лова два часа спустя послѣ захожденія солнца, во избѣжаніе беспорядковъ и обора рыбъ изъ чужихъ сѣтей. На другой день утромъ отправляются на выборку сѣтей. Застрявшихъ въ ячеи сельдей не выбираютъ изъ нихъ тотчасъ, а собираютъ сѣти вмѣстѣ съ попавшеюся рыбою въ лодку, и уже по приѣздѣ домой, или дорогою, высвобождаютъ сельдей, не выбирая ихъ по одиночкѣ, но вытрясая изъ сѣти, и какъ можно скорѣе отвозятъ въ солильни. Промышленники, ловящіе ставными сѣтьми, снаряжаются обыкновенно на свой счетъ, и въ такомъ случаѣ, конечно, весь уловъ принадлежитъ имъ сполна; иногда же отправляются они и отъ купцовъ-хозяевъ, и тогда рыбаки получаютъ по 6 уртъ (1 р. 80 к. с.) въ недѣлю и четвертую долю улова.

Для неводнаго лова собирается артель, называемая *Notelag*, — человекъ въ тридцать. Полная артель должна имѣть: три большихъ лодки, въ каждой изъ которыхъ находится по запорному неводу, обыкновенно одинъ въ 120 сажень, другой въ 100, а третій отъ 70 до 80, — двѣ маленькихъ лодки, каждая съ маленькимъ тяглымъ неводомъ собственно для тяги сельдей, и три такъ называемыхъ *express baad*, т. е. разѣздныхъ лодки, которыя осматриваютъ, не зашла ли стая сельдей въ какойнибудь проливъ или въ бухту съ узкимъ входомъ, которыя удобно бы было запереть. Артели эти снаряжаются обыкновенно отъ купцовъ слѣдующимъ образомъ: они нанимаютъ такъ называемаго баса, по нашему кормщика, изъ опытнѣйшихъ ловцовъ и помощника его унтеръ-баса, которые уже вербуютъ прочихъ ловцовъ. Поль-улова принадлежитъ хозяину, а другая половина ловцамъ, которые уже дѣлятъ свою часть такъ, что басъ получаетъ два пая, а прочіе по одному. Часто заключаютъ также съ неводчиками тѣ же условія, какъ и съ ловцами ставными сѣтьми, именно, даютъ имъ по талеру съ уртомъ 1 р. 80 к. с. въ недѣлю и уже только $\frac{1}{4}$ улова. Въ обоихъ случаяхъ работники находятся на собственномъ пропитаніи. Право на запираніа губы имѣетъ тотъ, кто первый началъ выкидывать неводъ, что очевидно должно нерѣдко подавать поводъ къ спорамъ. Если одного невода не хватитъ, къ нему привязываютъ другой и третій, связавъ ихъ передъ опущеніемъ въ воду за верхнюю и нижнюю тетивы. Неводъ поддерживается въ должномъ положеніи, какъ обыкновенно, плавками и грузилами. Но бываетъ, что напоръ массы сельдей, какъ извнутри, такъ и извнѣ губы, такъ великъ, что неводъ не могъ бы выдержать его; тогда распираютъ его веревками какъ палатку, именно за верхнюю тетиву привязываютъ веревки съ якорями на концахъ, бросаемыми какъ по внутреннюю, такъ и по наружную сторону неводной стѣны, которая поддерживается этимъ по возможности туго натянутыми

веревками. За тѣмъ вылавливаютъ запертыхъ сельдей двумя маленькими неводами, которые тянутъ къ берегу. Владѣлецъ берега получаетъ за дозволеніе вытягивать невода (не дать позволенія онъ, впрочемъ, не можетъ) три процента съ улова.

Можетъ случиться, что губа, хотя и имѣетъ довольно узкій входъ для перегороженія ея неводомъ, однакоже такъ велика, что исключеніе изъ этого пространства всѣхъ прочихъ ловцовъ было бы слишкомъ стѣснительно для нихъ. По этому, положено правило, что если пространство отъ середины растянутого невода въ глубь залива до того мѣста, гдѣ глубина его не менѣе 6 футовъ, превышаетъ 150 сажень (норвежская сажень равняется приблизительно нашей маховой сажени, т. е. $2\frac{1}{2}$ аршинамъ или 6 футамъ), то никто не лишается права ловить ставными сѣтями и внутри запертого пространства, но тянуть неводами можетъ лишь та артель, которой принадлежитъ запорный неводъ, преграждающій выходъ изъ губы. Ежели губа извилиста и имѣетъ много развѣтвленій, то легко можетъ случиться, что кто либо сталъ запираетъ одно изъ этихъ развѣтвленій, не будучи предувѣдомленъ, что главный входъ въ губу уже запертъ, или что его начали уже запираетъ; обстоятельство это не лишаетъ втораго неводчика права на исключительный неводной ловъ въ отгороженномъ имъ себѣ пространствѣ. Но если такимъ образомъ губа разгорожена нѣсколькими неводами на участки, то, хотя бы какойнибудь изъ послѣднихъ и имѣлъ болѣе 150 сажень отъ неводной стѣны до кута губы, однако, въ немъ уже нельзя ловить ставными сѣтями, потому что цѣль распредѣленія добычи между многими промышленниками уже и безъ того достаточно достигнута. Кромѣ лова неводами въ губахъ, ловятъ ими и въ открытомъ морѣ, окружая стаи сельдей, точно также какъ въ Каспійскомъ морѣ окружаютъ рыбу распорными неводами; но здѣсь потомъ тянуть не самимъ окружающимъ неводомъ, а въ образуемой имъ оградѣ вылавливаютъ сельдей маленькими неводами. Но этотъ ловъ можно производить только при самой тихой погодѣ, а потому онъ рѣдко употребляется.

Чтобы предупредить, по возможности, ссоры между ловящими ставными сѣтями и тѣми, которые промышленяютъ неводами, запрещено выметывать сѣти ближе шести сажень не только отъ самой стѣны невода, но даже и отъ тѣхъ якорей, на которыхъ укрѣплены веревки, растягивающія его, если они обозначены, какъ правило того требуетъ, особливими пловучими знаками. Если на дорогѣ выкидываемаго невода стоятъ ставныя сѣти, то неводчики имѣютъ право требовать немедленнаго вынутія изъ воды этихъ сѣтей, или вынуть ихъ сами, если хозяева сѣтей этого не хотятъ сдѣлать, или даже, если на это нѣтъ времени, тянуть неводъ черезъ сѣть; но во всякомъ случаѣ должны вознаграждать хозяевъ ставныхъ сѣтей, какъ за испорченныя сѣти, такъ и за рыбу, приблизительная оцѣнка количества которой дѣлается по соображенію съ уловами окружающихъ сѣтей. Это правило сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы оградить неводчиковъ отъ убытковъ, которые должны быть обыкновенно гораздо значительнѣе убытка, могущаго пасть на долю ловящихъ ставными сѣтями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оградить хозяевъ этихъ послѣднихъ отъ насилій со стороны неводчиковъ, которые, составляя большія артели, всегда сильнѣе. Вообще должно замѣтить, что ловящіе ставными сѣтями очень довольны учрежденіемъ надзора, а неводчики болѣе или менѣе ему враждебны. Нарушеніе всѣхъ этихъ и многихъ другихъ правилъ наказывается денежными штрафами, которыхъ собирается не малая сумма каждый годъ. Однажды дошла она до 2,652 спеціесъ талеровъ, почти 4,000 р. с. Еще одинъ изъ предметовъ, на который надзоръ долженъ бываетъ обращать свое вниманіе (кромѣ споровъ, какъ между неводными артелями, такъ и между неводчиками и ловящими ставными сѣтями), состоитъ въ

томъ, чтобы не ловили по воскресеньямъ и праздникамъ. Большинство народа не желаетъ, чтобы въ эти дни занимались ловомъ, но нѣкоторые не стали бы сообразоваться съ общимъ желаніемъ, въ надеждѣ на большую добычу при ловлѣ на просторѣ, и тѣмъ увлекали бы за собою и другихъ. По этому, въ субботу вечеромъ не дозволяется выметывать сѣтей, чтобы нельзя было вытягивать ихъ по воскресеньямъ, а въ воскресенье ловцы могутъ отправляться въ море выбрасывать свои сѣти только послѣ двухъ часовъ по полудни. Случается неводчикамъ замѣтить, что стаи сельдей зашли въ губу, удобную для запора неводомъ, въ воскресенье или въ субботу вечеромъ. Не желая упустить добычи, они запираютъ входъ въ губу; но ловить ранѣе двухъ часовъ послѣ обѣда все таки не имѣютъ права, и даже заперъ губы не даетъ имъ никакого права на ловъ находящихся тамъ сельдей впоследствии; это съ ихъ стороны только предупредительная мѣра, чтобы не выпустить сельдей; право же на нихъ должны они заявить обметомъ неводомъ того же пространства въ другой разъ — въ дозволенное уже время, т. е. послѣ двухъ часовъ, что наравнѣ съ ними могутъ дѣлать то и всѣ прочіе промышленники, такъ что, кто первый начнетъ метать этотъ второй неводъ, хотя бы минутою раньше, того и сельди. Если запертая стая очень густа и обѣщаетъ выгодный ловъ, то обметавшіе въ первый разъ губу, чтобы не подвергнуться риску потерять на нее своего права, рѣшаются, рассчитавъ вѣроятную цѣнность улова, на тягу сельдей и въ недозволенное время, добровольно подвергаясь налагаемому за это штрафу, который можетъ доходить до 500 спеціесъ талеровъ (750 р. с.), смотря по величинѣ улова.

Я вошелъ во всѣ эти подробности, чтобы показать причины, которыя сдѣлали здѣсь необходимымъ учрежденіе особливаго надзора. Причины эти можно подвести подъ три категоріи: огромное стеченіе народа на тѣсномъ пространствѣ; соперничество и даже вражда между неводчиками и ловащими ставными сѣтями; нежеланіе большинства народа заниматься ловомъ по воскресеньямъ и нарушеніе этого общаго желанія нѣкоторыми промышленниками, алчными къ выгодамъ. Все причины спеціальныя только для одной Норвегіи, но даже и въ ней, кромѣ зимняго сельдянаго рыболовства, свойственныя еще только одному лофоденскому лову трески, почему ни на какой изъ прочихъ лововъ особливаго надзора и не назначается. Тѣмъ менѣе есть поводовъ вводить что либо подобное у насъ, не только на Мурманскомъ берегу, но и гдѣ бы то ни было въ другой извѣстной мнѣ мѣстности. Только уральскій ловъ представляетъ условія нѣсколько подобныя здѣсь изложеннымъ, по огромному стеченію народа на узкомъ пространствѣ неширокой рѣки; но здѣсь давно уже и учрежденъ превосходный надзоръ самими участниками въ этомъ ловѣ. Наконецъ, замѣчу, что надзоръ этотъ, дабы быть дѣйствительнымъ, не дешево и стоитъ; въ иные годы издержки на него составляли до 10,500 спеціесъ талеровъ, т. е. около 16,000 р. с.

Здѣсь у мѣста будетъ сказать нѣсколько словъ объ относительныхъ выгодахъ лова сельдей неводами и ставными сѣтями, что можетъ имѣть нѣкоторое примѣненіе и къ нашему бѣломорскому сельдяному лову. Я уже касался этого предмета, говоря въ отчетѣ за 1859 годъ о ловѣ сельдей въ Кандалакскомъ заливѣ. Разбирая мнѣніе шведскаго естествоиспытателя Нильсона о вредѣ неводнаго лова, я пришелъ къ тому заключенію, что мнѣніе это не имѣетъ примѣненія къ нашему способу употребленія неводовъ. Съ точки зрѣнія чисто естественно-исторической мнѣ кажется, что вредъ, будто бы приносимый неводами, столь же сомнителенъ и для Норвегіи. Неводъ, здѣсь употребляемый, хотя и очень великъ, но имъ не тянутъ сельдей на берегъ, а въ запертомъ пространствѣ вылавливаютъ

ихъ маленькими неводами, которые едва ли могутъ много раздавить выметанной уже икры и испортить мѣста метанія ея вырываніемъ со дна водорослей. Безвредность ихъ доказывается, впрочемъ, лучше всякихъ разсужденій тѣмъ фактомъ, что ни малѣйшаго уменьшенія въ сельдяномъ ловѣ здѣсь не замѣчается. Что же касается до того, что въ неводѣ попадаются только сельди, мечущія и выметавшія уже икру, слѣдовательно такія, которыя бывають худы и, слѣдовательно, представляютъ собою меньшую торговую цѣнность, то надо замѣтить, что во время зимняго лова другихъ сельдей, кромѣ мечущихъ или выметавшихъ уже икру, у береговъ Норвегіи вовсе и нѣтъ. Слѣдовательно, чтобы устранить это неудобство, нужно не повсемѣстное замѣненіе неводовъ ставными сѣтьми, а совершенное запрещеніе зимняго сельдянаго лова, предметы котораго имѣютъ вѣрный и обезпеченный сбытъ, — даже гораздо болѣе вѣрный, нежели жирныя лѣтнія и осеннія сельди, и составляютъ одинъ изъ главныхъ доходовъ Норвегіи. Со всѣмъ тѣмъ, преимущество ставныхъ сѣтей передъ неводами не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, если мы захотимъ основывать свои сужденія на точномъ знаніи дѣла, а не на одной поражающей чувства видимости. Только это преимущество зависитъ отъ совершенно другихъ причинъ, на одну изъ которыхъ указываетъ, впрочемъ, и самъ Нильсонъ: 1) Здѣшніе заборные невода, которые имѣютъ до 120 сажень въ длину и иногда до 20 сажень въ ширину, и которыхъ нужно имѣть не менѣе трехъ, не говоря уже о прочихъ принадлежностяхъ этого лова, очень дорого стоятъ, такъ что простой народъ, для котораго рыболовство и должно главнѣйше составлять источникъ доходовъ, не въ состояніи заводить ихъ, а долженъ уступать значительнѣйшую долю своей добычи капиталистамъ, снабжающимъ его этою дорогою снастью. 2) Ловъ неводами, не смотря на баснословные уловы, получаемые иногда посредствомъ ихъ, невѣренъ, потому что сельди не всегда подходятъ близко къ берегамъ и тѣснятся въ губы и проливы; въ иной годъ онѣ держатся болѣе на отмеляхъ, глубиною отъ 40 до 60 сажень, въ открытомъ морѣ, и тутъ мечутъ икру. Такъ, на примѣръ, зимою 1857 года, за исключеніемъ нѣсколькихъ удачныхъ тоней у острова Баталена, неводнаго лова въ сѣверномъ округѣ совершенно не было, тогда какъ ловъ ставными сѣтьми былъ недуренъ. Этому обстоятельству, между прочимъ, надо, можетъ быть, приписать мнѣніе, что будто бы сельди появлялись въ прежнія времена періодически. Когда ловъ ставными сѣтьми былъ менѣе распространенъ, легко могли думать, что сельдь вовсе покидала на время норвежское побережье, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она только держалась нѣсколько дальше отъ береговъ и не забивалась въ проливы и губы. Неудача лова неводами, на которые затраченъ большой капиталъ, составляетъ весьма ощутительную потерю, которой не охотно подвергаются хозяева ихъ. По этому, съ года на годъ ловъ этотъ все упадаетъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія. Зимою 1853 года было въ южномъ округѣ 533 неводныхъ артелей, заключавшихъ въ себѣ 7,132 человѣка, въ 1854 году только 316 артелей изъ 6,628, а въ 1857 году только 98 артелей изъ 2,194 человѣкъ. Въ сѣверномъ округѣ неводной ловъ всегда былъ незначителенъ; такъ на 941 неводѣ, дѣйствовавшихъ въ 1854 году въ южномъ округѣ, было ихъ только 79 въ сѣверномъ, а въ 1860 году это число еще нѣсколько поуменилось и дошло до 75. Хотя изъ свѣдѣній, имѣющихся о зимнемъ сельдяномъ рыболовствѣ, и нельзя сказать, какая доля улововъ приходится на ставныя сѣти и какая на невода, но начальникамъ надзора, съ которыми я имѣлъ случай объ этомъ говорить, весьма хорошо извѣстно, что сѣтной уловъ всегда въ значительной степени превосходитъ неводной.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я думаю, что для нашего сельдянаго лова въ Бѣломъ морѣ, а

преимущественно въ Кандалакскомъ заливѣ, было бы весьма полезно введеніе въ употребленіе ставныхъ сѣтей. Часто случается тамъ (такъ именно было въ 1859 году, когда мы посѣтили Кандалакскую губу), что стаи сельдей почти не являются у береговъ, и ловъ ихъ тогда совершенно незначителенъ. А между тѣмъ, судя же по аналогіи съ Норвегіей, можно смѣло сказать, что сельдь въ такіе годы только держится дальше отъ береговъ, а не совершенно отсутствуетъ, и что можно бы получить и въ это время хорошіе заловы, если бы идти сельдямъ на встрѣчу, а не ожидать ихъ прихода, не предоставлять, такъ сказать, ихъ произволу удачу или неудачу лова.

Я и объ этомъ предметѣ говорилъ съ г. Іорданомъ (*), съ которымъ имѣлъ случай нѣсколько ближе познакомиться, проведя около недѣли вмѣстѣ на пароходѣ, при поѣздкѣ на Лофоденскіе острова. Но онъ и въ этомъ отношеніи, какъ и относительно трескового лова, поддерживалъ мнѣніе, несообразное съ истиною, и сулилъ золотыя горы отъ введенія огромныхъ неводовъ въ Бѣломъ морѣ, хотя тамъ даже и самая мѣстность, которую ему, конечно, позволительно не знать, не благопріятна ихъ употребленію.

Употребленіе ставныхъ сѣтей такъ просто, что, собственно говоря, тутъ нечему и учиться, да и нашимъ бѣломорскимъ промышленникамъ онѣ въ другихъ случаяхъ очень хорошо извѣстны; нужно бы только показать имъ на дѣлѣ пользу, которую эта снасть можетъ принести при ловѣ сельдей. По этому, я считалъ бы очень полезнымъ выписать двухъ-трехъ норвежскихъ промышленниковъ и поселить ихъ на время въ одной изъ деревень Кандалакскаго берега, въ Керети наприимѣръ, съ правомъ ловить сельдей въ исключительную свою пользу. Занимаясь этимъ ловомъ, они могли бы пріохотить къ нему тамошнихъ жителей. Но такъ какъ одинъ сбывъ сельдей, цѣна которымъ на мѣстѣ до чрезвычайности низка, едва ли могъ бы доставить переселенцамъ такія выгоды, которыя были бы въ состояніи побудить ихъ оставить на время свое отечество, то я думаю, что правительство должно бы положить имъ отъ себя жалованье по двѣсти или триста рублей серебромъ, на два или на три года. Въ донесеніи, которое я имѣлъ честь представить въ отвѣтъ на переданную мнѣ на обсужденіе записку нашего генеральнаго консула въ Христіаніи о вызовѣ г. Іордана, я, между прочимъ говорилъ: «Во всякомъ же случаѣ я полагаю, что суммѣ, близкой къ 3,000 р. с. въ годъ, которую нужно бы было платить г. Іордану, можно дать несравненно болѣе полезное назначеніе, если правительство захочетъ употребить ее на развитіе и улучшеніе нашего мурманскаго промысла по тѣмъ указаніямъ, которыя, смѣю надѣяться, экспедиція въ состояніи будетъ извлечь изъ своихъ сравнительныхъ изслѣдованій надъ рыболовствами мурманскимъ и норвежскимъ». Въ этомъ предположеніи я ошибся только тѣмъ, что говорилъ объ одномъ мурманскомъ, а не вообще о нашемъ сѣверномъ рыболовствѣ; но я думаю, что выписка нѣсколькихъ норвежскихъ сельдяныхъ ловцовъ, для введенія въ Кандалакскомъ заливѣ лова ставными сѣтями, должна оправдать надежду экспедиціи — указать на одно изъ тѣхъ несравненно полезнѣйшихъ для нашего рыболовства назначеній, которое можно дать небольшой части суммы, требуемой г. Іорданомъ. Если бы нашлось полезнымъ привести въ исполненіе мое предположеніе, то, для отысканія надежныхъ и опытныхъ рыбаковъ, всего лучше было бы обратиться къ г. Грицу, нашему консулу въ Бергенѣ, человѣку въ высшей степени дѣятельному и при томъ хорошо знакомому съ сельдянымъ промысломъ, такъ какъ онъ не только живетъ въ Бергенѣ, центрѣ норвежской сельдяной торговли, но и самъ участвуетъ въ этомъ промыслѣ, имѣя большія солильни. Выписанные норвежскіе рыбаки могли бы указать и норвежскій способъ соленія сельдей, къ описанію

(*) Въ приложеніи.

котораго теперь перехожу, хотя отъ этого способа я (по причинамъ, изложеннымъ въ первомъ отчетѣ) и ожидаю мало пользы.

Я уже говорилъ, что сами рыбаки не занимаются соленіемъ сельдей, а свозятъ ихъ или сами въ ближайшія солильни, принадлежащія купцамъ и лежащія по всѣмъ окрестнымъ островамъ, или продаютъ на суда, исключительно занимающіяся перевозкою сельдей и которыя отвозятъ ихъ, при попутномъ вѣтрѣ, даже до самаго Бергена. Такихъ солиленъ было въ 1840 году въ южномъ округѣ 521, а въ сѣверномъ 43; въ 1855 году число это увеличилось: въ южномъ округѣ до 816, на которыхъ могло быть посолено до 584,000 тоннъ сельдей, а въ сѣверномъ до 52, и на нихъ могло быть посолено до 26,000 тоннъ. Изъ этого слѣдуетъ, что большинство сельдей, ловимыхъ тогда въ сѣверномъ округѣ, свозилось въ Бергенъ, по недостатку мѣстныхъ солиленъ; но къ 1860 году число ихъ возрасло тутъ до 368, и на нихъ могло уже быть посолено до 345,000 тоннъ. О южномъ округѣ нѣтъ свѣдѣній за послѣдніе годы, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, число тамошнихъ солиленъ съ 1855 года скорѣе уменьшилось, нежели увеличилось. Солильни ничто иное, какъ крытые амбары, построенные у самаго берега моря и отчасти даже на столбахъ (подобно нашимъ астраханскимъ плотамъ), чтобы и въ самые сильные отливы могли къ нимъ свободно приставать суда. Внутри солиленъ и около нихъ стоятъ бочки, какъ пустыя, такъ и съ солью. Такъ какъ лодки отправляются къ солильнямъ тотчасъ по вынутіи сѣтей изъ воды, то ловцы, приставъ уже къ солильнѣ, все еще продолжаютъ вытрясать сельдей изъ сѣтей. Подобной нечистоты, какъ при этой операціи, мнѣ еще никогда не случалось видѣть. Вытрясаемая сельди падаютъ, конечно, на дно лодки; 4 или 5 человекъ, составляющихъ экипажъ ея (обыкновенно въ грязныхъ сапогахъ, потому что отъ непрерывныхъ дождей, продолжающихся во всю здѣшнюю зиму, вездѣ грязь и слякоть) ходятъ по сельдямъ, мнутъ и топчутъ ихъ безо всякаго милосердія. Выдавленные кишки и все содержаніе ихъ, кровь, отпадшая чешуя составляютъ родъ соуса грязно-розоваго цвѣта, которымъ покрыты сельди. Норвежскій простолюдинъ, да и большая часть непростолюдиновъ непремѣнно и безпрестанно жуютъ табачную жвачку, а потому каждый изъ работниковъ, занимающихся вытрясаніемъ сельдей, то и дѣло что сплевываетъ въ этотъ соусъ. Хозяинъ той солильни, гдѣ мы имѣли удовольствіе все это видѣть, стоялъ на краю плота надъ самою лодкою, и хотя кругомъ мѣста было довольно, однако онъ преаккуратно плевалъ на лежащую въ лодкѣ кучу сельдей. Освободивъ сельдей изъ сѣтей, кладутъ ихъ счетомъ въ обрѣзы, или полубочки, и передаютъ на плотъ. Счетъ ведется такъ называемыми большими сотнями въ 120 штукъ, и четыре такихъ сотни составляютъ тонну. Сельдей высыпаютъ на полъ; работники, большею частію женщины, перерѣзываютъ имъ горло перочиннымъ ножичкомъ, вдѣланнымъ въ довольно длинную и толстую прямую рукоятку, и вырываютъ жабры вмѣстѣ съ пищеводомъ, желудкомъ и частью кишки, которая, однако, всегда перерывается и не вытаскивается вполнѣ; жабры также рѣдко удаются вполнѣ вытащить. Вычищенныхъ сельдей бросаютъ въ корзинки или полубочки, которыхъ приходится какъ разъ почти по три на бочку, въ которую ихъ солятъ. Между тѣмъ, какъ одни еще чистятъ сельдей, другіе начинаютъ уже ихъ солить. Корзинку съ вычищенными сельдями ставятъ возлѣ солильной бочки на какую нибудь подставку, чтобы ихъ удобно было вынимать, не нагибаясь. Тутъ же подъ рукою стоитъ и соль, насыпанная въ такія же бочки, какъ и солильня. Соль крупна, но бѣла и чиста; лучшею для соленія сельдей считается получаемая изъ Трепано въ Сициліи. На дно бочки насыпаютъ слой соли, затѣмъ кладутъ слой сельдей, который опять пересыпаютъ солью, и продолжаютъ

такимъ образомъ пересыпать каждый слой, пока не наполнять бочки. Эта пересыпка солью дѣлается обыкновенно посредствомъ плоскаго деревяннаго блюдечка верхка въ четыре въ діаметрѣ, которое нагибаютъ верхомъ; два такихъ блюдечка употребляютъ на пересыпку каждого слоя. Въ каждомъ слое располагаютъ сельдей слѣдующимъ порядкомъ. Онѣ кладутся плашмя, однакоже такъ, чтобы брюшко было нѣсколько къ верху. Первый рядъ слоя состоитъ изъ одной селедки, которую плотно прикладываютъ спиною къ стѣнкѣ бочки; второй рядъ состоитъ изъ двухъ сельдей, касающихся головами стѣнокъ бочки, а хвостами обращенныхъ нѣсколько косо внутрь ея. Хвосты эти сходятся на діаметрѣ бочки, пересѣкающемъ по поламъ первую сельдь, и образуютъ собою тупой уголъ. Третій рядъ состоитъ уже, какъ и всѣ прочіе, за исключеніемъ послѣдняго и предпослѣдняго, изъ трехъ сельдей. Двѣ крайнія изъ нихъ также касаются головами стѣнокъ и обращены хвостами косо внутрь; но уже хвосты ихъ не сходятся, такъ что тутъ есть мѣсто еще для третьей селедки, которая кладется уже по направленію хорды, перпендикулярной къ упомянутому діаметру, и прикрываетъ хвосты двухъ селедокъ втораго ряда своею головою и хвостомъ, которые, въ свою очередь, прикрываются хвостами крайнихъ, лежащихъ сельдей четвертаго ряда, и т. д. При этомъ наблюдаютъ еще, чтобы среднія сельди каждого ряда были обращены попеременно то вправо, то влѣво головами. Когда слой готовъ, то сельди представляютъ собою видъ плетеной рогожки, которою обыкновенно покрываютъ кибитки: также точно какъ въ рогожкѣ ряды лыкъ имѣютъ косвенное направленіе, такъ и здѣсь сельди каждого задняго ряда косвенно налегаютъ своими острыми брюшками на спинки передняго. Всѣ слои располагаются такимъ же точно образомъ, но такъ, чтобы направленія составляющихъ ихъ рядовъ въ двухъ сосѣднихъ слояхъ взаимно перпендикулярно перекрещивались. Въ слой входитъ отъ 21 до 27 селедокъ, т. е. отъ 9 до 11 рядовъ, смотря потому, ближе ли слой къ днамъ, или къ серединѣ бочки, гдѣ стѣнки ея образуютъ надугіе. Когда бочка наполнится въ уровень съ краями, то кладутъ еще три или четыре слоя, въ каждомъ изъ которыхъ число сельдей тѣмъ меньше, чѣмъ онъ выше, такъ что поверхность наложенной бочки выпукла, какъ верхомъ наложенный четверикъ ржи. Бочку оставляютъ послѣ этого стоять около сутокъ, не забывая ея, чтобы дать время сельдямъ осѣсть, послѣ чего ее дополняютъ и забиваютъ. На бочку сельдей употребляютъ постоянно $\frac{1}{4}$ бочки соли, что, взятое на вѣсъ, составитъ еще большую пропорцію, и можетъ назваться весьма крѣпкимъ посоломъ, безъ котораго, впрочемъ, эти сельди едва ли бы и могли держаться, потому что передъ соленіемъ ихъ вовсе не моютъ, а кладутъ въ бочки вмѣстѣ съ покрывающими ихъ клескомъ, кровянистою слизью и грязью, вслѣдствіе убѣжденія, что отъ мытья онѣ портятся. Это и справедливо, если обмывать сельдей просто водою: такъ какъ предохраняющее отъ гніенія дѣйствіе соли основано главнѣйше на вытягиваніи изъ органическихъ веществъ влаги, то очевидно, что если сельди, кромѣ влажности, которая естественно въ нихъ содержится, будутъ содержать въ себѣ еще много воды, оставшейся въ нихъ и на нихъ отъ мытья, то большая часть полезнаго дѣйствія соли должна совершенно уничтожиться. Но не менѣе справедливо и то, что сельди, какъ и всякая рыба, портятся и отъ присутствія кровянистой слизи, а потому, при хорошемъ соленіи, надо обмывать ихъ не въ прѣсной водѣ, но въ соляномъ растворѣ, или (какъ дѣлаютъ голландцы), посоливъ ихъ сначала какъ нибудь въ большихъ открытыхъ бочкахъ и давъ пустить изъ себя разсолъ и въ немъ обмыться, пересаливать во второй разъ самымъ аккуратнымъ образомъ въ тѣхъ бочкахъ, въ которыхъ онѣ должны уже поступить въ продажу. Но такой способъ соленія требуетъ и большаго времени, и большихъ издержекъ, а потому едва ли бы годился для

здѣшнихъ сельдей, которыя должны составлять, по возможности, дешевый товаръ, предназначаемый для бѣднѣйшихъ классовъ народа, и которыя, по своимъ естественнымъ качествамъ, не заслуживаютъ даже тщательнаго приготовленія, ибо зимняя норвежская сельдь и худа и суха. Обыкновенная длина ея отъ конца до конца хвостоваго плавника составляетъ около фута, но доходить и до 15 дюймовъ, такъ что между настоящими сельдями (*Clupea harengus*) онѣ принадлежатъ къ самымъ большимъ. Средній вѣсъ ихъ около $\frac{2}{3}$ русскаго фунта, такъ что на пудъ приходится около 60 сельдей, а слѣдовательно онѣ больше самыхъ крупныхъ бѣломорскихъ, которыхъ идетъ не менѣе 70, обыкновенно же до 100 на пудъ. Конечно, астраханская бѣшенка еще гораздо крупнѣе норвежской сельди, будучи кругомъ въ полтора фунта вѣсомъ и доходя иногда до $2\frac{1}{2}$ фунтовъ; но это уже не настоящая сельдь, а другой видъ ея (*Clupea Alosa*). При такой длинѣ, норвежская зимняя сельдь широка, но за то очень плоска.

Не смотря на небрежность, съ которою приготовляются эти сельди, все же должно сказать, что этотъ способъ приготовленія въ сущности лучше нашего бѣломорскаго (за исключеніемъ, конечно, соловецкаго), хотя на видъ онъ грязнѣе и отвратительнѣе его, что болѣе имѣетъ вліяніе на воображеніе зрителя, чѣмъ на самую сущность дѣла. Все-таки здѣсь вынимаютъ, хотя отчасти, внутренность сельдей и укладываютъ ихъ въ бочки правильными рядами и слоями. Этимъ превосходствомъ здѣшнія сельди обязаны единственно тому, что ловъ и соленіе не соединены въ однѣхъ рукахъ. Бѣдному рыбаку и здѣсь, точно также какъ и у насъ, нѣтъ ни времени употребить на посоль и той малой доли старанія, которая теперь употребляется, — ни выгоды класть столько соли, сколько ее владутъ купцы, рассчитывающіе на заграничный оптовой сбытъ. Но такое раздѣленіе труда, въ свою очередь, представляетъ выгоды для рыбаковъ только потому, что они находятъ уже достаточное вознагражденіе своимъ трудамъ въ сбытѣ своихъ улововъ сырьемъ, чего у насъ нѣтъ.

Цѣны, по которымъ здѣшніе рыбаки сбываютъ сельдей въ солильни, въ послѣдніе годы были слѣдующія:

Годы:	Рыболовные округи:	Цѣна за тонну свѣжихъ сельдей:		
		Наименьшая.	Наибольшая.	Средняя.
1854	Южный	2 р. 25 к.	3 р. 75 к.	3 р. — к.
	Сѣверный	2 » 25 »	4 » 20 »	3 » 22 $\frac{1}{2}$ »
1855	Южный	2 » 25 »	3 » 60 »	2 » 92 $\frac{1}{2}$ »
	Сѣверный	2 » 25 »	3 » — »	2 » 62 $\frac{1}{2}$ »
1856	Южный	3 » 90 »	5 » 40 »	4 » 65 »
	Сѣверный	1 » 20 »	5 » 25 »	3 » 22 $\frac{1}{2}$ »
1857	Южный	3 » 60 »	6 » 45 »	5 » 25 $\frac{1}{2}$ »
	Сѣверный	2 » 40 »	6 » 60 »	4 » 50 $\frac{1}{2}$ »
1858	Южный	— » — »	— » — »	3 » — »
	Сѣверный	— » — »	— » — »	— » — »
1859	Южный	1 » 20 »	5 » 10 »	3 » — »
	Сѣверный	— » 60 »	4 » 50 »	3 » — »
1860	Южный	— » 45 »	2 » 55 »	1 » 50 »
	Сѣверный	— » 60 »	2 » 70 »	2 » 10 »
Среднія цѣны		1 р. 91 $\frac{1}{2}$ к.	4 р. 42 $\frac{1}{2}$ к.	3 р. 31 к.

Чтобы сравнить эти цѣны за тонну, т. е. за 480 свѣжихъ сельдей, съ платимыми за сотню нашимъ кандалакскимъ ловцамъ Бѣломорскою компаніею, которая одна только и скупааетъ у нихъ свѣжихъ сельдей, надо бы раздѣлить ихъ на 4, 8; но мы раздѣлимъ на 6, въ уваженіе того, что норвежскія сельди больше, хотя эта большая величина отчасти уравнивается лучшимъ качествомъ кандалакскихъ сельдей. Такимъ образомъ получимъ, что средняя цѣна (выведенная изъ шестилѣтнихъ наблюденій) такого количества норвежскихъ зимнихъ сельдей, которое, по нашему расчету, принято за соответственное сотнѣ кандалакскихъ, составляетъ слишкомъ 55 копѣекъ; наименьшая изъ среднихъ цѣнъ была бы 25 к., а наибольшая 87½ к.; абсолютная наименьшая цѣна была бы 7½ к., а абсолютная наибольшая 1 р. 10 коп. Между тѣмъ у насъ цѣна эта измѣнялась отъ 5 до 15 копѣекъ, слѣдовательно была, среднимъ числомъ, въ 5½ разъ ниже средней норвежской. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, у насъ не можетъ установиться столь выгодное для качества сельдей раздѣленіе труда между ловцами и солильщиками. Надо еще замѣтить, что необыкновенно низкія норвежскія цѣны въ 1859 и 1860 годахъ были лишь исключительными мѣстными явленіями, зависѣвшими отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ. Напримѣръ, случалось, что, не ожидая уже лова въ какой нибудь мѣстности, большая часть судовъ (отвозящихъ сельди на солильни), а вмѣстѣ съ ними и скупщиковъ удалялись съ мѣстъ лова, какъ между тѣмъ вдругъ открывался тамъ неожиданно чрезвычайно изобильный ловъ, добычу котораго не знали куда и кому сбыть. Или совершенно тихая погода не позволяла судамъ, отправившимся съ грузами сельдей, вернуться ко времени за новыми грузами, а уловъ между тѣмъ выпадалъ самый изобильный. Очевидно, что каждый старался тогда сбыть свою долю, за что бы то ни было, немногимъ бывшимъ на мѣстѣ скупщикамъ. Далѣе, надо принять въ расчетъ, что норвежскія сельди и по качеству своему, и по способу приготовления должны составлять и дѣйствительно составляютъ товаръ низшаго сорта; между тѣмъ какъ Бѣломорская компанія имѣетъ претензію готовить продуктъ наивозможно хорошаго качества, и справедливость требуетъ сказать, что онъ дѣйствительно довольно хорошъ. Не можетъ же она послѣ этого продавать въ Петербургѣ сельди своего приготовления дешевле норвежскихъ и, слѣдовательно, нельзя предположить, чтобы ей не выгодно было давать кандалакскимъ ловцамъ по крайней мѣрѣ ту же цѣну, какую получаютъ норвежскіе. Послѣ этого мы невольно должны придти къ тому заключенію, что компанія или вовсе не имѣетъ намѣренія серьезно заниматься рыбною промышленностью, или дѣйствуетъ на основаніи дурно понятой экономіи, вопреки своимъ собственнымъ выгодамъ.

Кромѣ покупки свѣжихъ сельдей, хозяева солиленъ имѣютъ еще слѣдующіе расходы: бочки, дѣлаемые обыкновенно изъ сосноваго дерева (рѣдко изъ буковаго, и въ такомъ случаѣ за нихъ платятъ двѣнадцатью шиллингами (15 к. с.) дороже), обходятся, смотря по тому, покупаются ли онѣ въ незначительныхъ количествахъ или большими массаами, отъ 40 до 60 шиллинговъ (отъ 50 до 75 к. с.) за штуку. Тонна соли стоитъ 6 уртовъ (1 р. 80 к.), а такъ какъ на бочку сельдей идетъ ¼ тонны соли, то бочка обойдется солью въ 1½ урта (45 к. с.). За вычистку и посоль тонны сельдей — 480 штукъ — платятъ работникамъ по полу урта (15 к. с.). Ловкій работникъ, или работница, можетъ сдѣлать эту работу въ часъ, и такъ какъ онъ работаетъ и при огнѣ (тоненькую сальную свѣчку втыкаютъ въ кучу сельдей, наполняющихъ корзинку, изъ которой ихъ кладутъ въ солильную бочку), то можетъ получить въ сутки, считая только 10 часовъ работы, до спеціесъ талера (1 р. 50 к. с.). Только эта выгодная работа не долго продолжается — рѣдко болѣе двухъ, трехъ недѣль на одной

и той же солильнѣ, да и не всякій день привозится такое множество сельдей, чтобы всѣмъ рабочимъ хватило работы на цѣлый день. Какъ бы то ни было, одинъ посоль сельдей пускаеть ежегодно въ оборотъ между бѣднымъ классомъ приморскаго населенія юго-западной части Норвегіи круглымъ числомъ отъ 50 до 60,000 спеціесъ талеровъ (отъ 75 до 90,000 р. с.). За заколачиваніе каждой бочки и набивку обручей платять бондарю, находящемуся при каждой солильнѣ, по 3 шиллинга отъ бочки. Всѣ эти издержки на посоль бочки сельдей составять такимъ образомъ (положивъ среднюю цѣну бочки въ 2 урта) слишкомъ 4 урта (около 1 р. 25 к. с.), что, будучи прибавлено къ средней цѣнѣ свѣжихъ сельдей, дастъ всего расхода отъ 14 уртовъ до 3 спеціесъ талеровъ (отъ 4 р. 20 к. до 4 р. 50 к. с.) на бочку. Къ этимъ издержкамъ присоединяются, конечно, еще многія другія, сумму которыхъ, однакоже, трудно опредѣлить, какъ то: проценты съ капитала, употребленнаго на устройство солиленъ (*); ежегодныя издержки на содержаніе ихъ; стоимость снаряженія судовъ, свозящихъ сельди съ мѣстъ лова на солильни; стоимость отвоза сельдей изъ солиленъ въ Бергенъ, Ставангеръ, или, вообще, въ тѣ города, откуда онѣ должны поступать въ заграничную торговлю; расходы по храненію ихъ тамъ въ пакгаузахъ; наконецъ общественныя повинности, лежащія на купцахъ, которыя должны падать въ значительной долѣ на сельдей, какъ на главный предметъ отпускной торговли. Всѣ эти издержки, въ соединеніи съ барышами, какъ хозяевъ солиленъ, такъ и оптовыхъ торговцевъ увеличиваютъ продажную цѣну бочки сельдей до 5, до 6 (какъ, напримѣръ, въ 1861 году) и даже болѣе спеціесъ талеровъ на мѣстѣ, т. е. въ Бергенѣ и другихъ городахъ. Такъ какъ въ 1861 году уловъ былъ меньше средняго, то 5 спеціесъ талеровъ можно принять за среднюю цѣну этого товара, не считая фрахта. Фрахтъ же къ русскимъ портамъ Балтійскаго моря составляетъ 15 голландскихъ гульденовъ (7 р. 95 к. с., считая гульденъ въ 53 к. с.) съ ластва въ 13 тоннъ (тонна 7½ пудовъ). Къ этому прибавляется еще отъ 10 до 15% съ суммы фрахта въ пользу капитана. Такимъ образомъ набавится на тонну еще около полуталера или 75 к. с. и по этому тонна норвежскихъ сельдей должна обходиться у насъ среднею оптовою цѣною отъ 8 до 10 р. с.

По словамъ занимающихся этою торговлею бергенскихъ купцовъ, въ Россію привозится среднимъ числомъ около 230,000 тоннъ зимнихъ норвежскихъ сельдей, именно: около 100,000 въ Ригу, около 40,000 въ Петербургъ и до 90,000 въ прочіе порты Балтійскаго моря. Слѣдовательно, привозится около половины всего улова, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы:	Количество улововъ.		
	Въ южномъ округѣ. Тонны.	Въ сѣверномъ округѣ и въ Сендмѣрѣ. Тонны.	Итого. Тонны.
1852	—	—	600,000
1853	—	—	600,000
1854	—	—	500,000
1855	300,000	100,000	400,000
1856	120,000	200,000	320,000
1857	170,000	150,000	320,000
1858	—	—	450,000
1859	260,000	350,000	610,000
1860	430,000	300,000	730,000
1861	—	—	400,000
Средніе уловы	256,000	220,000	493,000

(*) Капиталъ этотъ составлялъ въ 1860 году слишкомъ 460,000 спеціесъ талеровъ, т. е. до 700,000 р. сер.

Эта таблица составлена на основаніи свѣдѣній, собираемыхъ начальниками надзора и обнаруживаемыхъ въ представляемыхъ ими ежегодныхъ отчетахъ. Свѣдѣнія эти, конечно, только приблизительно вѣрны, потому что доставляются самими промышленниками. Но повѣркою имъ могутъ служить таможенные отчеты о заграничномъ отпускѣ сельдей. Такъ было вывезено изъ норвежскихъ портовъ:

Въ 1853 году	561,488	тоннъ сельдей.
» 1854 »	477,759	» »
» 1855 »	320,588	» »
» 1856 »	520,852	» »
» 1857 »	455,831	» »
» 1858 »	515,677	» »
» 1859 »	661,924	» »

Средній вывозъ 509,017 тоннъ сельдей.

Слѣдовательно, оба среднія числа улова и вывоза довольно близки между собою; если же средній вывозъ оказывается нѣсколькими тысячами тоннъ больше средняго улова, то надо вспомнить, что вывозятся не только сельди зимняго, но и лѣтняго улова; послѣдній можно положить кругомъ въ 50,000 тоннъ (*). Слѣдовательно, заграничный вывозъ собственно зимнихъ сельдей составитъ не болѣе 450,000 тоннъ; сверхъ того, отъ средняго улова ихъ остается еще слишкомъ 40,000 тоннъ на внутреннее употребленіе, которое и не должно быть многимъ больше этого, потому что сельди зимняго улова въ Норвегіи мало употребляются въ пищу, ибо онѣ худы и сухи; ихъ ѣдятъ только во время самаго производства лова участвующіе въ немъ, да развѣ еще семейства рыбаковъ въ промежутокъ времени отъ конца зимняго лова до лѣтняго, но для нихъ онѣ не покупныя. Эти 40,000 тоннъ, т. е. по $1\frac{1}{4}$ тоннъ на каждого изъ ловцовъ, составляютъ такимъ образомъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, весьма приблизительное выраженіе величины внутренняго употребленія зимнихъ сельдей въ Норвегіи, а согласіе между показаніями начальниковъ надзора и таможенными отчетами заставляеть насъ принять 500,000 тоннъ за очень приблизительное среднее выраженіе всего улова зимнихъ сельдей. Эти 500,000 тоннъ сельдей (среднюю продажную цѣну ихъ надо положить въ 5 специесъ талеровъ) составляютъ для Норвегіи ежегодный доходъ въ 2,500,000 талеровъ или 3,750,000 р. с.

Изъ этой суммы, считая по 2 талера $18\frac{1}{2}$ шиллинговъ на тонну свѣжихъ сельдей, около 1,000,000 талеровъ расходится между рыбаками и тѣми купцами, которые на свой счетъ снаряжаютъ неводныя артели и часть лодокъ съ ставными сѣтьми. Такъ какъ число ловцовъ, принимающихъ участіе въ зимнемъ сельдяномъ рыболовствѣ, простирается безъ малаго до 28,000 человекъ (**), то

(*) Это оказывается изъ слѣдующихъ соображеній. Изъ городовъ, лежащихъ сѣвернѣ Олесунда: Мольде, Христіансунда, Дронтгейма и Левангера, откуда отправляются исключительно сельди лѣтняго улова, ибо зимній уловъ, какъ мы видѣли, къ сѣверу отъ Олесунда уже не производится, — было вывезено: въ 1855 году 32,485 тоннъ, въ 1858—30,586, въ 1859—36,347; въ 1856 году было вывезено изъ городовъ, лежащихъ сѣвернѣ Бергена, т. е. кромѣ вышеупомянутыхъ и изъ Олесунда, куда свозится еще не только сендмерскій уловъ (около 20,000 тоннъ), но и часть улова сѣвернаго округа, — 66,177 тоннъ. Слѣдовательно, вывозъ сельдей части лѣтняго лова, производимаго сѣвернѣ границъ зимняго, составитъ отъ 30 до 35 тыс. тоннъ. Но такъ какъ лѣтнія сельди ловятся и внутри границъ зимняго рыболовства и вывозятся оттуда, то мы смѣло можемъ принять весь этотъ вывозъ въ 50,000 тоннъ.

(**) Въ 1854 году въ южномъ и сѣверномъ округахъ было 27,990 ловцовъ, не считая участвовавшихъ въ сендмерскомъ ловѣ, гдѣ отъ 1,200 до 1,500 ловцовъ ловятъ у себя дома и далеко не получаютъ такихъ улововъ, какъ прочіе. По этому, какъ число этихъ ловцовъ, такъ и уловы ихъ надо вычесть изъ нашего расчета.

на полный пай, т. е. на каждого ловца, снаряжающегося на промысел на собственный счет, придется по $36\frac{1}{2}$ speciees талеровъ (54 р. 75 к. с. (*)). Справедливость этого расчета подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ. Мы видѣли, что тамъ, гдѣ ловцы получаютъ отъ своихъ хозяевъ вмѣсто половины добычи — четверть, тамъ взамятъ четверти, которой они лишаются, дается талеръ съ уртомъ (1 р. 80 к. с.) въ недѣлю. Слѣдовательно, долговременный опытъ уже доказалъ, что цѣнность четверти пая почти равняется платѣ по 6 уртъ въ недѣлю, въ теченіи средней продолжительности времени лова; иначе ни купцы, ни ловцы не согласились бы на такую сдѣлку, ибо очевидно, что сдѣлка эта имѣетъ въ виду не измѣнить величину вознагражденія ловцовъ, а только какъ бы уравнять для нихъ шансы улововъ. Среднюю продолжительность лова нельзя положить болѣе, чѣмъ въ 8 недѣль, т. е. январь и февраль мѣсяцы, потому что ежели большое число лодокъ собирается уже къ половинѣ декабря, то за то и много расходуется ихъ уже съ половины февраля. Восемь разъ 6 уртъ составитъ 91 speciees талеровъ и 3 урта, что должно равняться четверти пая, а слѣдовательно весь пай — 38 speciees талерамъ и 2 уртамъ. Это такъ близко подходитъ къ величинѣ выше нами выведеннаго пая, въ $36\frac{1}{2}$ талера, какъ только можно желать въ подобнаго рода расчетахъ. Можно даже сказать, что выведенная вторымъ способомъ величина пая должна быть нѣсколько больше настоящей, ибо плата по 6 уртъ въ недѣлю должна быть скорѣе немногимъ выше, чѣмъ ниже соответствующей ей долѣ улова, представляя ловцамъ нѣкоторую премію взамятъ надежды на необыкновенно счастливый промыселъ, — надежды, которая всегда и во всемъ имѣетъ большое вліяніе на человѣческія дѣйствія, чѣмъ страхъ убытка или неудачи. Въ самомъ дѣлѣ, если купецъ соглашается платить постоянное жалованье, вмѣсто уступки части улова, то вѣдь и его побуждаетъ къ этому надежда, что счастливые шансы выпадутъ при ловѣ на его сторону, и за потерю подобной же надежды онъ долженъ вознаградить ловца. Эта постоянная недѣльная плата (вмѣсто $\frac{1}{4}$ улова) съ его стороны тоже, что покупка рыбной тони, а извѣстно, что цѣна тони всегда нѣсколько выше дѣйствительной цѣнности средняго доставляемаго улова. Но $36\frac{1}{2}$ талеровъ равняются цѣнности полнаго пая, а далеко не всѣ ловцы имъ пользуются, и по этому 1,023,000 талеровъ не сплозна идутъ на вознагражденіе труда ловцовъ, но принадлежатъ частью хозяевамъ, снаряжающимъ неводныя артели и высылающимъ немалое число и лодокъ со ставными сѣтьми. Приблизительно можно положить, что $\frac{1}{4}$ всего улова приходится на невода, и тогда $\frac{1}{8}$ составитъ долю неводчиковъ. Ежели изъ остающихся $\frac{3}{4}$ улова, добытыхъ ставными сѣтьми, примемъ, что третья доля, или опять $\frac{1}{4}$ всего улова, приходится на лодки, снаряжаемая отъ хозяевъ, то работники получаютъ половину этой трети, т. е. опять $\frac{1}{8}$ всего улова; остающаяся за тѣмъ половина всего улова составляетъ уже полную собственность добывающихъ ее ловцовъ. Свѣдѣнія, собранныя мною отъ людей хорошо знакомыхъ съ этимъ рыболовствомъ, заставляютъ меня думать, что такой расчетъ весьма близокъ къ дѣйствительному. И такъ, только $\frac{3}{4}$ улова принадлежатъ ловцамъ, и, слѣдовательно, средняя доля каждого изъ нихъ составляетъ не $36\frac{1}{2}$, а съ небольшимъ 27 талеровъ, или 40 р. с.

Изъ отчета за прошлый годъ видно, что средній пай нашего мурманскаго покрутчика (если

(*) Вычтя 20,000 тоннъ сендмерскаго улова изъ 493,000, составляющихъ средній уловъ всего зимняго сельдянаго рыболовства, и помноживъ 473,000 на 2 талера $18\frac{1}{2}$ шиллинговъ, получимъ 1,023,000 speciees талеровъ, какъ выраженіе цѣнности этого улова сырьемъ, а раздѣливъ это число на 20,000, получимъ $36\frac{1}{2}$ speciees талеровъ, которые и составляютъ средній пай, т. е. приходящійся кругомъ на каждого ловца.

раздѣлить равномерно между всѣми ловцами излишки, получаемые кормщиками), равняется 70 р. с. Хотя эти 70 руб. сер. составляютъ вознагражденія за полугодовой трудъ, а норвежскіе сельдяные промышленники получаютъ свои 40 р. с. съ небольшимъ въ два, много что въ три мѣсяца (считая и со снаряженіемъ на ловъ и съ возвращеніемъ съ него), то все же этотъ остающійся въ ихъ пользу излишекъ времени не дастъ имъ возможности сравняться въ отношеніи получаемого дохода съ нашими мурманскими покрутчиками, потому что, кто принимаетъ участіе въ зимнемъ сельдяномъ ловѣ, тотъ не можетъ уже, по окончаніи его, обратиться къ какому либо другому изъ зимнихъ рыболовствъ, ибо всѣ они происходятъ почти одновременно. Съ наступленіемъ лѣта открывается, правда, лѣтній сельдяной ловъ; но, по сравнительной незначительности его, въ немъ участвуетъ едва ли половина и даже треть зимнихъ ловцовъ, да и уловы не столь изобильны, какъ зимою. Сверхъ того, въ числѣ 40 р. с., составляющихъ пай норвежскаго ловца, должно считать и его пищу, тогда какъ мурманскіе покрутчики находятся на хозяйскомъ содержаніи.

Ознакомившись со способами производства норвежскаго зимняго сельдянаго лова, экспедиція могла дать полезныя указанія для нашего бѣломорскаго и преимущественно кандалакскаго сельдянаго рыболовства, именно она предложила введеніе и распространеніе употребленія ставныхъ сѣтей. Но въ какой бы степени послѣдствія этой мѣры ни оправдали надеждъ экспедиціи, даже если бы нашъ кандалакскій ловъ увеличился въ полтора и даже въ два раза, все таки чрезъ это увеличилось бы благосостояніе только одного изъ самыхъ пустыхъ и наименѣе облагодѣтельствованныхъ природою краевъ нашего отечества, а это не измѣнило бы мѣстнаго характера кандалакскаго рыболовства, раскляющаго свои продукты, кромѣ западной части Архангельской губерніи, только въ часть Вологодской и Олонецкой, и не придало бы этому рыболовству общаго, такъ сказать государственнаго значенія. Довольно сказать, что, въ теперешнихъ своихъ размѣрахъ, оно составляетъ не болѣе какъ отъ $\frac{1}{25}$ до $\frac{1}{20}$ норвежскаго Vaarsildfiskeri и не болѣе $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{9}$ ввоза норвежскихъ сельдей въ Россію. Но въ Россіи есть другое сельдяное рыболовство. Изъ неисчерпаемаго рыбнаго рудника, называемаго Каспійскимъ моремъ, поднимаются ежегодно въ Волгу огромныя массы сельдей. Та же порода сельдей, и, какъ кажется, также въ огромныхъ массахъ, ловится въ Керченскомъ проливѣ и въ низовьяхъ Дона, но размѣры этого лова еще не приведены въ извѣстность. Впрочемъ, одинъ волжскій уловъ не уступаетъ, какъ мы видѣли, по своему количеству, зимнему норвежскому, а по качеству же превосходитъ его, потому что изъ этихъ сельдей могли добывать огромное количество жира. Начальникъ бывшей Каспійской экспедиціи указалъ на способъ употребленія ихъ, несравненно выгоднѣйшій, чѣмъ топленіе изъ нихъ жира, и старанія его не остались тщетными. Съ каждымъ годомъ все большее и большее количество сельдей стало солиться. Для этого-то вновь образовавшагося промысла, изслѣдованія въ Норвегіи настоящей экспедиціи въ особенности не должны остаться безъ пользы.

Первое полезное указаніе для нашего каспійскаго промысла, которое можетъ быть извлечено изъ результатовъ изслѣдованія норвежскаго сельдянаго рыболовства, вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Норвежскіе уловы весьма неравномѣрны: они измѣнялись въ теченіи 10 послѣднихъ лѣтъ отъ 320,000 до 730,000 тоннъ, или въ отношеніи $1 : 2\frac{1}{4}$. Это не можетъ не имѣть огромнаго вліянія, какъ на количество вывоза сельдей, а слѣдовательно и на величину доли, приходящейся на Россію, такъ и на цѣну ихъ. По этому, годъ неулова въ Норвегіи могъ бы быть относительно

выгоднымъ для сбыта нашихъ волжскихъ сельдей, конечно не за границу, а на внутренніе рынки, подобно тому, какъ годы неурожая въ западной Европѣ выгодны для сбыта нашего хлѣба. Если бы можно было напередъ знать, когда будетъ неурожай во Франціи и въ Англии, то, конечно, наши хозяева постарались къ тому времени посѣять какъ можно больше пшеницы. Но что невозможно для хлѣба, то совершенно возможно для сельдей. Зимній норвежскій ловъ оканчивается къ концу февраля по нашему стилю, а ловъ бѣшенки въ Волгѣ начинается съ половины или, чаще, съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля. Слѣдовательно, есть достаточно времени, чтобы сообщить о результатахъ норвежскаго лова нашимъ рыбопромышленникамъ отъ Астрахани до Саратова: хотя они и не имѣютъ возможности по произволу увеличивать лова бѣшенки, но имѣютъ полную возможность увеличить посоль ея, уменьшая или даже совершенно уничтожая долю, идущую на жиротопленіе. Точныя же свѣдѣнія о количествѣ норвежскаго улова можно всегда получать еще въ первой половинѣ марта отъ нашихъ консуловъ и, преимущественно, отъ консула въ Бергенѣ, гдѣ сосредоточивается сельдяная торговля. Но наши консула въ норвежскихъ городахъ не только природные норвежцы, но большею частью въ то же время и сельдяные промышленники и торговцы. По этому, можетъ быть, было бы благоразумнѣе довольствоваться данными, которыя всегда печатаются о ходѣ и результатахъ рыболовствъ въ норвежскихъ газетахъ во время самаго лова и немедленно по его окончаніи. Если выписать какую нибудь норвежскую газету, напримѣръ издаваемый въ Христианіи «Morgenbladet» и еще лучше «Rigstittende», и озаботиться о наивозможно быстрѣйшемъ доставленіи ихъ въ Петербургъ, то можно было бы къ концу марта составить извлеченія изъ нихъ о результатахъ зимняго сельдянаго лова и, отпечатавъ эти извлеченія, разослать для сообщенія астраханскимъ и саратовскимъ промышленникамъ и припечатанія въ тамошнихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Большихъ познаній въ датскомъ языкѣ не нужно, чтобы понять смыслъ небольшихъ газетныхъ статей о рыболовствѣ.

Въ 1857 году бочка въ 1,000 штукъ астраханскихъ сельдей продавалась въ Нижнемъ-Новгородѣ по 28 р. с. и эту цѣну сельдяные промышленники находили необыкновенно выгодною. Но 1,000 астраханскихъ сельдей равняются 2,160 норвежскихъ, если принять въ расчетъ средній вѣсъ тѣхъ и другихъ; слѣдовательно, бочка, за которую платили въ Нижнемъ-Новгородѣ 28 р. с., равняется $4\frac{1}{2}$ норвежскимъ тоннамъ въ 480 сельдей и, слѣдовательно, норвежская тонна стоила бы по этой цѣнѣ только 6 р. 22 к. с., тогда какъ средняя цѣна ея въ Петербургѣ, какъ мы видѣли, не менѣе 8 р. 25 к. с. Въ 1860 году тонна норвежскихъ сельдей стоила въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ 10 р. с. и наши сельди, продаваясь по 40 р. с. за бочку, могли бы съ выгодой еще съ ними соперничать, если бы были одинаковаго съ ними качества. Что наши сельди могутъ не только сравняться, но и превзойти норвежскія, по своимъ природнымъ свойствамъ, въ этомъ меня удостовѣряетъ личный опытъ, — надо только солить наши сельди не хуже норвежскихъ. Что это не мудрено, легко можно усмотрѣть изъ вышеприведеннаго описанія приготовленія зимнихъ норвежскихъ сельдей, — описанія, которое и сдѣлано съ такою подробностью именно съ цѣлью показать эту немудреность.

Совѣтуя выписать нѣсколько норвежскихъ ловцовъ для введенія у насъ на Бѣломъ морѣ лова сельдей ставными сѣтями, я изъявилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ могъ привиться тамъ и норвежскій способъ соленія, хотя и немудреный, но все таки требующій и болѣе времени, и болѣе старательности, и болѣе издержекъ, чѣмъ доселѣ употребляемый крестьянами Поморья. Хозяйственное устройство нижеволжской рыбной промышленности, всегда сосредоточенной на большихъ или на

малых ватагахъ, находящихся въ рукахъ не простыхъ крестьянъ, а зажиточныхъ промышленниковъ, заставляетъ меня, напротивъ того, думать, что на Волгѣ норвежское соленье очень легко можетъ быть перенято. Доселѣ и наше правительство, и частные люди, желая ввести у насъ улучшения въ приготовленіи сельдей, всегда имѣли въ виду лишь голландскій способъ соленья, безспорно самый лучший, и съ этою цѣлью выписывали однихъ голландцевъ. Это кажется мнѣ большою ошибкою, и результаты вполне оправдываютъ мое мнѣніе, ибо улучшенное соленье у насъ нигдѣ не привилось. Причины на это нѣсколько.

1) Тщательность и усилія, употребляемыя на приготовленіе какого нибудь продукта, должны находиться въ извѣстной соотвѣтственности съ естественными качествами того матеріала, изъ котораго онъ готовится. Извѣстны, напримѣръ, превосходныя качества нашей крупчатой елецкой муки, — качества, достигаемыя длиннымъ рядомъ операций, состоящихъ въ мочкѣ зерна, смѣшеніи въ извѣстной пропорціи озимой пшеницы съ яровою, въ постепенномъ сдираніи на различныхъ жерновахъ концентрическихъ слоевъ съ зерна (дающихъ сначала отруби, потомъ низшіе сорта муки, извѣстные подъ именами сѣрокулишной, подрукавной, и т. д.), и, наконецъ, въ возможно тонкой перемолкѣ остающагося центрального ядра — манной крупы — на крупчатую муку. Странно бы было, если бы кто захотѣлъ примѣнить такой улучшенный способъ помола и ко ржи, ибо здѣсь достаточно одного просѣиванья для полученія продукта той доброты, какой можно требовать отъ ржаной муки. Подобнымъ же образомъ изъ всѣхъ сортовъ сельдей, живущихъ въ русскихъ моряхъ, только однѣ осеннія кандалакскія достаточно хороши для того, чтобы ихъ стоило готовить голландскимъ способомъ.

2) Сельди голландскаго соленья составляютъ, у насъ по крайней мѣрѣ, предметъ роскоши, притомъ еще мало употребительный, и слѣдовательно имѣютъ весьма ограниченный сбытъ. Могутъ ли послѣ этого промышленники употреблять нужную тщательность для приготовленія такихъ сельдей, имѣя въ виду, что онѣ останутся безъ сбыта, или по крайней мѣрѣ безъ такого сбыта, который бы достаточно вознаграждалъ ихъ труды? Если голландцы могутъ готовить съ выгодною свои сельди, то потому, что онѣ требуются во всѣ страны, хотя бы и въ небольшомъ количествѣ въ каждую изъ нихъ, да и у себя дома имѣютъ онѣ обезпеченный сбытъ.

3) Голландское соленье сельдей не составляетъ какого нибудь секрета. Вся тайна приготовленія заключается въ соблюдаемой при этомъ необыкновенной чистотѣ, аккуратности и старательности, — качествахъ, которыя составляютъ въ самой высокой степени принадлежность національнаго характера голландцевъ и которыя перенять и усвоить невозможно тому, кто не одаренъ ими отъ природы. Отдѣльныя лица и у насъ, конечно, могутъ быть столь же аккуратны, какъ аккуратнѣйшій голландецъ, но къ массѣ цѣлаго промышленнаго населенія эти чуждыя его основному характеру качества никогда не привьются. И это относится не къ однимъ намъ русскимъ, а почти ко всѣмъ другимъ народамъ: норвежцамъ, шведамъ, французамъ и даже англичанамъ и шотландцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему шотландскія сельди такъ много уступаютъ голландскимъ, хотя ловятся въ той же самой мѣстности и въ тоже самое время? Кажется, ловящіе здѣсь англичане и шотландцы могли бы научиться, имѣя всегда хорошій примѣръ подъ бокомъ, но, нѣтъ, не учатся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приходило одно голландское судно на зимній финмаркенскій тресковый ловъ покупать свѣжую треску и солить. Во-первыхъ, голландцы покупали только рыбу извѣстной мѣры, бракуя все, что было больше или меньше ея, какъ неудобное при укладкѣ. Потомъ, они требовали, чтобы рыба никакъ не была снулая, а

непремѣнно заколота еще при жизни, безъ сомнѣнія, для того, чтобы кровь лучше стекала. Конечно, за исполненіе такихъ требованій они дороже и платили. Это побуждало норвежскихъ рыбаковъ прибѣгать къ обману, т. е. колоть уже заснувшую рыбу, но голландцы пересматривали каждую принимаемую треску и всегда открывали обманъ. Послѣ этого, они тщательно перемывали каждую рыбу и, разрѣзавъ по поламъ вдоль спины и брюха, солили наипакуратнѣйшимъ образомъ въ бочкахъ. Конечно, этимъ способомъ они могли посолить только одну рыбу въ то время, когда норвежцы насолели бы десять, но за то приготовленная ими треска должна была быть въ своемъ родѣ столь же превосходнымъ продуктомъ, какъ и голландскія сельди. Но имѣлъ ли данный голландцами примѣръ какое нибудь вліяніе на норвежскихъ промышленниковъ? Они съ любопытствомъ смотрѣли на странность заѣзжихъ чудаковъ и продолжали солить и сушить по своему, — и таково всегда дѣйствіе примѣра, слишкомъ уже высоко стоящаго надъ уровнемъ какой бы ни было отрасли промышленности или искусства.

4) Къ указаннымъ природнымъ качествамъ голландцевъ надо прибавить еще долговременныя усилія ихъ правительства довести приготовленіе сельдей до возможной степени совершенства, при помощи строгой цеховой организаціи промышленности (*). Такая организація, можетъ быть вредная во многихъ отношеніяхъ, имѣла, однакоже, несомнѣнно самое благодѣтельное вліяніе на совершенство продуктовъ. Эти законодательныя мѣры, согласныя съ народнымъ характеромъ и дѣйствовавшія въ теченіи долгаго времени, образовали, наконецъ, живое преданіе, обратились въ народную привычку.

Какимъ же образомъ послѣ этого надѣяться достигнуть въ нѣсколько лѣтъ, выпискою двухъ, трехъ голландцевъ, результата, который есть плодъ соединенія выгодныхъ условій естественныхъ (превосходное качество сельдей въ сѣверной части Нѣмецкаго моря), экономическихъ (обширность и обеспеченность сбыта голландскихъ сельдей), этнографическихъ (необыкновенная аккуратность и въ пословицу вошедшая чистоплотность голландцевъ) и, наконецъ, историческихъ (цеховое устройство и строгость браковки)? Можно возразить, что есть же, однако, и у насъ нѣсколько рыбныхъ продуктовъ, которые, въ своемъ родѣ, такое же совершенство, какъ и голландскія сельди, именно: астраханскіе икра, клей и донской балыкъ. Но этотъ примѣръ говоритъ только въ пользу выраженного мною здѣсь мнѣнія. Сырые матеріалы, изъ которыхъ названные продукты готовятся, обладаютъ качествами несравненнаго превосходства. Сбытъ этихъ предметовъ роскоши, частью, какъ икра и балыкъ, пришедшихся по народному вкусу, частью же, какъ клей, составляющій ничѣмъ незамѣнимый продуктъ при нѣкоторыхъ промышленныхъ производствахъ, — обширенъ и обеспеченъ. Тѣмъ не менѣе, тотъ весьма бы ошибся, кто бы сталъ думать, что умѣнье готовить, на примѣръ, лучшіе сорта икры составляетъ общее достояніе всего прикаспійскаго рыболовнаго населенія, какъ соленіе сельдей для голландскихъ рыбаковъ. Съ перваго взгляда можно отличить икру ватажнаго приготовленія отъ приготовляемой на эмбенскомъ и прочихъ вольныхъ промыслахъ. Тутъ все искусство также состоитъ

(*) Въ видѣ примѣра приведу только, что бочки, назначавшіяся для соленія сельдей, должны были быть непремѣнно одной мѣры и безъ малѣйшаго изъяна. Съ этою цѣлью каждый бочаръ долженъ былъ выставлять свой штемпель на своихъ бочкахъ; послѣ этого онѣ подвергались осмотру особливо назначавшихся для этого присяжныхъ, и только бочки, найденныя ими годными, получали городской штемпель и могли быть употребляемы на соленіе сельдей. Другое правило требовало, чтобы сельди перваго посола при пересолкѣ такъ плотно укладывались, чтобы изъ 18 бочекъ непремѣнно уложились въ 12. Отъ капитана каждаго судна, отправлявшагося на сельдяной ловъ, требовалась присяга, что сельди, уловенныя въ ночь, будутъ посолены не позже, какъ въ теченіе слѣдующаго дня и т. д.

лишь въ употребленіи самой лучшей соли, въ знаніи пропорціи ея, смотря по времени года, въ опрятности и тщательности приготовленія; но оно далось лишь особливимъ мастерамъ — икра-никамъ, которымъ платятъ на ватагахъ большія деньги и которымъ оно передается по преданію отъ учителя къ ученику съ давнихъ временъ.

Въ отношеніи лова бѣшенки въ нижней Волгѣ есть еще одно обстоятельство, ему специальное и составляющее значительное препятствіе къ тщательному и аккуратному приготовленію этой рыбы. Это — короткость времени, на которое она появляется въ Волгѣ. Все время лова ея, отъ устій до Камышина, едва ли продолжается мѣсяць, а на низовыхъ ватагахъ, гдѣ ловъ самый изобильный, проходъ ея продолжается лишь нѣсколько дней. Въ это время спѣшать, конечно, наловить ее какъ можно больше, и дѣйствительно уловы доходятъ до 200,000 штукъ въ одинъ неводъ (что, по сравнительной величинѣ этой рыбы, равняется до 500,000 штукъ норвежскихъ сельдей), а такихъ неводовъ затягиваютъ въ ночь нѣсколько. Правда, что и въ Норвегіи случаются изумительно большіе уловы неводами. Рассказываютъ, что въ одинъ неводъ попадалось до 7,000 тоннъ, слѣдовательно до 3,500,000 штукъ сельдей. Но не надо забывать, что такой уловъ приходится на одинъ неводъ изъ сотни, да и то далеко не каждый годъ; при томъ же нельзя сказать, чтобы такое огромное количество сельдей составляло дѣйствительно одну неводную тягу, — оно только было заперто неводомъ въ губѣ, а потомъ вычерпывалось оттуда маленькими неводами цѣлый день или даже нѣсколько дней. Очевидно, что краткость времени появленія бѣшенки въ водахъ, принадлежащихъ каждой ватагѣ, и рядъ быстро слѣдующихъ одна за другою, изумляющихъ своимъ изобиліемъ тоней должны были повести къ избранію наивозможно быстрого способа соленія. Ихъ кладутъ въ огромные лари точно также, какъ всю прочую рыбу, но не размѣщаютъ правильными рядами, а нечищенныхъ валятъ какъ нибудь, пересыпая солью. При отсылкѣ, перекладываютъ ихъ изъ ларей также безъ всякаго порядка въ бочки, очень худо сдѣланныя, которыя вовсе не могутъ держать въ себѣ разсола.

Какъ бы то ни было, однако сельди такого небрежнаго приготовленія и такой дурной упаковки имѣютъ свой обширный кругъ сбыта; но тамъ, гдѣ имъ приходится вступать въ соперничество съ норвежскими сельдями, онѣ, конечно, должны бывають уступать имъ поле. Не думая, по этому, чтобы можно было совершенно замѣнить норвежскимъ способомъ соленіе бѣшенки въ ларяхъ, я полагаю однакоже, что такая замѣна можетъ быть сдѣлана отчасти, для половины, на примѣръ, или даже только для трети всего солимаго количества, подъ покровительствомъ недостаточности ввоза и дороговизны норвежскихъ сельдей въ годы ихъ неулова. Если бы только 10 или 12 тыс. нашихъ бочекъ, равняющихся 40,000 или 50,000 норвежскихъ, могли быть посланы на нижней Волгѣ немудренымъ норвежскимъ способомъ, то каспійскія сельди могли бы совершенно завладѣть, въ неуловный для Норвегіи годъ, петербургскимъ рынкомъ, а потомъ, подъ вліяніемъ несомнѣнныхъ отъ этого барышей, и совершенно на немъ удержаться, впоследствии же, можетъ быть, и совершенно завладѣть всѣми балтійскими рынками, при помощи варшавской и динабургско-рижской желѣзныхъ дорогъ.

Приготовленіе сельдей норвежскимъ способомъ такъ немудрено, такъ мало требуетъ искусства и тщательности, что ему можно бы научиться изъ одного сообщеннаго выше описанія; но, не говоря уже о томъ, что наглядный примѣръ всегда быстрѣ ведетъ къ подражанью, чѣмъ одно чрезъ чтеніе приобрѣтенное знакомство съ дѣломъ, всякій практическій приѣмъ, какъ бы онъ ни казался легкимъ на видъ, требуетъ непременно извѣстной сноровки, безъ которой работа не будетъ спориться, а эту

снаровку можно усвоить себѣ только черезъ наглядное изученіе. По этому, я считаю полезнымъ выписку двухъ или трехъ семействъ норвежскихъ рыбаковъ на нижнюю Волгу, — я говорю: семействъ, потому что чистка сельдей и укладка ихъ въ бочки дѣлается въ Норвегіи почти исключительно женщинами. Поселить эти семейства отдѣльно, съ предоставленіемъ въ пользованіе ихъ какого нибудь участка рѣки, полагаю я, было бы весьма затруднительно. Всѣ участки, какъ принадлежащіе городамъ, такъ и селеніямъ государственныхъ крестьянъ, отдаются на откупъ; ловъ производится на нихъ въ большомъ видѣ и продукты его приготовляются на особливой для каждаго участка ватагѣ. Переселенныя норвежскія семейства, безъ сомнѣнія, не будутъ имѣть достаточнаго капитала, чтобы взять такой участокъ на откупъ, и если бы даже правительство захотѣло имъ уступить на время совершенно безвозмездно участокъ собственно ему принадлежащихъ водъ, то и тогда, гдѣ бы имъ взять капиталъ для заведенія ватаги, нужныхъ для лова снастей, найма работниковъ, закупки бочекъ и соли, и вообще производства промысла. Къ тому же въ каждомъ участкѣ производится ловъ не одной только бѣшенки, но и многихъ другихъ рыбъ, въ ловѣ и приготовленіи которыхъ норвежцы не имѣютъ никакой опытности. Наконецъ, и примѣръ, который они могли бы подать въ кругѣ ихъ дѣятельности, по необходимости весьма ограниченномъ, остался бы безъ ощутительнаго вліянія на прочихъ промышленниковъ. По этому, они необходимо должны быть работниками на большихъ ватагахъ, хозяева которыхъ имѣли бы и желаніе, и возможность готовить бѣшенку по норвежскому способу въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Мнѣ кажется, правительству легко было бы уговорить откупщиковъ Астраханскихъ казенныхъ водъ принять на свое иждивеніе одно изъ семействъ. Другія два или три семейства, нанявъ ихъ на три года, всего лучше было бы заставить работать по году на какой либо изъ частныхъ ватагъ ниже Астрахани, выше этого города и у верхней границы той части Волги, гдѣ еще ловъ бѣшенки производится въ обширныхъ размѣрахъ, чтобы такимъ образомъ распространить норвежскій способъ приготовленія сельдей по всему протяженію лова ихъ на Волгѣ. Такъ какъ весьма сомнительно, однакоже, чтобы хозяева ватагъ согласились принять на себя эти издержки, то правительство могло бы пожертвовать небольшою суммою, нужною для найма норвежскихъ семействъ, въ пользу развитія волжской сельдяной промышленности. На первые два года можно бы избрать промысла князя Долгорукова, лежащіе у самаго устья Волги, и ватагу Сѣроглазинскую выше Астрахани, ибо управляющій первыми, г. Кожевниковъ, и откупщикъ послѣдней, г. Недорѣзовъ — оба извѣстны съ самой выгодной стороны своими стараніями ввести и улучшить соленіе сельдей на Волгѣ. На третій годъ норвежцы могли бы быть помѣщены на какую либо изъ ватагъ, лежащихъ выше Царицына.

Такимъ образомъ изслѣдованія зимняго норвежскаго сельдянаго лова навели экспедицію на предложеніе слѣдующихъ трехъ мѣръ, долженствующихъ, по ея мнѣнію, послужить къ развитію нашихъ сельдяныхъ промысловъ:

1) Выписать и содержать на казенномъ жалованьи въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ 2 или 3 норвежцевъ, занимающихся сельдянымъ ловомъ, для введенія въ Бѣломъ морѣ и, преимущественно, въ Кандалакской губѣ, лова сельдей ставными сѣтями. Чтобы здѣсь принялся и норвежскій способъ приготовленія сельдей, на это надежды мало, а потому нѣтъ нужды, чтобы выписываемые норвежцы сопровождались ихъ семействами.

2) Выписать два или три семейства норвежскихъ сельдяныхъ промышленниковъ, и одно — или

два — изъ нихъ также содержать на казенномъ жалованьи, съ цѣлью примѣненія норвежскаго способа приготовленія сельдей къ ловимой въ нижней Волгѣ бѣшенкѣ.

3) Принять мѣры къ своевременному полученію свѣдѣній о результатахъ норвежскаго зимняго сельдянаго рыболовства, черезъ нашего консула ли въ Бергенѣ, или, что лучше, прямо изъ норвежскихъ газетъ, — для немедленнаго сообщенія этихъ свѣдѣній нашимъ астраханскимъ и саратовскимъ сельдянымъ промышленникамъ, дабы они могли, сообразуясь съ норвежскими уловами, соразмѣрять свои сельдяные посолы.

Теперь перехожу къ описанію Лофоденскаго тресковаго лова, изъ изслѣдованія котораго, однакоже, хотя оно и составляло главную цѣль, для которой Бѣломорская экспедиція должна была посѣтить Норвегію и провести въ ней около года, можно извлечь гораздо менѣ полезныхъ примѣненій для русскаго рыболовства, чѣмъ изъ знакомства съ норвежскимъ зимнимъ сельдянымъ ловомъ.

II. ЛОФОДЕНСКІЙ ТРЕСКОВЫЙ ЛОВЪ.

У границы Финмаркена съ Норландомъ, почти подъ 69° широты, начинается одинъ изъ самыхъ большихъ прибрежныхъ норвежскихъ острововъ — Гиндѣ (Hindö), отдѣляющійся отъ материка только узкимъ проливомъ. По народному понятію, онъ не считается еще въ числѣ Лофоденовъ, но по своему положенію составляетъ какъ бы основу, къ которой примыкаютъ прочіе острова, чтобы составить вмѣстѣ съ нимъ группу, извѣстную въ географіи подъ именемъ Лофоденской. Къ западному краю Гиндѣ примыкаетъ первый изъ собственно такъ называемыхъ Лофоденскихъ острововъ — Остъ-Вогенъ (Ost-Vaagen), отдѣляющійся отъ него Рафте-сундомъ, узкимъ проливомъ, знаменитымъ по дикимъ красотамъ утесистыхъ горъ, между которыми онъ прорѣзывается. Остъ-Вогенъ имѣетъ форму параллелограма, одна пара параллельныхъ сторонъ котораго направлена отъ В.-С.-В. къ З.-Ю.-З. Въ этомъ направленіи тянется и рядъ прочихъ острововъ, примыкающій къ его обращенному на З.-С.-З. краю, именно Вестъ-Вогенъ (West-Vaagen) съ небольшимъ островомъ Гимсе (Gimsö), Флакстадѣ (Flakstadö) и Москенэсѣ (Moskecesö). Всѣ они отдѣляются другъ отъ друга узкими, направленными къ С.-С.-В., довольно извилистыми проливами, такъ что вся гряда острововъ кажется сплошною цѣпью скалистыхъ горъ, стоящихъ въ нѣсколько рядовъ, — по вѣрному и общепринятому сравненію — точно зубы въ пасти акулы. Такъ какъ берегъ материка, составляющій здѣсь Салтенскій округъ (Salten fogderi) Нордландскаго амта, отъ той точки, гдѣ отъ него отдѣляется островъ Гиндѣ, идетъ въ юго-западномъ направленіи, то онъ образуетъ съ грядою Лофоденовъ острый уголъ градусовъ въ 25, выполняемый заливомъ океана, извѣстнымъ подъ именемъ Вестъ-фіорда, отличающимся отъ большей части прочихъ заливовъ тѣмъ, что онъ не глухой, а, напротивъ, изъ него есть выходъ узкимъ проливомъ между материкомъ и Гиндѣ въ Вогфіордъ, вдающійся изъ океана по сѣверную сторону этого острова. У З.-Ю.-З. оконечности Москенэсѣ оканчивается стѣна почти соприкасающихся между собою острововъ; но на линіи, составляющей продолженіе ихъ направленія, стоятъ еще, какъ бы обломки отъ этой стѣны, маленькіе острова Вэре (Uøerö) и Рестъ (Röst), окруженные множествомъ лудъ и отдѣленные какъ другъ отъ друга, такъ и отъ Москенэсе, проливами версты отъ 15 до 20 шириною. У самаго начала Лофоденской гряды въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. у входа въ Рафте-сундъ, лежитъ небольшой островъ Сторе-Мола (Store-Mola),

играющій въ маломъ видѣ ту же роль, какую Гинде для всѣхъ Лофоденовъ, ибо къ нему примыкаютъ, продолжая направленіе его длины, островъ Ли́ла-Мола и далѣе Скровень. Направленіе этой второ-степенной группы (отрасли отъ главной гряды Лофоденовъ) параллельно направленію берега материка и, слѣдовательно, составляетъ съ Ость-Вогеномъ точно такой же уголъ, какъ главная гряда съ материкомъ, такъ что тутъ образуется заливъ, который, по своей формѣ, есть совершенная миниатюра Вестъ-фіорда и онъ то составляетъ, какъ увидимъ ниже, главное поприще лофоденскаго лова. Съ океанской стороны примыкаютъ къ Гинде съ сѣверо-востока Анде (Andö), съ сѣверо-сѣверо-запада большой островъ Ланге (Langö), между которымъ и Ость-Вогеномъ находится еще средней величины островъ Гасселе (Hasselö). Всѣ эти большіе, средніе и малые острова, входящіе въ составъ группы Лофоденовъ въ географическомъ смыслѣ этого слова, окружены еще, какъ со стороны Вестъ-фіорда, такъ и со стороны океана, безчисленнымъ множествомъ мелкихъ острововъ, лудъ, подводныхъ и надводныхъ камней. Въ административномъ отношеніи, около половины острова Гинде принадлежитъ къ Финмаркенскому амту; изъ остальной же половины одна часть относится къ Сальтенскому округу Нордландскаго амта, а другая, вмѣстѣ со всѣми примыкающими къ нему вышеупомянутыми островами, составляетъ отдѣльный округъ того же амта, извѣстный подъ названіемъ Лофодено-Вестеролено-Анденэскаго (Lofoden, Vesteraalen og Andenaess fogderi), при чемъ Вестероленомъ называется западная половина Гинде съ восточною частью Ость-Вогена, а Анденэссомъ — острова Анде, Ланге и Гасселе, наконецъ собственно Лофоденами — тянущійся стѣною рядъ острововъ, образующій сѣверо-западный берегъ Вестъ-фіорда, на большей части его протяженія.

Понятіе, соединяемое съ названіемъ Лофоденовъ, въ рыболовномъ отношеніи еще тѣснѣе этого. Въ этомъ случаѣ разумѣютъ только сѣверо-западный Лофоденскій берегъ Вестъ-фіорда отъ рыболовнаго становища и пароходной пристани Бретеснэса (Brettesnes) у южной оконечности острова Сторе-Мола до урочища Лофоденъ у южной оконечности острова Москенэса; такъ что, когда говорятъ о мѣстности лофоденскаго лова, исключаютъ изъ нея не только побережья Анденэса и Вестеролена, но и весь океанскій берегъ собственныхъ Лофоденовъ, равно какъ и острова Вэре и Рестъ. При этомъ надобно знать, что смыслъ понятія: лофоденскій ловъ не равнозначущъ съ чисто мѣстнымъ понятіемъ лова *у* или *вдоль* Лофоденскихъ острововъ, а гораздо болѣе опредѣлительнъ, ибо означаетъ рыболовство, производимое въ опредѣленный срокъ и въ опредѣленной мѣстности, организованный спеціальнымъ образомъ и подчиненный извѣстнымъ правиламъ (подъ наблюденіемъ нарочно съ этой цѣлью назначаемаго надзора), неимѣющимъ примѣненія ни къ какому другому рыболовству, хотя бы оно производилось совершенно въ сосѣдствѣ его. Пространство берега, вдоль котораго происходитъ лофоденскій ловъ, отъ Лофодена до Бретеснэса, составляетъ около 90 верстъ, и въ этомъ числѣ маленький заливъ, ограничиваемый Ость-Вогеномъ и рядомъ острововъ: Сторе-Мола, и Скровеномъ, занимаетъ до 16 верстъ въ длину и до 8 въ наибольшую ширину; ширина же всего Вестъ-фіорда противъ Лофодена около 80 верстъ, а около Бретеснэса около 20 верстъ. Вся длина Вестъ-фіорда отъ Реста до той точки, гдѣ онъ суживается въ проливъ, раздѣляющій Гинде отъ материка, будетъ безъ малаго вдвое болѣе противъ части его, составляющей поприще лофоденскаго лова.

Причина особой организаціи лофоденскаго лова, спеціально составленныхъ для него правилъ и назначаемаго на него надзора заключается, какъ въ многочисленности стекающагося сюда со всего Нордланда, части Финмаркена и даже изъ обоихъ сѣвернаго и южнаго Дронтгеймскихъ амтовъ,

народа (число промышленниковъ въ послѣдніе годы доходило болѣе чѣмъ до 24,000 человекъ), такъ и въ запутанности и противоположности интересовъ какъ ловцовъ, ловящихъ различными снастями между собою, такъ и ловцовъ вообще съ одной стороны, и владѣльцевъ береговъ съ другой. О томъ, каковы должны быть эта запутанность и противоположность интересовъ, можно судить уже потому, что въ теченіе болѣе 200 лѣтъ, именно съ 1627 года, издавались черезъ краткіе промежутки времени все новыя и новыя законодательныя постановленія, то пояснявшія и дополнявшія, то совершенно уничтожавшія и замѣнявшія другъ друга, и только лишь два года тому назадъ, именно въ 1859 году, законоположенія эти были приведены, какъ кажется, въ окончательный порядокъ.

Что касается до многочисленнаго стеченія народа на лофоденскій ловъ, то оно, съ своей стороны, обуславливается, какъ постоянствомъ притока рыбы въ обозначенное выше точнымъ образомъ пространство (здѣсь количество рыбы только колеблется въ различные годы между его восточною и западною половинами), такъ и удобствомъ, представляемымъ для рыболовства мѣстностью, прикрытою множествомъ острововъ отъ сильныхъ бурь и волненія, и близостью ея отъ материка, дающею возможность переплывать здѣсь Вестъ-фіордъ съ нѣкоторою безопасностью на обыкновенныхъ безпалубныхъ ёлахъ. Этихъ удобствъ не представляетъ ни куть Вестъ-фіорда вдоль береговъ Вестеролена, ни крайне западные острова Вэре и Реста, ни океанская сторона Лофоденской группы, почему они и остаются исключенными изъ собственно лофоденскаго лова. Въ Рафтесундѣ, во вдающемся въ Гинде Канстадъ-фіордѣ, у группы маленькихъ Рисверскихъ островковъ и у острова Сваллингена, лежащихъ у южнаго берега Винде, въ иные годы бываетъ очень значительный ловъ, но онъ всегда бываетъ коротковремененъ, а въ другіе годы рыба туда почти вовсе не заходитъ. Напротивъ того, у Вэре, Реста и по наружную сторону всѣхъ Лофоденовъ, хотя рыба и приближается къ берегамъ въ большихъ количествахъ каждый годъ, нѣсколько ранѣе ея появленія въ Вестъ-фіордѣ, но море усѣяно здѣсь такимъ множествомъ подводныхъ и надводныхъ скаль, что кромѣ мѣстныхъ жителей, проводившихъ тутъ всю свою жизнь, никто изъ постороннихъ не смѣетъ пускаться въ этотъ страшный, грозящій гибелью, лабиринтъ; да и на берегу тутъ нѣтъ безопасныхъ становищъ, за исключеніемъ весьма немногихъ на Вестъ-Вогенѣ. У Вэре и Реста къ тому же господствуютъ сильныя морскія теченія, въ томъ числѣ и знаменитый водоворотъ Мальстремъ, при ближайшемъ знакомствѣ хотя и лишившійся, подобно Сцилѣ и Харибдѣ, почти всей, внушавшей ужасъ, славы, но все еще могущій быть очень опаснымъ для рыболовныхъ лодокъ.

Мѣстность отъ Лофотодена до Бретеснэса, составляющая поприще лофоденскаго лова, раздѣляется въ рыболовномъ отношеніи на двѣ части: *восточные Лофодены* и *западные Лофодены*. Къ первымъ принадлежитъ только островъ Остъ-Вогенъ съ отдѣляющеюся отъ него грядою острововъ: Сторе и Лиле-Мола и Скровенъ; ко вторымъ же Гимсе, Вестъ-Вогенъ, Флакстаде и Москенэсе; границею между ними служитъ проливъ Гимсъ Стромъ, отдѣляющій Гимсе отъ Остъ-Вогена. Въ восточныхъ Лофоденахъ считается 12 становищъ, между которыми главнѣйшія суть: *Скровенъ* на островѣ того же имени, гдѣ въ 1860 году было собрано 3,489 ловцовъ, *Естнаэсъ-фіордъ* (östnaes fiord), заливъ, глубоко врѣзывающійся въ Остъ-Вогенъ и, вмѣстѣ съ идущими къ нему на встрѣчу съ океанской стороны Гергрофсъ и Моръ-фіордами, едва не перерѣзывающій его на два отдѣльныхъ острова. Въ этомъ фіордѣ происходилъ главный ловъ, какъ въ 1859, такъ и въ 1861 годахъ; здѣсь могли мы наблюдать всѣ подробности его на тихой водѣ, въ то время какъ по собственному Вестъ-фіорду и

даже въ части его, отгороженной Сторе-Мола, Лиле-Мола и Скровенномъ, ходили высокія волны, заставившія всѣхъ рыбаковъ, оставивъ снасти, искать убѣжища по ближайшимъ становищамъ. *Свольвэръ* (Svolvaer), пристань, въ которую заходятъ пароходы внѣ времени лофоденскаго лова; во время же лова пароходамъ не дозволено ходить туда, гдѣ онъ производится, не только изъ уваженія къ народному предразсудку, что онъ будто бы пугаетъ и разгоняетъ рыбу, что очевидно несправедливо, ибо треска держится на такой глубинѣ, на которую производимое пароходомъ движеніе въ водѣ не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія, сколько потому, что онъ намоталъ бы себѣ на колеса и перепугалъ бы всѣ снасти, вымотанныя на его дорогѣ. Содержать же для него всегда не заставленный снастями фарватеръ было бы затруднительно и обидно для ловцовъ. *Кабельвогъ* и *Сторвогенъ*. Въ каждое изъ этихъ четырехъ становищъ въ иной годъ собирается до трехъ слишкомъ тысячъ ловцовъ. Наконецъ, *Геннингсвэръ* (Henningsvaer), лежащій въ группѣ острововъ того же имени, у юго-западной оконечности Ость-Вогена, противъ высочайшей изъ лофоденскихъ горъ или, правильнѣе, скалъ, величественнаго Вогекалена (слишкомъ 4,000 ф.). Геннингсвэръ былъ въ послѣдніе годы самымъ главнымъ изъ всѣхъ лофоденскихъ становищъ, такъ какъ въ него стекалось иногда до 4,000 рыбаковъ. Въ западныхъ Лофоденахъ — 15 становищъ, изъ которыхъ замѣчательны только *Сварголтъ* (Svarholt), *Стамсундъ* и *Стене*, лежащія на пространствѣ какихъ нибудь 5 верстъ, почти на серединѣ протяженія острова Вестъ-Вогена, и куда въ годъ лучшаго для западныхъ Лофоденовъ лова стекается около половины всѣхъ рыбаковъ, принимающихъ участіе въ западномъ Лофоденскомъ ловѣ; въ 1856 году, напримѣръ, было въ этихъ становищахъ 6,516 ловцовъ изъ 12,428, ловившихъ въ этомъ году въ западной части Лофоденовъ.

Въ настоящее время раздѣленіе Лофоденовъ на восточные и западные не имѣетъ другаго значенія, какъ то, что въ одинъ годъ рыба, а за нею и промышленники скучиваются преимущественно у восточныхъ, въ другой же у западныхъ острововъ, и что у западныхъ Лофоденовъ ловъ всегда нѣсколько долѣе продолжается, чѣмъ у восточныхъ. Но въ прежнія времена это раздѣленіе было гораздо существеннѣе и находилось въ тѣсной связи съ исторіею развитія лофоденскаго лова, которая вся заключается въ двухвѣковой слишкомъ борьбѣ между приверженцами различныхъ, употребляемыхъ для лова трески, снастей, да въ противоположныхъ притязаніяхъ владѣльцевъ береговъ и собирающихся на время рыболовства промышленниковъ изъ различныхъ частей Норвегіи. Этотъ послѣдній споръ имѣетъ нѣкоторое сходство съ процессомъ, тянущимся у насъ между правительствомъ и частными владѣльцами сѣвернаго берега Каспійскаго моря, и касается общинтереснаго вопроса о правахъ и повинностяхъ владѣльцевъ береговъ рыболовныхъ участковъ моря.

Первый споръ, о вліяніи на тресковый ловъ различныхъ снастей, имѣетъ для насъ еще гораздо ближайшій интересъ, не только по возможному возникновенію его, въ примѣненіи къ нашему мурманскому лову, но и потому, что этотъ вопросъ былъ уже даже возбужденъ въ запискѣ, препровожденной нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Норвегіи г. Михелиномъ къ г. министру иностранныхъ дѣлъ. Въ этой запискѣ говорится именно: что одною изъ цѣлей вызова г. Иордана должна быть лучшая организація лова трески: удочкою и ярусомъ, — двухъ способовъ лова, которые должны *чередоваться* въ извѣстномъ порядкѣ. Признаюсь, что какъ въ первомъ отвѣтѣ моемъ на эту записку отъ 26-го марта 1860 года, такъ и во второмъ мнѣніи, представленномъ уже изъ Дронтгейма отъ 21-го октября того же года о томъ же предметѣ, эта мысль о мнимой необходимости чередоваться

въ ловѣ ярусомъ и удочкою была для меня очень темна и казалась очень странною, такъ что въ первомъ изъ моихъ донесеній я даже выразилъ предположеніе не вкралась ли ошибка въ записку г. Михелина, и что въ ней вѣроятно говорится, о введеніи поочереднаго лова не между удочкою и ярусомъ, а между ярусомъ и ставными сѣтьми. Только послѣ знакомства съ лофоденскимъ ловомъ и споромъ о преимуществахъ и относительномъ вредѣ различныхъ снастей, сдѣлалось мнѣ все дѣло яснымъ. Я увидѣлъ, сколько мнѣ это ни казалось невозможнымъ, что дѣйствительно есть люди, думающіе о необходимости ограничить употребленіе ярусовъ извѣстнымъ временемъ и что прежде эта мысль была даже господствующею, такъ что получила даже свое выраженіе въ положительномъ законодательствѣ; тѣмъ не менѣе я, однакоже, не ошибся въ своемъ предположеніи, что мнѣніе о пользѣ чередованія въ ловѣ различными орудіями, преимущественно относится къ ставнымъ сѣтямъ и къ крючкамъ; дѣйствительно, такое мнѣніе, не будучи болѣе основательнымъ въ сущности, замѣнило первое, когда поддержка его сдѣлалась уже невозможною. На этомъ основаніи я считаю небезполезнымъ изложить вкратцѣ оба спора; но прежде, чтобы предметъ спора сдѣлался совершенно яснымъ, долженъ описать самый способъ лова трески на Лофоденахъ.

Долговременнымъ опытомъ дознали, что обыкновенное время появленія трески у береговъ Лофоденовъ продолжается съ половины января до половины апрѣля, такъ что время, на которое назначается надзоръ, заключается между 16-мъ январемъ и 14-мъ апрѣлемъ (по новому стилю). Въ иные исключительные годы появляется треска даже около Рождества (половины декабря по нашему), но это бываетъ столь рѣдко и рыбы тогда такъ малы, что такой ранній ловъ производится лишь мѣстными жителями, а стекающіеся со всего Нордланда и южнаго Финмаркена промышленники являются не ранѣе исхода января. Также точно продолжается иногда ловъ и послѣ 14-го апрѣля, въ иные годы даже до 26-го; но это бываетъ лишь на западныхъ Лофоденахъ, и этою позднею рыбою опять таки пользуются почти одни мѣстные ловцы, потому что большая часть пріѣзжихъ уже къ началу апрѣля частью расходится къ берегамъ Вестеролена, гдѣ, какъ я уже упомянулъ, бываетъ иногда довольно обильный, хотя и кратковременный ловъ; частью же отправляется къ берегамъ сѣвернаго Финмаркена, гдѣ ловъ тогда еще въ полномъ разгарѣ.

Прибывъ къ Лофоденамъ, рыбаки расходятся по становищамъ и избираютъ то или другое, по своему произволу, на основаніи ли старинной привычки, или вѣроятнаго разсчета на изобиліе рыбы, смотря потому, какъ и гдѣ происходилъ прошлогдній ловъ. Но это первоначальное распредѣленіе не долго сохраняется, потому что въ настоящее время рыбаки могутъ совершенно свободно переходить съ мѣста на мѣсто. Если становище, въ которомъ они живутъ, близко отъ того мѣста, куда преимущественно удалилась рыба, они не перемѣняютъ своихъ жилищъ, предпочитая дѣлать нѣсколько лишняго пути до мѣста выставки снастей, чѣмъ совершенно переселяться въ другое становище; но часто прибѣгаютъ и къ переселенію, и въ теченіи всего лова перебиваютъ такимъ образомъ въ нѣсколькихъ становищахъ.

Каждая партія ловцовъ имѣетъ обыкновенно одну елу и ловитъ одною изъ трехъ употребительныхъ снастей, но нѣкоторыя имѣютъ и по двѣ елы и употребляютъ двѣ или даже всѣ три снасти. Изъ слѣдующихъ данныхъ можно будетъ судить объ относительной важности лова каждою изъ трехъ снастей. Въ 1860 году изъ 24,266 ловцовъ и 7,007 лодокъ, принимавшихъ участіе въ лофоденскомъ рыболовствѣ, 13,038 человекъ на 3,158 лодкахъ ловили ставными сѣтьми; но въ числѣ ихъ

было около третьей части лодокъ, именно 1,041, а слѣдовательно около третьей части ловцовъ (до 4,300 человѣкъ), ловившихъ въ то же время ярусами. Исключительно занимались яруснымъ ловомъ 7,775 человѣкъ на 2,420 лодкахъ, 1,429 лодокъ и 3,453 человѣка ловили ручными удочками, но въ томъ числѣ 286 лодокъ и, вѣроятно, около 850 ловцовъ употребляли въ то же время и яруса. Такимъ образомъ 13,038. человѣкъ ловили ставными сѣтьми, почти столько же ярусами (одними, или вмѣстѣ со ставными сѣтьми и ручными удочками) и только около 2,600 человѣкъ занимались исключительно ловомъ удочками. Въ 1856 году было 11,618 ловцовъ ставными сѣтьми, 9,828 ярусами и только 1,584 ручными удочками. Изъ этого можно уже видѣть, какъ ничтоженъ ловъ удочками сравнительно съ ловомъ прочими снастями; ничтожность эта выказалась бы въ гораздо сильнѣйшей степени, если бы было извѣстно, сколько именно рыбы уловливается каждою изъ этихъ снастей.

Ставные сѣти (garn), съ ячеями въ $1\frac{7}{8}$ вершка въ квадратѣ нѣсколько больше употребляемыхъ на зимнемъ сельдяномъ ловѣ (онѣ имѣютъ по 18 сажень въ длину и 36 ячей въ ширину), но устроены, впрочемъ, совершенно также. Вмѣсто плавковъ, употребляютъ здѣсь пустые стеклянные шары, обтянутые веревочною тканью. Такіе шары стоятъ по 10 шиллинговъ ($12\frac{1}{2}$ к. с.) каждый, а это, по мнѣнію здѣшнихъ рыбаковъ, все таки дешевле шаровъ не только пробковыхъ, но и дѣлаемыхъ изъ коры обыкновенныхъ нашихъ деревьевъ. При томъ, деревянные шары, пропитываясь, отъ долгаго употребленія, водою, теряютъ свою относительную легкость. Не смотря на всѣ эти преимущества, наши рыболовы все таки найдутъ, какъ оно дѣйствительно и есть, гораздо выгоднѣе для себя остаться при старомъ, чѣмъ заводить эти красивые шарики. Ставныхъ сѣтей бываетъ обыкновенно по 20 въ лодкѣ. Передъ выметкою, ихъ сошвориваютъ во всю ширину, такъ что онѣ составляютъ въ водѣ сплошную стѣну въ 360 маховыхъ (300 печатныхъ) сажень длиною. Глубина, на которой производится ловъ ставными сѣтьми, измѣняется отъ 70 до 130 маховыхъ сажень (отъ 58 до 108 печатныхъ); но, при глубинѣ больше 100 сажень, не допускаютъ сѣтей сажень на 10 или даже на 30 до дна, такъ что собственно сѣти стоятъ на глубинѣ отъ 60 до 80 печатныхъ сажень, на которой, значить, держится въ это время обыкновенно треска. Эта опускающаяся въ море сѣтяная стѣна поддерживается на желаемой глубинѣ боченками, привязанными къ сѣти на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга длинными веревками, а по концамъ всего порядка выставляются буйки, означающіе мѣсто, гдѣ лежитъ снасть. Одинъ изъ буйковъ, сдѣланный особливимъ образомъ по опредѣленному образцу, долженъ быть всегда обращенъ къ берегу, а если сѣть выставлена параллельно ему, то къ западу, чтобы такимъ образомъ рыбаки могли ориентироваться даже въ туманное время. Такой же точно знакъ употребляется и для означенія ярусовъ.

Яруса, употребляемые здѣсь, отличаются отъ нашихъ мурманскихъ только тѣмъ, что стоянка ихъ гораздо тоньше нашей и немногимъ толще нашихъ аростегъ. Это имѣетъ то преимущество, что ярусъ легче тянуть, но за то цѣлое менѣе прочно. Впрочемъ, причина, по которой здѣсь употребляютъ такіа тонкія стоянки, заключается не въ большей легкости ихъ, а въ томъ, что, по тѣснотѣ пространства, на которомъ выметываются здѣсь яруса, они по необходимости часто спутываются между собою, и тогда принуждены бываютъ ихъ перерѣзывать, и потеря части стоянки не такъ чувствительна, когда она по возможности тонка, а слѣдовательно и дешева. Крючки употребляются здѣсь и англійскіе стальные, и норвежскіе желѣзные. Самый крупный англійскій крючекъ означается № 1 и соотвѣтствуетъ № 15 норвежскихъ крючковъ, между которыми самый мелкій № 5. Изъ

английскихъ крючковъ употребляютъ здѣсь на тресковый ловъ №№: 6, 7 и 8, а въ Россіи 5, 6; слѣдовательно, послѣдніе вообще крупнѣе первыхъ. Но мнѣ кажется, что и рыба, ловимая, какъ у насъ, такъ и въ восточной части Финмаркена, будетъ покрупнѣе лофоденской. Къ тому же во время мурманскаго лова нерѣдко попадаютъ на крючья большіе палтусы, требующіе очевидно и болѣе крупнаго крючка, тогда какъ во время лофоденскаго лова, кромѣ трески, въ буквальный смыслъ, никакой другой рыбы не ловится. Яруса передъ ловомъ укладываются въ обрѣзы; часть яруса, помѣщающаяся въ обрѣзѣ, состоитъ изъ 400 крючковъ, навязанныхъ на разстояніи 2 эленовъ (4 норвежскихъ футовъ, почти равняющихся нашему футу), слѣдовательно, ближе чѣмъ у насъ, и называется *стампомъ* (stamp). На восточныхъ Лофоденахъ на лодкѣ бываетъ обыкновенно не болѣе 4 стамповъ, а на западныхъ, гдѣ просторнѣе, и до 10.

Какъ ставныя сѣти, такъ и большая часть ярусовъ, выставляются въ морѣ съ вечера и вытягиваются утромъ. Прежде существовали строгія правила на это, и какъ для выставки, такъ и для вынутія ночныхъ снастей подавали съ берега сигналы, которымъ всѣ одновременно должны были слѣдовать. Теперь также подаются сигналы въ различные часы дня для каждаго мѣсяца (въ мартѣ, напримѣръ, въ 6 часовъ утра и въ 7 часовъ вечера), но эти сигналы означаютъ лишь время, когда лодки могутъ выходить изъ становищъ въ море и когда онѣ должны непремѣнно возвращаться въ становища; но въ теченіи дозволеннаго времени могутъ выкидывать и вытягивать свои снасти, когда хотятъ. Конечно и теперь выставка сѣтей дѣлается съ вечера, а вытягиваніе — утромъ, но уже не въ строго опредѣленные часы, а какъ кому удобнѣе. Ставными сѣтьми днемъ ничего или почти ничего не поймашь, потому что рыба видитъ и избѣгаетъ ихъ; но яруса выставляются и днемъ. Этимъ занимаются обыкновенно тѣ же рыбаки, которые промышляютъ ставными сѣтьми. Крючки дневныхъ ярусовъ наживляютъ обыкновенно тресковою икрою (конечно, только въ началѣ лова, когда она еще не совершенно созрѣла и не разжидилась), тогда какъ для ночныхъ употребляютъ сельдей, или даже кусокъ самой трески. Иногда въ концѣ лова, когда въ Финмаркенѣ появляется уже мойва, привозятъ эту лучшую изъ всѣхъ тресковыхъ наживокъ и сюда, конечно соленою. Дневныя яруса оставляютъ не болѣе часа или полутора въ водѣ, послѣ чего ихъ тянутъ. Они также короче ночныхъ и на нихъ попадаетъ гораздо менѣе рыбы. При насъ въ Естнэсъ-фіордѣ на дневныя яруса и ручныя удочки ничего не поймали, тогда какъ уловъ ночныхъ ярусовъ былъ порядочный, а ставныхъ сѣтей превосходный, такъ что иную сѣть 5 человекъ едва могли тянуть черезъ колесо, и она рвалась подъ тяжестью, застрявшей въ ея ячеи, рыбы. Не должно, однакоже, думать, чтобы всегда такъ было. Уловистость этихъ различныхъ снастей мѣняется по времени и мѣсту, но такъ, что на это невозможно указать никакихъ правилъ, и самые опытные рыбаки не въ состояніи предугадать даже съ приблизительною вѣрностью, когда должно употребить то или другое орудіе лова.

Ловъ ручными удочками бываетъ двоякій: или обыкновенными крючками съ наживкою, опускаемыми на длинной веревкѣ почти до дна моря, или на поддѣвѣ двойнымъ крючкомъ, влитымъ въ оловянную рыбку безъ наживки. Этотъ послѣдній ловъ очень затруднителенъ, потому что надобно непрерывно размахивать рукою, какъ при косьбѣ, почему этотъ мнимо усовершенствованный ловъ, употреблявшійся прежде и у Нью-Фаундленда, но теперь совершенно тамъ оставленный, называется по французски *rêche à la faux*. Ловъ на поддѣвѣ на Лофоденахъ какъ-то не принимается, а употребляется вмѣстѣ съ ставными сѣтьми у береговъ Сендмера, гдѣ за то вовсе не ловятъ на

яруса (*). Ловъ ручною удочкою представляетъ лишь ту выгоду, что доступенъ для всѣхъ бѣдныхъ, ибо производится въ маленькой лодочкѣ и не требуетъ почти никакихъ издержекъ на снасть. Вообще онъ имѣетъ примѣненіе только тамъ, гдѣ, какъ на Лофоденахъ, можно въ малыхъ лодкахъ ловить всегда по близости становищъ и въ тихихъ фіордахъ, гдѣ почти нѣтъ волненья. У насъ же, гдѣ надо выѣзжать въ открытое море, чтобы провести тамъ цѣлый день въ этой работѣ, потому что иначе не наловишь сколько нибудь достаточнаго количества рыбы, этотъ ловъ былъ бы до крайней степени затруднителенъ и опасенъ. Настоящая роль лова ручною удочкою — служить подспорьемъ для прочихъ лововъ, когда главная снасть — сѣть или ярусъ — выкинута и остается свободное время; ибо кромѣ того, что ручная удочка даетъ необходимо меньшіе уловы, чѣмъ ярусъ или сѣть, за нею гораздо больше работы. Ярусъ надо лишь наживить и опустить въ море, и онъ будетъ, такъ сказать, ловить самъ собою, пока хозяинъ его отдыхаетъ или занимается чѣмъ либо другимъ; ловъ сѣтью еще легче, ибо ее и наживлять не надо.

Сообразивъ вышесказанное о мѣстности и пространствѣ лофоденскаго лова со способами его производства и числомъ ловцовъ, употребляющихъ разныя снасти, мы можемъ составить себѣ понятіе о густотѣ, въ которой выставляются здѣсь снасти, и можемъ бросить взглядъ на видъ, который должна представлять глубина морская по ночамъ, когда всѣ снасти одновременно выставлены. Въ таблицѣ числа ловцовъ и лодокъ, занимавшихся ловомъ въ 1860 году, изъ которой я извлекъ вышеприведенныя объ этомъ данныя, не обозначено общаго числа сѣтей, бывшихъ въ употребленіи, но вмѣсто того показано среднее число сѣтей, приходившееся на ловца, въ каждомъ изъ 27 лофоденскихъ становищъ, что даетъ на всѣхъ 123,566 сѣтей, изъ которыхъ, однако, только половина можетъ выставляться одновременно въ воду, ибо другая въ тоже время сушится на берегу. Число лодокъ (3,158), (ловившихъ ставными сѣтьми), помноженное на число сѣтей (20), которыми каждая изъ нихъ обыкновенно бываетъ снабжена, даетъ 63,160 сѣтей, что почти какъ разъ составляетъ половину приведеннаго выше числа 123,566. Эти 63,160 сѣтей, по 18 маховыхъ сажень каждая, даютъ намъ сѣтную стѣну въ 1,895 версть. Въ одно время съ сѣтьми выставляются и яруса. 2,188 лодокъ, ловившихъ этою снастью на восточныхъ Лофоденахъ и имѣвшихъ кругомъ по 4 стампа, и 232 лодки, ловившихъ на западныхъ Лофоденахъ, считая въ каждой по 10 стамповъ, даютъ намъ 1,265 версть для совокупной длины всѣхъ ярусовъ. Длина мѣстности, на которой производится лофоденскій ловъ, отъ Лофодена до Бретеснэса составляетъ, какъ мы видѣли, около 90 версть; ширину же полосы, по которой выставляются снасти, никакъ нельзя положить болѣе, чѣмъ въ одну норвежскую милю или 10 версть. И такъ, на каждую изъ 900 квадратныхъ версть рыболовной мѣстности придется по двѣ версты сѣти и по полуторы версты яруса. Если бы всю эту снасть расположить параллельными рядами, то она выстроилась бы въ 20 линій сѣтей и въ 14 линій ярусовъ, въ 90 версть длиною каждая и въ 147 саженьяхъ разстоянія одна отъ другой. Но снасти распределены не равномерно, и эта густота ихъ въ иной мѣстности и въ иное время удвоится и даже учетверится.

(*) Если принять во вниманіе, что въ Норвегіи яруса тѣмъ употребительнѣе, чѣмъ мѣсто лова далѣе на сѣверъ, а въ Финмаркенѣ они употребляются почти исключительно, — что они, какъ увидимъ ниже, вошли въ употребленіе на Лофоденскомъ ловѣ не за долго до 1627 года, — что въ Россіи, на Волгѣ по крайней мѣрѣ, крючковою самоловною снастью ловили съ незапамятныхъ временъ, и въ XVII вѣкѣ она была уже въ повсемѣстномъ употребленіи передъ учугами, — то рождается невольное предположеніе: не отъ насъ ли занесены яруса въ Норвегію?

Такъ въ заливѣ, представляющемъ въ маломъ видѣ подобіе Вестфюрда, и пространство котораго никакъ нельзя положить больше, чѣмъ въ 100 квадратныхъ верстѣ (16 верстѣ длины и 6 средней ширины), собрано было къ 16 марта 1860 года 1,531 сѣтныхъ и 1,343 ярусныхъ лодки, что, по вышеприведенному расчету, даетъ 919 верстѣ сѣтей и 614 верстѣ ярусовъ и, слѣдовательно, на линію въ 10 верстѣ длиною — 92 ряда первыхъ и 61 рядъ вторыхъ съ промежутками въ 34 сажени, такъ что густота снастей въ этомъ участкѣ моря была въ $4\frac{1}{2}$ раза больше средней, выведенной выше, для Лофоденовъ вообще. Еще поразительнѣе сдѣлается этотъ примѣръ, если раздѣлимъ 100 квадратныхъ верстѣ этого залива выкидываемыми въ него снастями на квадратныя клѣтки. Тогда все это пространство представится намъ какъ бы сѣтью, ячеи которой имѣютъ около 66 сажень въ сторонѣ. Хотя въ сущности всѣ эти ячеи находятся въ соединеніи между собою и составляютъ на дѣлѣ не сѣть, а лабиринтъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ сказать, что въ эти отдѣленія, на которыя еженочно раздѣляется море, попадаютъ и запутываются извѣстныя количества рыбы точно такъ, какъ отдѣльныя рыбы въ ячеи дѣйствительной сѣти, и слѣдовательно соотвѣтственно уменьшаются шансы улововъ для ловащихъ потомъ въ теченіи дня ручными удочками. Послѣ этого становится понятнымъ недружелюбное расположеніе ловцовъ послѣдняго рода къ сѣтямъ и ярусамъ. Если приверженцы удочекъ говорятъ, что сѣти и яруса много вредятъ успѣху ручнаго лова, то противъ этого ничего нельзя возразить. Но вся бѣда въ томъ, что всякій челоуѣкъ имѣетъ непреодолимую склонность считать все, вредящее его личнымъ интересамъ или привычкамъ, за вредное для общаго дѣла, а потому-то здѣшніе рыболовы-старовѣры старались представить нововведенныя орудія, сначала яруса, а потомъ сѣти, гибельными для лова трески вообще.

Въ старину ручная удочка была единственнымъ орудіемъ, употреблявшимся въ Норвегіи для лова трески. Въ началѣ XVII столѣтія яруса вѣроятно только что начали появляться, потому что въ 1627 году послѣдовало запрещеніе ихъ въ Нордландѣ. Это безусловное запрещеніе, неоднократно подтвержденное, продолжалось въ теченіи всего XVII и первой половины XVIII столѣтій и было повторено еще, уже въ послѣдній разъ, въ 1753 году. Но, не смотря на эти запрещенія, употребленіе этой снасти распространилось до того между народомъ, что уже въ 1763 году безусловное запрещеніе было совершенно отмѣнено, и въ вышедшемъ въ этомъ году постановленіи мы въ первый разъ встрѣчаемъ мысль о чередованіи въ употребленіи различныхъ снастей: яруса дозволены съ конца марта, когда уже главный ловъ у береговъ всего Нордланда почти оконченъ. Слѣдовательно, на первый разъ дозволеніе это было почти мнимымъ. Но не далѣе какъ черезъ пять лѣтъ, права яруснаго лова были существенно распространены. Въ восточныхъ Лофоденахъ, куда въ то время почти исключительно стекался народъ изъ прочихъ частей Норвегіи, яруса были, правда, совершенно запрещены, но за то къ западу отъ Валбергфлесенскихъ лудъ, что почти соотвѣтствуетъ теперешней границѣ между восточными и западными Лофоденами, употребленіе ихъ дозволено съ 12-го марта, — когда еще много рыбы особливо у западныхъ Лофоденовъ, гдѣ пребываніе ея продолжительнѣе, чѣмъ у восточныхъ. Причинъ, почему ловъ ярусами считали возможнымъ допустить только съ извѣстнаго времени, нигдѣ не означено; но, безъ сомнѣнія, онѣ были тѣ же, которыя впослѣдствіи приводились въ пользу ограниченія извѣстнымъ временемъ лова ставными сѣтями (*).

(*) Изъ старинныхъ постановленій нельзя не отмѣнить закона, изданнаго въ 1770 году, которымъ запрещалось употребленіе всякой наживки, кромѣ кусковъ самой же трески. Причина этого нелѣпаго постановленія заключалась въ

Эта послѣдняя снасть была изобрѣтена, какъ утверждаютъ, въ 1685 году сендмерскимъ жителемъ Клаусомъ Нильсъ Слингеномъ. Собственно говоря, тутъ не было никакого изобрѣтенія, потому что ставныя какъ и прочія сѣти употреблялись вездѣ съ незапамятныхъ временъ; правильнѣе было бы сказать, что Нильсъ Слингель первый примѣнилъ эту снасть къ лову трески въ Норвегіи. Какъ бы то ни было, со временъ Слингеля она сдѣлалась главнымъ орудіемъ лова въ Сендмерѣ, а отсюда мало по малу, хотя и весьма медленно, стала распространяться и на сѣверъ, а около половины XVIII столѣтія должна была достигнуть и Лофоденскихъ острововъ. Хотя о ставныхъ сѣтяхъ здѣсь въ первый разъ упоминается въ 1770 году, конечно по случаю совершеннаго ихъ запрещенія, но въ 1776 году, въ донесеніи нордландскаго амтмана въ датскую генеральную коллегію экономіи и торговли, въ доказательство вреда, приносимаго употребленіемъ ставныхъ сѣтей безъ ограниченія времени и мѣста, приводится, что въ послѣднія 10 лѣтъ вовсе не было рыбы въ Рафте-сундѣ и Канстадфюрдѣ, послѣ того какъ тамъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ставныя сѣти были употребляемы въ большомъ числѣ. Изъ этого надо заключить, что эта снасть должна была появиться на Лофоденахъ во всякомъ случаѣ не позже 1750 года. На ставныя сѣти возстали не только ловившіе ручными удочками, но и промышлявшіе все еще гонимыми ярусами. По жалобамъ тѣхъ и другихъ, сѣтныя ловцы подвергались наказаніямъ, но ничто не помогало. Между тѣмъ, въ 1774 году, послѣ того какъ въ предыдущемъ году выпалъ чрезвычайно неудачный ловъ ручными удочками, большая часть рыбаковъ стала ловить ярусами, не обращая никакого вниманія на правительственныя запрещенія. За такое дерзкое ослушаніе присуждали рыбаковъ къ лишенію не только незаконныхъ снастей и добытыхъ ими улововъ, но и самихъ лодокъ. Множество народа лишилось черезъ это средствъ къ пропитанію, и въ этой крайности рѣшились подать на мѣстное начальство жалобу въ Копенгагенъ, откуда въ 1783 году и вышло разрѣшеніе ловить въ теченіи 1784 года и 1785 годовъ, въ видѣ опыта, ручными удочками или ярусами, какъ кому заблагоразсудится, безъ всякихъ ограниченій мѣста и времени, и при этомъ велѣно возвратить все конфискованное. Ставныя сѣти оставались, однако, все еще запрещенными.

Вмѣстѣ съ этимъ назначена была комиссія для разбора спора между употреблявшими различныя орудія лова, и въ 1786 году, на основаніи ея изслѣдованій, вышло новое постановленіе. Ловъ ярусами, бывший доселѣ совершенно запрещеннымъ въ восточныхъ Лофоденахъ, дозволенъ повсемѣстно, и временемъ начала его, вмѣсто 12-го, положено 4 марта. Ловъ ставными сѣтями дозволенъ только въ Рафте-сундѣ съ 26 февраля. Эти правила для употребленія различныхъ снастей оставались въ главномъ безъ измѣненія въ теченіи 30 лѣтъ, т. е. до тѣхъ поръ, когда первый стортингъ (законодательное собраніе Норвегіи, собирающееся черезъ каждые 3 года), послѣ преобразованія Норвегіи въ самостоятельное государство, сталъ подвергать пересмотру всѣ законы, которыми управлялась до тѣхъ поръ страна.

До половины XVIII столѣтія число промышленниковъ, стекавшихся на лофоденскій ловъ изъ прочихъ странъ Норвегіи, было незначительно. До тѣхъ поръ, говорятъ, треска появлялась въ изобиліи для метанія икры не у однихъ только Лофоденовъ, но и вдоль береговъ всего Гельгеланда, т. е. южнаго округа Нордландскаго амта, начинающагося почти противъ того мѣста, гдѣ островъ Рестъ

желаніи уравнивать для всѣхъ шансы улововъ; ибо не всякій можетъ достать себѣ во всякое время мойву или сельдей, тогда какъ треска всегда подъ рукою у ловящихъ треску же. Но этотъ курьезный законъ просуществовалъ только три года; въ 1773 году онъ былъ отмѣненъ.

оканчиваетъ собою Лофоденскую группу, и только около середины прошлаго столѣтія стала она сосредоточиваться у Лофоденовъ, покинувъ прочія мѣстности. Что таково дѣйствительно было общее мнѣніе, видно изъ того, что въ законодательствѣ 1786 года, оставившемъ берега Сеньено — Тромсенскаго округа (Senjens og Tromsø Fodgeri), Финмаркена и Сальтенскаго округа Нордланда на прежнихъ положеніяхъ, сочли нужнымъ включить въ число мѣстностей, требовавшихъ, по важности производившихся въ нихъ рыболовствъ, болѣе точныхъ и подробныхъ рыболовныхъ правилъ, наравнѣ съ Лофоденами и Вестеролономъ, — также Гельгеландъ, гдѣ ловъ ярусами дозволенъ съ 12, а ставными сѣтьми съ 4 марта. Но въ это время гелгеландскій ловъ считался уже потерявшимъ свою важность, и ежели ему посвящена была особливая глава въ новомъ законодательствѣ, то лишь въ надеждѣ, что для него опять вернуться счастливыя времена. Но они не вернулись. Этотъ фактъ — если только онъ дѣйствительно фактъ, а не мнѣніе, основанное на ложномъ истолкованіи явленій, — до крайности изумителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если допустимъ даже, что злоупотребленіями лова можно обезрыбить не только озеро или внутреннее море, но даже и часть океана, все-таки остается непонятнымъ, какое вредное вліяніе могли имѣть невинныя ручныя удочки, которыя до половины прошедшаго столѣтія почти исключительно здѣсь употреблялись. Не легче понять и то, какимъ образомъ безъ всякихъ измѣненій въ очертаніи береговъ и формаціи дна, или другой какой нибудь видимой причины, рыба вдругъ измѣнила свои вѣковыя привычки, и покинула извѣстную мѣстность. Въ такомъ случаѣ ни одно рыболовство не могло бы считаться обезпеченнымъ на будущее время, не смотря на самыя благоразумныя способы пользованія имъ. Такое необъяснимое для теоріи и неутѣшительное для практики явленіе надо допустить только въ томъ крайнемъ случаѣ, если будемъ принуждены къ этому всепобѣждающею силою неопровержимыхъ фактовъ. Такимъ неопровержимымъ фактомъ могли бы быть численныя данныя о гелгеландскихъ уловахъ. Но таковыхъ данныхъ не только о гелгеландскомъ, но даже и о лофоденскомъ рыболовствѣ изъ того времени до насъ не дошло, да и не могло дойти, ибо они не собирались. Все это основывается лишь на общемъ мнѣніи. Между тѣмъ мы имѣемъ много примѣровъ, что факты чисто экономическаго характера принимались за слѣдствія измѣненій, происшедшихъ въ физическомъ порядкѣ вещей. Такъ, на примѣръ, изъ того, что прежде въ окрестностяхъ Парижа приготовляли вина, бывшія во всеобщемъ употребленіи, а въ Провансѣ въ большомъ видѣ занимались культурою апельсинныхъ деревьевъ, нѣкоторые ученые заключили, что климатъ Франціи сдѣлался въ послѣднее время холоднѣе, потому что теперь и апельсины въ Провансѣ рѣдкость, и вина, которыя стали бы дѣлать изъ винограда, растущаго близъ Парижа, были бы столь кислы, что никто не сталъ бы ихъ пить. Между тѣмъ все это объясняется весьма просто измѣненіями, происшедшими въ экономическихъ отношеніяхъ: когда явилась возможность имѣть во Франціи превосходные и дешевыя апельсины изъ Сициліи, какая была нужда разводить дорогіе и кислые въ Провансѣ? Но если, даже ученые не всегда съ достаточною точностію анализируютъ и разлагаютъ явленія на ихъ составныя части, — то тѣмъ болѣе можно сказать это о массѣ народа, о такъ называемомъ общественномъ мнѣніи. Масса принимаетъ грубый необработанный фактъ, такъ какъ онъ есть, во всей его сложности, и толкуетъ сообразно со своими вкусами и предпочтеніями, а въ настоящемъ случаѣ, на примѣръ, т. е. касательно гелгеландскаго рыболовства, сообразно со своею склонностію видѣть прошедшее въ радужномъ свѣтѣ. Выраженная здѣсь мысль подтверждается слѣдующими соображеніями. Труды комиссіи, назначенной въ 1856 году для изслѣдованія лофоденскаго

рыболовства, показываютъ, что средній лофоденскій уловъ за первую половину пятидесятихъ годовъ можно положить въ 900,000 воговъ (*) клипфиска и рунтовки. Таможенные отчеты показываютъ, что средній вывозъ трески изъ всѣхъ портовъ Норвегіи составлялъ, за тотъ же періодъ времени, безъ малаго 1,700,000 воговъ (1,696,047). Слѣдовательно, Лофодены доставляютъ немногимъ болѣе половины всего вывоза трески изъ Норвегіи. Отрывочныя свѣдѣнія, имѣющіяся объ этомъ же предметѣ за болѣе отдаленное время, показываютъ, что та же пропорція существовала и прежде. Такъ лофоденскій уловъ за 1846 годъ опредѣляется въ 18,000,000 штукъ трески, что, будучи переведено на вѣсъ приготовленной сушеной и солено-сушеной рыбы, на основаніи данныхъ, представленныхъ упомянутою комиссіею, и отчетовъ начальниковъ надзора за 1859 и 1860 годы, даетъ около 780,000 воговъ; средній же вывозъ изъ Норвегіи за пятилѣтіе 1846 — 1850 годовъ составлялъ 1,504,106 воговъ, слѣдовательно, опять таки почти въ два раза болѣе противъ лофоденскаго улова. Таблица вывозовъ показываетъ далѣе, что вывозъ почти постоянно возрастаетъ; дойдя до 1,696,047 воговъ въ пятилѣтіе отъ 1851 по 1855 годъ и даже до 1,934,631 вога въ послѣднемъ году этого пятилѣтія, онъ составлялъ, 35 лѣтъ тому назадъ (отъ 1815 по 1819 годъ), только 515,689 воговъ, т. е. втрое менѣе. Лофоденскій уловъ, слѣдовательно, долженъ былъ простираться въ 1815—1819 гг. отъ 250,000 до 300,000 воговъ. Если мы отступимъ еще назадъ на 65 лѣтъ, т. е. къ тому времени, когда ловъ у береговъ Гельгеланда былъ еще, какъ говорятъ, изобилень, и примемъ, что въ этотъ почти въ два раза длиннѣйшій періодъ, какъ общій вывозъ, такъ и лофоденскій уловъ увеличились вмѣсто трехъ, только въ два раза, то уловъ около 1750 года простирался до 150,000 воговъ. Что такой выводъ близокъ къ истинѣ подтверждается слѣдующимъ. Есть свѣдѣніе, что въ 1771 году ловило на Лофоденахъ 5,800 человекъ (въ томъ числѣ 4,200 постороннихъ); средній уловъ комиссія 1856 года полагаетъ по 960 рыбъ на человека; это на 5,800 чел. составляетъ 5,568,000 рыбъ, или около 240,000 воговъ сушеной трески. Но такъ какъ никто не жалуется, чтобы на Лофоденахъ уменьшилось изобиліе рыбы, то очевидно, что, при почти исключительномъ ловѣ ручными удочками въ прежнее время, уловы не могли быть столь же значительны какъ теперь, ибо въ противномъ случаѣ никто не сталъ бы ихъ мѣнять на болѣе дорогіе яруса и сѣти. Слѣдовательно, лофоденскій уловъ, соотвѣтствующій отъ 150,000 до 200,000 воговъ сушеной трески, будетъ все, что можемъ допустить для половины прошедшаго столѣтія. Разложивъ другую половину норвежскаго вывоза на сендмѣрскій, сенъенскій, гелгеландскій, намдальскій, фосенскій и прочіе ловы, о которыхъ упоминается въ то время, мы не можемъ принять болѣе 50,000 воговъ или 1,000,000 штукъ рыбы на долю Гельгеланда. Но это такой уловъ, который, безъ сомнѣнія, и теперь можетъ быть добытъ и, вѣроятно, даже и добывается въ этой мѣстности. Пока населеніе было мало и вывозъ рыбы изъ Норвегіи ничтоженъ, жители каждой мѣстности могли довольствоваться тѣмъ количествомъ трески, которое они могли добытъ у себя дома; только немногіе, самые предприимчивые люди, развѣ ходили на Лофодены, которые и тогда были уже въ славѣ. Богатствомъ, изобиліемъ называемъ мы не опредѣленную какую нибудь мѣру даровъ природы, а количество ихъ, удовлетворяющее нашимъ нуждамъ. Одинъ рыбакъ на эмбенскомъ ловѣ отвѣтилъ на мой вопросъ: каково ловъ идетъ? «ловится сколько хочется» и такова во всемъ и всегда мѣра cadaго человека, если онъ судить о чемъ чисто

(*) Вога равняется 45 нашимъ фунтамъ.

практически. Слѣдовательно, и гелгеландскій ловъ могъ въ то время по праву считаться изобильнымъ. Но увеличеніе нуждъ, а вмѣстѣ и постепенно открывавшаяся возможность выгодно сбывать все большее и большее количество рыбы, вслѣдствіе возростающаго вывоза, заставляло жителей Гелгеланда все въ большемъ и большемъ числѣ стекаться на Лофодены. Гелгеландскій ловъ пересталъ уже считаться изобильнымъ, потому что пересталъ соответствовать увеличившейся потребности и весьма естественно, что молодая поколѣнія, слыша отъ отцевъ и дѣдовъ, что прежде и у нихъ дома ловилось рыбы столько, сколько хотѣлось, приняли увеличеніе своихъ желаній и потребностей за уменьшеніе рыбы, за измѣненія ея вѣковыхъ привычекъ, и ожидали возвращенія прежней благодати, которая, конечно, не возвращалась, потому что никогда и не удалялась. Это все тотъ же обманъ, вслѣдствіе котораго намъ кажется, что берега уходятъ отъ насъ, когда мы плывемъ на лодкѣ.

Когда такимъ образомъ съ половины прошедшаго столѣтія число постороннихъ ловцовъ стало все болѣе и болѣе возрастать на Лофоденахъ, надо было подумать о доставленіи прибылому народу помѣщеній и вѣшаловъ для сушки добытой рыбы. Въ 1753 году вышло первое постановленіе, вмѣнявшее въ обязанность постояннымъ жителямъ Лофоденовъ давать постороннимъ рыбакамъ за дешевую плату жилище, или позволять имъ, также за умѣренную аренду, самимъ строить себѣ избы на ихъ землѣ. Это было лишь подтвержденіемъ стариннаго обычая, исполненіе котораго становилось только все труднѣе и труднѣе, по мѣрѣ увеличенія числа стекающихся на Лофодены промышленниковъ, и который началъ забываться, когда землевладѣльцы увидѣли возможность извлекать не малую для себя пользу изъ своей собственности, состоящей изъ скалъ и утесовъ. Они стали отдавать свои избы въ наемъ, какъ можно дороже, и не только запрещали самимъ рыбакамъ строить себѣ новыя, но требовали, чтобы и старыя были снесены за ихъ земли или проданы имъ за ничтожную цѣну. Чтобы положить этому конецъ, было опредѣлено въ 1775 году число избъ, которыя хозяинъ долженъ былъ или самъ выстроить, или дозволить выстроить самимъ промышленникамъ въ каждомъ становищѣ, соответственно числу ловящихъ въ прилегающей къ нему части моря. А такъ какъ ловившіе ручными удочками безпрестанно мѣняли свои мѣста, то приняли во вниманіе, при этомъ исчисленіи, только болѣе постоянныхъ въ своемъ мѣстопребываніи ярусниковъ, и положили, что во всякомъ становищѣ можетъ быть построено всякимъ желающимъ столько избъ, сколько ихъ требуется по числу ярусовъ, могущихъ помѣститься въ водахъ, къ нему принадлежащихъ. Эта принадлежность водъ къ становищу опредѣлялась, впрочемъ, единственно обычаемъ, по которому ловцы, живущіе въ известномъ становищѣ, выметывали снасти въ его окрестностяхъ, какъ того требовали мѣстныя удобства. На этотъ разъ это опредѣленіе числа жилищъ было сдѣлано только для западныхъ Лофоденовъ, ибо тамъ только былъ дозволенъ ярусный ловъ; но въ 1786 году, когда онъ былъ разрѣшенъ у всѣхъ Лофоденовъ, это росписаніе было распространено на всѣ острова. Въ этомъ же году, вмѣстѣ съ дозволеніемъ употреблять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставныя сѣти, велѣно, во избѣжаніе ссоръ, разграничить рыболовную мѣстность cadaго становища между ярусными и сѣтными ловцами. Ловъ ручными удочками оставался, по прежнему, свободнымъ.

Черезъ это опредѣленіе числа жилищъ въ становищахъ сообразно числу ярусовъ и сѣтей, которые могутъ быть выставлены на пространствѣ водъ, къ нему относящихся, образовалось понятіе, что тотъ только имѣетъ право выставлять свои снасти (за исключеніемъ удочекъ), кто имѣетъ помѣщеніе въ становищѣ, будетъ ли оно принадлежать ему по праву собственности на строеніе, или по найму.

Но за то каждый имѣетъ право строить избу на чьей бы то ни было землѣ, если только эти избы не достигли еще опредѣленнаго для каждаго становища числа. Такимъ образомъ образовалось нѣчто въ родѣ крѣпостнаго отношенія между правами на выставку снастей и помѣщеніемъ на берегу въ становищѣ. Землевладѣльцы скоро сумѣли обратить это въ свою исключительную пользу.

Въ положеніи, вышедшемъ въ 1816 году, опредѣлено было, что землевладѣльцы только въ томъ случаѣ обязаны дозволить самимъ промышленникамъ строить избы или возводить вѣшала на своей землѣ, когда ихъ собственныя избы окажутся негодными для жилья, а вѣшала для сушки рыбы, и въ теченіи двухъ лѣтъ не будутъ исправлены. Во избѣжаніе ссоръ при выставкѣ снастей, воды, принадлежащія къ каждому изъ становищъ, велѣно въ точности разграничить, назначивъ границами мысленныя линіи, проведенныя по извѣстнымъ румбамъ отъ извѣстныхъ урочищъ или примѣтъ на берегу. Внутри же водъ каждаго становища, мѣста между промышленниками, имѣющими въ немъ собственное или нанятое жилище, должны были быть распределены такъ, чтобы яруса были по крайней мѣрѣ на 25 сажень, а ставныя сѣти на 20 сажень разстоянія другъ отъ друга. Это распределеніе дѣлалось старшинами, которые выбирались изъ кормщиковъ по одному на каждыя 10 ярусныхъ и на каждыя 15 сѣтныхъ лодокъ. Главнымъ же надъ всѣми старшиною (Overopsynnds mand) былъ землевладѣлецъ становища. Море изъ свободнаго раздѣлилось такимъ образомъ на участки, приписанные къ становищамъ, которые находились въ полномъ распоряженіи землевладѣльцевъ. Сначала даже не было назначено таксы, которую могли брать хозяева за помѣщеніе и вѣшала; но въ дополнительномъ постановленіи, вышедшемъ въ 1827 году, она опредѣлена въ 32 шиллинга (40 к. с.) съ человѣка и въ 6 фунтовъ рыбы съ каждой большой сотни (120 штукъ) трески, развѣшиваемой по вѣшаламъ, которыхъ хозяинъ обязанъ былъ имѣть не менѣе какъ на 6,000 рыбъ для каждой лодки. Но это также никогда не соблюдало, а платили за жилище и за вѣшала вмѣстѣ по 1 спеціесъ талеру съ человѣка или по 100 рыбъ съ лодки, какъ это и теперь дѣлается. Вліяніе владѣльцевъ усилилось вскорѣ еще тѣмъ, что стортингъ положилъ продать всѣ земли, принадлежавшія государству, изъ чего не были даже исключены тѣ рыболовныя становища, которыя были въ его владѣніи на Лофоденахъ. Изъ всего этого видно, что на Лофоденахъ, какъ, впрочемъ, и вообще въ Норвегіи, береговаго права владѣльцевъ на ловъ въ части моря, прилежащей къ ихъ берегу, законнымъ образомъ никогда не существовало. Только необходимость для пріѣзжихъ ловцовъ имѣть на берегу пристанище, да раздѣленіе моря на участки, какъ бы приписанные къ становищамъ, въ видахъ избѣжанія безпорядковъ при ловѣ ярусами и ставными сѣтями на тѣсномъ пространствѣ, укрѣпили, такъ сказать, море землѣ и если не присвоили, то, по крайней мѣрѣ, подчинили ловъ въ немъ владѣльцамъ берега. Нѣкоторое береговое право утверждено закономъ за владѣльцами берега только въ случаѣ вытягиванія неводовъ на берегъ, за что, какъ напримѣръ на зимнемъ сельдяномъ ловѣ, владѣлецъ получаетъ 3% съ улова. Въ отношеніи лова различными сѣтями сдѣлано въ положеніи 1816 года то существенное измѣненіе, — впрочемъ утвердившее закономъ только то, что безъ сомнѣнія еще прежде установилось на дѣлѣ, — что употребленіе ставныхъ сѣтей разрѣшалось повсемѣстно на Лофоденахъ, но лишь съ того времени, когда ходъ трески съ моря окончится и она остоится на мѣстѣ. Это время опредѣлялось для каждой мѣстности собраніемъ старшинъ и главныхъ начальниковъ надзора (т. е. землевладѣльцевъ каждаго становища) изъ трехъ сосѣднихъ становищъ. Въ этомъ ограниченіи времени лова ставными сѣтями въ первый разъ выразилась мысль о родѣ вреда, который будто приноситъ эта снасть, именно: что

она будто пугаетъ рыбу, идущую къ берегамъ, и заставляетъ ее удаляться назадъ въ море. Яруса были допущены безъ всякихъ ограниченій.

Не входя въ дальнѣйшія подробности постановленія 1816 года, которыми оно очень богато, скажу только, что оно менѣе удовлетворяло желаніямъ и нуждамъ промышленниковъ, чѣмъ составленное 30 лѣтъ тому назадъ, ибо совершенно предавало ловцовъ власти владѣльцевъ берега и стѣсняло первыхъ безъ всякой нужды самою мелочною регламентаціею. По этому, жалобы, изслѣдованія ихъ справедливости и изысканія средствъ помочь горю продолжались почти безостановочно, пока, наконецъ, въ комисіи и комитеты, назначенные для разрѣшенія этихъ вопросовъ, не проникли здравые убѣжденія о необходимости уничтожить по возможности всѣ постановленія, стѣсняющія рыбаковъ въ выборѣ снастей, во времени и въ мѣстѣ лова. При этомъ главный споръ вертѣлся опять около вліянія ставныхъ сѣтей на ловъ трески. Противники ихъ говорили, что будто бы опытъ достаточно доказалъ, что раннее употребленіе этой снасти, не только мало выгодно для ловащихъ ею, но въ высшей степени вредно для рыболовства вообще тѣмъ, что не допускаетъ рыбу (еще до наступленія времени метанія икры) къ банкамъ, ибо она съ одной стороны пугается снастей, а съ другой избѣгаетъ нечистоту морскаго дна, производимыхъ выпадающими изъ сѣтей и приходящими въ гніеніе рыбами. Стоитъ нѣкотораго труда обнять всю сумму нелѣпости, заключающейся въ этомъ послѣднемъ мнѣніи. Кто видѣлъ, какъ рыба, застрявшая въ ячеи сѣти, выпадаетъ изъ нихъ? По какой причинѣ можетъ она изъ нихъ выпасть, и если которая изъ нихъ такъ слабо держится, что можетъ выпасть, т. е. высвободиться, то изъ за чего ей умирать и заражать гніеніемъ дно морское? Она прелюбопытно себѣ уплыветъ. Если такой вздоръ, о заражающихъ гніеніемъ дно рыбахъ, можно было бы къ чему нибудь примѣнить, то скорѣе всего къ рыбамъ, могущимъ быть ранеными удами, которыми ловятъ на поддѣвъ, чѣмъ къ рыбамъ, имѣвшимъ счастье урваться изъ сѣтей. Нельзя не согласиться послѣ этого, что отвѣтъ защитниковъ сѣтей былъ въ высшей степени умѣренъ, ибо они удовольствовались возраженіемъ, что нельзя придавать особеннаго вѣса всѣмъ этимъ доводамъ, основывающимся на предположеніяхъ о происходящемъ на днѣ морскомъ: что одни наблюденія противорѣчатъ другимъ, такъ что каждый даетъ такой отвѣтъ на представляющійся вопросъ, какой согласуется съ его желаніями и предразсудочными мнѣніями; — говорили же вѣдь прежде даже, что рыба, пойманная ставными сѣтями, будто бы не годится почему-то на приготовленіе рунтовки. Единственное въ самомъ дѣлѣ основаніе, имѣющее сколько нибудь видъ разумнаго доказательства, которое можно бы привести противъ сѣтей, состоитъ въ замѣчаніи, не одинъ разъ повторявшемся, что рыба оставляла на время тѣ мѣстности, гдѣ долго производился ловъ этою снастью. Но она оставляла столь же часто и такія мѣста, гдѣ и не было этого лова, по той простой причинѣ, что въ морѣ для нея дорогъ не проложено, и что она бросается въ различные годы то въ ту, то въ другую сторону, ибо, какъ ни много трески въ Сѣверномъ морѣ, все же ея недостаточно для того, чтобы занять густою колонною все пространство Вестъ-фіорда. Такъ до 1842 года весь ловъ сосредоточивался почти исключительно у восточныхъ Лофоденовъ, потому что они ближе къ материку, и слѣдовательно переѣздъ къ нимъ чрезъ Вестъ-фіордъ менѣе продолжителенъ и опасенъ, да и ловъ происходитъ въ болѣе прикрытой мѣстности, а слѣдовательно менѣе подверженъ вліянію погоды. Но съ 1842 по 1855 годъ рыба тамъ дурно ловилась, и ловцы перешли къ западнымъ Лофоденамъ. Замѣтимъ, что въ это время начало лова ставными сѣтями опредѣлялось еще приговорами старшинъ. Въ 1856 году ловъ былъ почти равно-

мѣрно распредѣленъ между западными и восточными Лофоденами, какъ видно изъ числа рыбаковъ, посѣщавшихъ тѣ и другія (10,107 на восточныхъ и 12,428 на западныхъ); но съ 1857 г. по 1860 годъ ловъ опять почти исключительно производился на восточныхъ Лофоденахъ; такъ въ 1859 году уловъ на восточныхъ простирался до 9,000,000 рыбъ, поселенныхъ на клиффискъ, на западныхъ же только до третьей доли этого числа. Количество приготавливаемой рунтовки надо считать въ каждой мѣстности почти пропорціональнымъ клиффиску. Въ 1860 году приготовлено клиффискомъ на восточныхъ Лофоденахъ 10,080,000 штукъ трески, а на западныхъ только 2,640,000. Въ 1861 году, который былъ вообще мало уловистъ, распредѣленіе рыбы между западными и восточными Лофоденами было опять гораздо равномѣрнѣе. То, что замѣчается въ большомъ видѣ для западныхъ и восточныхъ Лофоденовъ, повторяется и для отдѣльныхъ мѣстностей; такъ въ Естнэсъ-фіордѣ, гдѣ въ 1859 и 1851 годахъ былъ главный ловъ, въ 1860 году промыселъ былъ плохъ, а за 16 лѣтъ до 1859 года туда вовсе не приходило рыбы. Подобнымъ же образомъ и въ нынѣшнемъ году треска появилась въ большомъ количествѣ въ одной мѣстности, названіе которой я забылъ, гдѣ прежде въ теченіи 24 лѣтъ ее вовсе не бывало. Не входимъ въ дальнѣйшія тонкости этого спора; сказаннаго, кажется мнѣ, уже слишкомъ достаточно, чтобы убѣдиться въ совершенной неосновательности мнѣнія, требующаго извѣстнаго чередованія въ употребленіи трехъ тресковыхъ снастей. Ставная сѣть остается, безъ сомнѣнія, лучшимъ орудіемъ лова, когда только ночи позволяютъ употреблять ее съ успѣхомъ; днемъ и въ свѣтлыя полярныя ночи лучшимъ орудіемъ лова будетъ ярусъ; ловъ же ручною удочкою, какъ съ наживкою, такъ и на поддѣвъ, имѣетъ лишь второстепенное значеніе, какъ вспомогательный ловъ при прочихъ снастяхъ, или какъ средство, къ которому по необходимости должны прибѣгать бѣдняки, которые не въ состояніи завести себѣ другихъ снастей.

Этотъ взглядъ на предметъ и одержалъ верхъ въ законодательствѣ 1857 года: съ 1859 года разрѣшено совершенно свободное употребленіе всѣхъ сортовъ снастей безъ всякаго ограниченія мѣста и времени. Самое раздѣленіе моря на участки совершенно оставлено. Трехлѣтній опытъ показалъ, что при всей этой свободѣ лова, при которой масса промышленниковъ бросается въ слѣдъ за рыбою изъ мѣста въ мѣсто и ставитъ свои снасти какъ и гдѣ кому угодно, никакихъ особливыхъ безпорядковъ не происходитъ. Чтобы всегда можно было узнать, какая лодка нарушаетъ въ чемъ либо полицейскія правила лова, на носу каждой изъ нихъ должны быть прибиты съ каждой стороны досчечки, на которыхъ выставлены буква и номеръ: при чемъ буква означаетъ становище, въ которое записался хозяинъ лодки. Номера эти въ иныхъ становищахъ заходятъ за тысячу. Всякій имѣетъ право переходить изъ одного становища въ другое, но въ такомъ случаѣ долженъ перемѣнить и свою досчечку. Этой перемѣны, конечно, не требуется, если ловцы, оставаясь жить въ прежнемъ становищѣ, только ѣздятъ на ловъ въ воды, считавшіяся прежде принадлежащими къ другому становищу. Вообще всякая связь между становищами и участками моря теперь уничтожена, и такъ какъ черезъ это столкновенія между ловцами должны были сдѣлаться гораздо чаще, то нашли необходимымъ сдѣлать надзоръ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ онъ былъ доселѣ. Онъ установленъ совершенно по образцу надзора, учрежденнаго уже 8 лѣтъ передъ симъ на зимнемъ сельдяномъ рыболовствѣ. Надзоръ этотъ состоитъ изъ начальника — флотскаго офицера, 4 помощниковъ, также офицеровъ, командующихъ маленькими яхтами, и 4 лендсмановъ (нѣчто въ родѣ нашихъ станovýchъ), командируемыхъ изъ другихъ мѣстъ на время промысловъ. Въ это время мѣстное начальство уже не имѣетъ никакого отношенія

къ рыбакамъ, и все зависитъ отъ начальника надзора, которому въ помощь дается еще судья. Предварительныя издержки на устройство этого надзора стоили правительству 11,704 спеціесъ талера (17,556 р. с.), а годовое содержаніе обошлось въ 1859 году въ 7,475, а въ 1860 въ 8,114 спеціесъ талеровъ, не считая собранныхъ штрафныхъ денегъ, идущихъ также частью на содержаніе надзора. Можно положить, что онъ обходится кругомъ въ 12,000 р. с. Сюда посылается также на время лова два доктора и два пастора, сверхъ постоянно тутъ живущихъ, и для рыбаковъ устроенъ госпиталь, въ которомъ ихъ лечатъ безденежно. На добавочное жалованье докторамъ, содержаніе госпиталя и покушку лекарствъ, собирается съ каждаго ловца по урту (30 к. с.) за все время лова, что составитъ уже около 7,000 р. с. Сверхъ этого, собираютъ еще для той же цѣли по 3 шиллинга ($3\frac{3}{4}$ к. с.) съ каждой сотни клипфиска и по $2\frac{1}{2}$ шиллинга съ сотни рунтовки, что составитъ почти такую же сумму. Пошлина съ клипфиска взимается еще на Лофоденахъ съ приготовителей его, съ рунтовки же — при ввозѣ ея въ Бергенъ, куда идетъ весь этотъ сортъ трески.

Купцы не снаряжаютъ на свой счетъ лодокъ на лофоденскій ловъ, какъ мы это видѣли на зимнемъ сельдяномъ рыболовствѣ, а ловъ производится рыбаками на свой счетъ. Хозяинъ елы, который вмѣстѣ съ этимъ и кормщикъ, нанимаетъ обыкновенно 4 работниковъ и платитъ имъ за 3 мѣсяца отъ 18 до 20 спеціесъ талеровъ (27 — 30 р. с.), если они на хозяйскомъ содержаніи, и десятью талерами больше, если на своемъ. Часто работники идутъ и изъ половинной доли въ добычѣ. Для лова ручными удочками бываетъ на лодкѣ, вмѣсто 5, обыкновенно 3 и даже 2 человѣка, считая въ томъ числѣ и хозяина. Свои уловы продаютъ рыбаки большею частію купцамъ, какъ на мѣстѣ живущимъ, т. е. владѣльцамъ становищъ, такъ и пріѣзжающимъ на большихъ судахъ для закупки здѣсь рыбы. Суда эти бываютъ двухъ родовъ. Одни привозятъ съ собою маленькія лодки, употребляемыя при рыболовствѣ, жерди для развѣшиванія рыбы, провіантъ и служатъ во время лова жилищемъ для рыбаковъ, какъ на зимнемъ сельдяномъ ловѣ; ибо хотя на берегу и считается жилищъ на большее число людей, чѣмъ сколько ихъ стекается на Лофодены (именно 2,405 домовъ на 31,739 человѣкъ), но, при теперешней свободной организаціи лова, иногда собирается въ одно становище вдругъ столько народа, что для него не хватаетъ мѣста, тогда какъ въ другихъ становищахъ избы стоятъ пустыми. Эти суда занимаются лишь приготовленіемъ рунтовки. Съ окончаніемъ лова, они отвозятъ привезенное ими на материкъ и возвращаются за рунтовкою на Лофодены не ранѣе начала іюня, потому что прежде 12 числа этого мѣсяца не дозволено закономъ снимать рунтовки съ вѣшаловъ. Это правило для приготовленія трески есть единственное, оставшееся еще закономъ; прежде же подобныхъ законодательныхъ правилъ существовало множество. Такъ закономъ 1753 года приготовленіе рунтовки вовсе было запрещено въ Сендмерскомъ округѣ, а должно было готовить одинъ клипфискъ, какъ болѣе цѣнный товаръ, да и сѣвернѣе Сендмера до Финмаркена дозволялось готовить этотъ сортъ сушеной трески только въ теченіи января, февраля и марта мѣсяцевъ. Въ 1816 году правила приготовленія рыбы были опредѣлены съ еще гораздо большею подробностью. У всякой рыбы, распластываемой при приготовленіи, т. е. у клипфиска и рошкерки, должно было срѣзать спинную кость включительно до третьяго позвонка за заднимъ проходомъ. У рошкерки часть хвоста, остающаяся неразрѣзанною, должна была быть такой величины, какая необходима для того, чтобы обѣ половинки держались вмѣстѣ. При соленіи должно было непременно сдирать тонкую, чернаго цвѣта перепонку, выстилающую полости тѣла, и плавательный пузырь (мурманскую вязигу). Передъ соленіемъ

не позволялось обмывать рыбы, и для соленія предписывалось употребленіе французской сентъ-ибской соли. Икру не должно было солить, если она начинала уже становиться жидкою, и на тонну ея не употреблять менѣе $\frac{3}{16}$ тонны соли и т. д. Первое постановленіе о несниманіи рунтовки раньше извѣстнаго срока вышло въ 1770 году; но такъ какъ она не всегда совершенно высыхала и къ 12 іюню, то въ 1816 году велѣно было такую, несовершенно высохшую треску класть въ судахъ отдѣльно отъ прочей. Всѣ эти правила очень хороши; но такъ какъ почти невозможно усмотрѣть за исполненіемъ ихъ и такъ какъ правительство не вмѣшивается въ приготовленіе другихъ товаровъ, для которыхъ также можно бы было сочинить множество самыхъ превосходныхъ въ техническомъ отношеніи правилъ, то коммисія, которой было поручено составленіе проекта для нынѣ дѣйствующаго законодательства, сочла за лучшее уничтожить всѣ эти правила, предоставивъ соблюденіе или несоблюденіе ихъ произволу промышленниковъ. Если, однако, она оставила постановленіе о несниманіи рунтовки съ вѣшаловъ ранѣе 12 іюня, то это сдѣлано не столько въ видахъ правительственнаго контроля надъ приготовленіемъ товара, сколько для того, чтобы каждый, приготовляющій ее, оставляя Лофодены въ половинѣ апрѣля, могъ бы быть совершенно увѣренъ, что рыбы его никто не тронетъ до его возвращенія.

Другія суда приходятъ на Лофодены единственно для закупки рыбы и приготовленія изъ нея клипфиска. Одинъ грузъ трески солятъ они въ сараяхъ, или просто на берегу вовсе безъ крыши. Рыбу укладываютъ въ кучи или штапели точно также, какъ и у насъ на Мурманскомъ берегу, только распластываютъ ее не по спинѣ, а вдоль брюха. Если пойдетъ дождь, то онъ смываетъ соль только съ верхнаго слоя, который одинъ только и пересаливаютъ послѣ этого вновь. Другой грузъ солятъ прямо въ суднѣ и, отвезя его на материкъ, возвращаются за первымъ. Эту соленую рыбу обращаютъ въ клипфискъ, т. е. сушатъ, уже у себя дома, ибо для этого нужно много народа, преимущественно женщинъ и дѣтей. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда сдѣлается уже тепло, въ хорошіе дни раскладываютъ рыбу по камнямъ по возможности въ тѣни, или какъ можно ближе къ морю, чтобы ее не слишкомъ жгло солнцемъ. Совершенно тихая безвѣтренная погода много вредитъ успѣху. Если погода начинаетъ портиться и грозитъ дождь, то рыбу спѣшатъ собирать и складывать въ кучи, которыя прикрываютъ досками и нагнетаютъ камнями. Смотря по погодѣ, сушка эта продолжается отъ 4 до 6 недѣль. Всѣхъ судовъ, скупающихъ рыбу для приготовленія изъ нея какъ рунтовки, такъ и клипфиска, собралось на Лофодены въ 1856 году 265 (въ томъ числѣ около 60 служившихъ жилищами), съ 1,200 человекъ экипажа, а въ 1860 году было 501 судно съ 2,342 человекъ экипажа.

Обыкновенная цѣна, по которой рыбаки продаютъ свои уловы купцамъ, составляетъ въ настоящее время 4 спеціесъ талера за большую сотню выпотрошенной и обезглавленной трески. Изъ сотни выходитъ отъ 4 до $4\frac{1}{2}$ воговъ рунтовки и отъ 5 до $6\frac{1}{2}$ воговъ клипфиска, смотря по величинѣ рыбы, которая въ одни годы больше и жирнѣе, а въ другіе меньше и худѣе. Еще въ 1856 году на основаніи цѣнъ, господствовавшихъ въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ, коммисія полагала среднюю цѣну большой сотни сырой трески въ $2\frac{1}{2}$ спеціесъ талера; но изъ отчетовъ начальниковъ надзора за 1859 и 1860 годы видно, что съ тѣхъ поръ рыба значительно подорожала: въ 1859, начиная съ 3 талеровъ, цѣна скоро возрасла до 4, 5 и даже $5\frac{1}{2}$; въ 1860 году цѣна, бывшая въ началѣ лова въ 3 спеціесъ талера, поднялась даже до 5 талеровъ 80 шиллинговъ, т. е. до

8 р. 50 к. с. Печенку рыбаки неохотно продаютъ купцамъ сырымъ, а большею частью увозятъ домой и вытапливаютъ сами изъ нея жиръ. Если же они продаютъ ее, то берутъ отъ 5 до 6 спеціей талеровъ за тонну. За тонну икры промышленники брали въ 1859 году отъ $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ талеровъ, а въ 1860, не смотря на изобильный ловъ этого года, отъ $4\frac{1}{2}$ талеровъ до 4 талеровъ 90 шиллинговъ (7 р. 20 к. с.). Количество получаемой печенки измѣняется въ различные годы, смотря по тому, жирна или худа рыба, какъ объ этомъ будетъ подробнѣе сказано ниже; но для послѣдняго времени можно принять, что изъ трехъ большихъ сотенъ трески получается тонна печенки; изъ тонны же печенки выходитъ полъ-тонны жира. Количество икры также измѣняется по годамъ; но это зависитъ уже не отъ жира рыбы, а отъ того, когда выпадутъ наилучшіе уловы: въ началѣ, или въ концѣ лова, — въ послѣднемъ случаѣ икры будетъ, конечно, мало, потому что большая часть рыбы успѣетъ ее уже до этого времени выметать, да и у той, которая еще не выметала, икра, близкая къ зрѣлости, такъ жидка, что не годится на соление. На три большихъ сотни рыбы считаютъ кругомъ полъ-тонны икры (*). Слѣдовательно, каждыя три большихъ сотни трески, проданныя со всѣми ея продуктами купцамъ, доставляютъ рыбакамъ отъ 19 до 20 спеціей талеровъ, или около 30 р. с., именно: 12 талеровъ на рыбу, отъ 5 до 6 за тонну печенки и 2 талера за полъ-тонны икры. Этотъ расчетъ выгодъ, приобретаемыхъ ловцами, совершенно соотвѣтствуетъ вышеприведенной платѣ, которую работники получаютъ отъ хозяевъ и которая состоитъ, если они на собственномъ содержаніи, изъ 28 или 30 талеровъ деньгами, или изъ половины улова. Половина улова, приходящаяся на долю каждаго работника, должна, слѣдовательно, приблизительно равняться 28 или 30 спеціей талерамъ. Комиссія 1857 года полагаетъ, какъ мы видѣли, средній уловъ каждаго ловца въ 8 большихъ сотенъ. Если три сотни дадутъ 20 спеціей талеровъ, то восемь дадутъ $53\frac{1}{3}$, а половина этого составитъ $26\frac{2}{3}$ спеціей талера, что немногимъ меньше получаемой ловцами денежной платы; но мы уже видѣли, что денежная плата всегда должна быть нѣсколько выше доли изъ добычи, которую она замѣняетъ. Сравнивая эту заработную плату (отъ 42 до 45 р. с. на собственномъ содержаніи, за три мѣсяца работы) съ величиною средняго пая, получаемого нашими мурманскими покрутчиками (70 р. с. и хозяйское содержаніе за 6 мѣсяцевъ работы), мы опять приходимъ къ заключенію, что положеніе нашего покрутчика лучше: 1) Хозяйское содержаніе, по норвежскому расчету, составляетъ 10 спеціей талеровъ въ три мѣсяца, ибо столькими талерами меньше получаютъ ловцы, если они на хозяйскомъ содержаніи, и, слѣдовательно, вмѣсто 6 мѣсяцевъ хозяйскаго содержанія, надо положить на пай нашего покрутчика еще по 40 р. с. прибавки. 2) Норвежскій рыбакъ не можетъ найти себѣ по окончаніи лофоденскаго лова столь же выгоднаго занятія еще на три мѣсяца; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда зимній финмаркенскій ловъ очень долго длится, можетъ онъ себѣ еще что нибудь на немъ заработать.

Въ инструкціи, данной нашей экспедиціи, между прочимъ, поручено намъ обратить вниманіе на то, не могутъ ли наши поморы, занимающіеся торговлей съ Норвегіей, приходятъ и на

(*) Соленая тресковая икра въ пищу не употребляется, а служитъ необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ для другаго рыболовства, именно для лова сардинки у береговъ Бретани и вообще у западныхъ береговъ Франціи. Передъ ловомъ сардинки, разбалтываютъ въ водѣ нѣкоторое количество тресковой икры, которая необыкновенно мелка, и разливаютъ ее по морю. Это служитъ прикормкою для сардинки; она собирается въ большихъ количествахъ на мѣста, гдѣ плаваютъ ира и здѣсь-то выставляютъ невода или ставныя сѣти, которыми ихъ ловятъ.

лофоденскій ловъ для закупки тамъ рыбы, прозимовавъ для этого, конечно, въ Тромсе. Въ запискѣ, представленной академикомъ Бэромъ и послужившей основаніемъ для упомянутой инструкціи, говорится, что въ бытность г. Бэра въ Лапландіи, въ 1840 году, норвежское правительство вызывало русскихъ торговцевъ рыбою приходить на время лова на Лофоденскіе острова. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и въ настоящее время норвежское правительство не только не стало бы дѣлать никакихъ препятствій присутствію русскихъ судовъ на лофоденскомъ ловѣ, но было бы столь же довольно имъ, какъ и въ 1840 году. Но была ли бы какая отъ того польза русскимъ? Думаю, что никакой; напротивъ, по всему видно, что наши поморы весьма здраво обсудили положеніе дѣла, не послѣдовавъ вызову норвежскаго правительства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо только принять въ соображеніе цѣны на сырую рыбу во время лофоденскаго лова. Цѣну, по которой промышленники продаютъ купцамъ сырую треску, какъ мы видѣли, нельзя никакъ положить ниже 4 спеціесъ талеровъ, или 6 р. с. за большую сотню. Всѣй большой сотни, по словамъ опытныхъ купцовъ, занимающихся всю свою жизнь покупкою и приготовленіемъ трески, составляетъ, безъ головы и внутренностей, среднимъ числомъ $18\frac{1}{2}$ воговъ или почти 21 пудъ. Слѣдовательно, пудъ свѣжей трески обошелся бы въ $28\frac{1}{2}$ к. с. Мѣнять рыбу на хлѣбъ здѣсь не было бы дозволено нашимъ поморамъ, но они должны бы покупать треску на чистыя деньги. Пудъ муки въ Архангельскѣ обходится имъ около 70 к. с.; на эти деньги можно купить на Лофоденахъ только $2\frac{1}{2}$ пуда трески, тогда какъ въ Финмаркенѣ поморы вымѣниваютъ на пудъ муки отъ 3 до 5 пудовъ трески. Но $28\frac{1}{2}$ к. с. за пудъ трески составляетъ на Лофоденахъ только самую умѣренную цѣну. Крайнія же цѣны ея были, какъ видно изъ отчетовъ за 1859 и 1860 годы, $21\frac{1}{2}$ к. с. (при цѣнѣ въ 3 спеціесъ талера за сотню), что все еще даетъ только $3\frac{1}{2}$ пуда трески за пудъ муки, и 40 к. с. (при цѣнѣ въ 5 спеціесъ талеровъ 80 шиллинговъ), что даетъ только $1\frac{3}{4}$ пуда рыбы за пудъ муки. Если прибавимъ къ этому всѣ излишнія издержки: на прожитіе хозяина, жалованье и содержаніе работниковъ во время зимовки въ Норвегіи, и къ тому еще примемъ во вниманіе, что при мѣнѣ въ Финмаркенѣ капиталъ хозяина обращается въ 4 мѣсяца (съ мая, когда забирается мука въ Архангельскѣ, и по сентябрь, когда поморы продаютъ тамъ же свою рыбу), а при закупкѣ рыбы на Лофоденахъ, на этотъ оборотъ потребуется почти годъ (съ августа или сентября по іюнь или даже по сентябрь, потому что въ этомъ мѣсяцѣ бываетъ главная торговля трескою въ Архангельскѣ), то придемъ къ тому заключенію, что, если закупка рыбы на Лофоденахъ и не была бы русскимъ въ совершенный убытокъ, то все таки выгоды отъ этой операціи не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми, которыя они получаютъ теперь мѣною муки на треску и сайду въ Финмаркенѣ. Если бы, наконецъ, потребность въ трескѣ у насъ до того усилилась (что, впрочемъ, мало вѣроятно, ибо кругъ сбыта ея весьма необширенъ), что ни мурманскій ловъ въ теперешнихъ его размѣрахъ, ни вымѣнъ лѣтней рыбы въ Финмаркенѣ, не могли бы удовлетворить ее, то все еще наши промышленники прежде, чѣмъ обратиться къ закупкѣ этого товара на Лофоденахъ, нашли бы вѣроятно выгоды для себя: во-первыхъ, усилить мурманскій промыселъ, а во-вторыхъ, покупать рыбу во время зимняго финмаркенскаго лова, для чего имъ не надо бы забираться на зимовку далѣе Вадсе, Вардегуса или Гамерфеста.

Другой пунктъ, на который инструкціею было обращено вниманіе экспедиціи, состоитъ въ изслѣдованіи возможной связи между періодичностью въ изобиліи мурманскихъ улововъ и таковою же въ степени жирности лофоденской рыбы, — связи, на основаніи которой казалась вѣроятною возможность

предсказанія хорошихъ и дурныхъ улововъ на Лапландскомъ берегу, смотря потому, худа или жирна была рыба на Лофоденахъ, гдѣ рыболовство производится нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, чѣмъ у насъ. При этомъ, жирность рыбы на Лофоденахъ служила бы для насъ худымъ предзнаменованіемъ, какъ знакъ того, что треска находитъ себѣ изобильную пищу въ сѣверной части Атлантическаго океана и, слѣдовательно, не имѣетъ нужды эмигрировать въ собственно Ледовитый океанъ на востокъ отъ Нордкапа, и что въ такомъ случаѣ эмиграція эта можетъ даже принять противоположное направленіе; на оборотъ, худоба трески, означая недостатокъ питательныхъ веществъ въ тѣхъ частяхъ моря, откуда рыба стекается на Лофодены, — недостатокъ, вслѣдствіе котораго она должна бы расходиться во всѣ стороны, а въ томъ числѣ заходить и къ намъ, служила бы предсказаніемъ уловистаго года на Мурманскомъ берегу. Собрать данныя, на основаніи которыхъ можно бы со всею точностью рѣшить этотъ вопросъ, оказалось совершенно невозможнымъ. Для этого нужно бы было имѣть лѣтъ за тридцать вѣрныхъ свѣдѣній, какъ о количествѣ мурманскихъ улововъ, такъ и о числѣ рыбъ, изъ которыхъ въ каждый изъ тѣхъ же годовъ добывалась тонна печенокъ. Изъ отчета о Мурманскомъ ловѣ видно, чѣмъ ограничиваются данныя, которыя удалось собрать экспедиціи касательно этого предмета: однимъ лишь перечисленіемъ послѣднихъ тридцати лѣтъ, какъ они остались въ памяти промышленниковъ по ихъ уловистости, а другихъ данныхъ, смѣю утверждать, вовсе не существуетъ. Для Лофоденовъ мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о степени жирности тамошней рыбы лишь за два прошедшіе года, 1859 и 1860, за всѣ же прочіе также лишь воспоминанія лофоденскихъ старожиловъ и преимущественно одного изъ нихъ, г. Нормана, владѣльца становища Ерснаэскаго (Orsnoes), болѣе тридцати лѣтъ уже занимающагося покушкою и приготовленіемъ трески. Эти данныя, каковы они ни есть, даютъ, однакоже, кажется мнѣ, довольно убѣдительный отрицательный отвѣтъ, который, безъ сомнѣнія, только бы подтвердился болѣе очевиднымъ образомъ, если бы данныя наши были выражены точнымъ языкомъ чиселъ. По этому, я не опасаясь теперь же высказать свое мнѣніе самымъ положительнымъ образомъ. Степень жирности лофоденской рыбы и изобиліе мурманскихъ улововъ не находятся непременно между собою ни въ прямомъ, ни въ обратномъ отношеніяхъ, — связи между этими двумя явленіями, такой по крайней мѣрѣ, на основаніи которой можно бы было предсказывать съ достаточною для практическихъ цѣлей точностью послѣдующее изъ предшествовавшаго, не существуетъ. Результатъ собранныхъ мною относительно этого предмета свѣдѣній на Лофоденахъ заключается въ слѣдующемъ. Въ послѣднія 20 лѣтъ треска была на Лофоденахъ болѣе или менѣе жирна, такъ что изъ трехъ большихъ сотенъ этой рыбы добывалось среднимъ числомъ по тоннѣ печенокъ, а изъ тонны печенокъ поль-тонны жира. Такъ въ 1859 году изъ 19,000,000 пойманныхъ рыбъ (принимая за милліонъ, какъ выражается коммисія 1856 года, 10,000 большихъ сотенъ, т. е. собственно 1,200,000) было добыто 30,000 тоннъ жира, или 60,000 тоннъ печенокъ, и слѣдовательно тонна печенокъ соотвѣтствуетъ 3,17 большимъ сотнямъ, или 380 штукамъ трески. Въ лучшіе годы, каковъ былъ, напримѣръ, 1860, тонна печенокъ добывалась даже изъ 2½ большихъ сотенъ рыбъ, именно изъ 20,000,000 трески (принимая милліонъ въ прежнемъ смыслѣ) добыто 40,000 бочекъ жира или 80,000 бочекъ печенокъ, что даетъ бочку печенокъ на 2,5 большихъ сотни, или 300 штукъ рыбы. Прежде 1840 года долгое время треска была худа; самую же худую была она въ 1833 и 1834 годахъ, оставшимся въ этомъ отношеніи памятными, ибо тогда нужно было отъ 8 до 10 большихъ сотенъ рыбы, чтобы получить тонну печенокъ. Эти показанія подтверждаются: 1) Мнѣніемъ коммисіи 1856 года, которая полагала,

что три большихъ сотни составляютъ среднимъ числомъ то количество рыбы, изъ котораго обыкновенно добывается тонна печенокъ, ибо, очевидно, что при своихъ изслѣдованіяхъ коммисія имѣла преимущественно въ виду послѣдніе годы. 2) Таблицею вывоза изъ Норвегіи трески и жира. Таблица эта имѣетъ только два существенныхъ, правда, недостатка: она составлена по пятилѣтіямъ, такъ что иногда годы иначе сгруппированы, чѣмъ бы намъ нужно было для приведенія въ соотвѣтствіе результатовъ этой таблицы, какъ съ тѣмъ, что мы знаемъ объ уловистыхъ и неуловистыхъ годахъ на Мурманскомъ берегу, такъ и съ показаніями лофоденскихъ старожиловъ. Еще гораздо хуже для нашей цѣли то, что въ таблицѣ показаны общія суммы вывезенной рыбы, была ли она добыта на Лофоденахъ, у Сѣндмера, или на прочихъ норвежскихъ ловахъ, а такъ какъ нѣтъ никакой необходимости, чтобы жирность рыбы была одинакова на Лофоденахъ и у Сѣндмера, напримѣръ, то результаты одного лова могутъ маскировать въ этомъ отношеніи результаты другаго. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, таблица эта подтверждаетъ въ главномъ слова лофоденскихъ старожиловъ. Количества вывезенной трески означены въ ней въ вогахъ отдѣльно для клипфиска и для стокфиска (не различая рунтовки отъ рошкерки). Для большей сравнительности съ только что приведенными данными, почерпнутыми изъ отчетовъ начальниковъ надзора за 1859 и 1860 годы, и съ показаніями г. Нормана, я перевелъ вѣсъ рыбы на число ея, принимая все таки, по здѣшнему обычаю, миллионъ состоящимъ изъ 10,000 большихъ сотенъ. Для этого перевода я принялъ, на основаніи расчета коммисіи 1856 года, что изъ сотни трески выходитъ кругомъ 5½ воговъ клипфиска и 4 вога стокфиска; числа же тоннъ жира я удвоилъ, чтобы получить число тоннъ добытой печенки. Такимъ образомъ составилась слѣдующая таблица:

Годы.	Средній годичный вывозъ въ вогахъ.		Приблизительно соотвѣтствующее означенному вѣсу число трески.		Число тоннъ печенокъ, соотвѣтствующее среднему годичному вывозу жира.	Число рыбъ, приходящихся на тонну печенокъ.	
	Клипфиска.	Стокфиска.	Большими сотнями.	Дѣйствительнымъ числомъ штукъ.		Въ большихъ сотняхъ.	Въ штукахъ.
1815—19.	81,600	434,089	123,358	14,802,960	38,386	3,21	385
1820—24.	169,092	571,173	173,537	20,824,440	54,530	3,18	382
1825—29.	331,280	867,218	277,038	33,244,560	80,916	3,42	411
1830—35.	372,187	907,555	294,559	35,347,080	54,936	5,36	643
1836—40.	562,844	823,876	308,304	36,996,480	77,128	4,00	480
1841—45.	482,649	682,889	258,476	31,017,120	98,008	2,64	317
1846—50.	600,841	844,065	331,169	39,740,280	113,852	2,91	349
1851—55.	783,667	912,380	370,580	44,469,600	105,800	3,50	420
1855 годъ.	1,115,917	818,724	407,575	48,809,000	157,608	2,58	310

Изъ этой таблицы видно, что самая худая рыба была въ пятилѣтіи отъ 1830 по 1835 годъ, въ которомъ заключаются 1833 и 1834 годы, на которые указываютъ лофоденскіе старожилы, какъ на наименѣе прибыльные относительно добычи жира; но и въ слѣдующее за тѣмъ пятилѣтіе видно,

что рыба была не жирна, какъ говорятъ и старожилы. Вѣроятно, худоба рыбы оказалась бы въ таблицѣ еще рѣзче, если бы былъ исключенъ изъ этого пятилѣтія 1840 годъ, который старожилы причисляютъ еще къ годамъ жирной рыбы. Въ предшествовавшемъ 1830-му году пятилѣтія, рыба также была менѣе обыкновеннаго жирна. Слѣдовательно, мы имѣемъ 15-лѣтній періодъ (съ 1825 по 1840 или, вѣрнѣе, по 1839 годъ), въ теченіи котораго рыба была особливо худа. Слѣдующее за 1840 годомъ десятилѣтіе отличалось жирностью рыбы, что опять согласно съ показаніемъ старожиловъ. Таблица показываетъ, правда, что и въ пятилѣтіе отъ 1851 по 1855 годъ рыба была худѣе обыкновеннаго, ибо пятилѣтіе это занимаетъ третье мѣсто въ ряду прочихъ пятилѣтій, именно оно слѣдуетъ сейчасъ послѣ пятилѣтія 1836—1840 гг., о чемъ ничего мнѣ не говорили старожилы; но, мнѣ кажется, что хотя изъ словъ старожиловъ и нельзя усмотрѣть, чтобы въ этотъ недавній и, слѣдовательно, свѣжій еще въ памяти періодъ времени было замѣчено чувствительное уменьшеніе въ количествѣ добываемаго жира, однако степень жирности рыбы на Лофоденахъ въ это пятилѣтіе должна была быть ниже средней и приблизительно равняться той, какая указывается таблицею для Норвегіи вообще. Въ самомъ дѣлѣ, коммисія 1856 года, имѣвшая, конечно, въ виду послѣдніе годы, не приняла бы три большихъ сотни за среднее количество, изъ котораго добывается тонна жира, если бы годы, непосредственно предшествовавшіе 1855-му, не отличались нѣсколько меньшимъ количествомъ доставляемой рыбой печени, чѣмъ 1855 годъ, замѣчательный по необыкновенной жирности рыбы. Если бы коммисія имѣла въ виду исключительно уловъ 1855 года, то она скорѣе приняла бы 3 большихъ сотни, чѣмъ 2¹/₂, за количество трески, доставляющее тонну печенокъ. Лофоденскіе же старожилы, говорившіе о цѣломъ 20-лѣтнемъ періодѣ, какъ о хорошемъ, легко могли выпустить изъ виду четырехлѣтіе отъ 1851 по 1854 годъ, ибо если мы и исключимъ 1855 годъ изъ разсматриваемаго пятилѣтія, то для четырехлѣтія отъ 1851 по 1854 годъ все еще получимъ слѣдующія среднія годовыя числа: 341,202 большихъ сотенъ рыбы (или 40,944,240 штукъ), приготовленной на клипъ и стокфискъ, и 92,848 тоннъ печенокъ, то есть одну тонну печенокъ на 3,67 большихъ сотенъ или 440 штукъ трески, что не такъ еще отличается отъ пропорціи трехъ большихъ сотенъ рыбы на тонну печенокъ, чтобы заслуживало съ стороны старожиловъ особливаго упоминенія. При этомъ для Лофоденовъ пропорція можетъ быть и оказывалась нѣсколько выгоднѣйшею, чѣмъ для Норвегіи вообще. Тѣмъ не менѣе, однако, при значительности доли, доставляемой лофоденскимъ ловомъ общему вывозу трески и жира, трудно предположить, чтобы общее уменьшеніе въ пропорціи жира не основывалось, по крайней мѣрѣ отчасти, и на меньшей, противу обыкновеннаго, жирности лофоденской рыбы. Какъ бы то ни было, мы можемъ, однако, сказать, что разборъ таблицы вывоза трески и жира въ общемъ вполне подтверждаетъ показаніе лофоденскихъ старожиловъ. И такъ, сравнимъ эти показанія и данныя таблицы съ тѣмъ, что намъ извѣстно о мурманскихъ уловахъ лѣтъ за тридцать. Но прежде замѣтимъ, что также есть причины считать и квалификацію годовъ нашими мурманскими промышленниками за достаточно вѣрную. Такъ въ приведенномъ въ Отчетѣ за 1860 годъ спискѣ сказано про 1840 годъ: «былъ очень хорошъ, такъ что на каждаго работника приходилось отъ 270 до 280 р. ас.», что много значитъ, ибо тогда рыба была дешевле. Академикъ же Бэръ также говоритъ: «когда я въ 1840 году посѣтилъ Лапландію, было поймано столько рыбы, что не доставало судовъ забрать весь уловъ, не смотря на то, что ихъ явилось болѣе обыкновеннаго. Неуловы отъ 1830 по 1836 годъ и отъ 1844 по 1850, также какъ и блистательные

уловы съ 1851 по 1857 годъ остались запечатлѣнными въ памяти промышленниковъ, доставившихъ намъ эти свѣдѣнія, счастливыми или несчастными перемѣнами въ ихъ собственной судьбѣ, и, слѣдовательно, также могутъ быть приняты за достовѣрные факты.

Приступимъ теперь къ нашему сравненію. 1839 годъ былъ у насъ худой, а въ Норвегіи (т. е. въ Финмаркенѣ) хорошъ. 1831 г. у насъ былъ очень дурной и наши промышленники ловили у норвежскихъ береговъ. Годы 1832, 1833, 1834 и 1835 были не промышленные, такъ что почти ничего не ловили, а между тѣмъ именно этому - то періоду соотвѣтствуетъ наибольшая худоба рыбы на Лофоденахъ (1833 и 1834 годы) и во всей Норвегіи, какъ показываетъ таблица. 1836 годъ былъ столь же неуловистъ у насъ, какъ и предшествовавшіе. 1837 г. былъ порядочный. 1838 г. не остался въ памяти промышленниковъ, доставившихъ намъ эти свѣдѣнія, почему, вѣроятно, онъ былъ годомъ среднихъ улововъ. Въ 1839 рыба ловилась хорошо лишь въ восточной части Мурманскаго берега, въ западной же плохо. 1840 годъ, какъ мы видѣли, былъ необыкновенно хорошъ. И такъ, посредственность улововъ составляетъ характеристику этого періода и ему соотвѣтствуетъ въ Норвегіи рыба, превосходившая, по худобѣ своей, всѣ пятилѣтія сорокалѣтняго періода, за исключеніемъ только непосредственно ему предшествовавшаго; но если бы исключить съ обѣихъ сторонъ 1840 годъ, который у насъ былъ очень уловистъ, а на Лофоденахъ причисляется старожилами еще къ годамъ жирной рыбы, то и это четырехлѣтіе, подобно предшествовавшему шестилѣтію, могло бы служить подтвержденіемъ правилу, что худой рыбѣ на Лофоденахъ соотвѣтствуютъ дурные уловы на Мурманскомъ берегу. Чтобы вполне утвердить это правило, надо бы только вывести изъ фактовъ справедливость и обратнаго случая, т. е. что жирной рыбѣ на Лофоденахъ соотвѣтствуютъ хорошіе уловы на Мурманскомъ берегу; тогда результаты изслѣдованій экспедиціи, касательно этого предмета, хотя и оказались бы діаметрально противоположными предположеніямъ инструкціи, однако практически были бы столь же полезны. Но и этого нѣтъ. 1841 годъ былъ у насъ очень посредственный, на пай приходилось по 120 р. ас.; 1842 и 1843 были хороши; 1844 плохъ; 1845 для трески также плохъ; слѣдовательно два плохихъ, одинъ очень посредственный и два хорошихъ года у насъ — соотвѣтствуютъ по таблицѣ годамъ самой жирной рыбѣ въ Норвегіи изъ всего сорокалѣтія. 1846 годъ былъ хорошъ только въ небольшой части Мурманскаго берега, западнѣе Цыпъ-Наволока на Рыбачьемъ полуостровѣ; въ 1847 и 1848 годахъ уловы были посредственные; 1849 такъ плохъ, что приходилось менѣе 100 р. ас. на пай; 1850 столь же плохъ. Этому времени соотвѣтствуетъ въ Норвегіи періодъ, занимающій по жирности рыбы второе мѣсто въ теченіи всего сорокалѣтія; значить, въ противность десятилѣтію отъ 1830 по 1839 годъ, тутъ оказывается подтвержденіе предположенія инструкціи: жирнымъ годамъ на Лофоденахъ соотвѣтствуютъ дурные уловы на Мурманскомъ берегу. Къ этому же заключенію будетъ клониться и результатъ сравненія слѣдующаго четырехлѣтія: нѣкоторому уменьшенію въ жирности рыбы съ 1851 по 1854 годъ соотвѣтствуютъ превосходные уловы, появившіеся у насъ съ 1851 года и продолжавшіеся до 1857; но уже 1855 годъ снова этому противорѣчитъ, ибо, будучи годомъ необыкновенно жирной рыбы въ Норвегіи, онъ и у насъ былъ также чрезвычайно уловистъ (въ этомъ году только дѣйствія англичанъ мѣшали успѣху лова, а рыбы было очень много). Наконецъ, перейдемъ къ двумъ послѣднимъ, 1859 и 1860 годамъ, за которые имѣемъ уже положительныя свѣдѣнія о степени жирности рыбы на Лофоденахъ. Въ 1859 году, какъ мы видѣли, одна тонна печеникъ приходилась на 3,17 большихъ сотни или 380 штукъ,

а въ 1860 на 2,5 большихъ сотни или 300 штукъ трески. Въ оба эти года была, значить, рыба жирна, а въ 1860 даже жириѣе, чѣмъ когда либо прежде. Между тѣмъ, у насъ 1859 (какъ и 1858) годъ былъ все еще хорошъ, хотя и хуже предыдущихъ; въ 1860 же ловъ былъ плохой въ началѣ, весной, потому что не было мойвы, но, лѣтомъ, съ появленіемъ песчанки, сдѣлался хорошъ. И такъ, мы находимъ, что иногда худой рыбѣ на Лофоденахъ соотвѣтствуетъ у насъ самый дурной ловъ (въ 1830—1835 гг., и въ меньшей степени въ 1836—1839 годахъ); иногда же жирной рыбѣ на Лофоденахъ соотвѣтствуетъ у насъ дурной или, по крайней мѣрѣ, посредственный ловъ (съ 1846 по 1850 г. и въ меньшей степени въ 1841—1855 годахъ); иногда нѣкоторому уменьшенію въ жирности лофоденской рыбы, впрочемъ очень небольшому, соотвѣтствуютъ у насъ превосходные уловы (съ 1851 по 1854 годъ); наконецъ, иногда жирной рыбѣ на Лофоденахъ соотвѣтствуетъ хорошій ловъ и у насъ (какъ въ 1855 и въ меньшей степени въ 1859 и 1860 годахъ). Слѣдовательно, въ теченіи 30 лѣтъ случались всѣ возможныя различія въ отношеніяхъ между жирностью лофоденской рыбы и уловистостью мурманскаго промысла. Противъ возможности предсказывать наши уловы, на основаніи большей или меньшей жирности лофоденской рыбы, еще рѣзче говорить то, что періоды, въ которые эта жирность измѣняется чувствительнымъ образомъ, гораздо продолжительнѣе, нежели замѣчаемыя у насъ періодическія измѣненія въ уловахъ. Такъ съ 1840 по 1860 годъ разность въ жирности рыбы на Лофоденахъ была столь незначительна, что тамошніе старожилы считали весь этотъ періодъ — временемъ жирной рыбы, тогда какъ у насъ въ это же двадцатилѣтіе уловы измѣнялись отъ совершенно ничтожныхъ до самыхъ превосходныхъ, какіе только могутъ запомнить.

Между тѣмъ само по себѣ очевидно, что какъ жирность рыбы на Лофоденахъ, такъ и изобиліе улововъ на мурманскомъ берегу, зависятъ оба отъ изобилія пищи въ водахъ, прилегающихъ къ той и къ другой рыболовной мѣстности, и преимущественно отъ изобилія мойвы, которая составляетъ если и не исключительную, то любимѣйшую пищу трески. Я справлялся на Лофоденахъ: не замѣчается ли какой либо соотвѣтственности между жирностью тамошней рыбы и финмаркенскими уловами. На это мнѣ отвѣчали, что положительной и неизмѣнной связи между тѣмъ и другимъ не обнаруживается, но замѣчено, что когда рыба жирна на Лофоденахъ, то есть большое вѣроятіе, что и въ Финмаркенѣ будетъ мойва и, слѣдовательно, почти навѣрно будетъ удачный ловъ. Это подтвердилось и въ прошедшемъ, и въ нынѣшнемъ годахъ. Также точно и у насъ присутствіе или отсутствіе мойвы опредѣляютъ собою главнѣйшимъ, хотя и не исключительнымъ образомъ (какъ это доказываетъ, напримѣръ, 1860 годъ, когда при отсутствіи мойвы лѣтній ловъ былъ, однакоже, хорошъ) изобиліе трески: такъ, во время неулововъ первой половины тридцатыхъ годовъ, не было и мойвы у береговъ, и только въ 1837 году, вмѣстѣ съ улучшеніемъ лова, весной снова появились стаи ея. Если такимъ образомъ изобиліе питательныхъ веществъ, преимущественно мойвы, и обусловливаетъ, какъ жирность рыбы на Лофоденахъ, такъ и хорошіе уловы на Мурманскомъ берегу, то все-таки нѣтъ никакой причины принимать, чтобы изобиліе питательныхъ веществъ въ части моря, прилегающей къ Лофоденамъ, и обиліе ея въ части, омывающей нашу Лапландію, находились между собою въ какой нибудь непремѣнной, положительной или отрицательной связи, т. е. чтобы между ними непремѣнно существовало или согласіе, или противоположность. Можно уподобить колебанія въ распредѣленіи питательныхъ веществъ, а за ними и трески въ океанахъ, — колебаніямъ въ распредѣленіи теплоты по поверхности земнаго шара. Мы можемъ считать постояннымъ, какъ количество теплоты, доставляемой землѣ солнцемъ, такъ и

количества питательныхъ веществъ и рыбы въ морѣ; но то и другое распредѣляются въ различные годы весьма неравномѣрно. Страны, которыя попадутъ въ область сѣверо-восточнаго полярнаго теченія, будутъ имѣть холодную зиму, и на оборотъ — теплая зима будетъ тамъ, гдѣ господствуютъ юго-западные экваторіальные вѣтры. Но граничная линія между этими двумя теченіями перемѣняетъ свое мѣсто самымъ неопредѣленнымъ и неуловимымъ образомъ. Если въ Америкѣ, напримѣръ, холодная зима, то можно навѣрное сказать, что гдѣ нибудь въ старомъ свѣтѣ зима очень тепла. При этомъ граничная линія можетъ пасть гдѣ нибудь въ Атлантическомъ океанѣ, и тогда климатическая противоположность будетъ существовать между Америкою и Европою; но эта линія точно также можетъ раздѣлить и самую Европу на двѣ противоположныя климатическія полосы, такъ что западная часть ея будетъ имѣть одинаковый характеръ погоды съ частью Америки, а болѣе теплая зима будетъ господствовать въ Россіи и части Азіи. Подобно этому изобиліе питательныхъ веществъ въ моряхъ, прилегающихъ къ сѣверной и средней Норвегіи — изобиліе, обусловливающее жирность лофоденской рыбы, — можетъ совпасть, какъ съ таковымъ же изобиліемъ, такъ и съ недостаткомъ питательныхъ веществъ въ моряхъ къ востоку отъ Нордъ-Капа. И мы имѣемъ положительныя доказательства, что и то, и другое дѣйствительно случается. Такъ въ 1830 году ловъ на всемъ Мурманскомъ берегу былъ худой, а въ Финмаркенѣ хорошій; слѣдовательно, граничная линія совпала на этотъ разъ съ границею государственною. Въ 1839 году, въ Вайда-губѣ и вообще въ западной части Лапландіи было мало рыбы, а на собственно такъ называемомъ Русскомъ берегу, т. е. къ востоку отъ Кольской губы, ловъ былъ хорошъ на этотъ разъ; въ этомъ случаѣ граничная линія раздѣлила самый Мурманскій берегъ на двѣ противоположныя полосы. 1846 годъ былъ хорошъ къ западу отъ Цыпъ-наволока и дуренъ къ востоку: граничная линія, значить, раздѣлила опять Мурманскій берегъ на двѣ противоположныя полосы, но прошла нѣсколько западнѣе, чѣмъ въ 1839 году. И такъ, изъ того, что на Лофоденахъ рыба очень жирна, мы если и можемъ предугадывать, что гдѣ нибудь ловъ трески долженъ быть неудаченъ, но гдѣ это будетъ: въ Финмаркенѣ ли, у насъ ли на всемъ Мурманскомъ берегу, или только въ части его, или на западъ отъ Лофоденовъ въ Сендмерѣ, въ Нѣмецкомъ морѣ на Догербанкѣ, или у береговъ Исландіи, — этого-то точно также предсказать нельзя, какъ нельзя заключить изъ холодности американской зимы о непремѣнной умѣренности ея во всей западной Европѣ, хотя гдѣ нибудь зима и непремѣнно будетъ умѣренна. — Но гдѣ? — этого-то и нельзя сказать. Сверхъ того, уловы на Мурманскомъ берегу обусловливаются, какъ кажется, не однимъ изобиліемъ питательныхъ веществъ, а слѣдовательно и рыбы, въ прилежащемъ къ нему морѣ. Можетъ случиться, а по словамъ промышленниковъ дѣйствительно случается, что рыбы и много въ морѣ, только она къ берегамъ нейдетъ; отправляться же на ловъ очень далеко въ море и опасно, и влечетъ за собою большую потерю времени; слѣдовательно, и при изобиліи рыбы, заловы будутъ незначительны. Въ этомъ-то заключается, по моему мнѣнію, причина того, что періоды хорошихъ и дурныхъ мурманскихъ улововъ короче и, слѣдовательно, чаще замѣщаютъ другъ друга, чѣмъ періоды жирной и худой рыбы на Лофоденахъ, которые зависятъ исключительно отъ изобилія или недостатка пищи для трески.

И такъ, обѣ цѣли, для которыхъ экспедиція преимущественно должна была посѣтить Лофоденскіе острова и даже Норвегію (вообще открытіе для нашихъ промышленниковъ, ходящихъ за рыбою въ Норвегію, новаго рынка для закупки трески, и возможность предсказанія мурманскихъ улововъ, на

основаніи жирности или худобы лофоденской рыбы), оказываются недостижимыми. Этим и пришлось бы окончить отчет о лофоденском рыболовствѣ, если бы экспедиція не имѣла случая видѣть на Лофоденахъ двухъ фабричныхъ заведеній, стоящихъ упоминовенія. Это — фабрика такъ называемаго искусственнаго гуано, дѣлаемаго изъ тресковыхъ головъ и прочихъ негодныхъ на другое употребленіе остатковъ, и фабрики для приготовленія очищеннаго лекарственнаго тресковаго жира. Первая дѣлаетъ болѣе чести предпріимчивости норвежцевъ, нежели ихъ вѣрному экономическому расчету, а потому для насъ можетъ быть лишь предметомъ любопытства; приготовленіе же послѣдняго такъ просто и дешево, что могло бы быть заведено и у насъ въ любомъ становищѣ, по одному описанію и рисунку, а со временемъ всѣ наши аптеки могли бы снабжаться исключительно жиромъ внутренняго приготовления.

Нельзя не отдать должной справедливости мысли воспользоваться сильными удобрительными свойствами тѣхъ частей рыбы, которыя не могутъ быть употреблены ни въ пищу, ни на другое что, а потому бросались до сихъ поръ, какъ совершенно никуда негодныя. Самое названіе искусственнаго гуано, данное приготовляемому тутъ изъ рыбихъ остатковъ порошокъ, выбрано весьма счастливо, потому что вѣдь рыба же составляетъ матеріалъ, перерабатываемый морскими птицами въ естественное гуано. По словамъ директора фабрики, какъ химическое разложеніе, такъ и практическіе опыты показали, что искусственное гуано нисколько не уступаетъ естественному въ отношеніи удобрения полей. Этому легко повѣрить, потому что, кромѣ богатства въ азотистыхъ соединеніяхъ, искусственное гуано содержитъ очень много фосфорнокислыхъ солей, которыя, какъ кажется, всего труднѣе возвращать полямъ. Но, къ сожалѣнію, экономическія выгоды отъ предпріятія не хотятъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, идти рука объ руку съ несомнѣнными химическими и агрономическими достоинствами порошокъ. Акцій выпущено на 100,000 спеціесъ талеровъ (150,000 р. сер.), по которымъ, впрочемъ, только половина суммы уплачена; но доселѣ, хотя фабрика и дѣйствуетъ уже третій годъ, акціонеры не получали еще никакихъ дивидендовъ и надежды на будущее также должно быть не велики, потому что акція продаются за совершенный безцѣнокъ.

Фабрика эта находится на островѣ Остъ-Вогенѣ, не подалеку отъ Сволвэрскаго становища, въ мѣстѣ, называемомъ Леросеномъ (Leerosen) и дѣйствуетъ водою. Головы, всегда отсѣкаемыя, какъ бы ни готовилась треска; хребетныя кости, вырѣзываемыя при соленіи ея на клиффискъ; попортившаяся рунтовка и, наконецъ, спасенные грузы судовъ съ рыбою потерпѣвшихъ крушеніе, — составляютъ матеріалы, изъ которыхъ готовится гуано. Кишекъ и другихъ внутренностей до сихъ поръ еще не могли употребить въ дѣло, потому что надо слишкомъ много топлива, чтобы ихъ достаточно высушить. Головы составляютъ, конечно, главнѣйшій изъ этихъ матеріаловъ. Рыбаки, вмѣсто того, чтобы, по прежнему, бросать въ воду, собираютъ ихъ, связываютъ въ пучки и сушатъ, раскладывая по скаламъ. За сотню головъ платитъ фабрика отъ 6 до 10 шиллинговъ (отъ 7¹/₂ до 12¹/₂ к. с.), за вполнѣ же высушенныя и доставленныя на фабрику она даетъ и по 36 шиллинговъ (45 к. с.). Такимъ образомъ рыбаки получаютъ теперь до 6,000 спеціесъ талеровъ за то, что еще недавно не имѣло никакой цѣнности. Собранныя головы хранятся въ нарочно устроенныхъ для того амбарахъ въ различныхъ мѣстахъ острововъ.

Самое приготовленіе состоитъ изъ четырехъ операцій: 1) *Рѣзки*. Колесо, по окружности котораго расположены ножи въ плоскостяхъ радіусовъ, вертится въ небольшомъ разстояніи надъ

неподвижно утвержденнымъ рядомъ ножей, составляющихъ весьма острый уголъ съ ножами колеса. Черезъ это образуется родъ ножницъ, однѣ половинки которыхъ неподвижны, а другія вертятся. Засыпанныя сюда головы разрѣзаются на довольно крупные куски, которые перерѣзываются или перетираются на другой машинѣ, бывшей сломанною во время нашего посѣщенія фабрики. Это составляетъ вторую операцію — 2) *Размельченіе*. Употребляемая на это машина, какъ мнѣ сказывали, еще не хорошо приспособлена къ дѣлу и часто ломается. Вообще все устройство здѣшной фабрики должно было вновь придумать, потому что она первая въ своемъ родѣ; это необходимо повлекло за собою много опытовъ, часто неудачныхъ, и было причиною большихъ издержекъ. 3) *Сушка*. Безконечное полотно принимаетъ размельченные куски и засыпаетъ ихъ въ широкій желѣзный нѣсколько наклоненный, пустой цилиндръ, въ которомъ они просушиваются. Цилиндръ этотъ изрѣшетенъ весь дырочками и вертится надъ желѣзною же дымовою трубою, проходящею подъ нимъ изъ печки. Входящаго такимъ образомъ въ цилиндръ тока теплаго воздуха достаточно для окончательной просушки мелко раздробленныхъ костей, съ находящимся еще на нихъ мясомъ, во время движенія ихъ вдоль по цилиндру (съ его приподнятаго до опущеннаго конца), если только головы были прежде хорошо просушены на вѣтру и солнцѣ. Если же онѣ поступили въ рѣзку еще нѣсколько сырыми, то такой пересушки мало; тогда куски изъ цилиндра проводятся на желѣзный листъ, составляющій покрышку или верхнюю стѣну самой печи, на которомъ въ нѣсколько секундъ и достигаютъ всей желаемой сухости. 4) *Размельченіе*. Просушенные мелкіе куски опять переносятъ на безконечное полотно, которое поднимаетъ ихъ и засыпаетъ, какъ на мельницѣ, въ жерновъ, гдѣ они и перемелываются въ мелкій порошокъ грязно-сѣраго цвѣта. Изъ жернова падаетъ эта мука на сито, которое отдѣляетъ тонкія части отъ неполнѣ размельченныхъ; послѣднія идутъ въ перемоль. Само собою разумѣется, что запахъ на фабрикѣ отвратительный; вонючая пыль, наполняющая тамошній воздухъ, какъ мука на мельницѣ, набивается въ носъ, въ глаза и повсюду.

Гуано набиваютъ въ русскіе рогоженные кули, получаемые изъ Петербурга. Такихъ кулей употреблялось до 4,000 въ годъ, и будутъ употреблять до 8,000, когда дѣйствія фабрики достигнутъ своего полного размѣра. Куль обходится съ доставкою 36 шиллинговъ (45 к. с.). Но такъ какъ для дешевизны берутъ подержанные кули, то между ними попадаетъ много негодныхъ, а потому хотятъ ихъ замѣнить нитяными мѣшками. Въ куль входитъ $2\frac{1}{2}$ центнера гуано или 7 пудовъ. Это количество продается на мѣстѣ по 5 спеціесъ талеровъ безъ куля, а съ доставкою въ Гамбургъ и съ кулемъ по 6 (по 7 и по 9 р. с.). Изъ Гамбурга гуано идетъ преимущественно въ Саксонію, гдѣ не только употребляется на удобреніе полей, но и на кормъ скотины, при чемъ примѣшивается нѣсколько этого порошка къ обыкновенному мѣсиву, для большей питательности. По приблизительному расчету, сдѣланному по соображенію количества засѣваемаго зерна, выходитъ, что нужно около трехъ кулей гуано на десятину, при удобреніи поля разъ въ четыре года. Слѣдовательно, такое удобреніе равняется у насъ цѣнности средняго двухгодоваго урожая ржи. Одно это уже показываетъ, что если бы кто вздумалъ устроить подобное заведеніе на Мурманскомъ берегу, то не долженъ рассчитывать на внутренній сбытъ своего продукта. Кромѣ того, мѣстныя условія, въ которыхъ находится Мурманскій промыселъ, будутъ всегда составлять препятствіе къ устройству тамъ подобнаго заведенія, если бы даже дофоденское и стало давать своимъ акціонерамъ хорошіе дивиденды. Часть головъ имѣеть у насъ гораздо выгоднѣйшій сбытъ, чѣмъ на перемолку въ гуано, ибо возится, какъ мы

видѣли, въ Архангельскѣ, а оттуда въ Пинегу. Много бросается, правда, въ воду, но не ѣздить же собирать ихъ по сорока двумъ становищамъ, разсѣяннымъ на пятисотверстномъ разстояніи.

Фабрика лекарственнаго трескового жира, если только ее можно назвать фабрикою, — такъ просто устройство ея и весь процессъ производства, требующій лишь одного или двухъ работниковъ, — находится въ становищѣ Сторвогенскомъ и принадлежитъ купцу Вольфу. Жиръ его приготовленія считается лучшимъ въ Норвегіи, ибо онъ чистъ какъ вода и безъ малѣйшаго запаха. Онъ несравненно лучше Иорданова, потому что Вольфъ, для полученія жира, не употребляетъ никакого давленія.

Въ четверугольную низкую печь вмазанъ желѣзный котель, въ $1\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ, съ нагнутыми внутрь краями. Въ этотъ котель вставляется другой пониже и поуже ($1\frac{1}{4}$ арш. въ діаметрѣ), съ краями, загнутыми къ наружи, которыми онъ накладывается на загнутые внутрь края перваго котла. Этотъ котель также желѣзный; можетъ быть лучше бы было сдѣлать мѣдный луженый, но и такъ очень хорошо. Въ промежутокъ между двумя котлами наливается вода, которая, при приготовленіи жира, нагрѣвается до кипяченія. Въ стѣнѣ наружнаго котла сдѣлано три отверстія съ разныхъ сторонъ: одно внизу, а два вверху. Въ нижнее вставленъ кранъ для выпуска воды изъ промежутка между обоими котлами; въ одно изъ верхнихъ вставлена трубка, доходящая почти до дна котла и оканчивающаяся сверху воронкою для налива воды; въ другое верхнее отверстіе также вставлена трубка, немного лишь нисходящая внутрь котла, снаружи загнутая колѣномъ внизъ и опускающаяся въ подставляемый боченокъ съ холодною водою для того, чтобы паръ тамъ осаждался, а не наполнялъ собою комнаты. Вотъ и все устройство аппарата. Во внутренней котель кладутся печенки, непременно самыя свѣжія; ихъ даже не разрѣзаютъ на куски и не перемываютъ, хотя разрѣзывать было бы и лучше, а только отдѣляютъ отъ нихъ тщательно желчный пузырь и очищаютъ отъ крови. Подъ наружнымъ котломъ разводятъ въ печкѣ огонь, и жиръ начинаетъ вытапливаться при температурѣ кипѣнія воды. Жиръ, всплывающій поверхъ печенокъ, счерпываютъ желѣзнымъ ковшемъ и наливаютъ въ цѣдилку, состоящую изъ воронки, сдѣланной изъ прутьевъ или деревянныхъ пластинокъ, въ которую вставляютъ листа два воронкообразно сложенной пропускной бумаги. Изъ этой цѣдилки жиръ протекаетъ на другую, т. е. собственно на кусокъ фланели, слабо натянутый на деревянную рамку, которую кладутъ на обрѣзъ (довольно высокую кадку), куда собирается жиръ. Въ обрѣзѣ жиру даютъ отстояться нѣсколько дней и за тѣмъ спускаютъ посредствомъ двухъ крановъ, вдѣланныхъ въ стѣнки обрѣза: одинъ по срединѣ высоты, другой близъ дна. Изъ верхняго крана течетъ жиръ перваго сорта, а изъ нижняго—втораго. Иногда, вѣроятно отъ худыхъ, не совсѣмъ свѣжихъ печенокъ, перваго сорта вовсе не получается, но и второй уже очень хорошъ, чистъ и совершенно безъ запаха. Жиръ разливаютъ или въ маленькіе боченки, или прямо въ бутылки. Хозяинъ фабрики далъ намъ образчикъ приготовляемаго у него жира, точно такъ какъ и директоръ гуанной фабрики — образчикъ гуано, которые я буду имѣть честь представить. Изъ описанія приготовленія жира видно, что каждый мурманскій промышленникъ въ состояніи устроить такое заведеніе въ любомъ становищѣ, употребивъ на него сотню — много что двѣ — рублей серебромъ. Совѣтъ: перенять этотъ легкій способъ приготовления лекарственнаго жира — составляетъ такимъ образомъ единственный практически-полезный результатъ, который могла извлечь экспедиція изъ своихъ изслѣдованій о лофоденскомъ рыболовствѣ. Но, по мнѣнію экспедиціи, дѣло объ учрежденіи завода достаточно важно для того, чтобы обратить на себя вниманіе; весьма бы было полезно, если бы была назначена денежная премія въ нѣсколько

сотъ рублей серебромъ тому изъ мурманскихъ промышленниковъ, который первый приготовитъ нѣсколько боченковъ этого жира, могущаго сравниться по своимъ достоинствамъ съ образчикомъ, даннымъ г. Вольфомъ. Рисовальщикъ экспедиціи снялъ точный и подробный рисунокъ съ описаннаго жиротопнаго заведенія (съ пояснительнымъ планомъ и разрѣзомъ), который и будетъ представленъ вмѣстѣ съ прочими рисунками, касающимися бѣломорской, мурманской и печорской рыбной и звѣриной промышленности.

Въ заключеніе я долженъ еще разъ обратить вниманіе на представленіе, сдѣланное въ отчетѣ за 1860 годъ: о дозволеніи норвежскимъ судамъ заходить въ мурманскія становища для закупки тресковаго жира и другихъ продуктовъ рыболовства, буде какіе имъ понадобятся. Къ приведеннымъ мною прежде доказательствамъ пользы, которую эта мѣра могла бы принести нашимъ промышленникамъ, я могу присоединить теперь еще немаловажный доводъ, почерпнутый изъ разговоровъ съ финмаркенскими купцами. Они говорятъ, что въ иные годы (какъ, на примѣръ, въ нынѣшній 1861), когда лофоденскій ловъ бываетъ менѣе удаченъ, нежели обыкновенно (вмѣсто 190,000 большихъ сотенъ, т. е. 22,800,000 штукъ трески, что считается среднимъ уловомъ, — поймано только 160,000 большихъ сотенъ, или 19,200,000 штукъ, слѣдовательно, слишкомъ $3\frac{1}{2}$ милліонами менѣе), и когда рунтовки готовится менѣе обыкновеннаго, или когда требованіе на этотъ сортъ штокфиша особливо велико въ Италіи, то имъ могло быть выгодно покупать рунтовку у нашихъ промышленниковъ на Мурманскомъ берегу. Рунтовка доселѣ у насъ не готовилась, потому что въ Россіи на нее нѣтъ сбыта; между тѣмъ приготовленіе ея выгоднѣе, нежели приготовленіе рошкерки и нашей сушеной трески, ибо даетъ около 20% болѣе вѣса, а 1 р. 50 к. с. за пудъ сухой трески составляетъ уже высокую цѣну въ Архангельскѣ. Если бы, слѣдовательно, норвежскіе купцы стали брать у нашихъ промышленниковъ рунтовку за эту же цѣну, что, по ихъ словамъ, для нихъ было бы очень сходно, то это составило бы для нашихъ промышленниковъ по крайней мѣрѣ 30 к. с. барыша на пудъ, не считая сохраненія издержекъ на фрахтъ за доставленіе въ Архангельскъ. Правда, теперь рунтовка не готовится на Мурманскомъ берегу; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что за нее вскорѣ бы принялись, въ тѣ годы по крайней мѣрѣ, когда норвежцы въ ней будутъ нуждаться, о чемъ наши промышленники всегда могутъ прослышать отъ заходящихъ къ нимъ за жиромъ норвежскихъ судовозяевъ, если такой заходъ будетъ дозволенъ, ибо въ то время, когда наши начинаютъ свой ловъ, — послѣ Благовѣщенья, лофоденскій ловъ почти уже оконченъ, а зимній финмаркенскій по крайней мѣрѣ оказалъ уже свои главные результаты.

ОТЧЕТЪ ПЯТЫЙ.

Для возвращенія изъ Норвегіи предстояло экспедиціи два пути: одинъ черезъ Швецію, или Данію, и Балтійское море въ Петербургъ, а другой—вдоль сѣверныхъ береговъ Норвегіи черезъ Гаммерфестъ и Архангельскъ. Избравъ первый, экспедиція могла бы удѣлить время на ознакомленіе съ осеннимъ норвежскимъ ловомъ сельдей,—каково и было мое первоначальное намѣреніе. Возвращаясь же черезъ Гаммерфестъ, экспедиція получала возможность наглядно ознакомиться съ торговлею нашихъ поморовъ съ Финмаркеномъ, ибо именно въ концѣ іюня и началѣ іюля порты этой страны наполняются нашими судами. Осенью 1860 года экспедиція такъ поздно прибыла въ Норвегію, что въ Гаммерфестѣ уже не застала ни одного русскаго судна, а въ Тромсѣ только одно, случайно запоздавшее. По этому, всѣ свѣдѣнія о торговлѣ русскихъ съ сѣвѣрною Норвегію, изложенныя мною въ третьемъ отчетѣ экспедиціи, по необходимости основывались на разказахъ: съ одной стороны — хозяина судна, на которомъ мы осматривали бѣломорское и мурманское побережья (онъ принималъ участіе въ этой торговлѣ въ теченіе многихъ лѣтъ), и другихъ, хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ поморовъ, съ которыми мы встрѣчались въ мурманскихъ становищахъ, а съ другой стороны — норвежскихъ купцовъ. Слѣдовательно, наглядное знакомство съ предметомъ не могло быть излишнимъ, и смѣю надѣяться, что это вторичное посѣщеніе Финмаркена принесло свою долю въ общую сумму тѣхъ практическихъ результатовъ, которые удалось экспедиціи собрать въ теченіи всего времени ея дѣятельности. Сверхъ того, изслѣдованіе осенняго норвежскаго сельдянаго рыболовства представляло, какъ само по себѣ (по незначительности этого рыболовства, сравнительно съ зимнимъ ловомъ), такъ особливо примѣнительно къ русской сельдяной промышленности, очень мало интереса. Приготовленіе сельдей осенняго и лѣтняго улововъ въ сущности ничѣмъ не отличается отъ приготовленія зимнихъ сельдей, въ подробности уже описаннаго нами, только лѣтнія сельди, по природнымъ своимъ качествамъ, жирнѣе и вообще лучше зимнихъ; къ тому же сельди лѣтняго и осенняго улововъ потребляются больше внутри самой Норвегіи, за границу же идутъ мало, а въ Россію и вовсе не идутъ, тогда какъ зимнихъ сельдей приходитъ къ намъ до 200,000 тоннъ, т. е. до 1,500,000 пудовъ. Всѣ эти причины побудили меня избрать для возвращенія въ Россію путь чрезъ Гаммерфестъ и Архангельскъ, вмѣсто предполагавшагося черезъ Данію, или Швецію и Балтійское море.

Въ Тромсѣ мы застали не болѣе десятка русскихъ судовъ, потому что, вслѣдствіе поздняго вскрытія Двины, въ нынѣшнемъ году поморы должны были отправиться въ Норвегію позже обыкно-

веннаго; но въ Гаммерфестѣ мы нашли ихъ уже болѣе полусотни, и въ теченіи недѣли, которую мы провели въ этомъ городѣ, ожидая отплытія паруснаго судна, на которомъ предстояло намъ сдѣлать переѣздъ изъ Гаммерфеста до Онеги, безпрестанно подходили новыя. Изъ разговоровъ съ судовладельцами и изъ жалобъ, приносимыхъ ими на будто бы дѣлаемые имъ притѣсненія со стороны норвежскаго таможеннаго начальства, я могъ убѣдиться, что многіе изъ нихъ, съ одной стороны, плохо знакомы съ предоставленными имъ въ Норвегіи торговыми правами и преимуществами и потому не вполне пользуются ими, а съ другой, что они стараются по возможности избѣгать исполненія норвежскихъ таможенныхъ постановленій подъ разными предлогами (всею чаще отзываясь невѣдѣніемъ ихъ), вслѣдствіе чего норвежское правительство принимаетъ противъ нихъ нѣкоторыя такія мѣры предосторожности, которымъ не подвергаются суда другихъ націй.

Чтобы въ точности узнать, въ чемъ заключаются права русскихъ судовладельцевъ, я обратился къ гаммерфестскому бифокту, который съ величайшею готовностью указалъ мнѣ тѣ мѣста въ норвежскихъ законахъ, которыя касаются настоящаго предмета. Нѣкоторыми изъ этихъ правъ русскіе пользуются наравнѣ съ прочими иностранцами, приходящими въ норвежскіе порты. Права эти заключаются въ § 21 закона 8-го августа 1842 года и состоятъ въ слѣдующемъ:

Какъ туземцы, такъ и иностранцы, прибывшіе изъ-за границы въ купеческіе порты государства, могутъ вести торгъ всякаго рода товарами, которые дозволены таможенными постановленіями, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: а) Необходимо, чтобы распродажа или производилась съ судна, на которомъ привезены товары, или же поручалась на комиссію лицу, имѣющему право на торговлю въ городѣ. б) Товары, продаваемые съ судовъ, или съ публичнаго аукціона, должны продаваться въ количествѣ, не меньшемъ нижеслѣдующаго (*): смолы 4 скиппунда (около 10 пудовъ); спирту и вина 72 бутылки; масла, сыра, сала и салныхъ свѣчей 10 пудовъ; мяса соленнаго и копченнаго 20 пудовъ; колбасъ 2 пуда; птичьяго пера 200 норвежскихъ фунтовъ (6 пудовъ); пеньки, льна и пакли 20 пудовъ; гаршуса 20 пудовъ; кожъ 12 штукъ; желѣза въ полосахъ и обручахъ 30 пудовъ; желѣза въ плитахъ 20 пудовъ; желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій: неполированныхъ 5 пудовъ и полированныхъ 2½ пуда; пшеницы, ржи, ячменя, гречихи, овса и солода 12 тоннъ (около 8 четвертей); всѣхъ сортовъ муки 3 куля (30 пудовъ); конскаго волоса 150 норвежскихъ фунтовъ (4½ пуда); полотна 200 норвежскихъ фунтовъ (6 пудовъ), крашеннаго полотна 100 норвежскихъ фунтовъ (3 пуда); нитокъ некрашенныхъ и дратвы 3 пуда, крашенныхъ 1½ пуда; парусины толстой и тонкой 400 норвежскихъ фунтовъ (12 пудовъ); мыла зеленаго тѣстообразнаго 500 норвежскихъ фунтовъ (15 пудовъ); мыла въ кускахъ 200 норвежскихъ фунтовъ (6 пудовъ); канатовъ и тросовъ смоленыхъ 10 пудовъ, несмоленыхъ 5 пудовъ; тресковаго жира 6 тоннъ; воска 100 норвежскихъ фунтовъ (3 пуда); всѣхъ прочихъ, неупомянутыхъ поименно товаровъ, цѣною не менѣе какъ на 20 спеціесъ-талеровъ (около 30 р. с.).

Спеціальныя права русскихъ, приходящихъ въ Финмаркенъ изъ Бѣлаго моря, состоятъ, по закону 13 сентября 1830 года, въ слѣдующемъ: 1) Съ 1-го іюля по 15-е августа (новаго стиля) русскіе могутъ промѣнивать на сырую рыбу, кому бы то ни было и въ какомъ бы то ни было количествѣ, слѣдующіе 10 сортовъ товаровъ: рыбачью снасть, пеньку, желѣзо, хлѣбъ въ зернѣ, муку, крупу, парусину, деготь, канаты и лѣсъ. 2) Они могутъ продавать съ своихъ судовъ привезенные ими товары

(*) Я выписалъ здѣсь названія только тѣхъ товаровъ, которые дѣйствительно привозятся изъ Россіи, или относительно которыхъ есть нѣкоторая вѣроятность, что они со временемъ могутъ доставляться изъ Россіи въ сѣверную Норвегію.

(безъ всякаго ограниченія въ количествѣ) въ городахъ—въ теченіи четырехъ недѣль со времени прибытія судовъ, въ какое бы то ни было время года, не только городскимъ жителямъ, но и норвежскимъ судамъ, въ прочихъ же гаваняхъ (т. е. не въ городахъ) въ теченіи двухъ недѣль.

Этотъ-то послѣдній пунктъ весьма не нравится финмаркенскимъ купцамъ, ибо даетъ возможность тамошнему жителю запастись всѣмъ нужнымъ помимо ихъ, прямо съ русскихъ судовъ. Купцы употребляютъ всѣ средства сдѣлать это право русскихъ недѣйствительнымъ, и въ 1859 году затѣяли даже процессъ съ русскимъ промышленникомъ Норкинымъ, который, однако, былъ рѣшенъ 6-го іюля того же года въ Гаммерфестѣ, а 29-го ноября въ высшемъ судѣ, куда поступила аппеляція, въ пользу Норкина. Теперь купцы стараются измѣнить этотъ законъ такъ, чтобы право русскихъ на мелочную продажу на деньги прямо съ судовъ было уничтожено, а, взамѣнъ того, право на вымѣнъ сырой рыбы у финмановъ на поименованные выше 10 сортовъ товаровъ, ограниченное теперь 6 недѣльнымъ срокомъ, было бы разрѣшено во всякое время года; вопросъ объ этомъ, вѣроятно, возникнетъ на стортингѣ, который соберется въ 1862 году. Но такое дозволеніе вымѣнивать рыбу у тамошнихъ рыбаковъ, внѣ времени отъ 1-го іюля до 15 августа, будетъ чисто номинальнымъ, ибо для нашихъ судовъ вполне достаточно и 6 недѣльнаго срока, чтобы нагрузиться рыбою; запрещеніе же продажи товаровъ по мелочамъ на деньги непосредственнымъ потребителямъ принесетъ нашимъ поморамъ существенный вредъ. По этому, русское правительство должно стараться, на сколько будетъ отъ него зависѣть, противудѣйствовать этому. Русское правительство имѣетъ полную возможность не соглашаться на такое измѣненіе торговыхъ привилегій бѣломорскихъ торговцевъ, потому что онѣ утверждены формальнымъ трактатомъ. Въ статьѣ VII торговой конвенціи, заключенной между Россією и Швецією и Норвегією 11/23 іюня 1834 года, сказано: «Россійскіе корабли, приходящіе съ Бѣлаго моря въ порты норвежской провинціи Финмаркенъ, могутъ продавать свои товары прямо съ судовъ, сообразно тому, какъ сіе производилось законнымъ образомъ донныѣ, по городамъ въ теченіи четырехъ недѣль, не только жителямъ, но также и на норвежскія суда, и во всѣхъ прочихъ финмаркенскихъ портахъ на суда норвежскія въ продолженіи двухъ недѣль». Слова: «сообразно тому, какъ сіе производилось законнымъ образомъ донныѣ» очевидно относятся къ специальнымъ привилегіямъ русскихъ, которыя ввелись обычаемъ и утверждены норвежскимъ закономъ 13 сентября 1830 года. Если бы норвежское правительство захотѣло, не отмѣняя совершенно закона (на что, безъ согласія русскаго правительства, очевидно не имѣетъ права), положить ограниченіе въ количествахъ, въ которыхъ русскіе могутъ продавать свои товары жителямъ не-купцамъ, то это сдѣлало бы привилегію русскихъ чисто воображаемою, потому что: 1) жители не-купцы въ большихъ количествахъ покупать товары не въ состояніи, и 2) это сравняло бы русскихъ со всѣми прочими націями, которыя (въ томъ числѣ, конечно, и русская), по § 21 норвежскаго закона 8 августа 1842 года, также могутъ продавать свои товары съ судовъ, только въ количествахъ, мѣриломъ которыхъ опредѣленъ. При томъ такое измѣненіе закона явно противурѣчило бы смыслу словъ конвенціи: «какъ сіе производилось законнымъ образомъ донныѣ».

Къ этому надо еще присоединить, что если русское правительство разрѣшитъ норвежскимъ купцамъ посѣщать мурманскія становища, для покупки тамъ тресковаго жира (какъ это предложено экспедиціею въ четвертомъ отчетѣ ея) и отмѣнитъ такимъ образомъ весьма стѣснительную для норвежцевъ мѣру, то оно, конечно, будетъ въ правѣ ожидать и отъ норвежскаго правительства подобнаго

же вниманія къ выгодамъ русскихъ подданныхъ, тѣмъ болѣе, что выгоды эти общія, какъ для насъ, такъ и для бѣднѣйшихъ классовъ финмаркенскаго населенія, и находятся въ противурѣчьи лишь съ выгодами финмаркенскихъ купцовъ (*).

Пока законъ этотъ существуетъ, купцы, конечно, принуждены съ нимъ сообразоваться; тѣмъ не менѣе они стараются всячески, чтобы русскіе судохозяева оставались въ неизвѣстности относительно обширности ихъ правъ, чего въ значительной степени и достигаютъ. Въ этомъ, къ сожалѣнію, какъ кажется, содѣйствуютъ купцамъ и нѣкоторые изъ богатѣйшихъ русскихъ торговцевъ, которымъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстны ихъ права, но которые не спѣшатъ сообщать о нихъ другимъ, изъ опасенія соперничества и изъ желанія держать цѣны въ своихъ рукахъ.

Въ какой степени сбивчивы понятія нашихъ судохозяевъ, занимающихся торговлею съ Финмаркеномъ, о предоставленныхъ имъ въ Норвегіи торговыхъ правахъ, можно судить по той невольной ошибкѣ, въ которую я былъ введенъ рассказами этихъ судохозяевъ, — ошибкѣ, которая вкралась въ четвертый отчетъ экспедиціи. Именно тамъ было сказано: «Въ огражденіе купеческихъ привилегій, запрещено русскимъ что либо продавать на деньги, иначе какъ купцамъ. Только если русское судно простояло уже 6 недѣль въ Норвегіи, то хозяинъ его можетъ, если еще не кончился срокъ свободной мѣны, продавать муку жителямъ и на деньги, но не менѣе трехъ кулей въ однѣ руки». И въ нынѣшнемъ году, когда моя ошибка сдѣлалась для меня уже ясною, я еще слышалъ отъ многихъ русскихъ повтореніе этого же ложнаго мнѣнія. Стоитъ только сравнить это мнѣніе съ приведенными выше тремя параграфами, заключающими въ себѣ сущность правъ русскихъ торговцевъ, чтобы убѣдиться, что оно совершенно ложно и что ложность эта произошла отъ безтолковаго спутыванія трехъ вышеозначенныхъ параграфовъ. Не по истеченіи 6 недѣль, по прибытіи русскихъ въ Финмаркенъ, могутъ они продавать свои товары на деньги непосредственно жителямъ не-купцамъ, а — совершенно на оборотъ — въ первыя 6 недѣль по ихъ прибытіи (4 недѣли въ городахъ и двѣ въ прочихъ гаваняхъ), — и не въ срокъ свободной мѣны на рыбу, который съ этою розничною продажей не имѣетъ ничего общаго, а въ какое бы то ни было время. Ограниченія продавать не менѣе трехъ кулей въ однѣ руки тоже не существуетъ; это относится къ общимъ правамъ всѣхъ націй, а не специально къ русскимъ, которые могутъ продавать въ какихъ угодно количествахъ. Наконецъ, право этой розничной торговли вовсе не ограничивается одною мукою, но распространяется на всѣ виды привозимыхъ русскими товаровъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что одни изъ нихъ обложены пошлиною, а другіе освобождены отъ нея.

Что касается до таможенныхъ правилъ, которымъ должны подвергаться русскія суда въ Норвегіи, то они состоятъ въ слѣдующемъ:

По приходѣ въ воды, омывающія Финмаркенъ, а часто и въ очень большомъ разстояніи (иногда верстъ за 300 и даже болѣе) отъ порта, въ который намѣрены слѣдовать суда, на эти послѣднія пріѣзжаютъ крейсирующіе у береговъ Норвегіи таможенные смотрители, прописываютъ весь грузъ,

(*) Разговаривая объ этомъ предметѣ съ однимъ изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ изъ финмаркенскихъ купцовъ, я старался доказать, что измѣненіе въ нынѣ существующихъ торговыхъ отношеніяхъ, о которомъ они хлопочутъ, принесетъ болѣе вреда народу въ Финмаркенѣ, нежели русскимъ. Въ жару спора мой противникъ до того забылся, что прямо отвѣчалъ мнѣ, что купцамъ очень мало дѣла до выгодъ народа и что они думаютъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ.

провизию, судовыя потребности и багажъ судовыхъ служителей и, оставивъ сколько нужно на употребленіе экипажа, запечатываютъ всѣ лодки. По приходѣ въ портъ, т. е. въ одинъ изъ четырехъ финмаркенскихъ городовъ: Вадсѣ, Вардегузъ, Гаммерфестъ или Тромсѣ, наши судовозыя должны подать отъ себя объявленіе, представить сдѣланную таможенными смотрителями опись и оплатить пошлиною весь грузъ, кромѣ провизіи, судовыхъ потребностей и багажа хозяина и служителей. Послѣ того, судовозыя могутъ отправляться по становищамъ для вымѣна своихъ товаровъ на сырую рыбу. Окончивъ мѣну, они непременно должны снова зайти въ одинъ изъ вышеупомянутыхъ четырехъ городовъ, и тутъ уже получаютъ пропускъ въ Россію. При этомъ таможенные чиновники прописываютъ все, оставшееся на суднѣ, и если по расчету времени, проведенному нашими судами въ Норвегіи, окажется, что на суднѣ не достаеетъ слишкомъ много (противъ первоначальной прописки) изъ провизіи, судовыхъ потребностей и багажа служителей, то за недостающее довыскиваютъ пошлину. Равнымъ образомъ налагаютъ штрафъ при первомъ прибытіи въ города, если печати, которыми были запечатаны люки, окажутся сломанными или порченными. Надо замѣтить, что вслѣдствіе безвѣтрія, противныхъ вѣтровъ, тумановъ и тому подобныхъ обстоятельствъ, нерѣдко проходитъ много времени между наложеніемъ печатей и прибытіемъ въ портовой городъ, такъ что отложенной провизіи не хватаетъ для судорабочихъ и нужда заставляетъ сломать печати, чтобы достать необходимое изъ люковъ. Нельзя не согласиться, что нѣкоторыя изъ этихъ постановленій стѣснительны и именно: запечатываніе люковъ въ открытомъ морѣ, до прибытія въ портовой городъ, а также обязанность являться въ одинъ изъ четырехъ городовъ по окончаніи мѣны на рыбу, для полученія пропуска въ Россію. Но справедливость требуетъ сказать, что, и при этихъ мѣрахъ, русскіе находятъ способы продавать жителямъ многое, безъ платы пошлиною; такъ, на примѣръ, они часто показываютъ въ числѣ провизіи, судовыхъ потребностей и багажа экипажа такіе предметы, которые собственно имѣютъ въ виду продать. Очевидно, что и эти мѣры норвежскаго правительства, и желаніе нашихъ промышленниковъ по возможности уклоняться отъ исполненія ихъ должны вести къ частымъ столкновеніямъ, которыя запутываются еще незнаемъ русскими норвежскаго, а норвежцами русскаго языка. Прежде, сказывали мнѣ, такого же рода столкновенія происходили еще и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли русскихъ заставить соблюдать разныя правила портовой полиціи, какъ-то: чтобы не выкидывать въ портахъ баласта, чтобы суда становились не какъ нибудь, а правильными рядами и т. п. Но такія столкновенія были устранены весьма простою мѣрою, именно тѣмъ, что начальство финмаркенскихъ городовъ напечатало на русскомъ языкѣ правила, соблюденія которыхъ оно желаетъ отъ русскихъ; съ тѣхъ поръ, какъ каждому сдѣлалось извѣстны его обязанности въ этомъ отношеніи, и слѣдовательно отнята возможность отказываться невѣдѣніемъ, норвежское городское начальство не нахвалится послушаніемъ русскихъ и считаетъ, что съ ними гораздо легче имѣть дѣло, чѣмъ съ другими иностранцами, особливо же съ англичанами. Подобная же мѣра, думаю я, могла бы устранить и два вышеизложенныя неудобства, т. е. незнаеміе многими изъ нашихъ судовозовъ предоставленныхъ имъ, въ Норвегіи, торговыхъ правъ, — и столкновенія русскихъ съ норвежскимъ таможеннымъ начальствомъ. Я говорилъ объ этомъ предметѣ съ гаммерфестскимъ бифохтомъ, человѣкомъ весьма образованнымъ и благонамѣреннымъ, и онъ совершенно со мною согласился, что мѣра эта была бы весьма полезна для обѣихъ сторонъ. Для приведенія ея въ исполненіе, надо бы обратиться черезъ нашего генеральнаго консула съ просьбою къ норвежскому правительству о составленіи свода или

памятной книжки, въ которой бы были изложены какъ торговля права русскихъ, такъ и таможенные и другія постановленія, подлежащія къ исполненію во время пребыванія въ норвежскихъ водахъ. Такая книжка должна бы быть переведена на русскій языкъ, напечатана на обоихъ языкахъ, параграфъ противъ параграфа, и раздаваема поморамъ и другимъ промышленникамъ, отправляющимся въ Норвегію.

Другой пунктъ, на который я желалъ бы обратить вниманіе, состоитъ въ слѣдующемъ: иностранная соль дозволена къ безошлинному привозу на Мурманскій берегъ, русская же соль не пользуется такою же привиллегіею, — что, на мой взглядъ, совершенно несправедливо. Правда, что съ тѣхъ поръ, какъ такой ввозъ разрѣшенъ, недостатокъ въ соли (требуемой для посола ловимой на Мурманскомъ берегу рыбы), почти совершенно предотвращенъ, и что соль, которою теперь пользуются мурманскіе промышленники, лучше прежней, отъ чего промышленность тоже много выиграла; но за то, съ другой стороны, отъ такого безошлиннаго ввоза не мало потеряло наше солевареніе (изъ морской воды и изъ соленыхъ источниковъ), которымъ занимаются какъ частныя лица, такъ и жители нѣкоторыхъ прибрежныхъ деревень Унскаго и Ненокскаго посадовъ, ибо лишилось сбыта нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, а въ нѣкоторые годы и болѣе ста тысячъ пудовъ соли. Согласить выгоды рыбопромышленниковъ съ выгодами соловаровъ было бы очень легко, безъ малѣйшаго ущерба выгодамъ казны или кого бы то ни было: стоитъ только снять всякую пошлину съ той соли, вывариваемой на соловарняхъ Архангельской губерніи, которая будетъ отправляться на Мурманскій берегъ, сохранивъ настоящую пошлину (9 к. с. съ пуда соли, вывариваемой изъ морской воды и 12 к. с. съ пуда соли, вывариваемой изъ соляныхъ источниковъ), для той соли, которая расходится по другимъ мѣстамъ.

Кромѣ уравненія правъ нашей соли съ иностранною (чего, кажется мнѣ, требуетъ уже самая справедливость), полезные результаты предлагаемой мною мѣры, какъ легко предусмотрѣть, состояли бы въ слѣдующемъ:

1) Въ настоящее время привозъ иностранной соли на Мурманскій берегъ производится слѣдующимъ образомъ. Корабли, идущіе за грузомъ въ Бѣлое море, не могутъ брать съ собою товаровъ, имѣющихъ назначеніемъ Россію, потому что, какъ въ Архангельскѣ, такъ и въ Онегѣ, привозной торговли почти не существуетъ. Чтобы не идти съ однимъ баластомъ, многіе изъ кораблей нагружаются въ Англіи или каменнымъ углемъ, который сбываютъ въ Норвегіи, или солью, съ которою также заходятъ въ норвежскіе и, между прочимъ, въ финмаркенскіе порта. Соль эта идетъ преимущественно изъ Ливерпуля. Въ финмаркенскихъ портахъ она продается норвежскимъ купцамъ, у которыхъ берутъ ее уже русскіе промышленники, потому что эти послѣдніе не имѣютъ права покупать ее непосредственно съ иностраннаго судна въ норвежскихъ портахъ. На одномъ изъ такихъ судовъ, привезшемъ въ Гаммерфестъ 600 тоннъ (36,000 пудовъ) соли, которая почти вся была разобрана находившимися тамъ русскими, наша экспедиція переѣхала изъ Гаммерфеста въ Онегу. Ожидая цѣлую недѣлю выгрузки соли, мы имѣли возможность весьма близко ознакомиться съ характеромъ этой торговли. Соль для отвоза на Мурманскій берегъ покупаютъ только самыя капиталныя изъ поморовъ; они или доставляютъ ее въ большія становища, каковы напримѣръ: Териберка, Гавриловка, Лица, — гдѣ они имѣютъ свои магазины, — или развозятъ ее на небольшихъ судахъ по тѣмъ становищамъ, гдѣ, по незначительности числа собирающихся въ нихъ ловцовъ, не стоитъ

имѣть постоянныхъ амбаровъ. Такимъ образомъ соль попадаетъ въ руки нашихъ рыбопромышленниковъ уже изъ третьихъ рукъ. Иностранная суда, нагруженная солью, не могутъ сами заходить на Мурманскій берегъ, для распродажи ея тамъ въ первыя руки: во-1-хъ, потому, что тамошнія гавани, или такъ называемыя становища, слишкомъ мелки для большихъ судовъ (по большей части онѣ обсушныя, т. е. такія, въ которыхъ при отливахъ даже мелкія поморскія суда остаются на сушѣ), — а во-2-хъ потому, что развозъ соли изъ становища въ становище отнял бы слишкомъ много времени и слѣдовательно фрахтъ, всегда разсчитываемый по вѣроятному времени рейса, былъ бы слишкомъ дорогъ для соли, предназначенной къ непосредственной продажѣ на Мурманскомъ берегу. По этому, не смотря на беспошлинный ввозъ, соль въ становищахъ не такъ дешева, какъ могла бы быть, если бы не было изложенныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. При томъ, само собою разумѣется, что поморы, привозящіе соль на Мурманскій берегъ, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы продать ее какъ можно дороже. Такъ всякій разъ, когда случится необыкновенно богатый ловъ (какъ напримѣръ въ 1861 году), цѣна на соль вдругъ и сильно увеличивается. Въ слѣдствіе этого, хотя собственно недостатка въ соли, сколько мнѣ извѣстно, на Мурманскомъ берегу и не бываетъ, но не въ рѣдкость временная дороговизна ея, продолжающаяся до тѣхъ поръ, пока другіе торговцы не прослышатъ о высокыхъ цѣнахъ и не подвезутъ новыхъ запасовъ соли изъ Норвегіи. Если бы дозволенъ былъ беспошлинный привозъ русской соли, то соперничество между ею и иностранною, очевидно, понижало бы цѣны. Въ томъ, что русская соль могла бы соперничать въ цѣнѣ съ иностранною, удостовѣряетъ меня, какъ мнѣніе самихъ солеваровъ, такъ и то, что эта послѣдняя достигаетъ до мурманскихъ рыбаковъ только чрезъ третьи руки.

2) Необходимость соперничать съ иностранною солью заставила бы нашихъ солеваровъ позаботиться и о качествахъ соли и, слѣдовательно, повела бы къ улучшенію способовъ солеваренія, вслѣдствіе чего улучшилась бы и та соль, которая распродается внутри Россіи.

Наконецъ, 3) такъ какъ пошлина была бы сложена лишь съ той соли, которая отвозилась бы на Мурманскій берегъ, куда теперь русской соли вовсе не доставляется, то, значить, изытіе отъ пошлины касалось бы товара, теперь еще не существующаго, а только имѣющагося производиться (и именно вслѣдствіе снятія пошлины), т. е. распространялось бы только на ту соль, которая вываривалась бы свыше того количества, которое производится нынѣ; по этому, отъ такой отмѣны пошлины казна не потерпѣла бы ни малѣйшаго убытка.

Въ видахъ улучшенія мурманской рыбной промышленности, предложено было управляющимъ Архангельскою палатою государственныхъ имуществъ заведеніе казенныхъ соляныхъ магазиновъ на Лапландскомъ берегу, съ цѣлью предотвращенія недостатка и дороговизны соли. Но я полагаю, что къ этой цѣли гораздо ближе поведетъ предлагаемая мною мѣра, и при томъ безъ всякихъ хлопотъ и издержекъ со стороны казны. Если казенные магазины должны принести дѣйствительную пользу, то ихъ слѣдуетъ устроить во всѣхъ главнѣйшихъ становищахъ, а это поведетъ къ немалымъ издержкамъ, которыя всею своею тяжестью упадутъ на соль и увеличатъ цѣну ея; сверхъ того, снабженіе магазиновъ необходимымъ количествомъ соли и контроль за распродажею ея сопряжены будутъ для казны съ большими затрудненіями, хлопотами и вообще съ усложненіемъ администраціи. Между тѣмъ нельзя предположить, чтобы назначенныя отъ правительства лица, — какъ очень мало заинтересованныя въ успѣшномъ ходѣ этого дѣла, — употребили бы столько же старанія сдѣлать соль сподручною всѣмъ

промышленникамъ, разсѣяннымъ по разнымъ мѣстамъ обширнаго Мурманскаго берега, сколько употребятъ частныя лица, побуждаемыя къ этому собственной выгодой. Къ этому присоединяется еще и слѣдующее соображеніе. Допустимъ, что казенныя соляныя магазины принесутъ всю желаемую пользу для мурманской промышленности; но спрашивается: откуда казна будетъ брать соль? Если изъ Норвегіи, то положеніе бѣломорской соляной промышленности нисколько не улучшится: она останется подъ гнѣтомъ прежней несправедливости. Если же съ соляныхъ заводовъ Архангельской губерніи, то, при существующей пошлинѣ, соль изъ казенныхъ магазиновъ никогда не будетъ въ состояніи соперничать съ безошлинно привозимой изъ Норвегіи; со снятіемъ же настоящей пошлины, дальнѣйшее участіе казны въ заготовкѣ соли вовсе не нужно, ибо частная предприимчивость сама найдетъ средства вступить въ выгодное для себя соперничество съ иностранною солью, если оно только возможно. Наконецъ, если бы дозволено было безошлинно закупать русскую соль только для мурманскихъ казенныхъ магазиновъ, то бѣломорскіе солевары, конечно, получили бы отъ этого выгоды, но, будучи совершенно обезпечены въ отношеніи сбыта, они не имѣли бы никакихъ причинъ, которыя бы подстрекали ихъ къ улучшенію своего производства.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Русскій генеральный консулъ въ Христианіи г. Мехелинъ представилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ записку о вызовѣ г. Иордана въ Россію для устройства нашихъ мурманскихъ промысловъ. Записка эта была препровождена на разсмотрѣніе къ г. Данилевскому, которому поручено было представить вмѣстѣ и свои соображенія о предполагаемомъ заселеніи береговъ Мотовской губы. Въ настоящее приложение вошли двѣ записки г. Данилевскаго, въ которыхъ онъ излагаетъ свои заключенія по вышеупомянутымъ вопросамъ и сообщаетъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о ловѣ акулъ.

I.

Департаментъ Сельскаго Хозяйства поручилъ мнѣ разсмотрѣть записку русскаго генеральнаго консула въ Христианіи Мехелина, объ улучшеніи нашего сѣвернаго рыболовства.

Улучшенія эти касаются преимущественно лова на Мурманскомъ берегу, который еще не былъ изслѣдованъ экспедиціею; по этому мнѣніе мое о предложеніи, дѣлаемомъ нашимъ норвежскимъ генеральнымъ консуломъ, въ настоящее время не можетъ еще быть совершенно рѣшительнымъ. Но такъ какъ г. Иорданъ, вызовъ котораго въ Россію составляетъ сущность предложенія г. Мехелина, желаетъ имѣть въ возможно скорѣйшемъ времени рѣшительный отвѣтъ, о принятіи или непринятіи его услугъ русскимъ правительствомъ, то я считаю долгомъ представить теперь же мои соображенія о тѣхъ пяти пунктахъ, которые должны составить предметъ занятій г. Иордана въ Россіи.

- 1) *Лучше организовать ловъ трески удочкою и длинникомъ — два способа лова, которые должны чередоваться въ извѣстномъ порядкѣ, чего русскими не наблюдается.*

Тутъ что нибудь да не такъ. Ловъ удочкою и ловъ длинникомъ составляютъ въ сущности одну и ту же методу. Отличіе ихъ заключается только въ томъ, что въ первомъ случаѣ опускаютъ въ море одну веревку съ привязаннымъ къ ней крючкомъ, наживленнымъ рыбкою или червячкомъ, во второмъ же спускаютъ въ море длинную горизонтальную веревку, къ которой привязано, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, большое число отдѣльныхъ удочекъ, также наживленныхъ рыбкою или червячкомъ, т. е. одинъ длинникъ замѣняетъ собою множество отдѣльныхъ удочекъ, которыя опускаются въ море и вытаскиваются изъ него разомъ, а не отдѣльно. Въ обоихъ случаяхъ, слѣдовательно, рыба приманивается наживкою и ловится совершенно при одинаковыхъ обстоятельствахъ, съ тою лишь разницею, что длинникомъ ловится, съ гораздо меньшимъ трудомъ и въ меньшее время, несравненно большее количество рыбы. Слѣдовательно, никакой не можетъ быть надобности вводить, вмѣсто лова одними длинниками, какъ это теперь дѣлается на Мурманскомъ берегу, поочередный ловъ длинникомъ

и простою удочкою. Вотъ, что говоритъ о ловѣ простою удочкою знаменитый Леопольдъ фонъ-Бухъ въ своемъ путешествіи въ Норвегію. «Ловъ ручными удочками есть простѣйшій способъ рыболовства и, сравнительно съ прочими, никогда не бываетъ очень значителенъ. Одинъ крючекъ, опускаемый на отдѣльной веревкѣ въ Океанъ! Кажется, что въ древнія времена только одинъ этотъ способъ лова и былъ извѣстенъ, и его видоизмѣняли различнымъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ; но сѣти и длинники положили конецъ всѣмъ этимъ ухищреніямъ». Кажется, что тутъ нѣтъ ничего такого завиднаго, чтобы стоило вводить у насъ. Я не могу, по этому, удержаться отъ мысли, что въ записку г-на генеральнаго консула вкралась какъ нибудь ошибка и что въ этомъ пунктѣ подразумѣвалось введеніе поочереднаго лова не между длинниками и удочками, а между длинникомъ и ставными сѣтьми. Этотъ послѣдній способъ лова дѣйствительно имѣетъ многія преимущества передъ ловомъ длинниками, но также не составляетъ новости, ибо введенъ въ Норвегію еще въ 1685 году нѣкимъ Клаусомъ-Нильсъ-Слингиномъ-Боргундскимъ, купцомъ изъ Сендмѣрской провинціи, а въ Россіи также употребляется съ незапамятныхъ временъ въ рѣкахъ, моряхъ и озерахъ. Если бы, впрочемъ, нашимъ промышленникамъ этотъ не мудрый снарядъ и не былъ извѣстенъ издавна, то они имѣли бы неоднократно случай съ нимъ познакомиться въ Норвегіи, гдѣ ежегодно зимуетъ нѣсколько нашихъ судовъ. Если же со всѣмъ тѣмъ, ставныя морскія сѣти не употребительны на Мурманскомъ берегу, то на это есть, безъ сомнѣнія, достаточныя причины, которыя не трудно и угадать. Ставныя сѣти выставляются у Лофоденскихъ острововъ, гдѣ преимущественно употребительны и гдѣ ловъ производится зимою, не иначе, какъ съ вечера, а утромъ вынимаются для выборки рыбы. Днемъ ими немного поймашь, потому что рыба видитъ ихъ и избѣгаетъ. На нашемъ же Мурманскомъ берегу рыболовство бываетъ весною и лѣтомъ, когда вовсе нѣтъ ночи, и, слѣдовательно, ловить ставными сѣтьми нельзя. И такъ, вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы ввести у насъ теперь же ловъ ставными сѣтьми, а въ томъ, чтобы ввести на Мурманскомъ берегу зимній ловъ—вопросъ, который приводится къ тому, чтобы завести на этомъ берегу постоянныя заселенія. Тогда сами собою заведутся здѣсь и ставныя сѣти, въ томъ предположеніи, однакоже, что въ зимнее время года находится здѣсь въ изобиліи треска, что мнѣ пока неизвѣстно. И такъ, въ присутствіи и наставленіяхъ г. Юрдана,—будетъ ли то съ цѣлью введенія поочереднаго лова длинниками и удочками, или, какъ я подразумѣваю, длинниками и ставными сѣтьми — кажется мнѣ, нѣтъ никакой надобности. Если мы оставимъ въ сторонѣ частностъ — введеніе поочереднаго лова двумя различными снастями и остановимся на общемъ улучшеніи способовъ лова, то и въ этомъ отношеніи едва ли научатся наши рыбопромышленники чему нибудь полезному отъ г. Юрдана, потому что во всемъ, что касается до лова рыбы (не говорю приготовленія ея) русскіе не только не уступаютъ норвежцамъ, но едва ли и не превосходятъ ихъ. Леопольдъ Бухъ, наблюдатель, конечно, безпристрастный и имѣвшій случай сравнивать искусство тѣхъ и другихъ (ибо въ то время, въ 1807 году, русскіе сами ловили у береговъ Финмаркена), рѣшительно называетъ русскихъ лучшими и ревностнѣйшими рыбаками сѣвера. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе между обоими народами въ отношеніи къ рыболовству. «Чего нельзя бы было ожидать отъ Финмаркена, если бы на обитателей его, финновъ (т. е. лопарей) и норвежцевъ, перешла хотя бы только часть изумительной промышленной дѣятельности русскихъ. Русскіе не покупаютъ только рыбу, но и сами ловятъ ее (*),

(*) Теперь этого уже болѣе не дѣлается, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ норвежскимъ правительствомъ.

и это съ совершенно инымъ успѣхомъ нежели туземцы. Если норвежець или финнъ близъ Нордкапа или Ингена поймалъ нѣсколько рыбы, онъ спѣшитъ къ берегу, отдыхаетъ, варитъ себѣ изъ рыбы обѣдъ и тогда лишь снова возвращается къ лову. Русскій же, напротивъ того, отправляется въ по-недѣльникъ на своей лодкѣ въ открытое море и, не взирая на бури и волны, возвращается не ранѣе четверга. Онъ и спитъ на лодкѣ, между тѣмъ какъ товарищъ безпрестанно долженъ вычерпывать воду изъ лодки, обдаваемой волнами. Они не возвращались бы даже черезъ три или четыре дня, если бы рыба могла долѣе держаться безъ посола. Финмаркцы никогда и не пытались дѣлать что либо подобное, и это казалось бы имъ столь же невѣроятнымъ, какъ и жителю внутренности материка, если бы не происходило ежедневно передъ ихъ глазами. Но за то русскій и улавливаетъ 100 воговъ (около пуда) — говорятъ знающіе люди, тогда какъ финмаркець на томъ же мѣстѣ поймаетъ только 4 и много если 10 воговъ. Русскіе ловятъ обыкновенно длинниками и въ этомъ они также отличаются. Норвежцы никогда не употребляютъ столь длинныхъ ярусовъ (*), какъ русскіе. Часто тянутся они на полумили вдоль морскаго дна, и ловець у начала своей снасти не видитъ конца ея. Когда ярусъ совершенно выметанъ, русскій долго не ждетъ; онъ сейчасъ же отправляется къ началу своей снасти и начинаетъ поднимать ее. Ему нужно около часа, чтобы достигнуть начала своего яруса и 2 или 3 часа для вытягиванія его. Какъ только онъ поднятъ, сейчасъ же его снова выметываютъ и такъ безостановочно въ теченіи цѣлыхъ дней, до тѣхъ поръ, пока въ лодкѣ нѣтъ болѣе мѣста для рыбы, или пока въ теплое время она не можетъ уже долѣе лежать не испортившись. Эти люди не только настойчивы и дѣятельны, но они ведутъ свои дѣла съ тщательнымъ выборомъ средствъ, обезпечивающихъ успѣхъ его. Они употребляютъ почти столько же труда на ловъ наживки для своихъ удочекъ, какъ и на ловъ самой рыбы. Лѣтомъ въ окрестностяхъ Нордкапа употребляютъ они на это мелкую рыбу изъ рода трески (*Gadus Esmarkii Nilss*) (**), которую ловятъ по фюрдамъ, и по цѣлымъ днямъ остаются для этого въ этихъ заливахъ. Весною предпочитаютъ они мойву (*Osmerus arcticus Fabric.*). Въ окрестностяхъ Вардегуса, Вадсѣ, Пос-вига и Пейсы появляются для этого цѣлыя экспедиціи изъ Бѣлаго моря и остаются тутъ по нѣсколько недѣль, лова лишь одну мойву для наживокъ, и тогда лишь отправляются туда, куда призываетъ ихъ собственно ловъ рыбы. Сдѣлалъ ли когданибудь финнъ или норвежець хотя бы одну милю для лова наживки?

Послѣ этого не удивительно, что русскіе возвращаются изъ Финмаркена съ богатыми сокровищами, и финмаркець, жалующійся на это, уподобляется крестьянину, находящему несправедливымъ, что хлѣбъ въ полѣ сосѣда такъ превосходитъ его собственный, не принимая въ расчетъ, что это составляетъ естественную награду за умъ и трудъ сосѣда.

И такъ, основываясь на мнѣніи такого человѣка, какъ Леопольдъ фонъ Бухъ, я полагаю, что можно съ полною увѣренностью сказать, что собственно для организаціи нашего сѣвернаго рыболовства (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. включая въ понятіе рыболовство — одинъ ловъ, а не приготовленіе рыбы) намъ нѣтъ никакой нужды въ надзорѣ и наставленіяхъ г. Юрдана.

2) *Вести улучшенныя орудія лова, принятая за границу, равно какъ и рыболовныя суда, лучіе устроенныя, чѣмъ тѣ, которыя употребляютъ нашими ловцами.*

Мнѣ совершенно неизвѣстно, какія это улучшенныя орудія лова, принятая за границу и у насъ еще не извѣстныя, и я весьма сомнѣваюсь въ ихъ существованіи. Нильсонъ въ своей

(*) Такъ называются линніи веревокъ съ прикрѣпленными къ ней удочками.

(**) Русское названіе этой рыбы мнѣ неизвѣстно.

Скандинавской фаунѣ, изданной не далѣе какъ въ 1855 году, излагающій при каждой породѣ описываемыхъ имъ рыбъ и способы, которыми она ловится, говоря о трескѣ, не упоминаетъ ни о какихъ другихъ снастяхъ, кромѣ ручной удочки, длинника и ставной сѣти, которыя всѣ издавна извѣстны и въ Россіи. Правда, что норвежцы приняли въ послѣднее время англійскіе крючки (для ручныхъ удочекъ и длинниковъ), которые почти на столько же превосходятъ русскіе, на сколько русскіе превосходили прежніе норвежскіе. Но и русскіе давно уже поняли преимущество англійскихъ крючковъ и всѣми мѣрами стараются завести ихъ у себя, а если не вполне еще замѣнили ими свои прежніе крючки, то потому только, что англійскіе обложены высокою пошлиною и вводятся нашими рыбопромышленниками только контрабандою.

Что касается до рыболовныхъ судовъ, то если бы я хотѣлъ основываться и въ этомъ отношеніи на свидѣтельствѣ Буха, то сказалъ бы, что наши рыболовныя лодки лучше норвежскихъ, ибо онъ совѣтуетъ выписывать эти суда жителямъ Финмаркена изъ Архангельска. Конечно, съ тѣхъ поръ могли произойти въ Норвегіи большія улучшенія; но для меня было бы весьма удивительно, если бы наши поморы (занимающіеся ловомъ трески на Мурманскомъ берегу) уже давно не переняли этихъ улучшеній, тогда какъ въ послѣднее время всѣ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ достаточныя для того средства, стали измѣнять постройку своихъ мореходныхъ судовъ, замѣняя лодки шкунами или шлюпами. И я самъ видѣлъ нѣсколько такихъ судовъ, построенныхъ нашими поморскими кораблестроителями по чертежамъ, которые они достали изъ Норвегіи. Если, слѣдовательно, наши моряки, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рыбаки, рѣшились на улучшенія мореходныхъ судовъ стоящихъ и большихъ издержекъ и большихъ трудовъ, то неужели же не заимствовали бы они также и лучшей конструкціи для небольшихъ и мало стоящихъ рыболовныхъ лодокъ. Но допустивъ даже, что они вовсе выпустили изъ виду улучшенія въ этихъ мелкихъ судахъ, то для исправленія этого упущенія гораздо проще достать изъ Норвегіи чертежи этихъ улучшенныхъ лодокъ, если таковыя имѣются, и распространить ихъ между поморами. Если бы правительство захотѣло сдѣлать это на свой счетъ, то это обошлось бы ему, безъ сомнѣнія, болѣе, чѣмъ въ 10 разъ дешевле одного жалованья г. Иордану.

3) *Научить способу сохраненія сельдей, когда нельзя употреблять ихъ въ свѣжемъ видѣ.*

Не могу не сказать здѣсь, что при первомъ чтеніи записки нашего генеральнаго консула эта таинственная фраза поселила во мнѣ не малое недовѣріе къ г. Иордану и какъ бы подозрѣніе въ шарлатанствѣ, — подозрѣніе, которое вскорѣ и оправдалось, по крайней мѣрѣ отчасти, какъ буду имѣть честь объяснить ниже. Въ самомъ дѣлѣ, что за таинственный способъ сохраненія сельдей, которому хочеть научить насъ г. Иорданъ, когда всякому извѣстно, что этого достигаютъ соленіемъ и копченіемъ, которыя оба съ издавна употребляются уже и на Бѣломъ морѣ. Если же какъ соленіе, такъ и копченіе сельдей стоитъ здѣсь на низкой степени, то это зависитъ, какъ я имѣлъ уже честь подробно изложить въ отчетѣ экспедиціи, не отъ недостатка въ примѣрахъ хорошаго приготовленія сельдей, а въ условіяхъ сбыта. Тамъ же старался я показать, что улучшенія въ этой отрасли промышленности можно ожидать отъ Бѣломорской компаніи, или вообще отъ богатыхъ предпринимателей, а не отъ мелкихъ промышленниковъ-крестьянъ сколько бы ни старались ихъ учить усовершенствованному соленію и копченію. Для этой цѣли, слѣдовательно, въ г. Иорданѣ никакой надобности не имѣется.

4) *Научить норвежскому способу ловли акулъ.*

Польза введенія лова акулъ на Мурманскомъ берегу, гдѣ говорятъ ихъ очень много, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: какъ по непосредственнымъ выгодамъ, которыя можетъ доставить добываемый изъ ихъ печенки жиръ, такъ и потому, что этимъ уменьшится нѣсколько количество этого прожорливаго животнаго, пожирающаго огромныя массы рыбъ болѣе его полезныхъ. По этому и въ инструкціи, данной въ руководство нашей экспедиціи, возложена на нее обязанность стараться о введеніи лова акулъ на Мурманскомъ берегу. Но ловъ этотъ не составляетъ такого мудренаго дѣла, чтобы для этого стоило выписывать иностранца съ платою ему 2,000 р. с. жалованья въ годъ, — сумма, которая возрастетъ вѣроятно и до 3,000, если присовокупимъ къ ней еще жалованье искусному норвежскому рыболову, котораго г. Иорданъ намѣренъ привести съ собою, и суточныхъ и прогонныхъ самому г. Иордану на его зимніе разѣзды. Все искусство лова акулъ заключается въ употребленіи такъ называемой прикормки, способа, весьма употребительнаго при обыкновенномъ ловѣ удочкою въ небольшихъ рѣкахъ, чтобы собрать къ мѣсту лова возможно большее количество рыбы изъ другихъ частей рѣки. Для этого опускаютъ на дно рѣки за нѣсколько времени до лова нѣкоторое количество любимаго рыбою питательнаго вещества, издающаго отъ себя болѣе или менѣе сильный запахъ, который могъ бы привлекать рыбу изъ далека. Для акулы поступаютъ точно такимъ же образомъ. Въ продырявленный деревянный ящикъ кладутъ кусокъ поджареннаго тюленьяго жира и опускаютъ его на якорѣ на дно моря. Акулы, имѣющія весьма острое обоняніе, собираются на издаваемый кускомъ жира запахъ, и тогда опускаютъ на дно моря обыкновенныя удочки только большихъ размѣровъ, наживленныя тюленьимъ же мясомъ или рыбою. Кромѣ того, удочки эти прикрѣпляютъ не непосредственно къ веревкѣ, а сначала къ цѣпи, длиною сажени въ двѣ, которую акула не могла бы перекусить. Мнѣ сказывали, что въ послѣднее время стали употреблять вмѣсто цѣпи гутта-перчевую палочку въ мизинецъ толщиною, которую будто бы акула также перекусить не можетъ. Если есть еще какія либо особенности при ловѣ акулъ, то экспедиція не преминетъ обратить на нихъ должное вниманіе и предложить мѣры къ введенію этого промысла у насъ. Можетъ быть, тогда и окажется полезнымъ нанять искуснаго въ этомъ дѣлѣ норвежскаго рыбака, что, по собственному расчету г. Иордана, обойдется отъ 170 до 200 р. въ годъ; безъ самаго г. Иордана опять таки можно будетъ обойтись.

Наконецъ, г. Иорданъ предлагаетъ:

5) *Вести его методу приотворенія жира изъ тресковой печенки.*

Введеніе приотворенія хорошаго тресковаго жира, употребленіе котораго въ послѣднее время очень распространилось въ медицинѣ, было бы также очень полезнымъ дѣломъ для развитія нашей мурманской промышленности. Г. Михелинъ говоритъ, что образчикъ жира, представленный ему г. Иорданомъ, могъ во всѣхъ отношеніяхъ выдержать сравненіе съ тѣмъ, которое извѣстно въ торговлѣ подъ именемъ аптечнаго печеночнаго масла (*huile de foie médicinale*). Изобрѣтатель способа приотворенія этого сорта масла аптекаръ Гоггъ (*Hogg*) въ запискѣ, поданной имъ въ Парижскую медицинскую академію 14 февраля 1855 года, въ которой онъ описываетъ свою методу приотворенія, говоритъ, что главнѣйшее условіе, которое должно при этомъ соблюдаться, состоитъ въ томъ, чтобы печенка не подвергалась ни гноенію, ни вываркѣ, ни сжиманію. Если же аппаратъ Иордана, какъ я имѣлъ случай слышать отъ одного норвежца, проживающаго въ Архангельскѣ и видѣвшаго его

аппаратъ (который, по его словамъ, не изобрѣтенъ, а только выписанъ г. Йорданомъ изъ Англіи), состоитъ главнѣйше изъ пресси, доски котораго нагрѣваются паромъ, то очевидно, что одно изъ условій, предписываемыхъ Гоггомъ, здѣсь не выполнено, потому что печенки подвергаются усиленному давленію. Со всѣмъ тѣмъ, аппаратъ этотъ могъ бы быть очень полезенъ, какъ потому, что мурманскій ловъ можетъ доставить гораздо большее количество жира тресковыхъ печенокъ, чѣмъ сколько его можетъ быть нужно для медицинскаго употребленія всей Имперіи, такъ и потому, что по способу Гогга всего жира изъ печенокъ извлечь нельзя, и остающійся въ нихъ жиръ могъ бы быть извлеченъ еще посредствомъ пресси. Наконецъ, онъ же, какъ сказано въ запискѣ Михелина, можетъ служить и для полученія жира изъ акулыхъ печенокъ, въ медицинѣ не употребляемаго. По этому я полагаю, что приобрѣтеніе аппарата для полученія жира изъ печенокъ трески и акулъ было бы очень полезно для нашей мурманской промышленности. Но прежде чѣмъ рѣшиться вызвать г. Йордана для этой цѣли — единственной, для которой онъ дѣйствительно могъ бы быть полезнымъ, я полагаю, что хорошо бы было предварительно удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ изобрѣтатель этого аппарата, и главное: имѣетъ ли онъ на него привиллегію. Если онъ такой привиллегіи не имѣетъ, то можно будетъ выписать эту машину изъ Англіи и безъ его посредства; научиться ея употребленію также, вѣроятно, не составляетъ большаго затрудненія, и для этого можно будетъ отправить въ Норвегію смышленнаго промышленника. Если же г. Йорданъ дѣйствительно изобрѣтатель этого аппарата и имѣетъ на него привиллегію, то, смотря по выгодамъ, которыя можно надѣяться получить отъ введенія этого способа полученія жира, можно будетъ войти въ сношеніе съ г. Йорданомъ для полученія права пользоваться его изобрѣтеніемъ.

Наконецъ, если бы наше правительство согласилось на то, чтобы пригласить г. Йордана на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, я нахожусь въ рѣшительномъ недоумѣніи относительно той роли, которую ему пришлось бы играть въ отношеніи къ нашимъ рыбнымъ промышленникамъ. Былъ ли бы онъ чѣмъ то въ родѣ начальника надъ нашими мурманскими ловцами, предписаніямъ котораго они должны бы были повиноваться? Не думаю, чтобы правительство захотѣло стѣснять такимъ образомъ частную промышленность. Или онъ наставлялъ бы ихъ только примѣрами и добрыми совѣтами? Полагаю, что слишкомъ дорого будетъ платить около 3,000 р. въ годъ за добрые совѣты, которыхъ, можетъ быть, никто и слушать не станетъ.

Прочитавъ записку г. генеральнаго консула нашего въ Христианіи и зная, что въ Архангельскѣ проживаетъ нѣсколько норвежцевъ, преимущественно изъ занимающихся рыбною торговлею, я познакомился съ однимъ изъ нихъ, который знаетъ г. Йордана. Сообщенныя имъ мнѣ свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ оказались вовсе не въ его пользу. Не говоря уже о томъ, что онъ неблагопріятно отзывался объ его характерѣ, называя его шарлатаномъ, человѣкомъ пронырливымъ и весьма неблагонадежнымъ, на что и представилъ нѣкоторыя доказательства, онъ утверждаетъ, что г. Йорданъ не можетъ быть очень коротко знакомъ съ рыбною промышленностью, потому что началъ заниматься ею только съ 1856 или 1857 года, прежде этого же имѣлъ въ Ставангерѣ лавку съ нюренбергскими товарами. Но оставляя даже совершенно въ сторонѣ эти неблагопріятные отзывы о г. Йорданѣ, за справедливость которыхъ я, конечно, не могу ручаться, одно безпристрастное разсмотрѣніе его предложеній дѣлаетъ пользу отъ приглашенія его нашимъ правительствомъ, по моему мнѣнію, весьма сомнительною, чтобы не сказать болѣе. Во всякомъ же случаѣ я полагаю, что суммѣ, близкой къ 3,000 р. с. въ годъ, которую нужно бы было ему платить, можно дать несравненно болѣе полезное

назначеніе, если правительство захочетъ употребить ее на развитіе и улучшеніе нашего мурманскаго промысла, по тѣмъ указаніямъ, которыя, смѣю надѣяться, экспедиція въ состояніи будетъ извлечь изъ своихъ сравнительныхъ изслѣдованій надъ рыболовствомъ мурманскимъ и норвежскимъ. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, я не премину войти въ сношенія какъ съ кольскимъ купцомъ Шабунинымъ, такъ и съ г. Иорданомъ, если не представится къ тому какихъ либо непреодолимыхъ препятствій, и если въ чемъ либо ошибаюсь въ моихъ теперешнихъ соображеніяхъ о предложеніяхъ г. генеральнаго консула нашего въ Христіаніи, то почту первымъ долгомъ сознаться въ моихъ ошибочныхъ мнѣніяхъ.

II.

Все, что я слышалъ о г. Иорданѣ какъ въ Колѣ, такъ и въ Норвегіи, утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи о немъ, которое я имѣлъ уже честь сообщить, и заставляеть видѣть въ немъ скорѣе ловкаго афериста, чѣмъ разсудительнаго промышленника. Въ запискѣ г. Михелина говорится между прочимъ, что кольскій купецъ Шабунинъ, какъ кажется, готовъ даже сдѣлать нѣкоторыя денежныя пожертвованія для вызова г. Иордана, — свѣдѣніе, которое очевидно г. Михелинъ могъ получить, не иначе, какъ чрезъ самаго г. Иордана. Когда я сталъ говорить объ этомъ съ г. Шабунинымъ, то онъ пришелъ въ немалое изумленіе и увѣрялъ, что онъ видѣлъ г. Иордана только одинъ разъ на пароходѣ, но ни съ нимъ, ни съ другимъ кѣмъ, никогда ничего подобнаго не говорилъ, да и съ своей стороны постигнуть не можетъ, какого рода пользу могъ бы принести его вызовъ въ Россію. Въ Гаммерфестѣ и въ Тромсе, узналъ я отъ тамошнихъ купцовъ, занимающихся преимущественно торговлей рыбою и рыбнымъ жиромъ, что въ послѣднее время г. Иорданъ вошелъ въ компанію съ нѣкоторыми купцами изъ южной части Норвегіи, для производства въ большихъ размѣрахъ рыбной ловли въ Финмаркенѣ и приготовленія рыбьяго жира. Но дѣла компаніи пошли худо, въ чемъ обвиняли г. Иордана, такъ что онъ въ скоромъ времени долженъ былъ изъ нея выдти. Никто не могъ мнѣ положительно сказать: дѣйствительно ли г. Иорданъ изобрѣтатель прессы для добыванія жира изъ тресковыхъ и акулыхъ печенокъ, но утверждали, что кѣмъ бы онъ не былъ изобрѣтень, во всякомъ случаѣ не представляетъ практическихъ выгодъ, а потому нигдѣ въ Норвегіи онъ и не введенъ, кромѣ Вардѣ, тою компаніею, членомъ которой былъ г. Иорданъ. Если такъ думаютъ объ этомъ способѣ добыванія тресковаго жира норвежскіе купцы, рассылающіе этотъ продуктъ во всѣ страны свѣта и пріобрѣтшіе для него повсемѣстную репутацію, столь существенно важную при сбытѣ всякаго товара, то тѣмъ менѣе причинъ, полагаю я, стараться о введеніи этого способа въ Россіи, откуда тресковый жиръ идетъ большею частью въ Норвегію. Шабунинъ, наконецъ, сказывалъ намъ, что онъ приготовилъ по этому способу въ Вардѣ нѣкоторое количество тресковаго жира для медицинскаго употребленія и отправилъ въ Петербургъ; но что жиръ не былъ одобренъ тамошними медицинскими авторитетами и найденъ, по своимъ лекарственнымъ свойствамъ, хуже бергенскаго (*), почему и не нашель себѣ никакого сбыта. Не могу судить, основательно ли было это мнѣніе, или составляло только медицинскій предрасудокъ, но какъ бы то ни было, при такомъ недостаткѣ сбыта, едва ли кто

(*) Въ Бергенѣ собственно тресковаго жира не готовятъ, а онъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ, потому что изъ этого порта преимущественно отправляютъ, или по крайней мѣрѣ отправляли его прежде за границу.

изъ нашихъ промышленниковъ, какъ кольскихъ, такъ и поморскихъ, рѣшится ввести у себя іордановъ способъ добыванія жира. По приѣздѣ экспедиціи въ Дронтгеймъ, имѣлъ я, наконецъ, случай лично видѣться съ г. Іорданомъ. Узнавъ о нашемъ приѣздѣ, онъ не замедлил насъ отыскать, и я имѣлъ съ нимъ довольно длинный разговоръ, почти въ теченіи цѣлаго вечера. Онъ принесъ съ собою также бутылочку тресковаго жира, приготовленнаго по его способу. На видъ онъ былъ чистъ, свѣтелъ и прозраченъ и дѣйствительно казался превосходнымъ. Я при этомъ не могъ удержаться, чтобы не спросить его, если онъ умѣетъ готовить жиръ столь отличнаго качества и при томъ, какъ онъ утверждаетъ, весьма экономическимъ и дешевымъ способомъ, то что же мѣшаетъ ему разрабатывать это изобрѣтеніе въ свою пользу и заставляетъ предлагать свои услуги русскому правительству. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что такъ принуждаетъ его поступать недостатокъ въ капиталѣ, что очевидно не справедливо, потому что ежели онъ сначала и не имѣлъ значительныхъ денежныхъ средствъ, то средства эти имѣлись у той компаніи, членомъ которой онъ былъ, но которая должна была съ нимъ разойтись, не знаю, по причинѣ ли его недобросовѣстности, какъ утверждаютъ нѣкоторые, или по невыгодности всего предпріятія. Кромѣ введенія своего пресса, прочія улучшенія, которыя онъ предполагалъ бы ввести въ нашихъ рыбныхъ промыслахъ, заключались, по его словамъ, въ слѣдующемъ: 1) въ улучшеніи соленія бѣломорскихъ сельдей; 2) въ введеніи лова трески ставными сѣтями, какъ это дѣлается у Лофоденскихъ острововъ, а главное въ замѣнѣ теперешняго лова ярусами, ловомъ ручными крючьями безъ наживки; 3) въ введеніи лова акулъ; наконецъ 4) лова палтусовъ; что касается до послѣдняго предложенія, то объ немъ и говорить нечего, потому что оно основано на незнаніи Іордана, что палтусъ и теперь ловится всѣми нашими промышленниками, занимающимися ловомъ трески и при томъ въ довольно значительномъ количествѣ. Введеніе лова акулъ безспорно полезно; но пользу эту уже поняли и наши промышленники, и ловъ этотъ не только производится многими изъ жителей Колы (преимущественно купцами Шабуниными и Базарнымъ), но даже и нѣкоторыми изъ поморовъ, которые въ этомъ отношеніи находятся не въ столь выгодномъ положеніи какъ коляне — постоянные жители Лапландіи, потому что лучшее время для промысла акулъ — осень и зима, когда ночи темны. Объ этомъ я буду подробнѣе говорить ниже. Относительно сельдей я имѣлъ честь изложить мнѣніе экспедиціи уже въ первомъ отчетѣ; именно, что дурное приготовленіе ихъ зависитъ отъ условій сбыта, а вовсе не отъ недостатка въ примѣрахъ хорошаго соленія, — примѣрахъ, которые въ послѣднее время представляетъ Бѣломорская компанія, а съ давнихъ временъ уже Соловецкій монастырь. Ловъ трески ставными сѣтями, какъ это дѣлается у Лофоденскихъ острововъ, можетъ быть употребляемъ преимущественно передъ ярусами, т. е. длинными линіями крючьевъ, наживленныхъ рыбой или червякомъ, во время метанія трескою икры, когда она не клюетъ наживки, и не иначе, какъ во время темныхъ ночей, когда рыба не видитъ выставленной сѣти. У насъ же въ это время некому ловить, потому что даже коляне въ концѣ зимы и въ началѣ весны не выходятъ въ море, какъ по причинѣ сильныхъ холодовъ, такъ и по недостатку сбыта въ это время года. Наконецъ, относительно мысли г. Іордана ввести ловъ трески ручными удочками безъ наживки на поддѣвъ и стараться даже совершенно замѣнить имъ ловъ ярусами, я долженъ сказать, что онъ выказалъ при этомъ не только совершенное незнаніе условій нашего рыболовства, въ чемъ не было бы еще ничего удивительнаго, но и самыя превратныя понятія о рыбной промышленности, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ естественно-историческомъ

отношеніяхъ. Ручныя удочки тѣмъ превосходятъ, по его мнѣнію, яруса, что ихъ каждый легко можетъ имѣть, между тѣмъ какъ яруса гораздо дороже стоятъ и многіе, не будучи въ состояніи ихъ завести, должны идти въ работники. Покровительствовать на этомъ основаніи ручнымъ удочкамъ во вредъ ярусамъ, не значило ли бы тоже самое, что и вообще поддерживать ручную работу во вредъ машинной. Но если такое мнѣніе можетъ еще имѣть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую тѣнь благовидности относительно Норвегіи, гдѣ каждый живетъ у моря и дѣйствительно можетъ съ самыми малыми средствами принимать участіе въ добычѣ, доставляемой океаномъ, въ примѣненіи къ условіямъ нашего мурманскаго лова оно теряетъ даже и ее. Кто въ состояніи снарядиться, по крайней мѣрѣ, съ тремя работниками въ дальній путь съ Поморья къ одной изъ губъ Лапландскаго берега, нанять или завести тамъ шняку (рыболовную лодку), избу, амбаръ, запастись провизіей на полгода, тому, конечно, не составитъ большаго счета завести и свой ярусъ. Кто же не въ состояніи этого сдѣлать, тому гораздо выгоднѣе идти въ работники изъ покрута, т. е. изъ пая въ общемъ уловѣ, чѣмъ снаряжаться на собственный счетъ для исключительнаго лова ручной удочкой. Другой доводъ г. Иордана въ пользу лова на поддѣвъ ручными удочками заслуживаетъ, если возможно, еще менѣе вниманія. Именно онъ говоритъ, что при ловѣ ярусами рыба нерѣдко срывается съ крючковъ, отъ чего умираетъ и, лежа мертвою на днѣ, служитъ какъ бы пугаломъ для трески, плавающей въ морѣ, и отгоняетъ ее отъ мѣста производства яруснаго лова. Не говоря уже о томъ, что трудно предположить въ трескѣ такую сантиментальность, чтобы видъ трупа ея собратій могъ производить въ ней такое нервное раздраженіе, самое срываніе съ крючка, проглоченнаго вмѣстѣ съ наживкою, если и случается, то, конечно, весьма рѣдко, какъ можно заключить изъ трудности, съ которою сопряжено доставаніе этого крючка изъ рыбы, когда она уже вытянута въ лодку. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, есть случаи, когда ловъ удочкою на поддѣвъ можетъ быть весьма полезенъ, но, конечно, все таки не иначе, какъ подспорье для главнаго лова ярусами. Удочка эта состоитъ изъ не очень длинной тонкой веревки, къ которой прикрѣпленъ крючекъ съ прилотою къ нему оловянною рыбкою и привѣшеннымъ ремешкомъ бѣлой кожи. Рыбакъ держитъ веревку въ рукѣ, дѣлаетъ ею сильныя розмахи въ разныя стороны, для чего нужна нѣкоторая снаровка. Треска, видя движеніе рыбки и ремешка, думаетъ, что это настоящая рыба, гоняется за нею и поддѣвается крючкомъ. Изъ самаго способа лова ручными удочками легко опредѣлить тѣ обстоятельства, когда онъ можетъ быть съ пользою употребленъ. Чтобы ловить на нее: 1) треска должна плавать на небольшой глубинѣ, ибо иначе быстрые розмахи руки, которыми она поддѣвается, будутъ лишь въ слабой степени передаваться крючку, висящему на длинной веревкѣ; 2) плавать большими стаями, ибо очевидно, что единично плавающую въ морѣ поддѣть крючкомъ почти невозможно; наконецъ 3) надо, чтобы треска дурно клевала наживку, чтобы выгоднѣе было употреблять свои силы на этотъ утомительный ловъ, вмѣсто обыкновеннаго лова ярусами. Всѣ эти три условія, дѣйствительно, имѣютъ мѣсто, когда треска гонится за стаями мойвы (*Malotus arcticus*, Cuv.) или сельдей, что преимущественно бываетъ весною. Тогда, при обильной пищѣ въ морѣ, ей мало нужды хватать выставленную для приманки ея наживку, и она большими стаями плаваетъ въ морѣ, держась ближе къ поверхности, на одной глубинѣ съ сельдями или мойвою. Въ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, было бы желательно, чтобы и наши промышленники болѣе и болѣе усвоивали себѣ снаровку ловить ручными удочками, на что въ послѣднее время вниманіе ихъ уже и обращено, какъ буду имѣть честь изъяснить ниже.

Изъ всего сказаннаго мною, легко усмотрѣть, что какъ свѣдѣнія, собранныя мною о г. Гюрданѣ въ Колѣ и въ самой Норвегіи, такъ и личное мое знакомство съ нимъ могли только утвердить во мнѣ убѣжденіе въ совершенной бесполезности вызова его въ Россію, выраженномъ уже мною въ отвѣтъ на записку нашего генеральнаго консула въ Христианіи.

За тѣмъ перехожу къ вопросу о колонизаціи Лапландіи. Здѣсь прежде всего я долженъ указать на невѣрность точки зрѣнія, съ которой г. Михелинъ смотритъ на сравнительное положеніе норвежской и русской Лапландіи. Надо сравнивать, кажется мнѣ, не самыя эти страны между собою, а тѣ народонаселенія въ Норвегіи и въ Россіи, которыя извлекаютъ изъ природныхъ источниковъ, представляемыхъ обѣими Лапландіями, средства къ жизни. Между тѣмъ какъ Финмаркеномъ пользуется его же туземное народонаселеніе, состоящее какъ изъ природныхъ лопарей, такъ и изъ переселенцевъ изъ прочихъ частей Норвегіи, наша Лапландія служитъ источникомъ благосостоянія, не столько для собственныхъ ея жителей (за исключеніемъ колянъ, почти вовсе не занимающихся рыболовствомъ), сколько для жителей части Кемскаго уѣзда, извѣстныхъ подъ именемъ поморовъ. Но степень благосостоянія нашего Поморья, по меньшей мѣрѣ, ни въ чемъ не уступаетъ норвежскому Финмаркену, въ которомъ благосостояніемъ пользуются вовсе не масса жителей, а купцы, которые, за исключеніемъ живущихъ въ городахъ, разсѣяны по различнымъ мѣстамъ побережья. Каждый изъ нихъ имѣетъ какъ бы свой округъ, въ которомъ другой купецъ не можетъ уже поселиться, и гдѣ, слѣдовательно, онъ получаетъ фактическую монополію, какъ на покупку рыбы у жителей, такъ и на продажу имъ всего необходимаго. Причины такого различія въ способѣ пользованія обѣими странами очевидны: 1) Въ Норвегіи удобными для поселенія должно считать только прибрежныя мѣста ея безчисленныхъ фіордовъ и долины въ южной части страны. Все же прочее состоитъ изъ высокихъ плоскихъ возвышенностей, значительная часть которыхъ покрыта вѣчными снѣгами и спускающимися съ нихъ иногда до уровня моря ледниками; остальная же, хотя и не покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, все таки совершенно бесплодна. Увеличивающееся народонаселеніе, слѣдовательно, должно было скоро занять всѣ удобныя прибрежныя мѣста въ Финмаркенѣ. Конечно, скоро не хватило и этого, и изъ Норвегіи начали выселяться значительными массами въ Америку. Нечего и говорить, что у насъ не существуетъ и долго еще не будетъ существовать подобныхъ причинъ заселенія нашей Лапландіи. 2) Хотя русская и норвежская Лапландіи дѣйствительно сопредѣльны, какъ говоритъ г. Михелинъ, но климатическое различіе между ними не могло бы быть больше, если бы они отдѣлялись тысячеверстнымъ разстояніемъ. Финмаркенъ можетъ быть причисленъ къ полярнымъ странамъ развѣ только потому, что и здѣсь есть нѣсколько недѣль въ году, когда солнце не заходитъ и когда оно не восходитъ. Температура же зимы въ немъ даже гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ Дронтгеймѣ и Христианіи, и можно сказать, чѣмъ во всей остальной Норвегіи. Рѣдко морозъ доходитъ здѣсь до 8 градусовъ, и даже самые берега моря и узкіе далеко вдающіеся въ материкъ фіорды никогда не замерзаютъ. Въ нашей же Лапландіи морозы доходятъ до 30 градусовъ, у береговъ моря образуется ледяной припай и огромной величины плавающія льдины, называемыя торосами и стамухами, носятся въ прилегающей части океана. Такое различіе въ климатическихъ условіяхъ обѣихъ сопредѣльныхъ странъ не столько важно, по вліянію ихъ на растительность, которая ни тамъ, ни здѣсь не можетъ существенно содѣйствовать къ благосостоянію жителей, сколько потому, что суровость лапландской зимы представляетъ значительныя преграды производству рыбной ловли зимою, позднею осенью и раннею весною, а главное

потому что лишаетъ нашу Лапландію всѣхъ средствъ сообщенія, а слѣдовательно и сбыта. Наловивъ, въ концѣ ноября и началѣ декабря, небольшое количество трески для отправки мороженою въ Петербургъ, кояне должны прекратить свой рыболовный промыселъ, не только по причинѣ образующихся у береговъ припаевъ льда и сильныхъ холодовъ, препятствія, которыя еще можно бы было побѣдить, но и по рѣшительной невозможности сбыть свои уловы. 3) Кромѣ климатическихъ причинъ, наша Лапландія находится уже по самому своему географическому положенію и по торговымъ условіямъ пограничныхъ съ нею странъ въ чрезвычайно невыгодномъ положеніи для сбыта своихъ рыбныхъ продуктовъ сравнительно съ Финмаркеномъ. Что сбытъ въ Норвегію, переполненную рыбою, невозможенъ—этого, кажется, нечего и доказывать. Столь же затруднительно было бы всякое соперничество съ норвежскою трескою на рынкахъ Средиземнаго моря, Вестъ-Индіи и Южной Америки, куда эта послѣдняя отправляется въ значительныхъ количествахъ. На сторонѣ Норвегіи было бы въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, среднимъ числомъ на 1,000 верстъ кратчайшій путь; издавна заведенныя правильныя торговыя сношенія и значительный торговый флотъ, который, относительно численности норвежскаго народонаселенія, не уступаетъ никакому другому въ Европѣ. Слѣдовательно, мѣстами сбыта для рыбы, уловленной у Лапландскихъ береговъ, могутъ быть только Бѣломорскіе порта. Такъ какъ теперь изъ всего количества трески, сайды, пикшуа и палтуса, привозимыхъ къ Бѣломорскимъ портамъ, только одна треть доставляется нашимъ мурманскимъ ловомъ, а двѣ трети вымѣнивается на муку въ Норвегіи, то ловъ у береговъ Лапландіи могъ бы, конечно, еще увеличиться втрое. Но это усиленіе мурманскаго лова можетъ имѣть мѣсто и при теперешнемъ устройствѣ этого промысла, приходящими сюда временно поморами; если бы эти послѣдніе, по большей части, не находили для себя выгоднѣе вымѣнивать рыбу въ Норвегіи, чѣмъ самимъ ловить, ибо за пудъ муки они получаютъ до 5-ти пудовъ трески и до 30-ти пудовъ сайды. Возможность такъ дешево получать рыбу въ сѣверной Норвегіи, объясняется слѣдующимъ. 1) Хлѣбъ изъ всякаго другаго мѣста обошелся бы имъ еще дороже. Такъ, нѣкоторые дронтеймскіе купцы, ожидающіе еще нынѣшнею осенью прихода кораблей, нагруженныхъ рожью и ячменемъ, изъ Одессы, вычислили мнѣ, что четверть обойдется имъ все таки около 2 р. с. дешевле, чѣмъ ежели бы они выписали этотъ хлѣбъ изъ сосѣдней Даніи. 2) Въ лѣтнее время сушить треску невозможно; разбѣянные же по островамъ и фіордамъ жители Финмаркена, по большей части финманы, не имѣютъ средствъ ни солить ее сами, ни доставлять ее купцамъ свѣжею, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ они теряли бы слишкомъ много времени въ безпрестанныхъ переѣздахъ. Наши промышленники, поселившіеся на постоянное жительство въ Лапландіи, должны бы были или сбывать свою рыбу тѣмъ же поморамъ, или сами возить ее къ Бѣломорскимъ портамъ. Въ первомъ случаѣ они должны бы были сбывать рыбу за хлѣбъ и другіе предметы необходимости, по той же дешевой цѣнѣ, какъ норвежане, и это не ту только, которую поймали въ жаркое время года, потому что и весною и осенью рыба другаго сбыта не имѣла бы. Слѣдовательно, эти поселенцы должны бы были подпасть подъ совершенную зависимость отъ поморовъ — сдѣлаться, такъ сказать, ихъ работниками, на долю которыхъ приходился бы весь трудъ, всѣ лишенія и неудобства жизни въ полярной странѣ, а всѣ выгоды принадлежали бы поморамъ. Въ такомъ положеніи находились бы, по необходимости, эти переселенцы, если бы они состояли изъ небогатыхъ крестьянъ Архангельской, Олонецкой и другихъ губерній, и даже изъ бѣднѣйшихъ поморовъ, которые одни только, при предлагаемыхъ правительствомъ пособіяхъ, рѣшились бы на такое переселеніе.

Во второмъ случаѣ, который предполагаетъ, уже въ числѣ переселенцовъ по крайней мѣрѣ, нѣсколько довольно богатыхъ, привыкшихъ къ морю промышленниковъ, положеніе ихъ было бы, конечно, гораздо лучше; но все таки они не имѣли бы никакихъ существенныхъ преимуществъ предъ поморами. Постройка судовъ въ безлѣсной Лапландіи обходилась бы несравненно дороже, чѣмъ въ Поморьѣ. Лапландскіе поселенцы должны бы были въ августѣ везти свою рыбу къ Бѣломорскимъ портамъ и, продавъ ее, возвращаться назадъ въ самое дурное для мореплаванія время. Поморскія суда дѣлаютъ тѣже два рейса: среди лѣта за рыбою и въ августѣ съ рыбою въ Бѣлое море, гдѣ уже и остаются на зимовку; слѣдовательно, на ихъ сторонѣ еще преимущество — совершать свои рейсы въ лучшее время года, съ меньшими шансами потерпѣть крушеніе или поврежденіе. Правда, что постоянные жители Лапландіи были бы избавлены отъ нѣкоторыхъ расходовъ, которые принуждены дѣлать теперь поморы для производства лова на Мурманскомъ берегу и которые состоятъ въ отправленіи, въ концѣ зимы, партій работниковъ пѣшкомъ чрезъ Кандалакшу къ берегамъ океана; но и это, по меньшей мѣрѣ, уравнивается болшею дороговизною всѣхъ жизненныхъ потребностей въ Лапландіи сравнительно съ Поморьемъ. Возможность производить ловъ въ осеннее время, когда поморы уходятъ уже обратно, не представитъ большихъ выгодъ, потому что капиталъ, затраченный на добываніе и сохраненіе рыбы, долженъ будетъ почти цѣлый годъ ожидать выручки. Только относительно лова акулъ имѣли бы жители Лапландіи преимущество передъ поморами, такъ какъ эта рыба всего лучше ловится осенью. Тогда во время темныхъ ночей подходит она къ берегамъ, въ лѣтнее же время надо ее отыскивать верстъ за 100 и за 200 отъ береговъ. Печенки же, изъ нея вынутыя, можно сбывать и въ позднее время года въ Вадсё или Вардѣ, а если бы наши промышленники сами стали готовить изъ нихъ жиръ, то и хранить его до весны. Но и поморы, желающіе заниматься этимъ промысломъ, могутъ весьма удобно оставлять для него суда и работниковъ на зимовку въ Колѣ, тѣмъ болѣе, что и теперь оставляютъ они небольшія ладьи, такъ называемыя раньшины, на зимовку въ становищахъ. Наконецъ — и это главное — поморы всегда будутъ имѣть на своей сторонѣ всѣ преимущества торговли съ Норвегіей и, вымѣненной тамъ дешевою рыбою, будутъ всегда въ состояніи съ выгодною соперничать съ мѣстными мурманскими промыслами. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что лапландскіе поселенцы въ пользованіи этою страной не имѣли бы никакихъ существенныхъ преимуществъ передъ поморами, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ были бы сравнительно съ ними въ невыгодѣ. По этому должно сказать, что развившаяся у насъ система разработки природныхъ источниковъ Лапландіи, не изъ самой Лапландіи, а изъ Поморья, совершенно натуральна, и можетъ быть измѣнена не иначе, какъ предоставленіемъ новымъ поселенцамъ несравненно большихъ выгодъ и пособій, чѣмъ тѣ, которыя предполагаетъ дать имъ правительство.

Лучшимъ подтвержденіемъ такому взгляду на этотъ предметъ можетъ служить городъ Кола. Въ теченіи слишкомъ 200 лѣтняго своего существованія, онъ далеко не достигъ степени благосостоянія, не говорю центра Поморья, Кеми, но и простыхъ поморскихъ деревень, каковы: Сума, Сорока, Шижня и т. д. Во все это время не отдѣлилъ онъ отъ себя ни одного поселенія и даже число жителей въ немъ мало возрастаетъ. Въ немъ всего три или четыре имѣющихъ свои суда купца или мѣщанина, отъ которыхъ всѣ прочіе жители находятся въ тѣснѣйшей зависимости, потому что въ теченіи зимы забираютъ у нихъ въ долгъ все необходимое для прокормленія своихъ семействъ, а весною и лѣтомъ зарабатываютъ это, доставляя имъ свои уловы по той цѣнѣ, которую имъ угодно

будетъ назначить. Причина этой зависимости заключается въ невозможности имѣть другой сбытъ своимъ уловамъ въ теченіи большей части года. Только тогда, когда придутъ поморскія суда, открывается имъ на нѣкоторое время другой источникъ сбыта; но тогда уже прошло лучшее время лова. Я не вижу никакихъ причинъ, которыя заставили бы предполагать для новыхъ поселеній лучшую будущность, чѣмъ для Колы. Едва ли можно разсчитывать, что въ числѣ переселенцевъ, которыхъ предлагаема правительствомъ льготы въ состояніи привлечь на негостепримные берега Лапландіи, нашлись бы люди зажиточные не только изъ поморовъ, которые, какъ я уже показалъ, и безъ того имѣютъ полную возможность пользоваться всѣми выгодами, представляемыми лапландскимъ побережьемъ, не оставляя родины и не мѣняя удобствъ общественной жизни въ привычномъ кругу родныхъ и знакомыхъ, которою такъ дорожить русскій простолюдинъ, на однообразную и уединенную жизнь въ дикой полярной странѣ, но и изъ внутреннихъ частей Архангельской или Олонецкой губерній. Недостаточные же, можно почти безошибочно предсказать, впадутъ въ ту же зависимость, въ которой находится теперь большинство жителей Колы.

Если, по всѣмъ вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, основаннымъ на изученіи мѣстныхъ условій, я долженъ сказать, что заселеніе Мурманскаго берега представляетъ весьма мало шансовъ на успѣхъ и едва ли можетъ привести къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидаетъ отъ него г. Михелинъ, то я полагаю, что и колонизація Мотовской губы, если она должна служить началомъ и ядромъ будущаго общаго заселенія всего Лапландскаго берега и съ этой точки зрѣнія будетъ направляема и устроиваема, поведетъ правительство лишь къ бесполезнымъ хлопотамъ и издержкамъ. Но, по моему мнѣнію, есть другая точка зрѣнія на заведеніе одного или нѣсколькихъ небольшихъ поселеній на Мурманскомъ берегу въ удобныхъ для этого мѣстахъ, при которой они не преминутъ принести существенную пользу развитію нашей рыбной промышленности. Поселенія эти должны быть тѣмъ же для рыболовства, чѣмъ служатъ образцовыя фермы для земледѣлія, чтобы прочіе ловцы, приходящіе съ Поморья, могли здѣсь видѣть на дѣлѣ новыя отрасли рыбной промышленности, у насъ только что начинающія входить въ употребленіе, именно ловъ акулы, а также и ловъ сайды, и не введенные у насъ еще способы лова, какъ, напримеръ, ручною удочкою на поддѣвъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть весьма полезенъ. Здѣсь также могли бы наши перенять устройство норвежскихъ рыболовныхъ судовъ — ёль, которыя лучше держатся въ морѣ при погодѣ чѣмъ наши шняки и, слѣдовательно, могутъ дальше отъѣзжать отъ береговъ. Чтобы эти поселенія соответствовали такой цѣли, надо, чтобы они состояли изъ русскихъ и норвежскихъ промышленниковъ. Русскіе должны бы состоять по крайней мѣрѣ на половину изъ рыболововъ, знакомыхъ уже съ моремъ, и всего легче, думаю я, побудить къ этому колянъ, многіе изъ которыхъ, послѣ раззоренія города англичанами, до сихъ поръ не обстроились, а живутъ въ землянкахъ, въ родѣ лопарскихъ вежъ. Льготы, заключающіяся въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ полагалось допустить колонизацію Мотовской губы, думаю я, будутъ вполне достаточны для привлеченія ихъ къ переселенію. Но эти переселенцы не могли бы, конечно, производить самостоятельнаго промысла, а только служить работниками у другихъ. По этому, было бы желательно, чтобы въ числѣ поселенцевъ каждой мѣстности находился по крайней мѣрѣ одинъ зажиточный поморъ, имѣющій свои суда и рыболовныя снасти. Чтобы побудить такого къ переселенію, надо будетъ, конечно, дать ему гораздо значительнѣйшія денежныя пособія. Что касается до норвежскихъ промышленниковъ, то можно будетъ, думаю я, поручить нашимъ консуламъ вызвать опредѣ-

ленное число ихъ, съ предоставленіемъ имъ, согласно съ означенными основаніями, права на временное пребываніе въ Россіи безъ принятія подданства. Если бы въ числѣ ихъ оказались люди съ небольшими капиталами, то они могли бы вступать въ компаніи съ поморами, которыхъ въ такомъ случаѣ не надо бы и стараться переселять; достаточно если бы они въ лѣтнее время посѣщали свои промысла. Для успѣшнаго развитія этихъ поселеній, я полагаю существенно важнымъ, чтобы главную хозяйственную роль игралъ, если не непременно русскій промышленникъ, то по крайней мѣрѣ совершенно свыкшійся съ русскими правами норвежець, по слѣдующимъ причинамъ. Всякій норвежскій, да и вообще иностранный капитанъ, шкиперъ, однимъ словомъ то, что у насъ называется хозяиномъ, привыкли къ начальническому обращенію съ своими работниками, между тѣмъ какъ наши матросы и промысловые работники привыкли къ совершенно товарищескимъ отношеніямъ съ своими хозяевами, какъ съ лицами того же сословія и той же степени образованія, отличающимися отъ нихъ только степенью богатства. По этому, наши поморы весьма неохотно идутъ служить на иностранныя суда. Также неохотно занимаютъ наши поморскіе промышленники промысломъ изъ за заработной платы, а предпочитаютъ участвовать изъ доли улова, такъ называемаго покрута, и въ первомъ случаѣ будутъ выполнять свое дѣло весьма нерадиво. По этому, можно опасаться, что какъ норвежскіе промышленники будутъ избѣгать русскихъ работниковъ, такъ и русскіе работники норвежскихъ хозяевъ. Наконецъ, выгоды, которыя промыслы доставили бы необрусѣвшему норвежцу, остались бы малоизвѣстными между нашими промышленниками и, слѣдовательно, имѣли бы на нихъ мало привлекательной силы. Для лучшаго достиженія этой послѣдней цѣли, необходимо также постановить, что всѣ тѣ становища, въ которыхъ образуются эти новыя поселенія, оставались бы по старому совершенно свободными и для ловящихъ въ нихъ временно поморскихъ и кольскихъ промышленниковъ.

Что касается до мѣстности этихъ поселеній, то очевидно, что при выборѣ ихъ должны имѣть въ виду, чтобы тутъ были: проточная вода, достаточное пространство земли, могущей служить пастбищемъ для скота, безопасное становище для судовъ, чтобы по близости была мелкая губа съ песчанымъ дномъ, гдѣ только и водится песчанка (*Ammodytes lancea*, Cuv.),—мелкая рыбка, употребляемая для живленія крючковъ въ продолженіи большей части года, когда уже болѣе нѣтъ, только временно появляющейся, мойвы, и чтобы не нужно было слишкомъ далеко ѣздить въ море за треской, при чемъ, конечно, теряется много времени въ поѣздкахъ на мѣста лова и обратно. Полезно было бы еще, какъ я уже замѣтилъ, чтобы мѣстность эта была однимъ изъ посѣщаемыхъ поморскихъ становищъ. На всемъ пространствѣ обширной Мотовской губы едва ли найдется мѣсто, которое удовлетворяло бы всѣмъ этимъ требованіямъ. Губа эта, простирающаяся верстъ на 50 съ запада къ востоку, образуется съ юга материкомъ Лапландіи, съ сѣвера же Рыбачьимъ полуостровомъ. Этотъ полуостровъ не сливается прямо съ материкомъ и посредствомъ узкаго перешейка соединяется съ полуостровомъ Среднимъ, который уже другимъ узкимъ перешейкомъ соединяется съ материкомъ. Въ своей вершинѣ Мотовская губа раздѣляется на двѣ. Сѣверная изъ нихъ, называемая Озерки, или Гавань Новой земли, вдается между полуостровами Рыбачьимъ и Среднимъ, и на встрѣчу ей простирается изъ Варангеръ-фіорда Большая Волоковая губа, лежащая между тѣми же двумя полуостровами. Ихъ раздѣляетъ одинъ изъ упомянутыхъ перешейковъ, имѣющій въ самомъ узкомъ мѣстѣ не болѣе $1\frac{1}{2}$ версты ширины. Южная оконечность Мотовской губы, такъ называемая Кутловая губа,

лежащая между полуостровом Средним и материкомъ, отдѣляется другимъ перешейкомъ, имѣющимъ до 4 верстъ въ ширину, отъ Малой Волоковой губы, также залива Варангеръ-фіорда. Вершина Мотовскаго залива съ своими двумя развѣтвленіями, губами Кутовой и Озерками, потому неудобна для предполагаемыхъ заселеній, что треска заходитъ сюда въ большомъ количествѣ только въ концѣ зимы и въ началѣ весны, когда идетъ къ берегамъ для метанья икры; въ прочее же время года надо для лова выѣзжать изъ Мотовской губы въ открытое море, т. е. не ближе какъ верстъ за 60 и болѣе. Тѣ же неудобства представляютъ губы, образующіяся у входа въ Мотовскій заливъ, на южномъ его берегу при впаденіи рѣкъ: Уры, Ары и Лицы. По сѣверному берегу Мотовской губы, т. е. вдоль южнаго берега Рыбачьяго полуострова, равно какъ и по восточному его берегу нѣтъ хорошихъ становищъ. У этого послѣдняго кояне имѣютъ рыбачьи станы, но за исключеніемъ небольшой губы Корабельной и становища у Цыпъ-Наволока, принуждены вытаскивать лодки свои на берегъ. Кромѣ этого, хотя тутъ и не далеко выѣзжать въ море для лова трески, но за то далеко ѣздить за песчанкою, именно къ губамъ южнаго берега Мотовской губы: Урѣ, Арѣ или Лицѣ. Но самая большая невыгода Мотовской губы состоитъ въ моихъ глазахъ въ томъ, что она лежитъ совершенно внѣ пути плаванія нашихъ поморскихъ судовъ, которыя почти никогда сюда не заходятъ, ни для лова, ни для наливки водою, или укрытія отъ противныхъ вѣтровъ. Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, есть еще обстоятельство, которое само по себѣ и не имѣло бы достаточной важности, чтобы отклонить отъ заведенія колоній въ Мотовской губѣ, если бы она представляла какія нибудь особливныя выгоды и преимущества, но которое, за неимѣніемъ ихъ, также, кажется мнѣ, можетъ быть принято во вниманіе. Въ Мотовскую губу заноситъ ежегодно нѣсколько китовъ и выбрасываетъ на берега. Здѣшніе лопари ждутъ этого какъ дара судьбы и съ давнихъ поръ привыкли считать этихъ китовъ своею собственностью. Они продаютъ сало ихъ поморамъ или кольскимъ купцамъ, а получаемыя съ этого деньги составляютъ общественный доходъ. Эти выброшенные киты составили бы, безъ сомнѣнія, вѣчный предметъ спора, взаимныхъ жалобъ и неудовольствій между лопарями и новыми поселенцами. Наконецъ замѣчу, что я весьма сомнѣваюсь, чтобы подъ именемъ Мотовской губы г. Михелинъ дѣйствительно разумѣлъ тотъ заливъ, который означается этимъ именемъ на нашихъ картахъ. Какъ кояне, такъ и поморы, сверхъ Большой Мотки, отличаютъ еще Малую Мотку, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ названіемъ губы Большую и Малую Волоковыя, отдѣленные отъ настоящей Мотовской губы узкими перешейками. Эти то Маломотовскія губы, вѣроятно, и разумѣлъ г. Михелинъ, какъ я заключаю изъ его словъ, что Мотовская губа находится близъ Варангеръ-фіорда и изъ того, что онъ предлагаетъ поручить чиновнику, которому была бы подчинена колонія и надзоръ за лѣсами по рѣкѣ Пасвигъ. И дѣйствительно, если не самыя Волоковыя губы, то вообще западный берегъ Рыбачьяго полуострова и принадлежащая намъ часть Варангскаго залива составляютъ во всѣхъ отношеніяхъ самую выгодную мѣстность для предполагаемыхъ колоній. Такъ какъ одну изъ главныхъ цѣлей этихъ поселеній долженъ составлять ловъ акулъ, то близость норвежскихъ городовъ Вадсё и Вардё представляетъ большія удобства для сбыта туда печени этой рыбы въ сыромъ видѣ, какъ это до сихъ поръ всегда дѣлалось. Кромѣ этого, Варангеръ-фіордъ славится между нашими промышленниками величиною и отличнымъ качествомъ ловимой въ немъ трески. На этомъ пространствѣ есть нѣсколько становищъ очень удобныхъ и часто посѣщаемыхъ поморами, какъ съ цѣлью производства лова рыбы, такъ и для укрытія отъ противныхъ вѣтровъ на пути въ Норвегію и обратно. Первое мѣсто между ними

занимаетъ въ этомъ отношеніи Вайда, — губа, лежащая въ сѣверо-западномъ углу Рыбачьяго полуострова.

Для заведенія перваго поселенія, которое имѣло бы цѣлью введеніе и распространеніе между нашими промышленниками лова акулъ и нѣкоторыхъ рыболовныхъ приемовъ, которые могутъ быть полезны при ловѣ трески, о которыхъ я говорилъ выше, представляется въ настоящее время случай, которымъ слѣдовало бы, по моему мнѣнію, воспользоваться.

Одинъ норвежскій промышленникъ Иванъ Алексѣевъ Суль, занимаясь ловомъ акулъ, потерпѣлъ осенью 1854 года крушеніе у самой границы нашей съ Норвегіей и былъ спасенъ съ своими работниками крестьяниномъ Кононовымъ, оставшимся въ становищѣ, при устьѣ пограничной рѣки Воръемы, караулить шняки. Работники Суля при этомъ заболѣли, и Кононовъ отправился вмѣсто нихъ на акулій ловъ съ Сулемъ. Въ первый же день добыли они до 70 пудовъ максы (акульей печенки). Видя на опытѣ выгодность этого лова, Кононовъ захотѣлъ завести свою акулью снасть и звалъ Суля на будущій годъ въ Колу, чтобы съ обща заниматься этимъ промысломъ. Кононовъ вскорѣ послѣ этого умеръ, но Суль тѣмъ не менѣе пріѣхалъ въ Колу, и за одно съ нимъ начали промышленлять акулъ купцы Шабунины и Базарный. Ихъ примѣру послѣдовали вскорѣ и нѣкоторые другіе, выписавъ для себя изъ Норвегіи акульи снасти. Кромѣ обыкновеннаго лова съ судовъ, стали въ зимнее время, когда замерзаетъ Кольская губа, ловить акулъ со льда, вылавливая иногда до 200 пудовъ максы въ ночь. Такъ какъ Суль былъ норвежскимъ подданнымъ и по этому не имѣлъ права ловить у нашихъ береговъ, то мѣстное полицейское начальство стало дѣлать ему въ этомъ разныя препятствія, что и побудило его принять въ 1857 году русское подданство и записаться въ мѣщане города Колы, гдѣ онъ и до сихъ поръ имѣетъ свое постоянное мѣстопробываніе. Съ этого времени акулій ловъ началъ у насъ распространяться. Кромѣ кольскихъ промышленниковъ, стали имъ заниматься нѣкоторые изъ поморовъ. Такъ, въ 1860 году въ компаніи съ Сулемъ ловилъ одинъ сороцкій крестьянинъ Иконниковъ, а въ становищѣ Териберкѣ занимался этимъ промысломъ сумскій мѣщанинъ Шадринъ въ товариществѣ съ гаммерфестскимъ купцомъ Бергеромъ. Промышляя въ 1860 году весною треску въ Вайдѣ-губѣ, Суль имѣлъ случай оказать еще услугу, одновременно съ нимъ промышлявшимъ тамъ, нашимъ промышленникамъ. За недостаткомъ наживки шель промысель дурно. Суль, лова ручною удочкою на поддѣвъ, поймалъ въ полводы (около трехъ часовъ) рыбы на 15 палтуховъ (*), между тѣмъ какъ три наши судна въ теченіи гораздо долшаго времени наловили только на 23 палтуха. Суль тутъ же показалъ имъ этотъ способъ лова, и промысель пошелъ у нихъ несравненно успѣшнѣе прежняго.

Суль желалъ бы поселиться въ Вайдѣ-губѣ, но не имѣетъ на это достаточныхъ средствъ, потому что, кромѣ крушенія у рѣки Воръемы, онъ потерпѣлъ еще другое въ Териберкѣ, при чемъ потерялъ весь грузъ, состоявшій изъ рыбаго жира, и самое судно. Польза, которую онъ уже принесъ нашимъ промышленникамъ, можетъ служить ручательствомъ и за будущее, и я полагаю, что за одно уже сдѣланное имъ, онъ вполне заслуживаетъ поощренія. Живя уже около 6 лѣтъ въ Россіи, Суль не только выучился очень порядочно говорить по-русски, но и ознакомился съ русскими нравами и обычаями, а отчасти даже долженъ былъ принять ихъ. Его не только

(*) Весною треска не солится, а развѣшивается для сушки на жерди, называемыя палтухами.

знаютъ всё въ Колѣ, но и въ Поморѣ, и всё считаютъ какъ бы своимъ. По этому, безъ сомнѣнія, всегда найдется много охотниковъ вступить съ нимъ въ компанію для производства акульго лова, и я полагаю, что никакой другой, вызванный изъ Норвегіи, промышленникъ не можетъ принести столько пользы нашей рыбной промышленности въ Лапландіи, какъ Суль, если бы онъ получилъ отъ правительства содѣйствіе на поселеніе въ Вайдѣ-губѣ.

Предложеніе мое состояло бы по этому въ слѣдующемъ:

1) Дать Сулю, въ видѣ награды, нѣсколько сотъ рублей и кромѣ этого извѣстную сумму въ безпроцентную ссуду на его поселеніе и обзаведеніе въ Вайдѣ-губѣ, всего примѣрно около 1,000 р. с. 2) Вызвать на поселеніе въ Вайдю-губу, на основаніи означенныхъ правилъ, нѣсколькихъ кольскихъ жителей, а въ случаѣ недостатка охотниковъ изъ числа ихъ, изъ прочихъ мѣстностей Архангельской и Олонецкой губерній. Хотя, согласно этому предложенію, правительству пришлось бы дать Сулю гораздо большую сумму, чѣмъ сколько оно предполагало употребить на каждого отдѣльно поселенца, но какъ число поселенцевъ будетъ несравненно менѣе, чѣмъ при постепенномъ приведеніи въ исполненіе проекта г. Михелина, то я полагаю, что тутъ все таки еще будетъ экономія. О томъ, что это во всякомъ случаѣ будетъ гораздо дешевле вызова г. Гордана, кажется, нечего и упоминать. Черезъ нѣсколько лѣтъ опытъ покажетъ, полезно ли будетъ завести еще подобное поселеніе въ другой мѣстности Мурманскаго берега, или достаточно будетъ и этого одного.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе	Стран. VII
--------------------	------------

ОТЧЕТЪ ПЕРВЫЙ.

I. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ	1
ОБЩЕЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ПРЕДМЕТА ИЗСЛѢДОВАНІЙ ЭКСПЕДИЦІИ	—
1. Степень рыбнаго богатства нашихъ сѣверныхъ водъ	2
Причины сравнительно небольшого запаса въ нашихъ сѣверныхъ водахъ.	4
Объясненіе малаго количества питательныхъ веществъ, доставляемыхъ почвою водамъ	6
Объясненіе исключеній, представляемыхъ изъ выведеннаго выше положенія:	
а) необыкновеннымъ изобиліемъ трески у береговъ Норвегіи и Ньюфаундленда	9
б) богатствомъ животной жизни въ арктическихъ моряхъ	10
Вѣроятность медленнаго увеличенія запаса рыбы съ усиленіемъ культуры въ сѣверныхъ краяхъ Европейской Россіи.	—
2. Организація лова на Бѣломъ морѣ и Печорѣ	11
3. Способы лова	12
4. Приготовленіе рыбы и сбытъ ея	—
II. БѢЛОЕ МОРЕ	13
ПЕРЕЧИСЛЕНІЕ ПОРОДЪ РЫБЪ БѢЛОМОРСКОЙ СИСТЕМЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ ПИЦУ	—
1. Сельдь	15
Въ Бѣломъ морѣ одинъ только видъ, но двѣ разновидности сельдей:	
а. Мелкая разновидность	16
Факты, доказывающіе, что сельди постоянно живутъ въ Бѣломъ морѣ, а не временно посѣщаютъ его, приходя изъ океана	17
Практическіе результаты	—
б. Другая разновидность и ея раздѣленіе на сорта	18
Метаніе икры сельдями	19
а. Организація сельдянаго лова:	
а) Въ Кандакшѣ	20
б) Въ Умбѣ	—
с) Въ Кузомени	—
д) Въ Сорокѣ	21
Споръ сорочанъ съ корелами о правѣ лова въ Сорокѣ губѣ	—

b. Орудія сельдянаго лова	23
Ловъ сельдяныхъ мальковъ у устьевъ Двины	—
c. Приготовление сельдей	24
Мороженыя	—
Копченыя	—
Соленыя	26
Дѣятельность бѣломорской компаніи	27
Необходимость огражденія береговымъ правомъ прибрежныхъ жителей бѣлаго моря	28
Чѣмъ бѣломорская компанія можетъ быть полезна для края	29
2. Семга	30
Сорта бѣломорской семги	—
Метаніе икры семгою	—
Осенній ходъ семги въ рѣки и вѣроятныя причины его	32
a. Орудія семожьяго лова	34
Неосновательность раздѣленія рыболовныхъ орудій на безусловно вредныя и безвредныя	35
Вредный способъ употребленія поплавней на Кулоѣ	36
Вредное вліяніе стока продуктовъ сухой перегонки дерева на Вагѣ	37
b. Организация семожьяго лова	38
a) Въ Варзухѣ	—
b) Въ Сумѣ	39
c) Въ Умбѣ	—
d) Въ Онегѣ	40
e) Въ Кандалакшѣ	44
f) Въ Поноѣ	—
g) Въ Сорокѣ	45
h) Въ Ковдѣ	—
i) На Двинѣ и Мезени	46
c. Приготовление семги	—
d. Количество улова семги	—
Уменьшеніе семожьяго лова въ Мезени	47
3. Навага и прочія морскія рыбы	48
Навага, камбала и треска	—
4. Рѣчныя и озерныя рыбы	49
Появленіе стерляди въ Двинѣ	—
Возможность допустить, съ нѣкоторыми ограниченіями, ловъ стерлядей самоловною снастью	50
Прочія прѣсноводныя рыбы	51
Неосновательность запрещенія собирать яйца морскихъ птицъ вообще	—
Предложенія по этому предмету	53
III. ПЕЧОРА	—
порядокъ описанія печорскаго рыболовства	—
1. Естественно-историческія замѣчанія о Печорѣ и рыбахъ, живущихъ въ ней	—
Краткій обзоръ мѣстныхъ условій:	
a) Печоры	—
b) Моря	54
c) Озера	—

	Стран.
Перечисленіе печорскихъ рыбъ, употребляемыхъ въ пищу	55
Ходъ семги въ Печору	56
Ходъ въ рѣки и озера сиговыхъ породъ	—
2. Способы и организація лова	58
Орудія лова	—
Вредъ заборовъ, которыми перегораживаютъ виски и, преимущественно, Великую виску	59
Причины разнаго устройства рыболовства въ Пустозерскѣ и въ Усть-Цыльмѣ	60
Организація пустозерскаго лова:	
а) Осенняго рѣчнаго	61
б) Весенняго рѣчнаго	62
в) Морскаго	—
г) Озернаго	63
Организація усть-цылемскаго лова	—
3. Приготовленіе и сбытъ рыбы	64
Соленіе семги	—
Причины дурнаго соленія семги	65
Соленіе омулей и предположеніе объ устройствѣ компаніи для копченія рыбы на Печорѣ	—
Соленіе весенней рыбы	67
4. Исчисленіе количества печорскаго лова	—
Предполагаемое вліяніе температуры на изобиліе улововъ	68
Опроверженіе преувеличеній рыбнаго богатства Печоры	69
IV. ЛОВЪ ОСЕТРА ВЪ ОБИ	70
Предложеніе о введеніи улучшеннаго приготовленія икры и клея на Оби	71
V. ЗАКЛЮЧЕНІЕ	72
Перечень сдѣланныхъ въ первомъ отчетѣ предложеній къ улучшенію рыбной промышленности	73

ОТЧЕТЪ ВТОРОЙ.

I. КУБЕНСКОЕ ОЗЕРО	75
1. Породы живущихъ въ озерѣ рыбъ	76
2. Организація лова на Кубенскомъ озерѣ	78
Порядокъ рыболовства и способъ его производства	79
3. Ловъ молодаго подроста и его приготовленіе	80
4. Приблизительная оцѣнка годичнаго улова рыбы	82
5. Мѣры къ правильному устройству кубенскаго и вообще озернаго рыболовства	—
II. БОЙ МОРСКИХЪ ЗВѢРЕЙ У ВОСТОЧНЫХЪ БЕРЕГОВЪ БѢЛАГО МОРЯ	83
1. Породы морскихъ звѣрей, составляющихъ предметъ промысловъ	—
Періодическій ходъ лисуновъ изъ океана въ Бѣлое море и обратно, и нравы ихъ	84
2. Порядокъ, въ которомъ производится промыслы	85
а. Описаніе выволочнаго промысла	87
Дѣлежъ добычи на выволочномъ промыслѣ	88

	Стран.
b. Устьинскій промыселъ	89
Описаніе промысла	—
Дѣлежъ добычи	92
3. Доходъ, доставляемый промыслами промышленникамъ	—
4. Приготовленіе и сбытъ сала и кожъ	93
5. Количество добываемаго съ промысловъ сала	—
6. Мѣры, предлагаемыя къ улучшенію промысла морскихъ звѣрей	94
a. Возстановленіе прежняго устройства устьинскаго лова	95
b. Назначеніе срока для начала вывoločнаго промысла	—
c. Устройство сторожевыхъ башенъ на Зимнемъ берегу и на островѣ Сосновцѣ	96
d. Изслѣдованіе Чешской губы въ отношеніи къ звѣриной промышленности	97

ОТЧЕТЪ ТРЕТІЙ.

I. МУРМАНСКІЙ ПРОМЫСЕЛЪ	98
1. Породы рыбъ, составляющихъ предметъ мурманскаго промысла	—
a) Треска	—
Неисчерпаемость количества трески въ морѣ	99
Равномѣрность улововъ трески у Лофоденскихъ острововъ и измѣчивость ихъ у Мурманскаго и Финмаркенскаго береговъ	—
Метаніе икры трескою у нашихъ береговъ	100
Перечень годовъ по количествамъ улововъ	101
Причины измѣчивости въ уловахъ трески	—
b) Пикшуй или Тикшуй	102
c) Сайда	—
d) Палтусъ	103
e) Съѣдобныя, но не представляющія важности въ хозяйственномъ отношеніи рыбы	—
Рыбы, промыслаемыя для добыванія изъ нихъ жира	—
Рыбы, служащія наживкою	104
2. Способы лова и приготовленія рыбы, и сбытъ	—
Описаніе мурманской тресковой снасти — яруса	—
Польза допущенія безошлннаго ввоза англійскихъ крючковъ	105
Описаніе мурманскаго рыболовнаго судна — шняки	106
Польза замѣны шнякъ норвежскими елами	—
Ловъ наживки:	
a) песчанки	107
b) мойвы	—
c) морскихъ червей	108
Рыбный ловъ собственно и распредѣленіе занятій между работниками	—
Приготовленіе рыбы: соленіе и сушка	110
Теперешнее и возможное употребленія тресковыхъ головъ и внутренностей	111
Вытопка жира изъ тресковой печени	—
Запрещеніе продавать тресковый жиръ прямо изъ становищъ въ Норвегію и необходимость измѣненія таможенныхъ правилъ касательно этого предмета	112
Тресковые языки и вязига	113
Соленіе рыбы въ трюмахъ судовъ	—
Превосходство мурманской рыбы предъ привозимою изъ Норвегіи	—

	Стран.
Сбыть мурманской рыбы	114
Ловъ сайды	—
Ловъ акулъ	115
3. Организація промысла	116
а) Поморскіе промыслы	—
Различіе между поморскими и кольскими промыслами	—
Устройство поморской артели	—
Зимній переходъ покрутчиковъ изъ своихъ деревень въ становища	117
Описаніе и перечисленіе мурманскихъ становищъ	118
Помѣщеніе и пища покрутчиковъ	121
Распредѣленіе добычи между участниками въ промыслѣ	—
Расчетъ издержекъ и выгодъ хозяина	122
Способъ вознагражденія зувъ	124
Вліяніе на участь хозяина первыхъ годовъ по заведеніи имъ рыболовства	125
Оцѣнка справедливости распредѣленія добычи между предпринимателемъ, работникомъ и капиталистомъ	—
Учрежденіе банка въ Кеми	126
Сравненіе положенія мурманскаго покрутника съ иностранными и русскими земледѣльческими работниками	—
Положеніе покрутника при неудачномъ ловѣ	128
Отношеніе поморскихъ промышленниковъ къ лопарямъ	—
б) Кольскіе промыслы	130
Оцѣнка выгодъ кольскихъ рыболовствъ сравнительно съ поморскими	131
Отношенія кольскихъ промышленниковъ къ лопарямъ	132
Прежній ловъ сельдей въ Кольской губѣ	133
в) Китовый промыселъ	—
4. Торговля съ Норвегіей	135
Обоюдная выгодность ея для норвежскихъ крестьянъ и для поморовъ	—
Польза расширенія торговыхъ правъ крестьянъ и мѣщанъ бѣломорскаго побережья	137
Статистическія данныя о привозѣ нашихъ товаровъ въ Норвегію	138
Приблизительная оцѣнка количества рыбы, ловимой на Мурманскомъ берегу и вымѣниваемой въ Норвегіи	139
Неосновательность мнѣнія, о томъ, что будто бы мурманскій промыселъ упалъ въ сравненіи съ промысломъ прошедшаго столѣтія	140
II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ БѢЛОМОРСКИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ	143
1. Бѣлужій промыселъ	—
Естественно-историческія замѣчанія о бѣлугѣ	—
Способы бѣлужьяго лова	144
Упадокъ его въ настоящее время	—
Ловъ обметными неводами	145
Выборъ мѣстности	—
Карауленіе звѣрей	—
Приближеніе лодокъ къ стаду бѣлугъ	146
Обметываніе неводомъ	—
Сдвариваніе неводнаго круга	147
Бой бѣлугъ	—

	Стран.
Частыя неудачи промысла	147
Сниманіе кожи п сала и приготовленіе этихъ продуктовъ	—
Ловъ обметными неводами на Печорѣ	148
Ловъ переметами въ Кандалакскомъ заливѣ	—
Ловъ ставными сѣтями въ Сорочкой губѣ	149
Бой въ одиночку спицами и кутилами на Печорѣ	—
Случайный ловъ бѣдугъ, затираемыхъ льдами въ губахъ	—
2. Тюлений промыселъ на Терскомъ берегу	150
Условія мѣстности и привычки лысуновъ, на которыхъ основаны терскій и тетринскій промысла	—
Описаніе промысла	151
Раздѣлъ добычи	152
Выгоды, доставляемая промысломъ	—
3. Семожій ловъ на Терскомъ берегу	153
Ловъ въ Пялицѣ	—
Морской ловъ въ Понойскомъ обществѣ	—
Устройство забора и заборный ловъ въ р. Поноѣ	154
Ловъ гарвами и поѣздами передъ заборомъ	—
Сбытъ понойской семги	—
Притязанія понойцевъ на исключительное право лова въ р. Поноѣ	155
4. Рыбные и звѣринные промыслы Соловецкаго монастыря	—
Предметы соловецкихъ морскихъ промысловъ	—
Количество и цѣны соловецкихъ улововъ	156
Приготовленіе сельдей	—
Причина маловажности семожьяго промысла	—
Озерный ловъ на Соловецкомъ островѣ	—
III. НОВОЗЕМЕЛЬСКІЕ ПРОМЫСЛЫ	157
Періодическій характеръ новоземельскихъ промысловъ	—
Плохое состояніе судовъ, ходящихъ на Новую Землю	—
Наемъ работниковъ	158
Предметъ новоземельскихъ промысловъ	—
Ловъ нерпы прометами	—
Бой моржей	—
Цѣнность продуктовъ, доставляемыхъ моржами	159
Ловъ гольцовъ	160
Необыкновенное изобиліе гольцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ	—
Вторичный бой моржей	—
Зимовки на Новой Землѣ	161
Шпицбергенскіе промыслы	—
ЗАКЛЮЧЕНІЕ	—
Перечень сдѣланныхъ въ третьемъ отчетѣ предложеній къ улучшенію рыбной промышленности	162
ОТЧЕТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.	
НОРВЕГІЯ	164
Выгодность мѣстныхъ условій Норвежскаго берега для производства рыбной ловли	—

Сравненіе норвежскихъ улововъ съ каспійскими и причины, объясняющія необыкновенное изобиліе рыбы въ Каспійскомъ морѣ	165
Общее понятіе о норвежскихъ рыбныхъ промыслахъ и раздѣленіе ихъ по породамъ ловимыхъ рыбъ, времени и мѣстности лова	168
I. ЗИМНІЙ СЕЛДЯНОЙ ЛОВЪ (VAARSILDFISKERI)	169
Мнимая періодичность въ появленіи сельдей у береговъ Норвегіи	—
Раздѣленіе норвежскаго зимняго сельдянаго лова на три округа	170
Описаніе мѣстности южнаго округа	—
Ходъ сельдей и порядокъ, въ которомъ производится ловъ ихъ въ южномъ округѣ	171
Ходъ сельдей и порядокъ лова ихъ въ сѣверномъ округѣ	172
Ловъ сѣдмерскій	173
Причины установленія особливаго надзора надъ зимнимъ сельдянымъ рыболовствомъ	174
Описаніе производства зимняго сельдянаго лова	—
Ловъ ставными сѣтми	—
Неводной ловъ	175
Отношенія неводчиковъ другъ къ другу и къ ловцамъ ставными сѣтми и прочія подробности лова, обуславливающія собою необходимость установленія спеціальнаго надзора	176
Отсутствіе подобныхъ условій въ Россіи	177
Сравненіе выгоды лова сельдей неводами и ставными сѣтми	—
Польза введенія лова сельдей ставными сѣтми въ Бѣломъ морѣ и польза выписки для этого нѣсколькихъ норвежскихъ ловцовъ	178
Описаніе соленія и упаковки норвежскихъ сельдей	180
Почему норвежскія сельди лучше приготовляются, нежели бѣломорскія	182
Цѣны свѣжихъ сельдей во время норвежскаго зимняго сельдянаго лова	—
Издержки производства и продажная цѣна норвежскихъ зимнихъ сельдей	183
Количество улова и вывоза зимнихъ норвежскихъ сельдей	184
Опредѣленіе величины средняго пая, получаемаго норвежскими сельдяными ловцами	185
Сравненіе пая норвежскихъ сельдяныхъ ловцовъ съ паемъ нашихъ мурманскихъ покрутчиковъ	186
Примѣненіе результатовъ, извлеченныхъ экспедиціею изъ ея изслѣдованій надъ норвежскимъ сельдянымъ рыболовствомъ къ лову бѣшенки въ нижней Волгѣ	187
а) Польза отъ своевременнаго извѣщенія нашихъ волжскихъ промышленниковъ о результатахъ норвежскаго зимняго сельдянаго лова	—
б) Польза отъ введенія норвежскаго способа соленія сельдей на нижней Волгѣ	188
Причины неудачи ввести голландскій способъ соленія въ Россіи	—
Затруднительность введенія улучшеннаго способа соленія бѣшенки на нижней Волгѣ	191
Возможность этихъ улучшеній, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, чрезъ выписку нѣсколькихъ семействъ норвежскихъ сельдяныхъ промышленниковъ	—
Общее заключеніе	192
II. ЛОФОДЕНСКІЙ ТРЕСКОВЫЙ ЛОВЪ	193
Понятіе, соединяемое съ названіемъ Лофоденовъ, въ обще-географическомъ и административномъ смыслахъ	—
Мѣстность лофоденскаго лова	194
Причины издавна существующей спеціальной организаціи лофоденскаго лова и преимущества мѣстности его предъ всѣми сосѣдними	—
Раздѣленіе Лофоденовъ на восточные и западные; перечисленіе главнѣйшихъ лофоденскихъ становищъ	195

Общія черты исторіи лофоденскаго рыболовства; примѣнимость ихъ къ нѣкоторымъ изъ нашихъ рыболовныхъ условій	196
Время производства лофоденскаго лова	197
Распредѣленіе ловцовъ по становищамъ	—
Сравнительное участіе трехъ родовъ снастей, употребляемыхъ на Лофоденахъ.	—
Описаніе лофоденскихъ снастей:	
а) Ставныя сѣти	198
б) Яруса	—
Ночной и дневной ловъ ярусами	199
в) Ручныя удочки	—
Понятіе о густотѣ, въ которой разставляются снасти на Лофоденахъ	200
Исторія постепеннаго распространенія: сначала яруснаго, а потомъ сѣтнаго лова до 1816 года	201
Опроверженіе мысли, будто бы треска стала сосредоточиваться зимою у Лофоденовъ только съ половины XVIII столѣтія, а прежде гораздо равномѣрнѣе распредѣлялась вдоль норвежскихъ береговъ	203
Отношенія, образовавшіяся между ловцами и владѣльцами береговъ, и вліяніе ихъ на организацію лофоденскаго лова до 1816 года	205
Правила, установленныя для лофоденскаго лова въ 1816 году.	206
Разборъ вопроса о мнимомъ вредѣ ставныхъ сѣтей и необходимости чередованія въ употребленіи различныхъ снастей	207
Установленіе надзора и вообще законоположенія 1857 года, управляющія въ настоящее время лофоденскимъ ловомъ	208
Хозяйственное устройство и приготовленіе продуктовъ лофоденскаго лова	209
Цѣна продуктовъ лофоденскаго лова	210
Величина заработной платы, получаемой лофоденскими ловцами, и сравненіе ея съ паями мурманскихъ промышленниковъ	211
Выгодно ли русскимъ ходить за трескою на Лофодены?	—
Возможно ли предсказывать, каковъ будетъ мурманскій уловъ, смотря потому, жирна или худа была рыба на Лофоденахъ?	212
Разборъ достовѣрности свѣдѣній о степени жирности лофоденской рыбы, извлеченныхъ какъ изъ воспоминаній лофоденскихъ старожиловъ, такъ и изъ сравненія вывоза трески съ вывозомъ тресковаго жира изъ Норвегіи	213
Разборъ достовѣрности свѣдѣній, сообщенныхъ мурманскими промышленниками о степени уловистости послѣднихъ 30 лѣтъ	215
Сравненіе годовъ съ 1830 по 1860 по жирности рыбы на Лофоденахъ и по качествамъ улововъ на Мурманскомъ берегу	216
Причины, по которымъ невозможно принять тѣсную и непремѣнную связь между степенью жирности рыбы на Лофоденахъ — съ одной стороны и съ изобиліемъ улововъ на Мурманскомъ берегу съ другой.	217
Приготовленіе искусственнаго гуано и лекарственнаго тресковаго жира на Лофоденахъ.	218
Достоинство искусственнаго гуано	219
Матеріалы, обрабатываемыя въ искусственное гуано, и устройство фабрики.	—
Цѣна гуано; трудность введенія у насъ какъ приготовленія, такъ и употребленія его	220
Описаніе способа приготовленія лекарственнаго тресковаго жира и легкость введенія этого способа на Мурманскомъ берегу	221
Новый доводъ въ пользу дозволенія норвежскимъ судамъ заходить въ Мурманскія становища для закупки тамъ тресковаго жира и прочихъ продуктовъ	222

ОТЧЕТЪ ПЯТЫЙ.

Стран.

Права судохозяевъ въ норвежскихъ портахъ	224
Спеціальныя права русскихъ	—
Таможенныя правила въ Норвегіи	226
Важность уравненія правъ на безошлинный привозъ нашей соли съ иностранною	228

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Записка объ улучшеніи лова на Мурманскомъ берегу и о вызовѣ съ этою цѣлью г. Иордана	231
II. Заключенія: 1) о вызовѣ г. Иордана и 2) о колонизаціи Мотовской губы	237

ОТВЕТЪ НА ПИСЬМО

187
188
189
190
191

Ваше письмо от 10-го числа получено и прочтено. В нем вы сообщали, что вы желаете получить копию моего труда. Я с удовольствием исполню ваше желание и прилагаю к настоящему письму копию моего труда. Если вы желаете получить еще копии, то сообщите мне об этом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Задача эта является одной из важнейших задач в области математики. Она была поставлена в 18-м столетии и до сих пор не решена. Я прилагаю к настоящему письму копию моего труда, в котором я пытаюсь решить эту задачу. Если вы желаете получить еще копии, то сообщите мне об этом.

192
193

КАРТА РЫБНЫХЪ И ЗВѢРИНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изясненіе знаковъ и сокращеній:

- ⊙ ГОРОДЪ ГУБЕРНСКІЙ
- ⊙ УѢЗДНЫЙ
- ⊙ Монастырь
- ⊙ Крепость
- ⊙ Главное становленіе пром. заводовъ
- стѣнныя заборы
- — — — — расстояние между пунктами.
- Г — гуды
- ст — становлицы
- М — мисы
- Мон — монастырь
- Кр — крепость

РАЗДѢЛЕНІЕ НОРВЕГІИ
на Амты.

Амты (уѣзды)		Амты	
I.	Нордландскій	IX.	Листерскій и Мандалскій
II.	Финмаркенскій	X.	Неденскій
III.	Сѣвер. Дронгтеймскій	XI.	Брадебергскій
IV.	Южн. Дронгтеймскій	XII.	Гедемаркенскій
V.	Ромсдалскій	XIII.	Бускерудскій
VI.	Сѣвер. Бергенскій	XIV.	Ярльбергскій и Лаурвигскій
VII.	Южн. Бергенскій	XV.	Смоленесскій
VIII.	Ставангерскій	XVI.	Акергускій
XVII. Христианскій			

КАРТА
НОРВЕГІИ
съ подробнымъ показаніемъ
ЛОФОДЕНСКИХЪ и БЕРГЕНСКИХЪ
РЫБНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 Персеи миль

Изыясненіе знаковь.
+ означивше.

КОСМОГРАФИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

О ПОСЛУЖИВШИХ СЕБЕ ВЪ
РОССИИ

ТОМЪ. VI